

РУССКИЙ СБОРНИК

РУССКИЙ СБОРНИК

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

Редакторы-составители:
*О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров,
Брюс Мэннин, Пол Чейсти*

Том X

Москва
РЕГНУМ
2011

УДК 947(08)
ББК 63.3
Р89

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Ю. Бендин.</i> Российская империя и Католическая церковь: борьба за этническую идентичность белорусов Северо-Западного края (1863–1914)	7
<i>Агон Гарабедян.</i> Сотрудничество и совместные действия армянского и болгарского освободительных движений в конце XIX и начале XX века	67
<i>Джон У. Стейнберг.</i> Влияние Д. А. Милютина на образование русских военных офицеров	88
<i>Антти Куяла.</i> Японский Генеральный штаб и вопрос о согласованных антиправительственных действиях в Российской империи, 1904–1905	113
<i>Леонид Кацис.</i> О псевдонимах раннего Владимира Жаботинского в журнале «Освобождение» (1903–1905)	132
<i>О. Е. Алтеев.</i> На пути к Каннам. Планирование «похода в Восточную Пруссию» в штабе Варшавского военного округа (1872–1914)	183
<i>Е. Е. Юдин.</i> Городские владения князей Юсуповых в 1890–1914 гг.: традиции дворцовых резиденций и стратегия экономического прагматизма	261
<i>Татьяна Резвых.</i> «Слух узнаёт знакомого певца»: переписка С. Н. Дурылина и Е. П. Казанович (1928–1939)	277
<i>Мирослав Йованович.</i> Русский научный институт в Белграде (1928–1941): обзор организации и деятельности	336
<i>Александр Пученков.</i> «Историк» против Василия Шульгина: о фильме «Перед судом истории» Фридриха Эрмлера (1965)	361

Редактор *О. В. Эдельман*

РУССКИЙ СБОРНИК: Исследования по истории России / Ред.-сост.
О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс
Меннинг, Пол Чейсти. Том X. М.: РЕГНУМ, 2011

ISBN 978-5-905040-02-3

© Авторы статей
© С. Зиновьев, оформление серии

КРИТИКА:

<i>В. М. Муханов</i> . О бедном Кавказе замолвите слово: о творчестве Э. Х. Ибрагимовой	380
<i>Магдалена Адамска</i> : Гравированные и литографиро- ванные портреты из коллекции Ф. Ф. Вигеля (Польша) из собрания Научной библиотеки МГУ. М., 2008	408
<i>Е. В. Зименко</i> : Post scriptum	416
<i>О. Эдельман</i> : Ираклий Церетели. Впечатления детства / Сост. А. П. Ненароков. М., 2006	418
<i>А. Н. Мещеряков</i> : Я. А. Шулатов. На пути к сотрудничеству: российско-японские отношения в 1905–1914 гг. Хабаровск; М., 2008.	421
<i>Ф. А. Гайда</i> : И. В. Алексеева. Последнее десятилетие Российской империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте. 1907–1917 годы. М.; СПб., 2009	426
<i>В. А. Дмитриев</i> . В. В. Янцен. Неизвестный Чижевский. Обзор неопубликованных трудов. СПб., 2008	433
<i>М. А. Колеров</i> . К вопросу о достоверности статистики сталинских репрессий	437
Исторические сборники «Россия и реформы» (Москва, 1991–2002). Указатель содержания	456
Сведения об авторах	465
Свод содержания «Русских Сборников» (2004–2011, I–X).	467

А. Ю. БЕНДИН

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
И КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ:

БОРЬБА ЗА ЭТНИЧЕСКУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ
БЕЛОРУСОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ
(1863–1914)

**Идентичность Северо-Западного края
как проблема целостности Российской империи**

Польское восстание 1863 г. коренным образом изменило приоритеты религиозно-этнической и социокультурной политики российского правительства в Северо-Западном крае Российской империи. Основателем нового политического курса в этом регионе стал Виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев¹.

С точки зрения М. Н. Муравьева, политический вызов польской шляхты и католического духовенства, брошенный единству Российской империи в 1863 г., стал возможен потому, что представители этих привилегированных сословий использовали административные, корпоративные и образовательные структуры государства для своей социальной и этнической мобилизации. На практике это означало, что инокультурная, иноконфессиональная и политически нелояльная местная социальная элита являлась главным объектом выборочной, узкосословной модернизации, которую осуществляло российское правительство на западных окраинах вплоть до событий 1863 г.

Вызов польского этнического сепаратизма был не только политическим, но и социально-экономическим, культурным и религиозным, т. е. экспансионистским. Этот проект преследовал двоякую цель — интеграцию Северо-западного края в состав Царства Поль-

1. Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 166.

ского и аннексию этого региона у Российской империи. Поэтому ответ администрации М. Н. Муравьева приобретал адекватный характер, т. е. включал комплекс ассиметричных административных мер по социальной и этнической мобилизации православных белорусов. В ситуации, когда среди крестьянского населения преобладающей являлась традиционная, религиозная и сословно-локальная идентификация, необходимость конструирования русского этнического самосознания в славянской крестьянской среде начал рассматриваться в качестве императивной².

М. Н. Муравьевым была разработана система мер, которые в их совокупности можно определить как конкретную программу социально-экономической и культурной модернизации белорусского крестьянства. Содержание этой системы свидетельствовало о том, что имперская политика в этом регионе радикально меняет свои приоритеты. Прежние политико-стратегические задачи сохранения российского господства, реализация которых предусматривала компромиссные отношения с польской землевладельческой элитой и Римско-католической Церковью на основе сословной солидарности и принципов имперской веротерпимости, приобретали новое социально-этническое и конфессиональное измерение. Выбор, сделанный в пользу защиты интересов крестьянства и Православной церкви, определил новый вектор политической стратегии и тактики, которые были направлены на ускорение процессов интеграции белорусов в общерусское религиозно-культурное и этническое пространство.

В Северо-Западном крае польско-католическое меньшинство в лице дворянско-чиновничьей элиты по отношению к православно-крестьянскому белорусскому большинству выступало в качестве доминирующей группы. Эта группа, обладавшая высоким социальным статусом (права российского дворянства и городского сословия), представляла «старый» или «дворянский» народ, обладавший тысячелетней традицией государственности, имевший богатую историю и культуру, развитый литературный язык³.

Католицизм, имевший господствующий статус в ушедшей в прошлое Речи Посполитой, став в Российской империи «терпимой» конфессией, по-прежнему воспринимался крестьянским населением как польская, или «панская» вера.

В свою очередь местная католическая шляхта рассматривала «господствующую» Православную церковь не только в качестве

«схизмы», но и веры «хлопской»⁴, русской — то есть престолярной, имевшей низкий социокультурный статус. Совокупность данных обстоятельств наделяло польскую социальную элиту чувством специфического, религиозно-культурного, *шляхетского* превосходства над русскими вообще и белорусами в частности.

Для преодоления доминирующего положения польской культуры с ее высокоразвитым литературным языком, народное образование (светское и церковное), по проекту графа Н. М. Муравьева, должно было строиться на основе изучения русского и церковнославянского языков. Русский в качестве языка обучения и преподавания не вытеснял локальный белорусский в качестве автохтонного наречия, но служил средством социальной мобильности белорусов как язык общеимперской и общерусской коммуникации, то есть выступал как инструмент этнической и социальной модернизации белорусского населения. Церковнославянский язык изучался как богослужебный язык Русской Церкви. Белорусское наречие оставалось средством локальной коммуникации в крестьянской среде. В условиях, когда на территории Северо-Западного края противостояли друг другу два главных проекта этнического строительства — русский и польский, конкурентоспособным и социально престижным по отношению к польскому языку мог быть только язык русский. Он изучался и распространялся не только как язык государственный, но и как социально престижный язык развитой дворянской культуры. Издание польскими революционерами латинским шрифтом книг для народа, альтернативных русской учебной и просветительской литературе, заставляло администрацию рассматривать эту практику как акцию политически оппозиционную. Публикация таких книг была запрещена. Однако следует особо подчеркнуть, что официального запрета на издание белорусской литературы на *кириллице* никогда не существовало⁵.

К середине 60-х годов вся система народного образования в Северо-Западном крае по инициативе М. Н. Муравьева была коренным образом перестроена. Русский язык, в качестве языка преподавания стал господствующим на всех ступенях школьного обучения. Польский язык был полностью устранен из школы и как предмет изучения, и как язык преподавания Закона Божьего для учащихся-католиков⁶. С этого времени обязательным языком из-

2. Подробнее см: Бендин А. Ю. Граф М. Н. Муравьев Виленский и национальное пробуждение белорусского народа в 60-е гг. XIX в. // Исторический поиск Беларуси: альманах / Сост. А. Ю. Бендин. Минск, 2006. С. 53–77.

3. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — нач. XX вв.). Т. 1. СПб., 1999. С. 40–41; Каппелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. С. 177.

4. Национальный исторический архив Беларуси (далее: НИАБ). Ф. 1430. Оп. 1. Д. 46935. Л. 4 об.

5. Русское дело на окраинах / Сборник статей, разъясняющих польское дело в Северо-Западном крае. Выпуск II. Сост. С. В. Шолкович. Вильна, 1887. С. 447; Сталюнас Д. Границы в пограничье: белорусы и этнолингвистическая политика Российской империи на западных границах в период великих реформ // *Ab imperio*. 2003. № 1. С. 261–292.

6. Бабин В. Г. Государственная образовательная политика в Западных губерниях во второй половине XIX начале XX в. // Власть, общество и реформы

учения Закона Божьего, преподаваемого ксендзами-законоучителями для местных католиков, становился язык русский⁷.

Указанные меры должны были служить практическим подтверждением решения Западного комитета 1864 г. о том, что «Северо-Западный край является русским, составляющим древнее достояние России»⁸. В области народного образования, принципы М. Н. Муравьёва применительно к содержанию учебно-воспитательного процесса, сформулировал попечитель Виленского учебного округа И. Н. Корнилов. «Русская пропаганда, действующая через школы, церкви, администрацию, делает своё дело; она возбуждает в массах ясное сознание и убеждение, что здешний край — исконно русский, что здесь колыбель русского государства и Православия, что если губернии около Москвы называются великой Россией, то здешние губернии имеют полное право называться первоначально древнею Россией. ... Поэтому, все меры, клонящиеся к восстановлению древнего Православия, к восстановлению в народе сознания о его русском происхождении и коренном Православии, конечно сильнее, прочнее и действительнее всяких мер, полицейских и военных...

Белорус мало-помалу перестаёт быть быдлом, работающим безответно на пана и жида. Русский язык и русская вера перестают называться холопскими; русского языка не стыдятся, как прежде, а польским не щеголяют... Русское образование сильнее русского штыка»⁹.

Политика «этнического предпринимательства»¹⁰, начатая правительством по инициативе М. Н. Муравьёва, имела долгосрочную перспективу. Она ставила своей целью утверждение импер-

в России (XVI- начало XX в.): Материалы научно-теоретической конференции 8–10 декабря 2003 г. СПб., 2004. С. 205–206.

7. Согласно российскому законодательству, «детям, принадлежащим к Римско-Католическому вероисповеданию, Закон Божий преподается их законоучителями на русском языке. В течение первого года обучения, в случае необходимости, может быть, при обучении этому предмету допущено употребление местного наречия (жмудского, литовского, латышского и немецкого)» (Свод Законов Российской империи. Т. 11. Ч. 1. СПб., 1893. Ст. 3549).
8. Литовский государственный исторический архив (далее: ЛГИА). Ф. 378. Оп. 1864. Д. 2096. Л. 3.
9. Корнилов И. П. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьёвскую эпоху. Издание второе, проверенное и доп. Вып. первый. СПб., 1908. С. 218–219, 280–281.
10. О том, что ключевую роль в конструировании этничности играет политика этнического предпринимательства, т. е. мобилизация членов этнической группы на коллективные действия со стороны лидеров, которые преследуют политические цели, а не выражают культурную идеологию группы или «волю народа», писал В. А. Тишков. См: Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 107.

ского представления о том, что принадлежность к «русской народности», (термин, употребляемые в официальных документах) в отношении белорусов означала этническую общность с двухуровневой самоидентификацией: «я — белорус, и я — русский». Учитывая применяемый в то время конфессиональный критерий русскости, самоидентификация усложнялась: «я — православный, я — белорус, и я — русский».

Однако инициированный правительством процесс системного обрусения края столкнулся с рядом препятствий. Так отсутствие правовых условий для легального изучения языка, используемого для чтения молитв и понимания католического богослужения (богословская и нравственная сущность которого разъяснялась по-польски), и проповедей в костеле, неизбежно вызывало необходимость организации тайного начального обучения. Такое обучение становилось инструментом противодействия политике системного обрусения края. Эта политика предусматривала формирование этнической идентичности белорусов-католиков как «русской народности» на основе усвоения русского языка и основ русской культуры. Упорство, с которым католическое духовенство, опираясь на местное дворянство и шляхту, защищало польский язык в костеле, отвергая языки местные — русский, белорусский, литовский, приводило к формированию католических приходов в качестве религиозных общностей с разной степенью польской этнической идентичности. Более отчетливой она была в Виленской, Гродненской и Минской губерниях, и менее отчетливой в Могилевской и Витебской. Польский язык в дополнительном богослужении Католической церкви становился инструментом этнической мобилизации прихожан. Сплочения приходов происходило не только на религиозной, но и на формируемой духовенством, дворянством и шляхтой иноэтничной основе. Тем самым, колонизируемое католическое население переживало процесс не только религиозного, но и этнического обособления от своих этнически родственных православных соседей — белорусов и малороссов. Католическое духовенство и светские этнические активисты стремились к тому, чтобы белорусская паства идентифицировала себя по принципу: «я — католик, значит, я — поляк». Аналогичные процессы колонизации происходили и среди литовцев.

Если для дворянства, шляхты и интеллигенции польская культура и католическая вера составляли вполне органичное целое, то иная ситуация складывалась в отношении белорусских крестьян-католиков. Правительственный запрет на польское религиозное образование в этой среде привел к появлению ряда проблем. Эта мера повлекла за собой ряд негативных последствий не только для местного католичества, но и для самого правительства и «господствующей» Церкви. Отсутствие легальной системы религиозного образования и воспитания своей крестьянской паствы духо-

венство могло компенсировать и компенсировало на практике усилением душепастырского служения и пропагандой религиозной исключительности Католической церкви. Русскому языку и культуре противопоставлялась не столько польская культура, сколько католицизм, не свободный от проявлений религиозного экстремизма. В результате, возникало такое явление как низовая активность прихожан, проявлявших фанатическую решимость отстаивать свою католическую идентичность в неблагоприятных административно-правовых и культурных условиях. Так как принадлежность к Церкви в этот период представляла собой способ этнического самоопределения мирян, проявлением такой решимости стала нелегальная практика обучения польскому языку и молитвам. Противодействуя проявлениям религиозной нетерпимости и попыткам политизации религии со стороны католического духовенства, правительство столкнулось со сложной задачей, в которой самым тесным образом переплелись проблемы этнические с проблемами религиозными.

Процесс появления и функционирование тайных школ, в которых дети обучались польскому языку и католическим молитвам, не мог рассматриваться правительством иначе как вопрос *политический*, так как тайные школы служили альтернативой школам министерским и церковноприходским, продолжая неприемлемый для российского государства процесс колонизации белорусского населения¹¹. Но в силу тесной связи местного католицизма с польской религиозной традицией, этот этнолингвистический вопрос, оцениваемый в качестве политического, и в силу этого решаемый с помощью административных взысканий, приобретал несвойственное ему значение ограничения «свободы веры».

Что же касается системы народного просвещения в Северо-Западном крае империи, то, несмотря на некоторые изменения, призванные смягчить религиозно-этнические противоречия среди учащихся, в конце XIX — начале XX вв. она продолжала функционировать на принципах, сформулированных М. Н. Муравьевым после подавления польского восстания 1863 г.

На торжественном открытии в Вильно 8 ноября 1898 г. памятника графу М. Н. Муравьеву, попечитель Виленского учебного округа Н. А. Сергиевский, подтверждая сохранение преемственности политики в сфере народного образования, заявил: «Он (М. Н. Муравьев) явился в нашу истинно русскую Западную окраину с ясным убеждением, что это есть именно Русская земля, что, следовательно, тут место господства православной веры, русского государственного самодержавия, что служение этому краю должно происходить на основе спокойного и твердого сознания национального русского достоинства. Великая и плодотворная деятельность

11. НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 1922. Л. 11 об.

графа М. Н. Муравьева, обновившая все стороны жизни Западного края и разработавшая путь для нормального дальнейшего его развития, не могла не коснуться такого жизненно важного фактора, как народное образование, и своим характером бесповоротно определила принципы для местной школы. Я счастлив засвидетельствовать, что все учебные заведения Виленского округа развиваются в духе заветов М. Н. Муравьева»¹².

Конфликт между администрацией и католическим епископатам по поводу определения «природного» языка учащихся-католиков.

Издавая 17 апреля 1905 г. указ «Об устранении стеснений в области религии и укреплении начал веротерпимости», правительство рассчитывало на достижение баланса интересов правительства и Римско-католической церкви, включая и такую конфликтогенную сферу, как система народного просвещения¹³. Пункт 14 указа гласил: «Во всякого рода учебных заведениях, в случае преподавания в них закона Божия инославных христианских исповеданий, таковое ведется на природном языке учащихся, причем преподавание это должно быть поручаемо духовным лицам подлежащего исповедания и, только при отсутствии их, светским учителям того же исповедания»¹⁴.

Затем 1 мая 1905 г. последовал указ «Об отмене некоторых ограничительных постановлений, действующих в девяти западных губерниях, и о порядке выполнения пункта 7 именного указа 12 декабря 1904 г. в отношении сих губерний». Пунктом шестым этого указа допускалось «преподавание литовского и польского языков в учебных заведениях края с программами начальных двухклассных и городских училищ, а также в среднеучебных заведениях в тех местностях, где большинство учащихся принадлежит к литовской или польской народности»¹⁵.

Новые законы частично демонтировали систему административно-правовых ограничений религиозно-языкового характера, созданную М. Н. Муравьевым и законодательными установлениями

12. Циркуляр по Виленскому учебному округу за 1899 год. Вильна, 1899. С. 37.

13. Подробнее см: Бендин А. Ю. Религиозно-этнические противоречия и конфликты на территории Северо-Западного края Российской империи (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Русский Сборник: Исследования по истории России / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов и др. Т. VIII. М., 2010. С. 59–94.

14. Именной высочайший указ правительствующему Сенату. 17 апреля 1905 г. Об укреплении начал веротерпимости // Законодательные акты переходного времени 1904–1908 гг. Издание 3-е, пересмотренное и доп. по 1 сентября 1908 г. / Под ред. Н. И. Лазаревского. СПб., 1909. С. 36.

15. Там же. С. 53–54.

ми для пресечения польско-католической экспансии в Северо-Западном крае. Теперь империя предлагала своим католическим подданным право изучения основ вероучения на этнических языках. В многолетнюю политику обрусения края вносился ряд существенных перемен, благоприятных для развития местных этнических культур и языков, прежде всего польского и литовского. Поэтому перемены в языковой и вероисповедной политике, последовавшие практически одновременно, вызвали одобрение местного католического населения. В общем содержании благодарственных телеграмм, поступавших на имя императора от католиков Виленской епархии, упоминался и указ 1 мая, восстанавливавший права польского и литовского языков в сфере народного образования и разрешавший крестьянам-католикам приобретать землю в девяти западных губерниях¹⁶.

В преддверии нового учебного года 22 августа Виленский римско-католический епископ Эдуард фон Ропп издал циркулярное распоряжение для духовенства епархии. Настаивая на собственной интерпретации п. 14 указа 17 апреля 1905 г., епископ предписывал законоучителям Виленской епархии: «Изучать детям мотивы катехизиса, священную и церковную историю в училищах на том наречии, на котором дети молятся дома, т. е. на польском или литовском языках. Причем для детей, говорящих по-белорусски, допускается в первоначальных училищах по мере надобности, объяснение обучаемого на белорусском наречии». В случае возникновения конфликтов ксендзов с училищным начальством, епископ рекомендовал им удалиться из училищ и, основываясь на указе, организовать по мере возможности внешкольное обучение детей закону Божьему¹⁷.

То есть, по сути, епископ Эдуард призывал к бойкоту государственных школ в том случае, если их руководство станет противиться действиям ксендзов, выполняющих его каноническую волю. Епископ был уверен, что право устанавливать способы обучения закону Божьему в государственной школе, принадлежи только ему, в силу воспринятой им епископской власти. По мнению А. А. Станкевича, управляющего канцелярией Виленского генерал-губернатора, циркуляр фон Роппа — «это путь к созданию собственных школ при костелах и вне их, т. е. отдача всего начального образования народа Северо-Западного края в польско-католический конфессионал»¹⁸.

Комментарий А. А. Станкевича нуждается в уточнении. Дело в том, что указ 17 апреля не содержал никаких указаний на право

16. ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2803. Л. 2, 12, 20.

17. ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2811. Л. 93.

18. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 821. Оп. 10. Д. 201. Л. 22.

настоятелей костелов открывать начальные школы для прихожан. В российском законодательстве продолжали оставаться в силе те правовые нормы об открытии частных училищ, которые действовали и до указа 17 апреля. Следовательно, путь организации внешкольного обучения детей закону Божьему, предлагаемый фон Роппом для подведомственного ему духовенства, носил противоправный характер. Лица, открывавшие школы без соблюдения требований законодательства, подлежали ответственности на основании закона 3 апреля 1892 г. о преследовании недозволенного обучения¹⁹.

Стремление епископа навязать свое каноническое решение российской светской школе можно расценивать как явление политического характера. Способ определения «природного языка» учащихся, который фон Ропп предлагал духовенству, маркером этничности называл язык молитвы. На практике такой критерий этничности традиционно служил инструментом колонизации белорусского и малорусского населения Северо-Западного края. Об этом, в частности, свидетельствовала многолетняя история «располячения костела». После издания папского декрета 11 июля 1877 г. польский язык был объявлен эксклюзивным языком дополнительного богослужения Католической церкви для славянского населения Западного края. Этот декрет продолжал действовать и после издания указа 17 апреля 1905 г. Жесткое увязывание епископом требований декрета 11 июля 1877 г. с критериями определения «природного» языка учащихся, заводи́ли решение проблемы в тупик, так как в данном случае разногласия между МНП и фон Роппом не подлежали практическому преодолению.

Предупреждая ксендзов и родителей о необходимости защищать, под страхом церковного наказания, своих детей от влияния лиц, вносящих в школу антиправительственную «политику и внешкольные стремления», сам фон Ропп на практике превращал государственную школу в инструмент польской этнической политики. Католические законоучители, действовавшие на основе его циркуляров, становились этническими активистами, содействующими процессам колонизации учащихся, не принадлежавших к этническим полякам.

Разумеется, что такого сугубо церковного способа определения «природного языка» школьников руководство Виленского учебного округа не приняло. Как не приняло оно и юридически неправомерное распоряжение управляющего Могилевской римско-католической архиепархией прелата Денисевича от 25 августа 1905 г. Содержание циркуляра прелата практически совпадало с распоряжением фон Роппа от 22 августа. «Природным языком учащихся при преподавании закона Божия — утверждал Денисевич — счита-

19. ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2810. Л. 16–17.

ется язык, на котором они читают свои повседневные молитвы; поэтому предварительно приступления к преподаванию, законоучителю следует ознакомиться путем расспроса учащихся, на каком языке они молятся; на этом именно языке должно вестись преподавание закона Божьего»²⁰.

Несколько позже, анализируя деятельность католического епископата, МВД отмечало: «Право преподавания Закона Божия на природном языке учащихся католическая иерархия обратила в орудие полонизации молодежи. Начальники трех римско-католических епархий, в коих значительную часть прихожан составляют лица русской народности (белорусы и малороссы), издали циркуляры с разъяснением, что природным языком является язык молитвы»²¹.

В своих действиях попечитель Виленского учебного округа В. А. Попов исходил из того, что при определении природного языка учащихся следует пользоваться тем же критерием, который применялся при осуществлении первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Этим критерием был светский, называющий родным или «природным» языком тот, которым учащиеся пользовались в семье. С этой точки зрения в государственной школе при преподавании католического закона Божьего должны быть представлены все основные языки народностей, населявших Западно-Русский край²².

Иной подход предусматривали введенные в действие канонические распоряжения католического епископата. Религиозный критерий определения языка преподавания, на котором настаивало руководство епархий, не соотносился с реальным этническим составом католического населения. Например, по данным первой всеобщей переписи 1897 г. в Виленской губернии насчитывалось 935 849 католиков. Из них русских (великороссов, малороссов и белорусов) насчитывалось 526 361 (56,2 %), поляков — 129 223 (13 %). Для католиков, принадлежащих к этнической группе русских, обязательным языком повседневной молитвы был польский. Следовательно, по мнению епархиального католического начальства, для учащихся русского происхождения на этом же языке должен преподаваться и закон Божий. Такой подход с катехизаторской точки зрения представлялся вполне оправданным и даже необходимым, тем более, что исключительным языком дополнительного богослужения и молитвы служил польский, подтвержденный папским декретом от 11 июля 1877 г. Но при этом языки, которые католики — великороссы, малороссы и белорусы, называли «родными» при переписи 1897 г., католическое духовенство практически игнорировало. Пойти навстречу требованиям канонического права в этом вопро-

20. ЛГИА. Ф. 567. Оп. 12. Д. 6385. Л. 52.

21. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 150. Л. 3.

22. ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2811. Л. 44 об.

се означало бы не только нарушение требований указа 17 апреля. Неизбежно возникал вопрос о целесообразности предыдущей политики государства, которое, начиная с реформ М. Н. Муравьева, систематически препятствовало полонизации белорусов, малороссов и латышей на территории Северо-Западного края и белорусских губерний²³.

В новых правовых условиях этот основной вектор этнической политики Российской империи в Северо-Западном крае должен был претерпеть известные изменения. Об этом писал П. А. Столыпину в августе 1906 г. генерал-губернатор К. Ф. Кршвицкий. Он обращал внимание министра внутренних дел на то, что: «Усилившиеся в последнее время стремления местной Римско-католической церкви выступить на путь борьбы и прозелитизма на почве польского национального движения, вполне основательны и требуют со стороны правительства принятия определённых и твердых мер, способствующих введению местного населения в круг общих задач и интересов Русского государства. С этой целью необходимо дать правильное руководство пробуждающемуся к сознательной жизни народностей литовской и белорусской и помогать их здоровому росту»²⁴.

К. Ф. Кршвицкий предлагал П. А. Столыпину политику поощрения «здорового этнонационализма» белорусов и литовцев в качестве своего рода противовеса польскому этническому национализму, претендовавшему на политическое, культурное и религиозное доминирование в Северо-Западном крае. Адаптация положений указа 17 апреля к религиозно-этническим особенностям края должна была стать одним из инструментов такой политики. Однако этому препятствовала позиция, занятая Виленским епископом фон Роппом и прелатом Денисевичем, которые настаивая на каноническом истолковании указа, пытались посредством государственной школы ускорить процессы формирования польского этнического самосознания русского населения Литвы и Белоруссии.

Разрастание конфликта вокруг языка преподавания католического Закона Божьего в народных училищах

Правовой выход из конфликта, возникшего между религиозной и светской интерпретацией пункта 14 указа о веротерпимости, объявлено было, согласно Положению Комитета Министров от 17 апреля 1905 г., предложить министерство народного просвещения. Собрав и проанализировав мнения попечителей учебных округов,

23. ЛГИА. Политическое отделение. Ф. 378. Оп. 1864. Д. 2096. Л. 3–5; Ф. 378.

Оп. 1869. Д. 66. Л. 48–49; НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1671. Л. 58.

24. ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1906. Д. 412. Л. 3.

ученый комитет МНП подготовил проект временных правил о преподавании закона Божьего инославных христианских исповеданий на природном языке учащихся, который был согласован с министерством внутренних дел. Одновременно решением МНП были отменены все распоряжения министерства, которые противоречили пункту 14 указа о веротерпимости²⁵.

22 февраля 1906 г. временные правила «О преподавании Закона Божия инославных христианских исповеданий и порядке наблюдения духовных лиц за преподаванием сего предмета в учебных заведениях ведомства народного просвещения» были утверждены министром народного просвещения И. Толстым. Согласно правилам на территории империи:

...2) Обучение закону Божию инославных исповеданий производится на родном языке учащихся, определяемом письменным заявлением родителей или опекунов учащегося.

3) Если учащиеся одного и того же исповедания, желающие обучаться закону Божию, принадлежат к разным народностям, то они разделяются в отношении родного языка на несколько групп, и преподавание вводится прежде всего для большинства; затем, по мере возможности, организуется преподавание закона Божия на всех прочих языках, для прочих групп учащихся. При невозможности же сего, с согласия родителей и опекунов, допускается введение преподавания на одном известном всем учащимся данных групп языке, например, русском, белорусском и пр., причем несколько групп могут быть соединяемы в одну...

6) Преподавание производится по программам и учебникам, одобренным подлежащей духовной властью соответственного исповедания и допущенным к употреблению министерством народного просвещения.

7) Преподавание поручается духовным лицам соответствующего исповедания, и только при отсутствии их, светским учителям того же исповедания...

8) Законоучителя инославных исповеданий приглашаются с правом голоса в заседания педагогических советов для участия в суждениях совета по вопросам, касающимся как учеников, обучающихся у них закону Божию, так и самого преподавания означенного предмета.

9) Вознаграждения законоучителей инославных исповеданий производится в размерах, определяемых местными учебно-окружными начальствами, из специальных средств заведений, исполняемых суммами государственного казначейства, где таковые ассигнованы²⁶.

25. ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2811. Л. 130.

26. Циркуляр по Виленскому учебному округу за 1906 г. Вильна, 1906. С. 122–123.

Временные правила 22 февраля 1906 г. конкретизировали положения пункта 14 указа о веротерпимости и пункта 6 указа от 1 мая. Вопрос о выборе языка преподавания закона Божьего был выведен из непосредственного ведения католического духовенства и предоставлен решению родителей и опекунов учащихся. Правила 22 февраля не могли устранить влияние этнически ангажированных приходских ксендзов на языковой выбор родителей, принадлежавших к их пастве. Но они давали возможность школьной администрации требовать применения светского, принятого в переписи 1897 г., способа определения «природного» языка учащихся. Вместе с тем увеличивалась степень участия законоучителей в учебно-воспитательном процессе. Были решены и вопросы материального вознаграждения инославного духовенства, преподававшего в учебных заведениях империи. Одним словом, с известным запозданием был разработан и утвержден единый для всей империи механизм правоприменения вышеупомянутых указов, призванный реализовать религиозные права инославных христиан на обучение закону Божию на этнических языках, в объеме, предусмотренном законом.

Ещё раньше, в начале 1905–1906 учебного года в учебных заведениях Виленского округа было разрешено преподавание польского и литовского языков в качестве необязательного предмета. Затем в октябре того же года был отменен запрет на употребление польского языка в стенах учебных заведений округа. В народных училищах тех уездов Виленской и Гродненской губерний, где польское и особенно литовское население было немногочисленно, языком преподавания католического Закона Божьего для белорусов и малороссов оставался, как правило, язык русский²⁷.

Однако предпринятые МНП меры по адаптации положений вышеупомянутых указов к условиям Северо-Западного края и белорусских губерний не утраивали римско-католическую иерархию и духовенство, которые пытались навязать требования церковных циркуляров в государственной школе. Это недовольство русской государственной школой особенно рельефно выразилось в пастырском послании епископа фон Роппа от 29 сентября 1906 г. Обращаясь к римско-католическому населению Виленской епархии, епископ внушал своей пастве: «Казенные школы нам ничего не дают: учителя не наши, „не тутейшие“, всегда не нашей веры, часто совершенно неверующие и детей ваших делают неверующими. И я не могу советовать вам посылать ваших детей в казенные школы, пока школы эти таковы, какими были поныне. Если в них ходит ксендз, то я не воспреещаю посылать в них детей, но не советую и не приказываю. Даст Бог обстоятельства изменяться и школа станет лучшей. До тех же пор учите детей по домам, как кто может, и усердно посылайте их в костел, к ксендзу или к лицам

27. Циркуляр по Виленскому учебному округу за 1905 г. Вильна, 1905. С. 371, 395.

набожным, которые учат детей, и это не только до первой исповеди и причастия, но и далее, как только можно продолжительней... Детей нужно учить читать и писать, требуется знать язык русский, который нам сплошь бывает надобен, но нужна также учиться чтению и письму на том языке, на котором печатаются римско-католические молитвенники, например, как у нас по-польски, или по-литовски... Нас преследуют! Что же делать! Потерпим ещё, и даст Господь, преследование окончится, и можно будет свободно учить детей, как нам нужно и как единственно будет хорошо не только для детей, но и для всего государства»²⁸.

Идеи, изложенные в этом послании, являлись, по сути, повторением положений партийной программы Конституционно-католической партии, основанной фон Роппом в феврале и запрещенной в марте 1906 г. В этой программе, носившей популистско-клерикальный характер, выставлялось также и требование создания народной школы: «С учителями нашей народности и нашей веры, с подобающим положением в школе наших священников, и с отделением школы христианской от нехристианской»²⁹.

Предлагаемый партией фон Роппа проект преобразования народного просвещения ставил своей целью создание школы, сегрегированной по религиозно-этническому принципу. Послание фон Роппа вновь предлагало католикам епархии в качестве программы действий сегрегацию учащихся, религиозно-этническое обособление и архаизацию начального образования. Указывая на генетическую связь этих документов можно в целом охарактеризовать их в качестве проекта, содержащего под социально популистской оболочкой идеи разделительного клерикального трайбализма. Направленные на усиление власти католического духовенства и сегрегацию российского общества по религиозно-этническому принципу, они противоречили общему направлению интегративной образовательной политики правительства, направленной на преодоление религиозно-этнических противоречий и модернизацию Северо-Западного края.

Издание этого послания вызвало негативную реакцию у генерал-губернатора К. Ф. Кршвицкого. Он дважды, в октябре и ноябре 1906 г. обращался к П. А. Столыпину с просьбой об увольнении фон Роппа с Виленской кафедры, «необходимом для спокойствия края». Однако положительной реакции на его просьбу не последовало³⁰.

Анализируя действия фон Роппа, полковник А. Г. Загряжский в своей записке «О мерах борьбы с тайным обучением в Северо-За-

28. Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1907. № 16. С. 327.

29. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 102. Оп. 236. Д. 59. Л. 3.

30. ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1907. Д. 359. Л. 53.

падном крае» обратил внимание на последовательный характер действий епископа: «Посланием этим окончательно рекомендовалось верным католикам озаботиться организацией внешкольного обучения детей, так как правительственные школы, очевидно, основным требованиям польско-католической идеи удовлетворить не могли...

Дело дискредитирования в глазах населения правительственной школы, таким образом, велось постепенно и систематично: сначала скептически-враждебное отношение Роппа к работе межведомственной комиссии в Вильно, затем циркуляр 22 августа 1905 г., стоящий в связи с частью программы Конституционно-католической партии, которая трактовала о школьном вопросе и, наконец, третья часть послания 29 сентября 1906 года, коим правительственные школы низводились на ступень учреждений абсолютно бесполезных, если не вредных для истинного католика-поляка»³¹.

Послание епископа Эдуарда с призывом бойкотировать государственную начальную школу получило практическое воплощение. Римско-католическое духовенство Виленской епархии при богослужениях и в частных беседах начало открыто призывать прихожан не допускать своих детей к посещению сельских народных училищ. Наиболее ревностные этнические активисты из ксендзов называли государственную школу «московской», и внушали прихожанам, что «все католики как поляки, должны учиться по-польски и в польских школах, а не в московских». В местах, где католики-белорусы по-прежнему посылали своих детей в народные училища, ксендзами применялись более строгие меры церковного воздействия. Например, ксендзы угрожали не принимать к исповеди, как родителей, так и детей, посещающих русские государственные школы. Были случаи, когда ксендзы прогоняли идущих в училище учеников-католиков домой, а родителей-ослушников заставляли лежать в костеле «крыжем»³².

31. ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1911. Д. 45. Л. 237; В главе о просвещении Конституционно-католической партии фон Роппа, говорилось: «Народная бесплатная школа должна быть на родном языке, с обязательным преподаванием закона Божия, с признанием государственного языка, с учителями нашей народности и нашей веры, с подобающим положением в школе наших священников, и с отделением школы христианской, от нехристианской» (См: ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 395. Л. 76). А. А. Станкевич, критикуя эту католическую программу, писал: «Вступая, таким образом, в борьбу с современной постановкой начальной государственной школы в крае и признавая желательность её национализации, партия в тоже время замыкает начальное образование в границы строго католического обучения, не допуская даже в школу учителя-некатолика, иными словами — ставит ребром вопрос о замене государственной начальной школы — школой католического прихода» (См: Станкевич А. Католическая церковь в современном движении русского общества. Вильна, 1906. С. 6).

32. ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1909. Д. 174. Л. 3.

Яркими примерами негативного отношения ксендзов к «природному» русскому и белорусскому языку учащихся-белорусов, стали действия ксендза М. Саросека, настоятеля Росского костела. Он отказался преподавать закон Божий на белорусском языке, так как для него он был «чужд». Ксендз уведомил фон Роппа, что в случае, если дирекция народного училища воспретит преподавать закон Божий на польском языке, он будет вынужден «воспретить детям посещать школу». Епископ фон Ропп благословил ксендза Саросека на запрещение родителям посылать в школу детей, если администрация будет препятствовать преподаванию закона Божьего на польском языке³³.

Сокольский декан Антоний Подгайло заявил учебному начальству, что преподавать закон Божий на русском языке учащимся-белорусам он отказывается из принципа, и, войдя в раж, заявил директору народного училища: «Внушать ученикам, что они белорусы, Вы не имеете права, если Вы это себе позволите, то узнаете, что значит иметь дело с ксендзом; я подниму небо и землю, готов погибнуть, но поставлю на своем»³⁴.

В противовес фон Роппу, примером прагматического и вместе с тем сугубо церковного подхода к решению вопросов религиозного обучения детей-католиков в государственной школе Ковенской губернии являются действия епископа Тельшевского Мечислава Паллюлиона. Администрация Виленского учебного округа предоставила епископу информацию, из которой следовало, что ксендзы-законоучители «крайне неаккуратно посещают уроки Закона Божьего в училищах», а часть из них «вовсе не посещают училищ». Реакция епископа была жесткой. 5 декабря 1906 г. Паллюлион обратился к духовенству епархии с посланием, в котором заявил, что: «Такое отношение законоучителей к преподаванию Закона Божьего в училищах не может быть терпимо... В течение двух трех лет школьного обучения ревностный законоучитель может наставить учащихся детей в догматических и нравственных истинах веры и дать им опору и руководящие начала для дальнейшей их жизни. Школьное упущение в деле религиозно-нравственного воспитания в нынешних наших условиях невозможно сравнить с систематическим обучением Закону Божьему в школе»³⁵.

Однако сугубо церковный путь решения проблемы религиозного образования и воспитания учащихся-католиков в рамках систематического государственного образования не устраивал епископа фон Роппа, Он предпочел бросить прямой политический вызов правительству, демонстрируя силу духовной власти католическо-

33. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 157. Л. 150.

34. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 167. Л. 13.

35. ЛГИА. Ф. 696. Оп. 2. Д. 448. Л. 13.

го духовенства. Однако жертвами политизации церковного служения стали учащиеся-католики, которых принудили к отказу от посещения народных училищ. Эти учащиеся должны были теперь ориентироваться на незаконные и примитивные формы начального обучения в тайных польских школах. Попытка объединить разрываемое этническими противоречиями духовенство и паству своей епархии путем бойкота государственной школы оказалась не самым удачным политическим ходом для дальнейшей церковной карьеры этого епископа.

Русский язык в дополнительном католическом богослужении: новая попытка его введения после указа 17 апреля 1905 г.

В начавшемся после издания указа 17 апреля 1905 г. противостоянии с государством, позиции сторонников доминирования польского католической традиции в костеле, казалось, будут вот-вот поколебленными, причем, в своей канонической, дисциплинарной основе. В событиях, связанных с судьбой решения о русском языке в дополнительном богослужении, сыграли свою роль дипломатические усилия российского правительства. История событий такова.

Товарищ обер-прокурора Святейшего Синода В. К. Саблер при обсуждении Комитетом Министров мер по борьбе с «пропагандой полонизма, действующей под видом проповеди католицизма», внес предложение. По его мнению, пропаганда полонизма в значительной степени потеряла бы шансы на успех среди проживающих в пределах Западного края и Польши непольских народностей, если бы оказалось возможным ввести дополнительное католическое богослужение на русском языке. По признанию Комитета, такая практика, вводимая на западных окраинах империи с конца 60-х гг. была впоследствии признана министром внутренних дел Д. А. Толстым «вредной» для политики обрусения края.

Тем не менее, Комитет заключил, «что осуществление мысли о допущении местных языков в дополнительное богослужение, при признании оной заслуживающей одобрение, должно принадлежать инициативе министра внутренних дел»³⁶. Особый журнал Комите-

36. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 267. Л. 51–52. 25 декабря 1869 г. император Александр II издал указ, предоставлявший легальную возможность для введения русского языка в дополнительное католическое богослужение. (В него входят элементы богослужения не канонические, а обиходные — проповеди, катехизация, совершение таинств, всевозможные гимны и песнопения). С помощью этого указа предполагалось осуществить обрусение костела, и остановить тем самым полонизацию белорусов-католиков. Однако практика правоприменения указа вызвала сопротивление со стороны католической иерархии, духовенства и мирян. За сохранение польского языка

та Министров, зафиксировавший это решение, был утвержден императором 13 мая 1905 г.

На этом основании, министр внутренних дел П. Н. Дурново в июне 1905 г. потребовал от администрации Западно-Русского края предоставить информацию о том, «в какой мере, по местным условиям, признается желательным и возможным введение в римско-католическое богослужение местных наречий в целях разобщения католицизма от полонизма. Насколько означенная мера совпадает с желанием самого населения, и в каких именно приходах вверенной вам губернии, в соответствии с племенным составом оных, применение сей меры призналось бы целесообразным»³⁷. В свою очередь местные губернаторы сделали аналогичные запросы православным архиереям.

В результате, в МВД в октябре 1905 г. поступила следующая информация. В Минской губернии, по мнению губернатора П. Г. Курлова следовало допустить дополнительное богослужение на белорусском наречии в костелах Минского, Бобруйского, Новогрудского, Слуцкого, Игуменского и Борисовского уездов. В костелах Пинского, Мозырского и Речицкого уездов таким языком мог стать язык малороссийский. В городских костелах предполагалось сохранить богослужение на латинском языке. Однако в целом отношение П. Г. Курлова к предложению МВД о «разобщении католицизма от полонизма», было довольно скептическое. Он писал, что: «Исходя из того совершенно определенного факта, что население Минской губернии есть коренное русское, богослужение на местных наречиях является само по себе весьма желательным. Но при том фанатизме ксендзов, которые пользуются каждым удобным случаем для пропаганды полонизма, вряд ли эта мера приведет в этом смысле к каким-либо результатам, так как прививать польские идеи можно на каком угодно наречии»³⁸.

У П. Г. Курлова были основания для политического пессимизма. Соглашение от 3 апреля 1897 г. в губернии практически не выполнялось. Несколько позднее, в июле 1906 г. минский губернатор уведомил МВД, что «в последнее время замечается отступление от сего соглашения, ибо в некоторых римско-католических церквях богослужение совершается на польском языке»³⁹.

Более оптимистично смотрел на эту проблему витебский губернатор Б. Б. Гершау-Флотов. Он признавал «весьма желательным» вве-

в костелах Северо-Западного края выступила Римская курия. В результате правительство с помощью указов 3 апреля 1897 г. и 12 ноября 1901 г. вынуждено было отказаться от политики замены польского языка русским в дополнительном католическом богослужении.

37. НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7597. Л. 1.

38. НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7597. Л. 23.

39. НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1671. Л. 281.

дение в дополнительное римско-католическое богослужение белорусского и латышского наречий. При этом губернатор ссылаясь на уже существующий порядок приходской жизни, при котором ксендзы, в зависимости от этнического состава прихожан, произносили проповеди на латышском, польском или белорусском наречии⁴⁰.

Что же касается администрации Северо-Западного края, то генерал-губернатор А. А. Фрезе ещё в марте 1905 г. высказал МВД свое мнение о необходимости скорейшего введения дополнительного богослужения на белорусском языке в римско-католических приходах с белорусским населением⁴¹.

Более обстоятельную, концептуально осмысленную позицию в вопросе о новых приоритетах в национальной политике империи в этом регионе, изложил Виленский генерал-губернатор К. Ф. Кршвицкий. В письме к П. А. Столыпину, написанном в августе 1906 г., генерал-губернатор высказал свое мнение по поводу статьи «Литвины и польско-католическое влияние», опубликованной в газете «Новое время» 3 июня 1906 г.

К. Ф. Кршвицкий утверждал, что «расположение Римско-католической церкви является в Северо-Западном крае насущной современной задачей», так как «назначение духовных начальств из польской народности уже издавна превратило Римскую церковь в надежное орудие полонизации и сделало эту церковь синонимом польской народности». Соглашаясь с автором статьи о нарастании в последнее время полонизаторских усилий Католической церкви в отношении литовцев и белорусов, генерал-губернатор отмечал рост этнического самосознания литовцев. Он указывал на такие явления, как акции массового протеста католиков-литовцев против полонизаторской политики фон Роппа. Выказывая уверенность в том, что процесс ополячения литовцев идет на убыль, К. Ф. Кршвицкий обратил внимание министра на сложности, связанные с формированием этнического сознания белорусов. «Находя допущение полонизации белорусского племени великим грехом перед русским народом, я считаю, — писал Кршвицкий — что правительству в настоящее время... надлежит содействовать пробуждению творческих сил белорусского племени путём открытия на местах низших школ с преподавательским белорусским языком, созданием кадров убеждённых и бескорыстных священнослужителей из местного населения»⁴².

Общий вывод, к которому пришел генерал-губернатор, отличался взвешенностью и прагматизмом. Тем самым К. Ф. Кршвицкий подтвердил общность своего политического видения с идеями, высказанными в свое время генерал-губернатором П. Д. Свя-

40. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 46935. Л. 7–8.

41. ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1906. Д. 412. Л. 5.

42. Там же. Л. 5.

тополк-Мирским: «В польско-русской борьбе в Литве и Белоруссии у центральной государственной власти, кроме мер культурного характера, в настоящее время, по моему мнению, нет никакой возможности ни помочь, ни помешать какой-либо из сторон. Всякое внешнее угнетение польского элемента, глубоко несправедливое и противное русскому чувству, само по себе, как доказано опытом, приводит к прямо противоположным результатам, усиливая гонимый элемент и нравственно обессиливая покровительствуемый. Поэтому, признавая осуществление национальных требований польской народности в пределах её этнографического распространения справедливым, правительство должно всеми культурными мерами пробуждать национальное осознание в Белоруссии и сохранить белорусов для восприятия русской культуры»⁴³.

Несколько позже, в мае 1907 г. в письме к П. А. Столыпину генерал-губернатор ещё раз обратил внимание главы правительства на особенности религиозно-этнического и политического противостояния в крае. При этом генерал-губернатор обращал внимание премьер-министра на ту опасность для целостности империи, которую представляла ирредента, т. е. движение поляков Северо-Западного края за воссоединение с соотечественниками в Царстве Польском. Характеристикам, которые К. Ф. Кршвицкий даёт основным этническим группам, нельзя отказать в объективности: «Польская национальность, отмечающаяся своей изумительной устойчивостью и силой сопротивления всякой попытке денационализации, не отказалась и ещё долго не откажется от мысли видеть в Литве и Белоруссии составную часть Царства Польского, где её интересам должны быть предпочтены чуждым ей общеимперским интересам. Действующая в этом направлении по лозунгам из Варшавы и Львова польская партия в крае очень сильна тем, что она состоит из богатых и влиятельных помещиков, в экономической зависимости от которых находятся мелкие землевладельцы и крестьянская масса...

Национальность белорусская, сплошь почти крестьянская, находится ещё в состоянии первого пробуждения. Глухое пассивное сопротивление, которое оказывал белорус польскому натиску, когда он проявлялся путем открытого насилия, сменилось полузабвением своего исторического многострадального прошлого, лишь только этот натиск сменился незаметным влиянием католической пропаганды, чувствовавшей себя тем сильнее, чем сложнее и запутанней становилась экономическая зависимость крестьянина белоруса от помещика поляка. Рука об руку с католицизмом шли полонизаторские тенденции, к счастью не успевшие ещё окончательно изгнать из сознания коренной массы населения смутного представления о её связи с великим русским народом»⁴⁴. Мнение гене-

43. ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1906. Д. 412. Л. 4 об.

44. ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1903. Д. 583. Л. 54.

рал-губернатора о необходимости пробуждения этнического самосознания белорусов оказали воздействие на политику правительства П. А. Столыпина.

П. А. Столыпин высказался в поддержку предложения Кршвицкого о скорейшем «введении русского или белорусского языка в дополнительное римско-католическое богослужение». В этой связи департамент духовных дел МВД уведомлял Кршвицкого о том, что ранее деятельность правительства в этом направлении встречала серьёзные затруднения ввиду наложенного декретом Конгрегации священных обрядов от 11 июля 1877 г. запрета на употребление русского языка в упомянутом богослужении. Однако сейчас, — сообщал департамент — ситуация начала меняться. МВД, после получения информации с мест, признало целесообразным мнение Комитета Министров о допущении местных языков в римско-католическое богослужение. В связи с этим правительство начало переговоры с римской курией об отмене постановления Конгрегации. 21 апреля Папскому престолу была направлена нота, в которой были изложены взгляды правительства по вопросу об употреблении русского языка в дополнительном богослужении, который считался запрещенным по декрету св. Оффиции 11 июля 1877 г.

Правительство обратило внимание Папы на то, что с изданием указа 17 апреля все подданные империи получили право свободно осуществлять выбор веры. Теперь, — говорилось в ноте — «было бы справедливым и необходимым позаботиться о нуждах верных, говорящих на русском языке, которые захотели бы вступить в Католическую церковь и позволить им употреблять родной язык в дополнительном богослужении»⁴⁵.

К указанному моменту, — сообщал департамент — Римская курия уже выразила принципиальное согласие на признание за русским языком одинаковых прав со всеми прочими наречиями, употребляемыми в римско-католическом богослужении в пределах Российской империи⁴⁶.

Казалось, что усилия, предпринятые правительством, увенчались успехом, что на этот раз в интересах расширения прав российских католиков, Папа Пий X пойдет на существенные уступки в вопросе о языке дополнительного богослужения. Папское решение было опубликовано в циркуляре статс-секретаря кардинала Мерри-дель Валя 13 октября 1906 г. В нем говорилось: «Апостольский престол, постоянно заботясь о благе душ и будучи бдительнейшим стражем достойных уважения преданий, во все времена имел обыкновение снисходить к тому, чтобы в так называемом дополнительном богослужении (т. е. в проповеди Слова Божьего, катехизации, обряде венчания, а равно и других вопросов при совер-

45. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1067. Л. 1.

46. ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1906. Д. 412. Л. 8.

шении крещения и при обряде венчания, а равно и других обрядах в этом роде) каждому народу было дозволено употреблять свой природный язык (*vernaculam linguam*)»⁴⁷.

Таким образом, св. Престол предоставлял право католикам Российской империи молиться каждому на своем языке. И этот природный язык определялся как язык семейного общения (*vernaculam linguam*). На первых порах и правительство, и администрация Северо-Западного края испытывали уверенность в том, что точка зрения Российской империи и Римской курии на то, какой язык следует считать «природным», оказались едиными. Возникла уверенность, что государственный и канонический подходы к решению этого вопроса, наконец, совпали, и новым Папским декретом отменялось решение Верховной конгрегации священных обрядов от 11 июля 1877 г. для непольских народов России. Тем самым польский язык утрачивал свое исключительное право на употребление в костелах империи в дополнительном богослужении.

Комментируя прежний отрицательный ответ Конгрегации на употребление русского языка, св. Престол отмечал: «Но, в сущности, если упомянутый ответ и в ту пору отнюдь не запрещал русским католикам (если бы таковые существовали тогда) употребление своего языка в так называемом дополнительном богослужении, то тем более нельзя предположить, что таковое запрещение имеет силу в настоящее время, когда теперь русским позволено исповедовать католическую веру»⁴⁸.

Известный просветитель, исследователь и деятель русского движения в крае А. В. Белецкий, анализирувавший содержание декрета 13 октября 1906 г., не мог удержаться от восклицания: «Драгоценные слова! Да ведь *они*, эти русские католики, были тогда и их было очень много в России... А тысячи-то белорусов и тысячи малороссов католиков, разве это поляки? Вы видите опять, что в течение последних 30 лет католическая иерархия совершенно незаконно, с точки зрения Рима, заставляла русских людей, исповедующих католичество, молиться по-польски»⁴⁹.

В этой связи можно было оптимистично добавить, что папское решение о природном языке дополнительного богослужения лишило бы канонической основы и циркуляры епархиального начальства о языке преподавания закона Божьего в народных училищах.

47. Папский декрет 13 октября 1906 г. по вопросу о введении русского языка в дополнительное р-католическое богослужение // Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1907. № 1. С. 13.

48. Папский декрет 13 октября 1906 г. по вопросу о введении русского языка в дополнительное р-католическое богослужение // Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1907. № 1. С. 13.

49. Белецкий А. В. Как Папа Римский решил вопрос о языке дополнительного богослужения в римско-католических костелах России // Виленский календарь на 1908 г. Вильна, 1908. С. 47–48.

Теперь эти циркуляры, как это и предусматривал указ 17 апреля, могли бы сохранять свою обязательную каноническую силу только по отношению к учащимся-полякам.

«Св. Престол — говорилось далее в декрете — не препятствует тому, чтобы ответы при совершении крещения или при обряде венчания русскими восприемниками или русскими брачующимися давались на русском языке. Что же касается проповеди слова Божьего, катехизации, молитв, церковных песнопений, то пусть употребляется вообще тот язык, который является собственным языком большей части жителей или, по крайней мере, той группы верующих, для которой, собственно, предназначен известный храм»⁵⁰.

Завершая анализ декрета 13 октября 1906 г., А. В. Белецкий с известной долей оптимизма утверждал: «Но глава Римско-католической церкви сказал свое веское слово и этим словом навсегда, надеемся, разрушена фикция, что единственным языком для употребления в римско-католических костелах, при дополнительном богослужении, может быть только польский язык. Слово Папы с течением времени будет делаться известным все более и более и белорусскому католическому населению, и едва ли есть возможность сомневаться в том, что само это население потребует введения в костелах белорусского языка»⁵¹.

Папский декрет, вышедший к началу бойкота народной школы, стал «решительной неожиданностью» для римско-католического духовенства Российской империи, в том числе и для епископа фон Роппа, который только по прибытии в Рим узнал о состоявшемся постановлении Апостольского престола. Местная польская пресса продемонстрировала «крайнее недовольство» решением Папы. Kurjer Litewski назвал его изданным не вовремя и не к стати. Газеты «Край» и Kurjer Litewski высказывали опасения, что российское правительство воспользуется декретом Папы для введения в костелы «исключительно русского языка». Виленский губернатор Д. Н. Любимов писал о «дружном взрыве негодования и испуга», который раздался с газетных столбцов польской прессы, местной, варшавской и зарубежной, «лишь только нависли одни угрозы возможной замены в белорусском костеле польского языка русским»⁵².

Правительство, ведя переговоры с Апостольским престолом, не ограничивалось только судьбой русского языка в костелах Западной России. Предметом обсуждения стали также и переводы не только на русский, но и на все местные языки (белорусское и малороссийское наречия), входящих в дополнительное богослужение.

50. Папский декрет 13 октября 1906 г. по вопросу о введении русского языка в дополнительное р-католическое богослужение // Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1907. № 1. С. 13–14.

51. Белецкий А. В. Указ. соч. С. 54.

52. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1067. Л. 23 об.

жение молитв и песнопений, а также катехизиса, с тем, чтобы эти переводы, после одобрения в Риме, использовались народами, принадлежащими к Римско-католической церкви⁵³.

Однако растерянность католического духовенства и польской общественности, вызванная выходом папского декрета 13 октября 1906 г. длилась недолго. Свидетельством этого стали дальнейшие действия епископа фон Роппа. Генерал-губернатор К. Ф. Кршивицкий, действуя в русле соглашения с Римом о допущении русского языка в дополнительное богослужение, в конце 1906 г. попросил епископа назначить своего представителя во вневедомственную комиссию, учрежденную администрацией в составе А. А. Станкевича, попечителя Виленского учебного округа Б. Вольфа, чинов ведомства МНП и Виленской археографической комиссии. Задача комиссии заключалась в обсуждении вопроса о переводе католических богослужебных книг на русский язык и местное белорусское наречие. От епископа требовалось также сообщить, какие молитвы и песнопения, употребляемые в римско-католическом богослужении, следовало перевести на русский язык и белорусское наречие в первую очередь. Речь шла также и о переводе катехизиса с указанием на то, с какого текста — польского или латинского должен был осуществляться перевод. К. Ф. Кршивицкий уведомлял фон Роппа, что перевод катехизиса будет представлен епископу для просмотра и утверждения, а только затем направлен в Рим для одобрения Папским престолом⁵⁴.

Однако фон Ропп ответил генерал-губернатору, что послание кардинала Мерри-дель Валя нисколько не отменяет запретительного определения Конгрегации 11 июля 1877 г. и таковое он считает для себя донныне обязательным. Поэтому совершенно незачем собирать комиссию, хотя бы и самую благонамеренную, в которую послать представителя он не считает себя вправе. Епископ заявил, что употребление белорусского языка в костеле ему представляется возможным только в будущем и то лишь при условии обучения молодежи в католической школе и католическими учителями⁵⁵.

Попытки правительства привлечь фон Роппа к процессу формирования белорусского этнического самосознания в костеле не увенчались успехом. По словам А. А. Станкевича: «Так, прикрываясь высоким призванием носителя Божьей благодати, Виленский епископ клал решительную преграду в решении вопроса о дополнительном богослужении в белорусских приходах. И делал это вполне сознательно, учитывая, какую ценность, не столько для Католиче-

53. Белецкий А. В. Как Папа Римский решил вопрос о языке дополнительного богослужения в римско-католических костелах России // Виленский календарь на 1908 г. Вильна, 1908. С. 46.

54. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1067. Л. 15–16.

55. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 201. Л. 20 об.

ской церкви, сколько для польской национальной идеи представляют два с лишком миллиона темного инертного белорусского народа, который пока, при безапелляционном влиянии ксендза, определяет себя по костелу а, следовательно, и по костельному языку. Католик — значит поляк»⁵⁶.

По поводу отношения епископа к этническому самосознанию своей белорусской паствы будет уместно привести слова М. А. Лозина-Лозинского, производившего в 1911 г. ревизию дел Виленской римско-католической консистории: «Не признавая за белорусским населением края ни его национальности, ни языка, римско-католическое духовенство обладает, однако умением привлекать в лоно своей Церкви это население... Литовцев и даже немногочисленных в его епархии латышей фон Ропп удостоивал обращения на их языке. Но к многочисленной белорусской пастве своей, той самой которую он увеличил в числе, не стесняясь никакими нарушениями закона и Высочайшего интереса, он ни разу не обратился, ни на её местном наречии, ни на русском государственном языке»⁵⁷.

Поневоле возникает вопрос, так что же, фон Ропп действительно послушался декрета 13 октября и нарушил каноническую дисциплину, лишив тем самым белорусов, дарованного им Папой права использовать свой «природный» язык в костеле? Ничуть не бывало. Наоборот, он и на этот раз в споре с правительством проявил твердость в последовательном отстаивании приоритета канонического права своей Церкви. Дело в том, что фон Ропп не лукавил. Как выяснилось позднее, декрет 13 октября 1906 г. отнюдь не отменял силу ответа св. Оффиции 11 июля 1877 г. Это оказалось неприятным сюрпризом для российского правительства. И поднес этот сюрприз кардинал Мерри-дель Валь.

14 марта 1907 г. папский статс-секретарь направил ноту российскому правительству. В ней кардинал писал, что «не без изумления» увидел в официальной газете правительства (Вечернее прибавление Правительственного вестника 23 декабря / 5 января 1907 г. стр. 1) объявление, что действием декрета 13 октября 1906 г.: «По настоянию Русского правительства *отменяется* распоряжение Конгрегации св. Оффиции от 11 июля 1877 г. Между тем... — подчеркивал статс-секретарь — упомянутый декрет остается полнейшим образом в силе, и как ныне русским, в настоящем смысле слова, или великороссам, даровано справедливо употребление русского языка в дополнительном богослужении, точно также остается запрещенным для поляков и других народов, некогда подвластных Царству Польскому, замена польского языка русским»⁵⁸.

56. Там же. Л. 21.

57. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 157. Л. 29, 141 об.

58. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1067. Л. 1 об.

Вот теперь окончательно выяснилось, что действие декрета от 13 октября 1906 г. распространялось только на приходы, которые будут состоять из великороссов, перешедших, как сказано в Послании Ватикана, «с Божьей помощью», из православия в католичество⁵⁹. Для белорусов и малороссов, «некогда подвластных Царству Польскому», обязательным языком дополнительного богослужения по-прежнему оставался язык польский. В сущности, своим решением о русском языке дополнительного богослужения Ватикан подготовил для себя необходимую каноническую основу для формирования католической миссии в центральной России. И такая последовала незамедлительно⁶⁰.

Тем самым папские дипломаты преподали российскому правительству хороший урок практической политики, показавший, насколько наивным был расчет на то, что Рим способен уступить России в принципиальном для него вопросе введения русского языка в костелах на территории бывшей Речи Посполитой. Признавая промахи российской дипломатии, министр внутренних дел Н. А. Маклаков не без горечи констатировал: «Римская курия, конечно, всегда была бы в силах направить деятельность р-к духовенства в России в соответствии с видами императорского правительства, заинтересованного только в том, чтобы р-к священники ограничивались религиозными заботами среди одного лишь католического населения, не стремясь к прозелитизму и не пользуясь религией для достижения политических целей.

К сожалению, приходится констатировать, что за все время, истекшее с момента установления сношений России с Римом, существенные уступки при переговорах делались лишь императорским правительством Ватикану... Те же немногочисленные уступки, на которые шел Ватикан, или являлись подтверждением мер, уже осуществленных государством, или имели совершенно второстепенное значение, или носили только внешний характер уступки, как указанный выше пример допущения русского языка в дополнительное богослужение»⁶¹.

Папский престол ещё раз наглядно продемонстрировал российскому правительству, что он не собирается, в ответ на указ о ве-

59. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 150. Л. 3.

60. В сентябре 1913 г. министр внутренних дел Н. А. Маклаков докладывал Николаю II о том, что: За последние годы в Санкт-Петербурге по инициативе Ватикана, где ещё в 1905 г. на тайных совещаниях выработывались плановые способы использования смуты в России для распространения католицизма, наблюдается усиленное, систематическое стремление многочисленных, враждебных православию и русским государственным идеалам католических орденов организаций проникать, явными и тайными, зачастую весьма сложными, с виду вполне легальными, приемами, в пределы империи». См. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 131. Л. 53.

61. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 150. Л. 14.

ротерпимости и встречные шаги в области государственного контроля за католическими семинариями, даровать католикам-белорусам западных губерний реальную возможность пользоваться при дополнительном богослужении их «природным» русским и белорусским языком. Заблокировав положительное решение о русском языке для белорусов и малороссов в костелах Западного края, Рим по-прежнему сохранял каноническую основу для перманентного конфликта между духовенством и администрацией по поводу употребления «природного» языка в государственной школе⁶².

Как отмечал В. П. Гайдук: «Понтификат Пия X оказался трудным временем российско-ватиканских отношений. Именно к тем годам относится появление суждений о России как о *gubernium diabolicum* — „царстве дьявола“, оживление прежней нетерпимости в отношении православия вообще, и Русской православной церкви, в частности»⁶³.

Правительство отдавало себе ясный отчет в том, что вопрос о языке преподавания закона Божьего в школе находится в неразрывной связи вопросом о языке дополнительного богослужения в костелах, прихожане которых (белорусы и малороссы) принадлежали к «русской народности». Это прекрасно понимали католические иерархи и в Риме, и в Санкт-Петербурге и в Вильно. Если бы правительству удалось добиться введения в костелах русского или белорусского языка, то тем самым вопрос о преподавании закона Божьего на «природном» языке учащихся мог бы разрешиться в соответствии с нормой указа о веротерпимости. Решение этой церковно-лингвистической проблемы осмысливалось МВД с точки

62. В этой связи стоит обратить внимание на особую «национальную» оптику, которую применяет белорусский исследователь А. Ф. Смоленчук при рассмотрении вопросов об отношениях епископа фон Роппа, российского правительства и Римской курии к указанным церковно-лингвистическим вопросам. Приобретенная идейная зоркость позволила Смоленчику узреть то, что было дотоле незримым для других исследователей. Оказывается, у фон Роппа были не только «добрые отношения к белорусскому языку», но и «положительные для белорусского языка действия». К вящему удивлению читателя, выясняется, что «царское правительство пыталось ввести в костельное богослужение русский язык, прикрываясь при этом языком белорусским (курсив мой — А. Б.)». Что же касается оценки решений Римской курии, то нас ждет ещё более удивительное открытие. Читателя вполне серьёзно пытаются убедить, что «Ватикан никогда не отождествлял католицизм и польскость на Беларуси и в Литве». См: Аляксандр Смалянчук. Біскуп Эдвард Роп // Беларускі гістарычны часопіс. 1994. № 3. С. 108–112. В этой ситуации остается только посоветовать А. Ф. Смоленчику, сменить свою «национальную» оптику на научную методологию, необходимую для объективного осмысления исторических фактов.

63. Гайдук В. П. Диалог России с Ватиканом на рубеже XIX–XX вв. Россия и Ватикан в конце XIX — первой трети XX века. Материалы коллоквиума, состоявшегося в Москве 23–24 июня 1998 года. Под ред. Е. С. Токаревой и А. В. Юдина. М., 2003. С. 103–14.

зрения достижения одной из главных целей российской политики в этом регионе. «Так как введение русского языка в дополнительное богослужение послужило бы надежнейшим средством для прекращения дальнейшей полонизации русского населения, то осуществление этой меры и должно бы составить главнейшую заботу императорского правительства»⁶⁴.

Увольнение епископа Эдуарда фон Роппа с Виленской кафедры

Однако и безотносительно позиции Рима, поддерживаемой в Ватикане польским церковным лобби, у правительства были серьезные основания испытывать серьезное недовольство, как церковной, так и внецерковной деятельностью виленского епископа. Применяемые им неправомерные методы введения клерикального «двоевластия» в сферу народного просвещения, стали для правительства ещё одним свидетельством в пользу того, что епископ фон Ропп использует дарованные ему монархом властные полномочия в ущерб государственным интересам. По мнению производившего в 1911 г. ревизию епархиального управления М. А. Любич-Ярмолович Лозина-Лозинского: «Действуя в качестве церковной римско-католической власти, барон Ропп сыграл в польскую политику: отнял у белорусов высочайше дарованное им право обучения закона Божия на природном их языке, заменив его польским на том лишь основании, что польские ксендзы обучили белорусов молитвам на польском языке, как на природном языке Польской церкви. Уступка литовскому языку была лишь тактическим приемом барона Роппа на почве выборов в Государственную Думу»⁶⁵.

Подлили масло в огонь и откровения фон Роппа в отношении православного населения, с которыми он выступил в газете «La croix». Вот что он сообщал французским католикам о перспективах унии в России: «Если бы католические миссионеры, вполне поняв российскую душу, посвятили бы себя бесповоротно славянскому ритуалу и понесли начала христианской жизни в российское крестьянство, то и 20 не прошло бы лет, как большая часть России сделалась бы католической. Я не утверждаю, что это покорение обошлось бы без кровопролития, ибо слишком много накопилось предрассудков, с которыми выступили бы противники такого мероприятия, но победа была бы верной»⁶⁶.

Слова фон Роппа позволили ещё раз пролить свет на его истинное отношение к православию. Как видно, этого архиепископа со-

64. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 150. Л. 8 об.

65. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 157. Л. 29 об.

66. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 201. Л. 22 об.

вершенно не смущали кровь и насилие, как неизбежные последствия католического прозелитизма, именуемого им как «несение начал христианской жизни» в православное российское крестьянство, каковое христианским он и не считал вовсе. Невольно возникает вопрос, от имени какого Бога выступал фон Ропп. От имени христианского Бога любви и милосердия или иного, требующего жертв и принуждения. Вот как описывал психологию христиан подобных фон Роппу католический философ Г. Марсель: «Если я проявляю агрессию, это неизбежно будет иметь последствия... Я действую вопреки собственным интересам, стремясь удовлетворить собственную жажду прозелитизма; или, если говорить более серьёзно, я являюсь служителем Бога, требующего жертв, единственная цель которого — покорять и поработать. И именно здесь мы и встречаем ужасное предательство по отношению ко всему предыдущему: я навязываю человеку, которого стремлю обратить в свою веру, неподобающий образ Бога, истолкователем которого я, по собственному утверждению, являюсь»⁶⁷.

Фон Ропп являлся «истолкователем» Бога ещё и по высокой церковной должности, и критическая богословская рефлексия, относительно своих действий, которую предлагал Г. Марсель, была явно не характерна для этого католического архиепископа.

Впервые предложение об увольнении фон Роппа с Виленской кафедры и переводе его в одну из удаленных от Северо-Западного края епархий, высказал в марте 1906 г. министру внутренних дел П. Н. Дурново генерал-губернатор К. Ф. Кршвицкий. Он полагал, что указанная мера явилась бы «наиболее действительным средством» лишения барона Роппа возможности заниматься политикой, имея в виду организацию епископом Конституционно-католической партии. Однако новый министр внутренних дел П. А. Столыпин в июне 1906 г. отклонил предложение генерал-губернатора.

П. А. Столыпин, считал, что вопрос об увольнении епископа фон Роппа утратил в это время свою актуальность, так как центр политической борьбы переместился в Государственную Думу, «... а влияние отдельных местных партий едва ли может быть настолько сильно, чтобы с ним приходилось считаться правительству»⁶⁸.

К тому же правительство учло то обстоятельство, что сам епископ, «выразил глубокое сожаление о том, что выступил в качестве инициатора конституционно-католической партии». Трудно сказать, насколько искренним было покаяние этого незадачливого политика, в трудный для правительства час выдвигавшего требования передачи управления Северо-Западным краем «в опытные

67. Права человека и религия. Хрестоматия / Сост. и науч. ред. игумен В. Новик. М., 2001. С. 27.

68. ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 395. Л. 118.

и честные руки, в случае дальнейшей дезорганизации и окончательной потери авторитета существующими должностными лицами»⁶⁹. Подобные безответственные заявления играли, безусловно, провокационную роль. Они только осложняли положение администрации, которая в трудных условиях нарастающего революционного насилия и общественного хаоса боролась за сохранения законности, правопорядка и безопасности граждан. Призыв к передаче государственной власти группе местных польских деятелей подрывал авторитет государственной власти в глазах местного населения и не мог не способствовать нарастанию революционной анархии в конце 1905 — начале 1906 гг.⁷⁰

То, что фон Ропп откровенно вводил правительство в заблуждение, не оставалось для последнего тайной. О двуличном поведении этого епископа генерал-губернатор К. Ф. Кршвицкий поставил в известность министра П. Н. Дурново: «Барон Ропп, сообщивший мне ранее об устранении себя от руководства этой партией и вмешательстве в её дела, выступил в печати с известным вам увещанием своей паствы свято хранить в сердцах заветы партии и проводить их в жизнь»⁷¹. Тем не менее, «глубокое сожаление» по поводу содеянного, высказанное фон Роппом генерал-губернатору К. Ф. Кршвицкому, было принято правительством во внимание

Однако последовавшее затем упорное нежелание епископа действовать в рамках законности и государственной дисциплины вынудило правительство согласиться с мнением К. Ф. Кршвицкого о перемещении фон Роппа на другую кафедру. В январе 1907 г. принятое МВД решение о переводе епископа Эдуарда с Виленской кафедры в Келецкую было одобрено императором. Об этом решении была уведомена и Римская курия. В ответ фон Ропп «решительно» отказался выполнить требования императорского правительства. В свою очередь Папский престол «не считал себя вправе настаивать на принятии бароном Роппом указанного предложения»⁷².

Столкнувшись с очередным неповиновением епископа, П. А. Столыпин в докладе императору высказал предложение об увольнении его с Виленской кафедры, не лишая, впрочем, последнего права выбора другой кафедры. На основании доклада последовало высо-

69. Там же. Л. 113 об.

70. Так, виленская городская дума, состоявшая «исключительно из польского элемента», должна была стать исполнителем программы Конституционно-католической партии. В этой думе неоднократно поднимался вопрос о прекращении финансирования полиции из городского бюджета. И это делалось в то время, когда террористы из еврейских левых организаций дестабилизировали ситуацию в городе и войска залпами вынуждены были разгонять разбушевавшиеся толпы. См.: ГАРФ. Ф. 192. Оп. 236. Д. 59. Л. 17 об; Ф. 102. Оп. 233. Д. 1350. Ч. 4. Л. А. Л. 2-5.

71. ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1903. Д. 583. Л. 34 об.

72. ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1903. Д. 583. Л. 60.

чайшее повеление о приглашении фон Роппа в Петербург в начале августа 1907 г. П. А. Столыпин предложил епископу перевод в другую епархию со сплошным католическим населением, где бы возбуждаемая им национальная рознь не имела бы столь благоприятной почвы, как в Виленской епархии. В качестве варианта предлагалось также добровольно оставить Виленскую кафедру приемлемым для епископа способом. Однако в течение полуторамесячного срока официального ответа барона фон Роппа так и не поступило. Тогда 1 октября 1907 г. последовал высочайший указ о его увольнении с Виленской кафедры⁷³.

Мотивы, вынудившие правительство к принятию столь решительных мер в отношении этого не в меру политизированного епископа, были представлены общественному мнению. Вот как выглядела официальная точка зрения на увольнение фон Роппа: «Означенная мера, объявленная именным высочайшим указом Правительствующему Сенату в первый день сего октября явилась последствием того политического характера, который приняла деятельность названного лица. Епископ есть духовный пастырь вверенной ему епархии, а потому всякое вмешательство его в политику являет собой прямое нарушение его долга.

Между тем ещё в конце 1905 г. епископ Ропп выступил в качестве организатора Конституционно-католической партии для Литвы и Белоруссии, в основу коей была положена программа, находящаяся, по своим задачам, вне сферы церковных отношений, не только не согласная с взглядами правительства, но отчасти и направленная к борьбе с оным. Затем в пастырском послании своем от 29 сентября минувшего года к римско-католическому населению Виленской епархии епископ барон Ропп допустил ряд выражений, возбуждающих в его пастве недоверие, как к правительству, так и к окружающему православному населению. В частности, затрагивал вопрос об отношении католиков к правительственной школе, епархиальный начальник высказался в том смысле, что эти школы не могут приносить какой-либо пользы в виду различия в вере учителей и учеников.

Наконец в особенности за последнее время полученными правительством сведениями, выяснилось, что деятельность барона Роппа приняла узко-националистическую окраску, будучи направлена к ополчению литовской и белорусской народности Северо-Западного края, чем и вызвала раздражение их национального самосознания.

Этому обстоятельству правительство не могло не придать самого серьёзного значения, так как при том положении, в коем находится Северо-Западный край, возбуждение в нем духовенством

73. ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2836. Л. 106.

ещё и национальной вражды между отдельными народностями не может не быть признано совершенно недопустимым»⁷⁴.

В ответ на решение императора некоторые представители католического духовенства епархии, собравшись в конце августа в Вильно на реколлекции, начали сбор подписей под петициями в защиту епископа фон Роппа «как невинной жертвы произвола русской гражданской власти». Эти прошения были адресованы на имя министра внутренних дел П. А. Столыпина и Папы Римского Пия X. Однако на судьбу фон Роппа протесты духовенства никакого влияния не оказали⁷⁵. Как выяснилось, недоволен действиями епископа в России был и Апостольский престол. По словам близкого епископу французского священника Кенара: «Самым тяжелым для фон Роппа было то, что настаивать на его отставке начали даже в Риме»⁷⁶.

Продолжение борьбы за «природный» язык преподавания католического Закона Божьего

С увольнением виленского римско-католического епископа действие изданного им распоряжения от 22 августа 1905 г. продолжало сказываться на практике определения языков преподавания закона Божьего в народной школе. Преемник его на кафедре прелат К. Михалькевич формально отменил циркуляр фон Роппа. Однако это решение не привело на деле к точному исполнению правил 22 февраля 1906 г. со стороны духовенства и мирян Виленской епархии. Поэтому администрация учебного округа и местные губернаторы должны были бдительно следить за попытками неправомерного использования польского языка в преподавании закона Божьего для этнических белорусов и малороссов в подведомственных ей шести губерниях Западного края.

Например, в Витебской губернии часть римско-католическое духовенства продолжало следовать требованиям циркуляра прелата Денисевича, а не правилам 22 февраля 1906 г. Витебский губернатор Б. Б. Гершау-Флотов в январе 1908 г. сообщал П. А. Столыпину, что: «В Люцинском уезде, главным образом в южной его части, населенном преимущественно белорусами, в последние годы римско-католическое духовенство, действующее, по имеющимся сведениям, согласно указаниям высшей духовной власти, преподает Закон Божий в народных училищах ученикам-католикам на польском языке, хотя дети за малыми исключениями, польским язы-

74. Прибавление к Церковным Ведомостям. 1907. № 42. С. 1830–1831.

75. Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1907. № 14. С. 282; ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1907. Д. 384 а. Л. 6, 8.

76. Венгер А. Рим и Москва. 1900–1950. М., 2000. С. 32

ком не владеют и говорят по-белорусски». Губернатор усматривал в действиях ксендзов «явное стремление к полонизации коренного белорусского населения Витебской губернии»⁷⁷.

В Северо-Западном крае контроль за соблюдением правил 22 февраля оказался более настойчивым и эффективным. В частности, в июле 1910 г. попечитель учебного округа Г. В. Левицкий отказал прелату Михалькевичу в разрешении преподавать в Песковском народном училище Гродненской губернии закон Божий на польском языке, который избрали родители учеников. Попечитель указывал прелату, что согласно п. 2 правил 22 февраля 1906 г., обучение должно производиться на *родном*, а не *избранном* языке учащихся. Выяснилось, что родители, подавшие заявления о преподавании на польском языке, были этническим белорусами и природным своим языком считали язык белорусский.

Аналогичный отказ получили крестьяне Коссовской волости Слонимского уезда Гродненской губернии. По данным, собранным попечителем округа, все учащиеся Коссовского училища были этническими белорусами, а не поляками. Из лиц, подписавших прошение о польском языке преподавания, менее половины были родителями и родственниками учеников, остальные оказались посторонними лицами⁷⁸. Таким образом, только своевременные действия чиновников учебного округа могли своевременно пресекать настойчивые попытки католиков непольского происхождения обеспечить своим детям преподавание закона Божьего на польском языке. Для этнических белорусов и малороссов легальный путь к такому обучению был закрыт правилами 22 февраля 1906 г. которые предоставляли им возможность изучать закон Божий либо на русском, либо на родном языке своей «народности».

Разработанные на основании указа 17 апреля 1905 г., правила 22 февраля 1906 г. официально трактовались, прежде всего, как уступка нерусским народностям, — полякам, литовцам, латышам и др., получившим право изучать католический закон Божий на своих «природных» языках. Согласно установленным правилам, в случае, если учащиеся одного вероисповедания принадлежали к разным народностям, они разделялись на несколько групп и преподавание вводилось, прежде всего, для большинства. Преподавание на других языках организовывалось по мере возможности. «При невозможности же сего, с согласия родителей и опекунов, допускается введение преподавания на одном известном всем учащимся данных групп языке, напр. русском, белорусском и пр., причем несколько групп могут быть соединяемы в одну»⁷⁹.

77. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47449. Л. 2.

78. ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2811. Л. 156, 158.

79. Циркуляр по Виленскому учебному округу за 1906 г. Вильна, 1906. С. 122–123

Настойчивость руководства Виленского учебного округа в соблюдении государственной интерпретации п. 14 указа о веротерпимости в преодолении практических последствий циркуляра фон Роппа, привела к известной растерянности среди католического духовенства. Законоучители стали обращаться к управляющему епархией Михалькевичу с просьбами о разъяснении, на каком языке следует преподавать закон Божий в учебных заведениях. В ответ прелат Михалькевич 27 января 1911 г. издал циркуляр духовенству Виленской епархией, в котором обязывал ксендзов-законоучителей выполнять установленные правилами 22 февраля 1906 г. государственные требования к определению языка преподавания⁸⁰. Однако, несмотря на меры, предпринимаемые руководством епархии для нормализации преподавания закона Божьего в народных училищах, позитивные перемены происходили довольно медленно.

К маю 1912 г. департамент духовных дел МВД располагал сведениями, что в 46 народных училищах Гродненской губернии католический закон Божий вообще не преподавался. Причины усматривались в том, что ксендзы «ссылаясь на циркулярное распоряжение б. Виленского р-к епископа барона Роппа о преподавании означенного предмета на польском языке, отказываются, вопреки требованиям указа 17 апреля, преподавать закон Божий на природном языке учащихся»⁸¹.

Управляющий епархией прелат Михалькевич вынужден был оправдываться перед МВД, заявляя, что отсутствие преподавания закона Божьего в ряде училищ Гродненской губернии вызвано исключительно организационными причинами, и что все духовенство «в точности придерживается» правительственных узаконений, имея в виду пункт 14 указа о веротерпимости⁸².

В МВД и МНП по-прежнему поступали сведения о том, при выборе языка преподавания закона Божьего «во многих случаях подавались заявления, не соответствовавшие действительности». По словам минского губернатора А. Ф. Гирса: «В вопросе преподавания закона Божия католикам непольского происхождения, польские ксендзы Западного края повсюду стали в оппозицию и закону и правительственным начинаниям, стремящимся обеспечить каждой народности возможность слушать уроки закона Божия на родном языке. Под воздействием ксендзов и польских помещиков, хорошо понимающих, что язык есть главное выражение народности и главный проводник её, и что особенную важную роль имеет для народа язык богослужения, в местностях со сплошным белорусским населением, родителями подавались письменные заявления

80. ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2811. Л. 163.

81. Там же. Л. 189.

82. ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2811. Л. 190.

заведомо не соответствующие действительности о польском будто бы природном языке учащихся»⁸³.

Многочисленные нарушения указа 17 апреля свидетельствовали о том, что Правила 22 февраля 1906 г. нуждаются в корректировке для того, чтобы обеспечить неукоснительное верховенство закона о веротерпимости над его канонической интерпретацией. Поэтому 27 октября 1912 г. министерство народного просвещения, по согласованию с МВД, издало циркуляр, которым отменялся п. 2 правил 22 февраля 1906 г. и устанавливался новый порядок определения природного языка учащихся. В циркуляре указывалось, что: «В низших учебных заведениях природный язык учащихся определяется лицами, заведующими сими училищами, а в остальных учебных заведениях начальниками сих заведений на основании всех фактических данных, имеющихся по сему предмету.

Для определения природного языка учащихся (на котором обычно говорят в семье) названные лица обращаются устно или письменно к родителям или опекунам учащихся, проверяя, в случае надобности, их показания в личной беседе с ними или учащимися»⁸⁴.

Тем же циркуляром попечителям учебных округов вменялось в обязанность: «Принять все находящиеся в их распоряжении законные средства для неукоснительного исполнения изложенного правила и практического осуществления преподавания инославного закона Божия на природном языке учащихся: белорусам на русском, литовцам на литовском, полякам на польском и т. д.»⁸⁵.

Как следует из текста, министерство усилило административный контроль над процессом исполнения указа 17 апреля, добиваясь максимального соответствия языка преподавания закона Божьего этническому составу учащихся. С помощью новых правил, установленный указом 17 апреля «природный» язык преподавания закона Божьего должен был окончательно вытеснить введенный церковными актами язык «избранный», под которым, как правило, понимался польский⁸⁶.

После издания правил от 27 октября 1912 г. в департамент духовных дел МВД начали поступать сообщения о том, что ксендзы «в большинстве случаев уклоняются от выполнения требований означенного циркуляра о преподавании закона Божия на природном языке учащихся». При этом, в оправдание своего образа действий, законоучители ссылались на то, что новое распоряжение

83. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 167. Л. 28.

84. ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2811. Л. 229–230.

85. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 167. Л. 28.

86. Согласно новым правилам, дирекция учебных заведений для того, чтобы точно определить «природный язык» учащихся-католиков, должна была выявить конфессиональную принадлежность, «природный язык» и «национальность» родителей, а также, «обычай и нравы, усвоенные в домашнем быту». См: НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 8598. Л. 55, 61, 91–92, 99.

МНП им неизвестно, и что они не получили соответствующего распоряжения от своего епархиального начальства⁸⁷. Появление циркуляра МНП о порядке определения этнической идентичности учеников влиятельная виленская газета «Kurjer Litewski» прокомментировала следующим образом: «Новое распоряжение принесет, без сомнения, много хлопот и огорчений польскому населению Северо-Западного края. Не менее тягостно окажется оно и для ксендзов-законоучителей». В этой связи газета взывала к помощи со стороны римско-католической епархиальной власти⁸⁸.

В июне 1913 г. МВД потребовало от руководителей римско-католической епархии Западного края принять необходимые меры для исправления сложившейся ситуации с преподаванием закона Божьего. Реакция духовного начальства на распоряжение министерства имела свои отличительные особенности.

Управляющий Виленской епархией прелат К. Михалькевич уже 17 июля издал распоряжение духовенству, в котором, излагая содержание новых правил МНП, счел должным дополнительно сообщить: «Независимо устанавливаемых учебным начальством способов определения родного языка учащихся-католиков, вам, как учителям и служителям народа, родной язык его хорошо известен и поэтому католический законоучитель в деле преподавания истин святой веры должен быть чуждым всяких политических соображений, а иметь в виду лишь нужду и пользу духовную верных и отнюдь не допускать, дабы *против воли и желания верных навязывался им язык, которого они в достаточной степени не понимают и не желают*»⁸⁹.

У прелата Михалькевича, были реальные основания напомнить духовенству о необходимости неукоснительно следовать своему религиозному долгу. Часть польского духовенства Виленской епархии по-прежнему бойкотировало государственные школы, не желая преподавать закон Божий ученикам-белорусам на русском языке. В Гродненской губернии Ксендзы Макарий Янцевич, Владислав Клямм, Иосиф Пуциловский и Болеслав Лещинский публично агитировали против посещения русской школы детьми своих прихожан. Они убеждали крестьян не подписывать приговоры об отпуске средств на содержание школ и в своих проповедях угрожали прихожанам отрешением от исповеди и св. Причастия в случае непослушания⁹⁰.

Тельшевский епископ Г. Цыртовт, получив распоряжение МВД, заявил, что в его епархии «каких-либо недоразумений» в отношении преподавания закона Божьего на природном языке учащихся

87. ЛГИА. Ф. 696. Оп. 2. Д. 448. Л. 28–30.

88. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 242. Д. 131. Л. 2.

89. ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2811. Л. 229–230.

90. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 167. Л. 13.

не имеется. Однако в данном случае епископ откровенно лукавил, о чем не преминул напомнить ему Ковенский губернатор П. В. Веревкин в апреле 1914 г.

По сведениям губернатора в 42 народных училищах Новоалександровского уезда ксендзы отказывались преподавать учащимся-белорусам закон Божий на русском языке, демонстративно игнорируя тем самым распоряжение МНП от 27 октября 1912 г. Попытка губернатора заставить ксендзов исполнять циркуляр министерства просвещения, натолкнулась на пассивное сопротивление епископа. Тогда губернатор потребовал от директора народных училищ Ковенской губернии настоять на исполнении ксендзами требований министерского циркуляра. В противном случае ксендзов следовало уволить от должности законоучителей, поручив преподавание учителям-католикам⁹¹.

Однако спустя почти год ситуация в народных училищах Новоалександровского уезда практически не изменилась. Ксендзы, не считаясь с указаниями дирекции народных училищ, либо преподавали закон Божий ученикам-белорусам на польском языке, либо вообще отказывались от преподавания этого предмета. Новый Тельшевский епископ Ф. Каревич уверял департамент духовных дел, что «не считает возможным принимать какие-либо меры, заставляющие священников применяться к требованиям циркуляра министерства народного просвещения от 27 октября 1912 г. относительно преподавания закона Божия учащимся-белорусам римско-католического вероисповедания на русском языке, вопреки желанию родителей». По словам епископа, именно родители требовали от ксендзов преподавания закона Божьего на польском языке, который они употребляли «в частных молитвах и в добавочном богослужении в костелах»⁹².

Еще более острая ситуация с реализацией новых правил МНП сложилась в Минской губернии. Распоряжение от 27 октября 1912 г. вызвало негодование местного польского общества, а в Государственную Думу потупил запрос от «польского коло» о незаконных действиях МНП, умаляющих, по его мнению, действие указа о веротерпимости. В этой губернии на требование дирекции учебных заведений, обращенное к ксендзам о преподавании закона Божьего белорусам на русском языке, ксендзы после некоторого колебания, почти повсеместно отказались от его исполнения, продолжая уроки на польском языке, или демонстративно вовсе прекратили обучение закону Божьему белорусов-католиков⁹³.

Новый виток напряженности между МНП и католическим духовенством был поддержан ответными действиями Могилевско-

91. ЛГИА. Ф. 696. Оп. 2. Д. 448. Л. 43, 44.

92. Там же. Л. 21–23.

93. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 167. Л. 28.

го римско-католического митрополита Викентия Ключинского. 20 сентября 1913 г. этот католический иерарх разослал подведомственному ему минскому духовенству свой циркуляр, которым практически отменял распоряжения МНП от 27 октября 1912 г.

В своем циркуляре митрополит приказывал подведомственному ему духовенству, что «в отношении определения природного языка учащихся, ксендзы обязаны, безусловно, руководствоваться заявлениями их родителей или опекунов»⁹⁴. Тем самым ксендзы вновь получали возможность путем воздействия на родителей, вводить в школе «избранный» язык преподавания вместо установленного указом 17 апреля языка «природного».

Оценивая сложившуюся ситуацию, минский губернатор А. Ф. Гирс писал в январе 1914 г.: «Так доказало римско-католическое духовенство, что интересы польской политики ему ближе интересов религии. Уничтожены попытки правительства в деле расположения белорусской школы, а населению края дан пример влияния на его судьбы Римско-католической церкви, которое оказалось сильнее влияния правительства»⁹⁵.

Комментарий А. Ф. Гирса ярко характеризует ту противоречивую ситуацию, в которой оказалось российское правительство. С одной стороны, позитивно оценивая интегративный потенциал указа о веротерпимости, правительство активно разрабатывало и применяло на практике механизмы адаптации нового вероисповедного законодательства, призванного учитывать интересы верующих и духовенства Католической церкви. С другой, оно по-прежнему сохраняло и даже усиливало ориентацию на русско-православный социум Литвы и Белоруссии, препятствуя правовыми и административными средствами практике колонизации белорусов с помощью костела и народной школы. Одновременное существование двух альтернативных подходов, характерных для российской вероисповедной политики, делало затруднительным последовательный учет интересов обеих соперничавших в крае конфессий — православной и католической. Камнем преткновения для правительства стало на этот раз согласование религиозных интересов белорусов-католиков, поддерживаемых частью иерархии и духовенства, с общероссийскими интегративными задачами, которые выполняла государственная школа.

Впрочем, МВД без драматизма отреагировало на очередной подъем протестного поведения католического духовенства, отказывавшегося преподавать ученикам закон Божий на русском языке. Накануне I мировой войны, министр внутренних дел Н. А. Макалов в Записке «О деятельности католического духовенства, направленной на подчинение населения Западного края польскому

94. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 167. Л. 28 об.

95. Там же. Л. 28 об.

влиянию и о мерах борьбы с этими влияниями», отнесся к этим явлениям прагматически расчетливо. Он писал: «Хотя введение этих правил (27 октября 1912 г. — А. Б.) вызывает в большинстве случаев отказ духовенства от преподавания Закона Божия, тем не менее, министерство находило предпочтительнее выждать перемены настроения духовенства, чем допускать ополячение учащихся путем преподавания русским ученикам (белорусам и малороссам) закон Божий по-польски»⁹⁶.

Тайное обучение: новый виток развития и реакция правительства на процесс колонизации белорусов

Предусмотренное указом 17 апреля преподавание закона Божьего на природном языке учащихся в его светской, а не религиозной интерпретации, вызвало на практике недовольство католического епархиального начальства, духовенства и части мирян. Они предпочитали видеть критерием «природности» языка утвержденное авторитетом Папского престола использование его в молитвах и дополнительном богослужении, а не в семейном общении. Однако надежды сторонников распространения польского языка среди этнических белорусов с помощью государственной школы не оправдались. Тогда, в качестве практического выхода из сложившейся ситуации часть католического духовенства и мирян вновь прибегло к испытанной ранее противоправной практике — созданию тайных польских школ. Толчком к росту этого нелегального движения стали законодательные акты правительства. По донесениям полиции, ксендзы и миряне истолковали указ 17 апреля и последовавший за ним манифест 17 октября как свободу открывать «без всякого разрешения школы и учить в них детей закону Божьему на польском языке»⁹⁷.

Так, например, в январе 1906 г. Слуцком уезде в местечках Клецк и Ляховичи Минской губернии полиция обнаружила тайные польские школы, в которых обучение молитвам и катехизису производилось мирянами «под наблюдением ксендза В. Герасимовича». Виновные в организации незаконного обучения С. Пласковицкая и О. Домашевич, на основании правил 3 апреля 1892 г., были приговорены губернатором П. Г. Курловым. Первая к штрафу в 100 рублей с заменой в случае неплатежеспособности арестом на 1 месяц; вторая к штрафу в 300 рублей или к аресту сроком на 3 месяца. По распоряжению губернатора арестованные были отпущены на свободу раньше установленного срока. Католики Клецка обратились с прошением к председателю Совета Министров С. Ю. Вит-

96. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 150. Л. 8.

97. ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1906. Д. 343. Л. 53 об.

те о разрешении им продолжить обучение детей основам римско-католической веры в закрытой полицией школе с приглашенным для этой цели учителем, было отклонено. Правительство предложило католикам воспользоваться легальным способом обучения. Просителям напомнили, что в местечке имеется народное училище, в котором их дети могут обучаться бесплатно, а в качестве законоучителя может быть приглашен тот же ксендз Герасимович⁹⁸.

Однако ксендза предлагаемый государством вариант решения проблемы обучения детей основам веры не устраивал. Несколько позже он сам незаконно организовал школу, в которой дети обучались закону Божьему на польском языке. Местная полиция начала требовать от Герасимовича прекратить недозволенные занятия, а из канцелярии губернатора пришло разъяснение, что «произвольное открытие школ законом не допускается». Школа была закрыта, а жалобы ксендза на действия полиции были оставлены «без последствий»⁹⁹.

В Гродненской губернии после издания манифеста 17 октября 1905 г., открытые по инициативе крестьян-католиков тайные польские школы были обнаружены полицией в 8 деревнях Гродненского, Волковысского, Сокольского и Бельского уездов. В этих же уездах открытие 9 тайных польских школ произошло при содействии католического духовенства. Не смотря на резкий рост правонарушений в этой области зимой 1905–1906 гг. администрация все же не торопилась применять к виновным крестьянам предусмотренные законом меры наказания. Исключение в этом отношении составляли только ксендзы.

Гродненский губернатор Ф. А. Зейн в письме генерал-губернатору К. Ф. Кршвицкому 22 августа 1906 г. предложил не применять к крестьянам, виновным в открытии тайных польских школ, взысканий, предусмотренных правилами 3 апреля 1892 г. В то же время Ф. А. Зейн считал необходимым по отношению к ксендзам, которые руководили открытием этих школ, и вина которых была доказана расследованием, «применить строгую меру взыскания»¹⁰⁰. Но, как выяснилось, и от предложенных губернатором «строгих мер» пришлось вскоре отказаться.

Правительство, продолжая политику демонтажа системы административных распоряжений, 24 августа 1906 г. отменило действие Правил 3 апреля 1892 г. о взысканиях за тайное обучение в губерниях Западного края¹⁰¹. Утвержденное императором решение восстанавливало действие статей 1049 и 1051 Уложения о наказаниях, которые предусматривали незначительные наказания за противо-

98. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. Д. 2552. Л. 12, 16.

99. НИАБ. Ф. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7494. Л. 18.

100. ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1906. Д. 343. Л. 84.

101. Циркуляр по Виленскому учебному округу за 1906 г. Вильна, 1906. С. 567.

правную педагогическую деятельность. Правила 3 апреля 1892 г., позволявшие использовать административную власть в качестве инструмента борьбы с распространением тайного обучения, преследовали цели политического характера — пресечение польской пропаганды в форме религиозного обучения. Теперь же, после 24 августа 1906 г. в распоряжении администрации остались только те правовые инструменты, применение которых в свое время было признано нецелесообразным, что, собственно, и привело к появлению правил 3 апреля 1892 г.

Как отмечал в своей записке полковник А. Г. Загряжский: «Таким образом, вопрос о борьбе с полонизацией населения при помощи тайных школ и обучения, возвратился к такому положению, при котором не существует ни закона, карающего польскую пропаганду при помощи тайного обучения, ни административных правил а, следовательно, вести эту пропаганду фактически разрешается»¹⁰².

Иными словами, правительство, восстановив силу указанных выше статей Уложения о наказаниях, (заметим, что ст. 290 нового Уголовного уложения 1903 г. так и не была введена в действие) вновь *деполитизировало* область правонарушений, связанную с тайным польским обучением. С правовой точки зрения, указ 17 апреля, разрешавший преподавание закона Божьего на «природном» языке учащихся и правила МНП, конкретизировавшие его применение, казалось, должны были исключить, или, по крайней мере, существенно ослабить потребность католического населения в тайных формах обучения. Но, как уже отмечалось выше, практика правоприменения оказалась иной. Правовые инструменты, предложенные правительством для примирения религиозных интересов католического населения с государственными, вместо ожидаемого эффекта согласования и сотрудничества, стали порождать явления противоправного характера.

Католическое духовенство и миряне, не удовлетворенные теми возможностями обучения детей закону Божьему на польском языке, которые предоставлял Правила МНП от 22 февраля 1906 г. начали вновь предпринимать попытки создания школ для обучения польскому языку и римско-католическому катехизису. Следует отметить, что вначале эти попытки были легальными. Католические священники пытались организовать в своих приходах начальные формы религиозного обучения на польском языке либо явочным порядком, либо, обращаясь за разрешением к губернской администрации. Однако на эти обращения следовал официальный отказ, так как католическое духовенство по-прежнему не имело право самостоятельно организовывать приходские школы при костелах без

102. ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1911. Д. 45. Л. 230 об.

выполнения требований, предусмотренных российским школьным законодательством¹⁰³.

В этом отношении правительство заняло довольно жесткую позицию, считая, что: «Открытие римско-католических учебных заведений, в частности учреждение их римско-католическими священниками и церквами, признается МВД нежелательным, так как препятствует сближению учащихся католического исповедания с русскими православными в общих для всех национальностей и вероисповеданий школах, развивает в них католические клерикальные взгляды и создает, таким образом, кадры людей, чуждающихся России и русских»¹⁰⁴.

Изданный 1 октября 1906 г. указ о частных учебных заведениях, также не предусматривал организацию учебных заведений с преподаванием на польском языке в Северо-Западном крае¹⁰⁵. Поэтому появление тайных польских школ стало практически неизбежно.

Витебский губернатор Б. Б. Гершау-Флотов в отчете за 1908 г. сообщал императору Николаю II о том, что: «После всемилостивейшего дарования населению империи свободы совести, ничтожная, сравнительно с общим числом жителей губернии, часть поляков, во главе с римско-католическим духовенством, усиленно начала ополячивать коренное белорусское население, принадлежащее к латинской церкви и совращать в католицизм православных белорусов. В отчетном году в губернии было обнаружено несколько тайных польских школ, открытых ксендзами при материальном содействии некоторых помещиков-поляков. В этих школах, обучались наряду с католиками и дети православных белорусов».

Губернатор, сообщавший об этих фактах, сетовал на то, что: «За отменой в 1906 г. Правил 3 апреля 1892 г. учредители и учителя этих тайных школ были привлечены к судебной ответственности по обвинению в деяниях, предусмотренных 1049 и 1051 статьями Уложения о наказаниях. К сожалению, ничтожность уголовной репрессии по этим статьям (денежный штраф в селениях не свыше 5 рублей, с заменой в случае несостоятельности арестом на 1–2 дня) никакого устрашающего значения иметь не могут. По закрытии тайных школ и уплате виновными определенного судом штрафа, в той же местности были вновь обнаружены такие же школы»¹⁰⁶.

В качестве примера, подтверждающего слова губернатора, можно привести организацию тайных польских школ в Шатиловском приходе Полоцкого уезда, которые в течение трех лет «вели пропаганду католицизма и полонизма». По сообщению епископа Полоцкого Серафима, «школы содержались на средства поме-

103. ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2810. Л. 16–17.

104. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 150. Л. 11 об.

105. НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7494. Л. 18, 25.

106. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47382. Л. 39 об.

щицы Т. Глушаниной. Учительницы этих школ девокки Ева Пачевич и Станислава Станкевич заманивают конфетами и баранками в свои школы и православных детей, внушая им не ходить в церковь и церковноприходские школы. Хотя деятельность этих тайных учительниц осуждена окружным судом, присудившем их к штрафу, но штраф не остановил их, и тайные школы в Шатиловском приходе имеются и в настоящее время»¹⁰⁷.

Указывая на «огромное зло, причиняемое тайными польскими школами», Гершау-Флотов предлагал императору «значительно увеличить уголовную ответственность за открытие их и привлечение к обучению православных»¹⁰⁸.

Сообщение витебского губернатора о действиях католического духовенства по ополячиванию «коренного белорусского населения» вызвали негативную реакцию Николая II. Его отметка, сделанная на отчете, гласила: «Обращаю серьезнейшее внимание на это скверное и недопустимое явление»¹⁰⁹. Тем не менее, император не считал нужным политизировать проблему и прибегать к ужесточению уголовных репрессий за нелегальное школьное обучение.

Однако администрация на местах думала иначе. К аналогичному выводу, как и витебский губернатор, пришел полковник А. Г. Загряжский, подготовивший летом 1911 по требованию департамента духовных дел МВД, записку «О мерах борьбы с тайным обучением в Северо-Западном крае». По его мнению, при подготовке законопроекта по борьбе с тайным обучением, правительство должно учитывать, что: «Действительная причина распространения тайного обучения заключалась в том, что школы эти преследовали всегда антиправительственные цели...

В Северо-Западном крае — утверждал полковник — правительство борется не с народом, который является только объектом борьбы, а с небольшой группой польского общества и римско-католического духовенства, поставившим себе задачей отделения Северо-Западного края от коренного населения России путем колонизации. Противник этот считает все средства борьбы доступными, поэтому низость приемов борьбы и наглость домогательств его не имеют себе равных. В борьбе с таким противником сентиментальность и уступки недопустимы не только в отношении самого противника, но и в отношении объекта борьбы...

Все это вынуждает раз и навсегда отказаться от каких-либо уступок, даже по видимому самых ничтожных, как сделали это наши более культурные и более политически зрелые немцы... Возвратиться к исключительным для Северо-Западного края законам несомненно придется — утверждал А. Г. Загряжский... Или раз на-

107. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47654. Л. 2.

108. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47382. Л. 40.

109. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47382. Л. 46 об.

всегда надо отказаться от мысли считать Северо-Западный край искони русским, или преследовать ополячение этого края всеми возможными способами». В этой связи полковник предлагал МВД существенно увеличить штрафы за тайное обучение, рассчитывая, что в таком случае население начнет более охотно принимать материальное участие в открытии правительственных школ разных типов¹¹⁰.

В подтверждение положений, выдвинутых в упомянутой записке А. Г. Загряжского, администрация губерний предоставила в департамент статистические сведения, позволяющие сравнить динамику роста тайных школ в периоды действия административных наказаний и судебных решений на основании ст. 1049 и 1051 Уложения о наказаниях.

По сведениям администрации края, в трех губерниях — Виленской, Ковенской и Гродненской с 1892 по 1907 гг. было обнаружено 394 школы, в которых обучались 3153 ученика. Резкое уменьшение суммы штрафов за тайное обучение значительно изменило динамику правонарушений. Так, за период с 1908 по 1910 гг. в этих губерниях было раскрыто 153 школы, в которых обучались 2307 учеников. Обучение в этих школах, сосредоточенных в основном в Виленской и Гродненской губерниях, осуществлялось в абсолютном большинстве случаев на польском языке, и только часть учеников обучалась на еврейском, литовском, жмудском и русском языках¹¹¹.

Негативное отношение к санкционированному императором восстановлению правовых методов борьбы с тайным обучением высказал минский губернатор А. Ф. Гирс. Он считал, что: «Самым тяжелым ударом для русского дела в крае была отмена закона 3 апреля 1892 г. Этот закон удерживал поляков от стремления навязать белорусскому населению польскую грамоту, а вместе и с ней польское национальное самосознание. Польское духовенство, поддерживаемое богатым помещным польским классом, решило использовать удобный момент и энергично принялось за распространение польской грамоты при помощи тайных польских школ. Цель тайной польской школы, как ясно означено в программе кружка польских патриотов в Вильно — „воспитать в народе польскую душу и польское сердце“. Цель эта в тайных школах достигается двумя путями: выставление бывшего польского государства в ореоле мученичества, героизма и святости, и выставлением русского правительства в роли свирепого и беспощадного варвара, загубившего польское государство и стремящегося загубить и польскую веру»¹¹².

Убедившись в неэффективности действия статей 1049 и 1051 Уголовного уложения, минский губернатор 20 января 1911 г. издал

110. ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1911. Д. 45. Л. 243–244.

111. ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1911. Д. 45. Л. 311, 313, 358.

112. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 167. Л. 25 об.

распоряжение, в соответствии с которым, как учредители тайных школ, так и те, кто содействовал их открытию, подлежали денежному взысканию до 500 рублей или аресту до 3 месяцев¹¹³.

Восстановление административных методов борьбы с тайным обучением произошло и в Гродненской губернии. П. М. Боярский, управлявший губернией в 1912 г. в записке «О полонизации белорусского населения Гродненской губернии», направленной в МВД, писал о том, что с 1908 г. на территории губернии было обнаружено 36 тайных школ со значительным числом учащихся. «В этих школах, открытие и содержание которых обставлено с собой тайнственностью и неуловимостью для местной правительственной власти, ксендзы являются полновластными хозяевами и достигают в деле воспитания детей в польско-патриотическом духе, желательных для них успехов. Число этих рассадников полонизма заметно уменьшается только в тех пунктах губернии, — отмечал М. П. Боярский — в которых взыскания за тайное обучение налагаются в административном порядке»¹¹⁴.

Следует отметить, что администрация, помимо целей воспитания польского самосознания, усматривала в деятельности тайных школ и мотивы сугубо клерикального характера. В частности М. А. Лозина-Лозинский в июне 1911 г. сообщал П. А. Столыпину о том, что центром всего нелегального польского обучения является иезуитское общество в Кракове, которое покрыло тайной сетью школ весь Северо-Западный край. Ссылаясь на информацию жандармерии, он утверждал, что целью этой организации является подготовка учащихся-мальчиков к духовному служению, последним этапом которой служат католические семинарии. Отсюда делался вывод, что «хорошо организованная сеть тайных школ имеет целью воспитание будущих ксендзов»¹¹⁵. Воспитание, разумеется, в духе польской католической традиции.

Ярко выраженная динамика роста тайного польского обучения потребовала нового осмысления этой проблемы и поиска адекватных решений на правительственном уровне. В этой связи новый министр внутренних дел А. А. Макаров в 1912 г. начал разработку программы действий, которая предполагала комплекс мер, направленных «к развитию в белорусском населении русского национального самосознания». Министр предлагал, наряду с действующими мерами борьбы «в виде уголовно судебной репрессии», противопоставить «тайной польской школе правильно оборудованную и доступную массам населения русскую школу, как правительственную, так и частную, а наряду с этим организовать в широкой мере вне-

113. Там же. Л. 25 об.

114. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 167. Л. 14 об.

115. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 157. Л. 153.

школьную просветительную деятельность на русских национальных окраинах»¹¹⁶.

Разработанная министром программа действий МВД сохраняла преемственность с прежним политическим курсом в отношении местного католичества. Вместе с тем, для неё были характерны и принципиальные новшества, которые можно охарактеризовать как прагматичные и соответствующие духу указа о веротерпимости. Предлагаемые инновации отличались широтой поставленных задач и не укладывались в узкие рамки предложений местной администрации об ужесточении наказания за организацию тайного обучения. Свой подход к религиозно-этнической политике А. А. Макаров сформулировал так: «Воздействие польских начал, проводником которых в белорусском населении служит, как и прежде, помещичья усадьба, польский костел и тайная школа, продолжается по настоящее время. При таких условиях на правительстве лежит долг наряду с деятельностью местных русских общественных организаций всемерно содействовать поддержанию и дальнейшему развитию сознания в белорусских массах кровной и культурно-исторической близости к России». Конкретным выражением такого содействия становилась: «Национализация русской народной школы, в которой внимание главным образом должно быть уделено развитию русского национального самосознания у подрастающего поколения белорусов, как отрасли единого русского племени».¹¹⁷ На этот раз поставленную задачу — «парализовать влияние польского костела и тайного польского обучения» на формирование польского этнического самосознания белорусов-католиков предполагалось решать на пути приоритетного развития интеграционных процессов в сфере народного просвещения.

В этой связи предусматривалась принципиально иная тактика достижения стратегической цели правительства в Западно-Русском крае. «Располячение костела» необходимо было тесно увязывать с решениями таких сложных вопросов как реорганизация учебно-воспитательного процесса в Виленской духовной семинарии, введение русского языка в дополнительное богослужение и преподавание на этом языке закона Божьего. По мнению министра: «Постепенное осуществление этих мероприятий требует, несомненно, продолжительного времени, так как крутая ломка сложившегося уклада жизни без деятельного участия самого населения, как показал опыт минувших лет, не может привести к благоприятным результатам. Необходимо целесообразными мерами подготовить белорусское население, исповедующее р-к веру к тому, чтобы оно подобно литовцам, само заявило р-к духовенству и Папскому престолу настойчивое требование о своих националь-

116. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 167. Л. 2–3.

117. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 167. Л. 2.

ных правах в церковной жизни а, следовательно, и о введении русского языка в богослужение»¹¹⁸.

В данном случае министр продемонстрировал понимание неэффективности прежних сугубо бюрократических способов решения проблем, задевавших и травмировавших в свое время религиозные и этнические чувства множества католиков. Однако связанная с этим необходимость поиска и разработки конкретных, основанных на инициативе «снизу» способов достижения политических целей правительства, представлялась пока ещё в качестве ближайшей перспективы. Во всяком случае, самому А. А. Макарову, оставившему свой пост в декабре 1912 г. реализовать свой политический проект не удалось.

Нельзя сказать, что министр в своих высказываниях о необходимости формирования самосознания католиков Литвы и Белоруссии по принципу (я — католик, я — белорус, я — русский), и реализации «национальных прав» белорусов в костеле, был оригинален. Эти мысли, сформированные в русле политики системного обустройства края и практики правоприменения указа 25 декабря 1869 г. высказывались и ранее представителями местной администрации, русской общественности и католического духовенства. В частности, генерал-губернаторами Северо-Западного края А. Л. Потоповым, П. Д. Святополк-Мирским, А. А. Фрезе, К. Ф. Кршивицким, виленским губернатором Д. Н. Любимовым, А. В. Белецким, прелатом Ф. Сенчиковским и др.¹¹⁹.

Однако теперь проект формирования белорусского этнического самосознания в католической среде в качестве инструмента деполонизации костела приобретал статус централизованной государственной политики. Его принципиальные положения получили преемственность и вошли в программу действий Н. А. Маклакова, преемника Макарова на посту министра внутренних дел.

Самому же Макарову предстояло большей частью решение повседневных дел по регуляции взаимоотношений с Католической церковью, включая и рассмотрение претензий католического епископата к нормотворческой и административной деятельности МВД. Проблема борьбы с ростом тайного польского обучения оказалась связанной с борьбой за расширение прерогатив епископской власти

Римско-католические епископы Могилевской митрополии, собравшиеся на совещание в Санкт-Петербурге 20 октября 1911 г.,

118. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 167. Л. 2.

119. Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 320–321; А. В. Жиркевич. Из-за русского языка. На родине Белоруссии // Минская старина. Труды Минского Церковного Историко-Археологического комитета. Вып. III. Часть 1-я. Вильна, 1911. С. 361. РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 84. б. Л. 13.

указывали на трудности, которое испытывало католическое духовенство в обучении детей закону Божьему. Епископат отмечал нехватку законоучителей в митрополии и обращал внимание министра внутренних дел на сложности, вызванные установленным порядком, когда инициатива в деле замещения законоучительных должностей была представлена школьной администрации. По мнению епископов, начальники учебных заведений, хотя им и принадлежало право выбора законоучителей, «никогда, или крайне редко, обращаются к римско-католическому духовенству с предложением занять законоучительскую должность. При подобном нерадении учебных властей, — подчеркивали епископы — необходимо инициатива духовного начальства. В противном случае, молодое поколение рискует остаться вовсе без религиозно-нравственного воспитания»¹²⁰. Однако А. А. Макаров категорически отказал епископату в предоставлении духовным властям решающего голоса в назначении законоучителей в учебные заведения империи. В качестве компромисса, министр предложил епископам заранее сообщать училищному начальству списки кандидатов на законоучительские должности¹²¹.

Противоречия между правительством, католической иерархией и духовенством по вопросам религиозного воспитания и обучения католиков

Жесткая позиция МВД, занятая в вопросе о приоритете школьной администрации в подборе кадров католических законоучителей, становится понятной, когда речь о характеристиках некоторых ксендзов, призванных к преподавательской и пастырской деятельности. Например, в Минской губернии за пропаганду религиозно-этнической нетерпимости в 1905 г. был отстранен от должности законоучитель учебных заведений Бобруйска ксендз Миржвинский. Ксендз Росицкого костела Режицкого уезда Витебской губернии Федор Куликовский в том же 1905 г. во время урока Закона Божьего в Сарьянском народном училище открыто порицал православную веру¹²².

В октябре 1906 г. минский губернатор Я. Е. Эрдели сообщил директору народных училищ губернии, что не может допустить ксендза Иосифа Скаковского к преподаванию закона Божьего в народных училищах Минского уезда. Ксендз обвинялся в русофобии, нетерпимости к православию и пропаганде польского этнонационализма. В 1908 г. этот ксендз, согласно данным расследования,

120. ЛГИА. Ф. 696. Оп. 2. Д. 360. Л. 26–27.

121. Там же. Л. 39.

122. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47622. Л. 79 об.

агитировал местных крестьян католиков против открытия в деревне Полоневичи Минского уезда государственной русской школы, за что и был, по решению МВД, отстранен от должности настоятеля в июне 1909 г.¹²³

Тот же губернатор Эрдели в октябре 1906 г. отказал директору народных училищ Минской губернии и попечителю Виленского учебного округа в назначении ксендза Казимира Ваньковича законоучителем в народных училищах и железнодорожных училищах м. Барановичи в связи с тем, что: «Ксендз Ванькович, будучи ярким фанатиком, враждебно относится ко всему православному, внушил католикам своего прихода избегать общения с православными под страхом отлучения от Римско-католической церкви, вселил между теми и другими вражду, доходящую до драк, и вообще наэлектризовывает одну часть населения против другой»¹²⁴.

21 июня 1909 г. в Медведицком костеле Слуцкого уезда Минской губернии воспитанник императорской римско-католической духовной академии Иосиф Вержбицкий произнес проповедь, содержащую в себе призыв к открытию тайных польских школ и оказанию противодействия правительственной власти, в случае закрытия таковых. Обвинение Вержбицкого в антиправительственной проповеди было подтверждено проведенным расследованием. Возмущенный поведением Вержбицкого, П. А. Столыпин предложил управляющему Могилевской архиепархией епископу С. Денисевичу запретить этому воспитаннику после окончания академии занимать приходские должности¹²⁵.

О неоднократных проявлениях нетерпимости к православным со стороны полоцкого декана Л. Барановского сообщал в МВД в начале 1914 г. витебский губернатор М. В. Арцимович. Этот ксендз, будучи законоучителем Полоцкого кадетского корпуса, кощунственно отзывался о православных храмах, запрещал кадетам — католикам принимать участие в общих с православными молитвах и требовал от них не посещать пригородный Спасо-Евфросиньевский монастырь. На этом основании губернатор счел «целесообразным и весьма желательным» ходатайствовать перед МВД об удалении ксендза Барановского, как «польского фанатика», за пределы Витебской губернии¹²⁶.

Противоправные действия отдельных католических священнослужителей вынуждали руководство МВД с настороженностью относиться к предложениям епископата о расширении прерогатив его духовной власти, включая и такую ответственную для государства сферу как народное просвещение. Постоянные попытки

123. НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7288. Л. 18, 20, 27.

124. НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7285. Л. 50, 56.

125. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47647. Л. 2.

126. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 54201. Л. 7–8.

епископата ограничить разбирательство проступков ксендзов, обвиняемых в прозелитизме, разжигании религиозной и этнической вражды к православным, только мерами внутрицерковного расследования, не могли вызвать понимания МВД. Такие меры явно не годились для пресечения действий правонарушителей-ксендзов, проступки которых выходили за рамки, предусмотренные каноническим правом, и попадали в категорию правонарушений, требующих решения министра внутренних дел или применения карательных статей Уголовного уложения. По замечанию управляющего МВД А. А. Макарова, «доселе, за самыми лишь редкими изъятиями, римско-католические епархиальные начальники признавали подведомственных им священников не заслуживающими никакого взыскания даже в случаях очевидного и доказанного их собственным признанием, нарушения закона»¹²⁷.

Указанные выше столь явные проявления корпоративной солидарности, призванной защитить виновных ксендзов от заслуженного наказания, ставили перед МВД непростую задачу. Следовало, не выходя за правовые границы указа о веротерпимости, принудить католическую иерархию сделать максимально прозрачной для правительства деятельность подведомственного ей духовенства. В частности, в такой сложной для повседневного административного контроля области как катехизация детей. В записке, поданной министру внутренних дел 13 января 1912 г. февраля, римско-католические епископы, собравшиеся на совещание у Могилевского митрополита Викентия Ключинского 20 октября 1911 г., в качестве примера умаления авторитета иерархии и ограничения её власти в епархиях, приводили циркуляр МВД от 21 сентября 1911 г., подписанный А. А. Макаровым.

В этом документе исполняющий обязанности министра указывал губернаторам, «что совместное обучение детей католиков молитвам и догматам Римско-католической церкви вне разрешенных правительством учебных заведений должно быть относимо к категории тайного обучения во всех случаях, когда оно имеет характер систематического преподавания. Во всех таких случаях надлежит привлекать виновных к ответственности, за исключением, впрочем, случаев так называемой катехизации, производимой самими римско-католическими священниками и при том в церквях.

Имея в виду, что этого рода обучение практикуется с давнего времени, я затрудняюсь принять ныне же меры к безусловному его прекращению. С другой стороны, я нахожу, безусловно, необходимым, урегулирования такого преподавания в целях установления соответствующих правил надзора.»¹²⁸.

127. ЛГИА. Ф. 696. Оп. 2. Д. 360. Л. 37 об.

128. НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 8087. Л. 2.

Епархиальным начальникам предписывалось доставить в МВД сведения о возрасте катехизируемых детей, о языке обучения, о программе, о времени и продолжительности катехизации и о канонических основаниях, вызывающих катехизацию. Издание циркуляра вызвало резкое недовольство католического епископата. В записке, поданной А. А. Макарову, епископы, ссылаясь на Евангелие и действующее законодательство, доказывали МВД, что цель катехизации носит исключительно религиозный характер, что она заключается только в изучении молитв, главных истин веры и христианской морали. Не поскупились епископы и на положительные характеристики светских катехизаторов, высоко оценивая их религиозно-нравственные качества, политическую лояльность и законопослушность. «Мы считаем долгом уверить ваше превосходительство, — говорилось в обращении — что в катехизации допускаются лишь такие светские лица, убеждения которых, нравственность и христианские добродетели вполне гарантируют катехизацию, совершаемую под контролем и наблюдением священника, от примеси каких бы то ни было несвойственных ей явлений»¹²⁹.

На этом основании епископы потребовали от А. А. Макарова незамедлительной отмены циркуляра от 21 сентября 1911 г., так как: «Подчиняясь указаниям министерства, как обучать истинам веры, кого, когда, мы предали бы неотъемлемые права Христовой церкви, отреклись бы от священнейших наших обязанностей, утратили бы пастырский авторитет и влияние»¹³⁰.

Насколько правдивы и убедительны были богословские и нравственные аргументы, к которым прибегли епископы для доказательства правоты своих требований к МВД, должна была показать проверка катехизаторской практики в губерниях. Для этого МВД поручило губернаторам сообщить данные о том, какой характер имеет катехизация во вверенных им губерниях и следует ли внести в эту практику какие-либо изменения.

Сведения, которые начали поступать в министерство, давали возможность сформировать иное представление о содержании катехизации, расхвалившееся с теми характеристиками, которые предлагал епископат. Упомянутый ранее М. П. Боярский, анализирувавший вопросы колонизации белорусского населения Гродненской губернии писал в МВД: «Могучим средством для вселения вражды к православным и ополячения белорусского народа является здесь ещё конфессиональное обучение; оно выражается в том, что молодое юношество, под бдительным и непосредственным руководством ксендза, готовясь к исповеди, проходит в катехизической форме главные основания учения Католической церкви. А наряду с этим, без различия широких политических горизонтов, но в до-

129. ЛГИА. Ф. 696. Оп. 2. Д. 360. Л. 18.

130. Там же. Л. 19.

статочно увлекательной для молодых слушателей форме, неизбежно преподается и настойчиво внушается мысль о принадлежности всякого католика к польской нации; взрослым же эта идея неуко-нительно повторяется на исповеди»¹³¹.

Минский губернатор Я. Е. Эрдели, выполняя распоряжение МВД, потребовал от исполнителей — уездных полицейских чиновников: «В виду большой важности этого вопроса в жизни Северо-Западного края ... самого вдумчивого к нему отношения». В итоге, был составлен документ «о характере катехизации в костелах Минской губернии», направленный в МВД 21 июня 1912 г.

В нем содержалась сведения, которые явно противоречили уверениям католического епископата об исключительно вероу-чительном содержании этой формы начального религиозного обуче-ния. В результате расследования выяснилось, что ксендзы в боль-шинстве случаев привлекали для катехизации особых учителей и учительниц, не имеющих права на обучение, которые «отлича-ются фанатической приверженностью к католичеству и ненави-стью к православной вере и всему русскому». Обучение катехи-зису происходило вне стен костела и попадало в категорию «тай-ного». По данным полиции, в период с 1906 по 1908 гг. ксендзами было открыто «громадное количество таких школ» под предлогом «изучения детьми католиками катехизиса и молитв Римско-като-лической церкви». В действительности же обучение детей в этих школах, заключалось, «главным образом, в изучении польской гра-моты и преподавании истории Польши».

Данное обстоятельство, по мнению губернатора, и определяло подлинный «характер катехизации» в Минской губернии. В доне-сении говорилось, что: «Упорное нежелание ксендзов посещать на-родные школы для преподавания католикам закона Божьего, если таковое производится на русском, а не на польском языке, как того хотят ксендзы, — все это свидетельствует, что римско-католиче-ское духовенство, под предлогом сообщения детям первоначаль-ных познаний о религии и Церкви, стремится не к укреплению ре-лигиозно-нравственных начал в среде своей паствы, а к ополчи-ванию местного русского населения.

С этой целью ксендзы в учителя и учительницы тайных школ бе-рут лиц, рабски им преданных, слепо исполняющих всякое их рас-поряжение и фанатиков в религиозном смысле. Иногда среди этих учителей и учительниц бывают и такие, которые на свое дело смо-трят как на великую религиозную миссию и, если им приходится понести наказание за недозволенное обучение детей, то в этом ви-дят служение Богу и Церкви. Под влиянием ксендзов они настрое-ны крайне враждебно ко всему русскому и к православию. Эти же чувства ненависти к православию и России они стараются привить

131. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 167. Л. 11–12.

юношеству католиков-белорусов, внушая им любовь ко всему поль-скому и полякам, якобы „страдающим“ под игом русских. Поэтому дети местных католиков русских, пройдя через такую школу, счи-тают себя природными поляками, и понятие „католик“ для них яв-ляется синонимом „поляка“.

К православным они относятся с фанатическим презрением. Та-кая в высшей степени вредная для русских интересов в здешнем крае постановка обучения молитвам и догматам Римско-католи-ческой церкви требует установления правил надзора за производ-ством катехизации»¹³².

Выводы, сделанные минским губернатором относительно содер-жательного аспекта катехизаторской практики, по существу, ли-шали убедительности аргументацию католического епископата Могилевской архиепархии. Оказалось, что его настойчивые уве-рения об исключительно религиозном содержании катехизации не соответствовали действительности. Получалось так, что Могилевский митрополит Ключинский либо не знал о реальном положени-и дел в этой области, что весьма сомнительно, либо сознательно замалчивал противоправные действия своих подчиненных с целью получения уступок от МВД. Что же касается самого МВД, то све-дения, предоставленные минским губернатором, лишь подтвержда-ли необходимость продолжения политики контроля за деятельно-стью католического духовенства в области религиозного и светско-го образования, которую проводил П. А. Столыпин и его преемник А. А. Макаров.

Н. А. Маклаков, сменивший А. А. Макарова на посту министра внутренних дел в декабре 1912 г., определил задачу своего ведом-ства следующим образом: «Организация катехизационного обуче-ния МВД допускается исключительно в церквях, с производством её притом непременно самим священником. Особенное внимание МВД обращено на то, чтобы катехизация не служила целям обще-го обучения, не отвлекала бы тем самым детей от посещения пра-вительственной школы и не содействовала полонизации белорусов и малороссов»¹³³.

Факты привнесения в процесс религиозного обучения юной ка-толической паствы идеологии польского этнического национализ-ма и русофобии, существенно сужали возможности правительства идти на уступки требованиям католической иерархии. Располагая информацией о реальном положении дел на местах, МВД не имело достаточных оснований видеть в католическом епископате ответ-ственных и надежных партнеров, способных поддерживать право-порядок и пресекать противоправную деятельность своих подчи-ненных. В этой ситуации министр внутренних дел А. А. Макаров,

132. НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 8087. Л. 23–24.

133. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 150. Л. 11 об.

в ответ на возмущение епископов изданием циркуляра от 21 сентября 1911 г., пришлось разъяснить митрополиту Ключинскому правовые основы решений МВД: «Не ограничивая ни в чем свободы римско-католического духовенства в церкви и школе поучать свою паству правилам веры, распоряжение это лишь обеспечивает государству неотъемлемое от него право наблюдения, наравне с общекультурным, и за духовным просвещением своих граждан»¹³⁴.

Мнение министра подкреплялось ещё и тем, что к этому времени в распоряжении МВД находились сведения, полученные в результате ревизии делопроизводства римско-католических духовных консисторий, осуществленной по распоряжению П. А. Столыпина в первой половине 1911 г. Материалы ревизии зафиксировали целый ряд правонарушений и негативных для МВД тенденций в деятельности католического духовенства. В частности, отмечались:

- факты устройства тайных польских школ;
- стремление римско-католического духовенства захватить в свои руки школьное образование;
- практика насильственной замены у русского католического населения его природного языка языком польским;
- систематическое давление на мирян духовным оружием для достижения политических целей¹³⁵.
- Указанные явления и тенденции в поведение католического епископата, духовенства и мирян, свидетельствовали о росте социально-политической активности и этнического самосознания в католической среде. Быстрый рост этих процессов стал возможным во многом благодаря новым правовым условиям, созданным указом о веротерпимости и манифестом 17 октября 1905 г.

Отвечая на вызов, брошенный католичеством, МВД начало процесс адаптации нового законодательства о веротерпимости к реалиям формирующихся государственно-конфессиональных отношений. Стимулом к ведомственному нормотворчеству послужило также ошибки правительства, не сформировавшего своевременно правовые механизмы правоприменения указа 17 апреля 1905 г. В результате, министерством была создана система ведомственных нормативных актов, устанавливающих правомерный порядок государственного регулирования отдельных сторон деятельности Католической церкви. Как и в предыдущих случаях, приоритет государства в области интерпретации положений указа позволял МВД устанавливать целесообразные с его точки зрения нормы регуляции церковно-государственных отношений, которые, в свою

134. ЛГИА. Ф. 696. Оп. 2. Д. 360. Л. 38.

135. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 109. Л. 2; Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1911. № 19. С. 368.

очередь, учитывали специфику политической опасности, которую представляло католичество для сохранения Белоруссии и Литвы в составе империи.

Не удивительно, что нормотворческая практика МВД вызывала протесты римско-католической иерархии, носившие как межведомственный, так и правовой характер. При этом епископат апеллировал к нормам указа о веротерпимости и Положению Комитета Министров от 11 февраля 1905 г., которым отменялись «стесняющие свободу веры и не основанные прямо на законе административные распоряжения»¹³⁶.

Следует отметить, что эти претензии не только не учитывали «низовую» практику правонарушений со стороны духовенства и мирян, но и не имели под собой реальных правовых оснований, вытекающих из положений указа о веротерпимости. В конечном итоге, после проведенной правоведческой экспертизы, они не были приняты МВД во внимание, о чем министр А. А. Макаров и сообщил митрополиту Ключинскому в феврале 1912 г.¹³⁷

Попытки же епископата и духовенства выйти за рамки действовавшего законодательства о веротерпимости и подчинить его каноническому праву и реализации польских этнических интересов в белорусской и малороссийской среде, встречали неизменное противодействие со стороны государственных ведомств.

Вместе с тем, усилия МВД и МНП, призванные обеспечить государственную интерпретацию пункта 14 указа о веротерпимости, нельзя назвать вполне успешными. Они встретили достаточно сильное сопротивление со стороны иерархии, части духовенства и мирян-белорусов, которые стремились использовать открывшиеся правовые возможности для усиления польской этноцентричности костела. С их точки зрения польский язык в преподавании закона Божьего в государственной школе должен был войти в число инструментов формирования польского самосознания католиков-белорусов наряду дополнительным богослужением, домашней молитвой, исповедью, катехизацией и нелегальным преподаванием в тайных школах. Борьба, развернувшаяся вокруг интерпретации п. 14 указа о веротерпимости и катехизации, была вызвана столкновением двух идентификационных механизмов — гражданского и религиозного, за которыми стояли политические и конфессиональные интересы противоборствующих сторон.

Сущность конфликта, начавшегося после указа 17 апреля, заключалась в том, что государственная школа Российской империи,

136. Высочайше утвержденное 11 февраля 1905 г. положение Комитета Министров // Законодательные акты переходного времени 1904–1908 гг. Издание 3-е, пересмотренное и доп. по 1 сентября 1908 г. / Под ред. Н. И. Лазаревского. СПб., 1909. С. 16–17.

137. ЛГИА. Ф. 696. Оп. 2. Д. 360. Л. 36–39.

согласно законодательству, формировала в качестве первичной идентичности учащихся — гражданскую, надэтническую, российскую, а только затем уже религиозную и этническую. Католические иерархи — С. Денисевич, В. Ключинский и поддерживавшие их духовенство и миряне наоборот, полагали, что государственная школа должна в качестве первичной формировать идентичность религиозную и этническую, а лишь только затем гражданскую, российскую. Ещё более клерикальной и трайбалистской, не способствующей социализации подрастающего поколения, была позиция епископа фон Роппа, который предлагал заменить государственную начальную школу для белорусов-католиков церковноприходской и этнической по своему составу.

Ожидаемое правительством от Рима решение, способное снять противоречия между государством и сторонниками доминирования польского языка в костеле и народной школе, так и не осуществилось. Папский декрет от 13 октября 1906 г., распространяя свое действие только на новообращенных католиков-великороссов, сохранял церковно-лингвистическое status-quo в Белоруссии и Литве, расширяя вместе с тем возможности для распространения католицизма в центральной России.

Конфликт идентификационных механизмов стал для правительства ещё одним подтверждением, что католичество вновь становится источником политической опасности для сохранения целостности Российской империи. К этому выводу, практически реанимировавшему взгляды, характерные для М. Н. Муравьева, К. П. Победоносцева и губернской администрации Северо-Западного края, пришел и министр внутренних дел Н. А. Маклаков. С его точки зрения, законодательные инициативы правительства, направленные на модернизацию устаревшего института веротерпимости, включая указ 17 апреля 1905 г. и законы о Католической церкви 26 декабря 1905 г., не принесли ожидаемых результатов. Речь скорее шла об известном разочаровании, которое испытывало правительство относительно использования католическим духовенством дарованной ему религиозной свободы.

«Все эти мероприятия, признанные в указе „делом мира и любви“, — отмечал министр — должны были бы, казалось, служить, наряду с укреплением в католическом населении России религиозности и развитию в нем чувства благодарности к русскому правительству. Но, с самого начала осуществления новых принципов религиозной политики все усилия католического духовенства, главным образом польской национальности, были направлены к достижению своих прозелитических и национально-сепаратистских целей, и „дело мира и любви“ обращено этим духовенством в оружие религиозного насилия и национальной вражды»¹³⁸.

138. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 150. Л. 2.

Этнополитическое измерение религиозных конфликтов и противоречий в Северо-Западном крае

МВД, пытаясь найти выход из сложившейся ситуации, и в апреле 1914 г. провело совещание губернаторов Северо-Западного края, на котором были разработаны меры по борьбе с полонизацией белорусского населения. Материалы Совещания дают нам представление о том, каким образом МВД оценивало этнорелигиозную ситуацию, сложившуюся в Литве и Белоруссии накануне Первой мировой войны. Материалы содержали описание и перечень явлений и процессов, которые вызывали особую тревогу министерства. В них, в частности, указывалось, что:

- главнейшим орудием полонизации белорусского населения является Католическая церковь, которой пользуется польское духовенство для достижения политических целей;
- в этом отношении большое значение имеет нежелание Римской Курии допустить замену польского языка в дополнительном богослужении языком русским, объясняемое «внушением высших представителей польского римско-католического духовенства».
- использование польского языка в дополнительном богослужении влечет за собой изучение на этом языке катехизиса и преподавания закона Божьего. У белорусов возникает необходимость изучения польского языка и создает представление о нем, как важнейшем из языков, служащих для общения с Богом;
- во всех епархиях подавляющее большинство прелатов, каноников, официалов и членов консисторий образуют лица польского происхождения;
- в римско-католических семинариях ксендзы-поляки воспитывают семинаристов в духе преданности польским политическим идеалам, препятствуя тем самым развитию у белорусов-семинаристов «русского национального самосознания»;
- этнически ангажированная и прозелитическая деятельность польских и ополяченных ксендзов, «помимо всякого рода внушений», приводит к бойкоту русских школ, запрещению смешанных браков с православными, общению с прихожанами исключительно на польском языке, участию белорусов-католиков в польских обществах;
- и, наконец, в качестве основного заключения из всего вышесказанного — русская государственная власть не может относиться безразлично к денационализации «одного из русских племен»¹³⁹.

139. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 167. Л. 67–69.

Переходя на практический уровень решения проблем борьбы полонизацией края, Совецание предложило правительству следующую программу действий:

- замещение высших римско-католических духовных должностей лицами не польского происхождения.
- воспреещение преподавания Закона Божьего и катехизации католикам — белорусам, литовцам и латышам на польском языке;
- допущение преподавания Закона Божьего и катехизации на белорусском наречии, но лишь в том случае, если на этом же наречии будет признано возможным преподавание Закона Божьего православным.
- употребление всех усилий к тому, чтобы в белорусских римско-католических приходах сами прихожане возбуждали ходатайства о введении дополнительного богослужения на русском языке или на белорусском наречии в случае, если это наречие будет допущено при произнесении проповедей и поучений в местных православных церквях.

Предполагалось, что комплексное осуществление предложенных мер будет направлено на «развитие национального самосознания белорусов» и «предотвращение полонизации литовцев и латышей». Достижение к поставленной цели рассматривалось в двух аспектах: непосредственного правительственного воздействия на римско-католическое духовенство и путем продолжения дипломатических переговоров с Римской курией. «Но, во всяком случае, — подчеркивалось в материалах Совецания — необходимо в этом деле избежать таких мер, которые бы могли носить насильственный характер, так как этим путем никого нельзя заставить признать себя русским»¹⁴⁰.

Принятые решения ещё раз подтвердили, что правительство продолжает весьма болезненно реагировать на прозелитизм и польские политические тенденции в религиозном служении католического духовенства, усиление которых связывалось с правоприменением указа о веротерпимости. С точки зрения Совецания эта противоправная практика в условиях действующих религиозных свобод стала острой политической проблемой, решение которой должно носить постепенный, эволюционный характер. Преemptивность религиозно-этнической политики МВД, осуществляемый П. А. Столыпиным, А. А. Макаровым и Н. А. Маклаковым выразилась здесь в понимании, что ведущий критерий эффективности предпринимаемых действий — в добровольном появлении русских этнических предпочтений католического населения Северо-Западного края.

¹⁴⁰ Там же. Л. 71–73.

Новый уровень осмысления задач интеграции белорусов-католиков в состав «русской народности» и принятая на его основе программа действий, свидетельствовали о политической решимости правительства продолжить курс «этнического предпринимательства», начатый администрацией М. Н. Муравьёва и указом 25 декабря 1869 г. в новых правовых условиях и новыми тактическими средствами. Складывавшаяся под воздействием костела самоидентификация «я — католик, значит, я поляк», должна была смениться иными ценностными ориентирами, «я — католик, я — белорус, и я — русский».

Нельзя не отметить, что актуализация вопроса о радикальной смене идентификационных механизмов костела вновь открывала путь к обострению конфликтов на религиозно-этнической почве. Несмотря на стремление правительства снизить политические риски и вероятность нарушения религиозных свобод католиков, предлагаемый им путь деполонизации костела не мог быть безболезненным для духовенства и мирян, глубоко воспринявших польскую католическую традицию. Начавшаяся Первая мировая война не позволила реализовать этнический проект, разрабатываемый правительством.

И Совецание, и министр Н. А. Маклаков сходились в общей оценке того, что осуществить переход от конфронтации к сотрудничеству государства с католическим духовенством Северо-Западного края так и не удалось. В этой связи, указ 17 апреля можно было оценивать, говоря современным языком, как попытку правительства в одностороннем порядке выйти из состояния церковно-государственной «холодной войны», объявив противнику о завершении конфронтации. Однако «холодная война» государства с польским католичеством, которая с разной степенью интенсивности велась после восстаний 1830–1831 и 1863–1864 гг., с изданием указа 17 апреля 1905 г. не прекратилась. Она приняла новую эволюционную форму, так как часть католической иерархии и духовенства, приняв издание указа как вынужденную уступку со стороны государства, возобновили свою прозелитическую и этнополитическую активность. В этой ситуации политика правительства должна была эволюционировать в обратном направлении — от попытки сотрудничества с иерархией и духовенством к политике сдерживания католичества, не выходящей, впрочем, за правовые рамки указа о веротерпимости, манифеста 17 октября 1905 г и законов 26 декабря 1905 г.¹⁴¹

¹⁴¹ Подводя первые итоги правоприменения указа о веротерпимости, МВД положительно оценивало его интеграционный эффект. «Если православие не терпит ущерба от новой вероисповедной системы, то соображения государственной политики заставляют правительство относиться с тем большей осторожностью ко всякому сужению вероисповедной свободы, так как призраком религиозного гонения всегда будет использован врагами русской государственности и Православной церкви во вред им, и всякое проявление религиозной нетерпимости, как бы незначительно оно ни было, будет отда-

Объяснением нового политического курса правительства могут служить слова Н. А. Маклакова, сделавшего ретроспективную оценку событий, произошедших после издания указа о веротерпимости: «Мероприятия правительства, направленные на укрепление начал веротерпимости были использованы римско-католическим духовенством для достижения двух основных целей.

Первой из них является стремление к совращению православных в католичество, наблюдавшееся первоначально только в Западной России, а в последнее время даже в центральных губерниях и в обеих столицах.

Второй целью польского римско-католического духовенства является колонизация непольских народностей и, главным образом, белорусов и малороссов.

Эти стремления не только не встречают противодействия Рима, но во многих отношениях им поддерживаются. Деятельность римско-католического духовенства представляется особенно опасной для русских начал в Западной России и состоявшееся в апреле месяце в МВД Собрание губернаторов Северо-Западного края с высшими представителями министерства, констатировало печальные факты колонизации этого края и единогласно признало необходимость борьбы с этим явлением»¹⁴².

Указанные «явления» вновь заставляли правительство принимать ограничительные меры и проводить политику пресечения и сдерживания политически враждебных, ассимиляторских и прозелитических тенденций в действиях католических священнослужителей, не выходя на этот раз за рамки закона о веротерпимости. Впрочем, правительство не настаивало на неизменности своей политики, прогнозируя дальнейшие действия в зависимости от поведения и законопослушности католической иерархии и духовенства. Н. А. Маклаков, опираясь на решения Собрания, свое видение перспектив развития отношений государства с Католической церковью сформулировал так: «Если эти меры оградят русское население от дальнейшей колонизации, и вновь назначенные епископы направят деятельность римско-католического духовенства исключительно к заботам о религиозных интересах их паствы то, тем самым, устранятся причины, вызывающие ныне необходимость некоторых ограничений в отношении Римско-католической церкви, и тогда Ведомство не преминет принять меры к постепенной отмене таковых ограничений»¹⁴³.

лять столь необходимое для государственной мощи культурное сплочение инородческих окраин с центром». См: РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 267. Л. 33.

142. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 150. Л. 14.

143. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 150. Л. 15.

АГОП ГАРАБЕДЯН

СОТРУДНИЧЕСТВО И СОВМЕСТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ АРМЯНСКОГО И БОЛГАРСКОГО ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ В КОНЦЕ XIX И НАЧАЛЕ XX ВЕКА

«Никто не мог бы сказать, что хорошо знает историю македонской освободительной борьбы, если он упустил изучить отношения между армянскими и македонскими борцами еще при создании ВМРО и проследить эти отношения в последующие десятилетия».

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. имела судьбоносные последствия для болгар и армян. По подписанному 3 марта 1878 г. Сан-Стефанскому мирному договору болгары обретали государство, простиравшееся почти по всей их этнической территории, а армяне, согласно статье 16-й, — получали обязательство Турции перед Россией незамедлительно провести в армянских землях необходимые «улучшения и реформы» и гарантировать им безопасность со стороны курдов и черкесов¹.

Как известно, под давлением Англии и Австро-Венгрии дело дошло до пересмотра Сан-Стефанского договора. Берлинский конгресс разделил Болгарию на три части, вернул Македонию под власть султана и дал щедрые обещания реформ в Османской империи.

В 61-й статье Берлинского трактата почти буквально воспроизводилась статья 16-я Сан-Стефанского договора. Единственное различие заключалось в том, что теперь не только Россия, но и все Великие Державы подключались к реформам. Высокая Порта обязывалась периодически предоставлять державам информацию о принятых мерах в этом отношении, а те, со своей стороны, на-

1. Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952. С. 168–169.

блюдали за их претворением в жизнь. Что касается Македонии и македонских болгар, то они не упоминались в Берлинском договоре. В статье 23-й говорилось о реформах, аналогичных Критским, которые, сообразно с местными нуждами, необходимо было провести и в оставшихся без специальной административной регламентации частях Европейской Турции.²

По существу, в обоих случаях отсутствовали прямые, практические указания о сущности и содержании этих реформ. Берлинский договор, очевидно, не мог разрешить армянского и македонского вопросов. Проведение реформ ставилось в зависимость от доброй воли и желания Порты; контроль со стороны держав из-за противоречий между ними был полностью иллюзорен, и отсутствовали всякие реальные гарантии осуществления реформ. Воспользовавшись этим, султанское правительство успешно разыгрывало европейскую дипломатию и спустя несколько лет после подписания Берлинского договора так и не были очерчены никакие, хотя бы теоретические, взгляды на применение статей 61-й и 23-й в реальной жизни. «Эти два положения Берлинского договора, — писал современник тех событий Христо Силянов, — породили одинаковые надежды у двух народов, а их неисполнение со стороны Турции и Европы подтолкнуло македонцев и армян к борьбе, которая сблизила их духовно, подтолкнула их к определенному сотрудничеству».³

Итак, по Берлинскому договору Турция сохраняла контроль над 2/3 земель, населенных армянами и составлявших так называемую Историческую Армению. Шесть вилайетов — Ван, Битлис, Диарбекир, Эрзерум, Харпут и Сивас, т. е. Западная Армения, представляли основное ядро армянских земель под османской властью. В них, как и в области Киликия (вилайет Адана и северная часть вилайета Халеб, где с XI по XIV век существовало Киликийское армянское царство), армяне, хотя и разбавленные курдским, турецким, черкесским и другим населением, представляли национальное большинство. Достаточно компактные массы армян жили и в остальной части Малой Азии и на Балканах. Согласно достоверной статистике Константинопольской армянской патриархии, в 1882 г. в шести вилайетах жило 1.630.000 армян, в Киликии — 380 тыс., а в остальной части Азиатской Турции 455 тыс.; в Европейской Турции (преимущественно в Константинополе) их насчитывалось 195 тыс. человек.⁴

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. обострила социальные и особенно национальные противоречия во всей Османской импе-

рии. Поляризация и борьба на религиозно-национальной основе достигли своей высшей точки в областях со смешанным населением. Таково было положение и в вилайетах Восточной Анатолии. Среди армянского населения разрастались не только бунтарские настроения, но и революционные течения и организованное сопротивление на основе усиливающегося национально-освободительного движения.

Первые тайные революционные общества в Западной Армении возникли в 60-х и 70-х годах XIX века. С их деятельностью были связаны восстания армян в Ване (1862), Муше (1863), Зейтуне (1862, 1865, 1867, 1875, 1878–1879) и др.

Во время войны 1877–1878 гг., видя в русских войсках своих освободителей, тысячи армян воевали против турецкой армии как в рядах русских регулярных частей, так и в добровольческих отрядах и партизанских группах. Армянское население восточных вилайетов понимало, что реальную помощь ему может оказать только Россия, поскольку его стремление освободиться от османского рабства и воссоединиться с Восточной (Русской) Арменией совпадали с планами Российской империи в регионе.

После 1880 г., убедившись, что предусмотренные статьей 61-й Берлинского договора реформы в армянских вилайетах не могут быть осуществлены только по милости султана, армяне приступили к восстановлению старых и созданию новых тайных обществ и кружков, пропагандировавших идеи национально-освободительной борьбы. Революционная пропаганда находила благодатную почву также и из-за отчаянно бедного, полуголодного состояния местного армянского населения после войны. Доходило и до открытых столкновений, таких как очередное восстание в Зейтуне, армянской Черногории, в 1884 г.⁵

С другой стороны, активную пропагандистскую деятельность начали развивать армянские эмигрантские колонии в европейских странах и особенно в Марселе, Женеве и Лондоне. Их целью было вызвать интерес и вмешательство Европы в события в Восточной Анатолии, чтобы способствовать осуществлению статьи 61-й или созданию автономной (или независимой) Армении. Постепенно устанавливались связи между внешними и внутренними комитетами.

В 1887 году в Женеве была создана социал-демократическая партия «Гнчак», а в 1890 г. в Тифлисе — Армянская революционная федерация — АРФ (известная как «Дашнакцутюн»). Обе партии были народническо-социалистическими и возникли под воздействием российского революционного движения. За короткое время они распространили свою деятельность по Малой Азии и ев-

2. Там же. С. 205.

3. Силянов, Христо. Атенатът против султана и армено-македонските революционни връзки // Македонски преглед. Год. IX. Кн. 3 и 4. С., 1939. С. 157

4. Самарджиев, Божидар. Арменският въпрос и Англия (1894-1897). С., 1994. С. 14–15.

5. Степанян, Ст. Армения в политике империалистической Германии. Ереван, 1975. С. 34

ропейской части Турции: переправляли людей и оружие, выпускали революционные прокламации, создавали тайные комитеты, готовили демонстрационные и террористические акции, прибегали к самым разным формам борьбы, надеясь таким образом заинтересовать и подтолкнуть правительства Великих держав предпринять реальные действия по осуществлению предусмотренных реформ в армянских вилайетах.⁶

Но султан Абдул-Хамид II и правящая верхушка испытывали страх и раздражение от любого вида внутренних преобразований, затрагивавших существующие государственные институты, которые обеспечивали их неограниченную власть. По их мнению, предусмотренное статьей 61-й Берлинского договора реформирование и улучшение управления в армянских вилайетах имело бы своим результатом поощрение национально-освободительного движения армян и отрыв новых территорий от империи.

Султанское правительство решило принять жестокие меры по «разрешению» армянского вопроса. В 1880-х годах был разработан детальный план геноцида армян, основные меры которого сводились к следующему: 1) лишение армянского населения покровительства закона и защиты администрации; 2) обезземеливание армянских крестьян путем насильственного захвата их наделов; 3) экономическое истощение армянского народа до такой степени, чтобы он был принужден эмигрировать из империи; 4) расселение мусульман (беженцев с Балкан и курдов-чергарей) на прежних землях армян; 5) систематическая организация армянских погромов и изгнания армян.⁷

Учащались преследования и физическое уничтожение армян. Власти сами подстрекали черкесов и курдов к грабежам и убийствам. Целью этого было провоцировать армянское население нападать на представителей османских властей и тем самым создавать поводы к употреблению военной силы. Усиленно разжигался мусульманский религиозный фанатизм, особенно в армии. Туркам внушались чувства вражды и жажда мести в отношении армянских крестьян, путем слухов о существовании мнимых русских агентов, подстрекательства и интриг, действительных и вымышленных бунтов и др. Открыто готовилась почва для массового террора и резни.

Постепенно обстановка в Западной Армении обострилась до такой степени, что всякий сколько-нибудь значительный инцидент мог быть использован османскими властями для осуществления

6. Подробнее об идеологии, целях и революционной деятельности обеих партий см.: Нерсисян М. Г. Армянское освободительное движение и гнчакисты в 80-е и 90-е годы XIX в. // Историко-филологический журнал. 1987. Кн. 3. С. 25–27 (на арм. языке); Даснабедян, Храч. Военно-революционная деятельность Армянской революционной федерации // Дрошак. 1994. № 21. 27 января — 9 февраля. С. 18 (на арм. языке).

7. Самарджиев Б. Указ. соч. С. 20.

плана массового физического истребления армян. События в Эрзеруме летом 1890 г. (обыск властями церкви с целью обнаружения оружия, массовая демонстрация и закрытие армянами своих лавок в знак протеста, открытие огня войсками — 20 убитых и более 200 раненых армян) спровоцировали сильные волнения по всей Восточной Анатолии и в Константинополе. 15 июля того же года несколько тысяч константинопольских армян под руководством партии «Гнчак» собрались в квартале Кум Капы и двинулись к султанскому дворцу Йылдыз с требованием проведения обещанных реформ и прекращения издевательств над армянским народом. Направленные против них полиция и жандармерия открыли огонь, в результате чего были убитые и раненые.⁸

«Ответ» Абдул-Хамида II был очень показателен. В 1891 году он издал ираде о формировании из курдских племен полков иррегулярной конницы, названной «Хамидие». Замышлялось сделать из них военную силу для прикрытия русско-турецкой границы, однако по сути они стали орудием антиармянской политики султана. Это удалось ему легко, так как курды не только исповедовали ислам, но и были самым непросвещенным и социально отсталым народом империи.

После 1892 года положение в Западной Армении стало еще более напряженным. В письме от 13 марта 1893 года американский посланник в Константинополе Томсон сообщал своему английскому коллеге, что донесения из Марзвана говорили об исключительно тяжелом положении христианского населения в той беспокойной части Турции. Известный английский публицист Эмиль Диллон, посетивший в то время Западную Армению, заключал, что в «армянских провинциях утвердилась такая зверская система управления, что в сравнение с ней рабовладельческая система в южных штатах Америки представляла собой незначительные злоупотребления».⁹

Массовые аресты, полное беззаконие и анархия, режим террора, убийства и насилие, военное положение, переполненные тюрьмы, упорно проводимая политика полного разрушения армянских областей стали прелюдией геноцида 1895–1896 гг.

Период большой резни армян в Османской империи начался в августе-сентябре 1894 года с избиения около 10 тыс. армянских крестьян в более чем 40 селах в Сасуне и Талори (горных районах в Битлисском вилайетах, близ города Муш). Сасунская резня была совершена регулярными частями IV-го армейского корпуса, полками «Хамидие», курдскими племенами и турецкими башибузуками. Летом 1894 года в области разразился бунт, вызванный непосильным двойным феодально-административным гнетом со стороны курдских

8. Нерсисян М. Г. Указ. соч. С. 26–27.

9. Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов под редакцией М. Г. Нерсисяна / 2 доп. изд.. Ереван, 1982.

беев и местных турецких властей. Волнения были напрямую связаны с проблемой сбора дани с местного населения. Обыкновенно оно отдавало курдам значительные денежные суммы и по этой причине у него не оставалось излишка для выплаты налогов турецкому правительству. В 1894 году сасунские крестьяне отказались платить дань местным властям, так как курды уже взяли с них все, что можно было взять. Армяне выражали готовность уплачивать такие же суммы Порте, если бы она защитила их от курдов, и заявляли, что у них недостаточно средств, чтобы платить сразу двум господам. Высланный отряд, составленный из курдов и нерегулярных войск, был отражен вооруженной силой доведенными до отчаяния сасунскими армянами, организованными партиями «Гнчак» и АРФ. Тогда по просьбе битлисского вали в том районе был размещен 15-тысячный контингент регулярных войск. Совместно с отрядами «Хамидие» и бандами башибузуков они подавили бунт, разграбили и опустошили армянские села, совершив резню и потрясаящие зверства, о которых болгарский дипломатический агент в Константинополе сообщал, что они были «намного хуже, чем наш Батак».¹⁰

Резня в Сасуне, как отмечал современник тех событий и участник болгарского освободительного движения в Македонии П. К. Яворов, вызвало негодование европейского общественного мнения и требование проведения обещанных реформ. «Македонские революционеры, — продолжал Яворов, — держали пальцы скрещенными: времена были настолько благоприятны, что был слышан голос рабов с той стороны Босфора... Кроме того, армянское движение заставило наших работников удвоить энергию и комитеты росли, как грибы». Эти события стали одной из причин, по которым Гоце Делчев в лютую зиму 1894–1895 гг. отправился из Штипа в Софию и развернул свою деятельность.¹¹

«В конце 1894 года, — писала Мерсия Макдермот, — общественное мнение в Болгарии, как, впрочем, и везде, — было потрясено жестокостями в Армении. Было организовано множество митингов протеста и вновь зазвучало требование исполнения статьи 23-й Берлинского договора. Как внутреннее, так и международное положение было благоприятно для новых инициатив по македонскому вопросу и создание организационного центра стало вопросом первостепенной необходимости»¹².

И вот 27 декабря 1894 года в Софии был учрежден Македонский комитет. Его главная задача заключалась в сборе и публикации сведений о турецких зверствах в Македонии и Фракии, чтобы привлечь внимание тех, кто был уже обеспокоен тяжелой участью ар-

10. Самарджиев Б. Указ. соч. С. 38.

11. Яворов П. К. Съчинения. Том трети. Проза. С., 1971. С. 151.

12. Макдермот, Мерсия. Свобода или смърт. Биография на Гоце Делчев. С., 1980. С. 95–96.

мян. Накануне предстоявшей международной конференции по армянскому вопросу к правительствам Великих держав направлялись делегации и собирались средства на организацию митингов в европейских столицах. Прилагались усилия и для образования подобных македонских комитетов и в других городах, как и в соседних странах, и для создания единой македонской организации.

Не только П. Яворов, но и все остальные современники, имевшие отношение к тем событиям, признавали как бесспорный факт то обстоятельство, что это активизировало освободительное движение болгар в Македонии и Фракии, а действия армянских революционеров служили примером для подражания.

С самого своего создания «Гнчак» и «Дашнакцутюн» называли предварительным условием успешного ведения борьбы начало сотрудничества с революционными организациями других народов, находящихся под османским господством. В связи с этим соратник Г. Делчева Никола Зографов писал: «План автономной Македонии и Фракии, составленный (...) ЦК ВМРО, требовал, чтобы все факторы разъяснили свою позицию и выработали отношение к нему. Армянский народ первым из угнетенных народов подал свою братскую руку, говоря: „У нас одинаковая судьба, один неприятель; мы должны найти точки опоры и в совместной борьбе завоевать автономию для Армении, Македонии и Фракии“...»¹³

«Македония и Армения, — отмечалось в брошюре, изданной в США на болгарском языке в 1964 году, — подали друг другу руку еще 70 лет назад, когда они одинаково страдали от турецкого гнета, когда всеми силами боролись против него, когда их воодушевляли одинаковые идеалы — национального сохранения, политической независимости, культурного прогресса»¹⁴

Македонские революционные деятели внимательно следили за событиями в Турецкой Армении. Они своевременно поняли необходимость взаимного изучения и сотрудничества с армянскими революционерами. Но до серьезных скоординированных акций представителей двух движений не дошло, в том числе и из-за того обстоятельства, что самые крупные вооруженные и иные акции армян на несколько лет опередили апогей македоно-одринского освободительного движения. Поэтому в рассматриваемый период контакты были эпизодическими и спонтанными, что, конечно, не исключало взаимного влияния и стимулирования. Резня армян в Сасуне в 1894 году и активизация Европы в вопросе о реформах в армянских вилайетах породили немало надежд и вдохнули боевые настроения во многих в Македонии и Фракии.

Факты говорят, что сотрудничество между армянскими и македонскими революционерами восходит еще ко времени сербо-болгар-

13. Зографов, Никола. Строежа на живота. С., 1927. С. 63.

14. Армения и Македония. Indianapolis, 1964. С. 7.

ской войны 1885 года. Тогда одна чета, состоявшая из армянских добровольцев и македонских харамиев, действовала в тылу противника. Ее возглавлял Оник Бабаджана — «небезызвестный харамия¹⁵ и хайдук», упомянутый в благодарственном письме князя Александра Баттенберга к капитану Христо Панице.¹⁶ Следующий известный факт относится к 1893 году, т. е. ко времени создания ВМРО. Тогда заведующий Македонским комитетом в Константинополе Димитр Ляпов-Гурин установил связи с руководителем бюро Дашнакцутюна в турецкой столице Ховханнесом Юсуфяном, а вслед за тем и одним из вождей Гнчака — Ардаваздом Аликяном. «Д. Ляпов, — пишет сообщающий эти сведения Х. Силянов, — действовал по своей инициативе, но с одобрения ЦК, который имел большой интерес к состоянию армянского революционного дела и планам его вождей. На том этапе армянские и македонские революционеры оказывали друг другу определенные услуги. Так, например, некоторые из казней армянских шпионов и предателей в Константинополе были совершены при содействии македонских террористов».¹⁷

Тем временем бездействие европейских держав, которые после резни в Сасуне договорились и в мае 1895 года вручили султану план проведения реформ, известный как Майская программа, вызвало новые акции протеста. 30 сентября того же года, по инициативе партии Гнчак, маленькие группы армян собрались в определенных местах в Константинополе. Самое большое число — около 2000 человек — собралось перед армянской церковью в Кум Капы: началась демонстрация, которая двинулась к Порте с целью подать петицию с осуждением коррупции власти, насилий над армянами и настоянием на осуществлении реформ. Встреченные и остановленные отрядом полиции, демонстранты отказались разойтись. Началась перестрелка, которая закончилась примерно 100 убитыми и ранеными. Меж тем, заранее осведомленные об этом мероприятии, власти подготовили контрдемонстрацию, вооружив посохами множество софтов, курдов и турок (в основном переселенцев из болгарских земель). При явном согласии и помощи полиции, подстрекаемые духовенством и властями, толпы мусульманских фанатиков гнали армян по улицам, избивали, кололи и жестоко умерщвляли всех, кого настигали, без различия пола и возраста. Преследования, аресты и избиение армян, обвиняемых в политической смуте, продолжались 4 дня.¹⁸

После этой демонстрации Константинополь, а вслед за тем и вся Западная Армения и все провинции империи, где жили армяне,

15. *Харамия* — первоначальное значение — разбойник (тюрк.), в 1870-е гг. этим термином стали называть наиболее активных участников вооруженного Освободительного движения

16. Ереван. 21 сентября 1981.

17. Силянов Х. Указ. соч. С. 159.

18. Самарджиев Б. Указ. соч. С. 131–132.

на протяжении полугода (с начала октября 1895 до конца марта 1896) стали ареной ужасающей по своим масштабам и зверству массовой организованной резни. В сравнении с нею Сасунские события выглядели лишь как бледная тень на заднем плане. Точное число погибших, вероятно, никогда не будет установлено, но почти все исследователи говорят о примерно 300 тыс. человек; сотни сел и десятки городов были обращены в руины; опустошены и разграблены были целые районы. Начатый геноцид, детище больно-го мозга султана Абдул-Хамида II и безответственного фанатизма окружающей его клики, по всей вероятности имел целью раз и навсегда, «по-восточному», армянский национальный вопрос и сделать излишними связанные с ним реформы.¹⁹

Геноцид 1895–1896 гг. привел к изменению тактики армянских революционеров. «Федерация (Дашнакцутюн. — А. Г.), — писал Силянов, — была против гнчакистских демонстраций, но резня, совершенная по приказу Йылдыза (дворец Абдул-Хамида. — А. Г.), заставила их проститься с легальными средствами борьбы и обратиться к террористическому образу действий. На эту перемену в армянских революционных методах известное влияние оказали повстанческие действия в Македонии, организованные том же году комитетом Китанчева, и особенно эффект бомб, употреблявшихся македонскими повстанческими отрядами».²⁰

После июня 1896 году среди армянского населения в Османской империи наблюдалось новое брожение и усиление революционной деятельности. Это было связано и с вопросом о реформах в Македонии, поднятым Великими державами после динамитных терактов в Македонии. Замыслив террористическую акцию в самом сердце империи, АРФ обратилась к македонским революционерам с просьбой доставить им бомбы и взрывчатку. В связи с этим Д. Ляпов прибыл в Софию, получил от Наума Тюфекчиева некоторое количество динамита и доставил его в Константинополь. Немного позднее армяне получили бомбы и динамит при посредничестве некоторых из офицеров Бориса Сарафова, участвовавших в четническом движении, таких как Йордан Венедиков, Гаруфалов и Луков. «Так что, — отмечал Силянов, — материал, с которым был осуществлен теракт в Оттоманском банке, был болгарско-македонского происхождения».²¹

26 августа 1896 года в послеобеденное время небольшая группа (40 человек) армянских революционеров из Дашнакцутюна, среди которых был и отвечавший за связи с болгарскими Бабкен Сюни (Бедрос Пареян), захватили здание Оттоманского банка в центре турецкой столицы. Они угрожали взрывом поднять банк на воз-

19. Геноцид... С. 85.

20. Силянов, Х. Указ. соч. С. 159.

21. Там же. С. 160.

дух, вместе со всеми деньгами и ценными бумагами, находящимися в нем. Эта отчаянная акция имела целью вновь привлечь внимание европейских держав к исключительно тяжелому положению армянского населения в империи и катализировать проведение в жизнь проектов реформ, остававшихся на бумаге и лишь в качестве благих пожеланий. Однако последовала неопишимо кровавая расправа с армянами. С 26 по 30 августа Константинополь был сценой истинно преступной оргии совершавшихся турецкими властями, полицией и населением убийств, где не было пощады даже женщинам, детям и старикам. Одновременно подвергались грабёжам и поджогам армянские дома и лавки. Число жертв составило примерно 10 тысяч человек. Последовало массовое бегство армян в Египет, Болгарию, Западную Европу, Америку. Не меньше убитых было и в сентябре того же года в областях Эгин, Харпут и Сивас, где продолжилась резня, начатая в Константинополе.²²

Между тем, в результате энергичных действия представителей Англии и России уже на следующий день (27 августа) была обеспечена эвакуация из Оттоманского банка оставшихся в живых нападавших. На английской яхте, а затем на французском военном катере они были вывезены за границу и впоследствии освобождены.

Что же касается оставшихся в Константинополе революционеров, то, как сообщает Х. Силянов, укрывание их стало исключительно трудным делом из-за непрерывных обысков и потрясения армян пережитыми ужасами. Из-за этого Борису Иванову (псевдоним человека, который к тому времени заместил Юсуфяна, нахождение которого в Константинополе стало невозможным) и четырьмя другим руководителям пришлось покинуть столицу и Турцию. Решением этой задачи занималась группа болгар из местного македонского комитета во главе с Д. Ляповым. С помощью представителей местной болгарской интеллигенции и эснафа, среди которых были В. Робев (тогда ученик Галатасарайского лицея), Тр. Доревски, Ал. Петров, д-р Г. Николов, Благой Оролов и учительница Флора Димитрова, эта миссия была исполнена успешно. При прямом содействии некоторых из них, пятеро армянских руководителей были снабжены фальшивыми паспортами на болгарские имена и после успешного прохождения контрольно-пропускных пунктов сели на австрийский пароход. Сопровождаемые Д. Ляповым, они сошли на берег в Бургасе и оттуда продолжили свой путь, одни в Женеву, другие в Россию.²³

Вероятно, эту группу имел в виду писатель Минко Неволни, когда писал, что захватившие Оттоманский банк революционеры по их желанию были доставлены в Бургас. Согласно воспоминаниям современников, с собой они привезли упакованные в ящики ди-

22. Самарджиев Б. Указ. соч. С. 166.

23. Силянов Х. Указ. соч. С. 160–161.

намит, винтовки, патроны и гильзы, которые после описанных автором мытарств были переданы представителям ВМОРО.²⁴

Тем временем Д. Ляпов прибыл в София и проинформировал Верховный комитет об «армянских событиях». По возвращении он отправился в Салоники и представил подробный доклад ЦК. Вскоре после этого Ляпов был вынужден окончательно оставить Константинополь. Узнав о его связях с армянскими революционерами, Экзарх Иосиф уволил его с занимаемой должности, чтобы уберечь Экзархию от подозрений. После него руководство Константинопольским комитетом взяли в свои руки Симеон Радев и В. Робев.

Во время Д. Ляпова ЦК развивал сотрудничество с армянами, но возражал против участия в их акциях, считая, что организация еще не достаточно укрепилась и потому ее не следовало подвергать преждевременному риску. Теперь новое руководство в Константинополе в лице С. Радева и В. Робева получило карт-бланш на активизацию сотрудничества. Эта перемена, как и само появление болгарской революционной организации, вдохновляюще действовала на армян, подобно тому как ранее в них вселяли храбрость и надежду освобождение Болгарии и наличие в Берлинском договоре статьи 23-й, которая делала возможным превращение Македонии в предмет дипломатических акций против султана.²⁵

Теракт в Оттоманском банке произвел моральное воздействие и на революционных деятелей в Македонии. Как эффект болгарских бомб в 1895 году оказал известное влияние на армян, так и грохот армянских взрывов в Константинополь содействовал утверждению мнения, что динамит поможет более эффективно поставить македонский вопрос перед совестью политиков. Этот грохот содействовал возникновению той идеологии, которая породила кружок Мерджановцев, а немного позднее и группу «Гемиджии» — авторов салоницких терактов в апреле 1903 г. Теракт в Оттоманском банке, отмечал Силянов, популяризировал бомбу как оружие борьбы и дал толчок самым разным инициативам — в том числе и созданию собственного производства бомб.²⁶

До 1896 года главным производителем и поставщиком бомб македонским революционерам был Наум Тюфекчиев. Но он не только не делился своими навыками в бомбовом производстве, но и спекулировал своим монопольным положением, взвинчивая цены. Вот почему Г. Делчев и Гьорче Петров задумали высвободиться из зависимости от Н. Тюфекчиева и начать собственное производство. И вот летом того же года, с помощью слесаря Кочо из Броды, организация открыла в Софии свою бомбовую мастерскую. Но скоро

24. Неволни, Минко. По хълмове на Странджа. С., 1982 (цит. по: Ереван. 10 августа 1985).

25. Силянов, Х. Указ. соч. С. 161.

26. Там же.

стало ясно, что ни обучение задействованных в этом лиц, ни само производство не развивались успешно.²⁷ Поэтому, пишет Яворов, «сразу по прибытии в Болгарию (это произошло в конце 1896 или начале 1897 года), Гоце вошел в соглашение с армянскими революционерами, у которых он попросил выделить для него какого-нибудь мастера по изготовлению ручных бомб и разного вида инструментов разрушительно-вредительской работы».²⁸

В соответствии с этой договоренностью через несколько месяцев Г. Петров встретился в Варне с тремя видными армянскими революционерами, один из которых, под псевдонимом Леон, оказался его старым приятелем из Константинополя. Этот Леон был химиком и пиротехником. Из двух других один оказался председателем Армянского комитета в Женеве, прибывшим в Болгарию, чтобы «упорядочить и дать наставления по работе армянских комитетов». «Без малейших уговоров, — пишет Г. Петров, — на дружеских началах, но точно с надеждой на будущие связи с нами, они передали в мое распоряжение одного своего мастера, изготавливавшего бомбы, некоего Киркора, которого я взял с собой в Софию».²⁹

В начале мая 1897 года заработала тайная «фабрика бомб», расположенная у села Саблярски Колиби высоко в горах, у границы близ Кюстендила. Работа была трудной и тяжелой. Группа тщательно подобранных революционеров, в число которых в разное время входили Г. Делчев и Г. Петров, работала и одновременно обучалась под руководством Киркора. Армянин работал бесплатно и делил с болгарскими все трудности и лишения, вызванные нехваткой денег. После 18-месячной работы «фабрика» была раскрыта болгарскими властями и разгромлена.³⁰

Проблема с деньгами стояла настолько остро, что Г. Делчев даже намеревался делать фальшивые турецкие монеты с помощью еще одного армянского специалиста по имени Киршвенк. Были проведены опыты с различными сплавами, и в двух письмах к Н. Зографову Г. Делчев просил прислать ему совсем новые турецкие монеты, вероятно, чтобы использовать их в качестве образцов.³¹ Но каковы, в конечном счете, были результаты всего этого — остается неизвестно.

В то время «фабрика» в Сабляр была посещена химиком Леоном. Он осмотрел ее, дал дополнительные наставления и ознако-

27. Спомени на Гьорче Петров. Съобщава Л. Милетич. С., 1927. С. 54–55.

28. Яворов, П. К. Указ. соч. С. 162.

29. Спомени на Гьорче Петров... С. 54. Согласно сведениям Косты Кондова, который в то время был товарищем Г. Делчева, весной 1897 г. этот последний побывал даже в Одессе, где искал помощи армянских революционеров. Эта информация не подтверждается другими источниками.

30. Там же. С. 68.

31. Гоце Делчев. Писма и други материали. Издирил и подготвил за печат Диньо Кьосев. С., 1967. С. 168–169.

мил работников с некоторыми из своих последних новшеств, включая и так называемые газовые бомбы. Благодаря его советам стали производиться бомбы более совершенные, чем у Н. Тюфекчиева. Кроме того, были сделаны и формы для отливки бомб, которые не требовали специальных условий и могли использоваться повсеместно. Первая мастерская взрывных устройств в Македонии открылась в с. Медино, Радовишской округи. В начале 1903 г. производство распространилось и на другой берег реки Вардар — в с. Смырдеш, Костурской округи.³²

К концу 1899 г. и началу 1900 г. группа революционеров во главе со Светославом Мерджановым задумала три террористические акции, соответственно против султана, Оттоманского банка и Управления табачной монополией. С этой целью они отправились в турецкую столицу, где с помощью одного армянского революционера под псевдонимом Козаков они установили связь с тамошней армянской организацией. Убедившись, что теракт против султана почти неосуществим, С. Мерджанов решил взорвать центральное здание Оттоманского банка в Константинополе и его отделение в Салониках.³³

С этой целью группа сняла здания, расположенные напротив названных финансовых учреждений, и начала копать подземные ходы к ним. В Константинополе туннель копался болгарскими и армянскими революционерами.³⁴ В Салониках упомянутое помещение было арендовано под прикрытием парикмахерской. Возникла необходимость в парикмахере, который был бы незнаком с местными болгарскими и не знал бы болгарский. После соответствующей просьбы С. Мерджанова две группы — Салоникская (в составе которой были и будущие исполнители теракта Йорадн П. Йорданов-Орце и Павел Шатев) и Константинопольская — передали друг другу по одному человеку. На место П. Шатева, который направился в столицу, был послан армянин Кристи (вероятнее всего, Кристапор), известный под псевдонимом Кьосе Аристиди, 20–22 лет от роду, владевший турецким и греческим языками.³⁵

Согласно П. Шатеву, копание туннеля продолжалось до июня 1900 г., и в течение всего этого времени поддерживалась непрерывная связь с армянским комитетом в Константинополе.³⁶ Александр Кипров, со своей стороны, добавляет, что вопрос о туннеле зависел не только от Центрального или Верховного, но и от Армянско-

32. Силянов, Х. Освободителните борби на Македония. Т. I. С., 1933. С. 84.

33. Там же. С. 249.

34. Кипров, Александър. Каналът под Оттоманската банка // Иллюстрация Илинден. С., 1932. Кн. 7 (37). С. 7–8.

35. Шатев, Павел. В Македония под робство. С., 1965. С. 86; Силянов Х. Освободителите... С. 249.

36. Шатев П. Указ. соч. С. 83.

го комитета, так как «эти люди имели большое участие в том деле, и мы не могли ими пренебрегать».³⁷

После прорыва туннеля настала очередь для подготовки взрыва. Оказалось, что совершенно невозможно было найти в Болгарии намеченное количество взрывчатки (100–120 кг), что затем переправить ее в Константинополь. Этой задачей занялись армяне, и особенно упомянутый выше Козаков. Но после доставки «груза» из Батуми в Константинополь последовал провал, при котором был арестован и сам перевозчик. Благодаря своей сообразительности и тому обстоятельству, что он — русский подданный, Козаков, вместо полиции, был отведен в русское консульство. Чудом спасшись, он был экстрадирован в Россию и заключен там в тюрьму. 14 сентября 1900 г. была арестована и группа, прорывшая туннель. Но из-за нехватки доказательств и после заступничества болгарского правительства С. Мерджанов и Петр Соколов были экстрадированы в Болгарию, а П. Шатев — интернирован в его родном городе Кратово.³⁸ Что же касается туннеля, прорытого в Салониках, то он был использован в апреле 1903 г. салоникскими заговорщиками, так называемыми «гемиджии», для подрыва тамошнего отделения Османского банка.

Почти одновременно с провалом акции в Константинополе осуществилась и так называемая Афера Керемедчиоглу. В начале 1900 г. по инициативе Б. Сарафова представитель Верховного комитета в Пловдиве Павел Генадиев и тамошний армянский революционный комитет, с ведома и при содействии Г. Петрова, организовали смешанную болгаро-армянскую чету. Ее возглавил Георгий Тенев из Свиленграда; входили в нее следующие лица: Христо Хаджилиев, Георгий Фотев (Фотакиев из с. Колибите, Лозенградской округи), Иван Исклюлята и армяне Татул и Ованес из Родосто. Татул, а также Оник и Малгарац — это были псевдонимы 28-летнего Ованеса Зармаряна из г. Малгара, организовавшего революционный комитет в своем родном городе. При переправке оружия из Пловдива в Македонию он был арестован и судим болгарскими властями. Об Ованесе из Родосто известно лишь, что он был мастером-оружейником из Пловдива.³⁹

Летом 1900 г., после неуспешной попытки похитить ради выкупа одного богатого армянина из Родосто, чета захватила лекаря-грека Керемедчиоглу и освободила его за 800 турецких лир. Последовал провал, который по своим опустошительным последствиям для революционных организаций Фракии был равен аналогично-

37. Кипров А. Указ. соч. С. 9.

38. Шатев П. Указ. соч. С. 108, 115–116.

39. Настов, Христо. Борбите в Македония и Одринско 1878–1912. С., 1982. С. 313; Макдермот М. Указ. соч. С. 189.

му Виницкому провалу⁴⁰ в Македонии⁴¹. Описанное выше активное сотрудничество в Константинополе и его европейском хинтерланде было возможно благодаря наличию там многочисленной армянской колонии. Учитывая этот факт, деятель ВМОРО Георги Василев в августе 1900 г. отправился в поездку за пределы этого района, чтобы расширить охват организации. Он изучил возможность преодоления существовавших неблагоприятных условий в округе городов Узункёпру, Кешан и Малгара, которые заключались в наличии там значительного греческого населения и влияния Константинопольской патриархии. Средства преодоления этого заключались в установлении контактов и привлечении к делу революционной организации тамошнего многочисленного армянского населения.⁴²

В 1901 году еще одна армянско-болгарская чета, названная в источниках того времени «четой Бедо Серемджияна», «Бедо-Татуловой четой» и «четой смелых Онницев-Татуловцев», под руководством офицера запаса болгарской армии Бедроса Серемджияна (Бедо, Булгарац, 28 лет, из Пловдива), действовала под Адрианополем. Она была создана по инициативе Б. Сарафова, армянского комитета в Пловдиве и ЦК ВМОРО. Летом чета подготовила взрыв на железнодорожной линии, по которой двигался Восточный экспресс, однако теракт оказался неудачным. Группа сумела отступить без потерь.

После этой неудачи С. Мерджанов, чтобы снабдить чету средствами для другого теракта, решил захватить одринского вали и любимца султана Ариф-пашу, который в то время был в гостях в имении еще одного фаворита падишаха, крупного землевладельца по имени Дертли Мустафа-бей. Целью акции было требование выкупа и освобождения товарищей, находившихся в заключении и под судом. Но в устроенную засаду попал не Ариф-бей, к тому времени уехавший, а сын хозяина Нури-бей.

После захвата Нури-бея чета остановилась в одном укрытом горном месте. Там было подготовлено письмо к Дертли Мустафе, и четники О. Зармарян и Г. Фотев отправились, чтобы передать его. Однако перед помещьем они попали в засаду, устроенную кехаями (пастухами) и были убиты на месте⁴³.

40. Виница — город в Македонии, где также была предпринята попытка захвата заложника с целью выкупа, результатом чего стал провал революционного подполья.

41. Макдермот, М. Указ. соч. С. 189.

42. Стоянов, Стоян. Изграждане и дейност на Вътрешната македоно-одринска революционна организация в Одринска Тракия (1893–1912 г.) // 100 години Вътрешна македоно-одринска революционна организация. С., 1994. С. 51.

43. Шатев П. Указ. соч. С. 202–203 // Ереван. 5 декабря 1991; Степан Агукян. Четата на Серемджиян Мерджанов. Мит или реалност: Светослав Мерджанов и Бедрос Серемджиян // Иллюстрация Илинден. Год. VIII. С., 1936. Декември: кн. 10 (80). С. 13. Серемджиян родился в Пловдиве. Подобно Г. Делчеву

Весть об этом инциденте быстро достигла Андрианополя. Там уже был сформирован большой карательный отряд из кавалерии и пехоты, который пустился по следам четы. 18 июля 1901 года она была обнаружена в землице села Киречджи, и в завязавшемся бою, который длился почти целый день, погибли Нури-бей (по некоторым сведениям, он был убит лично С. Мерджановым) и четники Ованес Таракджиян (Онник из г. Родосто), П. Соколов (27 лет, родом из Кюстендила), Иван Димитров Котков (Котаков, из с. Кавак под Лозенградом) и Хачик Асланян (он же Горюн, Дикран, Андон, 21 года, из Трапезунда, организатор и исполнитель терактов в своем родном городе). Четверо — Б. Серемджиян, Ованес Торосян (Онник, Родостоци, 28 лет, из Родосто), Христо Хаджилиев (Македонец, 30 лет, из с. Докузюк) и С. Мерджанов (Слави, 26 лет, из Карнобата) были ранены, захвачены и доставлены в Адрианополь. В дороге их заставили нести головы их убитых товарищей. Военно-полевой суд осудил их на смерть. Приговор был приведен в исполнение 10 декабря 1901 года публично, в четырех разных местах в Адрианополе. С. Мерджанов был повешен на маленькой площади у Эски-джамии, близ ограды общинного управления. Перед тем, как на него была надета петля, он сказал по-турецки: «Не думайте, что с нашим повешением закончатся болгарские и армянские борцы-революционеры». А Б. Серемджиян воскликнул на французском: «Да здравствует свобода Армении, Македонии и Фракии!». ⁴⁴

ву, он окончил Софийское военное училище. Он внимательно изучал тактику, которую использовали четы в Македонии, и установил дружеские связи с руководством Македоно-Одринской революционной организации. В 1897 г. Серемджиян отправился в Персидскую часть Армении, где развил широкую деятельность и формировал революционные четы. Во главе одной из них он перешел в Турецкую Армению, где участвовал в показательной акции возмездия против одного курдского бандитского формирования в Ханасоре и в течение нескольких лет действовал в горах и революционизировал население. После этого он перешел в Русскую Армению, где был задержан царской полицией. Будучи осужден на несколько месяцев заключения, после освобождения он вернулся в Болгарию. Всего месяц спустя подвиг четников был отражен в ряде иностранных периодических изданий: «Дрошак», «Аврора», «Pro Armenia», «Эфорт», «Реформа» и «Франкфуртер Цайтунг». Кроме того, среди армян получили распространение и стали необычайно популярны две песни о Б. Серемджияне и одна об О. Зармаряне. В честь 20-летия их героической смерти, в 1921 году в Болгарии была издана памятная почтовая открытка. Ее текст гласил: «Первая объединенная армяно-болгарская чета Серемджияна — Мерджанова. Начало армяно-болгарского сотрудничества во Фракии». Об этой чете написано много. О ней писали в своих воспоминаниях Михаил Герджиков, Атанас Разбойников, Христо Настов, Георги Казаков, Димитр Влахов и другие очевидцы и современники. Интерес к событиям в Адрианополе в 1901 году проявил и ряд авторов, в числе которых были: Ф. Пресансен, П. Кияр, А. Ахаронян (Хариб), В. Хошикян, З. Ксабян, Г. Харибджаниян, А. Папазян, А. Газиян, М. Апостолски, М. Зафировски, Д. Зографски и др.

44. В Македония и Одринско. Спомени на Михаил Герджиков. Съобщава Л. Милетич. С., 1928. С. 60, 76.

Накануне Илинденско-Преображенского восстания 1903 года на конгрессе, проведенном в местности Петрова нива, М. Герджиков предложил отправиться в Адрианополь и с помощью армянских революционеров совершить несколько террористических актов, чтобы замедлить движение турецких войск к расположению повстанцев. С этой целью он отбыл в Пловдив, где вместе с Михаилом Деневым связался с представителями тамошнего армянского революционного комитета. «В соответствии с их рекомендацией, — отмечал М. Герджиков, — мы написали в редакцию газеты „Дрошак“ в Женеву (в виду явно имелось руководство АРФ. — А. Г.) с просьбой выделить в помощь нам в Адрианополе двух-трех своих человек, который бы нас приютили, так как наши люди там были не способны на это». В Пловдиве он подготовил необходимую взрывчатку и снаряжение, но впоследствии конгресс решил, чтобы это акцией занялся М. Даев. Последний позднее сообщил М. Герджикову, что армяне не исполнили своих обещаний, из-за чего акция в Адрианополе не осуществилась. Вместо этого в Варне была сформирована повстанческая чета из болгар-эмигрантов из Адрианополя и армян, которая под командованием М. Даева приняла участие в восстании во Фракии. ⁴⁵

К 1905 году армянские революционеры решили, что пока не будет устранен Абдул-Хамид II, Армения и армяне будут по-прежнему подавляться в их собственной крови. Конечно, они были не первыми, кто осудил султана на смерть. Было немало тех, кто в разное время соблазнялся этой мыслью. Как уже было упомянуто, С. Мерджанов и П. Соколов направлялись в Константинополь специально для того, чтобы на месте изучить возможность ликвидации Абдул-Хамида II во время пятничной молитвы, т. н. «селямлика». Однако они пришли к выводу, что такая акция была неосуществима. В отличие от них, армянские революционеры решили предпринять попытку. Однако они не копали, а действовали на поверхности, вкладывая в работу такой же фанатизм и такую же упорную волю, как и их болгарские братья. И тех, и других осеняла вера в то, что внезапная смерть султана автоматически приведет к освобождению их отечества. В подготовке покушения активное участие принимали и болгарские революционеры. ⁴⁶

В это время руководящие деятели Дашнакцутюна в Женеве поддерживали тесные связи с С. Радевым. Б. Сарафов познакомился с некоторыми из них еще до восстания 1903 года, через Д. Ляпова. По время своей поездки по европейским столицам в 1904 году

45. Армения и Македония... С. 5.

46. Силянов Х. Атенатът... С. 162.

Б. Сарафов остановился на продолжительное время в Женеве, где он совсем подружился с армянскими революционерами.⁴⁷

Женевский центр доверил организацию теракта Кристопору Микаэляну — одному из создателей Дашнакцутюна. После осмотра места султанского «селямлика», благодаря раздобытому пропуску в дипломатический павильон, армянин составил следующий план: он с двумя женщинами и одним мужчиной будут стоять в павильоне. В определенный момент он выстрелит, чтобы смутить и отвлечь находящихся там охранников и тайных агентов. Выстрел будет знаком, по которому две девушки бросят бомбы, которые они будут нести на груди — всего 4 числом.

После подготовки плана были начаты опыты с бомбами, чтобы точно определить их действие, с учетом данных проведенного исследования. Избранный тип производился и испытывался на горе Витоша. Во время одного из таких опытов 5 марта 1905 года, в местности Шанцата, при котором присутствовали Б. Сарафов и Д. Ляпов, одна из бомб преждевременно взорвалась в руках молодого Врамшабуха Кендеряна и разорвала его на части. Раненый осколком, погиб и сам К. Микаэлян.⁴⁸

После его смерти руководство в Женеве поручило продолжить работу еще одному армянину под псевдонимом Сафо, с паспортом на имя Липа Рипс. Он бросил старый план и составил новый. Предполагалось использовать фаэтон, который должен был взорваться на таком расстоянии от султанского экипажа, что Абдул-Хамид непременно был бы уничтожен. Приготовления и опыты с взрывчаткой проводились около Софии и Радомира. Для этого у местных крестьян покупались вола, ослы и лошади, на которых испытывалось действие взрывчатки на разных расстояниях.

Вскоре из Вены в Константинополь был доставлен роскошный фаэтон с большим облучком. Был приготовлен двойной железный ящик — внутренний, вместивший свыше 100 кг взрывчатки, был поставлен в другой, наполненный песком, кусками железа и бомбами. Смонтированный таким образом, двойной сундук, т. е. своеобразная адская машина, была размещена под облучком.

Л. Рипс, вместе с одним армянином и бельгийцем Е. Жорисом, неоднократно посещали «селямлик» для изучения обстановки. Однако 10 июля 1905 года, в день теракта, он, чтобы не причинить вред иностранным дипломатам, поставил фаэтон не на главной дороге, т. е. прямо напротив султанской коляски, а в стороне, на месте, предназначенном для экипажей частных лиц. Дипломаты остались целы, но выжил и Абдул-Хамид II. 46

47. К. Микаэлян (1859-1905) был погребен на Армянском кладбище в Софии. Его могила сохранилась до наших дней.

48. Силянов Х. Атенатът... С. 163-165.

В 1907 году один из лидеров Дашнакцутюна Ростом Зорян, в соответствии с решением IV конгресса партии, прибыл в Болгарию и предложил ВМРО создать нелегальное военное училище. Оно было размещено в местности около Рильского монастыря; в нем обучалось свыше 400 добровольцев армян и болгар, среди которых был и Гарегин Нжде. Там они изучали военное дело и готовились к революционной деятельности в Турецкой Армении и Македонии. В качестве руководителя-инструктора был привлечен капитан болгарской армии Бохос Бохосян. Здесь капитан полностью проявил свой военный и педагогический талант и товарищеские качества. Талантливый разведчик, он сумел раскрыть и обезвредить группу шпионов, работавших в тылу македоно-одринского революционного движения. Бесконечно скромный и самоотверженный, Бохосян привлек к революционной борьбе и свою семью с двумя несовершеннолетними детьми. Они делили трудности и невзгоды жизни в полевых условиях в Риле. Примерно через два года по стечению политических обстоятельств училище было закрыто.⁴⁹

Сотрудничество двух революционных движений осуществлялось и некоторых европейских столицах, где в 80-е и 90-е года XIX века, во время армянской резни, возникли сильные армянофильские настроения.

В то время Женева была местом пребывания интеллектуальной элиты Дашнакцутюна. Там печатался его главный орган «Дрошак» («Знамя»). В то время как Гнчак действовал преимущественно в Англии, АРФ работал на континенте, прежде всего во Франции, где на сторону армянского дела были привлечены влиятельные публицисты и политики. В целях его пропаганды проводились беседы, собирались митинги и конференции, делались запросы в парламентах. Так в 1899 году, с целью привлечь внимание к армянской проблеме, Дашнакцутюн организовал митинги в Болгарии, в Северной Америке и в Египте, откуда были направлены телеграммы к участникам проходившей в то время первой конференции мира. Именно тогда АРФ и Верховный комитет подготовили совместную декларацию, адресованную общественному мнению цивилизованного мира. Она была разослана во все крупные газеты, делегациям на конференции и главах шести великих держав.

С 1 ноября 1900 г. по инициативе АРФ в Париже на французском языке два раза в месяц выходил журнал «Pro Armenia», предназначенный для пропаганды армянского дела. В этом журнале печатались видные публицисты и политики В. Клемансо, Ж. Жорес, А. Франс, Ф. Пресансен, П. Киар, Дж Брайс, Е. Пери и другие,

49. Ереван. 15 июня 1985. Полковник Б. Бохосян погиб во время Первой мировой войны, будучи командиром 44-го пехотного полка, после ранения, полученного в битве при излучине реки Черна. Он был похоронен в церкви в г. Прилеп.

ставшие впоследствии активными членами движения «Pro Armenia». В 1904 году журнал издавался уже тиражом в 2000 экземпляров, имел 200–300 подписчиков, а остальные экземпляры бесплатно рассылались в редакции газет, библиотеки, политикам и другим лицам.

20 апреля 1902 г. под редакцией С. Радева на французском языке началось издание «La mouvement macedonien». Его редактор развил плодотворное сотрудничество, с одной стороны, с французскими и другими армянофилами и македонофилами, с другой стороны — с печатью, руководящими кругами и различными ассоциациями армянского освободительного движения в Европе. Журнал участвовал и в организации нескольких заявлений в поддержку обоих освободительных движений.

В начале XX века, с активизацией революционных проявлений в Македонии и Фракии, движение «Pro Armenia» стало трансформироваться и в македонофильское. В итоге оно сменило название на «Pro Armenia et Macedonia». 10 марта 1902 года Франсис де Пресансен изнася беседа по армянскому и македонскому вопросу. По инициативе Бернштайна были поведены дебаты в Рейстаге. В поддержку армянского и македонского дела проводились митинги в Галиции, Вене, Будапеште, Милане, Риме и Турине. 12 октября 1903 года Парижский комитет «Pro Armenia» созвал международный митинг в защиту македонского дела в парижском театре «Сара Бернар».

Основанный в Лондоне «Балканский комитет» также внес свой вклад в эту пропагандистскую деятельность. Так, 12 марта 1904 года по его инициативе был проведен митинг в защиту армянского и македонского дела. Участие в нем приняли Дж. Брайс, П. Кияр, В. Перар, а также болгарские и итальянские официальные лица.⁵⁰

Определенную роль в пропагандировании армянского и македонского дела играли и армянские студенты в Западной Европе, каковых в начале XX века насчитывало около 400 человек. Их ядро составляли члены Армянского студенческого союза в Европе (около 90 человек). Основная деятельность союза была направлена на ознакомление общественного мнения с событиями в Турецкой Армении, а впоследствии и в Македонии, путем рассказов, митингов и демонстраций в различных городах Европы. Так, например, благодаря участию его представителей в проведенной 18 сентября 1900 г. Международной конференции учащихся социалисты приняли резолюцию в поддержку находящихся под турецким господством армянского, македонского и других народов. 4 января 1902 года в Женеве армянские и болгарские студенты организовали тра-

урное собрание в память четы Б. Серемджияна и С. Мерджанова, на котором выступили с декларацией о совместной борьбе и выразили соболезнование родителям погибших в Адрианополе четников. В состоявшейся 31 марта 1902 года в Женеве V конференции учащихся армян приняла участие и группа македонских студентов.⁵¹

С 15 по 22 сентября 1906 г. в Милане проходила очередная всемирная конференция за мир. В ее работе принимали участие делегаты из Франции, Англии, США, Германии, Бельгии, Дании и других стран. Среди участников конференции, которых насчитывалось несколько сот человек, было и множество защитников македонского дела. По предложению редакции газеты «Дрошак» конференция приняла резолюцию, в которой настаивалось, чтобы державы, подписавшие Берлинский договор, безотлагательно осуществили предусмотренные в статьях 23-й и 61-й и Майском документе 1895 года реформы в Армении и Македонии.⁵²

«Благодаря этим уже существовавшим связям, — отмечал Силянов, — два движения — армянское и македонское — взаимно популяризировали друг друга. Друзья Армении брали под свою защиту и Македонию. Две многострадальные провинции стали общим предметом пламенных речей, которые раздавались на армянско-македонских международных митингах до и после Илинденского восстания. В этом отношении, — заключал автор, — македонское дело было многим обязано армянам».⁵³

Говоря о широкой пропагандистской деятельности армян в мире и особенно в Европе, Арсений Йовков писал: «И мы не ошибемся, если скажем, что в прошлом для популяризации македонского революционного дела в мире армянская эмиграция сделала намного больше, чем македонская».⁵⁴

«Македонцы, — писала близкая сотрудница К. Микаэляна, Рубина Оханджаниян, — как истинные сыны своего измученного народа братски объединились с нами, и мы представляем одну душу с двумя лицами — армянским и македонским. Наши общие освободительные интересы, общие революционные средства борьбы создали общую, братскую, непринужденную атмосферу взаимопонимания и сотрудничества».⁵⁵

Перевод с болгарского В. Б. Каширина

51. Торикян, Ш. АРФ и интернационализирането на арменския въпрос // Дрошак. № 2 (1410). 8-19 июня 1993. С. 27 (на арм. языке).

52. Там же. АРФ и институционализирането... С. 32.

53. Силянов Хр. Атентатът... С. 162.

54. Йовков, Арсени. Поглед назад. 20-й юлий, год. I. С., 1924. № 13. С. 1.

55. Илинден. Т. IV. С., 1924. № 6. С. 3.

50. Торикян, Шаварш. АРФ и институционализирането на арменския въпрос // Дрошак. № 1 (1409). 22 апреля — 5 июня 1993. С. 31–32 (на арм. языке).

ДЖОН У. СТЕЙНБЕРГ

ВЛИЯНИЕ Д. А. МИЛЮТИНА
НА ОБРАЗОВАНИЕ РУССКИХ ВОЕННЫХ
ОФИЦЕРОВ

В середине XIX в. правящие классы России столкнулись с задачей, оказавшейся для них неразрешимой. Вследствие оглушительного поражения в Крымской войне новый царь Александр II стремился обеспечить стабильность своей державы путем перестройки русского общества в ходе так называемых «Великих реформ»¹. Хотя истоки и мотивация «Великих реформ» остаются темой исторических дискуссий, бесспорно то, что в результате поражения в Крыму ряд серьезных вопросов требовал неотложного решения. Однако, ни один из них не был настолько значимым, как оценка возможностей российской военной машины. Каждый ее аспект, начиная с административной организации вооруженных сил и заканчивая обучением и подготовкой офицеров и солдат в мирное время и оперативным руководством армией в военное время, необходимо было подвергнуть пересмотру в целях будущей безопасности империи. Если Россия хотела оставаться великой державой, то следовало задаться важными вопросами относительно поражения в Крыму, чтобы выявить и устранить слабости, ставшие причиной унижения от рук англичан, французов и турок на собственной российской территории. К счастью, Александру II хватило здравого смысла назначить военным министром одного из самых просвещенных реформаторов той эпохи российской истории, Дмитрия Алексеевича Милютина. В качестве военного офицера, обладающе-

го широким опытом административного и оперативного руководства армией, Милютин имел и способности, и собственные идеи, необходимые для полной перестройки русских вооруженных сил сверху донизу. Во время «Великих реформ» Милютин был одной из немногих руководящих фигур в российском правительстве, способных дать интеллектуальную оценку тем сложным задачам, которые встали перед всеми европейскими военными структурами в эпоху стремительно развивающихся военных технологий: индустриальная революция создавала новые возможности, оказавшиеся на вооружении у солдат, служащих в массовых призывных армиях. Цель Милютина заключалась ни много ни мало в том, чтобы дать России массовую армию под командованием профессионального офицерского корпуса, способную защитить режим от любых будущих врагов.

Ключевую роль в усилиях Милютина по перестройке российских военно-учебных заведений в период «Великих реформ» сыграли кадетские корпуса, созданные специально для подготовки русской аристократической молодежи к офицерской службе в императорской армии. Эти корпуса были основаны в XVIII в. в качестве вознаграждения русскому дворянству за преданную службу Романовым. С момента своего создания кадетские корпуса воплощали в себе военный аспект взаимоотношений между короной и русской знатью. Эти заведения не только обеспечивали начальную военную подготовку детям русского дворянства, но и знакомили знатную молодежь с обычаями и традициями ее мира, с ее местом в российском обществе. Кадетские корпуса давали привилегированным членам общества возможность легкого получения должностей и быстрого роста в чинах вне зависимости от способностей. Кадетские корпуса вознаграждали своих выпускников за их социальный и экономический статус. С целью исследования милютинской реформы и ее места среди других «Великих реформ», мы сперва обратимся к истокам кадетских корпусов, необходимым для понимания их истории и той роли, которую они играли в России к моменту назначения Милютина министром. Далее мы посмотрим, как Милютин реорганизовал учебный процесс в кадетских корпусах, изменив условия приема в них и учебный курс. Наконец, мы оценим, удалось ли образовательным реформам Милютина пережить реакцию, последовавшую за убийством Александра II и отставкой Милютина с поста военного министра. Для этого мы исследуем социальный состав кадетских корпусов в период после 1881 года. Несомненно, образовательные реформы Милютина внесли важнейший вклад в преобразование российских вооруженных сил из средневеково-феодально-крепостническо-дворянского войска в современную массовую призывную армию, находившуюся под командованием высоко образованных и опытных офицеров. Вопрос о том, в какой степени подобные шаги к модернизации страны получали одобрение со стороны населения империи, остается открытым.

1. См.: Ben Eklof, John Bushnell, and Larissa Zaharova (eds.). *Russia's Great Reforms, 1855–1881*. Bloomington, 1994; W. Bruce Lincoln. *The Great Reforms: Autocracy, Bureaucracy, and the Politics of Change in Imperial Russia*. Dekalb, 1990.

Создание кадетских корпусов

Формальное военное образование появилось в России, — что неудивительно, — благодаря усилиям Петра I, чьи реформы мотивировались его собственными грандиозными стратегическими планами, из-за которых в течение почти всего его правления Россия находилась в состоянии войны со Швецией либо с Османской империей. В то время как его отец Алексей Михайлович в XVII в. нанес сокрушительный удар по Польше, тем самым обеспечив России военное преобладание на западных рубежах страны, Петр I стремился подорвать могущество Османской и Шведской империй военными и дипломатическими средствами². Эти амбиции требовали выработки государственной политики и создания правительственных структур, которые бы дали в распоряжение Петру I и его наследникам вооруженные силы, способные нанести поражение великим державам, соперничающим с Россией на севере и на юге. В то время как Петр I признавал значение образования в западном стиле для будущего его расширяющейся империи, он никогда не считал необходимым создавать формальные военные учебные заведения для русской молодежи. Такой подход не должен нас удивлять. Царь, понимая, что бойцам требуется техническая подготовка в таких сложных областях, как инженерное дело, артиллерия и флот, и с 1698 г. открывая школы, в которых давалось соответствующее образование, вместе с тем непоколебимо верил в подготовку на основе непосредственного опыта и продвижение по службе в зависимости от заслуг³. Петр хотел, чтобы его солдаты сперва продемонстрировали свои способности и отвагу на службе в императорских гвардейских полках в мирное и в военное время. Затем, если начальство находило их достойными этого, они получали практическую офицерскую подготовку, после чего получали чин и окончательно зачислялись в гвардейский полк⁴. Ничто не воплощало этого подхода в большей степени и не вызывало у российских верхов большей неприязни, чем кодификация этой меритократической концепции путем составления в 1722 г. «Табели о рангах». Хотя теоретически «Табель о рангах» обеспечивала социальную мобильность для любого члена российского общества, Петр I по сути стремился этой реформой, надолго пережившей все его другие начинания, убедить знать отдавать больше сил служению государству⁵. Вне зависимости от того, насколько непопуляр-

2. William C. Fuller. *Strategy and Power in Russia, 1600–1914*. N. Y., 1993. P. 35–84.
3. См.: Бескровный Л. Г. Военные школы в первой половине XVIII в. // Исторические записки. № 42. 1953. С. 288–289; Галушко Ю., Колесников А. Школа российского офицерства: Исторический справочник. М., 1993. С. 7–20.
4. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958. С. 167–180.
5. Lindsey Hughes. *Russia in the Age of Peter the Great*. New Haven, 1998. P. 184.

ными могли быть все его модернизационные реформы, и невзирая на неспособность понять, что в обучении нуждаются не только солдаты, находящиеся на действительной службе, но и русская молодежь вообще, Петр I повернул Россию на путь модернизации не только ее военных структур, но и общества в целом⁶.

Следующий шаг в деле образования армейского руководства был сделан при императрице Анне Иоанновне. В качестве награды за помощь, оказанную ей при восхождении на престол, 29 июля 1731 г. она издала указ, по которому формально создавались кадетские корпуса как заведения для образования знатной молодежи, которой было позволено обучаться там с 13-летнего возраста. 1-й кадетский корпус с бюджетом в 30 тыс. рублей открылся в Санкт-Петербурге 17 февраля 1732 г., имея в своем составе 56 кадетов. К 1737 г. в этом училище числилось 360 кадетов, которые для тренировок были разделены на три пехотные роты⁷. Кадетские корпуса служили интернатами для русской молодежи, которая должна была получить там подготовку либо к офицерской карьере, либо к гражданской службе. Первоначально в учебный курс кадетских корпусов входили русский язык и грамматика, история, география, юриспруденция, уроки пения и танцев⁸. Несомненно, что кадетские корпуса создавались как вознаграждение для знати, поддерживавшей Анну Иоанновну, но они также играли важную роль, обеспечивая детям русского дворянства основы образования, и тем самым становились для российских вооруженных сил активом, значение которого еще более возросло во второй половине XVIII века⁹. Тем не менее русское политическое руководство в том столетии не стремилось увеличивать число учебных заведений, которые бы давали возможность обучения всех подданных империи. Ни один российский самодержец не поддерживал идею о распространении грамотности в массах, как бы сильно современное государство ни нуждалось в образованных людях. В результате к 1808 г. существовали лишь военно-учебные заведения, перечисленные в Таблице 1. Политическое руководство России понимало, что для сохранения непоколе-

6. Больше о реформах Петра I см.: E. V. Anisimov. *The Reforms of Peter the Great: Progress Through Coercion*. New York, 1993; Paul Bushkovitch. *Peter the Great: The Struggle for Power*. Cambridge, 2001.
7. Крылов В. М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998. С. 21.
8. Петрухинцев Н. Н. Царствование Анны Иоанновны: Формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота. СПб, 2001. С. 117–120. Недавнее исследование о кадетских корпусах см.: Данченко В., Калашников Г. Кадетский корпус: Школа русской военной элиты. М., 2007.
9. Литература о структуре российского общества обширна, но получить представление о значении различных социальных классов, существовавших в России в XVIII и XIX вв., можно из работ: Elise Kimerling Wirschaft. *Social Identity in Imperial Russia*. Dekalb, 1997; Idem. *Structures of Society: Imperial Russia's «People of Various Ranks»*. Dekalb, 1994.

ТАБЛИЦА 1

Название заведения	Дата основания	Число учащихся на момент основания	Число учащихся на 1825 г.
1-й Кадетский корпус (СПб)	1732	200	1000
Морской кадетский корпус (СПб)	1752	360	700
2-й Кадетский корпус (Артиллерийская и инженерная академия, СПб)	1762	274	700
Школа для иностранцев (СПб)	1792	200	-
Военно-сиротский дом для сирот (СПб)	1798	1000	-
Смоленский кадетский корпус	1799	200	500
Пажеский корпус (СПб)	1802	66	170
Константиновский кадетский корпус	1808	600	2236

ИСТОЧНИК: Крылов. Кадетские корпуса и российские кадеты. С. 40

бимой поддержки знати последняя должна быть тем или иным образом вознаграждена. Вследствие такого подхода к военно-учебным заведениям их число в начале XIX в. было недостаточным для образования кадровых офицеров, без которых было невозможно оборонять и расширять границы империи¹⁰. Вплоть до царствования Николая I офицерский чин давался лишь после строевой службы в полку — обычно в гвардейском. Офицеры, получившие гвардейский чин, продвигались по карьерной лестнице быстрее, чем офицеры, не состоявшие в гвардии, вне зависимости от их опыта или заслуг. Такие офицеры за все время своей службы так и не получали никакого или почти никакого формального военного образования. И хотя именно такую систему подготовки офицеров замыслил создать Петр I, к началу XIX века большинство офицеров в русской армии получали чины благодаря личным связям¹¹.

10. Аурова Н. Н. Система военного образования в России: Кадетские корпуса во второй половине XVIII — первой половине XIX века. М., 2003. С. 54–72.

11. Следует отметить, что Пажеский корпус был создан в 1802 г. в качестве особого учебного заведения для самых высокопоставленных аристократических семейств империи. Выпускники этого корпуса становились претендентами

После того, как империя пережила нашествие Наполеона, а затем нанесла ему поражение, и после того, как режиму пришлось подавить восстание декабристов 14 декабря 1825 г., на царский престол вззошел молодой Николай I, который считал себя в первую очередь человеком военным. Будучи третьим сыном Павла I, он никогда не думал, что однажды встанет во главе империи. Однако став царем, Николай I на первое место в списке своих приоритетов поставил состояние вооруженных сил, и потому в течение всего своего правления не только путешествовал и жил вместе со своей армией, но и уделял много времени изучению и реформе военной машины¹². В результате усилий Николая I по улучшению состояния армии кадетские корпуса в 1832 г. получили новый учебный план, рассчитанный на восемь лет, включавший в себя три отделения (подготовительное, общее и специальное), и организованный согласно табл. 2.

Таким образом, к концу правления Николая I, ко времени Крымской войны, царь поощрял создание учебных заведений, которые давали будущим офицерам не только военную подготовку научного и технического типа, но и знакомили их с основами свободных искусств. Утром учащиеся занимались в классах, где заучивали наизусть содержание учебных курсов¹³. Вторая половина дня была посвящена упражнениям на открытом воздухе, которые выполняли роль не только разминки после занятий. Хотя концепции «воспитания» и «образования», восходящие еще ко временам Екатерины II, были поставлены в центр русского военного обучения во второй половине XIX века, при Николае I они стали идеалами и целями, определявшими образование и подготовку русского офицерского корпуса. Воспитание было призвано развивать храбрость, верность и патриотизм, под образованием же понималось физическая тренировка будущих солдат, их обучение меткой стрельбе и приемам штыкового боя¹⁴. Будущие русские офицеры готовились служить царю и империи, но результаты Крымской войны со всей наглядностью показали, что офицерский корпус не был способен нанести поражение сильному врагу даже на своей собственной территории.

на занятие должностей офицеров царской свиты, либо на высочайшие бюрократические должности в правительстве. См.: Левшин Д. Пажеский корпус за 100 лет. СПб., 1902.

12. В качестве лучшего краткого исследования армейской реформы в годы правления Николая I можно назвать: Frederick W. Kagan. The Military Reforms of Nicholas I: The Origins of the Modern Russian Army. N. Y., 1999.

13. См.: Галушко, Колесников. Школа российского офицерства. С. 120–129 — описание курсов; С. 61–62 — распорядок дня, начинавшегося в 5.30 утра и заканчивавшегося в 9.30 вечера.

14. См.: Аурова. Система военного образования в России. С. 120–147. О значении понятий «воспитания» и «образования» в русской армии в XIX и начале XX вв. см.: Bruce W. Menning. Bayonets Before Bullets: The Imperial Russian Army, 1861–1914. Bloomington, 1992. P. 39–42.

ТАБЛИЦА 2

Предметы	Подготовительные годы		Общие годы				Годы специализации		Итого
	I	II	I	II	III	IV	I	II	
Богословие	1	1	1	1	1	1	1	1	8
Французский	4	4	3	3	3	3	2	2	24
Немецкий	4	4	3	3	3	3	2	2	24
Русский	4	4	4	3	3	3	2	2	25
Математика	3	3	5	6	5	3	3	3	31
Естественные науки	2	2	—	—	2	2	2	2	12
География и статистика	—	—	3	3	2	2	2	2	14
Политическая история	—	—	2	3	3	3	3	3	17
Юриспруденция	—	—	—	—	—	—	1	2	3
Начальная военная подготовка	3	3	1	—	—	—	—	—	7
Рисование	1	1	1	1	1	1	—	—	6
Черчение	—	—	—	—	—	1	1	1	3
Военная наука	—	—	—	—	—	—	7	8	15
Всего часов в классе (еже-недельно)	22	22	23	23	23	22	26	28	189

ИСТОЧНИК: Алпатов Н. И. Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа. М., 1958. С. 62.

Возвышение Д. А. Милютин

К моменту смерти Николая I, вследствие его особой заинтересованности в военных делах, русские военно-учебные заведения создали основу и для теоретического обучения, и для практической подготовки. Однако, Крымская война продемонстрировала их неадекватность. О сомнительной эффективности этой подготовки было хорошо известно Д. А. Милютину, которого 9 ноября 1861 г. Александр II назначил военным министром. Поэтому

когда Милютин приступил к реформированию императорской армии, военное образование стояло на одном из первых мест в списке институтов, требующих усовершенствования. В целом реформы Милютина имели три фундаментальных аспекта: во-первых, он сосредоточил управление армией в руках военного министра, создав военные округа и окружные штабы; во-вторых, продемонстрировав выдающуюся дальновидность, Милютин произвел реформу военно-учебных заведений, приведя учебный курс в соответствие с требованиями времени и открыв доступ в эти заведения для всех подданных империи; наконец, в подготовленном им законе 1874 г. о всеобщей воинской обязанности признавалось, что Россия и по социальным, и по стратегическим соображениям больше не может себе позволить содержать постоянную армию. Сочетание трех этих масштабных реформ преобразовало русскую армию, задействовав все доступные ресурсы империи и используя их наиболее рациональным образом. В целом Милютин поставил перед собой задачу построить не что иное, как современную «вооруженную нацию», создав массовую армию, находящуюся под командованием профессионально подготовленного офицерского корпуса. Военные округа задавали административную структуру, благодаря которой авторитет и власть военного министерства оказались сосредоточены в руках военного министра. Одержав верх над разного рода оппозицией в армии и правительстве и убедив Александра II принять закон о всеобщей воинской обязанности, Милютин создал условия для резкого увеличения размеров армии. В то время как техническая, материальная и людская база императорских вооруженных сил возрастали высокими темпами, Милютин понимал также, что в развитии и в укреплении нуждается и система военно-учебных заведений с тем, чтобы армия и в будущем могла отвечать возлагаемым на нее задачам. Цель Милютина стояла не только в том, чтобы поднять планку военных стандартов по всей империи, но и обеспечить профессиональное образование и подготовку всех пригодных к нему лиц, вне зависимости от их классового статуса и социального происхождения.

Благодаря своим достижениям на посту военного министра Милютин сыграл ключевую роль в усилиях Александра II по модернизации России посредством «Великих реформ»¹⁵. Когда Милютин был назначен военным министром, он был вполне подготовлен к той роли, которую ему пришлось играть в правительстве Александра II. Служба в армии и поездки Милютина по Европе приве-

15. О подробностях биографии Милютина см.: Осипова М. Н. Д. А. Милютин. М., 2005. Серьезным прижизненным исследованием является работа, написанная в год смерти Милютина: Бильдерлинг А. Граф Дмитрий Алексеевич Милютин // Военный сборник. № 2. Февраль 1912. С. 3–16. По-английски см.: Forrest A. Miller. Dmitrii Miliutin and the Reform Era in Russia. Nashville, 1968.

ли его к идеям реформ, основанным на серьезных исследованиях, большом жизненном опыте и обширной практике, и вдобавок к этому Милютин хорошо представлял себе все проблемы, связанные с проведением в империи тех или иных политических мер. Реформируя военно-учебный аппарат империи, Милютин стремился дать России военное руководство, способное возглавить армию в будущих войнах. Поскольку одним из принципов закона о всеобщей воинской обязанности было увеличение размеров армейской структуры, Милютин понимал, что дворянство неспособно дать армии достаточное число офицеров. Поэтому, помимо повышения стандартов военного образования, ключом к образовательной реформе Милютина было создание возможностей для талантливых подданных царя, вне зависимости от их социального происхождения, получить доступ к высшим воинским должностям. Более того, военный министр понимал, что современная армия нуждается в том, чтобы самые умные и одаренные члены общества становились офицерами, и поэтому он стремился открыть двери офицерского корпуса для всех подданных царя. В ходе образовательной реформы Милютин повысил уровень подготовки и обучения офицеров, которые со временем вошли бы в состав верховного командования армии. Таким образом военный министр намеревался создать в России офицерский корпус, который бы соответствовал и размерам армии, и интеллектуальным требованиям, предъявляемым современной войной¹⁶. Милютин, понимая необходимость таких мер, стремился обеспечить доступ в офицерский корпус для всех членов общества, желающих служить в армии в этом качестве. Военный министр хотел покончить с традиционной монополией дворянства на офицерские должности, потому что Россия не могла себе позволить оставаться заповедником аристократических привилегий в эпоху индустриализованной войны.

Придя к власти, Милютин не стал тратить времени и сразу же занялся вопросом о военном образовании. В соответствии с общей практикой «Великих реформ» он в начале 1862 г. создал чрезвычайный комитет, который должен был одобрить его идею по преобразованию кадетских корпусов в военные гимназии, устроенные по образцу гражданских школ. Конкретная цель Милютина заключалась в том, чтобы поднять образовательные стандарты и открыть

16. В числе важных источников по Милютину и «Великим реформам» можно назвать: Захарова Л. Г. Д. А. Милютин: Военный министр и реформатор. «Все наше государственное устройство требует коренной реформы снизу доверху» // Россия: Международное положение и военный потенциал в середине XIX — начале XX века. Очерки / Под ред. И. С. Рыбаченка. М., 2003. С. 5–69; Зайончковский П. А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. О собственных идеях Милютина см.: Дневник Д. А. Милютина / Под ред. П. А. Зайончковского. В 4 т. М., 1947–1950; а также недавнее издание: Д. А. Милютин. Воспоминания / Под ред. Л. Г. Захаровой. М., 1999.

двери этих заведений для всех россиян, желающих стать армейскими офицерами. К концу 1862 г. с одобрения этого комитета управление военными училищами было изъято из ведения Главного штаба Военного министерства; отныне управлять всеми военными училищами империи должна была новая бюрократическая структура — Главное управление военно-учебных заведений. Под началом генерала В. И. Исакова, который был доверенным лицом Милютина, это управление осуществляло реорганизацию кадетских корпусов в военные гимназии, представлявшие собой подобие гражданских реальных училищ и гимназий¹⁷. Совместно Милютин и Исаков разработали учебный план для военных гимназий, содержание которого на 1870 г. показано в Таблице 3. При том, что продолжительность обучения была сокращена с восьми до семи лет, а академические предметы были отделены от военных, отныне кадетам приходилось уделять больше времени изучению математики, естественных наук, языков и даже богословия. Очевидно, благодатнее повышению вниманию к языкам и к наукам учащимся приходилось посвящать больше времени умственной деятельности, чем муштре на плац-параде. Таким образом, создание военных гимназий привело к усиленному изучению ключевых предметов, призванных развить способности учащихся / офицеров по руководству войсками на поле современного боя. В распространенной по армии директиве Милютин ясно дал понять, что ожидает от учащихся усвоения знаний и умения пользоваться ими¹⁸. Соответственно, пересмотр учебного курса кадетских корпусов представлял собой серьезный отход от принципов образования в правление Николая I. Смена акцента с бездумной физической активности на интеллектуальные занятия в классе стала ответом Милютина на неудачи российской армии во время Крымской войны.

Другим важным последствием попыток Николая I превратить Россию в жандарма Европы было решение царя увеличить число военно-учебных заведений. Если из Таблицы 1 видно, что в начале XIX века в России насчитывалось 8 военных училищ, то согласно Таблице 4, в царствование Николая I было открыто 15 новых военных училищ с целью удовлетворить постоянно возрастающие запросы армии.

До эпохи Наполеона в 8 существовавших училищах, готовивших русских офицеров, всего насчитывалось 5306 учащихся. К мо-

17. Зайончковский. Военные реформы. С. 225–227; о том, как Милютин описывал свою деятельность в Военном министерстве в 1861 г., см.: Милютин Д. А. Воспоминания, 1860–1862. См. также: Хазин О. Пажи, кадеты, юнкера: Исторический очерк. М., 2002. С. 61–63.

18. Свое отношение к академической дисциплине и содержанию учебного курса Милютин недвусмысленно выразил в статье: Милютин Д. Программы учебных предметов в объеме курса военных гимназий // Педагогический сборник. Кн. 1. Ч. 1. Январь 1869. С. 1–43.

ТАБЛИЦА 3

Предметы	Уровень обучения							Итого
	I	II	III	IV	V	VI	VII	
Закон божий	2	2	2	2	2	2	2	14
Французский	6	4	4	4	4	3	3	28
Немецкий	—	4	5	6	4	3	3	25
Русский	5	4	5	4	4	4	4	30
Математика	5	4	5	6	7	6	6	39
Естественные науки	—	2	2	2	2	2	—	10
Физика	—	—	—	—	2	4	3	9
География	2	2	2	2	—	—	2	10
История	—	—	2	2	3	4	3	14
Рисование	3	2	—	—	—	—	—	5
Черчение	3	2	3	2	2	2	—	14
Всего часов в классе (еже-недельно)	26	26	30	30	30	30	30	202

ИСТОЧНИК: Алпатов. Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа.

менту Крымской войны таких училищ было уже 23, и в них обучалось 7060 человек. За тот же период, от начала до конца правления Николая I, численность регулярной армии возросла от приблизительно 874 826 офицеров и солдат в 1826 г. до 1 151 319 офицеров и солдат в 1853 г.¹⁹ Однако именно при Николае I в вооруженных силах стала ощущаться нехватка офицеров, которая превратилась в хроническую проблему императорской армии вплоть до свержения династии Романовых.

Поэтому Милютин, занимаясь проблемами качества офицерского образования, был вынужден создавать новые военные училища, чтобы обеспечить армию подготовленными офицерами в количестве, соразмерном будущим требованиям вооруженных сил. Потребность в большем числе офицеров и последствия принятия закона 1874 г. о всеобщей воинской обязанности привели к преобразованию императорской армии в нескольких важных аспектах. Главным было то, что после освобождения крестьян в 1861 г. армия

19. См.: L. G. Beskrovnyi. The Russian Army and Fleet in the Nineteenth Century / Ed. Gordon E. Smith. Gulf Breeze, 1996. P. 5.

ТАБЛИЦА 4

Училище	Дата основания	Число учащихся в 1854 г.
1-й кадетский корпус	1732	600
2-й кадетский корпус	1762	600
Пажецкий корпус	1802	150
Константиновский к. к.	1808	1000
Финляндский топографический к. к.	1812	120
Александровский к. к.	1829	400
Павловский к. к.	1829	500
Нижегородский к. к.	1834	400
В РАЙОНЕ МОСКВЫ		
1-й Московский к. к.	1824	650
Тамбовский к. к.	1830	100
Александровский (тульский) к. к.	1830	100
Орлов-Бахтинский к. к.	1843	400
Оренбург-Неплюевский к. к.	1844	200
Михайлов-Воронежский к. к.	1845	400
1-й Сибирский к. к.	1849	240
2-й Московский к. к.	1849	400
Александровский к. к. (для сирот)	1851	400
ЗАПАДНЫЕ РЕГИОНЫ		
Смоленский к. к.	1799	200
Калишский к. к.	1815	200
Полоцкий к. к.	1835	400
Петровский Полтавский к. к.	1840	400
Александр. Брестский к. к.	1841	400
Киевский к. к.	1852	200

ИСТОЧНИК: Крылов. Кадетские корпуса и российские кадеты. С. 50.

уже не состояла из крепостных, находящихся в почти пожизненной зависимости от капризов и выходок офицеров-аристократов. К концу столетия в российской армии на действительной службе насчитывалось 1 858 тыс. бойцов, а благодаря милютинским реформам армия, как и все прочие европейские армии, получила обученный запас, который, как считалось, в военное время мог быть немедленно призван на службу²⁰. Рост армии требовал обучения и подготовки большего числа офицеров. Соответственно Милютин, помимо преобразования кадетских корпусов в военные гимназии, также реформировал и прочие профессиональные военно-учебные заведения²¹. В первую очередь цель милютинских реформ военного образования заключалась в том, чтобы сделать его доступным широким слоям населения и таким образом дать армии достаточное число кандидатов на постоянно увеличивающееся число офицерских должностей.

Используя возможности, предоставленные периодом «Великих реформ», для того, чтобы поднять образовательный уровень во всех профессиональных военных учебных заведениях, Милютин в то же время уделял много энергии созданию новых военных школ. Он основал специальные прогимназии для учащихся скромного происхождения, нуждавшихся в элементарном обучении, прежде чем приступить к формальному военному образованию. Военный министр требовал, чтобы выпускники реформированных военных гимназий были грамотными и имели хорошую успеваемость по таким основным академическим предметам, как математика, языки, естественные и гуманитарные науки, а также прилежно учили уставы и упражнялись в обращении с личным оружием. Он рассчитывал, что новые военные гимназии перестанут быть местом, куда дворяне могли определять своих сыновей, достигших шестилетнего возраста, для их воспитания под надзором государства. По замыслам Милютина, выпускники этих заведений должны были получить назначение в армию и после недолгой службы в нижних чинах продолжить образование в новых специализированных учебных заведениях, известных как высшие военные школы или военные училища. В этих училищах будущие командиры императорской армии получали подготовку, особую для каждого из четырех родов войск — пехотную, артиллерийскую, кавалерийскую или инженерную. Милютин прекрасно понимал, что при всех его усилиях по созданию военных гимназий, для многих умных и талантливых юношей обучение в них оставалось недоступным по финансовым причинам. Поэтому для таких учащихся, которые не могли себе

20. Ibid. P. 39.

21. Краткое объяснение новой системы военного образования можно найти в: Зайончковский. Военные реформы. С. 221–252.

позволить получить образование в других учебных заведениях империи и все же стремились к карьере в императорском офицерском корпусе, Милютин создал юнкерские школы — заведения, хаотичным образом учреждавшиеся в армии на полковом уровне с начала XIX века. К 1914 г. эти школы обеспечивали среднее и специальное обучение для представителей всех социальных классов. После упорядочения роли юнкерских школ, они начали давать армии большинство строевых офицеров и служили одним из важнейших путей, по которому выходцы из низших слоев общества могли попасть в офицерский корпус, а в некоторых случаях даже получить назначение в Генеральный штаб²².

К началу XX века каждый старший командир в императорской армии был выпускником военно-учебных заведений, реформированных Милютиным. Тем не менее, и несмотря на самые лучшие намерения Милютина, вплоть до свержения династии Романовых в армейской структуре решающую роль играли дворянские привилегии. Они проявлялись в практике назначения на должности в новой полевой армии в зависимости от типа военной школы, в которой обучался кандидат. Например, выпускникам юнкерских школ приходилось некоторое время служить унтер-офицерами, обычно в пехотных частях, прежде чем получить офицерский чин. А выпускники кадетских корпусов до реформ 1860–1870 гг. поступали в армию младшими офицерами, если только не получали назначение прямо в гвардейский полк. Эти выпускники — почти исключительно отпрыски наследственной знати, — попадая в императорскую гвардию, сразу же получали более высокий чин поручика, тем самым пользуясь изначальным преимуществом, которое дворянство имело в офицерском корпусе. Милютин насаждал практику, согласно которой офицеры, стремящиеся к высшим командным должностям в армии, должны были пройти период службы и оценки, а затем поступить в одно из семи учебных заведений по родам войск, обучение в которых являлось необходимым условием дальнейшего поступления в одну из военных академий. Всего таких академий было четыре, включая артиллерийскую, кавалерийскую и инженерную, однако самым верным путем к вершинам армейского руководства была учеба в Николаевской академии Генерального штаба. Реформы Милютина открыли для офицеров любого социального происхождения возможность обучаться в лю-

22. Лучший англоязычный источник по этим учреждениям: J. E. O. Screen. The Helsinki Yunker School, 1846–1879: A Case Study of Officer Training in the Russian Army. Helsinki, 1986. О реформе юнкерских школ см.: Зайончковский П. А. Военные реформы 1860–1870-х годов в России. М., 1952. С. 240–246; Воробьев А. Российские юнкера 1864–1917: История военных училищ. М., 2002. Полный перечень всех типов военного обучения в России конца дореволюционной эпохи см.: Лобко П. Л. Записки военной администрации для военных и юнкерских училищ. СПб., 1879–1912.

бых военных школах, начиная от кадетских корпусов и юнкерских школ и заканчивая главными военными академиями империи²³.

Таким образом, Милютин, возглавляя военное министерство, бросил вызов идее о привилегиях, получаемых по праву рождения, так как стремился создать в России систему военного образования и подготовки, призванную дать стране современных профессиональных военных, обладающих навыками и способностями для успешного управления ресурсами «вооруженной нации». Любой офицер, продемонстрировавший навыки командования во время службы в нижних чинах, получивший достаточно высокие оценки на вступительных экзаменах в военно-учебное заведение, а затем и окончивший это заведение, теоретически мог дослужиться до самых высоких должностей в армейском руководстве. Неудивительно, что после убийства Александра II и прихода к власти Александра III милютинская система военного образования претерпела много попыток отмены ее прогрессивных принципов во имя восстановления стабильности режима. Соответственно с 1881 по 1914 гг. политика России в сфере военного образования колебалась между двумя противоположными полюсами. Главным источником разногласий был вопрос о том, какие из подданных империи должны иметь возможность получить образование, необходимое для вхождения в верховное командование армии. Старая армейская элита — офицеры, обычно, но не всегда принадлежавшие к императорской гвардии — отказывались сдавать свои позиции в армейской структуре, не понимая, что чем более упорно цеплялись за власть, тем сильнее сами становились анахронизмом. Они не слишком ценили попытки Милютина сделать меритократию руководящим принципом при выборе будущих армейских командиров.

Влияние реформ Милютина

Хотя правление Александра III остается тесно связанным с парадигмой, наиболее удачно определяемой как период контрреформ, современным исследователям ясно, что царь в первую очередь был озабочен сохранением власти и авторитета самодержавия и Российской империи. Его поступки, однако, не отличались слепым

23. Важными источниками сведений по военно-учебным заведениям России в конце века служат: Лалаев М. С. Исторический очерк военно-учебных заведений. СПб., 1880; Он же. Исторический очерк военно-учебных заведений подведомственных главному их управлению, 1881–1891. СПб., 1892; Обзор деятельности военного министерства в царствование Императора Александра III, 1881–1894. СПб., 1903. Полную историю военно-учебных заведений см.: Геков Ф. В. Краткий исторический очерк военно-учебных заведений: 1700–1910 гг. М., 1910.

использованием любых средств, ведущих к этой цели²⁴. Ощущая угрозу со стороны прогрессивных реформ Милютина, офицерские кадры полков императорской гвардии приветствовали политический курс нового царя. Однако, заботясь об интересах державы, Александр III едва ли мог себе позволить игнорировать постоянно меняющееся и явно слабеющее стратегическое положение России в мире. Чтобы сохранить мощь имперской военной машины и в то же время пойти навстречу традиционной офицерской элите, «царь-миротворец», не тратя времени даром, приказал произвести инспекцию различных сторон системы по обучению будущих офицеров, призванных готовить солдат к сражению на поле современного боя²⁵. Милютин, понимая, что отныне его возможности на посту военного министра сильно ограничены, подал в отставку и уволился из армии. Вследствие этого одной из первых перемен в составе правительства при Александре III было назначение на должность военного министра П. С. Ванновского менее чем через три месяца после убийства Александра II. Ванновский, имевший высокую репутацию в качестве военного преподавателя, в свою очередь назначил близкого к себе человека, Н. А. Махотина, на важную должность начальника Главного управления военно-учебных заведений при Военном министерстве — бюрократической структуры, на которую Милютин возложил ответственность за надзор за всей системой военного образования в России²⁶.

Вскоре после назначения Ванновского новый царь создал комиссию под председательством генерал-адъютанта Коцебу для изучения влияния милютинской системы на военную машину империи. Поскольку по большей части эта комиссия состояла из представителей традиционной офицерской элиты, неудивительно, что она дала рекомендацию упразднить «систему Милютина»²⁷. Единственной из реформ Милютина, с которой так и не смирилась традиционная офицерская элита, было преобразование кадетских корпусов в военные гимназии, поскольку именно оно несло с собой самую серьезную угрозу ее привилегиям и статусу. В процессе создания военных гимназий Милютин открыл в них доступ всем, кто имел хоть какое-то подобие классического образования. Гвардейские офицеры, все до единого являвшиеся воспитанниками этих

24. См.: Heide W. Whelan. Alexander III and the State Council: Bureaucracy and CounterReform in Late Imperial Russia. New Brunswick, 1982. P. 17–37.

25. См.: Янушкевич Н. Н. Состояние вооруженных сил России со времени введения общеобязательной воинской повинности: Важнейшие реформы в военном деле в царствование Императора Александра III // История Русской армии и флота. М., 1913. С. 32.

26. Краткую, но содержательную биографию Ванновского см.: П. С. Ванновский (Некролог) // Педагогический сборник. Апрель 1904. С. 390–397.

27. Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973. С. 300.

заведений, рассматривали появление военно-учебных заведений нового типа как посягательство на одну из важных привилегий, причитающихся им по праву рождения.

Так, в подробном обзоре военно-академических учреждений, представленном Александру III в середине 1882 г., Ванновский сделал следующее заявление об эффективности военных гимназий: «Удовлетворяя педагогическим требованиям среднего образования, она [военная гимназия] не решает задач, стоящих перед профессиональными военно-учебными заведениями. Поэтому нами признается потребность в сохранении систематических образовательных курсов, но эти заведения должны также отвечать задаче подготовки [учащихся] к поступлению в высшие военно-учебные заведения»²⁸.

При Ванновском к военным гимназиям относились как к школам, обеспечивающим базовое образование будущих офицеров, но несоблюдением давая достаточную практическую военную подготовку, требующуюся для военного руководства императорской армии. В результате Ванновский не только реорганизовал военные гимназии и переименовал их в «кадетские корпуса», но и учредил новый этап в офицерском обучении. Целью этого нового этапа было ознакомление учащихся с военным этосом посредством изучения прикладных предметов и физической тренировки²⁹. Кроме того, Ванновский рекомендовал, чтобы в процессе воссоздания кадетских корпусов повседневные занятия молодых учащихся были организованы на армейских принципах, предусматривающих жесткую дисциплину³⁰. Наконец, самым существенным новшеством, внедренным в это время, было увольнение из школ всех гражданских преподавателей и их замена армейскими офицерами³¹. Тем самым Ванновский стремился сузить содержание учебного плана военных гимназий, переориентировав педагогические цели с подготовки образованных граждан, обладающих широким кругозором (к чему стремился Милютин), на узкоспециальное практическое обучение будущих военных офицеров. Таким образом 22 июля 1882 г., менее чем через два года после восшествия Александра III на престол, военные гимназии вновь превратились в кадетские корпуса³².

28. Скалон Д. А. Столетие военного министерства, 1802–1902. Главное управление военно-учебных заведений. Исторический очерк. Ч. 3. Т. 10. СПб., 1914. С. 146.

29. Лалаев М. С. Исторический очерк военно-учебных заведений подведомственных главному их управлению, 1881–1891. Ч. 3. СПб., 1892. С. 32.

30. Скалон. Столетие военного министерства. С. 146.

31. См.: Лалаев М. С. К юбилею военного министра генерал-адъютанта Ванновского: Материалы для биографии с кратким очерком развития военно-учебных заведений с 1881 по 1890 год. СПб., 1890. С. 84.

32. Лалаев. Исторический очерк. С. 12.

Если Милютин открыл доступ в военные гимназии для любых граждан, умевших читать и писать, то поступление в 18 кадетских корпусов 1880–1890-х гг. всецело зависело от социального статуса кандидатов или послужного списка их отцов³³. Таким образом офицеры-ветераны императорской гвардии намеревались защитить свое братство, открыв доступ в новые военные средние учебные заведения лишь тем, кто был непосредственно связан с их традиционной кастой. Сыновья наследственной знати в возрасте от 6 до 10 лет, которые могли себе позволить стиль жизни, ожидавшийся от гвардейских офицеров, немедленно зачислялись в кадетский корпус вне зависимости от их прежнего образования и подготовки. Неограниченным правом на поступление в кадетские корпуса обладали также сыновья офицеров генерального штаба и других старших офицеров (чином выше капитана), убитых или раненых в прежних войнах. Более того, сыновьям тех, кто имел награды за храбрость в бою, также гарантировалось местечко в этих «престижных» военных школах. Наконец, принимались в кадетские корпуса также те соискатели, отцы которых не менее десяти лет прослужили офицерами³⁴. Воссозданные кадетские корпуса не стали такими заповедниками аристократических привилегий, какими они были в дореформенную эпоху, однако новые правила зачисления создавали преимущества для детей армейских офицеров. Это, в сочетании с затратами на обучение и проживание, практически закрывало людям низшего социального происхождения доступ в такие школы.

Таким образом, главной целью кадетских корпусов стало обучение и подготовка молодежи к будущей военной службе «царю и отечеству», которая означала защиту самодержавия и от внешних, и от внутренних врагов³⁵. Для выполнения этой задачи учебный план кадетских корпусов состоял из двух главных разделов: общеакадемического и специальной подготовки. Общеобразовательный учебный план, мало изменившийся по сравнению с прежними гимназиями, в 1882 г. включал в себя следующие пред-

33. См.: Памятная книжка на 1885 год. СПб., 1885, где приводится следующий список кадетских корпусов, существовавших в России в начале 1880-х гг.: в Санкт-Петербурге — Николаевский, Александровский, 1-й и 2-й; в Москве — 1-й, 2-й, 3-й и 4-й; а также Орловский, Бахтинский, Михайловский, Полоцкий, Петровско-Полтавский, Владимирский Киевский, Нижегородский, графа Аракчеева, Симбирский, Псковский, Оренбург-Неплюевский, Сибирский, Тифлисский, Финляндский и Донской (С. 169–170).

34. Лалаев. Исторический очерк. С. 133–138.

35. Постановления о военно-учебных заведениях: Свод военных постановлений, издания 1869 г. Кн. 15. СПб., 1871. С. 99. Отметим, что на момент издания этого свода средние военные учебные заведения назывались военными гимназиями. Тем не менее, в издании этого свода 1914 года дается точно такое же определение роли кадетских корпусов.

меты: закон божий, русский язык и литературу, иностранные языки (немецкий и французский), математику, естественную историю, физику, космографию, географию, русскую историю, юриспруденцию, чистописание и рисование³⁶. За семь лет — столько длилось обучение в кадетском корпусе, — предполагалось, что учащийся должен овладеть русской грамматикой, стать начитанным человеком и научиться двум иностранным языкам. Занятия по математике начинались с арифметики и заканчивались аналитической геометрией. Во время уроков естественной истории учащиеся покидали классную комнату и изучали различных животных, растения и минералы в естественной обстановке. Курс физики включал в себя такие темы, как магнетизм, электричество, движение и равновесие, свет и тепло. Цель курса космографии состояла в том, чтобы научить кадетов использовать математику в физической географии. Курс географии включал в себя вопросы физической, политической и этнической географии. Русская история и право были призваны дать учащимся понимание прошлого их страны и умение пользоваться законами. Наконец, все выпускники кадетских корпусов должны были хорошо писать и рисовать.

Выбор предметов общеобразовательного типа в военных школах и расчет отведенного на них времени производились Милютиным по образцу учебного курса классических гражданских гимназий, с тем серьезным отличием, что в военных школах не практиковалось изучение классических языков, т. е. греческого и латыни³⁷. Число дававшихся каждую неделю уроков продолжительностью в 1 час за все семь лет, что продолжалось обучение в кадетском корпусе, приводится в Таблице 5, где расписание 1880 г. (милютинское) сравнивается с расписанием 1890 г. (после Милютина).

При том, что к учащимся относились как к солдатам — они были разделены на роты и обучались основам строевой подготовки, учебный курс в кадетских корпусах в целом носил общеобразовательный характер и почти не изменился с тех пор, как его составил Милютин в бытность военным министром. Согласно изданным в 1889 г. «Программам и инструкциям для преподавания учебных предметов в кадетских корпусах», еженедельное число учебных часов, отводившихся на преподавание каждого предмета, за все семь лет обучения приводится в Таблице 6.

36. Лалаев. Исторический очерк. С. 139–140.

37. Авторитетная работа по гражданскому образованию в России в 1909 г. принадлежит Т. Дарлингтону: Thomas Darlington. Education in Russia (Special Reports on Educational Subjects. Vol. 23) [London, 1909]. В числе более поздних исследований об образовании в России можно назвать: William H. E. Johnson. Russia's Educational Heritage. Pittsburgh: Carnegie Press, 1950; Patrick Alston. Education and State in Tsarist Russia. Stanford, 1969.

ТАБЛИЦА 5

Предмет	Число еженедельных уроков	
	1880	1890
Закон божий	18	14
Русский язык и литература	33	30
Французский язык	28	28
Немецкий язык	26	26
Математика	42	39
Естественная история	10	8
Физика	8	9
Космография	2	2
География	11	10
Общая и российская история	13	14
Право	—	2
Чистописание	7	5
Рисование	12	13
Итого	210	200

ИСТОЧНИК: Лалаев. Исторический очерк военно-учебных заведений. С. 62.

Таким образом, к концу 1880-х гг. учащиеся кадетских корпусов в старших пяти классах имели по 30 учебных часов в неделю. Особое внимание уделялось изучению языков и математики. Из приведенных выше цифр видно, что несмотря на заявленную цель отмены милютинских образовательных реформ, Ванновский и его сторонники-контрреформаторы при возобновлении кадетских корпусов не стали менять общеобразовательный план, утвержденный бывшим военным министром для военных гимназий. Этот учебный план в принципе просуществовал в таких военных школах вплоть до падения династии Романовых.

Возобновление кадетских корпусов привело к созданию и возникновению новой составляющей учебного процесса, которая определялась как обучение прикладным военным знаниям. Предметы, относившиеся к этой сфере, включали в себя полевую подготовку, гимнастику, физические упражнения, фехтование и танцы. Еженедельное количество учебных часов, отводившееся на эти предметы — в Таблице 7.

ТАБЛИЦА 6

Предмет	Год обучения							Итого
	I	II	III	IV	V	VI	VII	
Закон божий	2	2	2	2	2	2	2	14
Русский	5	4	5	4	4	4	4	30
Французский	6	4	4	4	4	4	4	28
Немецкий	—	5	6	6	4	3	2	26
Математика	5	4	5	6	7	6	6	39
Естественная история	—	—	2	2	2	2	2	10
Физика	—	—	—	—	2	4	3	9
Космография	—	—	—	—	—	—	2	2
Предмет	I	II	III	IV	V	VI	VII	Итого
География	2	2	2	2	—	—	2	10
История	—	—	2	2	3	4	3	14
Право	—	—	—	—	—	—	2	2
Чистописание	3	2	—	—	—	—	—	5
Рисование	3	2	2	2	2	2	—	13
Итого	26	26	30	30	30	30	30	202

ИСТОЧНИК: Программы и инструкции для преподавания учебных предметов в кадетских корпусах. СПб., 1899. С. 7. Эта таблица также содержится в: Бескровный. Русская армия и флот в XIX веке. С. 178.

ТАБЛИЦА 7

Предмет	Год обучения							Итого
	I	II	III	IV	V	VI	VII	
Полевая подготовка	2	2	2	2	2	2	2	14
Гимнастика	2	2	2	2	2	2	2	14
Физические упражнения	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	10,5
Фехтование						0,2	0,2	0,4
Танцы	1	1	1	1	1	1	1	7
Итого	4,5	4,5	4,5	4,5	4,5	4,7	4,7	46,5

ИСТОЧНИК: Бескровный. Русская армия и флот в XIX веке. С. 178.

Основная задача нового практического компонента расписания заключалась в том, чтобы научить кадетов выглядеть и вести себя по-военному. Например, в младших классах (с 1-го по 5-й) полевая подготовка сводилась к обучению маршировке ротным строем на плац-параде в порядке подготовки к тому дню, когда царь даст смотр кадетам. В старших классах (6-й и 7-й) в первую очередь кадетов обучали стрельбе из винтовок и личного оружия и уходу за ним. Затем в начале лета кадеты участвовали в ежегодных полевых учениях и маневрах регулярной армии. За это время учащиеся имели возможность ознакомиться с местными полевыми учениями, а иногда даже участвовали в них на второстепенных ролях, например, в качестве ординарцев при полковых штабах. Также принимались меры к тому, чтобы учащиеся могли повышать свое мастерство в черчении карт. Таким образом, все аспекты практического компонента обучения были направлены не только на физическую подготовку кадетов, но и к тому, чтобы научить их вести себя, как подобает офицеру императорской армии³⁸.

Если цель Ванновского и его сторонников при реорганизации военных гимназий в кадетские корпуса заключалась в том, чтобы защитить их элитный статус путем ограничения доступа выходцам из низших классов в традиционные военные школы, то из статистики в таблице 8 видно, что это начинание не привело к полному успеху. С 1880 по 1914 гг. число представителей других классов, особенно из рядов личного дворянства, поступающих в кадетские корпуса, постоянно увеличивалось. С приближением XX в. русское потомственное дворянство либо сократилась численно, либо просто не желало посвящать себя службе в царской армии³⁹. Таким образом, несмотря на желание ограничить доступ в кадетские корпуса, в эти военно-учебные заведения попадали и не привилегированные социальные элементы.

38. Подробнее о «Программах и инструкциях для преподавания учебных предметов в кадетских корпусах» (СПб., 1889) см.: Лалаев. Исторический очерк. С. 141–142.

39. К XX в. потомственное дворянство, особенно то, что выбирало службу в армии, обычно не относилось к числу богатых людей. См.: Peter Kenez. A Profile of the Prerevolutionary Officer Corps // California Slavic Studies. 7 (1973): 122; Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973. С. 206–209. Проведение границ между социальными классами в предреволюционной Российской империи — сложная задача. В случае военной службы, после учреждения Петром I в 1722 г. Табели о рангах все военнослужащие, получившие офицерский чин, получали статус потомственных дворян. Но давление, оказываемое на традиционную Россию тенденциями нового времени, приводило к тому, что в это правило вносились различные поправки, и к 1856 г. наследственный дворянский титул стали получать лишь офицеры, дослужившиеся до чина полковника. В качестве компенсации для офицеров более низких чинов был создан новый класс — так возникло личное дворянство.

ТАБЛИЦА 8. Социальный состав кадетских корпусов в процентах от числа зачисленных учащихся

	Дворянство		Служилое казачество	Другие сословия	Иностранные учащиеся
	Потомственное	Личное			
1880	72,84	10,31	0,61	0,33	4,30
1884	67,36	14,93	0,76	1,94	4,65
1890	67,24	21,95	0,58	8,51	1,50
1894	66,91	24,40	0,42	9,02	0,96
1899	66,00	24,40	0,20	5,00	3,60
1901	65,40	24,10	0,40	3,50	5,90
1904	63,30	25,70	1,00	5,00	4,10
1906	63,00	27,60	1,90	4,20	2,40
1908	58,60	33,40	1,90	1,80	0,45
1910	59,50	32,90	1,90	1,60	3,20
1912	59,40	32,60	2,10	2,40	2,90

ПРИМЕЧАНИЕ: в некоторых строках таблицы общая сумма не достигает 100%. Данные за 1880 г.: Педагогический сборник. Ч. 2. Апрель-июнь 1882. С. 5–6.

Данные за 1884, 1890, 1891, 1894, 1895 и 1899 годы см. в соответствующих томах из: Всеподданнейший отчет о действиях военного министерства. СПб., 1886–1901. Данные за 1900–1914 гг. см.: Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. М., 1986. С. 30.

Ключевое различие между двумя видами дворянства состояло в том, что дети потомственных дворян наследовали социальный статус своих отцов, который гарантировал им поступление в кадетские корпуса, если они выбирали карьеру армейского офицера. Дети личных дворян имели право на поступление в военные школы, что обычно означало, что их принимали в юнкерские школы в качестве награды за преданность их отцов царю. Получив офицерский чин, они, подобно своим отцам, вступали в ряды личного дворянства. Однако, лишь немногим из них удавалось дослужиться до чина полковника, поскольку дети наследственной знати имели преимущество в виде более качественного образования, не говоря уже о личных связях, имевшихся у них с самого рождения. Тем не менее, процентное увеличение личного дворянства в социальном составе кадетских корпусов представляет собой значительную модернизационную тенденцию в предреволюционной российской истории. Чтобы остаться великой державой, империя была вынуждена использовать все свои ресурсы, а не только те, что она получала от высших классов.

Заключение

Перестройка системы военного образования с тем, чтобы при зачислении в кадетские корпуса личные достоинства учитывались в равной или даже в большей степени, чем социальный статус, стала наиболее глубокой из всех попыток Д. А. Милютина реформировать подготовку будущих офицеров императорской армии. Помимо стремления лишить представителей социальной элиты привилегий при зачислении в кадетские корпуса, Милютин также понимал, что педагогические методы, применявшиеся во всех военно-учебных заведениях России, устарели и требуют немедленного пересмотра. Поэтому он ввел в учебный курс упражнения более практического характера, призванные лучше подготовить учащихся к их будущим профессиональным обязанностям. Увеличение представителей личного дворянства в социальном составе кадетских корпусов за 1880–1914 гг. на 22 процента наряду со снижением численности наследственного дворянства на 12 процентов служат ключевыми показателями того глубокого влияния, которое реформы Милютина оказали на военную структуру царской России. К чему бы ни стремились Александр III и его военные советники, Милютин вымостил путь к тому, чтобы открыть двери кадетских корпусов для царских подданных менее знатного социального происхождения и производить прием в кадетские корпуса на основе личных качеств, а не одной только классовой принадлежности. Очевидно, Милютин понимал динамику современного мира; он видел, что российскому офицерскому корпусу требуется более качественное обучение и подготовка на всех уровнях, чтобы он мог выжить на поле боя в эпоху после Крымской войны.

Ванновский и его сторонники, независимо от того, как они понимали прогресс и были ли способны с ним смириться, столкнулись с неразрешимой проблемой. Их взгляды перестали соответствовать реальности; требования мира, в котором они жили, вынуждали их принимать в свои ряды людей низшего социального статуса. Они вполне могли понимать, что необходимо увеличивать численность офицерского корпуса и повышать качество образования, и тем не менее не желали расставаться со своими дворянскими преимуществами. Традиция, былые военные успехи, наследие Павла I, Николая I или кого бы то ни было вполне могли быть причинами слепоты, не позволявшей им проникнуться всей глубиной ситуации. Тем не менее, мир не собирался ждать того маловероятного события, что российская военная элита откажется от своих армейских привилегий. По иронии судьбы, все ее надежды после поражения в Крымской войне были связаны с тем, чтобы кто-нибудь из ее числа, кто-то наподобие Д. А. Милютина, реформировал военную структуру с целью вернуть России ее законное место среди военных держав мира.

С приближением XX века Россия, как и все европейские державы, должна была увеличивать размеры своей армии, чтобы та отвечала потребностям «вооруженной нации». Для того, чтобы царская армия и впредь могла соответствовать статусу империи как великой державы, ей следовало модернизировать свое вооружение и увеличить численность своих кадров. Но в первую очередь армия должна была заняться образованием своего офицерского корпуса, чтобы наделить его знаниями и навыками, необходимыми для управления солдатами на поле современного боя. Эпоха «Великих реформ» посредством освобождения крестьян, ускорения темпов индустриализации, создания военных округов и закона 1874 г. о всеобщей воинской обязанности заложила основы, необходимые для готовности российской военной машины к грядущим войнам. Но это развитие предъявляло новые задачи и новые требования к офицерскому корпусу, на которые традиционная служилая элита была не готова дать ответ. Соответственно, как и во всей Европе, единственным доступным для России выходом было открыть доступ в офицерский корпус для низших социальных элементов. Более того, они должны были стать более подготовленными, более способными к решению любых задач, которые им предстояло решать в качестве армейских командиров. Современное оружие и массовые армии требовали более высокого уровня обучения и подготовки, чем тот, который был необходим для военачальников доиндустриальной эпохи. Достижения милютинских реформ не могли быть обращены вспять Ванновским или Главным управлением военно-учебных заведений независимо от того, как сильно им хотелось сохранить кадетские корпуса в качестве бастиона влияния офицеров императорской гвардии.

*Перевод с английского
Николая Эдельмана*

АНТТИ КУЯЛА

ЯПОНСКИЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ
И ВОПРОС О СОГЛАСОВАННЫХ
АНТИПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, 1904–1905

После начала военных действий между Японией и Россией в феврале 1904 г. полковник Акаси¹ Мотодзиро, японский военный атташе в России, был переведен в новую японскую дипломатическую миссию в Стокгольме и назначен военным атташе в Швеции. Эта чрезвычайная должность, находившаяся в непосредственном подчинении у Генерального штаба, была учреждена с целью создания японской разведывательной сети в России, саботажа работы Транссибирской железной дороги и поддержки оппозиционных движений в Российской империи². Деятельность Акаси являлась следствием того факта, что Япония была вынуждена как-то компенсировать свое неравенство с Россией в смысле ресурсов.

Полковник Акаси впервые прославился в 1906 г., когда российская полиция издала брошюру о его секретной деятельности в годы войны. Из опубликованной в брошюре переписки Акаси с заговорщиками в России становилось ясно, что японский военный атташе вышел далеко за рамки полномочий, обычно связанных с такой должностью, и тратил значительные суммы на финансирование революционных движений в Российской империи³. Вследствие этой огласки Токио был вынужден отозвать Акаси в Японию.

1. Существует также транскрипция «Акаши» (прим. перев.).

2. Inaba Chiharu. Akashi's Career // Akashi Motojirō. Rakka ryūsui: Colonel Akashi's Report on His Secret Cooperation with the Russian Revolutionary Parties during the Russo-Japanese War / Olavi K. Fält and Antti Kujala (eds). Helsinki, 1988. P. 18.

3. Изнанка революции: Вооруженное восстание в России на японские средства. СПб., 1906. С. 4.

Сотрудничество Акаси с оппозиционными движениями среди российских национальных меньшинств было более тесным, чем с революционными движениями, во главе которых стояли русские. Представители национальных меньшинств выполняли роль посредников, дымовой завесы, скрывавшей его работу с последними.

Операции Акаси против российского правительства по понятным причинам получили в межвоенные годы высокую оценку в Польше и Финляндии. До 1930-х гг., когда Сталину удалось исказить истинную историю революции, в исторических сочинениях и победивших, и побежденных русских революционеров также упоминались связи с Японией.

После Второй Мировой войны имя Акаси начало вызывать интерес в западном мире вследствие убеждения в том, что японский полковник, подобно правительству Германской империи в годы Первой Мировой войны, финансировал революционную деятельность большевиков. Благодаря этому интересу имя Акаси почти во всем мире ассоциируется с российской историей. И в первую очередь ответственность за это лежит на Майкле Футрелле. Показательно, что Футрелл интересовался связями Ленина и большевиков с Акаси, хотя японцы в гораздо большей степени сотрудничали с русскими эсерами, чем с большевиками. Тем не менее, будучи настоящим историком-исследователем, Футрелл в своей работе приходит к выводу, что большевики занимали в операциях Акаси крайне незначительное место⁴.

После своей смерти в 1919 г. Акаси стал в Японии фактически культовой фигурой. Его связи с российскими революционерами и его влияние на русскую революцию 1905 г. сильно преувеличивались. После окончания Второй Мировой войны потребность в этом мифе исчезла и он сошел со сцены.

В 1988 г. японский исследователь Инаба Чихару перевел на английский важнейшие фрагменты из доклада Акаси о его секретных операциях во время войны⁵. Перевод был снабжен обстоятельными комментариями Инабы и опубликован Финским историческим обществом. В книгу дополнительно была включена статья Инабы о японской политике ослабления врага изнутри⁶, а также работа автора данной статьи о попытках организовать в 1904–1905 гг.

4. Michael Futrell. Colonel Akashi and Japanese Contacts with Russian Revolutionaries in 1904–5 // St Antony's Papers. Vol. 2. Far Eastern Affairs: vol. 4. London, 1967. P. 7–22; также: Futrell. Northern Underground: Episodes of Russian Revolutionary Transport and Communications through Scandinavia and Finland 1863–1917. London, 1963. P. 66–84.

5. Akashi. Rakka ryūsui. P. 23–53.

6. Inaba Chiharu. The Politics of Subversion: Japanese Aid to Opposition Groups in Russia during the Russo-Japanese War // Akashi. Rakka ryūsui. P. 69–84.

единый антиправительственный фронт из русских революционных партий и движений национальных меньшинств⁷.

В своей работе я делал вывод о том, что японская подрывная деятельность играла важную, но не решающую роль в этих совместных усилиях. Революционные партии прекрасно понимали, что они не в состоянии в одиночку одолеть царское правительство. Инициативы по развитию межпартийного сотрудничества, исходящие из различных кругов, начали возникать с 1904 г. На решающих этапах во главе этих совместных действий вставали наиболее влиятельные партии, в частности, эсеры. Миф о революции 1905 г. как о грандиозном заговоре, управляемом из-за кулис японцами и их агентами, не выдерживает никакой критики. На самом деле подозрения по поводу связей с японцами стали препятствием, помешавшим создать совместный широкий фронт революционных партий. Японская подрывная политика в значительной степени оказалась контрпродуктивной.

В 1990 г. Д. Б. Павлов и С. А. Петров опубликовали статью о связях полковника Акаси с российским освободительным движением. В этой статье и в книге «Тайны русско-японской войны» (1993) они проливают новый свет на проблему, используя ранее недоступные документы российского Департамента полиции⁸.

Инициативы финско-японского сотрудничества в 1904 г.

Начиная с 1899 г. русские власти предприняли ряд политических мер, направленных на более тесную интеграцию Финляндии в политическом и административном плане с остальной империей. Эта политика направлялась тогдашним русским генерал-губернатором Финляндии Николаем Ивановичем Бобриковым и отождествлялась в первую очередь с его именем. Финская конституционная оппозиция, представленная Шведской партией и «младофиннами»,

7. Antti Kujala. March Separately — Strike Together: The Paris and Geneva Conferences of the Russian and Minority Nationalities' Revolutionary and Opposition Parties, 1904–1905 // Akashi. Rakka ryūsui. P. 85–167.

8. Павлов Д. Б., Петров С. А. Полковник Акаши и освободительное движение в России (1904–1905 гг.) // История СССР. 1990. № 6. С. 50–71; Они же. Японские деньги и русская революция // Тайны русско-японской войны. М., 1993. С. 5–139; Павлов Д. Б. Тайная война против России: Из документов русской контрразведки 1904–1905 гг. // Исторический архив. 1994. № 3. С. 13–59. Внимание к эффективности контрмер Охранного отделения, а также к фатальным ошибкам российских властей впервые привлек П. Е. Щеголев в 1917 и 1925 гг. Охранка была осведомлена о деятельности революционеров и полковника Акаси, но не сумела воспользоваться этой информацией в борьбе против подрывной деятельности и революции. См.: Щеголев П. Е. Русский Рокамболь // Щеголев П. Е. Охранники, агенты, палачи. М., 1992. С. 179–197.

в стремлении сохранить автономию Финляндии перешла к политике пассивного сопротивления. Весной 1903 г. царь издал специальный указ, наделявший Бобрикова чрезвычайными полномочиями с целью искоренения зарождающейся оппозиции. Воспользовавшись новыми полномочиями, Бобриков выслал за границу значительное число лидеров конституционной оппозиции⁹.

После начала военных действий на Дальнем Востоке в феврале 1904 г. начались секретные дискуссии между некоторыми финскими эмигрантами в Стокгольме и японским атташе полковником Акаси по вопросу о возможности той или иной формы сотрудничества между финской оппозицией и Японией. Годом ранее Акаси уже понял, что финскую оппозицию можно использовать как средство по ослаблению России изнутри.

Одной из самых активных фигур, действующих в этом направлении, был Конни Циллиакус, финский журналист, живший в Стокгольме¹⁰. Он еще в 1902 г. предлагал, чтобы финская оппозиция сыграла роль катализатора при объединении оппозиционных сил по всей Российской империи. По его мнению, финская оппозиция, благодаря своему несоциалистическому характеру, идеально подходила для того, чтобы выдвинуть идею укрепления межпартийного сотрудничества. Работая совместно, оппозиционные группировки имели бы куда большие возможности для свержения российского самодержавия, чем при продолжении раздельной антиправительственной борьбы. Циллиакус среди конституционалистов представлял радикалов — мелкую группу, чьи взгляды не разделяла основная часть финской оппозиции¹¹.

В декабре 1903 г. Циллиакус ознакомил со своими идеями некоторых ведущих российских эсеров, живших в Западной Европе¹². Он ощущал значительное сродство с эсерами. Циллиакус был финским националистом, но полагал, что единые действия оппозиции станут серьезной угрозой для правительства только в том случае, если в этой акции примут участие этнические русские силы. После начала войны он в общих чертах составил план межпартийного сотрудничества, который обрел законченную форму после бесед с Ф. В. Волховским и Н. В. Чайковским, состоявшихся в апреле

9. Tuomo Polvinen. *Imperial Borderland: Bobrikov and the Attempted Russification of Finland, 1898–1904*. London, 1995; William R. Copeland. *The Uneasy Alliance: Collaboration between the Finnish Opposition and the Russian Underground, 1899–1904*. Helsinki, 1973.

10. Antti Kujala. *Nichiro sensō ji ni okeru Finrando rikken shugi teikō ha to Nihon Igirisu Suwēden no kyōryoku* // *Hokuō-shi kenkyū*. No. 5 (1987). 39–41.

11. (К.) Z (illiacus). *Den ryska oppositionen och Finlands framtid* // *Fria Ord*, 12 September 1902, 3–4.

12. К. Циллиакус — А. Неовиусу, 6 января 1904 (Arvid Neovius Collection, NA); Л. А. Ратаев — А. А. Лопухину, 2 января 1904/20 декабря 1903 (Архивы охраны. XXI. Ф. 1, Н1).

1904 г. в Лондоне. Согласно этому плану, предполагалось провести совместную конференцию различных оппозиционных движений для выработки единой кампании антиправительственных выступлений. Следовало использовать военные неудачи России и вызванное ими общественное возмущение для свержения самодержавия.

Заручившись одобрением своего плана со стороны двух ведущих эсеров, Циллиакус поспешил ознакомить с ним находившихся в Лондоне японских дипломатов — посланника Хаяси Тадасу и военного атташе Уцуномию Таро. Циллиакус обратился к японцам по своей собственной инициативе. Он нуждался в японском содействии для финансирования различных этапов своего плана. Средства следовало переводить оппозиционным партиям, задействованным в плане, по мере его исполнения, но при этом необходимо было скрывать источник денег от этнических русских партий.

Волнения и восстания внутри страны, как полагал Циллиакус, помешают России направить все вооруженные силы против Японии. Он надеялся, что именно эта приманка должна была привлечь интерес Токио. Его долговременной целью было установление в России конституционного правительства и получение Финляндией максимально широкого самоуправления¹³.

Японский Генштаб в конце августа 1904 г. одобрил план Циллиакуса и решил отпустить средства на его финансирование (100 тыс. иен). В инструкциях, полученных Акаси и Уцуномией от Генштаба, подчеркивалось, что в предложенном плане следует задействовать все оппозиционные партии¹⁴.

На самом деле Акаси, должно быть, дал зеленый свет Циллиакусу в конце июля, то есть на месяц раньше, чем Генштаб санкционировал его план подрывной деятельности¹⁵. Акаси неоднократно не только превосходил решения своих начальников, но и переступал пределы, установленные Токио. Поведение Акаси в некоторой степени напоминает поведение офицеров шведского Генштаба, ответственных за разведывательные операции в России. Последние содействовали Акаси и его помощникам в ведении разведки, хотя шведское правительство придерживалось строгой политики нейтралитета в отношении к участникам войны на Дальнем Востоке¹⁶.

Японские власти противились вовлечению их страны в польский вопрос. Услышав о плане Циллиакуса, Польская социалистическая

13. К. Циллиакус — Ф. В. Волховскому, 1 и 31 марта 1904 (F. V. Volkhovskii Collection, Н1); Циллиакус — А. Неовиусу, 13 апреля и 8 августа 1904 (Neovius Collection, NA); Циллиакус — И. Кастрену, 18 апреля 1904 (Jonas Castrén Collection 2, NA); Циллиакус — «Т» (вероятно, Th. Homén), 19 марта 1905 (J. N. Reuter Letter Collection XXIII, ÅAB).

14. Inaba. *The Politics of Subversion*. P. 75, 57.

15. К. Циллиакус — А. Неовиусу, 8 августа 1904 (Neovius Collection, NA).

16. Kujala. *Nichiro sensō* // *Hokuō-shi kenkyū*, No. 5 (1987). 41–3; No. 6 (1988), 40–45; Akashi. *Rakka ryūsui*. P. 170–72.

партия (ППС) разработала в ответ свою собственную версию, которая предусматривала проведение совместной конференции социалистических и революционных организаций, представляющих угнетенные национальные меньшинства империи. Этой конференции предстояло принять программу антиправительственных действий. Кроме того, партиям, представленным на конференции, следовало высказаться в поддержку управления страной на федеративной, децентрализованной основе. Своей конечной целью ППС ставила разжечь восстание в российской Польше, которое было бы поддержано другими национальными меньшинствами¹⁷.

Глава ППС Юзеф Пилсудский летом 1904 г. отправился в Японию и обратился к Токио с просьбой заключить союз с поляками. От Японии требовалось субсидировать поставки оружия для намечавшегося антироссийского восстания. Токио решил не оказывать польским социалистам никакой помощи¹⁸.

Напротив, Циллиакус не требовал от японцев никаких дипломатических или военных обязательств и ограничивал свои запросы примерно тысячью единиц ручного оружия¹⁹. Этого было бы недостаточно для начала революции в России, но достаточно для того, чтобы связать часть российских сил в Европе и тем самым затруднить ведение Россией войны. Япония не имела желаний стать орудием разжигания революции в России²⁰.

Циллиакус понимал, что у японцев следует просить только того, что было бы приемлемо для них, но в то же время отвечало бы его собственным минимальным требованиям. Ему хватило умения, чтобы выработать достаточно гибкий подход, учитывающий разнородные цели всех участвующих сторон — японцев, русских революционеров и финской оппозиции. Одним из факторов, работавших

на Циллиакуса, было нежелание японцев финансировать конкретные партии, преследовавшие собственные узкие интересы²¹.

В попытках организовать совместную конференцию оппозиционных движений Циллиакус первоначально был вынужден придерживаться указаний финских конституционалистов, так как именно они финансировали его поездки по Европе. Когда летом 1904 г. в Токио было решено выделить средства на осуществление его плана, Циллиакус отказался от прежнего положения и обрел свободу действий.

Деятельность Циллиакуса в какой-то мере превращала его в японского агента, хотя следует отметить, что он отказывался участвовать в работе военной разведки²². Циллиакус был слишком независимо мыслящим человеком для того, чтобы стать послушной японской марионеткой. Так, например, когда Акаси посоветовал ему не приглашать на конференцию русских либералов, Циллиакус проигнорировал его мнение²³.

В сущности, Циллиакусу не требовалось становиться японским агентом, так как его финские друзья оказывали ему активное содействие. Йонас Кастрен наладил контакты между Акаси и офицерами шведского Генштаба. В мае и июне 1904 г. финский капитан-лейтенант Гёста Теслэф, Кастрен и Теодор Хомен недолгое время участвовали в совместной шведско-японской разведывательной работе, но особой пользы японцам не принесли²⁴. Эрик Эрстрём, друг Циллиакуса, живший в Париже, использовал свои контакты, простиравшиеся до датских придворных кругов, а также международные деловые связи, для того, чтобы получать информацию о строительных работах, производившихся в интересах российских железных дорог и флота, и в частности, об отплытии Балтийского флота на Дальний Восток²⁵. В июле 1904 г. Акаси организовал в Париже курсы саботажа для поляков из ППС и Национальной лиги. Цель этих курсов состояла в том, чтобы прервать движение по Транссибирской железной дороге. Циллиакус и Эрстрём участвовали в организации этих курсов²⁶. Циллиакус снабжал польских

17. К. Циллиакус — А. Неовиусу, 27 июня и 8 августа 1904 (Neovius Collection, NA); К. Циллиакус — А. Неовиусу, 22 августа 1904 (Leo Mechelin Letter Collection 47, NA); РГАСПИ. Ф. 167 (Коллекция документов по истории польского рабочего и социалистического движения). Оп. 1. Д. 70. Л. 3–5, 8–10, 19–20, 41; Д. 71. Л. 4; Д. 75. Л. 1. Циллиакус — В. Йодко-Наркевичу, 25 июля 1904 (Там же. Д. 69. Л. 1–4); Балицки — Циллиакусу, без даты (ГА РФ. Ф. 102 (Департамент полиции). Особый Отдел (ОО). Оп. 316. 1904. Д. 1. Ч. 5. Т. 2. Л. 6; Примирительные попытки «Бунда» в 1905 году // Пролетарская революция. 1922. № 11. С. 168; Wł. Pobóg-Malinowski. Józef Piłsudski, 1901–1908: W ogniu rewolucji. Warszawa, 1935. S. 174–177; Pobóg-Malinowski. Najnowsza historia polityczna Polski. Vol. I. London, 1963. S. 480–481; Walentyna Najdus. SDKPiL a SDPRR, 1893–1907. Wrocław, 1973. S. 181–183.

18. Jerzy J. Lerski. A Polish Chapter of the Russo-Japanese War // The Transactions of the Asiatic Society of Japan. Third Series. Vol. VII. Tokyo, 1959. P. 69–97; Inaba Chiharu. Polish-Japanese Military Collaboration during the Russo-Japanese War // Japan Forum. Vol. 4. 1992. P. 229–246.

19. К. Циллиакус — Л. Е. Шишко, 10 мая и 1 июля 1904 (Volkhovskii Collection, HI).

20. Inaba. The Politics of Subversion. P. 71–78.

21. Akashi. Rakka ryūsui. P. 57.

22. Op. cit. P. 37.

23. Op. cit. P. 40.

24. Kujala. Nichiro sensō (1987), 41–45, (1988), 40–43.

25. ГАРФ. Ф. 102. ОО. Оп. 316. 1904. Д. 1. Ч. 5. Л. 61, 69, 90–91, 103–104; Д. 1 Ч. 3. Л. 82–85, 88–89, 95–98, 100, 188 (Переписка Эрстрёма, перефотографированная французской тайной полицией для российского правительства); В. Тулstrup — Эрстрёму, 6 и 13 сентября, 13, 17 и 20 октября, 12 декабря 1904; К. Циллиакус — Эрстрёму, 7 сентября 1904 (Eb 13, Erik Ehrström Collection, HCA).

26. Pobóg-Malinowski. Józef Piłsudski. S. 216–17; М. Акаси — Эрстрёму, 3, 4 и 24 июля, 7 и 16 августа и «16-го» 1904; К. Циллиакус — Эрстрёму, 20 июля и 7 сентября 1904 (Eb 1 and 13, Ehrström Collection, HCA); Русский полити-

(ППС) и русских (эсеры) террористов информацией о взрывчатке, полученной от японских военных. Судя по свидетельствам, это делалось не только с ведома Акаси, но и с его одобрения, вследствие чего он стал офицером японского Генштаба, содействующим терроризму во враждебной державе²⁷. Сомнительно, чтобы Акаси был уполномочен на это своим руководством.

Очевидно, что в течение всей своей деятельности по сбору информации финны старались убедить Японию поддержать их политические амбиции; аналогичные амбиции подпитывали и готовность поляков заняться саботажем.

План Циллиакуса по созыву конференции больше заинтересовал оппозиционные партии Российской империи, чем предложение ППС, после чего последнее было предано забвению. Восстание, возглавляемое национальными меньшинствами, о котором мечтала ППС, так и не было реализовано из-за нежелания японцев оказывать ему поддержку.

Совместная конференция была проведена по инициативе Циллиакуса 30 сентября — 5 октября 1904 г. в Париже. На ней было представлено лишь восемь партий, включая Союз освобождения (русские либералы), русских эсеров, польскую Национальную лигу, Польскую социалистическую партию и финскую оппозицию²⁸. Итоги конференции оказались малозначительными. К концу 1904 г. в ряде областей империи нарастали волнения, но они являлись главным образом следствием независимых действий отдельных партий.

В своем секретном меморандуме о конференции Циллиакус предлагал Японии официально заявить, что она скорее заключит мир с российским конституционным правительством, чем с царизмом, который является ее истинным врагом²⁹. Это предложение не вызвало понимания в японском министерстве иностранных дел, привыкшем работать по традиционным дипломатическим каналам³⁰. Генштаб отклонил просьбу Акаси о выделении ему до-

ческий сыск за границей / Под ред. Л. Менщикова. Т. 1. Париж, 1914. С. 183; Inaba. Polish-Japanese Military Collaboration. P. 233–234.

27. К. Циллиакус — Эрстрёму, 7 сентября 1904 (Eb 13, Ehrström Collection, HSA); Циллиакус — В. Йодко-Наркевичу, 22 февраля 1905 (РГАСПИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 69. Л. 38–39); Донесения Евно Азефа (Переписка Азефа с Ратаевым в 1903–1905 гг.) // Былое. 1917. № 1 (23). С. 221–222; Akashi. Rakka ryūsui. P. 44–45, 52.

28. Листок Освобождения. № 17. 19 ноября (2 декабря) 1904. С. 1–2; Adolf Törn-gren, Med ryska samhällsbyggare och statsmän åren 1904–1905. Helsingfors, 1929. S. 241–255; Русский политический сыск за границей. С. 182–195; K. Zilliacus. La conférence & Mémoire I (October 1904) // Kakkoku naisei kankei zassan. No. 3, 1.6.3.2–9, GS.

29. K. Zilliacus. Mémoire I.

30. Futrell. Colonel Akashi. P. 18.

полнительных средств на подрывную работу, помимо уже отпущенных³¹. После Парижской конференции Циллиакус продолжал передавать различные японские субсидии партиям, присутствовавшим на ней, стараясь не раскрывать источник этих средств этническим русским партиям³².

Вскоре после завершения конференции финская конституционная оппозиция, чье руководство лишь скрепя сердце поддерживало начинания Циллиакуса или вовсе дистанцировалось от них, решила аннулировать свое участие в конференции. Тогда Циллиакус основал новую радикальную оппозиционную группу, известную как Финская партия активного сопротивления. Новая партия подписала принятые на конференции документы вместо финской конституционной оппозиции, хотя именно та была представлена на конференции.

В отличие от конституционалистов, Активисты были готовы начать вооруженную борьбу, производить террористические акты против царских властей и объединить силы с русским революционным движением. У этой партии отсутствовала какая-либо политическая программа, касающаяся социальных вопросов. Главной целью финских Активистов было осуществление национального самоопределения в сотрудничестве с русскими оппозиционными силами. Абсолютный сепаратизм стал бы препятствием для тесных связей с ними и потому не был включен в политическую программу³³.

Неудача Парижской конференции в смысле привлечения широкого круга участников, на что первоначально рассчитывали ее организаторы, была главным образом вызвана просочившимися сведениями о связях Циллиакуса с японцами, из-за чего социал-демократические партии не стали посылать своих представителей в Париж. Социал-демократы узнали о связях Циллиакуса с японским Генштабом из-за его собственной неосторожности.

Циллиакус сделал ошибку, посчитав еврейский Бунд более националистической организацией, чем тот в реальности являлся, и намекнув его представителям в Женеве, что их партия может по-

31. Akashi. Rakka ryūsui. P. 57; Inaba. The Politics of Subversion. P. 75; К. Циллиакус — В. Йодко-Наркевичу, 3 ноября 1904 (РГАСПИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 69. Л. 21–22).

32. К. Циллиакус — «Т», 19 марта 1905 (Reuter Letter Collection XXIII, ААВ); Циллиакус — В. Йодко-Наркевичу, 9 января и 6 / д, 1905 (РГАСПИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 69. Л. 33–34, 42). В сентябре 1904 г. японцы оплатили дорожные расходы представителям некоторых партий национальных меньшинств, участвовавших в Парижской конференции; Циллиакус послал 600 франков Польской социалистической партии, которая разделила деньги среди этих партий. См.: Циллиакус — Йодко-Наркевичу, 16 и 23 сентября 1904, и Циллиакус — Й. Каневскому (Б. А. Йедржейовскому), 23 сентября 1904 (РГАСПИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 69. Л. 9, 14–15, 20).

33. Kujala. March Separately. P. 129–130, 158–159.

лучить деньги и оружие из японской военной казны. Оппозиционные группировки всех прочих национальных меньшинств ухватились за эту возможность³⁴. Однако, представители Бунда не дали определенного ответа Циллиакусу и сообщили о его предложении другим социал-демократическим партиям Российской империи на неформальной совместной конференции в Амстердаме в августе 1904 г. (В этом свете представления Ленина о степени национализма Бунда выглядят сильно преувеличенными).

На этой конференции и в ходе последующих дискуссий с зарубежным руководством Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (РСДРП) выяснилось, что Роза Люксембург, представлявшая польских социал-демократов (СДКПиЛ), в частности, выступала против межпартийного сотрудничества, не учитывающего идеологических и классовых границ. Такие твердолобые меньшевики, как Ф. И. Дан и Ю. О. Мартов, были настроены почти столь же непримиримо, как Роза Люксембург. Создается впечатление, что раскрытие контактов Циллиакуса с японцами в значительной степени послужило для меньшевиков предлогом, чтобы отказаться от участия в конференции, которая, по их мнению, влекла за собой чрезмерное братание с «буржуазными и мелкобуржуазными силами». Г. В. Плеханов согласился с Даном и Мартовым в том, что РСДРП не может участвовать в конференции, служащей интересам Японии, однако избыточная приверженность меньшевиков к партийному партикуляризму не вызвала у него особого сочувствия³⁵.

Из всех вождей РСДРП в непосредственный контакт с Циллиакусом вступал только Плеханов, которого тот считал самой важной фигурой в основном крыле партии. Циллиакус сумел произвести на Плеханова положительное впечатление, сохранившееся даже после раскрытия контактов Циллиакуса с японским Генштабом. По всей вероятности, Плеханов относился к контактам со врагом не с такой категорической неприязнью, как другие меньшевики³⁶.

Почти ничего не известно об отношении Ленина к инициативам Циллиакуса после того, как стало известно о его японских связях.

34. Konni Zilliacus. Från ofärdstid och oroliga år. Vol. II. Helsingfors, 1920. S. 14–17.

35. Заметки о конспиративном совещании делегатов российских социалистических партий 22 августа 1904 (M G-9, 80, Bund Archives, YIVO Institute for Jewish Research, New York); Волковихер И. Партия и русско-японская война // Пролетарская революция. 1924. № 12 (35). С. 19–122; Karol Grünberg. Socjaldemokracja polska a ruch liberalny w państwie rosyjskim w 1904 r. // Materiały i studia katedry historii powszechnej i stosunków międzynarodowych WSNS przy KC PZPR. Vol. I. Warszawa, 1960. S. 41–43.

36. См. переписку Плеханова и Циллиакуса в 1904 г. (Архив Дома Плеханова (СПб). Ф. 1903. Оп. 3. Д. 97, 273). См. также: Kujala. March Separately. P. 95–6, 110–22, 127.

Возможно, Ленин в этом отношении придерживался примерно тех же взглядов, что и Плеханов. Эти двое часто схожи друг с другом своим «якобинством». Нельзя исключить и предположения о том, что мнение Ленина скрывалось. Тем не менее, никто до сих пор не нашел однозначных подтверждений, что у большевиков имелись какие-либо дела с японцами, помимо отправки в Японию пропагандистских материалов, которая замышлялась либо реально осуществлялась руководившим женеvским отделением РСДРП В. Д. Бонч-Бруевичем³⁷.

Именно сам Циллиакус фактически провалил свой план по объединению оппозиционных сил. Как бы то ни было, ему не удалось бы надолго скрыть свои секретные связи с японцами. Поскольку те были заинтересованы в организации межпартийного сотрудничества лишь на действительно широкой основе, с их стороны было бы разумно не финансировать деятельность Циллиакуса на этом этапе. Действуй Циллиакус независимо от японцев, он мог бы добиться лучших результатов.

Революция 1905 г.

1905 год начался с расстрела демонстрации в день «Кровавого воскресенья» (22 января 1905 г.) в Санкт-Петербурге. После этого русские эсеры всерьез повели работу по объединению революционных партий и поставили во главе своего начинания священника Г. А. Гапона, героя «Кровавого воскресенья»³⁸.

Участь широкого межпартийного сотрудничества решалась на переговорах между М. А. Натансоном, представлявшем эсеров, и Плехановым, одним из лидеров РСДРП. Натансон и Плеханов³⁹ сумели договориться по двум принципиальным вопросам, касающимся возможного политического соглашения между партиями: передаче земли в руки народа и одобрению террора как неотъемлемой части текущей революционной борьбы. По первому вопросу выработка формулировок, приемлемых для обеих партий, была отложена на более поздний срок.

Однако, Комитет РСДРП отверг проект резолюции, подготовленный Плехановым по итогам встречи 11 марта 1905 г. Мартов и П. Б. Аксельрод угрожали выйти из Комитета, если тот одобрит

37. Futrell. Colonel Akashi. P. 7–22; Kujala. March Separately. P. 120–122; Павлов, Петров. Японские деньги и русская революция. С. 29–32. Поиски каких-либо новых свидетельств на этот счет следует производить среди документов Большеvистской партии.

38. Kujala. March Separately. P. 137–149.

39. Натансон и Плеханов тридцатью годами ранее совместно участвовали в народническом движении.

политику, допускающую акты индивидуального террора как приемлемое оружие в борьбе с царизмом. По мнению Мартова и Аксельрода, рядовые члены партии забросят работу с массами и займутся бомбометанием, если РСДРП даст благословение терроризму. Таким образом, твердолобые меньшевики снова проявили большее, чем Плеханов, нежелание идти на какие-либо компромиссы.

В резолюции, составленной в тот же день, Комитет РСДРП предложил эсерам провести переговоры на предмет соглашения о сотрудничестве, ограничив их такими формальными вопросами, как координация массовых акций и индивидуальных актов террора. Совет подчеркивал, что по-прежнему рассматривает социал-демократические партии национальных меньшинств в качестве политических союзников РСДРП, в то же время считая эсеров приемлемыми партнерами только на техническом уровне. Представлялось крайне маловероятным, чтобы такой подход понравился эсерам, которые требовали от РСДРП признать их второй крупной социалистической партией в России наряду с самой РСДРП.

Комитет через Плеханова, Аксельрода и Л. Г. Дейча лично передал Натансону свою резолюцию в тот же день, 11 марта. Натансон был разочарован ее содержанием, и Плеханов обещал провести новое заседание Комитета на следующий день. Однако, 12 марта Комитет не собирался и не обсуждал проект соглашения; вместо этого Дейч отправил Натансону письмо, в котором просил эсеров дать ответ на вчерашнюю резолюцию. Натансон воспринял этот шаг с крайним неудовольствием. Он не горел желанием представлять эсерам резолюцию РСДРП на официальное обсуждение, предполагая, что его партия вряд ли согласится на такие условия.

Так как дискуссия зашла в тупик, Натансон и Плеханов обменялись письмами (от 13 и 15 марта), разъясняя свои позиции на переговорах и взаимно призывая друг друга проявить чуть больше гибкости. Плеханов вообще пытался отрицать, что вопросы, ставшие причиной разногласий, подвергались какому-либо формальному обсуждению. Меньше всего он хотел признаться, что другие члены Комитета заставили его принять их условия. Эта переписка фактически подвела черту под межпартийными переговорами, так и не завершившимися принятием какого-либо работоспособного соглашения. Исторический шанс на сближение обеих партий был упущен.

Суть принципиальных разногласий лежала вовсе не в классовом характере русской революции или в аграрном вопросе, как можно было бы ожидать, а в отношении к террористическим актам. Хотя Натансон в ходе дискуссий, по-видимому, зашел дальше, чем ожидала от него партия, трудно себе представить, чтобы эсеры отвергли результаты переговоров, если бы они были утверждены Комитетом РСДРП. Как бы с общего согласия эсеры и меньшевики отправили дискуссии между Натансоном и Плехановым

в тихое забвение. В результате об этом интересном этапе в отношениях обеих партий практически ничего не было известно вплоть до 1988 г., когда мной было обнаружено его существование⁴⁰.

Неспособность эсеров и меньшевиков прийти к какому-либо соглашению стала серьезным фактором, ограничившим число участников Женевской конференции. Разногласия между главными крыльями российского революционного движения фактически похоронили все попытки создать весной 1905 г. единый фронт. Большевики отказались от участия в подготовке конференции⁴¹; а представители других социал-демократических течений (большевики, Бунд и пр.) вскоре покинули конференцию, поняв, что на ней всем заправляют эсеры и их союзники⁴². Если бы меньшевики присутствовали на конференции, то могло бы быть достигнуто равновесие сил между социал-демократами и эсерами.

Эта конференция семи революционных партий (русские эсеры, польские социалисты, финские Активисты и др.), проходившая в Женеве с 2 по 8–9 апреля 1905 г., привела к созданию революционного блока, в который вошли только эсеры и их союзники из национальных меньшинств⁴³. Эсеры сыграли главную роль в подготовке конференции и в руководстве ею. Циллиакус не участвовал в ее подготовке и не присутствовал на ней. Поскольку социал-демократические партии решили бойкотировать Парижскую конференцию из-за связей Циллиакуса с японцами, задачу организации следующей конференции было необходимо доверить кому-то другому. Циллиакус довольствовался тем, что оказывал косвенное влияние на ход конференции через эсеров⁴⁴.

40. Архив Партии Социалистов-Революционеров (ПСР). No. 758/11/b, IISH. Меморандум совета РСДРП от 11 марта 1905 (копия), М. А. Натансон — Г. В. Плеханову, 13 марта 1905 (копия), Плеханов — Натансону, 15 марта 1905 (копия). Имя Натансона было тщательно удалено из копий обоих писем — очевидно, из-за того, что он не желал раскрывать своей роли на этих переговорах. Оригинал и копия меморандума: В. I. Nikolaevskii Collection (No. 125, item 3) в Институте Гувера (Hoover Institution). См. также: J. Martow. Geschichte der russischen Sozialdemokratie. Berlin, 1926. S. 95; Kujala. March Separately. P. 115–116, 141–144; Письма Азефа, 1893–1917 / Под ред. Д. В. Павлова и З. И. Перегудовой. М., 1994. С. 123.

41. Ленинский сборник. Т. XVI. М., 1931. С. 81; Искра. № 98. 23 апреля 1905 (ст. ст.). С. 3; Революционная Россия. № 65. 25 апреля 1905 (ст. ст.). С. 4.

42. Революционная Россия. № 65. 25 апреля 1905 (ст. ст.). С. 5–6.

43. Kujala. March Separately. P. 148–159.

44. Akashi. Rakka ryūsui. P. 61–62, 66; Kujala. March Separately. P. 138–140, 149–150, 159. Циллиакус не обладал реальным влиянием по части улаживания разногласий между эсерами и РСДРП. Он бы окончательно все испортил, если бы вмешался в переговоры между Натансоном и Плехановым. См. также: Циллиакус — В. Йодко-Наркевичу, 2, 22 и 23 февраля и 2 марта 1905 и 6 / д (РГАСПИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–17, 35–42).

После «Кровавого воскресенья» Циллиакус и Акаси занялись подготовкой восстания в России⁴⁵. Для достижения успеха необходимо было сотрудничество как можно большего числа революционных партий. Попытки организовать новую конференцию всех революционных сил, действующих в Российской империи, вполне отвечали намерениям Акаси и Циллиакуса.

После битвы под Мукденом в марте 1905 г. японское правительство и Генштаб забыли о своей прежней осторожности в вопросе о подрывных действиях и еще до проведения Женевской конференции выделили миллион иен на поддержку вооруженного восстания в России. Если Россию нельзя было сломить силой оружия, то, как полагали в Японии, имелась возможность подрвать решимость русских к продолжению борьбы, парализовав страну подрывными действиями⁴⁶.

После краха конференции и провала попыток наладить рабочие взаимоотношения между двумя крыльями российского революционного движения Циллиакус и Акаси были вынуждены смириться с тем, что в планы восстания можно вовлечь только эсеров и их союзников. Должно быть, это стало источником крупного разочарования и для Циллиакуса, но особенно для японцев, которые считали важным заручиться для планировавшейся подрывной кампании как можно более широкой опорой.

Восстание предполагалось начать в Санкт-Петербурге после прибытия партии оружия с Запада. В ходе восстания заговорщики надеялись окончательно свести счеты с самодержавием. Даже если бы восстание в столице потерпело поражение, расчет был на то, что оно стало бы сигналом для народных восстаний в Польше, на Кавказе и в других регионах, которые, в свою очередь, послужили бы толчком, после которого революция охватит всю империю. Циллиакус, Акаси, Чайковский и грузинский революционер Георгий Деканоци сразу же после Женевской конференции приступили к закупке оружия и кораблей для его переправки в Россию. Приобретавшееся оружие предназначалось для эсеров, финских Активистов, польских социалистов и грузинских социалистов-федералистов. Во главе восстания в Санкт-Петербурге планировалось поставить Гапона⁴⁷.

Вожди эсеров должны были понимать, что якобы собранные в Америке деньги, которые обещал им Циллиакус, на самом деле

45. Futrell. Colonel Akashi. P. 17–18.

46. Inaba. The Politics of Subversion. P. 78–82.

47. Antti Kujala. The Russian Revolutionary Movement and the Finnish Opposition, 1905: The John Grafton Affair and the Plans for an Uprising in St Petersburg // *Scandinavian Journal of History*. Vol. 5. 1980. P. 261–262, 269. О слежке, установленной русской полицией за Акаси и Циллиакусом, и ее провале, см.: Щеголев. Русский Рокамболь. С. 179–197; Павлов, Петров. Японские деньги и русская революция; Павлов. Тайная война против России, passim.

приходят из Токио, но они считали полезным делать вид, что верят объяснениям Циллиакуса⁴⁸. Многие российские социалисты, очевидно, не считали сколько-нибудь зазорным получение японских субсидий, при условии, что источники поступлений будут скрыты.

В начале августа в Санкт-Петербург отправилось судно «Джон Графтон», имея груз в 15560 ружей и 2500 револьверов, а также боеприпасы и взрывчатку. Около трети груза предназначалось для финских Активистов⁴⁹. Циллиакус одобрил вовлечение в операцию подпольной организации финских конституционалистов — «Кагал» — и большевиков. Последние сотрудничали с «Кагалом» в данном начинании, хотя некоторые вожди «Кагала» позднее пытались отрицать этот факт⁵⁰.

Циллиакус и Чайковский намеревались поднять восстание сразу же, как только груз оружия прибудет в Санкт-Петербург. На это решение, несомненно, повлияло стремление Акаси начать дело как можно скорее и несколько облегчить положение Японии, которая, несмотря на военные победы, тогда остро нуждалась в передышке⁵¹.

Со своей стороны, руководство партии эсеров выступало за то, чтобы копить оружие, пустив его в ход лишь тогда, когда Россия окончательно созреет для революции⁵². Однако, Циллиакус и Чайковский оставались глухи к предупреждениям партийного руководства, предпочитая верить ни на чем не основанным заверениям Гапона, что петербургские рабочие только и ждут сигнала к строительству баррикад⁵³.

В начале августа руководство Активистов в Хельсинки согласилось с доводами о необходимости отложить намеченное восстание, тем самым бросив вызов Циллиакусу, основателю партии и до того момента — ее бесспорному лидеру. Дополнительной причиной для такого решения стало отсутствие какой-либо видимой подготовки в Санкт-Петербурге. Кроме того, руководство Активистов решило не выполнять обещания Циллиакуса в отношении поставок ору-

48. Kujala. March Separately. P. 161–162 (см. также 100–101). О связях Циллиакуса с японцами знали не только социал-демократы, но и русские либералы. См.: А. Тёрнгрэн — А. Неовиусу, 4 апреля 1905 (Neovius Collection, NA).

49. Ежегодный отчет совета партии за 1904–1905, 19 ноября 1905 (Finnish Active Resistance Party Archive, NA).

50. Kujala. The Russian Revolutionary Movement. P. 257–275. Ленин был заинтересован в получении оружия от Циллиакуса, но избегал личного вовлечения в это дело, очевидно потому, что подозревал об источнике финансирования.

51. Kujala. The Russian Revolutionary Movement. P. 262; Kujala. March Separately. P. 163.

52. М. Р. Гоц — Н. В. Чайковскому, 12 августа 1905 (No. 115, item 14, Nikolaevskii Collection, NI).

53. Петров Н. П. Записки о Гапоне // *Всемирный вестник*. № 2. 1907. IV. С. 14–23; К. Циллиакус — А. Неовиусу, 15 мая 1905 (Neovius Collection, NA); Zilliacus, Från ofärdstid och oroliga år, vol. II, 40–41.

жия, которые тот дал «Кагалу» и большевикам⁵⁴. Все это произошло вследствие вмешательства эсеров⁵⁵. Таким образом, контроль за предприятием выскользнул из японских рук.

Все эти планы завершились полным крахом, когда «Джон Графтон» сел на мель у финского побережья, и команда взорвала судно. Это случилось через несколько дней после подписания мира в сентябре 1905 г.⁵⁶ Вероятно, такой итог был серьезным личным разочарованием для Акаси, но для его страны все это уже не имело значения, поскольку мир с Россией уже был заключен. В любом случае средства, истраченные на закупку оружия, пропали и не были возмещены.

Японский Генштаб относился к русским революционерам как к наемникам, которым платят ради военной победы. Когда же война подошла к завершению, Генштаб разорвал все связи с оппозиционными группами в Российской империи. Япония не собиралась сохранять недружественные отношения с Россией⁵⁷. Кроме того, на этом закончились контакты и сотрудничество и с финской оппозицией.

Самыми удачными японскими инвестициями в смысле создания для России затруднений при ведении войны были не субсидии Циллиакусу и на поддержку инициатив межпартийного сотрудничества, а финансирование Польской социалистической партии, проводившей вооруженные акции в российской части Польши. Еще в начале 1904 г., до объявления войны, русское правительство держало в Польше 250-тысячную армию. С началом войны в феврале 1904 г. российские вооруженные силы, расположенные к востоку от озера Байкал, насчитывали лишь 135 тыс. человек. Хотя на Дальнем Востоке была нужна каждая русская военная часть, правительство к середине 1905 г. было вынуждено увеличить воинский контингент в Польше на 50 тыс. человек⁵⁸.

Русские политические партии и межпартийное сотрудничество

Попытки создать единый фронт, включающий в себя различные политические и национальные оппозиционные движения в Россий-

ской империи, не следует рассматривать исключительно в рамках японской подрывной политики. После начала войны идея о расширении сотрудничества возникла в самых разных кругах совершенно независимо и, главное, в некоторых случаях безо всякой оглядки на японцев, но успехи Циллиакуса привели к угасанию этих инициатив. В конечном счете, за всеми успехами Циллиакуса и Акаси стояло соответствие их политики потребностям революционных партий. Неудачная и непопулярная война создала идеальные условия для движения оппозиционных сил в сторону единства. Хотя японцы играли определенную роль в революционных событиях 1904–1905 гг. в Российской империи, эти события главным образом были вызваны внутренними причинами.

Из двух главных партий — РСДРП и эсеров — первая, твердо придерживавшаяся своих идеологических принципов и философии централизма, очевидно, отличалась меньшей гибкостью в вопросе о межпартийном сотрудничестве. Тем не менее, внутри партии наблюдались разные мнения — так, Плеханов к идее совместных действий в целом относился более позитивно, чем такие твердолобые меньшевики, как Дан и Мартов⁵⁹. Примирительная позиция по отношению к другим партиям, занятая Лениным весной 1905 г., в значительной степени объяснялась стремлением большевиков выйти из изоляции, в которой они оказались⁶⁰.

Различные соперничающие политические партии, существовавшие во многих приграничных регионах империи, зачастую имели значительно худшие взаимоотношения, чем те, что существовали между русскими социал-демократами и эсерами. Соперничество вело к доминированию местных оппозиционных течений в ряде регионов, особенно в случае польского и латышского⁶¹ социалистических движений.

Слабость сил, характерная для национальных меньшинств, вела к тому, что самые важные революционные партии этих меньшинств более активно налаживали сотрудничество между революционными силами всей империи, чем русские партии. Активность меньшинств в этой сфере была особенно заметна на ранних этапах развития идеи о совместных действиях весной и летом 1904 г. Но, с другой стороны, из-за слабого влияния, которым обладали национальные меньшинства, ни одна из этих партий не была в со-

54. Kujala. The Russian Revolutionary Movement. P. 268–271; Kujala. March Separately. P. 163–164.

55. А. Биоде — «Слёттоффу» (представителю руководства эсеров), 31 октября 1905: содержится в портфолио копий писем Henry Biauudet, 31–3, в его собрании, NA.

56. Kujala. The Russian Revolutionary Movement. P. 271–275.

57. Inaba. The Politics of Subversion. P. 83–84.

58. Abraham Ascher. The Revolution of 1905: Russia in Disarray. Stanford, 1988. P. 158; J. A. White. The Diplomacy of the Russo-Japanese War. Princeton, 1964. P. 147. Русские войска в Польше, естественно, также требовались для предотвращения внешних нападений.

59. Kujala. March Separately. P. 110–125, 131–145.

60. Протоколы (и их черновики) Зарубежного комитета ПСР, 7 апреля 1905, № 18, ПШН; К биографии Гапона // Минувшие годы. 1908. № 7. С. 40–41; Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 10. М., 1960. С. 181; Т. 47. 1964. С. 20, 22.

61. Революционная Россия. № 65. 25 апреля 1905 (ст. ст.). С. 5; Bureau Socialiste International: Comptes rendus des réunions, Manifestes et circulaires / Georges Haupt (ed.). Vol. I. Paris, 1969. P. 241, 265, 376–379, 391–392.

стоянии в одиночку торпедировать идею единого фронта, в отличие от таких крупных русских партий, как РСДРП.

Из всех партий, существовавших в империи, польские социал-демократы наиболее негативно относились к идее сотрудничества между социал-демократами и прочими революционными партиями и оппозиционными движениями. При подготовке и к Парижской, и к Женевской конференциям СДКПиЛ последовательно проводила политику противодействия РСДРП и другим социал-демократическим партиям. Несмотря на это, русские социал-демократы — как меньшевики, так и большевики — питали расположение к партии, возглавлявшейся Розой Люксембург, вследствие отказа этой партии от национализма того типа, что проповедовался ее конкурентом, ППС. Однозначная интернационалистическая позиция СДКПиЛ делала ее важным союзником русских социал-демократов⁶².

Приверженность Польской социалистической партии к польскому национализму, а также ее антирусские настроения ставили ее в рамках оппозиционного движения в положение, отнюдь не соответствовавшее ее потенциальному значению главной социалистической партии второй по значению национальной группы империи. Традиционный сепаратизм ППС в значительной степени был основан на слабости русского революционного движения. Укрепление русской оппозиции в течение 1904 г. вынудило по крайней мере часть партии пересмотреть свое отношение к сепаратизму и к идее сотрудничества и привело к ряду диспутов между членами партии по поводу ее будущей политической позиции⁶³.

Что касается других партий, то особые усилия к объединению всех социал-демократов прикладывал еврейский Бунд⁶⁴, в то время как в рядах финской оппозиции о создании единого фронта, объединяющего все революционные силы, особенно хлопотали Циллиакус и его сторонники, хотя основная роль в их планах отводилась эсерам. Поскольку финские Активисты отличались значительно меньшим сепаратизмом и русофобией, чем, допустим, Польская социалистическая партия, русским революционным партиям было значительно проще с ними сотрудничать. Главным образом именно поэтому Циллиакус в 1904 г. возглавил усилия по обеспечению сотрудничества всех революционных и оппозиционных партий империи.

Препятствия на пути к сотрудничеству революционных партий в конечном счете оказались непреодолимыми. Однако, один этот

факт вряд ли в состоянии объяснить неудачу революции 1905 года. Революционные партии к началу 1917 г., когда отсутствовало даже то незначительное сотрудничество, что наблюдалось в 1905 г., были намного слабее. Революция 1905 г. оказалась не более чем «генеральной репетицией» последующих событий потому, что самодержавный режим, даже сильно ослабленный, все еще обладал достаточными ресурсами, чтобы избежать полного краха, который постиг его всего лишь 12 лет спустя.

*Перевод с английского
Николая Эдельмана*

62. См.: Najdus. SDKPiL a SDPRR; Georg W. Strobel, Die Partei Rosa Luxemburgs, Lenin und die SPD: Der polnische `europäische` Internationalismus in der russischen Sozialdemokratie. Wiesbaden, 1974. Passim.

63. См.: Anna Żarnowska. Geneza rozłamu w Polskiej Partii Socjalistycznej 1904–1906. Warszawa, 1965. Passim.

64. Kujala. March Separately. P. 114–115, 119, 135–137, 145–146.

ЛЕОНИД КАЦИС
О ПСЕВДОНИМАХ
РАННЕГО ВЛАДИМИРА ЖАБОТИНСКОГО
В ЖУРНАЛЕ «ОСВОБОЖДЕНИЕ»
(1903–1905)

Проблема атрибуции анонимных и псевдонимных текстов, опубликованных в эмигрантском социал-либеральном журнале П. Б. Струве «Освобождение» (Штутгарт — Париж, 1903–1905), является одной из важнейших проблем истории русского освободительного движения вообще.

Основными публикациями по этой теме являются следующие работы: К. Ф. Шацилло 1970-х гг.¹, М. А. Колерова и Н. С. Плотникова начала 1990-х² и М. А. Колерова 2009 г.³

Во всех указанных работах отсутствуют какие-либо указания на авторство анонимного текста «Фрейлейн», дорожной заметки, подписанной «Актолин», письма сиониста, подписанного «Г.», текстов, подписанных «Аноним», да и ряда действительно анонимных текстов, о которых здесь пойдет речь.

В свою очередь, эти работы содержат сведения о 55 авторах и более 100 их псевдонимах. Между тем, К. Ф. Шацилло резонно указывал, что, хотя «большинство псевдонимов однозначно устанавливается авторскими признаниями», при пользовании списком надо иметь в виду, что «во-первых, большинство авторов не пользовалось только одним псевдонимом и, следовательно, число, как

1. Шацилло К. Новые сведения о псевдонимах в журнале «Освобождение» // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 111–114.
2. С. Л. Франк. Письма к Н. А. и П. Б. Струве (1901–1905) / Публ. М. А. Колерова, предисл. М. А. Колерова и Н. С. Плотникова // Путь. № 1. М., 1992. С. 263–311.
3. М. К. Новое о С. Л. Франке и С. Н. Булгакове в журнале «Освобождение» (1903–1905) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2006–2007 [8] / Под ред. М. А. Колерова и Н. С. Плотникова. М., 2009. С. 541–550.

авторов, так и псевдонимов, не исчерпывается приведенным списком. Во-вторых, наиболее распространенными псевдонимами (типа N., NN., X., XYZ. и т. д.) могли пользоваться не только лица, приведенные в списке. (...) Кроме того, в список включены авторы статей, опубликованных без подписи⁴. К тому же, как указывает тот же автор: «Обращает на себя внимание отсутствие в списке ряда видных деятелей „Союза освобождения“, принимавших активное участие в его деятельности».

Проблема работы с псевдонимами «Освобождения» далека от окончания. Достаточно сказать, что в статье М. А. Колерова 2009 г. не только выявляются все новые псевдонимы С. Л. Франка, но и предлагается продолжить работу по атрибуции статей С. Булгакова⁵. А ведь это фигуры первого ряда, вызывающие в последнее время активнейший интерес исследователей.

Более того, в работах наших предшественников практически не исследуются сообщения из провинции и их авторство. Между тем, нас интересует не какой-нибудь провинциальный, а именно одесский автор. А здесь, на наш взгляд, содержится и масса информации, и масса проблем. Интересующий нас одесский автор, укрывшийся под псевдонимом «Аноним», написал столь важные и объемные тексты, порой составлявшие целые многополосные приложения, об одесской забастовке 1903 года или потемкинских днях 1905 года, которые вкладывались в журнал, что даже в общеисторическом плане необходимо понять, кому же предоставлял свои многочисленные полосы журнал, который был зарубежной базой т. н. «Союза освобождения» да и всех русских либеральных сил. Кому доверяли Струве, Милоков, Ковалевский, Короленко и т. д., и т. п.

Таков археографический фон, на котором мы приступаем к продолжению наших поисков текстов Владимира Жаботинского. Отметим сразу, что за исключением одного случая — псевдонима «Аноним», ничто в процитированные списки наших предшественников не попало.

При этом псевдоним «Аноним» являет собой один из наиболее сложных случаев для атрибуции его текстов именно Жаботинскому, так как существует «претендент» на этот псевдоним. Это единственный случай из всех тех, которые нас интересуют, когда псевдоним автора «Освобождения» указан с именем его обладателя в списках К. Шацилло. Пользуясь сведениями «Словаря псевдонимов» Масанова, Шацилло однозначно называет автора этих статей — Никольский Александр Иванович. Он стал в свое время депутатом III Думы, боролся за отмену Черты еврейской оседлости,

4. Шацилло К. Новые сведения. С. 112.

5. М. К. Новое о С. Л. Франке и С. Н. Булгакове. С. 543.

а в интересующее нас время был руководителем Общества ветеринаров Одессы.

Однако создается впечатление, что Масанов ошибся. Ведь не кадет и ветеринар сражался с погромщиками, ловил полицейских провокаторов, общался с зубатовским провокатором Шаевичем, оценивал стачку 1903 г. с точки зрения участия в ней евреев-агитаторов, анализировал «потемкинские дни» 1905, Кишиневский и Александрийский погромы и т. д. и т. д.⁶

А вот один «ветеринарный» текст в «Освобождении» есть. Это «Протест против нового ветеринарного закона» в № 18–19, подписанный ветеринарно-зоологическим псевдонимом *Hystrix Cristata* («дикообраз» по-русски). Мы, разумеется, не знаем, кто это, но что не «Аноним» — это уже вне всяких сомнений. У Масанова, кстати, не указаны никакие соответствующие конкретные статьи Никольского. Есть только глухая ссылка на «Освобождение». Если же это так, то, зная, что Никольский из Одессы был в «Освобождении», то, не читая никакого «Анонима», можно было записать в «Анонимы» и почтенного ветеринара и будущего борца за отмену черты еврейской оседлости в III Думе, куда как раз не попал Жаботинский. А вот, прочтя названные тексты — сделать это невозможно. И это мы покажем.

При этом, ряд сугубо конкретных материалов «Освобождения», которые были присланы в редакцию «Освобождения», как кажется на первый взгляд, вряд ли могли быть написаны находившимся в Европе Жаботинским. Более того, что Жаботинский печатался в «Освобождении», как мы пытаемся показать, и пока еще безо всякого постоянного псевдонима, тем более связанного с Одессой. Но «Освобождение» вовсе не ежедневная газета, многие материалы в этом двухнедельном, а то и сдвоенном ежемесячном, журнале печатались с опозданием. А кроме всего прочего, около четверти всех текстов «Анонима» вообще являют собой практически обзоры

6. Судя по всему, решение Масанова однозначно определить именно Никольского как одесского «Анонима» «Освобождения» основано на понятном недоразумении. Дело в том, что в объявлениях о подписке на газету «Речь» на 1906–1907 годы, публиковавшихся во многих либеральных газетах, можно обнаружить указание в списке авторов «А. Никольский (аноним из „Освобождения“)». Однако это «аноним» с маленькой, а не заглавной буквы, возможно, и печатавший в журнале, кроме указанных, и просто анонимные тексты. Этот пример лишний раз показывает необходимость предельно внимательного отношения к любым деталям, сообщаемым в подобных объявлениях, тем более в суровое революционное время, когда псевдоним мог стать защитой от вполне реальных репрессий. Для Жаботинского же это «объявление» оказалось еще и исторически судьбоносным, на десятилетия отвлекшим уже исследователей эмигрантской печати времен Первой русской революции от поиска реального «Анонима» с большой буквы.

прессе, даже начинающиеся порой прямой ссылкой на конкретные газеты, обзоры которых можно писать откуда угодно.

Поэтому именно псевдониму «Аноним» мы уделим здесь специальное внимание.

Второй момент связан с тем, что поиски связей между Жаботинским и кругом «Освобождения» (особенно П. Б. Струве) затрагивают взаимоотношения Жаботинского с такими фигурами, как, например, Аким Волынский, Н. А. Бердяев и круг будущего русского религиозно-философского ренессанса. Если же речь не идет о прямых взаимоотношениях, то необходимо установить и проанализировать отношение Жаботинского к их деятельности и творчеству.

Наконец, третий момент связан с тем, что большая часть поздней прозы Жаботинского — роман «Пятеро» и «Повесть моих дней» — связаны непосредственно с нашей проблематикой, как это ни неожиданно на первый взгляд, однако исторически они относятся частью к литературе русской эмиграции, а частью — к истории ивритской литературы.

Мы считаем возможным воспользоваться текстом романа «Пятеро» и хронологически соответствующими периоду «Освобождения» главами «Повести моих дней» (которую, напомним, при жизни Жаботинского можно было прочесть целиком только на иврите) потому, что «Повесть моих дней» (*Сифрей ямин*) на иврите вышла в свет в изданном Зальцманом двухтомнике сочинений Жаботинского 1936 года; а «Пятеро» печатались в «Рассвете» с самого конца 1932 года по начало 1934, закончены же обе книги были в том же 1936.

Таким образом, эти тексты образовали (на сей раз на двух разных языках, русском и еврейском, но с сионистской основой) очердную «двойчатку» Жаботинского.

Наконец, опыт чтения Жаботинского показывает, что практически все ключевые слова, образы, заглавия, сюжетные ситуации его романов, пусть и с существенными, однако вполне системными сдвигами, отражают, как мы попытаемся показать, не столько абстрактную реальность Одессы начала века или русского революционного движения до и сразу после революции 1905 года вообще, сколько вполне реальные события и идейные битвы, которые нашли свое отражение в публикациях «Освобождения», которые мы атрибутируем Жаботинскому.

Сама сложная система взглядов их автора (включая и ряд чисто анонимных текстов), которая вытекает из этих текстов в целом, оригинальность и целостность представленных в них идей, их идейная динамика, набор «действующих лиц», мест действия и т. д. с высочайшей степенью вероятности говорят о том, что другой фигуры, подходящей на место их автора в довольно узком кругу как авторов «Освобождения», связанных и с Одессой, сионизмом, Кишиневским погромом, так и с рядом особенностей соци-

ал-демократического подполья Одессы самого начала века и т. д. кроме Жаботинского нет.

Кроме всего прочего, ряд текстов «Освобождения», которые мы атрибутируем Жаботинскому, являются зародышами идей, которые разовьются в знаменитых «Фельетонах» (в частности, в дискуссиях как раз со Струве в дискуссии «О евреях и русской литературе» и «о национальном лице»), либо в Предисловиях к знаменитым переводам стихов Х.-Н. Бялика, выполненных Жаботинским.

Дополнительным подспорьем для нас окажется и опыт атрибуций текстов Жаботинского из либеральной газеты «Северный Курьер» и марксистского журнала «Жизнь».

I.

Обнаружение и атрибуция Владимиру Жаботинскому ряда рецензий, подписанных псевдонимом «А». и опубликованных в марксистском журнале «Жизнь», указывает на целый пласт личных контактов и неизвестных текстов Жаботинского, которые позволяют не только восполнить его библиографию, но и восстановить важнейший ранний этап его духовной биографии и идейного становления будущего лидера сионизма. При этом и опыт атрибуции Жаботинскому ряда текстов из «Жизни» в 1901 г., и изучение системы сокрытия Жаботинским своего имени наряду с сознательно оставленными «диагностическими» признаками, а также игра в известные псевдонимы «А». и «Алталена» в оперных рецензиях в «Одесских новостях» того же периода⁷, позволяют перейти к поиску и атрибуции текстов нашего автора в значительно более сложном случае — в серии анонимных и псевдонимных публикаций в знаменитом эмигрантском журнале «Освобождение», который выходил под редакцией одного из основателей РСДРП П. Б. Струве в 1903–1905 годах. А переведенные с итальянского языка подписные статьи Жаботинского из газеты *Avanti!*, где, собственно, и был открыто назван журнал «Жизнь», вызывавший подъем революционности у русских студентов⁸, позволили увидеть тот стиль раннего Жаботинского — марксиста и вполне радикального соци-

ал-демократа, который был надежно скрыт им в последующие годы. В немалой степени созданию привычного сегодня образа лидера сионистов-ревизионистов способствовали классические «Фельетоны» 1913, 1922 годов⁹, а интересующий нас период идейного развития их автора оказался погребен под толстым слоем исторического пепла.

Попыткой преодоления этой ситуации и восстановления реальной, пусть и скрытой под разными псевдонимами, от сверххранной и до открыто сионистской политической биографии Жаботинского времен зарождения первой русской революции, и будет настоящая работа.

Социал-демократический период становления молодого Жаботинского практически не исследован. И удивляться здесь не приходится. Однако связь Жаботинского с итальянской социал-демократической газетой *Avanti!* и русским журналом «Жизнь» приводит к вопросу: а что произошло с авторами «Жизни» после закрытия журнала в 1901 году из-за попытки публикации «Песни о Буревестнике» Максима Горького? Что стало трибуной этих литераторов и философов? Как известно, часть редакции «Жизни» объединилась под руководством В. Поссе и В. Бонч-Бруевича в Париже, а другая, менее радикальная и все более отдаляющаяся от будущего большевизма и движущаяся в сторону будущей кадетской партии и русского религиозно-философского ренессанса, а то и просто либерализма без специфически партийной окраски, оказалась под руководством П. Б. Струве на страницах штутгартского журнала «Освобождение».

В новой эмигрантской «Жизни» никаких признаков участия Жаботинского мы не обнаружили. Иное дело — «Освобождение». Однако прежде чем напрямую обратиться к эмигрантскому журналу, необходимо упомянуть, что П. Б. Струве сознательно покинул Россию и оказался в эмиграции — целью его пребывания за границей было именно создание некоего объединяющего всех оппозиционеров свободного органа печати. А, кроме того, нам кажется важным обосновать саму возможность и продуктивность поиска неизвестных публикаций Жаботинского именно в данном органе печати — в журнале, который был призван стать трибуной для тех авторов, кто, хотя и жил и печатался по большей части в России,

7. Кацис Л. Юный Владимир Жаботинский — оперный критик // Театральная периодика в России: доклады восьмых Международных научных чтений «Театральная книга между прошлым и будущим». М., 2009. С. 150–164.

8. Ср. в статье «Ваш новый год (Письмо на родину) «из „Фельетонов“, но написанной 1 января 1908 г. в Вене о событиях пятилетней давности: «Внутренний огонь ваш нарастал, что день, то жарче, и не было такой мелочи, для которой у вас не хватило бы пылу и о которой вы не спорили бы с увлечением и страстью. Все вам казалось страшно важным, все играло роль в вашей жизни. Новая книжка толстого журнала была событием. Удачная статья производила впечатление большой политической победы. Не в тон ска-

занное слово называлось изменой. Пять лет ссылки на поселение считались драконовской жестокостью».

9. Произведения Жаботинского цитируются далее по следующим изданиям: Жаботинский В. Пятеро. Роман // Жаботинский В. Полное собрание сочинений в 9 т. Т. 1. Минск. С. 292–452; Жаботинский В. Повесть моих дней. Пер. Н. Бартман // Жаботинский В (З.). О Железной стене. Речи, статьи, воспоминания. Минск, 2004. С. 454–534; Жаботинский В. Фельетоны // Жаботинский В. (З.). Избранное. Иерусалим; СПб., 5752/1992. С. 41–179. Аналогичный набор текстов есть и в книге «О железной стене».

все же испытывал необходимость в относительно тайной публицистической активности в бесцензурной эмиграции.

Такой журнал и был создан в 1902 году. Однако П. Б. Струве все не собирался прерывать свою деятельность в России, активизировавшуюся на рубеже XIX–XX веков. Итогом этого процесса явился важнейший сборник «Проблемы идеализма», вышедший в том же 1902 году, где Струве как бы отсутствовал. Однако именно он был главным инициатором издания, которое входило в ряд важнейших, обозначивших становление нового идеализма в России, да и его статья под псевдонимом «П. Г.» в этом сборнике не затерялась.

Еще одним важным изданием в это же время стал сборник работ на тот момент еще и видного русско-еврейского деятеля Акима Волынского, все более быстро входившего в круг наиболее ярких русских философских писателей. В это же движение в различных формах оказались включены будущий священник, а тогда еще марксистский экономический писатель С. Булгаков и вполне радикальный на тот момент Н. Бердяев¹⁰.

До сих пор нам не приходилось видеть, чтобы в этот круг включался Владимир Жаботинский. Однако эта ситуация меняется самым радикальным образом, когда мы обращаемся к полному собранию текстов Жаботинского, опубликованных в «Одесских новостях» в 1902–1903 году. История рецепции «Проблем идеализма» предстает на этих страницах не только в новом свете, но и включает в свою орбиту двух друзей-одесситов В. Жаботинского и К. Чуковского¹¹.

Сама по себе история сборника «Проблемы идеализма» в последние годы оказалась в центре внимания историков русской мысли вплоть до выхода специальной монографии Модеста Колерова о нем¹² и научного переиздания самого сборника¹³, что избавляет нас от необходимости ее подробного изложения. Разумеется, в этих изданиях отражена и полемика вокруг «Проблем идеализма» в повременной печати¹⁴. Из провинциальных дискуссий наибольшее внимание М. А. Колеров уделит полемике вокруг «Про-

10. Подробнее об этом см.: Колеров М. А. Не мир, но меч: Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб., 1996.

11. Эти тексты, как, естественно, их анализ, отсутствуют в специальной книге Е. В. Ивановой: Чуковский и Жаботинский: История взаимоотношений в текстах и комментариях / Авт. и сост. Евг. Иванова. М., 2005.

12. Колеров М. Сборник «Проблемы идеализма» [1902]: История и контекст. М., 2002.

13. Проблемы идеализма. Сборник статей С. Н. Булгакова, кн. Е. Н. Трубецкого, П. Г. [П. Б. Струве], Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, С. А. Аскольдова, кн. С. Н. Трубецкого, П. И. Новгородцева, Б. А. Кистяковского, А. С. Лаппо-Данилевского, С. Ф. Ольденбурга, Д. Е. Жуковского под редакцией П. И. Новгородцева. [Москва, 1902]. М., 2002 (Исследования по истории русской мысли).

14. Колеров М. Сборник «Проблемы идеализма». С. 165–180.

блем идеализма» в Киевском литературно-художественном обществе, что и естественно, учитывая участие в дискуссии Н. А. Бердяева.

Однако эта дискуссия состоялась уже в конце 1903 г., в то время как дискуссия, отразившаяся в «Одесских новостях» и «Одесском листке» имела место в самом начале этого же года. Уже сам этот факт заслуживал бы особого внимания и сам по себе, однако одесские интеллектуалы в своих публикациях прямо указывали на то, что их волнует существование киевских коллег и их мнение о «Проблемах идеализма» вообще и Волынского, в частности. С этого эпизода мы и начнем. Тем более что он касался исторического предшественника «Проблем идеализма» — «борца за идеализм» Акима Волынского и проблем его выступления в одесской «Литературке».

М. Колеров указывал: «Литературно-критический предшественник „идеалистов“, в отличие от них, однако, в общественно-политическом отношении абсолютный абсентист, А. Л. Волынский точно уловил практическую природу их идеализма: „У них нет главного, — говорил А. Л., — критического идеализма. Булгаков, Бердяев и прочие — все это ничтожные фельетонисты, лишенные подлинного таланта. Их философия несерьезна, это не более как агитация в университетском коридоре, среди желторотых птенцов. (...) У них энциклопедия идейных терминов, а не органическое творчество“»¹⁵.

А вот мнение Altalen'ы из его рубрики «Вскользь». Статья появилась в связи с тем, что многожды избитый критиками Волынский-автор, редактор и т. д. и т. п. «потерпел фиаско» и в Одессе:

его ругали.

Ругательски ругали.

Но он устоял.

А теперь уже не устоит.

Теперь ему, бедному г-ну Волынскому, конец. Крышка.

Его убили старшины литературной секции одесского лит.-артист. общества.

Они... Они... Они решили не приглашать его читать.

Непреклонно решили.

Пусть г-н Волынский хоть плачет, хоть рыдает, хоть на коленях молит — ни за что.

Ни за что не пригласят они его прочесть публичную лекцию в литературно-художественном клубе.

Напрасны все моления: г-н Волынский погиб. Осужден бесповоротно.

Это ему будет наука.

Чтобы впредь не буйствовал¹⁶.

15. Там же. С. 49, прим. 71.

16. Altalena. Вскользь // Одесские новости. 17 декабря 1902.

И тут же Altalena объясняет, в чем дело, почему автор «Русских критиков» и бывший редактор «Северного Вестника» не устраивает одесских интеллектуалов. Дело в том, что Волюнский не является сторонником авторов типа Н. Михайловского и тенденциозной направленной и демократической критики вообще. Он эстет и идеалист, и соответственно:

— Что-о? Приглашать г-на Волюнского? — сказали старшины, — не бывать тому. Не дорос!

Непохвально, г-да старшины.

Литературно-художественное общество на то и существует, чтобы знакомить одесскую публику со всем новым и интересным, что появляется в духовной жизни нашего времени.

Неужели же, по-вашему, взгляды г-на Волюнского не отражают известного течения, представляющего большой интерес?

Не верится как-то, чтобы вы, люди интеллигентные, не сознавали того, насколько заметно в современной духовной жизни русского общества то веяние, которое так ярко представляет г-н Волюнский.

Нет, не в том дело.

А в том, без сомнения, что г-да старшины не согласны со взглядами г-на Волюнского.

И, будучи несогласны, решили:

— Раз это не по-нашему, это никому не может быть интересно.

Pardon, г-да старшины. Простите, но вы, честное слово, ошибаетесь.

Поверьте, что можно не соглашаться с вами — и все-таки представлять для нас большой интерес.

Для этого нужны три качества, которые есть и у г-на Волюнского: талант, оригинальность, искренность¹⁷.

Altalena (Жаботинский) знал, что говорил, ведь он сам, как нам теперь известно, еще в 1901 г. в легальном марксистском журнале «Жизнь» под псевдонимом «А». достаточно критически отзывался о книге Волюнского, посвященной Н. Лескову¹⁸.

Поэтому, отвечая своим не самым сговорчивым коллегам по «Литературке» Жаботинский и написал, что, коли Волюнского не пригласят в Одессу, придется интересующимся ехать в Киев. Как мы уже поняли, к молодому Н. Бердяеву в параллельную одесскую киевскую «Литературку», которую патронировал П. Струве. Но это все еще самый конец 1902 года.

А вот год 1903. 22 марта в статье под характерным названием «Перелом журналистики» Жаботинский писал:

17. Там же.

18. Специально об атрибуции статей раннего Жаботинского в указанном журнале и в газете «Северный Курьер» см. в нашей статье в томе II/2 Полного собрания сочинений Владимира (Зеева) Жаботинского в 9 т. (Минск, 2009. С. 715–728).

Современная передовая журналистика не попадает в тон современному передовому поколению, не говорит его душе, не звенит его настроением.

Чехов говорит нашей душе, Горький одно время говорил ей, Андреев отчасти говорит ей, но это все отдельные лица, произведения которых подаются нам в журналах, как стакан на подносе, как нечто постороннее, а не сам журнал, как вечно цельное и само по себе важное.

В прежние дни журнал для интеллигентного человека был точной дружеской кружкой, куда стоило пойти, когда угодно, ибо там всегда будет уютно и будет беседа по душе.

Теперь журнал сделался гостиной, где бывает скучно или весело в зависимости от того, есть ли хороший «гвоздь», интересный гастролер или нет. Когда в этой гостиной устраивают званый вечер с итальянцами, гости проводят время очень интересно, но ведь этот интерес итальянцев, а сама по себе гостиная с ее постоянным кружком остается, как была, чуждой нам по духу.

Почему же передовая журналистика стала чуждой по духу передовому поколению? Почему она больше не попадает ему в тон?

Потому, что тон поколения — сегодняшний, а тон журналистики — вчерашний¹⁹.

И вот на этом фоне появился рассказ Жаботинского о происшествии в Петербурге еще в конце 1901 г. с тем же самым Волюнским. Однако с куда более ясным объяснением своим читателям причин того, почему еще за год до демарша в «Литературке» питерские либералы и демократы, которым, естественно, и следовали одесские «старшины», не захотели видеть все того же Волюнского в своей среде:

В ноябре 1901 года в Петербурге праздновали юбилей г. Скабичевского. На юбилейном обеде присутствовали разные хорошие передовые люди. Записался на этот обед и г. Волюнский. Но когда он явился в ресторан «Медведь», ему было распорядителями сказано: — Для вас тут места нет, и не может быть.

Ему пришлось уйти.

Что такое г. Волюнский? Реакционер? Нет, его практические убеждения вполне прогрессивны. Или продажный писака? Нет, его страстную убежденность признают и враги.

Но г. Волюнский мыслит и писал по-своему, отрицал позитивизм и без преклонения рассуждал о больших русских публикациях. И за это ему «не могло быть» места в ресторане «Медведь».

Этот глупый случай ребяческой мелочности не стоил бы внимания, если бы, к сожалению, не был слишком типичен для передовой журналистики. Эта журналистика до сих пор еще продолжает юбилейный обед г. Скабичевского.

19. Владимир Жаботинский. Перелом журналистики. Изложение реферата, читанного в лит.-арт. клубе 20 марта // Одесские новости. 22 марта 1903.

До сих пор старается она поддержать, насколько возможно, строгость «выдержанного направления», до сих пор щеголяет (хотя уже, конечно, не с прежним совершенством) тщательной шлифовкой мировоззрения, тесно подогнанного под ярлык. До сих пор противится она допущению несогласно мыслящего на свою трибуну, и человеку, заговорившему по-своему, стереотипно отвечает:

— Вы не подходите к нашему направлению, и мы не можем дать вам высказаться.

— Где же мне высказаться?

— Это нас не касается. Обратитесь в орган другого направления.

Но «других направлений» есть пять, шесть, десять, а куда же пойти человеку одиннадцатого направления, т. е. самого свежего и молодого? Некуда. У человека одиннадцатого направления нет трибуны. Ему благородно и корректно зажимают рот, как зажали рот этому самому г. Волинскому. Он писатель и честный, и даровитый, но с тех пор, как закрылся «Северный Вестник», ему негде писать. Он принужден молчать — и журналисты «выдержанного направления» думают, что это очень хорошо и что это с их стороны большая заслуга, а не большой грех.

Конечно, время все-таки берет свое и сквозь «выдержанность» изредка прорываются еретические страницы. И тогда читатель оживляется и на миг снова ощущает симпатический ток между своей душой и своим журналом. Но это — миг, это — исключение, это — гастролер, это — мимолетный интересный итальянец на званом вечере в неуютной чужой гостиной.

Не может такая журналистика попасть в тон многострунному поколению. Не любит она его и не умеет зацепить его душу. Из тех слов, которыми оно теперь интересуется, о которых оно думает и между собой говорит, почти ни одного не встречает оно в любимых и чутких когда-то журналах; если же и допускают туда залетом такое слово, то почти всегда с холодной брезгливостью, с непониманием, даже с насмешкой.

Вот что стояло за предыдущей статьей Жаботинского. Волинский был, как и было отмечено ранее, предшественником тех самых «Проблем идеализма», обсуждению которых были посвящены и вечера в «Литературке», и статьи в одесских газетах. И началось это обсуждение сразу с протестов. 9 февраля 1903 г. Жаботинский писал в первых же строках своей статьи:

В «Южном обозрении» г. А. И. (Изгоев — Л. К.) доказывает, что в литературно-художественном обществе немислимо читать доклады на отвлеченные темы и вести о них диспуты.

— Следовало бы ограничиться более простыми, житейскими, всем доступными вопросами, — говорит г. А. И.

Дело в том, что на последнем четверге читался доклад г-на Чуковского о контрастах современности, и г. А. И. усмотрел, что никто ничего не понял.

А посему —

«споры превратились в какое-то малоосмысленное перебрасывание словами — позитивном, мистицизме, идеализме и проч».

Что касается термина «малоосмысленное», то сей термин я почтительно препровождаю на внимательное рассмотрение самого г-на А. И. и настоятельно ему рекомендую впредь более «осмысленно» выбирать употребляемые им прилагательные.

Но не в том дело.

Четверги при литературно-художественном обществе для того существуют, чтобы поддерживать нашу публику au courant духовных интересов минуты.

Значит, нельзя и не следует обходить молчанием «отвлеченные темы», потому что эти отвлеченные темы теперь на очереди.

Книга «Проблемы идеализма», из-за которой, главным образом, и получилось у г. А. И. впечатление ужасной «отвлеченности», благополучно и без вреда для желудка читается теперь в Одессе той самой интеллигенцией, для которой этот диспут устроен²⁰.

Похоже, что событие это было далеко нерядовым. По крайней мере, в плохो сохранившемся дневнике Чуковского за 1903 г. оно описано так: «8 февраля. Вот какая заметка напечатана была вчера [вклеена вырезка из газеты „Одесские новости“ за 7 февраля 1903 г. из раздела „Одесская жизнь“²¹]: „Контрасты современности“ (доклад К. Чуковского в Лит.-арт. О-ве) вызвали настоящий словесный турнир между докладчиком и отстаивавшим его положения гг. Жаботинским, Меттом, с одной стороны, и резко восставших против идеализма гг. Брусиловским, Гинзбургом и др. Прения затянулись до 12 ч. ночи. Следующее собеседование состоится через две недели»²².

И хотя Жаботинский, упомянутый в заметке, вклеенной Чуковским в альбом, в цитируемой нами статье не счел докладчика выдающимся популяризатором, дело было не в этом. Общество, воспитанное на тенденциозности, позитивизме и материализме не желало слышать ничего непривычного, а «Проблемы идеализма» вели именно к этому.

Вот, например, позиция С. Булгакова из его сборника «От марксизма к идеализму»: «Можно в известном смысле сказать, что идеализм стремится выполнить относительно социального идеала ту службу, которую в марксизме служит ему экономический материализм, является как бы фундаментом, подведенным под старое здание. Идеализм в России родился и стоит под знаком социального вопроса и теории прогресса (...) Идеалы социальной справед-

20. Altalena. Вскользь // Одесские новости. 9 февраля 1903.

21. Чуковский К. Дневник. 1901–1921. Конспекты по философии. Корреспонденции из Лондона // Чуковский К. Собр. Соч. в 15 т. Т. 11. М. 2006. С. 523 (комм.)

22. Чуковский К. Дневник. 1901–1921. С. 70.

ливости и общественного прогресса, свободы и равенства, политического либерализма и социального демократизма или социализма с необходимостью вытекают из основных принципов философского идеализма...»²³.

А вот Жаботинский:

Синтез всего того, что в XIX веке считалось противоречиями: вот, по-моему, будет духовная работа нашего столетия.

С позитивизмом, в частности, будет то же самое.

Высшее выражение свое позитивизм получил в доктрине исторического материализма, которая в целом своем, по моему глубоко убеждению, не поколеблена, не будет поколеблена, не может быть поколеблена.

Но сторонники этой доктрины, по обыкновению XIX века, со-кли своим долгом уйти в нее с головой и сделать себе из нее все: не только социологию, но и религию-этику.

Это оказалось невысказанным. Человек не может убедить себя, будто он, собственно, желает хорошего будущего для своих ближних только потому, что это хорошее будущее необходимо должно наступить; человек не может не сознавать, что он желал бы этого хорошего будущего даже в том случае, если бы был уверен в его исторической несбыточности.

И далее, дав ироническую оценку работам процитированного выше Булгакова и подписавшегося в «Проблемах идеализма» П. Г. добровольного политэмигранта и одного из организаторов журнала «Освобождение» Петра Струве, более высоко оценив сочинение Н. Бердяева, Жаботинский резюмирует:

Г. Бердяев тоже не дает синтеза, но он хоть, по крайней мере, не выпячивает на якобы поверженном историческом материализме, — он целиком (в главных чертах) сохраняет эту незабываемую доктрину для социологии, утверждая только параллельное сожительство исторической необходимости и свободного морального самоопределения.

Это еще не синтез, но это уже терпимость, которая есть предчувствие синтеза.

Истинного синтеза нет и у г. Чуковского: он доказал только то, что «контрасты», вроде декадентства, индивидуализма, идеализма, неомистицизма, — все исходят из одного и того же источника, — выражаясь упрощенно, из антимещанского настроения.

Но ведь это не синтез, который должен объединить противоречащие друг другу доктрины по существу их, а не по происхождению.

Полный и настоящий синтез еще впереди.

От этого синтеза мы ждем слияния идеализма с материализмом, или, вернее, ждем объяснения, каким образом чистейший этиче-

23. Эта цитата среди многих других аналогичных приведена в: Колеров М. Сборник «Проблемы идеализма». Гл. 3. Михайловский. Толстой. Бернштейн

ский идеализм свободно вытекает из единой и всеобъемлющей материалистической доктрины, — ждем (настаиваю на рискованной фразе) научного обоснования этического идеализма.

Этот синтез, который составит кульминационное духовное завоевание нашего молодого века, объединит контрасты, несколько их не обезличивая, примирит свободу морального творчества с детерминизмом, индивидуализм с «общественностью», национализм с космополитизмом, демократизацию с аристократизмом и вооружит человека мудрой, возвышенной, «сверхчеловеческой» широкой всеобъемлющей миропонимания.

И здесь при всем его критическом отношении к своим более старшим коллегам, он, один из руководителей партийной организации РСДРП в Одессе, ушел от «Проблем идеализма» не так уж далеко, если ушел вообще. И на возражения Изгоева, который обиделся за русский материализм Михайловского, Жаботинский отвечает:

В г-не Бердяеве я ценю то, что он говорит не свысока. В его тоне все время слышится глубокое уважение к «поверженной» доктрине — слышится как бы сознание того, что нынешняя идеалистическая реакция, может быть, не помешает скорому и уже окончательному восстановлению универсальности этой доктрины.

Ни у г. Булгакова, ни у г. П. Г. — воля ваша, г. Изгоев, — я этого уважения не слышу, а слышу, напротив, в большей или меньшей степени тон свысока и снисходительное похлопывание по плечу со словами:

— В свое время... до известной степени... относительно не без пользы...

И мне кажется, что я прав, когда вижу во всем этом проявление застарелой прямолинейности, привыкшей так:

— Или ручку дозволейте поцеловать, или бац по физиономии...

И говорит далее г. Изгоев:

— Что же касается «параллельного сожительства» (т. е. сожительства исторической необходимости с свободным моральным самоопределением), то его давно требовал и г. Михайловский, и друзья социологи того же типа...

Позвольте: это все так, но к чему вы это говорите?

Со взглядами русской школы социологов-субъективистов я, слава Богу, знаком без вашей помощи, а на внешнее сходство между учением этой школы и параллелизмом г. Бердяева успел тоже без вашей помощи обратить внимание хотя бы уж потому, что об этом предмете довольно пространно говорит проф. Новгородцев в тех же «Проблемах идеализма» в статье «Нравственный идеализм в философии права».

Но к чему вы это заявляете? Против чего, собственно, сей довод? На что вы мне им возражаете? Ума не приложу.

Я говорю:

— Г. Бердяев на две головы выше своей компании, ибо он человек не узкий, а многосторонний.

А вы «возражаете»:

— «Параллелизм» г-на Бердяева внешне похож на субъективизм г-на Михайловского.

А в Киеве дядько?...²⁴

Как нетрудно понять из предыдущего изложения, «в Киеве дядько...» здесь упомянут не случайно. Ведь и Булгаков, и Бердяев позже, как уже говорилось выше, защищали идеализм именно в этом городе.

Из экономии места мы не будем продолжать анализ дискуссии между Изгоевым и Жаботинским, продолжившейся в последующих номерах «Одесских новостей», ибо куда интереснее взглянуть на газетную карту России 1903–1904 гг., чтобы увидеть на ней место одесского полемиста Жаботинского. Ведь интересен тот факт, что он принял участие еще в нескольких органах печати, связанных напрямую с участниками «Проблем идеализма», однако имени Жаботинского в этом контексте мы никогда не найдем.

Как указывает М. Колеров, «16 января 1900 П. Б. Струве выступил в недолговечной петербургской газете „Северный Курьер“ со статьей, которая впоследствии, наряду с „Проблемами идеализма“ и книгой Бердяева „Субъективизм и идеализм“, была определена в качестве одного из начальных пунктов „идеалистического направления“ ...»²⁵

А позже, «когда в 1904 г. возникло новое издание, политически ориентированное на „Союз освобождения“ — газета „Наша Жизнь“ (объявленные сотрудники Бердяев, П. А. Берлин, В. Я. Богучарский, Булгаков, Булгаков, Водовозов, В. С. Голубев, А. С. Изгоев, Е. Д. Кускова, Новгородцев, С. Н. Прокопович, М. Горький, А. А. Стахович, Франк, В. Ф. Тотомианц, В. В. Святловский, В. В. Хижняков — Наша Жизнь. 6 (19) ноября 1904. № 1), „идеалисты“ уже сосредоточили свои силы на только что перешедшем под их контроль „Новом Пути“ и не стали использовать газету для пропаганды направления»²⁶.

Среди сотрудников «Нового Пути» следов Жаботинского мы не обнаруживаем. Не исключено, что усиление христианского религиозно-философского направления «Нового Пути» в сочетании с переходом Жаботинского на все более прочные сионистские позиции и вывело его ранее творчество за пределы истории русского и даже православного идеализма. Однако на протяжении многих последующих лет В. В. Розанов, Изгоев и П. Б. Струве будут писать об Altalen'e и полемизировать с ним по очень широкому кругу вопросов, а тексты Жаботинского будут оставаться для бывших коллег самыми острыми раздражителями.

24. Жаботинский В. Вкозь // Одесские новости. 11 февраля 1903.

25. Колеров М. Сборник «Проблемы идеализма». С. 50 и далее.

26. Колеров М. Сборник «Проблемы идеализма». С. 165.

Между тем, Жаботинский печатался и в «Северном Курьере» (и под именем Вл. Ж. и, как мы показали ранее, под псевдонимом А. З-ский), и недолго, как рассказывал и он сам, в «Нашей Жизни»²⁷.

Итак, Жаботинский, как мы видим, вполне последовательно прошел свой путь: от неприятия идеологии и практики «Русского Богатства» (через марксистскую петербургскую «Жизнь» и либеральную газету «Северный Курьер») к защите «Борца за идеализм» Акима Волынского и сборника «Проблемы идеализма» под редакцией П. Струве.

Теперь, когда место и роль Жаботинского в общественно-политической дискуссии 1901–1903 годов выявилась с достаточной ясностью, мы можем предпринять попытку поиска возможных текстов В. Жаботинского в новом детище Петра Струве.

И здесь бесценным оказывается опыт атрибуции текстов Жаботинского сразу и из «Северного Курьера», и из журнала «Жизнь» в их сопоставлении с «Одесскими новостями», с одной стороны, и с указаниями самого Жаботинского. На сей раз в его позднейших ивритских мемуарах. Некоторые указания в которых касаются уже ситуации 1904–1905 гг. Они нам помогут подтвердить авторство более ранних статей в «Освобождении». В частности, как мы попытаемся показать, под наиболее употребительным псевдонимом «Аноним» и некоторыми другими. Небольшое количество текстов, которые мы атрибутируем Жаботинскому, остались в прямом смысле анонимными, т. е. не подписанными.

II.

Однако прежде всего надо попытаться понять, касался ли когда-нибудь сам Жаботинский этого вопроса, и волновал ли его Струве с его «Освобождением» вообще.

Ответ на этот вопрос, как представляется, находится в мемуарах «Повесть моих дней», где Жаботинский пишет: «Однажды посреди ночи — это было в начале 1902 года — сестра разбудила меня и прошептала „полиция“. Вошел офицер в голубом жандармском мундире. В течение часа он рылся в моих книгах и бумагах, нашел какую-то „запрещенную“ брошюру и пачку моих статей, которые напечатали в итальянской газете, издававшейся в Милане, и предложил следовать за ним...» (Повесть. С. 484).

И чуть ниже: «Меня вызвали на допрос: в канцелярии тюрьмы я застал жандармского генерала и помощника гражданского прокурора, молодого человека, которого я несколько раз видел в Литературном клубе. Я спросил: „Запрещенная книга, которую вы

27. Жаботинский В. Повесть моих дней. С. 477, 502

нашли у меня, — это памятная записка министра Витте „Земство и самодержавие“. Что в ней преступного?»

Мне ответили, что книга печаталась в Женеве. Это было очень скверно. Но в ней имелось также предисловие на четырех страничках, написанное Плехановым, и это было еще хуже. Помимо того, у меня нашли итальянские статьи, и они-то были подписаны моим именем». (Повесть. С. 486). И, наконец: «Я вышел на свободу, потому что официальный переводчик не нашел в моих статьях „посягательств на достоинство государства“, но тяжелого преступления — брошюры министра Витте — с меня не сняли и мне запретили выезд из Одессы» (Повесть. С. 487).

Если же теперь обратиться к доступным историческим документам начальника жандармского управления, то окажется, что «Владимир Жаботинский, сотрудничая в 1901 и 1902 годах в римской газете Patria, в своих корреспонденциях заведомо извращал и представлял в крайне тенденциозном виде все явления политического характера в России. В 1902 году Жаботинский привлекался при жандармском управлении гор. Одессы к дознанию и изблечен был в хранении двух нелегальных брошюр...»²⁸. И по сведениям Особого отдела Департамента полиции, приводимым Х. Фириним, «в 1903 входил в состав Одес. к-та РСДРП»²⁹.

Что же касается упомянутых Жаботинским подписных статей в миланской газете, то, похоже, ими являются как раз статьи в римской *Avanti!*, за которые вполне можно и нужно было попасть в тюрьму в России, или, поверим жандармам, в не разысканной пока *Patria*. Впрочем, не исключена здесь и миланская *Avanti!*. Но 3 итальянские статьи нам теперь, после выхода в свет т 2/1 ПССЖ, хорошо известны. И в терминах тогдашней Охранки они вполне «искажают положение в стране», обсуждая студенческие беспорядки, за освещение которых закрыли «Северный Курьер», или восхваляют закрытую властями в 1901 г. «Жизнь», а также в анонимном обзоре пропагандируют антицаристские взгляды Льва Толстого.

Обратимся теперь к упомянутой самим Жаботинским брошюре, за которую его в 1902 году, похоже, никто его сажал. Что же это такое? Эта — «брошюра», более чем в 240 страниц (!), выходила в свет дважды. Во-первых, в 1901 г. как «*Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка Министра финансов Статс-Секретаря С. Ю. Витте (1899) с предисловием и примечания*

28. Панасенко Н. Одесские «отсидки» Владимира Жаботинского // Мигдаль Times. № 41: www.migdal.ru/times/41/3505/?&print=1.

29. Фирин Х (Кельнер В.) Жаботинский Владимир // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 250. К сожалению, данная статья крайне неполна и изобилует неточностями и непроверенными сведениями даже чисто библиографического характера.

ми Р. Н. С, Печатано „Зарей“. Stuttgart. 1901», и, во-вторых, как: «*Издание редакции „Освобождения“. Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка Министра финансов Статс-Секретаря С. Ю. Витте (1899). Второе издание с двумя предисловиями Петра Струве и с приложением записки Министра финансов о напряжении платежных сил населения. Stuttgart. 1903 г.*»

Как нетрудно видеть, никаких предисловий на 4-х страничках Г. В. Плеханов к этой книге не писал (более того, его помощь в издании вызвала скандал в социал-демократических кругах)³⁰, а вот П. Струве отметился тут дважды (если не трижды). Да и предисловие Струве занимает многие десятки страниц, приближаясь даже к римской цифре L, не считая еще массы комментариев со ссылками на «Освобождение», которыми уснащено 2-е издание. Однако след Плеханова все же отыскать можно. Это название женевского журнала «Заря», который на первых порах объединял Плеханова, Ленина и Струве. Так что Жаботинский и здесь как всегда точен — неточен.

Теперь остается понять, почему Жаботинский решил построить свой фактологический «сдвиг», придуманный, естественно, уже в 1930-е гг., именно на этой брошюре? Судя по всему, ответом на этот вопрос будут как раз самые первые странички предисловия Струве к первому изданию, которые вполне уложатся, как мы говорили, если не в число «4», то в число «50». И, как это ни странно, некоторые интересные сведения о вербовке прославленным жандармом Зубатовым русских революционеров в самом конце XIX века могут оказаться параллельными нашей истории. Ведь одним из самых интересных героев и романа «Пятеро», и «Повести моих дней», с которым встречался и с которым сотрудничал Жаботинский, первоначально не зная о связях этого человека с охранкой, был известный провокатор Генрих Шаевич. К нему мы еще обратимся специально, пока же взглянем на то, как Зубатов вербовал предшественников Шаевича.

30. История с брошюрой Струве на многие годы вошла в историческую и даже специальную литературу о Жаботинском в качестве достоверно установленного факта. Приведем позднейший пример: «В жизни фельетониста „Одесских новостей“ в эти годы имел место и один экстраординарный эпизод, о котором довольно подробно рассказано в «Повести моих дней» (...) Причину ареста можно назвать смехотворной: у молодого литератора при обыске жандармы обнаружили брошюру российского министра С. Ю. Витте «Земство и самодержавие», изданную, правда, в Женеве, да еще с предисловием Г. В. Плеханова» (Соколянский М. Конечно в Одессе: Малая родина Вл. Жаботинского. Одесса, 2005. С. 78–79). Обращаем внимание на то, как нарочито точное указание инициалов авторов и текста и предисловия «брошюры Витте», правда без точной ссылки на конкретную книгу, вступает в очевидное противоречие с библиографической точностью и ответственностью автора книги, не державшего книгу в руках, перед читателями.

Сюжет мемуаров с арестом автобиографического героя из-за некоей брошюры, придуманный Жаботинским, поразительно напоминает ситуацию в «Пятеро». И так, в отчете Зубатова генералу Судейкину от 6 сентября 1900 г. читаем:

Продолжение моих разговоров дало положительные результаты: не только было сломлено крайне злобное настроение в отношении правительства, но люди решили переменить свои пути и тактику. Для того, чтобы они не могли потом сказать, мною все сказанное и имеющее быть сделанным учинено в отношении их единственно потому, что я не знал об их виновности (я им объявлял, что за кем есть формальные улики — те будут, чтобы не принижать значение закона, переданы в формальное дознание; а за кем нет формальных документов, свидетельствующих об их виновности — те будут просто мною отпущены, независимо от того, какие бы уммылы они за собой не признали), — я предложил им написать свои признания на имя г. директора департамента полиции. С тяжелой борьбой, крайним недоверием к моему нежеланию их во что бы то ни стало растерзать, люди, наконец, согласились. Признавшись же, спрашивали: «Ну что же теперь, в Якуты?» и мне приходилось их стыдить за маловерие.

Признания их присылаю в подлинниках

Первым признал Григорий Гершуни, человек крайне двусмысленный и в обыкновенной жизни; документальных улик против него не было, и он был отпущен на волю без последствий.

2) 7 июля признался Григорий Шахнович. Как взятый при обыске с экземпляром Эрфуртской программы Каутского — передан в формальное дознание. Освобожден, вел со мной переписку, за что был партией судим³¹.

Как известно, ничего подобного не было ни с самим Жаботинским, ни с его героем, попавшимся с другой «брошюрой», и не переданного «в формальное дознание», а выпущенного, как и Жаботинский, под надзор полиции.

Тем интереснее то, что можно прочесть в первом же примечании к тексту вступительной статьи реальной штутгартской криминальной брошюры, которую оставил в 1932–1936 гг. автобиографическому герою «Пятеро» Жаботинский, на с. V (римская цифра):

Заметим, что автором первой записки г. Витте о земских учреждениях (упоминаемой, но не включенной в книгу. — *Л. К.*), тоже доказывавшей их несовместимость с самодержавным строем, на основании сведений из самых достоверных источников, называют профессора Демидовского Юридического лица в городе Ярославле г. М. А. Липинского. Ввиду практически-общественного значения такой литературной деятельности по заказу Министерства финансов авторство г. профессора, на наш взгляд, подлежит са-

31. Цит. по: Заславский Д. Зубатов и Маня Вильбушевич. М., 1924. С. 18.

мой широкой огласке. Автор второй записки, нами печатаемой, принадлежит к числу лиц, которых г. Победоносцев не без остроумия называет «малыми преобразователями» (разрядка автора — *Л. К.*), составляющими в «подначальных канцеляриях» проекты и записки по заказу «великих» людей. Личность такого автора в общественном смысле не представляет никакого интереса и потому мы не желаем раскрытием АНОНИМА содействовать его известности в неканцелярских сферах. Пусть авторская слава достанется вдохновителю «великому человеку»³².

Здесь стоит упомянуть, что свой юридический диплом Жаботинский в итоге почти через 10 лет получил как раз в означенном Лицее. И это лишний раз указывает на неслучайность выбора книги, за которую он якобы был арестован.

Итак, загадочную брошюру выпустил все тот же журнал «Освобождение» и не только выпустил во второй раз, раскрыв авторство первого предисловия Струве, но и прорекламирровал на задней обложке № 13: «Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка Министра финансов Статс Секретаря С. Ю. Витте (1899 г.). Второе издание с двумя предисловиями Петра Струве». Номер этот вышел 19 декабря 1902 г. А в следующем номере 14 появилась статья некоего «Актолина» об обыске едущего из Италии молодого человека «На русской границе». Явное созвучие с самым известным и, к тому же, итальянским, псевдонимом Жаботинского «Алталена» — бросается в глаза вместе с откровенной нерусскостью самого псевдонима.

И неожиданно здесь возникает издатель «Зари».

Имя Плеханова крупными буквами появилось на обложке этого же самого 14 номера с описанным псевдонимным рассказом, но в несколько ином, чем в мемуарах Жаботинского контексте. Это было объявление на задней странице обложки, предлагавшее читателю журнал: «„Заря“ — социал-демократический журнал, издаваемый при ближайшем участии Г. В. Плеханова, Веры Засулич, П. Б. Аксельрода».

И для того, чтобы завершить всю эту журнальную мозаику, скажем, что на обложке № 24 от 2 (15) июня 1903 можно обнаружить и рекламу журнала «Жизнь» В. Поссе и В. Бонч-Бруевича вкуче с «Библиотекой» названного журнала.

Итак, если при написании мемуаров Жаботинский вспомнил о своей «шутке» с «Актолиным» и открыл, как и мы, подшивку журнала «Освобождение» лет через 30 после всех событий, то сначала слева от титула нужного номера он увидел объявление о «брошюре» Витте, затем на первой полосе следующего номе-

32. Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка Министра финансов Статс-Секретаря С. Ю. Витте (1899). С предисловием и примеч. Р. Н. С. Печатано «Зарей». Stuttgart. 1901. С. V.

ра в содержании упоминание текста «Актолина» об аресте по возвращении из Италии; а, закрыв номер, увидел объявление о плехановском журнале, в котором инициалы редактора «Освобождения» П. Б. Струве оказались «принадлежащими» также члену редакции «Зари» П. Б. Аксельроду. Теперь добавив сюда и Демидовский Лицей, и Анонима, мы получаем первый пример очень значимого набора диагностических признаков, указывающих на Жаботинского как наиболее возможного автора «На русской границе».

И так мы будем действовать и в дальнейшем: нас будут интересовать не случайные слова или названия, а именно пучки признаков, которые непротиворечиво указывают на Жаботинского. Причем эти пучки вовсе не должны быть изоморфными или однотипными. Однако накопление этих разных пучков диагностических признаков, связанных с журналом «Освобождение» или его описанием в позднейших текстах, развитие или пересечение их семантики на протяжении всей жизни и творчества Жаботинского, а в идеале, сведение их в некое единство, и дадут ответ на вопрос: принадлежат ли представленные нами тексты перу Жаботинского.

Но вернемся к «Актолину». Уже из внешнего вида кириллической последовательности букв псевдонима нетрудно заключить, что перед нами слегка переработанный вариант Altalen'ы — Aktolin. Важным подтверждением этой догадки является один из видов игры в псевдонимы, которым воспользовался сам главный редактор П. Б. Струве, назвавшийся в те годы «П. Истурбин». Где, как мы видим, «в» из «Струве» заменяется на «б» с перестановкой «стру» в «стур». Подобные приемы применял и Бенуа, и другие авторы «Освобождения». Примеры этого есть в работе К. Шацилло.

Этот же принцип «шифровки» применен и в «Алталене» — «Актолине», где «к» заменяет собой «л», а «е» трансформируется в «i».

Единственно, что отличает ситуацию «Актолина», так это переход с латиницы на кириллицу. Но ведь и герой-автор «Актолин» интересующего нас текста ехал из латинского Рима, где жил Altalena, печатавшийся, кроме всего прочего, и по-итальянски, в Россию. А вот Струве писал по-русски и за границей, и в России, а в интересующий нас момент он специально покинул Россию для работы в эмиграции.

Кстати, и текст, подписанный «Актолин», вполне соответствует биографическим обстоятельствам Жаботинского, возвращавшегося из Италии в Россию, где, как мы видим, он был подвергнут обыску (пусть в мемуарах уже и по приезде в Одессу, куда завез заведомо эмигрантскую брошюру), а его «преступные материалы» — изъяты.

Похоже, что этот сюжет и есть субститут обыска и ареста в Одессе, описанного в «Повести моих дней» и связанного с изъятием «женевской» брошюры с «предисловием Плеханова». А ведь именно в Женеве печаталась эмигрантская «Жизнь», отколовшая-

ся от «Освобождения», в котором никакой Плеханов не печатался. А проверка после ареста, из-за которой Жаботинский оказался в тюрьме, была связана с подписанными, как утверждает Жаботинский, безобидными статьями, составившими целую пачку текстов по-итальянски.

К тому же, из Рима Жаботинский присылал огромное количество рецензий на оперные спектакли, а во время пребывания в Одессе подробно писал о гастрольях итальянских оперных трупп в городе. Поэтому «вывернутый» рассказ в «Повести» об известном сионисте Зальцмане, который якобы был корреспондентом некоей миланской газеты по вопросам музыки и пения, легко укладывается в уже знакомую нам игру Жаботинского. В этой газете текстов ни Зальцмана, ни Жаботинского нет. На тот момент в Милане 1902 г. она (*Gazetta musicale di Milano*) была единственной. А вот Altalena, как известно, немало написал и из Италии в Одессу, и из Одессы в Италию об итальянской музыке и пении. Однако в этом журнале ничего связанного с Жаботинским нет³³. Но этот прием для Жаботинского обычен.

Что же касается АНОНИМА, на которого мы обратили внимание в связи с Предисловием Струве к реальной брошюре Витте, то вот что можно прочесть в той же «Повести моих дней»: «Большинство читателей „(Одесских — Л. К.) Новостей“ читали охотно мои статьи, но ни один из них не относился серьезно к ним и к их тенденции, и я знал это. Однажды, это была, кажется, единственная из всех статей этого периода, которую стоило бы спасти от погребения, — я назвал себя и всех остальных своих собратьев по перу черным по белому „клоунами“. Статья была направлена против одного журналиста из конкурирующей газеты, человека достойного, спокойного и безликого, не умного и не глупого, АНОНИМА (выделено автором — Л. К.) в полном смысле этого слова, который стал для меня своего рода забавой и над которым я потешался при всякой возможности, просто так» (Повесть. С. 483).

Разумеется, никаким АНОНИМОМ этот автор не был. Это был Кауфман Абрам Евгеньевич, писавший под «анти-анонимным» псевдонимом «Знакомый», поэтому Жаботинский называл его в рифму «насекомое», но никак не АНОНИМ. Однако слово это активно тянуло к себе Жаботинского в последние годы жизни, когда надо было подводить итоги. Остается заметить, что место про АНОНИМА всего лишь на один промежуточный абзац отстоит от рассказа о «брошюре» с предисловием Плеханова. А промежуточный этот абзац посвящен окончательному обращению Жаботинского в сионизм. Тот самый сионизм, который он, как мы полагаем, защищал под псевдонимом «Г». в том же самом «Освобождении», где фигурировал и «Аноним». Однако об этом речь пой-

33. За эти сведения мы благодарны Йоргу Шульте.

дет тогда, когда мы обратимся к анализу всего корпуса текстов «Освобождения», которые могут, а на наш взгляд и напрямую касаются Жаботинского.

Непосредственно за процитированным только что абзацем о брошюре следует: «К моему сионизму тоже относились как к чему-то несерьезному. Действительно, я не присоединился тогда еще ни к одной организации, я не знал никого из сионистов в городе, но несколько раз посвятил один или два абзаца этой теме. В почтенном петербургском ежемесячнике появилась статья некоего Биккермана³⁴, написанная в стиле, который величали в то время „научным“. Он разносил сионизм в пух и прах, доказывал, что еврейскому народу выпала счастливая и завидная судьба. Я написал пространственный ответ, с аргументами, к которым и ныне мне нечего прибавить; на другой день я встретился с одним из своих знакомых, Равницким, тоже несомненным почитателем Сиона. Он сказал мне: „Что это за новую забаву вы нашли себе?“³⁵. (Курсив наш. — Л. К.).

Ответ Жаботинского Биккерману появился в газете 8 сентября 1902 года³⁶. Поэтому к маю 1903 г., когда, как мы попытаемся показать, Жаботинский под псевдонимом «Г». вступил в спор со Струве о сионизме и т. н. «еврейской трусости» (бывшей главной темой его переводов из Бялика, начавшихся в 1903 же году переводом «Сказания о погроме»), он уже был опытным сионистским публицистом.

И вот еще один пример, но не на слово АНОНИМ, а на текст «без подписи», и не в связи со словом «аноним», а в связи с самой анонимностью, на сей раз из романа «Пятеро», который вполне параллелен «Повести моих дней»: «Это был в ту эпоху, вероятно, единственный на всю Россию труженик печати, имевший право похвастаться: я удовлетворен — пишу именно о том, о чем люблю писать. Ему не мешал цензор, у всех остальных „резавший“ целые полосы, даже из передовиц о городском хозяйстве и полях орошения. У Штрока была одна только живая помеха — наш собственный коллега, редактировавший городскую хронику; человек положительный, уравновешенный и точный. Он у Штрока не посягал на содержание, но стиль его портил вандалически. У Штрока в рукописи женоубийство на Кузнечной изображалось так: „Тогда Агамемнон Попандопуло, почувствовав в груди муки Отелло, занес над головой сверкающий кухонный нож и с диким воплем бросился на незащищенную женщину. Что между несчастными произошло после того, открыто мраком неизвестности“. А в печать попадало: „Владелец бакалейной лавки греческий подданный такой-то вчера зарезал свою

34. Бикерман И. О сионизме и по поводу сионизма // Русское Богатство. 1902. № 7. С. 27–69.

35. Жаботинский В. Повесть моих дней. С. 483.

36. Altalena. О сионизме // ПССЖ. Т. II/2. Минск, 2004. С. 365–373.

жену Евлалию, 34-х лет, при помощи кухонного ножа; обстоятельства дела полицейским дознанием пока еще не выяснены» (П. 345).

Далее следует веселый рассказ о том, что Штрок встречался с самим градоначальником Зеленом (бывшим во «Фрегате Паллада» еще мичманом З.) и далее: «Знали его и просто горожане, по летучей репутации, хотя печатался, конечно, БЕЗ ПОДПИСИ».

Практически такую же «редактуру» осуществили «Аноним» и автор мемуарно-художественной «Повести моих дней», как бы поменявшись в одном из эпизодов местами.

В «Повести» читаем (после описания ареста из-за «Самодержавия и земства») о маевке в тюрьме: «Для рабочих, попавших в это общество, тюрьма превратилась в школу революции. Проводились и демонстрации: Первого мая. Те, у кого были деньги, покупали в ларьке какой-то особый сорт табака. Табак был форменная отравка, но продавался он в красных бумажных пачках. Красную оберточную бумагу распределяли между всеми обитателями политического отделения. Вечером мы залепливали ею стекла наших ламп, а лампы выставляли в окнах; и гуляющие, которые ехали конкой к „Фонтану“ или к „Аркадии“, видели издали красное освещение и аплодировали; возможно, они не аплодировали, возможно, также ничего не видели, ибо первого мая еще нет дачников. Но если уж выбирать между „действительностью“ и легендой, то лучше верить в легенду» (Повесть. 486).

А вот, как описывал совсем не «легендарную» маевку заключенных «Аноним» «Освобождения» № 24, явно находясь тогда на свободе: «В тюрьме политические заключенные отпраздновали маевку пением революционных песен, возгласами и т. п. За это объявлено лишение свиданий на месячный срок».

Таким образом, то, что проделывал редактор с печатавшимся анонимно одесским уголовным репортером, описанным в «Повести моих дней», проделал с «легендой» Жаботинского 1930-х годов его предшественник «Аноним» в журнале «Освобождение», или наоборот: Жаботинский в 1930-х проделал с краткой и жестко отрецензированной рецензией «Анонима» обратное действие: превратил ее в легенду, не считаясь с «действительностью», однако в отличие от «Анонима», которому не пристало сочинять, предупредил внимательных читателей о чисто литературном («легендарном») характере своих мемуаров.

В тех же мемуарах есть и воспоминания о разговорах заключенных в Одесской тюрьме: «Мне дали кличку „Лавров“, по имени одного из основоположников русского социалистического движения. „Желябовым“ прозвали предыдущего обитателя моей камеры, который был уже в Сибири, и по традиции я должен был унаследовать это имя, но я отказался от этой чести (настоящий Желябов был одним из убийц Александра II). Я узнал также клички своих соседей: „Гэд“, „Мирабо“, „Гарибальди“, „Лабори“ (в честь адвоката

Дрейфуса), моего верхнего соседа прозвали „Саламандра“, нижнего „Селезень“, а один парень с верхнего этажа был „Господом Богом“» (Повесть. С. 485).

А вот реальность из сообщения Начальника одесского тюремного замка Одесскому градоначальнику: «В ночь с 12 на 13-е сего мая отделенным надзирателем тюрьмы Трусовичем услышан был разговор между содержащимися в тюрьме политическими арестантами в камерах: № 352 Якова Бейземана, № 358 — Льва Подруга, под названием „Лобари“ — Давида Кутермана, а под названием „Пушкин“ — Лейзера Янкелевича, а также в камере № 78 Владимира Жаботинского и № 53 — Якова Иоффе» — о подготовке тюремного бунта; и 27 мая 1902 г.: «Имею честь доложить Вашему Сиятельству, что вечером 27 сего мая содержащиеся в тюрьме политические арестанты в левом крыле корпуса под председательством „Гаррибальди“ — Боруха Пелера и помощника его Жаботинского вели разговоры об улучшении своего положения в тюрьме...»³⁷.

Здесь нас интересует не столько тюремная реальность, сколько то, как Жаботинский, не имевший, по сведениям полиции и тюремной охраны, своей собственной клички, тонко намекнул игрой в имена на свою позицию в отношении террора (Желябов) и, соответственно, на свою теоретическую позицию в русском революционном движении (Лавров, чьи секретарем был, напомним, Семен Ан-ский).

И наконец, мы не можем пройти мимо попытки Жаботинского объявить голодовку 26 мая 1902 года из-за отказа тюремных властей дать ему возможность отправлять корреспонденции в «Одесские новости».

Так мы еще раз смогли увидеть полную осмысленность сдвигов реальности в «Повести моих дней». И это знание пригодится нам в дальнейшем.

Но вернемся к проблеме анонимности. Рассказы под одинаковым заглавием «Фрейлейн» появятся и в «Освобождении», причем без подписи, т. е. анонимно, и в «Одесских новостях» за подписью Altalen'ы. Первый журнальный текст был посвящен проблемам русской цензуры (которые не волновали Штрока, но волновали Жаботинского). А во втором, в газете «Одесские новости», речь будет идти о проблемах тяжелой жизни этих самых «фрейлейн».

Однако в «Освобождении» не будет не только подписи хоть «Анонима», хоть кого угодно еще, но не будет и указания города, из которого прислан текст. А между тем, слово «фрейлейн» встречается в «Пятеро» практически как синоним города Одессы, откуда или о котором вскоре и начнет писать «Аноним». Вот это место из главы «Вдоль по Дерибасовской»: «Это произошло на Дерибасовской, года через два после начала нашего рассказа.

37. Панасенко Н. Одесские «отсидки» Владимира Жаботинского.

Редакция находилась тогда в верхнем ее конце, в пассаже у Соборной площади, и по дороге туда ежедневно я проходил по всей длине этой улицы, королевы всех улиц мира сего. (...) Свое лицо было и у фрейлин королевы, поперечных улиц на пути моего паломничества» (Пятеро. С. 337).

А началось «Пятеро» в самом начале XX столетия, следовательно, через два года — это в 1903 г.; обе же «Фрейлины» вышли весной и в самом конце этого года.

Понятно, что никаких «Фрейлин» в смысле очерка в «Освобождении» или полу-рассказа в «Одесских новостях» в романе «Пятеро» нет. А подобное определение улиц значимым для автора словом — лишь только как мельчайший штрих, который, пожалуй, кроме уже зрелого Жаботинского 1930-х гг., выдумавшего всю эту игру для каких-то внутренних душевных нужд, может заметить только исследователь, не увлеченный художественной игрой мемуаров Altalen'ы или обаянием его романа.

Выше мы уже видели, как шифрует Жаботинский в мемуарах под именем «Плеханова» Струве, под именем плехановской «Зари» струвеанское «Освобождение», а под разного рода тюремными кличками свою политическую позицию.

А вот как обозначает Жаботинский хронологию своего романа «Пятеро», которая охватывает как раз интересующие нас годы и обстоятельства, если мы исследуем возможную связь Altalen'ы с «Анонимом» «Освобождения».

Начало, главы III («В Литературке»): «Партий еще не было, кроме подпольных; легальные марксисты и народники не всегда точно знали, чем они друг на друга не похожи, и безропотно числились, заодно с будущими кадетами, в общей безбрежности „передового лагеря“; но вместе с тем, не имея программ, мы умудрялись выявлять запальчивую программную нетерпимость» (Пятеро. С. 304).

Неудивительно, что через некоторое время в главе XVI читаем: «Тем не менее, горячо трепыхался политический пульс. Но тоже по-новому: в мое время все заодно ругали самодержавие, теперь больше бранили друг друга. Это были первые годы после эс-деского раскола: тут я впервые услышал названия „большевик“ и „меньшевик“, в России тогда еще малоизвестные вне подполья. „Ваш Ленин — раздраженная тупица“, — констатировал один, а второй отвечал: „Зато не пшют, как ваш Плеханов“. Насколько я понял разницу, одни требовали, чтобы переворот в России произошел в назначенный день, по точно предначертанному плану и все партийные комитеты „до последнего человека“ должны быть назначены свыше, т. е. из-за границы; а другие стояли за выборное начало и „органическое развертывание“ революции. Присмотревшись, можно было явственно различить в этой пестроте строгую иерархию по степеням революционной ортодоксальности; никто, конечно, не признался бы вслух, что считает противника право-

вернее себя, но сейчас же бросалось в глаза, кто нападает, а кто оправдывается и клянется: „Позвольте, я тоже...“. Плехановцы извинялись перед ленинцами, эсеры перед марксистами, Бунд перед всеми остальными, социал-сионисты разных толков перед Бундом; простые сионисты числились вообще вне храма и даже не пытались молить о прощении» (Пятеро. С. 372).

Действительно, сионисты толка Жаботинского своего места на революционной карте России не видели и не искали.

Есть еще два момента, которые будут нас интересовать в связи с публикациями «Анонима». Это, во-первых, его отношение к проблеме террора (вспомним отказ от тюремного имени «Желябов» в «Повести...»), связанное в текстах «Анонима» с убийством министра внутренних дел фон Плеве (в 1904 году). Предваряя непосредственный анализ этих текстов, приведем две цитаты из «Повести моих дней». Одна находится в главе «Журналист», в которой и фигурировал «настоящий аноним»: «Я ... отказался от диплома, от карьеры адвоката и от любимой Италии и остался в Одессе, начав новую главу в истории моей молодости. Эта новая глава длилась два года (1901–1903 — *Л. К.*), и она последний этап на моем пути к сионистской деятельности. Я застал другую Россию. Вместо „уныния и тоски“ — нервическое беспокойство, всеобщее ожидание чего-то, весеннее настроение. За время моего пребывания за границей произошли важные события: революционные партии вышли из подполья, убили пару министров, там и сям вспыхивали волнения среди рабочих и крестьян, все студенчество было охвачено брожением» (Повесть, 478).

Едва ли не рифмой к этому месту, связанному и с убийством министров, и с весной, оказывается главка «В грозах российской „весны“», которая начинается поразительно легким перечислением последующих трагических событий: «Тем временем был убит Плеве, рабочие в Петербурге, которых священник Гапон обещал отвлечь от „политики“, провели 9 января шествие к Зимнему дворцу...» (Повесть. С. 503), а ведь речь здесь идет об очередном министре и «Кровавом воскресении» ... Такого Жаботинского мы еще не видели, а такого «Анонима» из «Освобождения» или Giabotinski из *Avanti!* — мы знаем.

С одной стороны, это человек, который весело, но с налетом элегичности, описывает одесскую улицу в день получения известия об убийстве Плеве: «Телеграмма об убийстве Плеве распространилась здесь по городу вместе с военным бюллетенем часов с 4-х в день самого происшествия. Гуляя вечером по улицам, по паркам и бульварам, самый проницательный наблюдатель, однако, не заметил бы никакой внешней перемены: всюду играла музыка, тысячи нарядно одетых дам вели легкую перестрелку со своими расфранченными кавалерами, солидные папаши восседали за буфетными столиками, стремясь поближе к открытым сценам, — ничто

не говорило, что сегодня, несколько часов тому назад, пал фактический правитель всей империи, пал так трагически, так знаменательно. Такова легкомысленная Одесса... Но, конечно, и в ней под густо распустившимися пустоцветами есть в почве и здоровые корни: во многих домах, в культурно-обставленных квартирах и в самых бедных конурах рабочего люда весть эта „ударилась по сердцам с неведомою силою“. Как крепки были товарищеские рукопожатия, каким огнем светились глаза на сияющих лицах! Отсутствие в первой телеграмме обычного в таких случаях добавления о задержании кого-либо на месте катастрофы и о других жертвах оставляло еще некоторую надежду, что заплатился только один ненавистный министр. Не говоря уже о социалистах-революционерах, даже их непримиримые противники, социалдемократы, не скрывали своего удовольствия. Да и как его скрыть, видя вокруг такие довольные лица. В одном месте мне пришлось даже услышать от вполне зрелой и убежденной социалдемократки такую фразу: „Даже завидно, что *им* досталась честь свалить такого медведя“. И это не было только шуткой, так как дальше была развита мысль, что за все террористические времена на Руси не пало при таких условиях ни одного лица в одинаковой мере и сильного, и ненавидимого всем русским обществом» (Освобождение. № 55. С. 93).

Еще через 4 номера появилась уже аналитическая статья «Анонима» — «Посылки и вывод» (Освобождение. № 59. С. 148–149), где, отказывая террору в общем политическом положительном значении, «Аноним» приходит к выводу, что «бомба, и именно она, произвела то благотворное сотрясение мыслительного аппарата верховных сфер, которое привело к изменению политики на более разумную», а обвиняя убийцу Сазонова именно в государственном преступлении, «надо учитывать в качестве смягчающего обстоятельства ту пользу, которую его жуткий поступок принес этому самому государству».

А вот и роман «Пятеро», где в полном соответствии с практикой Жаботинского Одесса сменена на Петербург, а весть автобиографическому герою об убийстве министра приносит его друг Марко прямо с улицы в сопровождении японского победного возгласа. А ведь и «Аноним» начал свое сообщение с прямого сочетания телеграмм с театра японской войны и сообщения об убийстве Плеве.

Итак:

Встретились мы с ним опять в Петербурге летом того же года. Я написал ему свой адрес; на другой день, часа в три, он влетел ко мне сам не свой от счастья, схватил обеими руками за рукав, утащил из передней в комнату и сказал, задыхаясь:

— Знаете, что только что случилось, полчаса назад? Плеве убит, бомбой! — И подбросив фуражку в потолок, он в голос закричал: — Банзай!³⁸

38. Сопоставительный анализ статей «Анонима» о Русско-японской войне со

Это «ура» на языке самураев и гейш, самый тогда популярный возглас на устах читающей и протестующей России, стоило целой исповеди. Даже сквозь искреннюю радость мою по поводу его потрясающей новости, я не мог опять не подивиться могучему размаху его душевного маятника. (...) Улица оказалась в том же настроении, что и Марко и я. Кто шел вдвоем, те улыбались и одобрительно качали головами; которые встречались и, оставиваясь, пожимали руки друг другу, с первого слова говорили: «Здорово!» Но по-настоящему вслушаться в людской говор мне не удалось.

Помешал Марко посторонними разговорами. И это Петербургское «не удалось» — очередной вариант игры Жаботинского с Одесской реальностью, хорошо известной «Анониму», как раз подслушавшему говор толпы на улицах родного города и домах, интеллигентов и пролетариев. (Пятеро. С. 381–382).

И еще одна важная деталь: частота употребления Жаботинским ключевого для «Анонима» слова «освобождение» (пусть и со строчной буквы), то есть названия того журнала, где мы его и встретили.

Это слово мы находим в той же главке «Журналист» в двух вариантах с маленькой буквой и без кавычек, и с маленькой же, но в кавычках, и находим их буквально в следующих двух идущих подряд абзацах за «парой министров» и в следующем за ним: «Нелегко объяснить молодому читателю общественную и политическую функцию, которую выполнял университет в эти дни. Назначение этого учреждения в качестве школы было совершенно забыто: университет превратился в фронт борьбы за освобождение³⁹. (...) В правительственных кругах уже замечались признаки смятения. Ослабла узда: вопреки правительственной цензуре (...), в каждой газете появлялись крамольные статьи; опасные слова „конституция“ и „социализм“ произносились вслух на публичных лекциях. Я застал в Одессе „Литературно-художественный клуб“: раз в неделю, по четвергам, мы собирались, чтобы обсудить новую книгу или пьесу, которую ставил в те дни городской театр, но во всех речах и докладах звучали намеки на „освобождение“, и в спорах по поводу „Потонувшего колокола“ Гауптмана сталкивались (каким образом — не знаю) принципы Маркса и „Народной воли“ ...» (Повесть. С. 479).

Обратим внимание на то, что перед нами перевод с иврита, появившийся только в 1985 г. и до сих пор не имевший критической

статьями на эту же тему в «Руси» и «Одесских новостях» представляет собой специальную задачу, результат которой не влияет на оценку текстов самого «Анонима» в данной атрибуции.

39. Ср. «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Нам встретятся еще разного рода трансформации названий разного рода революционных объединений.

оценки. В иврите никаких заглавных букв нет, а текст русского варианта «Повести моих дней» нам неизвестен. Однако переводчик не знает и еще некоторых реалий, что заставляет предположить и другие возможные ошибки.

Так, одесская «Литатурка» называется не «Литературно-художественный клуб», а «Литературно-артистическое общество»⁴⁰. То самое общество, в котором, как мы знаем, с участием Жаботинского обсуждались «Проблемы идеализма», где главный редактор «Освобождения» Струве напечатался под псевдонимом «П. Г.», а в самом журнале уже лично П. Б. Струве опубликовал восторженное сообщение о выходе сборника в свет.

А вот как выглядел бы этот текст в «ивритской» транскрипции, где никаких строчных и прописных букв нет: «ослабла узда: вопреки правительственной цензуре (...), в каждой газете появлялись крамольные статьи; опасные слова „конституция“ и „социализм“ произносились вслух на публичных лекциях. я застал в одессе „литературно-художественный клуб“: раз в неделю, по четвергам, мы собирались, чтобы обсудить новую книгу или пьесу, которую ставил в те дни городской театр, но во всех речах и докладах звучали намеки на „освобождение“, и в спорах по поводу „потонувшего колокола“ гауптмана сталкивались (каким образом — не знаю) принципы маркса и „народной воли“» (Повесть. С. 479).

Сомнений в том, что в случае «освобождения» в данном контексте перед нами именно название эмигрантского оппозиционного журнала в сочетании с используемыми только устно, а не в печати словами «социализм» и «конституция» (характерные как раз для организатора РСДРП и кадета П. Б. Струве), и рядом с названием вполне террористической организации цареубийц «Народная воля», а не абстрактные — свобода, равенство или братство — нет.

Поэтому, зная, как внимательно и тонко относился Жаботинский к любому словоупотреблению, мы можем со спокойной совестью предположить, не споря сейчас о строчных и прописных буквах, что подтекстом описанных одесских споров в «Литатурке», подтекстом, по крайней мере, одесских мыслей и текстов Жаботинского 1902–1905 г. и их художественных отражений в позднейшей прозе было «Освобождение».

А в контексте всего абзаца тавтологическое употребление интересующего нас слова с маленькой буквы, не снимаемое никакими кавычками, легко исправляется при написании в последовательности: «Потонувший колокол», «Народная воля», принципы Маркса, да и «социализм» с «конституцией», и «Освобождение».

40. Впрочем, даже в «Одесских новостях» бывали разночтения, например, даже в цитирувавшемся нами номере газеты это заведение называлось «лит.-арт. клубом» (Одесские новости. 22 марта 1903).

Но все вопросы снимает автограф авторизованного (если не авторского) перевода «Повести...» на английский язык, хранящийся в Институте Жаботинского. Здесь черным по белому написано: «Liberation»!

А в последний, похоже, раз, слово «освобождение» в нашем контексте встречается уже в главе «Повести» — «Выборы, свадьба, Вена», где Жаботинский, писал: «Я поехал в Петербург, „мобилизовал“ там своего доброго приятеля Ш. Полякова-Литовцева (...) Он посетил руководителей партий (так и хочется сказать, как и в предыдущем случае, — „Союза“ — Л. К.) освобождения — Милюкова, Ковалевского, Керенского и пр., и пр., и все они клялись ему, что будут защищать права евреев, независимо от того, будут ли выбраны в черте оседлости сионисты, ассимиляторы или раввины. (...) Я опубликовал эти беседы в „Руси“» (Повесть. С. 517).

Это были, действительно, люди «Союза Освобождения» — Милюков и Ковалевский, о чем, разумеется, «Аноним» прекрасно знал. Но не назван он здесь потому, что Керенский в него не входил хотя бы по молодости.

Но и здесь не обошлось без игры с реальностью. В самом начале 1907 года в газете «Русь» были напечатаны ответы Струве и Милюкова. Однако не, например, Керенского, а Н. Ф. Анненского... Да и не так уж клялся Струве в своей обязательной борьбе за права евреев. Ведь сам Жаботинский в статье «Медведь из берлоги» в 1909 году писал: «Мнение по этому вопросу г. Струве — не новость. В разгаре выборов во вторую Думу он заявил одному интервьюеру, что настоящий антисемитизм — интеллигентский — еще впереди. Было это напечатано в газете „Русь“ и, конечно, не удостоилось ни перепечатки, ни комментария в других передовых органах. Теперь г. Струве иными словами повторяет ту же мысль...»⁴¹.

Но таковы уж мемуары Жаботинского, которые пишутся уже в совсем другую эпоху.

Вернемся вновь к двум описаниям политической ситуации в России в два разных периода развития русского освободительного движения. Первому (более раннему) из «Пятеро», и второму, относящемуся к более позднему времени, из «Повести моих дней».

Нетрудно понять, что так называемые «марксисты» из обширной политологической цитаты из «Пятеро», которую мы привели, это бывшие легальные их представители. А настоящие сионисты — это те, кто не участвовал в спорах русских революционеров и разного рода социалистических сионистов типа «Поалей Циона» в русской революционной борьбе, раздражая Струве и многих других. Сама же по себе ситуация вполне соответствует в обеих книгах той самой «весне» 1902–1905 года, которая предшествовала первой русской революции.

41. Жаботинский В. Медведь из берлоги // Жаботинский В. О железной стене. С. 65.

И в этом смысле ни роман, ни мемуары в своих играх с реальностью, легких сдвигах, наборе деталей, то уводящих читателей от того, что действительно имело место, то, наоборот, тонко приближающих их к конкретике духовной жизни самого Жаботинского, ничем не отличаются.

До нас это уже отмечал по другому поводу М. Станиславский, приводивший замечательный пример того, как Жаботинский в «Повести моих дней» рассказал о своем выступлении на Сионистском конгрессе 1903 г. и о том, как на его речь на русском языке якобы среагировал Т. Герцль, что рядом якобы был Х. Вейцман, а вел заседание д-р Фридман. М. Станиславский для этой истории проделал ту же операцию, что и мы с брошюрой «Земство и самодержавие», описанной в той же автобиографии.

В реальности же было следующее: «Все признанные биографы Жаботинского доверчиво воспроизводят эту очаровательную историю. Иосиф Шехтман, наиболее доверенный и талантливый биограф, не только приводит слово за словом историю с Герцлем, но отсылает читателя к ее источнику, стр. 93 стенограмм Шестого Сионистского конгресса, опубликованных в Вене. На конкретно цитируемой Шехтманом странице в действительности нет упоминания Жаботинского, но на стр. 94 появляется следующее описание: Делегат Жаботинский поднялся на подиум и говорит по-русски [Стенограф транскрибировал только речи, произнесенные на немецком или на том, что называлось Конгресс-немецкий, сильно германизированном варианте идиша, изобретенном на случай Восточно-европейскими евреями, пытавшимися общаться с немецко-говорящими соплеменниками. Речи на других языках были просто перечислены с указанием имени делегата и языка, на котором он говорил. — М. С.]. Вице-спикер сессии д-р Боденхаймер прервал его, проинформировав, что это против правил Конгресса обращаться к проблемам, которые он поднял (речь шла о том, что, по словам Жаботинского, он стал обсуждать крайне спорный поступок Герцля, встретившегося с организатором, как тогда считали, Кишиневского погрома фон Плеве, на чем участники Конгресса гласно или негласно решили не останавливаться — Л. К.). Но делегат Жаботинский продолжил выступать, ему и аплодировали, и его прерывали. Задетый д-р Боденхаймер вновь ворвался и сказал: „Пожалуйста, заканчивайте и суммируйте сказанное!“ Но делегат Жаботинский отказался делать это, вызвав в зале еще больший хаос. В связи с этим д-р Боденхаймер лишил слова распоясавшегося русского» и слово было предоставлено д-ру Рабиновичу⁴².

Этой ситуации проф. Станиславский попытался дать объяснение: «Принимая во внимание то, что мы уже знаем об автобиогра-

42. Michael Stanislavski. Zionism and the Fin de Siecle. Cosmopolitanism and Nationalism from Nordau to Jabotinsky. Univ. of California Press. 2001. P. 162.

фии Жаботинского, не так уж удивительно обнаружить, что вовсе не стенографист неверно изложил эту историю, а не кто иной, как сам Жаботинский; Герцль и Вайцман не присутствовали в то время на главной сцене Конгресса, а доктор Фридман (указанный Жаботинским — *Л. К.*) был в действительности д-ром Боденмайером. Другими словами, первая и единственная встреча Жаботинского с Герцлем никогда, в действительности, не имела места. Это быть может, наиболее показательный случай ретроактивного построения Жаботинским его собственного мифа, сопровождаемого смещением только нескольких деталей, нескольких имен, нескольких фактов. В поздние годы Жаботинский хорошо использовал эту яркую и самоподъемную историю его единственного контакта с человеком, который действительно был героем всей его жизни, Теодором Герцлем».

Не вдаваясь сейчас в подробности, отметим, что сам факт построения текста секретаря и конфиденнта Жаботинского Й. Шехтмана по правилам поэтики Жаботинского заставляет задуматься и о роли и месте автора «Пятеро» в создании первых вариантов этой важнейшей книги о нем; многие сведения которой не подтверждаются никакими другими источниками, а важные сообщения, например об *Avanti!*, не проверялись уже самим Шехтманом. Однако подобная переоценка его работы и возможное ее включение в корпус тестов Жаботинского (со всеми поправками) о его русских годах — дело будущего.

Нетрудно видеть, что в нашем случае Жаботинский и в «Повести моих дней», и в «Пятеро» использовал все эти же приемы легких сдвигов литературы и реальности, возможно, с целью тонкого сокрытия своих контактов с конкретным русским эмигрантским революционным журналом «Освобождение», на который он намекнул в своих ивритских мемуарах, явно не предназначенных для чтения его соратников по русскому революционному движению, в отличие от одесского романа.

Предполагаемые нами статьи Жаботинского под разными псевдонимами и анонимно печатались в журнале с 1903 г. по конец выхода журнала в 1905 г., когда П. Б. Струве уже смог вернуться в Россию, а в «Одесских новостях», как бы без конкретного повода, в иллюстрированном приложении появился портрет П. Б. Струве с надписью «П. Струве. Издатель „Освобождения“».

III.

Перейдем теперь к конкретным текстам из струвеанского журнала.

Наш дальнейший анализ будет касаться всего корпуса предполагаемых текстов Жаботинского за указанные годы в сочетании как с синхронными им, так и с более поздними, в которых будут повторяться приемы, развиваться те же мысли и теории, встре-

чаться те же люди и события, которые мы встретим у «Анонима», в действительно анонимных текстах, либо у сиониста «Г». в «Освобождении». Причем, как мы попытаемся показать, идеи, образы и в ряде случаев стилистика этих текстов, полностью совпадают с известными текстами Жаботинского, либо с легкими сдвигами уже известных нам типов встречаются в «Пятеро» и «Повести моих дней»⁴³.

Однако в один конкретный момент в «Освобождении» появляется как бы двойной текст: первый — «Анонима», и второй — над которым читаем: «От другого корреспондента». Что же это за тексты?

Во-первых, это текст (№ 4 (28). 1903), подписанный «Аноним» и посвященный Одесской стачке 1903 г., и носящий вполне информационный характер. А вот анонимный текст «От другого корреспондента», напечатанный в том же номере от середины — конца июля 1903 г., когда Жаботинский вне всяких сомнений был в Одессе. Неудивительно, что «Аноним»: «конечно, был в городе».

Поднятое первоначально «партией независимых», т. е. союзом организованным агентом полиции Шаевичем, движение вскоре переросло предположенные для него его организаторами рамки и разлилось широкою волною буквально по всему городу. 17-го июля Одесса была свидетельницею «*greve generale*». В этот день город, можно сказать, находился в руках рабочих, но по причине почти полного отсутствия находившихся тогда в лагерях войск, конфликтов с властями почти не было...

Выделенные нами слова практически дословно лягут в основу огромного аналитического материала об означенной забастовке в приложении к «Освобождению» в этом же самом номере, подписанного на сей раз «Аноним». Следовательно, и «Другой (анонимный — *Л. К.*) корреспондент» — тоже «Аноним». Но цитируем «Другого корреспондента» дальше:

На следующий день в разных местах происходили многотысячные сходки, но они уже кончились не добром. Я не буду говорить Вам в письме *о некоторых грустно-мучительных явлениях* (курсивом здесь выделена принята в «Освобождении» для подобных целей разрядка текста — *Ред.*), имевших место на этих собраниях, скажу лишь о финале: на толпы в разных местах налетали казаки и производили жестокие избиения. В этот день в Одессу уже

43. Здесь необходимо отметить, что тексты, которые мы будем атрибутировать Жаботинскому, очень неоднородны. Здесь и фельетон, и дорожный рассказ, и краткие сообщения об актуальных событиях (возможно, использующие частично и не его собственные отрывки), и сиюминутные сообщения о важнейших событиях, и их аналитические разборы. Поэтому к стилистическому анализу и к поиску конкретных связей текстов «Освобождения» с более ранним, синхронным или более поздним Жаботинским мы обратимся лишь в самом конце нашего анализа.

прибыло много войск — и картина резко изменилась (...) Говорят, есть стремление у заинтересованных в этом лиц разрядить накопившееся в массах электричество в сторону антисемитизма... Аресты постоянные, взяли типографию так называемых социалистов-революционеров.

Теперь описание того же события из «Пятеро» но уже не собственное, а как бы не от первого лица: «Я не видел; но внезапно прибежал в редакцию коллега Штрок, поманил всех к себе и сообщил полупешотом: только что произошла „демонстрация“. Их было около сотни, все молодежь, и больше евреи; около трети были девушки; одно красное знамя, и знакомый пристав божится, что на нем было вышито „долой самодержавия“, в родительном падеже. Двадцати шагов они не прошли, как налетели со всех сторон полчища городских и дворников, понесли женские вопли; свалка и ужас; появились казаки и стали разгонять публику, очищая тротуар копыт и нагайкой. Теперь демонстрантов угнали в соседнюю полицейскую часть; так заперты ворота, перед воротами стража, никто и мимо не проходит, только по всему городу у людей испуганные, придавленные лица, и все шепчутся: „Смертным боем бьют одного за другим“...» (Пятеро. С. 340).

Это тот самый Штрок, что писал анонимно полицейскую хронику города. Но появится он и в следующей главе, когда, с одной стороны, повествователь «Пятеро» получил «первое анонимное письмо» в его карьере (Пятеро. С. 341), а с другой — письмо из Вологды от Маруси, которая сопровождала в ссылку другую героиню — Лику. Ее — еврейку, еврейке же и пришлось пристраивать на жительство в городе Вологда, сосланную туда за участие в упомянутой демонстрации. Но тут: «представьте, я только после приезда по-настоящему сообразила, что у меня нет права жительства; папа что-то говорил об этом, но я торопилась успокоить маму (и сама тревожилась, как тут Лика устроится одна-одиношенька на весь Ледовитый океан); буркнула им, что все это улажено, и примчалась, и в тот же день меня позвали в участок. Принять святое крещение было некогда, поэтому я в беседе с приставом низко опустила девическую головку и исподлобья стрельнула в него глазками⁴⁴. Это у меня — исподлобья — самый убийственный прием, испытанное средство, et me voilà, коренная пермячка, или как там они называются, местные жители» (Пятеро. С. 342).

Для тех, кто знаком с историей русского революционного движения сочетание слов Вологда, Мария и «состроить глазки жандармскому ротмистру» — неизбежно вызывает в памяти роман между соратницей Г. Шаевича — Марией Вильбушевич и полковником Зубатовым. И теперь мы не удивимся, что, разумеется,

44. Обратим внимание на то, что Мария «стрельнула» ротмистру глазками так же, как одесситки своим кавалерам, гуляя на бульваре в день убийства Плеве.

анонимное сообщение из Вологды в «Освобождении» 1905 г. касалось условий содержания в ссылке двух «независимцев».

А касательно «стрельбы глазками» еврейки Марии жандармскому офицеру в Вологде, вот что можно было безо всякого труда прочесть уже в 1923 году, когда письма Вильбушевич к Зубатову стали известны и широко тиражировались хотя бы Д. Заславским, а сама Маня работала в сионистских колониях в Палестине, что и было сообщено Заславским в последнем абзаце брошюры о ней и Зубатове в 1923 и 1924 гг. М. Вильбушевич писала Зубатову: «Интеллектуалы оппозиции взбеленились и стали пускать самые недобросовестные и смешные сплетни; вроде того, что между мною и вами было нечто вроде любовной связи и т. п.»⁴⁵.

Наконец, подробное и ясное описание малоприятных особенностей одесской демонстрации 1903 г. мы легко найдем в огромном обзоре этих событий «Анонима» в том же № 4 (28 «Освобождения» в приложении, которое вшито в середину номера и из-за этого как бы «предшествует» первому сообщению. Вот этот текст:

Неудобно видеть ораторами на сходках исключительно евреев — это вызывало среди толпы иногда крайне нежелательные суждения, тем более несправедливые, что в сущности, имевшегося движения уж никак нельзя отнести на счет пресловутого еврейского социализма: достаточно прочесть списки арестованных за беспорядки — из 71 посаженного на три месяца всего только 6 евреев, из 188 приговоренных к 1 ½ месяцам — около трети всего количества.

А вот уже Жаботинский «Еврейской крамолы» 1906 г. — более поздний, сионистский и ясный: «Я вспоминаю потемкинские дни в одесском порту. Огромная толпа гаванских и заводских рабочих, самодельная трибуна и ораторы на этой трибуне. (...) Толпа была еще в том состоянии неопределенного подъема, когда из нее можно сделать все, что угодно: и мятеж, и погром. Речистый молодец с открытым славянским лицом и широкими плечами, мог бы ее повести за собой штурмом на город. И ораторов, действительно, слушали с захватывающим вниманием. Но речистый добрый молодец не появлялся, а выходили больше „знакомые все лица“ — с большими круглыми глазами, с большими ушами и нечистым „р“. И в толпе всякий раз, со второго слова каждого оратора, слышалось замечание: А он жид? — Именно замечание, а не возглас, не окрик; в этом, сохрани Боже, не чуялось никакой злобы — это просто так сказать, принималось к сведению. Но ясно, в то же время ощущалось, что подъем толпы гаснет» (Фельетоны. С. 52).

И через три абзаца: «А враги этим пользуются. Из двадцати процентов евреев они делают девяносто и кричат народу: берегитесь, это еврейское дело!».

45. Заславский Д. Зубатов и Маня Вильбушевич. С. 40.

Как нетрудно видеть, «бухгалтерию» своей еврейской крамолы Жаботинский начал вести не в потемкинские дни 1905 г., а во время одесской стачки 1903-го. Но парность этих двух громадных аналитических статей «Анонима» 1903 и 1905 гг. сомнений не вызывает. И там, и там обсуждался вопрос об удержании власти в Одессе во время беспорядков, с разницей года в два, да и проблемы агитации⁴⁶.

И эта позиция полностью совпадает еще с одним псевдонимным текстом из «Освобождения» (написанном после Кишиневского погрома в ответ на выпады Струве, обвинявшего еврейскую интеллигенцию в трусости и покорности) «Сиониста Г.», касательно участия евреев в общерусской агитации и революционной деятельности.

Она незамедлительно вызвала соответствующую реакцию ни кого-нибудь, а П. Б. Струве, который в послесловии к письму сиониста «Г» с предельной ясностью писал сразу после своих высказываний о Кишиневском погроме в № 22, вызвавших оторопь у многих, в № 23 в статье «Необходимые объяснения»: «Мне памятна встреча с одним сионистом в вагоне, который на долгие, быть может, годы уносил меня с родины. Сионист, не знавший меня и предполагавший в моем лице, вероятно, „русского либерала“ из „Новостей“, с похвалой распинаясь в том, что они, сионисты, „никакими политическими агитациями не занимаются“. Я ничего не ответил на эту благонамеренную фразу, но в душе сказал сионисту: „Как же вы не занимаетесь политическими агитациями? А что же такое еврейский вопрос, как не вопрос политической агитации, разрешимый только путем политической агитации?. В том, что вы „не занимаетесь политической агитацией“ заключается не похвала, а укор“. И далее Струве уже после Кишиневского погрома вдруг порекомендовал евреям создать силы самообороны, которую он назвал „сопротивлением насилию в необходимой обороне“.

Позже, уже в 1904 г. тот же Струве при обсуждении приема у Плеве тогдашнего лидера сионизма Герцля среди других сионистских направлений специально обозначит „нейтралов“, которые готовы сотрудничать даже с антисемитскими властями.

В нашем контексте не так уж трудно представить себе, о ком и о чем идет речь и в романе, и в мемуарах Жаботинского. И теперь самое время вернуться к реальной истории еврейской самообороны, которую достаточно откровенно изложил сам Жаботинский.

Здесь нам придется привести довольно обширные цитаты, ибо они касаются содержания важнейших статей, которые мы попытаемся атрибутировать Жаботинскому.

В „Повести моих дней“ читаем: „Вначале я удивлялся долготерпению полиции. Невозможно, чтобы она не обратила внимания на наши действия. После непродолжительного расследования

46. Чуть позже, в 1908 г. в пьесе в стихах «Чужбина» Жаботинский изобразит эту ситуацию в замечательных сатирических стихах.

эта тайна раскрылась мне, когда мне представили владельца этой конторы и объяснили — шепотом и за его спиной — его специальную функцию. Это был молчаливый и вежливый молодой человек с шелковистой бородкой, и сам он как бы символизировал разнovidность, известную под именем „шелковый молодой человек“. Имя его уже пользовалось известностью в левых кругах, и дурной известностью: Генрик Шаевич. Я, однако, еще не слышал его имени и не знал всего того, что было связано с ним. Теперь мне рассказали, что Шаевич — посланец и агент известного петербургского жандарма, офицера Зубатова, автора нового метода воздействия на рабочее движение. В соответствии с законом и традицией, забастовки рабочих считались в России государственным преступлением. Зубатов сказал: „Почему? Разве таким путем вы не делаете рабочих врагами государства? Напротив: экономическую забастовку мы разрешим и позволим, и даже организацию рабочих не распустим, но лишь с тем условием, что они не будут вмешиваться в вопросы политики“. Начальство согласилось с ним. Он подыскал посланцев — в большинстве своем, видимо, наивных людей, действительно, уверовавших, что эта система в будущем облегчит положение рабочих, — и они уже начали свою пропаганду в Петербурге, Москве, Вильне, Минске, Сормове и на донецких шахтах. Самым значительным из этих посланцев был Гапон. Он был священником и создал сильное движение в Петербурге. А Генрика Шаевича послали в Одессу. Не думаю, что в числе заданий, которые поручил ему Зубатов, числилась еврейская самооборона, и нет сомнения, что, занимаясь этим, Шаевич рисковал своим официальным положением. Но местное начальство боялось задеть агента Зубатова; возможно, они писали докладные записки в Петербург и не получали ответа. Мне безразлично, был ли этот Шаевич честным и заблуждающимся человеком или шпионил и предавал сознательно: на мой взгляд, с того дня, когда он предоставил нам такое надежное убежище, чтобы вооружить евреев, он искупил все свои грехи...“⁴⁷

Это Жаботинский и поздний, и несомненный. А вот присоединившийся к „Другому корреспонденту“ „Аноним“ посвятил Шаевичу еще два выразительных текста. И один из них от 2 июня — 15 июня 1903 (№ 24) о том, как Шаевича ловили на провокаторстве. Текст этот интересен тем, что с точностью чуть ли не до дня позволяет понять, когда Жаботинский (если „Аноним“, как мы считаем — он) узнал об истинном лице Шаевича⁴⁸. Пикантность состоит

47. Жаботинский В. Повесть моих дней. С. 490.

48. См. израильскую книгу: Рут Баки. Начать сначала. Тель-Авив, 1989 (ивр.) и русский перевод: Рут Баки. Русская рулетка (документальный роман) / Пер. Д. Прокофьева. Издательство министерства обороны Израиля, [б. г.]. Здесь факсимильно даны документы об общении Шаевича и Виль-

в том, что произошло это через полтора месяца после Кишиневского погрома. А это, в свою очередь, позволяет понять, что во времена еврейской самообороны Жаботинский этого еще не знал, а, следовательно, никакого сознательного сотрудничества в тот момент с Зубатовым не было и быть не могло. Хотя до этого тот же „Аноним“ неоднократно критиковал „независимцев“, в том числе и в первой части сообщения от этого числа, которое было подписано „Аноним“, и в следующих. Итак:

Рабочие котельного завода Ресселя, пресловутые „независимые“, устроили стачку и мужественно держались долее двух недель. (далее следовал рассказ по попыткам штрейхбрехерства. — *Л. К.*) (...) С некоторого времени одно лицо, по профессии присяжный поверенный по судебным делам, сильно подозревается здесь в провокаторстве. У него много знакомств среди наиболее сознательных рабочих, которые и стали замечать в его поведении странности. Кроме наблюдения, двое из них проделали над ним опыт: сказали, что в таком-то месте, в такой-то час должна состояться сходка рабочих. Ничего в действительности, там не предполагалось, но к назначенному часу явилась туда полиция. Зная, однако, многие случаи ошибочных обвинений в шпионстве, я воздержусь пока от опубликования фамилии; надеюсь, что одного упоминания профессии предохранит, кого следует⁴⁹.

Однако Жаботинский был трезвый политик-прагматик, которого позже не смущали эти особенности Шаевича, раз они были полезны задуманной им незадолго до и уж точно — сразу после Кишинева 1903 г. еврейской самообороне. Похоже, правда, что в самом ее начале ему особенности деятельности Шаевича были не известны, по крайней мере, до № 24 „Освобождения“. А вот к № 4 (28) „Аноним“, как мы видели, Жаботинский все уже знал. И вот как он оценил на фоне того, что нам теперь стало известно, судя по всему, свою собственную нравственную позицию в этом вопросе на страницах «Пятеро»:

Самойло, все время молчавший, вдруг сказал (...):

Сюда пригласили, кроме нас, еще двоих, которые «состоят в партии», но они не пришли.

— Им квартира не нравится, — объяснил кто-то, понизив голоса и оглядываясь на закрытую дверь второй комнаты.

— Ага! — подхватил циник. — Ясно: для них квартира важнее, чем еврейские бебики; а нам нужны такие, для которых те бебики важнее, чем эта квартира!

Мне из самолюбия неловко было спросить, чем плоха квартира; остальные, по-видимому, знали, и я тоже сделал осведомлен-

бушевич с Зубатовым. Ср. так же: Лазарис В. Три женщины. Тель-Авив, 2000. С. 387–550 («Маня»).

49. Позже в «Чужбине» появится подобный персонаж «Адвокат».

ное лицо. Большинство высказалось за точку зрения циника; мы приняли какие-то решения, вызвали Генриха попроситься и разошлись. (...) Оказалось, это был местный уполномоченный хитрого столичного жандарма Зубатова, который тогда устраивал (об этом слышал, конечно, и я) легальные рабочие союзы «без политики», с короткой инструкцией: против хозяев бастовать — пожалуйста, а государственный строй — дело государево, не вмешайтесь (Пятеро. С. 348).

Именно по этому поводу анонимный «Другой корреспондент», похоже, и писал в «Освобождении» (№ 4 (28). 1903):

С неделю тому назад начались забастовки рабочих железнодорожных мастерских и пароходных грузчиков. Инициатором забастовок явился зубатовский союз «независимых», во главе которого стоит некто Шаевич («интеллигент»). Но... оправдалась пословица: кто посеет ветер, пожнет бурю.

Так, похоже, стала ясна еще и мотивировка очередного эпизода, на сей раз из «Пятеро», которую без «Анонима» и «Другого» анонимного «корреспондента» мы бы никогда не узнали.

IV.

Опыт работы с ранними текстами Жаботинского показывает, что он в ряде случаев публикует в разного рода изданиях тексты, которые мы в разговоре о «Пятеро» и «Повести моих дней» можно назвать *двойчатками* (воспользуемся здесь терминологией мандельштамоведения, где так называют два внешне близких, но порой очень далеко расходящихся по смыслу текста поэта).

Так, рецензия Жаботинского на сборник К. Фофанова в «Жизни», подписанной «А», отзывается в рассказе из серии «Вскользь» в «Одесских новостях», но уже в связи с Миррой Лохвицкой. Тот факт, что аналогичные проблемы отразились и в личном письме Жаботинского к будущему автору «Освобождения» В. Короленко, лишь подтверждает связь двух текстов, проанализированных в нашей сопроводительной статье в соответствующем томе ПССЖ.

Таковыми диагностически важными текстами в «Освобождении» и «Одесских новостях» оказываются два одноименных текста — один — журнальный — анонимный, а другой — газетный — подписанный Altalena, под названием «Фрейлейн». Эти тексты мы чуть ранее уже упоминали.

И обращаемся к ним теперь, когда мы знаем, что произошло не без участия Шаевича и на Королеве одесских улиц — Дерibasовской, и на ее «фрейлинах», как выразился Жаботинский (Пятеро. С. 338) — поперечных улицах и переулках в 1903 году. Напомним, что это слово и его знаковый для Жаботинского смысл мы уже обсуждали ранее. Теперь же сами тексты, так названные.

Ведь, наконец, они могут быть встроены в адекватный им контекст, который оказался не таким уж и очевидным.

Первый из текстов «Фрейлейн» — журнальный — вышел в свет в двухнедельном «Освобождении» № 7 за 1903 г. на с. 116, а второй — уже в самом конце того же года 18 декабря в «Одесских новостях».

На первый взгляд, перед нами смешная и пустая шутка, сводящаяся к тому, что некая Фрейлейн опекает своего великовозрастного подопечного профессора не хуже, чем бонна в детстве. Однако политический эмигрантский журнал не стал бы тратить место на подобные тексты, если бы «Фрейлейн» не была посвящена удушающей цензуре в тогдашней России, где «Фрейлейн» была лишь ее метафорой. Среди книг, которые скрывает Фрейлейн в спецшкафу от своего профессора «Bibel und Babel» профессора Делича (впоследствии эта книга отразится в дискуссии между евреем и антисемитом «Обмен комплиментов» 1911 года, попавшей в «Фельетоны» (С. 106–110) и новая французская книга Мечникова, запрещенная к ввозу в Россию.

Редакция незамедлительно сообщает от себя: «Книга Мечникова запрещена цензурой» и сразу же после этого примечания следует авторский текст, не оставляющий сомнения в смысле «легкой» заметки:

Я знаю, что добрая Фрейлейн делает все это исключительно для того, чтобы оградить, уберечь меня и других подобных мне глупых русских детей от вредных, тлетворных влияний. Она отнимает у нас книжки, чтобы мы не научились каким-то нехорошим словам или чтобы мы не узнали, что дети не под капустой рождаются (а книга Мечникова была о новой семье, положении женщин и т. д. — *Л. К.*) и что на свете есть злые люди нигилисты, социалисты, материалисты и даже сам гр. Толстой (о его отлучении от церкви успела сообщить «Жизнь» перед своим закрытием. — *Л. К.*), о чем, по мнению Фрейлейн, такие невинные младенцы, как мы, сами не догадываются.

И чуть ниже отрывок, который, быть может, объяснит, почему автор этой анонимной заметки не был, как и Жаботинский, близок кругу нового русского религиозного возрождения:

О Фрейлейн, Фрейлейн! Да неужели вы думаете, что если у нас «Bibel und Babel» отнять, мы от этого благочестивее сделаемся, или так, возьмем и Анну Зонтаг читать начнем? Наша интеллигенция вся поголовно из Церкви ушла и поражает худшим, чем всякое неверие, мертвенным равнодушием к вопросам веры, а вы, Фрейлейн, все от нас «Bibel und Babel» прячете! Наши дети по Марксу читать учатся, как деды по часослову учились, наша молодежь годами твердого знака не видит, потому что читает исключительно подпольные листки, а вы — Мечникова в шкаф!

Теперь нам остается открыть библиографию Жаботинского и взглянуть на тексты, окружающие декабрьскую «Фрейлейн» в «Одесских новостях» и тут же выясняется, что 26 октября 1903 г. в заметке «Вскользь» из предусмотрительно зарубежного Рима Altalena пишет именно о книге Мечникова в форме письма к опальному профессору (не потому ли и о «Фрейлейн» редакция «Освобождения» пишет: «Эта остроумная заметка ходит в рукописи по рукам с именем одного ученого-профессора» — *Л. К.*), о проблеме женской морали, роли женщин и моды в половом развращении мужчин и даже, в ряде случаев, в провокации их на насилие. Здесь же обсуждается моральная проповедь Льва Толстого.

А вот и газетная «Фрейлейн» Altalen'ы: «Иностранка, живущая в зажиточном доме в качестве воспитательницы хозяйских детей», рассуждает о том, что прихоти хозяев не дают возможности прислуге быть в курсе всех новейших событий в мире культуры, науки и искусства, и что необходимо создавать некий союз домашней прислуги для борьбы за свои права. Нетрудно видеть, что призыв к созданию профсоюзов, только не для российских, а для иностранных гражданок.

И тут следует замечательная смысловая рифма, которую может увидеть лишь внимательный читатель сразу двух текстов. В газете читаем:

Видите ли, я, например, знаю (я свободно читаю по-русски и давно интересуюсь русской жизнью) — знаю, что теперь повсеместно в России замечается духовное оживление, обновление, которое проявляется ярче всего в литературе... Поэтому все в некоторых отношениях чувствуют себя как бы *Sonntagskind*'ами, особенно удачниками, людьми, которым в чем-то очень повезло, — именно в том, что они удостоились жить в интересное время.

«*Sonntagskind*'ами» называют, как известно, «детей солнца», чей образ восходит к знаменитой драме Гауптмана. Однако, с учетом прямого смысла фамилии Зонтаг («воскресенье» и с учетом того, что имя Зонтаг в статье в «Освобождении» появилось рядом со Львом Толстым, стоит предположить, что здесь Жаботинский намекает и на недавний роман Толстого «Воскресенье», который связан с проблемами Церкви, от которой писатель был совсем недавно отлучен.

И этим все могло бы закончиться. Но не забудем, что уже самой последней угрозой престарелой Фрейлейн, которую безымянный автор «Освобождения» хотел отправить в дом престарелых, была угроза, невзирая на цензуру, почитать Анну с характерной фамилией Зонтаг. Дело в том, что Анна Зонтаг являлась автором многократно переиздававшегося сочинения «Священная история для детей, выбранная из Ветхого и Нового Завета» (1837), которая «воспринималась как образец воспитательного детского чтения на-

ряду с „Историей в рассказах для детей“ и стала частью школьного образования»⁵⁰. Наряду с этим Зонтаг была и автором «Волшебных сказок для детей первого возраста» (1862, 1867). Так что одним лишь упоминанием имени старой детской писательницы Жаботинский со свойственным ему умением и намекнул на все нужные ему и не всегда эксплицируемые имена и проблемы, и связал два своих текста — анонимный и подписной.

И здесь необходимо обратить внимание на одну деталь. Радостный восторг газетной «Фрейлейн» из подцензурной одесской газеты по поводу расцвета творчества в России как-то не очень убедительно смотрится на фоне рассказа в свободном эмигрантском журнале о разгуле цензуры в стране. Той самой цензуры, которая заставляет «старых профессоров» возвращаться к детским книгам Анны Зонтаг, на которых эти профессора воспитывались в детстве. То есть делает их не столько «детьми солнца», сколько «детьми Зонтаг» или, как бы мы сказали, вспомнив одесского коллегу Жаботинского и тоже последователя Зонтаг, применительно к нашим дням, «детьми дедушки Корнея».

Похоже, что круг замкнулся. Небольшая «Фрейлейн» в «Освобождении», оказалась параллельной двум довольно большим текстам в «Одесских новостях». И мы можем с уверенностью назвать анонимного автора журнальной «Фрейлейн» — это Altalena. Ведь нам уже приходилось видеть, как его собственный просчет (за подписью А. З-ский) в газете «Северный Курьер», вызвавший возмущение Петра Вейнберга, был впоследствии превращен в рассказ об этом событии уже в «Одесских новостях». Этот случай разобран нами в статье о псевдонимах Жаботинского в «Северном Курьере», здесь неоднократно упомянутой. И этот случай далеко не единственный. Парные тексты Жаботинского очень часто построены на смене субъекта и объекта высказывания. Так и в случае с «Фрейлейн» текст от имени профессора о Фрейлейн из России трансформировался в рассказ самой «Фрейлейн» о своих проблемах. А проблема цензуры в первом тексте обернулась попыткой обойти цензуру в тексте втором, где речь шла о запрещенных тогда в России и не только цензурой, профсоюзам.

Но в этом случае особое значение приобретает первый абзац журнальной статьи. Во-первых, это сообщение о том, что вот уже два года (т. е. с 1901 г. и, видимо, римской *Avanti!* и, возможно, *Partia* с последующим арестом за статьи о революционном движении в России) автор не мог совершить ряд «публицистических прогулок, которые мне хотелось предпринять в некоторые достопримечательные учреждения и местности нашего отечества — по вну-

50. Лебедева О. Зонтаг Анна Петровна // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 351.

тренним губерниям, в Финляндию, в Кишинев. Нельзя без гувернантки — будем сидеть дома и ждать...».

К этому месту следует очередное примечание редакции: «Зачем же ждать? Пожалуйте в „Освобождение“!». И вот, как мы попытаемся показать, Жаботинский, теперь уже «Аноним», последовал этому совету-«приглашению».

Следующий текст, который привлекает наше внимание в «Освобождении», — письмо некоего сиониста, подписанное «Г.», которому было «предоставлено слово» на страницах «Освобождения». Текст этого письма является жестким ответом на соображения редактора «Освобождения» П. Б. Струве по поводу Кишиневского погрома, которые мы уже упоминали выше. Струве считал, что евреи своей беспомощностью и трусостью сами провоцировали погромы, не преодолевая этого позорного чувства, а тут еще и сионисты:

И приходится удивляться тому, как покорно еще выносит еврейское население России свое бесправное положение и вытекающий из него гнет нужды!. Евреям без различия профессий и классов нужно, прежде всего, отрешиться от этой рабьей покорности и начать энергичную борьбу за право. С этой точки зрения сионистское движение представляет явление двойственное, внутренне противоречивое. С одной стороны, оно означает собиранье, развитие культурных сил еврейства, и как таковое заслуживает всяческого сочувствия. С другой стороны, сионизм, воспитывая идею еврейской национальности и даже государственности и тем самым идя навстречу подлому антисемитизму, всячески избегает политики борьбы, борьбы за эмансипацию евреев. (...) И если Кишиневские события дают еврейству какой-либо урок, то этот урок состоит в том, что должно сомкнуть свои ряды в борьбе за эмансипацию в рамках русского государства.

Уже здесь можно сказать, что если мы не принимаем в качестве сиониста «Г. Жаботинского, то и поэма Бялика «Сказание о погроме», и ее усиленный уже Жаботинским перевод на русский язык станут просто рифмовкой статьи П. Б. Струве, а это совсем не так. На это и последовал жесткий ответ сиониста «Г.», который вполне укладывается в логику, идеологию, а часто, в образность и стилистику брошюры «Недругам Сиона» 1903 года, куда вошли отповеди упоминавшемуся Биккерману, К. Каутскому и т. д.

Понятно, что Жаботинский не собирался раскрывать свое участие в эмигрантском органе включением в брошюру, неоднократно издававшуюся в России, текста из «Освобождения» под собственной подписью. Тем более что Жаботинский и так находился под надзором полиции.

Однако, как и всегда, Жаботинский, играя с огнем, дал нам возможность расшифровки своего псевдонима уже тогда, когда опасность была не так уж близка. В декабре 1903 г. в «Одесских новостях», и в специальной статье, и отвечая Т. Ренодо за его напад-

ки на сионизм, будто бы базирующийся только на антисемитизме и именно отсюда вербующего своих сторонников, Жаботинский снабдил свою статью подзаголовком «Голос сиониста», который нам доселе не встречался. Понятно, что идеология этой заметки ни в чем не расходилась с текстом сиониста «Г.»:

Мы истомились, наконец, от нечеловеческих усилий стать во что-бы то ни стало совершенством. Мы спохватились, что это невозможно, недостижимо... И нам захотелось иметь право быть несовершенными, т. е. стать равноправным членом в общественной семье народов. И если бы дело обстояло так, если был общий принцип, выставленный вами по всем людям и национальностям, то меня удивляет, почему Вы не сочли нужным применить его по отношению к еврейскому народу или, по крайней мере, к тем сотням тысяч «личностей», которые, исходя из разных исторических, культурных и экономических мотивов, сознательно стремятся к созданию или возрождению особой жизни со всеми структурами, характеризующими ее.

Вы же своими взглядами отрицаете нашу личность как нации. Где тот принцип святости личности и нации?

Любой человек, читавший Жаботинского, немедленно узнает здесь выражение из знаменитой статьи «Вместо апологии» 1911, где «особа нации» объявлялась уже царственной, т. е. не подлежащей суду. А восходили все эти рассуждения к мысли Ж.-Ж. Руссо из книги «Об общественном договоре», где «персона нации» объявлялась «моральной», а следовательно, относительной и суду подлежащей⁵¹.

Для Жаботинского же нация всегда представляла собой понятие «святое» и «Царственное», а, следовательно, абсолютное. И подобного словоупотребления не надо ждать до 1911 г. Ведь в статье «О национальном воспитании» того же 1903 года Жаботинский писал: «Наша главная болезнь — самопрезрение, наша главная нужда — развить самоуважение: значит, основой нашего народного воспитания должно быть отныне самопознание. Так воспитывается на земле всякий здоровый народ, всякая нормальная личность» (Фельетоны. С. 34.)

Так в очередной раз мысли неизвестного автора оказались полностью встроены, став очередным ее дополнением, в идеологическую систему Жаботинского и никого другого.

Полемика со Струве была продолжена сразу же после возвращения последнего из эмиграции в конце 1905 г. уже в рамках споров «О евреях и русской литературе» в главах «Четырех статей о „чириковском инциденте“» уже в 1906–1908 гг., которые занимают столь важное место в «Фельетонах»⁵².

51. Подробно об этом: Л. Кацис. Кровавый навет и русская мысль. Историко-теологическое исследование дела Бейлиса. М., 2006.

52. Об этом подробнее см. в: По вехам... Сборник статей о русской интелли-

Однако дискуссии об участии или неучастии сионистов-«нейтралов» в русской революционной пропаганде (да и об их «циничном», как говорил Жаботинский в «Пятеро», сотрудничестве с людьми Зубатова типа Шаевича), предшествовала важная статья в «Освобождении» № 20 18 апреля — 1 мая 1903 «Россия под надзором полиции». В ней Струве вспоминал свою не такую уж давнюю и совсем не эмигрантскую статью из «Вопросов философии и психологии» 1901 г. «Об истинном национализме». Без знания этой статьи полемику между Струве и Жаботинским даже 1906–1908 гг. понять нельзя. По-видимому, этого нельзя сделать теперь и без цитируемой заметки из «Освобождения»:

Нападая в одной философской статье на наш реакционный национализм, мы говорили, что его главная забота состоит в отдаче реальных проявлений национального духа под надзор полиции. Характеризуя такой философско-публицистической формулой катковщину, мы и не подозревали, что философствуя о своих основоначалах жандармско-полицейское ведомство уже давно, почти в тех же выражениях формулировало свою задачу.

И далее следует полемика о вступлении Плева в «Русское собрание». Но это все-таки касается одесского «Анонима» или сиониста «Г.», а вот что делать с таким текстом, анонимным в прямом смысле, да и присланным из Кишинева, а начинающимся так: «(Запоздало по недостатку места. Ред.) Праздники Пасхи прошли и „на Шипке все спокойно“, но это „спокойствие“ нельзя приписать естественному течению жизни; оно, скорее всего, вытекает из „политической тактики“ кишиневской антисемитской банды, штаб которой представляет собою редакция пресловутого „Бессарабца“ ...» (№ 50. 1904. С. 14). Это некто, скрывшийся под цифрой «470», а вот Жаботинский:

Человек менее слабонервный, зато наивный, должен выбежать на улицу, хватать там прохожих за полу или пуговицу и доказывать им, что мы ни в чем подобном (ритуальном питье христианской крови. — Л. К.) не виноваты. Наконец, человек слепорожденный (среди нас таких очень много) поступит иначе. Он себя успокоит обычными успокоительными фразами: что такую нелепость никто в сущности не верит; что это просто политический маневр; что вся благоразумная часть христианского населения (а таковая, конечно, в подавляющем большинстве) слушать не желает подобной клеветы, даже возмущена ею; что, словом, все обстоит благополучно и на Шипке спокойно.

Не увидеть парность этих текстов: «мирного» и «после Пасхального» Кишиневского, опубликованного в Штутгарте, и написанно-

генции и «национальном лице» (1909) // Национализм. Полемика 1909–1917 / Сост. М. А. Колеров. М., 2000.

го на самой заре киевского ритуального дела, но опубликованного в «Одессе» невозможно. Или, если предположить в очередной раз, что это два разных человека, но один из которых нам известный, читал «Освобождение» и был не чужд кишиневским проблемам, что он в аналогичной ситуации 1911 года просто «вывернул» текст некоего «470». Но это предположение мы оставим нашим критикам. А всерьез заметим, что из приведенного сопоставления вытекает понимание того, как рос политический опыт Жаботинского, и насколько продуманными были его так называемые пророчества и политические предсказания.

Существует и еще одна атрибуционная проблема, на сей раз связанная с вновь с не-одесским текстом. Дело в том, что в статье «Еврейская крамола», где, как мы помним, Жаботинский подводил «бухгалтерские» итоги еврейского участия в русской революции, есть следующий важный отрывок, который находится сразу после отрывка с политической оценкой участия евреев русской революции, и перед рассказом о еврейских агитаторах с нечистым «р», и потемкинскими днями в одесском порту в 1905 г. Как мы помним, статья об этом в «Освобождении» была структурно, стилистически и содержательно связана с текстом об одесской июльской забастовке 1903 г., где речь шла и об агитаторах-евреях. Эти строки отразились, как мы видели, и в «Еврейской крамоле». Теперь здесь читаем:

Ходячие представление так формулирует роль, сыгранную в освободительном движении евреями:

Революции не было. Надо было вызвать ее. И это взяли на себя евреи. Они — легко воспламеняющийся материал, они — грибок фермента, который призван возбудить брожение в огромной, тяжелой на подъем России. И так далее (...) О, бесспорно, это заманчивая задача: быть застрельщиками великого дела, разбудить политическое сознание в 150-миллионном народе, поднять такое знамя на Литве так высоко, чтобы увидал и Тамбов, и Саратов, и Кострома, — чтоб увидали и сказали друг другу: «Пойдем за ним». И, конечно, все это было сделано, поскольку зависело от еврейских революционеров: знамя было поднято, и так высоко, и с таким шумом, что Кострома, несомненно, увидела. Но какое действие произвело все это на политическое сознание Костромы?

Я вспоминаю, отмечаю, подсчитываю, и вижу ясно, что действие было двоякого рода. С одной стороны, Кострома, бесспорно, вводилась в искушение. Эта борьба на другом конце России не могла не вызвать у неё, Костромы, соблазнительной мысли: значит, можно и у нас попробовать тем же манером? — В то же время отдельные евреи добрались и до самой Костромы и лично старались там претворить эту соблазнительную мысль в действие. Все это вело, конечно, к пробуждению политического сознания. Но... А с другой стороны? (Фельетоны. 51).

А с другой стороны, в том же номере «Освобождения», где описываются потемкинские дни 1905 г., некий «Земляк» с удивительной подробностью описывает революционные события в городе, название которого связано с поджигаемым (в данном случае евреями — революционным) костром, рассказывает о своем путешествии по Волге, о том, что сам он не костромич, и о том, что все дальнейшее ему рассказали местные жители. Забавно лишь, что на том корабле, на котором он плыл по Волге с друзьями, «плыло их пятеро». Но решение данного вопроса пока выходит и за рамки «Анонима», и за рамки нашей «одесской» работы вообще. Хотя упомянуть об этом было необходимо для будущего, для какой-нибудь следующей научной Костромы.

V.

Теперь мы перейдем к неизбежному сюжету — пасхальному Кишиневскому погрому 1903 г. и организации еврейской самообороны, а также реакции П. Б. Струве и его авторов, среди которых и сионист «Г», на эти исторические события.

Скажем сразу, что в целом всю эту проблему мы здесь рассматривать не будем. Это предмет отдельного разговора. Здесь мы лишь дадим краткое введение к этому будущему исследованию, достаточному для атрибуционных задач, связанных с текстом сиониста «Г». А в целом речь идет об исследовании, которое включает в себя и сравнение двух ивритских, одного идишского текстов Х.Н. Бялика и вариантов развития переводов на русский «Сказания о Погроме» под разными названиями, с разными предисловиями и т. п., выполненных Жаботинским. Здесь отметим лишь, что первый известный вариант перевода части поэмы Бялика был опубликован в «Еврейской жизни» в № 11 за 1904 г. под названием «Сказание о Немирове», намекавшем на Кишиневские события через напоминание о еврейской трагедии времен Хмельницкого. Полностью первый вариант поэмы вышел в свет в 1906 г. в Одессе.

А знаменитый и многожды переизданный однотомник Бялика с текстом уже «Сказания о погроме» вышел лишь в 1911 уже в издании Зальцмана.

Работа над переводом «Сказания о погроме» продолжалась, по крайней мере до 1914 г., когда в предисловии к 3 изданию однотомника сам Жаботинский отметил существенные изменения «отдельных мест „Сказания о погроме“»⁵³.

Теперь, чтобы понять все возмущение сиониста «Г» позицией П. Б. Струве в его статьях о Кишиневском погроме, где, напомним,

53. Бялик Х. Н. Песни и поэмы / Авторизованный перевод с еврейского и введение Вл. Жаботинского. Изд. 3-е, доп. С портретом автора. СПб., 1914. С. 5.

Струве обвинял евреев в и еврейскую интеллигенцию в трусости и требовал от евреев создания вполне силовой национальной самообороны, однако при этом направленной на участие в общерусском революционном движении, пройдем по порядку статью Жаботинского о Бялике, опубликованную в названном однотомнике уже через три года после окончания дискуссии с тем же Струве о евреях в русской литературе.

В «Повести моих дней» читаем: «Неважно, что я писал и что я говорил, но когда минул год после моего переезда на север, уже ненавидели меня в кругах „Восхода“ (мы их называли „национал-ассимиляторами“), и еще сильнее в кругах Бунда, чье дерзновенное историческое назначение заключалось в том, что он служил мостом, по которому массы рабочих переходили от чистого марксизма к чистому сионизму»⁵⁴.

И чуть ниже уже о Бялике: «После одесского опыта я немного работал в этой области в качестве организатора, хотя и принимал участие в какой-то конференции, которая собралась в Одессе, если я не ошибаюсь; но я слышал, что в духовном отношении этому движению помогли листовки и брошюры, которые распространялись тайно, в особенности „Сказание о погроме“ Бялика в моем переводе и с моим предисловием» (Повесть. С. 504).

И чуть позже, когда речь пошла о десятых годах: «После возвращения из Константинополя я окончил перевод стихов Бялика. Были мы тогда соседями по даче, около Одессы, и он помогал мне в переводах — объяснял места, которые мне не удавалось понять. Мы сблизились в эти недели (...) Я послал перевод стихов Бялик в различные издательства в Петербурге: все они отказались, кроме одного, которое предложило мне 400 рублей за отказ от всех прав, независимо от того, появится ли книга в одном или многих изданиях. Ибо я должен быть доволен уже тем, — объясняли они мне в своем письме, — что найдутся покупатели на такую книгу. В это время приехал из Петербурга Зальцман (...), прочел письмо и сказал мне: „Я издам книгу“. Свое обещание он выполнил и выпустил семь изданий в 35 000 экземплярах. Некоторые утверждали, что число читателей Бялика на русском языке превышало число тех, кто читали его на древнееврейском. Если это правда, — то благодаря Бялику, не мне: почти ни одна из моих книг не удостоилась переиздания» (Повесть. С. 528).

Последнее умозаключение Жаботинского столь же точно, как и многое, о чем мы здесь говорили, но книга Бялика, действительно, — самая тиражная на русском языке при его жизни. Теперь вернемся к статье Жаботинского:

54. Обращаем внимание на формулировку Жаботинского, отсылающую к названию знаменитого русского авторского сборника статей участника «Проблем идеализма» С. Булгакова — «От марксизма к идеализму» (1903).

Бялик тоже мятежник, но в другом смысле. Его мятеж глубже. Его молот бьет не по внешнему врагу: Бялик игнорирует внешнего врага, не снисходит до упоминания о нем, а когда уж необходимо, отделяется от него двумя словами (...) Мятеж Бялика направлен внутрь, удары его бьют по еврейской голове и еврейскому сердцу. В его глазах нет виновного, кроме самого еврейского народа: он виновен, потому, что терпит, потому, что *соглашается* страдать. (...) Первым из этого цикла было стихотворение «Как сухая трава», появившееся в 1897 году; за ним последовал ряд аналогичных произведений, в том числе «Глагол», «Вот она кара небес», и, в особенности, «Сказание о погроме», — произведений по праву заслуживших Бялику имя воспитателя своего поколения.

Далее, говоря о проклятиях Бялика добровольному еврейскому рабству, Жаботинский останавливается на «Вот она кара небес», стихотворении, написанном в 1905 году, т. е. много позже «Сказания о погроме». Однако первое стихотворение, действительно, проклинает еврейское рабство, убивающее народ и превращающее его в пыль...

Таким образом, «Сказание о погроме» занимает между этими стихами свое законное место. Далее идут стихи, проклинающие ассимиляцию (или эмансипацию, как сказал бы Струве), а затем — речь идет о «Песнях гнева» и «Сказании о погроме».

Для того, чтобы четче выразить позицию Жаботинского и, одновременно, чтобы дать возможность желающим сравнить его позицию с позицией сиониста «Г.», мы даем целостную цитату из предисловия переводчика к «Стихам и песням» Бялика:

Смутное чувство. Сложное, непонятное, овладело при вести о Кишиневе всеми еврейскими сердцами в огромной России. Это не было просто чувство горя. В глубине этого чувства таилось еще что-то, жгучее, мучительное, что-то такое, из-за чего почти забывалась самая скорбь — и чего никто все же не мог назвать. Тогда Бялик бросил в лицо своим обесщеченным братьям „Сказание о погроме“ и открыл им, что это за чувство, имени которого они не знают. Это был — позор. Более чем день траура, то был день срама: вот основная мысль этого удара молнии в форме поэмы. Она в художественном смысле далеко не лучшая у Бялика (...) Но это — одно из тех редких литературных произведений, которые кладут печать на свою эпоху. Бялик нашел слово, которого не доставало, и это слово совершило чудеса. Историческая дата Кишинева имеет двойной смысл: это с одной стороны, полное выражение, полное воплощение всего приниженного и пассивного, что скопилось в еврейской душе, — но, в то же время, это и отправная точка новой эры. С этого момента идея национальной самостоятельности из кабинетной или, в лучшем случае, подпольной окончательно становится всенародной. Позор Кишинева был последним позором⁵⁵.

55. Бялик Х. Н. Песни и поэмы. С. 37, 43.

Подчеркнем еще раз, что если бы при живом и активно работающем П. Б. Струве, издающем журнал «Русская Мысль», где печатается Жаботинский, где с ним собирался спорить по национальному вопросу в неопубликованной статье В. В. Розанов и т. д., Жаботинский использовал в подобной форме хорошо знакомые Струве материалы полемики «о еврейской трусости» в «Освобождении», — без скандала и позора для Жаботинского это бы не обошлось. Тем более, например, в 1913 г., когда в «Фельетонах» была оживлена память о дискуссиях о «чириковском инциденте» и национальном вопросе вообще. Дискуссия столь недавно восстановленная в памяти в сборнике «По вехам...», явно отвечавшем знаменитым «Ведам». Здесь уже сам уровень разговора исключал немотивированное использование идей, образов и мыслей некоего никому не известного сиониста «Г». из «Освобождения». Поэтому никак, кроме Жаботинского, сионист «Г». быть не может.

* * *

Этот сюжет завершает, на наш взгляд, вполне сложившуюся картину участия Жаботинского в деятельности «Освобождения», которую помнили все ее участники, а сам «Аноним» «Актолин» уже в конце жизни излагал свою биографию не по «Одесским новостям» и т. п., а по «Освобождению». Другое дело, что чего-то он сказать не хотел, о чем-то сказал лишь на иврите, а что-то передал героям своего закатного романа «Пятеро». Но все вместе эти источники, ставшие теперь, как нам представляется, историческими, полностью охватывают раннюю деятельность Жаботинского. Тексты «Освобождения» занимают свою законную нишу между статьями в *Avanti!* и «Жизнью» 1900–1901 годов, «Русью» времен Русско-японской войны и «Фельетонами», вышедшими в свет в 1913 году. А проведенная нами работа может и должна привести к продолжению уже прямых архивных и библиографических поисков в русских радикальных газетах и журналах 1905–1909 годов, которые позволят восстановить реальную документальную историю и «Освобождения», и пополнят историю идейной борьбы во время и после первой русской революции, а вместе с этим и русскую часть биографии Владимира (Зеева) Жаботинского.

~

О. Е. АЛПЕЕВ

НА ПУТИ К КАННАМ

ПЛАНИРОВАНИЕ «ПОХОДА В ВОСТОЧНУЮ ПРУССИЮ» В ШТАБЕ ВАРШАВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА (1872–1914)

17 августа 1914 г.¹ у железнодорожной станции Рейшвердер в Восточной Пруссии сдались в плен германским войскам остатки разгромленных XIII и XV армейских корпусов 2-й армии генерала от кавалерии А. В. Самсонова. Через две недели из пределов Германии была вытеснена с большими потерями 1-я армия генерал-адъютанта, генерала от кавалерии П. К. фон Ренненкампа. Так неудачно для русской армии закончилась Восточно-Прусская операция 1914 г. Масштабы катастрофы, часто сравниваемой с разгромом под Нарвой в 1700 г., вынудили военное руководство императорской России начать расследование обстоятельств гибели двух корпусов 2-й армии. Правительственная комиссия под председательством генерал-адъютанта, генерала от инфантерии А. И. Пантелеева по многим причинам не смогла представить объективный отчет о причинах разгрома и не нашла ничего лучше, как назначить главным виновником восточно-прусской драмы покончившего с собой Самсонова². За время, прошедшее с окончания боев в Грюнфлисском, Кальтенборнском и Комуссинском лесах, вопрос о причинах поражения в Восточной Пруссии не потерял своей актуальности.

В исторической литературе неудача Восточно-Прусской операции 1914 г. представляется следствием ошибок, допущенных непосредственно в ее ходе Ставкой Верховного главнокомандующего,

1. Здесь и далее все даты, за исключением некоторых случаев, приводятся по старому стилю.

2. Восточно-Прусская операция. Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). М., 1938. С. 559–560.

главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта генералом от кавалерии Я. Г. Жилинским, а также Самсоновым. Известно, что многие решения, принимавшиеся высшим военным командованием в августе 1914 г., были подготовлены уже в мирное время. Несмотря на очевидность этого факта, в отечественной, зарубежной и русской эмигрантской историографии вопрос о планировании вторжения в Восточную Пруссию, тесно взаимосвязанный с проблемой ответственности за разгром 2-й армии, не получил самостоятельного рассмотрения. В наиболее подробных исследованиях по истории Восточно-Прусской операции, вышедших из под пера И. И. Вацетиса, Г. С. Иссерсона и Ф. Храмова, разработке плана наступления в пределы Германии русским Генеральным штабом внимание практически не уделяется. Историки ограничивались воспроизведением основных положений мобилизационного расписания 1912 г. (также известного, как «мобилизационное расписание № 19 измененное»)³, согласно которому происходило развертывание русских армий в начале первой мировой войны. Поверхностный анализ итоговых документов русского военного планирования, таких, как «Высочайшие указания командующим войсками на случай войны с державами Тройственного союза» от 1 мая 1912 г., не позволил этим авторам связать поражение в Восточной Пруссии с предвоенными ошибками русского Генерального штаба. Невнимание историков к сюжетам, связанным с разработкой военных планов, приводило их порой к довольно спорным и необоснованным выводам. Вацетис, например, оценивая план вторжения в пределы Германии, пришел к заключению, что в составе Северо-Западного фронта не хватило еще одной армии, призванной действовать в районе Мазурских озер⁴. Иссерсон, образно назвавший катастрофу самсоновской армии «Каннами мировой войны», отрицал разработку русским Генштабом плана концентрического наступления в Восточную Пруссию до 1912 г.⁵ Выполнивший наиболее детальное оперативное исследование Восточно-Прусской операции Ф. Хра-

3. Термин «мобилизационное расписание 1912 г. «используется в настоящей статье условно, для того, чтобы отличать его от предыдущего расписания, введенного в 1910 г. Официально оно продолжало именоваться „мобилизационным расписанием 1910 года“, несмотря на существенные различия между ними. Название «мобилизационное расписание № 19» часто использовалось в документах русского Генерального штаба в качестве эквивалента официального наименования. Также необходимо оговориться, что в историографической традиции данный термин применяется в качестве обозначения плана войны в целом. В действительности мобилизационное расписание представляло собой комплект губернских и войсковых ведомостей нарядов для призыва в случае войны запасных, ратников ополчения, поставки лошадей и повозок.
4. Вацетис И. И. Операции на восточной границе Германии в 1914 г. Часть 1-я. Восточно-Прусская операция. М.; Л., 1929. С. 320.
5. Иссерсон Г. [С.] Канны мировой войны (Гибель армии Самсонова) // Катастрофы Первой мировой войны. М., 2005. С. 26.

мов вообще ограничился кратким пересказом плана развертывания 1912 г. и первых директив штаба фронта⁶. В обобщающих работах по истории первой мировой войны вопрос о планировании наступления в пределы Германии также обходится стороной⁷.

Что касается специальных работ по военному планированию, самой авторитетной из которых остается труд А. М. Зайончковского, то и в них разработка планов вторжения в Восточную Пруссию специально не рассматривается⁸. Кроме того, основное внимание авторов было сосредоточено на изучении работ по военному планированию, осуществлявшихся в центральном органе русского Генштаба — Главном управлении Генерального штаба (ГУГШ). Мероприятия по подготовке к войне, проводившиеся штабом Варшавского военного округа, историками практически не изучались. Так, исследуя обстоятельства разработки мобилизационного расписания 1912 г., Зайончковский ограничился анализом одной лишь записки начальника штаба Варшавского военного округа генерал-лейтенанта Н. А. Ключева от 21 августа 1912 г.⁹

Пожалуй, только в книге крупнейшего военного историка русского зарубежья Н. Н. Головина предпринимается попытка объемно показать роль окружных штабов и, в частности, штаба Варшавского военного округа, в подготовке к войне. Несмотря на то, что Головин вынужден был позаимствовать все фактические сведения из книги Зайончковского, именно он впервые высказал предположение о серьезных противоречиях во взглядах на проблему подготовки «похода в Восточную Пруссию», существовавших между штабом Варшавского военного округа и ГУГШ¹⁰.

В действительности, ответ на вопрос об ответственности за поражение в Восточно-Прусской операции следует искать, прежде всего, в работах по подготовке наступательной операции штаба

6. Храмов Ф. Восточно-Прусская операция 1914 г. Оперативно-стратегический очерк. М., 1940. С. 5–12.
7. См., например: Первая мировая война 1914–1918.: в 2 т. М., 1975. Т. 1. 448 с.; Ростунов И. И. Русский фронт первой мировой войны. М., 1976. 387 с.; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг.: в 7 ч. М., 1922–1923. Ч. 1. Период от объявления войны до начала сентября 1914 года. Первое вторжение русских армий в Восточную Пруссию и Галицийская битва / Сост. Я. К. Цихович. М., 1922. 240 с., 35 л. схем; Строков А. А. Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. М., 1974. 616 с.
8. См.: Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов. М., 1926. 428 с.; Меликов В. А. Стратегическое развертывание (По опыту первой мировой империалистической войны 1914–1918 гг. и гражданской войны в СССР). Изд. 2-е. М., 1939. Т. 1. Первая империалистическая война 1914–1918 гг. 528 с., 21 л. схем.
9. Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. С. 267–270.
10. Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. План войны. Париж, 1936. С. 113.

Варшавского военного округа. В силу своего стратегического положения, этот округ играл важнейшую роль в подготовке к войне с Германией и, в том числе, в планировании вторжения в неприятельские пределы. Так как штаб Варшавского военного округа в случае войны должен был формировать штаб главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта и полевое управление 2-й армии, то все основные мероприятия по подготовке «похода в Восточную Пруссию» выполнялись в окружном штабе на основании директивных указаний ГУГШ.

Источниковую базу настоящей работы составляют документы фондов штаба Варшавского военного округа и ГУГШ Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Обращение к архивным документам позволяет реконструировать процесс создания плана вторжения в Восточную Пруссию, рассмотреть его динамику, и, кроме того, изучить взаимодействие штаба Варшавского военного округа с ГУГШ в области военного планирования. Изучение подготовки «похода в Восточную Пруссию» поможет понять причины разгрома армии Самсонова и ответить на вопрос: была ли неудача наступления в августе 1914 гг. следствием провала предвоенного планирования в русском Генеральном штабе?

Начало подготовки к войне на западной границе в штабе Варшавского военного округа, 1872–1890 гг.

Необходимость планомерной подготовки к войне на западной границе была осознана военным руководством императорской России сразу после образования в 1871 г. Германской империи. Опыт войн Пруссии с Австрией в 1866 г. и Францией в 1870–1871 гг. показал важность заблаговременной подготовки государства к проведению мобилизации и сосредоточения своей армии¹¹. С конца 60-х гг. XIX в. в России приступили к составлению мобилизационных расписаний, по которым должно было происходить развертывание сухопутных вооруженных сил¹². Однако в отношении быстроты мобилизации и сосредоточения Россия отставала от своих потенциальных противников на западе — Германии и Австро-Венгрии. В этих условиях возрастала роль созданного в 1862 г. Варшавского военного округа, глубоко вдававшегося во владения центрально-европейских империй. Территория округа, которому было присвоено наименование «Передового театра», давала русским войскам большие преимущества в наступлении, т. к. отсюда лежали

11. Ростунов И. И. Указ. соч. С. 63.

12. Bruce W. Menning. Bayonets before bullets: the Imperial Russian Army, 1861–1914. Bloomington, Indianapolis, 2000. P. 116.

кратчайшие операционные пути на Берлин и Вену¹³. С другой стороны, для армии, развертываемой в пределах Варшавского военного округа, существовала угроза быть уничтоженной встречным наступлением германских войск из Восточной Пруссии и австрийских из Галиции.

Начало подготовки к вооруженному столкновению с Германией и Австро-Венгрией было положено в обширной стратегической записке управляющего делами Военно-ученого комитета Главного штаба генерал-майора Н. Н. Обручева под названием «Соображения об обороне России», разработанной в начале 1873 г.¹⁴ Составлению этой записки предшествовали подготовительные работы в военных округах. В 1872 г., в ходе этих работ, штаб Варшавского округа под руководством его начальника, генерал-адъютанта А. Ф. Минквица, подготовил фундаментальный «Стратегический обзор Варшавского военного округа», в котором впервые анализировались вероятные планы Германии и Австро-Венгрии, излагался план действий по отражению нападения противников, а также предлагались долгосрочные мероприятия по увеличению обороноспособности округа¹⁵. Фактически, это был первый план военных действий на случай войны с Германией. Многие из предложений, изложенных в этом труде, использовались в записке Обручева и легли в основу работ Главного штаба по подготовке к войне на западной границе.

Авторы этого обзора на основании данных о мобилизации германской армии сделали вывод, что ее корпуса полностью укомплектовывались запасными в течение семи дней и могли выступить к границе на восьмой день. К 16-му дню мобилизации следовало ожидать сосредоточение на границах с Россией 13 корпусов общей численностью в 468 тыс. человек. По мнению штаба Варшавского военного округа, противник мог и не дожидаться окончания сбора всех своих войск и начать наступление уже на 9-й день. В этом случае германские авангарды подходили к Ковно, Гродно и Варшаве на 21-й день. Австро-венгерские войска, по расчетам штаба округа, собирались у Кракова и Перемышля на 30–32-й день¹⁶.

Этим силам командование округа могло противопоставить восемь пехотных (3-ю гвардейскую, 2-ю и 3-ю гренадерскую, 4-ю, 6-ю,

13. Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. С. 12–13.

14. Анализ этой записки см.: Айрапетов О. Р. Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб., С. 127–128.; Зайончковский П. А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. С. 280–288.

15. РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 1663. Л. 1–143. Округом в это время руководил генерал-адъютант, генерал-фельдмаршал граф Ф. Ф. Берг, носивший титул наместника Его Императорского Величества в Царстве Польском и главнокомандующего войсками Варшавского военного округа.

16. Там же. Л. 28–30. С 1871 и по 1890 г. германская армия состояла из 18 армейских корпусов.

7-ю, 8-ю и 10-ю пехотные) дивизий, 1-ю и 2-ю стрелковые бригады и одну-единственную 3-ю кавалерийскую дивизию¹⁷. Штаб округа предполагал собрать эти войска на Висле в течение двух недель под прикрытием ввозимых из соседних округов кавалерийских частей¹⁸. При условии удержания линии Вислы, русская армия могла перейти в наступление только после сосредоточения к 47-му дню мобилизации дополнительных 30 пехотных дивизий из внутренних районов Европейской России. В результате анализа предполагаемого сценария развития событий, в штабе округа пришли к неутешительным выводам: «Во всяком случае, мы не в состоянии захватить инициативу в действиях и можем держаться в оборонительном положении на Висле и Немане в том случае, если запасов продовольствия на линии Новогеоргиевск — Ивангород будет достаточно для маневрирующей армии; но такое количество собрать в короткое время трудно, особенно весной и в начале лета [...] Кроме того, германские войска, направляясь от Летцена на Белосток, могли в 10 маршей обойти Вислинскую и Наревскую оборонительные линии и действовать в тыл войскам, только что собравшимся, устраивающимся на Висле; а посему необходимо взвесить самым строгим образом: можем ли мы удерживаться на Висле?»¹⁹ Отвечая на этот вопрос отрицательно, составители обзора прогнозировали потерю Царства Польского в течение четырех недель, после чего приходилось начинать борьбу за утраченные территории²⁰. Основываясь на столь неутешительных выводах, штаб Варшавского военного округа предложил ряд мер, призванных усилить боеспособность войск Передового театра. Авторы обзора рекомендовали сосредоточить в округе уже в мирное время большое количество кавалерии. Целый ряд мероприятий предполагался в сфере инженерной подготовки театра. Штаб округа предлагал превратить Александровскую цитадель в Варшаве в крепость путем строительства линии фортов, а также возвести 22 новых укрепленных пункта в Варшавском и Виленском округах²¹.

Для сокращения отставания от противника в сроках сосредоточения армии штаб округа настаивал на строительстве новых железных дорог, особенно линии Рожище — Владимир-Волынский — Красностав — Ивангород — Радоличе — Пржедборок²². По-

17. Росписание сухопутных войск, исправленное по 25-е июня 1872 года. [СПб., 1872.] С. 196–199. Всего в округе числилось 104 батальона полевой пехоты, 9 батальонов крепостной пехоты, 10 губернских батальонов, 70 эскадронов и сотен и 272 полевых орудия.

18. РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 1663. Л. 33–34.

19. Там же. Л. 37–37 об.

20. Там же. Л. 38–38 об.

21. Там же. Л. 51–53 об.

22. Там же. Л. 69–74 об.

сле выполнения всех этих мероприятий штаб Варшавского военного округа считал оборону Передового театра вполне выполнимой.

В стратегическом обзоре впервые ставился вопрос и о проведении вторжения в Восточную Пруссию, теоретически возможном только после улучшения условий мобилизации и сосредоточения русских войск. Считая, что в первые дни войны в Восточной Пруссии германцы смогут собрать только полтора корпуса, штаб округа предполагал использовать для наступления с линии Немана войска Виленского военного округа, сведенные в 1-ю армию. На линии рек Западного Буга и Нарева планировалось развернуть 2-ю армию, составленную из четырех пехотных дивизий и всей кавалерии Варшавского военного округа, которая должна была наступать к Торну и Грауденцу. На Средней Висле, от Новогеоргиевска до Ивангорода, должна была развернуться 3-я армия из остальных войск Варшавского округа. Эта армия предназначалась для наступления в направлении на Познань²³.

Основные положения «Стратегического обзора Варшавского военного округа» были одобрены Н. Н. Обручевым, использованы и развиты им в записке «Соображения об обороне России». Соглашаясь со штабом Варшавского военного округа относительно катастрофического отставания от потенциальных противников в сроках мобилизации, Обручев предполагал сосредоточить в западных округах не только большую часть всей кавалерии, но и увеличить количество пехоты до 820–840 батальонов вместо 514 имеющих²⁴. В области железнодорожного строительства Обручев предлагал проложить четыре новые линии на территории Варшавского военного округа для облегчения маневрирования войсками на правом берегу Вислы. Также генерал настаивал на строительстве линий, соединяющих Передовой театр с внутренними районами империи, наиболее важной из которых он считал линию Брянск — Гомель — Мозырь — Пинск — Брест²⁵.

В отношении инженерной подготовки театра автор записки предлагал создать укрепленный плацдарм между Бугом, Наревом и Вислой позади Новогеоргиевска. В отличие от штаба Варшавского военного округа, Обручев не считал возможным организовать оборону Передового театра вокруг одной только Варшавы²⁶.

В «Стратегическом обзоре Варшавского военного округа» и записке Обручева был заложен фундамент подготовки к войне с коалицией Германии и Австро-Венгрии. На основе этих предположений Обручев, возглавивший Главный штаб, подготовил в 1880, 1883 и 1887 гг. первые три плана развертывания вооруженных сил Рос-

23. Там же. Л. 110 об.—113.

24. Зайончковский П. И. Указ. соч. С. 284.

25. Там же. С. 285–286.

26. Там же. С. 286–287.

сии в случае войны на западной границе²⁷. Главная идея стратегии Обручева заключалась в обороне против одного из противников и наступлении против другого. Предпочтение в выборе объекта для атаки отдавалось Австро-Венгрии, для чего предполагалось использовать и часть сил Варшавского военного округа. Вместе с тем, в плане 1887 г. условно рассматривалась возможность наступательных действий против Германии²⁸. Кроме подготовки к наступлению в Галицию, главной целью русских вооруженных сил Обручев видел захват Босфора — этот проект разрабатывался в Главном штабе и в штабе Одесского военного округа. Таким образом, в 80-е гг. XIX в. окончательно складывается общий стратегический план на случай большой европейской войны. Его краеугольными камнями стали наступление в Галиции, оборона германской границы и овладение Босфором²⁹. Подробная разработка плана вторжения в Германию штабом Варшавского военного округа в это время не проводилась.

Планирование наступления в пределы Германии в «эпоху Пузыревского», 1891–1903 гг.

К началу 1890-х гг. произошли серьезные изменения в расстановке сил на международной арене. В 1882 г. был создан Тройственный союз, в который вошли Германия, Австро-Венгрия и Италия. Отказ в 1890 г. нового правительства Германии продлевать «договор о перестраховке» предрешил образование коалиции России и Франции в 1891–1894 гг.³⁰ С этого времени необходимость учитывать коалиционный характер будущей войны стала неизбежно влиять на русское военное планирование.

Начало нового этапа подготовки к войне на западной границе совпало с назначением на пост командующего войсками Варшавского военного округа и Варшавского генерал-губернатора героя русско-турецкой войны 1877–1878 гг., генерал-адъютанта, генерала от кавалерии И. В. Гурко. С его именем, а также с именем начальника штаба округа А. К. Пузыревского, связано проведение важ-

27. О планах Главного штаба 80-х гг. XIX в. см.: Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. С. 29–37; Ростунов И. И. Указ. соч. С. 64–71.

28. Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. С. 37.

29. Айрапетов О. Р. Указ. соч. С. 254–255.

30. О дипломатической предыстории заключения русско-французской военной конвенции 1892 г. см.: Айрапетов О. Р. Указ. соч. С. 259–270; Зайончковский А. М. Подготовка России к мировой войне в международном отношении. М., 1926. С. 63–78; Манфред А. З. Образование русско-французского союза. М., 1975. С. 335–350.

нейших мероприятий по подготовке к столкновению с державами Тройственного союза.

На рубеже 1880–90-х гг. появились первые плоды активной деятельности военного ведомства по улучшению условий проведения мобилизации и сосредоточения. Серьезные успехи были достигнуты в железнодорожном строительстве. В ходе выполнения мероприятий по развитию транспортной сети, предложенных Н. Н. Обручевым в начале 70-х гг., общая протяженность железнодорожных линий увеличилась более чем в два раза — с 13 481 версты 413 сажень (14 383 км) в конце 1872 г. до 27 747 верст 498 сажень (29 602 км) в конце 1889 г.³¹ Военное министерство создало ряд новых стратегических магистралей. В дополнение к уже существовавшим С.-Петербургу — Варшавской и Московско — Брестской железным дорогам, в 1882–1887 г. вводилась в строй магистраль Жабинка — Пинск — Брянск, ставшая наиважнейшей линией в системе Полесских железных дорог³². Кроме того, на правом берегу Вислы были построены 14 новых линий, предназначенные в основном для воинских перевозок. С 1898 г. эти линии объединялись под названием Привислинских железных дорог в одну сеть³³.

Прогресс, достигнутый в железнодорожном строительстве, позволял существенно сократить сроки сосредоточения войск на западной границе. Если в записке Обручева 1873 г. считалось, что русская армия могла быть отмобилизована и сосредоточена на 54–58-й день, то через двадцать лет ситуация заметно улучшилась³⁴. По данным штаба Варшавского военного округа на ноябрь 1893 г., прибытие последних второочередных казачьих дивизий на театр военных действий ожидалось к 37-му дню³⁵.

Так как улучшение условий мобилизации и сосредоточения все же не могло позволить уравнивать сроки боевой готовности русских войск с армиями потенциальных противников, была проведена передислокация ряда частей и соединений из внутренних округов в пограничные. Особое внимание военным ведомством уделялось сосредоточению в западных округах большого количества кавалерии с целью ее использования для прикрытия мобилизации, развертывания и для проведения рейда на вражескую территорию. Значительно возрастало количество войск и в Варшав-

31. Железные дороги Европейской и Азиатской России, по линиям и ветвям, по губерниям и по времени открытия для движения, с указанием строительной длины. Состояние к 1 июля 1909 года. СПб. 1909. С. 70, 75. В эти расчеты не включены железные дороги Великого княжества Финляндского.

32. Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог с 1838 по 2000 гг. / Сост. Г. М. Афонина. М., 2001. С. 41. В 1896 г. линия Жабинка — Пинск — Брянск была доведена до Бреста.

33. Там же. С. 57.

34. Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 283.

35. РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 944. Л. 116 об.—117.

ском военном округе. В 1883 г. в округе состояли V (7-я и 8-я пехотные, 5-я кавалерийская дивизии), VI (4-я, 6-я и 10-я пехотные, 6-я кавалерийская дивизии) и XIV (17-я и 18-я пехотные, 14-я кавалерийская дивизии) армейские корпуса, 3-я гвардейская пехотная и 1-я Донская казачья дивизии, 3-я бригада 2-й кавалерийской дивизии, 1-я и 2-я стрелковые, 4-я саперная бригады, а также 7-я и 8-я местные бригады, составленные из резервных батальонов. Всего в войсках округа числилось 128 батальонов линейной пехоты, 8 стрелковых батальонов, 11 резервных батальонов, 88 эскадронов и сотен и 234 полевых орудия³⁶. В 1887 г. из Московского военного округа переводилась 13-я кавалерийская дивизия, а в следующем году все стрелковые батальоны были переформированы в двухбатальонные полки³⁷. В конце октября 1888 г. из Казанского округа прибыл штаб XV армейского корпуса вместе со 2-й пехотной дивизией, к которой присоединялись 8-я пехотная и 13-я кавалерийская дивизии³⁸. В марте 1891 г. все резервные батальоны в округе переформировывались в двухбатальонные резервные полки, сведенные в 43-ю и 44-ю пехотные резервные бригады, которые в случае войны могли быть развернуты в полевые дивизии³⁹. В следующем году к ним добавилась 48-я резервная бригада. В 1894 г. на южном фронте округа был сформирован новый XIX армейский корпус в составе 2-й и 38-й пехотных и 7-й кавалерийской дивизий⁴⁰.

В 70–80-е гг. XIX в. Военное министерство осуществило программу крепостного строительства, предложенную Обручевым. В 1873 г. на стратегическом совещании принимается решение создать при слиянии Буго-Нарева и Вислы укрепленный район в составе крепостей Варшавы, Новогеоргиевска, а также Зегржа или Сероцка⁴¹. После стратегических рекогносцировок «польского треугольника» под личным руководством Обручева летом 1875 г. был намечен план работ по фортификационному оборудованию Передового театра⁴². В 1883 г. началась постройка 23 фортов вокруг Варшавы. Эти работы завершились в 1890 г., а уже в 1892 г. приступили к модернизации укреплений Варшавы, к которым были добавлены еще два форта на правом берегу Вислы⁴³. В 1883–1887 гг.

36. Варшавский военный округ под командой генерал-адъютанта, генерала от кавалерии И. В. Гурко. 1883–1893 гг. Варшава, 1893. С. 1–2.

37. Там же. С. 5.

38. Там же. С. 6.

39. Там же. С. 10. Приказ по военному ведомству № 138 от 25 мая 1891 г.

40. Приказ по военному ведомству № 218 от 17 сентября 1894 г.

41. Айрапетов О. Р. Указ. соч. С. 132; Очерк возникновения, развития и современного состояния Варшавского укрепленного района и крепостей Варшавы, Новогеоргиевска, Зегржа и Оссовца. Варшава, 1897. С. 5.

42. Очерк возникновения, развития и современного состояния Варшавского укрепленного района... С. 9–10.

43. Там же. С. 33–36.

строятся 13 фортов вокруг Новогеоргиевска⁴⁴, а в 1895 г. вводится в строй крепость Зегрж⁴⁵. Линия Бобра была усилена постройкой в 1882–1888 гг. Осовецкой крепости⁴⁶. В мае 1891 г. учреждается должность помощника командующего войсками Варшавского военного округа по управлению Варшавским укрепленным районом, которому также подчинялись пехотные резервные бригады⁴⁷.

Кроме строительства крепостей, штаб округа большое значение придавал оборонительным свойствам линии рек Бобра и Нарева. Наиболее серьезным препятствием на пути германской армии считался участок этой линии выше посада Новогорода, преграждавший кратчайшие и наиболее опасные операционные пути германцев от Иоганнисбурга и Лыка к линии Белосток — Брест и к реке Щаре. Ниже Новогорода Нарев не считался серьезной преградой, однако в нижнем течении линия этой реки обеспечивалась треугольником вислинских крепостей. На среднем течении реки ее оборона облегчалась существованием укрепленных пунктов у Пултуска, Рожана и Остроленки⁴⁸.

Успешное завершение всех мероприятий, направленных на увеличение оборонительных свойств Передового театра, превращало Варшавский военный округ в надежный «щит империи», и, кроме того, позволяло использовать его территорию как базу для наступления против Германии.

* * *

В начале 90-х гг. произошли важные изменения в организации работы окружных штабов. В 1891 г. была принята первая программа по составлению письменных отчетных работ по подготовке к войне, подлежащих выполнению в штабах пограничных округов. Основной целью составления этих работ являлась заблаговременная подготовка всех необходимых данных, на основании которых командующие армиями могли принимать свои первые решения в случае объявления войны⁴⁹. Содержание отчетных работ подвергалось незначительным изменениям, и к 1912 г. они должны были состоять из введения и шести отделов. Наиболее важным являлся 4-й отдел, в котором излагались предполагаемые планы действий армии, формируемой округом. Необходимо отметить, что именно благодаря практике систематической подготовки отчетных работ в окружных штабах, в результате которой образовывалось большое количество документации, перед исследователями открываются ши-

44. Там же. С. 46.

45. Там же. С. 48.

46. Там же. С. 55–56.

47. Приказ по военному ведомству № 134 от 21 мая 1891 г.

48. РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 2835. Л. 29 об.

49. Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1965. Л. 175.

рокие перспективы в изучении русского военного планирования конца XIX — начала XX в.

В 1890 г. Гурко пригласил на должность начальника штаба округа профессора Николаевской академии Генерального штаба генерал-майора А. К. Пузыревского, хорошо ему знакомого по Второму Забалканскому походу (зима 1877/1878 гг.). Пузыревский находился на этом посту до 1901 г., после чего стал помощником командующего войсками округа. Новый начальник штаба довел боевую готовность войск Варшавского округа до наивысшей степени. Под его началом были подготовлены первые планы вторжения в пределы Германии.

Пузыревский считался одним из наиболее ярких и компетентных генштабистов русской армии. А. Ф. Редигер так отзывался о нем: «Александр Казимирович Пузыревский был выдающимся офицером Генерального штаба: умный, образованный, решительный»⁵⁰. Или: «Удивительна его судьба: человек выдающегося ума и знаний, он все время оставался на вторых ролях [...] Я думаю, что он был наиболее желателен на должности начальника Генерального штаба»⁵¹. После того, как в 1894 г. перенесший инсульт Гурко был вынужден покинуть пост командующего войсками и Варшавского генерал-губернатора, Пузыревский превратился в фактического руководителя округа. Причиной такого порядка стало то, что командующим войсками, одновременно занимавшим генерал-губернаторский пост, приходилось значительное количество времени уделять участию в гражданском управлении Привислинским краем, поэтому руководство работами по подготовке к войне всецело ложилось на плечи начальника окружного штаба. Такое положение дел не изменилось и в начале XX в.: хозяин дворца на Саксонской площади продолжал играть чисто номинальную роль в военном управлении, настоящим же хозяином округа являлся начальник штаба.

После Гурко Варшавским округом последовательно командовали граф П. А. Шувалов (1894–1896 гг.), светлейший князь А. К. Имеретинский (1897–1900 гг.) и М. И. Чертков (1901–1905 гг.). Эти лица имели большие заслуги перед империей и лично перед государем, однако к моменту назначения в округ никто из них уже довольно продолжительное время не состоял в строю. Властный Пузыревский, осознавая недостаточную подготовленность своих номинальных начальников к управлению важнейшим округом, не подпускал их к решению важнейших вопросов. Тем не менее, попытки оспорить власть начальника окружного штаба предпринимались. Князь Имеретинский, получивший в свое время извест-

50. Редигер А. [Ф.] История моей жизни. Воспоминания военного министра: в 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 91.

51. Там же. С. 393.

ность как непосредственный начальник М. Д. Скобелева во время взятия Ловчи и третьей атаки Плевны, попытался взять бразды правления округом в свои руки. А. И. Деникин, приглашенный Пузыревским в округ после скандального выпуска из Николаевской академии Генерального штаба, так описывал попытку князя Имеретинского избавиться от опеки своего начальника штаба:

На одном из первых докладов Пузыревского светлейший князь потребовал от него подробного ознакомления знакомить его с каждым вопросом, чтобы единолично принимать решения. Тот согласился, и на другой день «во дворец» (имеется в виду Саксонский дворец в Варшаве — О. А.) понесли груды дел, из которых Пузыревский читал пространные выдержки в течение нескольких часового доклада командующему, знакомя его с «историей вопросов» и повергая его в безысходную тоску. Кн[язь] Имеретинский терпел такое истязание около недели и наконец сдался: по-прежнему из кабинета ген[ерала] Пузыревского стали выходить приказания и заключения со штампованным введением: «Его светлость полагает»... «Командующий войсками приказал»...⁵².

На должности помощника командующего войсками Пузыревский состоял до своей смерти в 1904 г. К моменту окончания «эпохи Пузыревского» в Варшавском военном округе был проделана огромная работа по подготовке к войне, и этот период стал временем наибольшей готовности русской армии к столкновению с Тройственным союзом.

* * *

В 1891 г. под руководством А. К. Пузыревского в штабе Варшавского военного округа была выполнена подготовка отчетных работ по сосредоточению Привислинской и Бугской армий. Согласно введенному в 1890 г. мобилизационному расписанию № 14, Главный штаб переносил сосредоточение большей части сил Варшавского округа со Средней Вислы на Нарев, чтобы парировать возможное наступление германских войск в этом направлении. Впервые предполагалось сформировать особый плацдарменный корпус для обороны Варшавского укрепленного района.

Согласно новому плану развертывания, против Германии предполагалось выставить Неманскую и Привислинскую армии, а также Белостокский отряд. Против Дунайской монархии предполагалось развернуть Бугскую и Юго-Западную армии⁵³. Несмотря на оборонительные задачи, возлагаемые на Привислинскую армию, штабом округа впервые был разработан план вторжения в преде-

52. Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. М., 2006. С. 102–103.

53. Подробно о плане 1890 г. см.: Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. С. 37–40; Ростунов И. И. Указ. соч. С. 71–72.

лы Германии. Сближение России и Франции заставляло военное руководство империи готовиться к коалиционной войне и учитывать возможность активных наступательных действий на северо-западном театре. По заключенной 5 (17) августа 1892 г. военной конвенции между Францией и Россией от последней требовалось выставить против Германии армию численностью от 700 до 800 тыс. человек, на которую возлагалась задача вторгнуться в неприятельские пределы⁵⁴.

4-й отдел отчетной работы 1891 г., озаглавленный «Предположения и планы для действий Привислинской и Бугской армий», открывался детально разработанным планом кавалерийского рейда на территорию Германии и Австро-Венгрии, признававшегося «могущественнейшим и единственным средством» помешать противникам овладеть стратегической инициативой⁵⁵. Для производства вторжения штаб округа выделял 5-ю, 6-ю, 14-ю кавалерийские и 1-ю Донскую казачью дивизии, которые должны были быть готовы к выступлению уже через семь часов после получения приказа. Наиболее сложная задача ставилась 1-й бригаде 5-й кавалерийской дивизии — наступать на Шнейдемюле — крупнейший железнодорожный узел, через который проходили пути предполагаемых перевозок германских корпусов в Восточную Пруссию. Бригаде предписывалось к третьему дню подойти к Шнейдемюле и полностью парализовать работу этого узла⁵⁶. 2-й бригаде 5-й дивизии следовало наступать в направлении на Лиссу для производства разрушений на железных дорогах, сходящихся у этого пункта, и на линии Франкфурт — Познань. На 6-ю кавалерийскую дивизию возлагалось разрушение железных дорог в Восточной Пруссии — у Алленштейна, Дейч-Эйлау, Мариенбурга, Эльбинга и Мариенвердера. 14-я кавалерийская и 1-я Донская казачья дивизия направлялись в Галицию. В дополнение к рейду значительных масс кавалерии предполагалось выслать в неприятельские пределы небольшие летучие разъезды, по три от каждого полка⁵⁷. В 1896 и 1897 гг. с целью улучшения управления конницей при проведении рейда были последовательно сформированы I и II кавалерийские корпуса. В I корпус первоначально вошли 13-я и 14-я кавалерийские дивизии, а во II — Сводная и 15-я дивизии⁵⁸.

На случай перехода в наступление против Германии большими силами, штаб Варшавского военного округа указывал на наличие

54. Зайончковский А. М. Подготовка России к мировой войне в международном отношении. С. 75–76.

55. РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 2341. Л. 6.

56. Там же. Д. 1775. Л. 13–13 об.

57. Там же. Д. 2341. Л. 6–11.

58. Приказы по военному ведомству № 167 от 2 июля 1896 г. и № 294 от 28 октября 1897 г.

двух возможных операционных направлений, по которым могло производиться вторжение. Русская армия, собираемая в Варшавском округе, могла наступать или с правого берега Вислы на нижнее течение этой реки, или с левого берега долины рек Нетцы или Варты через Познанскую провинцию. Наиболее вероятным признавалось первое направление, т. к. оно вело прямо с оборонительной линии Нарева, где разворачивалась Привислинская армия, к низовьям Вислы. Восточная Пруссия не рассматривалась в качестве объекта для наступления, т. к. войска не должны были отвлекаться от выполнения своей главной задачи — двигаться на Берлин. Штаб округа приходил к выводу, что одно движение Привислинской армии на Нижнюю Вислу вынудит германские войска к отходу⁵⁹.

Для выполнения наступательной операции штаб округа считал необходимым перенести сосредоточение VI и XV армейских корпусов и 10-й пехотной дивизии V корпуса, составлявших главные силы армии, с Нарева на линию Прасныш — Цеханов — Рационж, откуда они должны были двигаться к нижнему течению Вислы. Эти войска могли быть усилены I корпусом из Петербургского военного округа, а также Белостокским отрядом. При выборе операционного направления по левому берегу Вислы, войска с линии Нарева следовало перенаправить на Новогеоргиевск и Варшаву для последующего их сосредоточения на линии Лович — Скерневицы — Колюшки⁶⁰.

В 1893 г. Пузыревский конкретизировал основные положения работы 1891 г., касающиеся планов вторжения в Германию. Под его руководством была разработана записка под названием «Операционные направления для наступления Привислинской армии в пределы Германии».⁶¹ К двум возможным направлениям, предлагавшимся в 1891 г., добавлялось третье — через Силезию. Тем не менее, Пузыревский вновь признавал наиболее выгодным операционное направление через Нижнюю Вислу. По его мнению, необходимым условием для проведения наступательной операции в данном направлении являлся захват одной из крепостей на Висле с целью открытия железнодорожного сообщения с базой, а также обложение остальных укрепленных пунктов⁶². Пузыревский предлагал несколько главных путей, по которым могла двигаться армия: первый — от Плонска и Цеханова через Липно к Торну, Фордону и Кульму; второй — от Цеханова и Прасныша через Млаву к Грауденцу и Мариенвердеру. Выход армии к крепостям на Вис-

59. РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 1775. Л. 26 об.–27 об.

60. Там же. Л. 28–28 об.

61. Там же. Д. 3026. Л. 1–22. Эта записка не датирована, но по ряду признаков можно предположить, что она была составлена в первой половине 1893 г.

62. Там же. Л. 2 об.–3 об.

ле мог произойти уже через 8–9 переходов⁶³. При выборе любого из двух направлений Привислинской армии приходилось форсировать участок Вислы ниже Торна. Река Висла сама по себе являлась серьезным препятствием, имея ширину от 250 до 500 саженей (500–1000 м). Кроме того, линия реки оборонялась крепостями Торн, Грауденц и укреплениями у Мариенбурга и Диршау. Наиболее серьезной преградой на пути русских войск являлась первоклассная крепость Торн, состоявшая в 1893 г. из крепостной ограды и 12 самостоятельных фортов⁶⁴.

При выборе операционного направления через Познань корпуса Привислинской следовало перебросить с Нарева к линии Сохачев — Лович — Скерневицы. Отсюда они могли наступать по направлению на Берлин, пользуясь двумя главными путями: от Сохачева и Ловича через Иноврацлав и Стрельно к Вонгровицу (10–11 переходов)⁶⁵; и от Ловича и Скерневиц к Познани (9–11 переходов)⁶⁵. Крепость Познань, лежавшая на обоих берегах Варты, представляла серьезное препятствие для русских войск. Она состояла из из крепостной ограды с внутренним укреплением на правом берегу, и из крепостной ограды на левом берегу, к северной оконечности которой примыкал сильный форт-цитадель. В радиусе 4–5 верст (4–5 км) от центра города располагались 18 отдельных фортов⁶⁶.

В случае наступления на Берлин через Силезию Пузыревский предполагал развернуть войска Привислинской армии между Ловичем и Равой или на линии Кутно — Лодзь — Петроков. От этих пунктов в направлении на Бреславль вели четыре главных пути, по большей части шоссированные: от Кутно через Турск, Калиш и Острово; от Лодзи через Шадск, Варту и Шильдберг; от Лодзи через Ласк, Серадзь и Кемпен; от Петрокова через Велюнь, Питшен и Намлау. По любому из этих путей армия могла пройти за 10–11 переходов⁶⁷. При движении по этому направлению армия упиралась в реку Одер, усиленную укреплениями Бреславля. Они состояли из нескольких (от 12 до 15) казематированных построек для пехоты и боеприпасов, которые в случае объявления войны могли быть превращены не только в промежуточные укрепления и батареи, но и в долговременные форты⁶⁸.

В отчетной работе штаба Варшавского военного округа 1891 г. и в записке Пузыревского 1893 г. излагались основы плана наступательной операции против Германии, действовавшего до начала

русско-японской войны. Последовавшее в начале XX в. усиление оборонительных тенденций в Главном штабе привело к новым изменениям в плане войны.

* * *

Предыстория принятия плана развертывания 1903 г. подробно изучена И. И. Ростуновым, поэтому опустим изложение этапов его разработки⁶⁹. Но необходимо отметить, что корни плана следует искать в стратегических работах штаба Варшавского военного округа. Еще 19 ноября 1893 г. окружной генерал-квартирмейстер штаба Варшавского военного округа генерал-майор Вик. В. Сахаров представил И. В. Гурко и А. К. Пузыревскому «Записку о сосредоточении войск Империи на случай войны с державами Тройственного союза»⁷⁰. Ее автором был старший адъютант мобилизационного отделения полковник Н. Я. Лопушанский. В записке действовавший план кордонного развертывания русских армий на западной границе был подвергнут жесточайшей критике, т. к. обрекал их на пассивно-выжидательный образ действий. Лопушанский считал, что вследствие такого расположения фактически изолированные друг от друга армии подвергались опасности быть разбитыми поодиночке⁷¹. Автор записки предлагал назначить сосредоточение всех войск в пределах Передового театра. Северная армия и общий резерв должны были развертываться на линии Бельск — Белосток — Гродно, а Южная — на линии Холм — Ковель — Луцк⁷². Такое компактное сосредоточение главных сил лучше отвечало оборонительным задачам и позволяло парировать любые наступательные действия германских и австро-венгерских войск.

Пузыревский поддержал составителей записки и в ноябре представил ее на рассмотрение Обручеву⁷³. В Главном штабе к идеям Лопушанского и Сахарова отнеслись в целом одобрительно, серьезные возражения вызвало только предложение развернуть войска Киевского военного округа в пределах Передового театра⁷⁴.

Реализация идей, изложенных в записке Лопушанского и Сахарова, стала возможной после назначения последнего в 1898 г. начальником Главного штаба. 21 мая 1899 г. военный министр генерал-лейтенант А. Н. Куропаткин представил Николаю II доклад о необходимости изменения плана развертывания, легший в основание последующих стратегических работ Главного штаба

63. Там же. Л. 6 об.—7.

64. Там же. Л. 12.

65. Там же. Л. 15–15 об.

66. Там же. Л. 17.

67. Там же. Л. 19.

68. Там же. Л. 20 об.

69. Ростунов И. И. Указ. соч. С. 73–83.

70. РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 944. Л. 114–124 об. Текст документа датирован 17 ноября. Рукописный черновик записки см.: Там же. Д. 962. Л. 1–19 об.

71. Там же. Д. 944. Л. 117.

72. Там же. Л. 123 об.—124.

73. Там же. Л. 103.

74. Там же. Л. 114.

и окружных штабов. Итогом работ стало введение 1 мая 1903 г. мобилизационного расписания № 18 и нового плана развертывания на западной границе⁷⁵.

При разработке нового проекта сосредоточения в Главном штабе надеялись добиться большей устойчивости обороняющихся на северном фронте Передового театра русских войск в столкновении с наступающим противником. Оценки предполагаемого состава, развертывания и вероятных планов действий германской армии, положенные в основание плана войны 1903 г., оказались весьма близкими к действительности. Русский Генеральный штаб в конце XIX — начале XX в. вынужден был решать трудную задачу — определение точного числа второлинейных сформированных германской армии⁷⁶. В период, предшествующий составлению мобилизационного расписания № 18, эта задача решалась вполне успешно. Используя данные приобретенных разведкой в 1895–1898 гг. секретных документов, Главный штаб предполагал, что каждый германский корпус был в состоянии выставить одну резервную и одну подвижную ландверную дивизию⁷⁷. Всего в действующей армии могло быть 23 полевых корпуса, 22–25 резервных дивизий, и до 21 ландверной дивизии⁷⁸. Эти оценки развертывания вооруженных сил Германии оставались действительными вплоть до 1908 г., когда на смену им пришли более в Варшаве и Петербурге рассматривали два возможных сценария развития боевых действий в начале кампании. В первом случае удар главных сил рейхсхеера наносился против Франции, во втором — против России. В случае наступления большей части германской армии против Франции, штаб округа ожидал встретить в Восточной Пруссии и Силезии пять пограничных корпусов (I, II, V, VI и XVII), к которым присоединялись два саксонских корпуса (XII и XIX)⁷⁹. Эти силы могли быть усилены примерно восемью резервными пехотными дивизиями и четырьмя кавалерийскими. Окончание полного сосредоточения германской восточной армии ожидалось на 12–13-й день⁸⁰. В Главном штабе предполагали, что противник будет

75. Ростунов И. И. Указ. соч. С. 80.

76. В Германии резервные части формировались только в военное время.

77. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 514. В 1890–1899 гг. в составе германской армии мирного времени числилось 20 армейских корпусов.

78. Там же. Ф. 1859. 1. Д. 3057. Расчеты Главного штаба основывались на данных добытого разведкой мобилизационного плана германской армии на 1899/1900 мобилизационный год. В этом документе указывалось на развертывание Германией в случае войны 22 резервных дивизий. (См. также: Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Л. 1786. Л. 17–17 об.)

79. I корпус — Кенигсбергский, II — Штеттинский, V — Познанский, VI — Бреславльский, XVII — Данцигский, XII — Дрезденский, XIX — Лейпцигский.

80. РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 3057. Л. 2 об.—3.

развивать наступление в направлении к Нареву с целью разбить не закончившие свое сосредоточение русские войска.

Опасения русского Генерального штаба относительно наступательных намерений германцев были вполне обоснованными. Начиная с середины 80-х гг. XIX в., начальники Прусского Большого Генерального штаба А. фон Вальдерзее и А. фон Шлиффен ввели в практику ежегодное составление двух планов войны, с 1899 г. официально называвшихся «Развертывание I» и «Развертывание II» («Aufmarsch I» и «Aufmarsch II»). Во втором варианте предусматривалась возможность наступательных действий ограниченными силами против России с целью нарушить ее мобилизацию и сосредоточение. В случае приведения в действие этого плана, Большой Генштаб предполагал выставить на восточной границе армию силой примерно в 20 пехотных дивизий, на которую могла быть возложена задача наступать к Нареву или Неману⁸¹.

* * *

По мобилизационному расписанию № 18 предполагалось развернуть против Германии Северо-Западный фронт в составе 1-й и 2-й армий и Варшавского укрепленного района. Против Австро-Венгрии выделялись 3-я, 4-я и 5-я армии. Общий резерв составляли 6-я армия, XXV и XXIX корпуса, формируемые из резервных дивизий⁸². На армии Северо-Западного фронта возлагалась задача воспрепятствовать вторжению германцев в пределы империи и поддерживать войска укрепленного района⁸³. В случае развертывания против России незначительных германских сил перед армиями фронта ставилась задача наступать к Нижней Висле по правому ее берегу⁸⁴. В состав 2-й (Варшавской) армии назначались V, VI, XV, XVI армейские и II кавалерийский корпуса, 3-я гвардейская пехотная дивизия, а также Сводная кавалерийская дивизия I кавалерийского корпуса. Левый фланг армии обеспечивался войсками Варшавского укрепленного района, куда входили XXII армейский корпус из 46-й, 47-й и 48-й резервных пехотных дивизий⁸⁵, 1-й и 2-й стрелковых бригад⁸⁶. На линии Бобра развертывалась 1-я армия Виленского военного округа из II, III, IV и XVIII корпусов и четырех кавалерийских дивизий. Петербургское направление прикрывалось отдельным XXVIII корпусом, составленным из ре-

81. Terence Zuber. *Inventing the Schlieffen Plan. German War Planning, 1871–1914.* Oxford, 2002. P. 174–175.

82. Ростунов И. И. Указ. соч. С. 80–81.

83. РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 608. Л. 40.

84. Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 514. Л. 24–24 об.; Ростунов И. И. Указ. соч. С. 81.

85. В 1894 г. 43-я и 44-я пехотные резервные бригады были переименованы в 46-ю и 47-ю. (Приказ по военному ведомству № 1 от 1 января 1898 г.)

86. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 492. Л. 3

зервных дивизий, а также крепостями Усть-Двинском и Либавой⁸⁷. Главные силы 1-й армии могли быть готовы к наступлению по истечении 17-ти дней, тогда как основная масса войск 2-й армии собиралась к 20-му дню⁸⁸. Вследствие успешного развития железнодорожной сети, Россия по срокам сосредоточения на Северо-Западном фронте уже вплотную приближалась к Германии, продолжая, тем не менее, сильно отставать на Юго-Западном фронте от Австро-Венгрии. В тылу фронта, в районе Вильно, развертывалась резервная 6-я армия в составе Гвардейского, I и XXIV армейских корпусов и двух гвардейских кавалерийских дивизий⁸⁹.

Компактное развертывание 1-й и 2-й армий на Нареве и Бобре вносило коррективы в планы наступательных действий на Северо-Западном фронте. В период подготовки мобилизационного расписания № 18 в штабе Варшавского военного округа было подготовлено «Соображение о наступлении в пределы Германии на Северном фронте»⁹⁰. Выполнение наступательной операции, по мнению авторов записки, было сопряжено с массой трудностей. Наступление правым берегом Вислы приводило к необходимости форсировать сильную оборонительную линию Нижней Вислы. Фронтальное вторжение в Восточную Пруссию со стороны Сувалкской и Ломжинской губерний втягивало русские корпуса на пересеченную местность, где германцы даже с малыми силами могли бы организовать упорное сопротивление. Движение по левому берегу Вислы признавалось рискованным, т. к. сообщения наступающих войск подвергались ударам противника из Восточной Пруссии. Поэтому в штабе округа было решено совместить наступление к Нижней Висле с диверсией на ее левом берегу. Появление сильного отряда в тылу вислинских крепостей, по мысли составителей, должно было заставить германцев очистить Восточную Пруссию и отойти за Вислу.

Наступление с линии Среднего Нарева могло производиться в направлении на Млаву и Торн. Диверсию на левом берегу Вислы составители предполагали возложить на V корпус с 1-й стрелковой бригадой и I кавалерийским корпусом. На остальную кавалерию возлагалась задача произвести рейд в направлении на Шнейдемюле для разрушения железных дорог. Занятие Восточной Пруссии могло быть поручено оставленному в Сувалкской губернии III корпусу 1-й армии, которому надлежало обходить группу Мазурских озер с севера. После занятия Восточной Пруссии, основная масса

87. Там же. Л. 1–2.

88. Там же. Д. 514. Л. 18.

89. Там же. Д. 492. Л. 6 об. XXIV корпус состоял из четырех второочередных дивизий.

90. Там же. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 1095. Л. 93–98. Документ по ряду признаков можно датировать 1900 или 1901 г.

русских войск должна была перейти на левый берег Вислы и развивать наступление прямо на Берлин.

В ходе работ по подготовке мобилизационного расписания № 18 родился план вторжения в Германию, представлявший собой альтернативу предположениям штаба Варшавского военного округа. Автором этого проекта стал командующий войсками Киевского военного округа генерал-адъютант, генерал от инфантерии М. И. Драгомиров, предложивший его весной 1902 г. Один из авторитетнейших военачальников русской армии считал необходимым максимально усилить группировку войск на левом берегу Вислы и подвести к Варшаве всю 6-ю армию для наступления на Берлин через Познань. Однако этот проект не встретил сочувствия Куропаткина⁹¹. Сотрудники штаба Варшавского военного округа, хорошо знавшие театр военных действий, также скептически смотрели на возможность вторжения в Германию через Познанскую провинцию.

Прямым следствием усиления оборонительных тенденций среди высшего военного руководства империи стало прекращение подготовки кавалерийского рейда в пределы Германии. В 1900 и 1901 гг. между руководством Варшавского военного округа и Куропаткиным происходила оживленная переписка по вопросам использования кавалерии в период мобилизации. Куропаткин вполне обоснованно опасался, что активные самостоятельные действия конницы с самого начала кампании могут привести к ее неоправданной гибели. Князь Имеретинский и Пузыревский пытались отстоять разрабатываемые в течение многих лет планы кавалерийского рейда, однако это им не удалось⁹². В отчетных работах штаба округа 1903 г. вместо больших конных масс на вражескую территорию предполагалось высылать только по три «разъезда особого назначения» от каждого кавалерийского полка. Эти разъезды должны были состоять из одного офицера и 19 нижних чинов⁹³. Необходимо отметить, что опасения высшего военного руководства России относительно успеха проведения кавалерийского рейда были вполне оправданными. Развитие второ- и третьелинейных войск Германской империи — ландвера и ландштурма, планомерное укрепление восточно-пруссского театра, введение усовершенствованного стрелкового оружия и артиллерии — все это могло сильно затруднить продвижение в глубь неприятельской территории. Подготовка противника не являлась большим секретом для Главного штаба, т. к. даже в открытой немецкой и австрийской военной печати широко обсуждались меры по борьбе с «татарским набегом» («Tartaren-

91. См.: Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. С. 46–48; Ростунов И. И. Указ. соч. С. 78–80.

92. РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 1095. Л. 1–3.

93. Там же. Д. 608. Л. 7 об.–8.

Ritt») русской конницы⁹⁴. Рассчитывать на внезапность вторжения кавалерии в пределы Германской империи в таких условиях больше не приходилось.

* * *

Дальнейшее развитие плана вторжения в пределы Германии последовало уже после введения мобилизационного расписания № 18. В 1903 г. под руководством нового начальника окружного штаба, генерал-лейтенанта Ф. К. Гершельмана была составлена записка «Операционные направления от Бобра и Нарева вглубь Северного фронта», заменившая записку Пузыревского 1893 г.⁹⁵ Разрабатывая новый план вторжения в Германию, штаб округа вновь убеждался в преимуществах операционного направления через Нижнюю Вислу. По мнению авторов записки, оно больше отвечало первоначальному сосредоточению 1-й и 2-й армий, и при его выборе имелась возможность вести наступательные операции из пределов Варшавского округа в тесной связи с войсками, направляющимися для овладения Восточной Пруссией, что давало основание считать правый фланг фронта надежно обеспеченным⁹⁶. Выбор этого направления позволял обойти озерные группы, и, кроме того, здесь проходило много шоссейных дорог, ведущих в глубь Германии. Наступающей 2-й армии могли быть предоставлены четыре пути: 1) Рожан — Маков — Цеханов — Рационж — Бежунь — Рыпин — Добржин, (170 верст или 180 км); 2) Пултуск — Ново Място — Плонск — Дробин — Серпец — Добржин (или Любич, 50 верст или 160 км); 3) Пултуск — Насельск — Плонск — Бельск — Липно — Копнин — Любич (180 верст или 190 км) и 4) Сероцк — Закрочим — Вышеград — Бодзаново — Плоцк — Добржин — Влоцлавск — Нешава — Любич (200 верст или 210 км). Так как V корпус переводился на правый берег Вислы, для проведения диверсии с целью отвлечь часть сил противника из Восточной Пруссии назначался отдельный корпус, в который должны были входить, по-видимому, войска из состава укрепленного района. Этот отряд мог двигаться с линии Сохачев — Гостынин по пути Коваль — Влоцлавск — Нешава — Служево — Гневково (160 верст или 170 км)⁹⁷.

В записке 1903 г. впервые рассматривалась возможность меридионального наступления с линии Среднего Нарева к Кенигсбергу. Вторжение в этом направлении могло быть проведено с использова-

94. См.: Чего мы можем ожидать от русской конницы? // Сборник военных обзоров Западной России и пограничных областей Австро-Венгрии и Германии. СПб. 1884. Вып. V. С. 14–27; Восточная Пруссия и татарский набег // Там же. С. 28–30.

95. РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 2835. Л. 16–62. Датируется по упоминаемым в тексте документам.

96. Там же. Л. 47–47 об.

97. Там же. Л. 50.

нием следующих путей: 1) Цеханов — Млава — Нейденбург — Хохенштейн — Алленштейн — Вормдитт — Мельзах — Цинтен — Кенигсберг (210 верст или 220 км); 2) Цеханов — Янов — Зимнавада — Алленштейн — Гутштадт — Хейльсберг — Ландсберг — Прейсиш-Эйлау — Крейцбург — Кенигсберг (200 верст или 210 км); 3) Прасныш — Хоржеле — Виленберг — Вартенбург — Зеебург — Хейльсберг — Бартенштейн — Прейсиш-Эйлау — Кенигсберг (190 верст или 200 км) и 4) Остроленка — Мышинец — Ортельсбург — Бишофсбург — Бартенштейн — Домнау — Кенигсберг (190 верст или 200 км)⁹⁸. Направление на Кенигсберг признавалось штабом округа наименее желательным, т. к. оно приводило только к обложению этой крепости, а не к разгрому армии противника. Впервые в записке поднимался вопрос об уязвимости левого фланга и тыла армии, наступающей к Кенигсбергу, перед ударами со стороны германских укреплений на Висле. Главной причиной, заставлявшей штаб округа объявить это направление бесперспективным, стало признание того, что чрезмерная длина операционной линии (190–210 верст или 200–220 км) и удаленность от головных железнодорожных станций Цеханов, Остроленка и Червонный Бор делали снабжение наступающей армии непосильной задачей⁹⁹.

В рассмотренных записках штаба Варшавского военного округа получили логическое развитие планы по вторжению в Германию, разработанные в начале 90-х гг. XIX в. под руководством А. К. Пузыревского. В основу этих планов было положено стремление руководства округа любой ценой избежать втягивания русских войск в бесплодную борьбу в Восточной Пруссии, изобиловавшей естественными препятствиями и фортификационными сооружениями. Разработчики планов вторжения считали наиболее перспективным наступление к Нижней Висле с дальнейшим форсированием реки на участке Торн — Грауденц. Также бросается в глаза, что в штабе округа не уделяли большого внимания координации действий 1-й и 2-й армий. До 1901 г. важным элементом наступательной операции армии Варшавского военного округа считалось крупномасштабное вторжение кавалерийских масс на неприятельскую территорию с целью срыва мобилизации и сосредоточения.

Плану вторжения в Германию через Нижнюю Вислу не суждено было осуществиться на практике. Разрабатываемые в условиях безраздельного господства обручевской стратегии, отдававшей безусловный приоритет сокрушению Дунайской монархии, проекты Варшавского военного округа обрекались на роль «запасных вариантов», вероятность приведения которых в действие была крайне невелика. В пользу этого свидетельствуют документы военных игр и полевых поездов с офицерами Генерального штаба и старши-

98. Там же. Л. 57 об.—58.

99. Там же. Л. 61 об.

ми войсковыми начальниками Варшавского округа, в ходе которых отрабатывались исключительно оборонительные действия. Наиболее наглядным подтверждением тому, что подготовка Варшавского округа в основном была ориентирована на оборону, следует считать стратегическую игру 1902 г.¹⁰⁰ Выводы, полученные в ее ходе, не могли не укрепить уверенность окружного руководства в успешном исходе при столкновении с наступающими германскими войсками.

На этой игре русская армия развертывалась на Нареве в составе V, VI, XV, XVI и Сводного корпусов и четырех кавалерийских дивизий. Ей противостояла германская армия, составленная из II, V, XII, XVII корпусов, двух кавалерийских дивизий и наступавшая из района Торн — Грауденц — Алленштейн. К 12-му дню мобилизации главные силы противника в составе пяти дивизий вышли к Нареву у Рожана, однако русским удалось перебросить к Рожану и Остроленке дополнительные силы. Остановив наступление, командование русской стороны нанесло удар в правый фланг германской армии силами стрелковой бригады и резервной дивизии из состава войск укрепленного района. Это действие решило исход операции в пользу русских. На 13-й день у Рожана, Щелкова и Макова произошло решающее столкновение между главными силами сторон, закончившееся отступлением всех пяти германских дивизий за реку Оржицу. К вечеру 14-го дня игра завершилась полной победой русской стороны. В штабе округа не без удовлетворения отмечали: «В общем выводе надо признать, что самая операция наступления к Нареву, не говоря уже о дальнейшем развитии действий в этом направлении, представляется задачей далеко не легкой и, во всяком случае, непосильной для 4-х германских корпусов»¹⁰¹.

Разработанный в штабе Варшавского военного округа под руководством А. К. Пузыревского план вторжения в пределы Германии, в основу которого было положено наступление к Нижней Висле, продолжал действовать вплоть до начала русско-японской войны 1904–1905 гг. Дальневосточная катастрофа привела к пересмотру основ русского военного планирования и вынудила Генеральный штаб империи отказаться от подготовки к наступательным действиям.

Новые задачи русской стратегии на западной границе, 1906–1909 гг.

Поражение в русско-японской войне стало шоком, потрясшим основы военной организации Российской империи. Войска на западной границе были ослаблены отправкой на Дальний Восток

100. Отчет об этой игре см.: Там же. Д. 1095. Л. 19–26 об.

101. Там же. Л. 26.

не только целых корпусов, но и отдельных артиллерийских бригад и парков. Были израсходованы запасы воинского имущества почти во всех округах. Оставшиеся в Европейской России войска использовались для подавления внутренних беспорядков. Война вскрыла серьезные изъяны в боевой подготовке и организации войск. В Варшавском военном округе также ощутили последствия поражений на Дальнем Востоке. Командование округа, несмотря на важность его стратегического положения, было вынуждено отправить на театр военных действий XIX армейский корпус, 1-ю и 2-ю стрелковые бригады, два стрелковых артиллерийских дивизиона и пять артиллерийских бригад¹⁰². Хаос, в котором оказались вооруженные силы России после окончания войны с Японией, привел к торжеству пессимистических взглядов в Генеральном штабе на исход возможного столкновения с Тройственным союзом.

Изменения в военном планировании после окончания русско-японской войны тесно связывались с институциональными переменами в военном ведомстве России. В 1905 г. был создан независимый от военного министра специальный орган, всецело ответственный подготовку к войне — ГУГШ. Первым начальником Генерального штаба стал генерал-лейтенант Ф. Ф. Палицын, имевший репутацию высокообразованного офицера и специалиста по германской армии. Произошли значительные изменения и в руководстве Варшавского военного округа. Престарелого М. И. Черткова в 1905 г. сменил генерал-адъютант, генерал-лейтенант К. К. Максимович, который смог продержаться на новом посту всего несколько месяцев. За отставкой Максимовича, не сумевшего взять под контроль внутрисполитическую ситуацию в Польше и скрывшегося подальше от волнений на даче под Зегражем, в августе 1905 г. последовало назначение генерал-адъютанта, генерала от кавалерии Г. А. Скалона¹⁰³. Новый командующий войсками не блистал военными талантами, но добросовестно исполнял свои обязанности по управлению Привислинским краем. Он представлял собой типичного командующего округа, чье назначение диктовалось скорее внутрисполитическими соображениями, нежели военными. А. А. Брусиллов, в 1909–1913 гг. служивший в округе, так характеризовал Скалона: «Он был добрый и относительно честный человек, скорее царедворец, чем военный, немец до мозга костей. Соответственны были и все его симпатии. Он считал, что Россия должна быть в неразрывной дружбе с Германией, причем был убежден, что она должна командовать Россией»¹⁰⁴. Другой мемуарист, Ю. Н. Плющевский-Плющик, служивший в должности обер-офице-

102. Квартирное росписание войск, военных учреждений и заведений Варшавского военного округа. К 1 января 1906 года. Варшава, 1906. С. 36.

103. О смещении Максимовича см.: Редигер А. [Ф.] Указ. соч. С. 454–455.

104. Брусиллов А. А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 47.

ра для поручений при штабе Варшавского военного округа в 1909–1910 гг., также критически отзывался о способностях нового командующего войсками: «Скалон, скорее генерал-губернатор; войсками же командовать у него вероятно нет ни времени, ни умения. Великое зло эта двойственность обязанностей»¹⁰⁵.

В первые годы после русско-японской войны начальники штаба округа сменялись дважды. Перешедшего на должность помощника командующего войсками Ф. К. Гершельмана в сентябре 1905 г., сменил генерал-лейтенант А. В. Самсонов. В 1907 г. на его место пришел генерал-лейтенант А. Е. Чурин, пробывший на этом посту два года. Для обоих генералов нахождение на посту начальника штаба Варшавского округа было лишь промежуточной карьерной ступенью на пути к высоким командным должностям¹⁰⁶.

* * *

Кадровые и организационные изменения в военном ведомстве привели к пересмотру задач русской стратегии. Генеральный штаб империи вынужден был признать невозможность организации обороны Передового театра, опираясь на линию Нарева и вислинские крепости. Уже 2 мая 1905 г. начальник Варшавского укрепленного района генерал от инфантерии А. А. Боголюбов представил командующему войсками округа Максимовичу «Записку о несоответствии предположенного состава плацдарменного корпуса с возложенными на него задачами»¹⁰⁷. В ней он обращал внимание на очевидную слабость вислинских крепостей, указывал на плачевное состояние их гарнизонов и войск резервных бригад, недостаточную техническую оснащенность. Боголюбов задавал вопрос, не лучше ли было «совершенно отказаться от стратегической идеи, положенной в основу создания Висло-Варшавского (Наревского) плацдарма и исключить его из стратегической комбинации, либо организовать и крепости, и плацдарменный корпус более соответствующим образом»¹⁰⁸.

14 апреля 1906 г. начальник штаба Варшавского военного округа А. В. Самсонов подал на имя Палицына рапорт, в котором подверг нещадной критике состояние дел в инженерной подготовке Передового театра¹⁰⁹. Генерал считал, что «при современном состоянии крепостей, никакой гарнизон не обратит их в те оплоты — твер-

105. Плющевский-Плющик Ю. Н. Мысли и впечатления (1907–1910) // Военно-исторический вестник. 1963. № 21. С. 8.

106. Самсонов после ухода из окружного штаба стал войсковым наказным атаманом казачьего Войска Донского. Чурин в 1909 г. был назначен командиром XXI армейского корпуса.

107. РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 1185. Л. 7–20 об.

108. Там же. Л. 20 об.

109. Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 87. Л. 1–3.

дыни русского могущества на западной нашей окраине, которыми они по существу дела должны были бы быть»¹¹⁰. По его мнению, укрепленный район со всеми крепостями следовало упразднить, обратив все внимание на усиление Брест-Литовска, Осовца, Гродно и Ковно.

Разочарование в оборонительных свойствах Бобра и Нарева ярко проявилось на военной игре старших войсковых начальников при штабе Варшавского военного округа, проходившей с 14 по 23 марта 1906 г. под руководством Ф. К. Гершельмана¹¹¹. На этой игре разыгрывались действия 2-й германской армии, сосредоточенной на фронте Ортельсбург — Иоганнисбург — Лык, и 4-й русской армии, защищавшей линию Среднего Нарева. Германская армия, в составе I, II и XVII корпусов, 1-й и 2-й кавалерийских дивизий, получила задачу овладеть плацдармом между Ломжей и Визной. Русская армия, в которую входили I, II, III армейские и III кавалерийский корпуса, получила задание сосредоточиться к Верхнему Нареву и занять позиции на пути к Белостоку. В течение всей игры инициатива прочно находилась в руках наступающей стороны. Германская армия перешла на 12-й день мобилизации в наступление и уже на 17-й день форсировала Нарев, преследуя отступающие русские корпуса. В отличие от игры 1902 г., где русской армии удалось остановить и отбросить противника, игра 1906 г. продемонстрировала абсолютное неверие штаба округа в благоприятный исход столкновения с Германией.

* * *

Разуверившись в надежности естественных преград и крепостей Передового театра, военное руководство империи пришло к выводу о необходимости перенести линию сосредоточения армий в глубь страны. 13 июня 1906 г. Палицын приказал 1-му обер-квартирмейстеру ГУГШ генерал-майору М. В. Алексееву подготовить новый план развертывания, сопроводив распоряжение подробными указаниями¹¹². На основании указаний Алексеев и делопроизводитель ГУГШ полковник С. К. Добророльский подготовили и представили 18 сентября на рассмотрение Палицыну доклад под названием «Проект сосредоточения наших армий на западноевропейской границе»¹¹³. Авторы доклада исходили из самого неблагоприятного сценария развития событий, предвидя возможность наступления главных австро-германских сил против России. Алексеев и Добророльский почитали, что в столь тяжелых условиях придется вообще отказаться

110. Там же. Л. 3.

111. Описание этой игры см.: Там же. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 2782. Л. 72–81 об.

112. Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 97. Л. 36 об.

113. Там же. Л. 1–49. Подробный анализ этого документа см.: Ростунов И. И. Указ. соч. С. 88–90.

ся от активных действий¹¹⁴. Предложенный ими проект нового плана развертывания имел явную антигерманскую направленность и был ориентирован исключительно на оборону. Составители доклада подчеркивали временный характер принятия столь осторожного плана войны, предполагая вернуться к планированию более активных действий после восстановления военного могущества России¹¹⁵.

В штабе Варшавского военного округа также пришли к выводу о необходимости радикального изменения плана развертывания. 1 марта 1906 г. А. В. Самсонов предоставил в ГУГШ «Записку по вопросу о сосредоточении на Западном фронте», где также высказывалась мысль о необходимости отодвинуть линию развертывания от границы и ограничиться исключительно оборонительными действиями как против Германии, так и против Австро-Венгрии¹¹⁶.

18 ноября 1906 г. под личным председательством Николая II состоялось совещание по вопросу о стратегическом развертывании на западной границе. Несмотря на возникшую дискуссию, общая идея доклада Алексея и Добrorольского была одобрена. 23 января 1907 г. были утверждены «Руководящие основания» главнокомандующему Северо-Западными армиями и командующему Киевской армией по мобилизационному расписанию № 18 восстановленному¹¹⁷. В состав Северо-Западного фронта по новому плану входили 1-я, 2-я, 3-я, Вислинская (часто обозначалась просто буквой «В») и Центральная (обозначалась буквой «Ц») армии. Против Австро-Венгрии выставлялась отдельная Киевская («К») армия, развертываемая в Дубно-Ровненском и Проскуровском районах. На второстепенных направлениях оставались заслоны — Балтийская («Б») и Бессарабская (Одесская) армии¹¹⁸.

Новый план войны сильно отличался от проекта сосредоточения по мобилизационному расписанию № 18 основному. Развертывание армий носило оборонительный характер, большая часть войск выставлялась против Германии. Войска Виленского округа возвращались на Неман, не оставляя полностью позиции на Бобре. В сосредоточении остальных армий наблюдалась явная тенденция к оттягиванию в глубь страны. Так, 3-я армия Варшавского округа несколько отодвигалась с линии Нарева, что подчеркивало осторожный характер развертывания. Замена сильной армии в Люблин-Холмском районе группой из двух корпусов 3-й армии являлась существеннейшим отличием от плана 1903 г. Войска Московского военного округа вместо Австрийского фронта назначались

114. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 97. Л. 27.

115. Там же. Л. 28 об.-29.

116. Там же. Д. 84. Л. 1-10.

117. Там же. Д. 492. Л. 70-72 об., 78-79 об. В документах ГУГШ это расписание также иногда называется «измененным».

118. Там же. Л. 70-70 об.

в состав Германского, формируя второлинейную Центральную армию. В первоначальном проекте Алексея и Добrorольского высказывалась мысль не оставлять никаких полевых войск в междуречье Вислы и Буга, чтобы выделить как можно больше сил против Германии¹¹⁹. План войны по мобилизационному расписанию № 18 восстановленному производил впечатление стратегического эксперимента ГУГШ, порывавшего с наследием Н. Н. Обручева.

Принятие в 1907 г. пассивно-оборонительного плана войны привело к тому, что ГУГШ и окружные штабы совершенно отказались от подготовки к наступательным действиям. Военные игры, проводившиеся с 1907 по 1909 г., наглядно подтверждают полное доминирование оборонительных тенденций в русском Генеральном штабе. Так, в течение зимы и весны 1906/07 г. в ГУГШ была проведена масштабная военная игра, в ходе которой тестировались основные положения разрабатываемого плана войны и разыгрывались действия трех русских армий по отражению главных сил германской армии в пределы Передового театра. Игра охватывала боевые действия на обширном пространстве от Вильковишек до Белостока¹²⁰.

Зимой 1907/08 г. под руководством 2-го обер-квартирмейстера генерал-майора В. Е. Борисова проводилась игра с офицерами ГУГШ, сценарием которой выбрали оборонительную операцию 1-й русской армии против наступавших в сторону Немана германских войск. В ходе игры были получены неутешительные выводы о готовности русских войск к отражению вторжения противника в этом направлении. Кроме того, по итогам игры обращалось внимание на недостаток мостовых переправ через Неман¹²¹.

На военных играх при штабе Варшавского военного округа также разыгрывались исключительно оборонительные действия. В ходе стратегической игры старших офицеров Генерального штаба округа в 1907 г. рассматривалось столкновение русских армий — Варшавской и Виленской — с наступавшими к Бобру и Нареву главными силами рейхсхеера. В основу задания для военной игры со старшими войсковыми начальниками, готовившейся зимой 1908/09 г. в обстановке острейшего Боснийского кризиса, были положены боевые действия на южном фронте Варшавского округа¹²². В июле 1909 г. в ходе полевой поездки офицеров Генерального штаба округа вновь отрабатывались оборонительные действия русских войск на линии Бобра и Нарева, в районе Ломжи¹²³.

119. Там же. Д. 97. Л. 34.

120. См.: Там же. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 2795; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 440. Л. 62-63, 159-159 об.

121. Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 432, 515.

122. Там же. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 2821. Л. 187-188; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 431. Л. 272-275.

123. См. подробнее: Отчет о двухсторонней полевой поездке офицеров Генерального штаба Варшавского военного округа, произведенной в июле 1909 г.

Военные игры штаба соседнего Виленского округа в 1907–1909 гг. посвящались отработке совместных оборонительных действий 1-й и 2-й армий¹²⁴. Наиболее тяжелая обстановка разбилась в ходе военных игр штаба Московского военного округа, подготовка которого к войне переориентировалась с австро-венгерского направления на германское. На играх 1907 и 1908 гг. отработывались действия армии Московского военного округа на случай, если бы германским войскам удалось занять весь Передовой театр и оттеснить русские армии за Западную Двину и Днепр¹²⁵. В такой сложной ситуации на второлинейную Московскую армию, фактически игравшую роль стратегического резерва, возлагалась задача наступать на правый фланг и сообщения противника, содействуя переходу остальных русских сил в контрнаступление.

В документах стратегических военных игр 1907–1909 гг. нашли отражение пессимистические настроения русского Генерального штаба, господствовавшие после русско-японской войны. По плану 1907 г. не могло быть речи о наступлении не только против основного противника России на западной границе — Австро-Венгрии, но и против Германии. Необходимость отступления в глубь страны с целью выждать прибытия подкреплений из внутренних европейских и периферийных военных округов считалась более чем вероятной. В таких условиях штаб Варшавского военного округа вынужден был оставить планирование вторжения в пределы Германии.

* * *

В процессе дальнейших подготовительных работ по плану 1907 г. обнаруживались его серьезные недостатки, ставшие очевидными для его авторов. Сотрудникам ГУГШ не удалось создать универсальный план развертывания, подходящий для любой обстановки. Один из разработчиков этого проекта В. Е. Борисов представил Палицыну 4 октября 1908 г. доклад, где описал главные пороки плана сосредоточения 1907 г., которые предполагалось исправить в ходе разработки нового мобилизационного расписания № 19. Кроме того, Борисов предложил отнести линию развертывания армий еще дальше от границ России¹²⁶.

Реализация возникших в ГУГШ идей возлагалась уже на новых исполнителей. К началу 1909 г. эксперимент по созданию независимого Генерального штаба признали неудачным, и вскоре последовала его полная реорганизация. В конце 1908 и начале 1909 г.

Варшава, 1909. 117 с.

124. Некоторые материалы игр офицеров Генштаба Виленского округа 1907/08 и 1908/09 гг. см.: РГВИА. Ф. 1956. Оп. 1. Д. 1142; Д. 1158. Л. 86–90; Д. 1764, 1784–1786, 1789; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 440. Л. 119–248 об.

125. Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 423. Л. 37–110; Д. 433. Л. 17–81 об.; Д. 444. Л. 1–19.

126. Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 514. Л. 53–57.

из ГУГШ были убраны все ключевые сотрудники — Ф. Ф. Палицын, Н. В. Дубасов¹²⁷, М. В. Алексеев и В. Е. Борисов. После того как военное ведомство возглавил бывший командующий войсками Киевского военного округа генерал от кавалерии В. А. Сухомлинов, в 1908/09 г. несколько месяцев занимавший пост начальника Генерального штаба, последовало включение ГУГШ в состав министерства.

В феврале 1908 г. полковник 166-го пехотного Ровненского полка Ю. Н. Данилов представил в ГУГШ записку с проектом нового плана сосредоточения¹²⁸. Содержание документа было весьма созвучно идеям руководства Генерального штаба о необходимости отнести линию развертывания дальше от границы. В октябре того же года Данилов был переведен в ГУГШ на должность 1-го обер-квартирмейстера, а уже в июле 1909 г. был назначен генерал-квартирмейстером Генерального штаба, став главным архитектором всей русской военной стратегии вплоть до начала первой мировой войны.

Разработка мобилизационного расписания № 19 (получившего официальное название «мобилизационное расписание 1910 года») была тесно связана с проведением крупных организационных преобразований в русской армии. Ко времени его введения в марте 1910 г. V армейский корпус и 5-я кавалерийская дивизия передислоцировались с левого берега Вислы в Московский военный округ. Из Виленского военного округа в Казанский переводился XVI корпус. Отсутствие V корпуса на западной границе отчасти компенсировалось созданием XXIII корпуса, куда первоначально вошли 2-я пехотная дивизия, 1-я и 2-я стрелковые бригады и 14-я кавалерийская дивизия. Следующим важным мероприятием стала ликвидация крепостей Передового театра. 10 февраля 1909 г. военный министр генерал от инфантерии А. Ф. Редигер представил Николаю II доклад под названием «О состоянии крепостей западного фронта», в котором предполагалось упразднить крепости Варшаву, Новогеоргиевск, Зегрж, Ивангород, а также укрепленные пункты на Нареве — Пултуск, Рожан, Остроленку и Ломжу¹²⁹. Предполагалось оставить крепости Брест-Литовск, Гродно, Ковно и Осовец. Впоследствии от ликвидации Новогеоргиевска было решено отказаться под влиянием настойчивых требований штаба Варшавского военного округа. Упразднение крепостей производилось одновременно с ликвидацией крепостной пехоты, представленной

127. Генерал-квартирмейстер ГУГШ в 1906–1909 гг.

128. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 158. Л. 1–5 об. Брюс Меннинг относит эту записку к концу года. В действительности подлинник документа датирован 20 февраля 1908 г. (См.: Меннинг Б. Фрагменты одной загадки: Ю. Н. Данилов и М. В. Алексеев в русском военном планировании в период, предшествующий Первой мировой войне // Последняя война императорской России. Сборник статей под редакцией О. Р. Айрапетова. М., 2002. С. 74–75, 90.)

129. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8481. Л. 47–52.

в Варшавском округе 27 батальонами. Военное министерство провело также реорганизацию резервных войск. Резервные бригады — их число к концу 1909 г. достигло 21 — подлежали расформированию. Вместо них вводилась система «скрытых кадров», позаимствованная в Германии. Упразднение крепостных и резервных войск позволило сформировать новые XXIV и XXV корпуса в Московском и Казанском военных округах, а также III Кавказский корпус¹³⁰. В результате этих мероприятий состав войск Варшавского военного округа сокращался с 251 батальона пехоты, 218 эскадронов и сотен, 101 батареи полевой артиллерии до 160 батальонов, 182 эскадронов и сотен и 86 батарей¹³¹.

Еще одним важным фактором, повлиявшим на появление новой стратегической концепции ГУГШ, стала переоценка мобилизационных возможностей германской армии. В 1908 г. были пересмотрены традиционные для конца XIX в. предположения о том, что на каждый полевой корпус будет приходиться одна резервная дивизия. Летом и осенью 1908 г. в части 2-го обер-квартирмейстера проводилось кропотливое изучение статистических данных по учету запасных чинов германской армии, по результатам которого в ГУГШ пришли к заключению, что каждый корпус будет в состоянии выставить по две резервные дивизии и дивизию ландвера. Ошибочные выводы ГУГШ подкреплялись сведениями из «Записки о распределении германских вооруженных сил в случае войны» — откровенно фальшивого документа, подброшенного германской контрразведкой русскому военному агенту в Берлине полковнику А. А. Михельсону с целью дезинформации военного руководства России¹³². По новым предположениям считалось, что в случае войны Германия сформирует 52 резервные дивизии, доведя численность сухопутной армии до 102 пехотных дивизий. В действительности, к 1910 г. Прусский Большой Генеральный штаб планировал развернуть в случае войны всего лишь 22 резервные дивизии. В августе 1914 г. мобилизованная германская армия располагала 79 пехотными дивизиями, из которых 29 являлись резервными¹³³.

130. О реорганизации русской армии перед первой мировой войной см.: Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. С. 105–121; Bruce W. Menning. *Op. cit.* P. 221–227.

131. Квартирное расписание войск, военных учреждений и заведений Варшавского военного округа. К 1 января 1910 года. Варшава, 1910. С. 45; Квартирное расписание войск, военных учреждений и заведений Варшавского военного округа. К 1 января 1912 года. Варшава, 1911. С. 32.

132. См.: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 573. Л. 4–5 об.; Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М., 1998. Кн. 2. С. 274–277, 350–351; Звонарев К. К. Агентурная разведка: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. М., 2003. Кн. 1. С. 137.

133. Ludwig R. Collenberg, von. *Die Deutsche Armee von 1871 bis 1914*. Berlin, 1922. P. 76, 114.

Завышенная оценка мобилизационных возможностей германской армии привела к тому, что новое мобилизационное расписание № 19 оказалось насквозь пропитано духом пессимизма и было совершенно лишено каких-либо намеков на подготовку к наступательным действиям. Русское военное планирование окончательно порывало с традициями, заложенными Н. Н. Обручевым в конце XIX в. По новому плану сосредоточения, одобренному Николаем II 26 июня 1910 г., левый берег Вислы полностью очищался от полевых войск. Прибывающие из Московского и Казанского военных округов корпуса сводились в 4-ю и 5-ю армии, их развертывание должно было осуществляться во второй линии — в районах Свеняны — Вильно — Молодечно и Лида — Волковыск — Барановичи соответственно. В остальном, изменения были минимальны по сравнению с предыдущим планом сосредоточения, несколько видоизмененном в 1909 г.¹³⁴

В 1906–1909 гг. русский Генеральный штаб расстался со многими иллюзиями предшествующего периода, усомнившись в возможности наступательных действий на западной границе. Планирование операции вторжения в Германию прекратилось, а штаб Варшавского военного округа был вынужден сосредоточить основное внимание на подготовке к оборонительным действиям на границе с Восточной Пруссией.

Рождение замысла концентрического наступления 1-й и 2-й армий в Восточную Пруссию, 1910–1911 гг.

План развертывания по мобилизационному расписанию 1910 г. вызвал серьезные возражения со стороны окружных штабов. Наиболее последовательная критика в адрес ГУГШ исходила из штаба Варшавского округа, вернувшего утраченные позиции в военной организации империи. Возрождение самостоятельной роли округа в подготовке к войне было связано именем генерал-лейтенанта Николая Алексеевича Ключева, возглавлявшего окружной штаб с 1909 по 1913 г. Назначение Ключева примечательно тем, что впервые на эту ответственной должность выдвигался человек, всю жизнь прослуживший в пределах Варшавского военного округа, хорошо знавший вероятного противника и восточно-пруссский театр военных действий. Современники отмечали стремительный служебный рост генерала, происходившего из неаристократической дворянской семьи. Известный военный писатель русской эмиграции генерал А. Н. Розеншильд-Паулин писал о нем: «Ген [ерал] Ключев, как известно, сделал блестящую военную карьеру, которой мог бы по-

134. Подробнее см.: Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. С. 211–227.

завидовать любой самый талантливый генерал. Откомандовав полком, он был назначен на одну из самых серьезных и ответственных должностей в нашей армии — начальника штаба Варшавского военного округа. Вскоре затем в числе трех наиболее выдающихся начальников окружных штабов, не командовавших дивизиями, был назначен командиром корпуса на Кавказе [...] Такое выдающееся движение генерала Ключева невольно привлекает к нему внимание и поэтому все касающееся его службы вызывает общий интерес»¹³⁵.

С 1891 и по 1904 г. Ключев служил в должности офицера Генерального штаба при управлении 43-й (С 1898 г. — 46-й) пехотной резервной бригады Варшавского укрепленного района, т. е. на наиболее важном северном фронте округа, обращенном против Германии. Во время службы в Варшаве, где в 90-е гг. XIX в. находились управления резервных бригад, он имел возможность приобрести хороший опыт штабной работы под руководством А. К. Пузыревского, а также изучить вероятного противника и театр военных действий. В архивных документах имеются сведения об участии Ключева в ежегодных военных играх при штабе округа с 1896 по 1899 г.¹³⁶ Единственным обстоятельством, портившим безупречный послужной список генерала, возглавившего 4 февраля 1909 г. штаб Варшавского военного округа, стало отсутствие боевого опыта¹³⁷.

В качестве начальника штаба округа, Ключев фактически взял в свои руки всю подготовку к войне с Германией. Причиной тому явилась продолжавшаяся с конца XIX в. традиция, по которой командующие войсками округа, совмещавшие этот пост с генерал-губернаторским, назначались по внутривнутриполитическим, а не по военным соображениям. Во время пребывания Ключева на посту начальника штаба округ с 1905 г. возглавлял Г. А. Скалон. Должность помощника командующего с 1905 по 1912 г. занимал Ф. К. Гершельман. Его, в свою очередь, сменил командир XIV армейского корпуса генерал от кавалерии А. А. Брусилов, который не пользовался большим авторитетом в военных кругах, зато находился в фаворе у великого князя Николая Николаевича-младшего, обеспечившего своему протезе успешное продвижение по карьерной лестнице¹³⁸.

135. А. [Н.] Р [озеншильд] -П [аулин]. Причины неудач II армии генерала Самсонова в Восточной Пруссии в августе 1914 г. (по записке генерала Ключева) // Военный сборник Общества ревнителей военных знаний. Белград, 1923. Кн. 4. С. 154. Речь, видимо, идет о генерал-лейтенантах М. В. Алексееве и бароне А. Ф. фон-ден-Бринкене.

136. См. РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 2584. Л. 40; Д. 2587. Л. 32 об.; Д. 2606. Л. 7; Д. 2611. Л. 19.

137. Список генералам по старшинству. Составлен по 15-е апреля 1914 года. СПб., 1914. С. 255; Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е июня 1914 года (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г.). Пг., 1914. С. 85.

138. Дрейер В. Н., фон. На закате империи. Мадрид, 1965. С. 102–103.

Брусилову не удалось найти общий язык со Скалоном и Ключевым, и он был вынужден перевестись в Киевский военный округ¹³⁹. В 1913 г. его сменил командир XXIII армейского корпуса генерал от кавалерии барон Е. А. Рауш фон Траубенберг.

При Ключеве работа штаба Варшавского округа снова поднялась на должную высоту. Советский маршал Б. М. Шапошников, бывший перед первой мировой войной старшим адъютантом штаба 14-й кавалерийской дивизии, в своих воспоминаниях отзывался о штабе округа как о самом передовом в русской армии: «И если неполностью возродились времена, когда начальником штаба Варшавского округа был известный в истории Генерального штаба генерал Пузыревский, то, во всяком случае, военная мысль больше работала в Варшаве, нежели в казенном Петербурге. Офицеры Генерального штаба в Варшавском военном округе жили сплоченной семьей. Этому способствовало наличие единственного в армии особого собрания офицеров Генерального штаба, где происходили доклады, военные игры, товарищеские ужины и обеды. Здесь генерал по-дружески говорил с капитаном и обменивался взглядами по военным вопросам»¹⁴⁰.

На посту начальника штаба Варшавского военного округа Ключев заслужил высокую репутацию. Но вместе с известностью способнейшего генштабиста за ним закрепилось реноме карьериста и слишком самоуверенного человека. Брусилов так характеризовал его: «Начальником штаба был [...] генерал Николай Алексеевич Ключев. Очень умный, знающий, но желавший сделать свою личную карьеру, которую ставил выше интересов России»¹⁴¹. Ближайшим помощником Ключева в решении оперативных вопросов был окружной генерал-квартирмейстер, генерал-майор П. И. Постовский. Занимавший эту должность с 1908 г., он пользовался дурной репутацией и носил прозвище «сумасшедший мулла», полученное им за неуравновешенный темперамент¹⁴². Одной из ключевых фигур в штабе округа был старший адъютант разведывательного отделения полковник Н. С. Батюшин. Благодаря работе его агентуры Ключев располагал точными данными для принятия решений в процессе подготовки оперативных планов.

* * *

Когда в ГУГШ начали разработку мобилизационного расписания № 19, носящего ярко выраженную оборонительную направленность, первым, кто выступил против, был Ключев. В ходе перепис-

139. Там же. С. 109.

140. Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. 2-е изд., доп. М., 1982. С. 203.

141. Брусилов А. А. Указ соч. С. 48.

142. Шапошников Б. М. Указ. соч. С. 202., Alfred Knox. With the Russian Army. 1914–1917. London, 1922. Vol. 1. P. 69.

ки с ГУГШ генерал выдвинул предложение отказаться от оборонительного образа действий и начать готовиться к наступлению против Германии. 23 января 1910 г. Ключев представил в ГУГШ «Соображения о наступательных действиях из района 2-й армии при войне с Германией и Австрией»¹⁴³. В этой записке генерал безоговорочно отдавал предпочтение Германии в качестве объекта для наступления, мотивируя свой выбор далеко идущими стратегическими соображениями. Он считал, что сосредоточить против австро-венгерских войск превосходящие силы на южном фронте Варшавского округа невозможно, а XIV и XIX корпуса, в мирное время располагавшиеся в этом районе, подвергались угрозе удара со стороны германских войск из Восточной Пруссии. По мнению Ключева, выбор германского направления давал возможность выставить достаточные силы для нанесения противнику гарантированного поражения. Кроме того, разгром германской восточной армии мог подорвать моральный дух австрийцев и существенно снизить их способность к сопротивлению. Ключев приходил к выводу: «[...] Даже частный успех над непобедимой в глазах Европы германской армией может отразиться и на армии австро-венгерской [...] Нам нужна победа в начале кампании, а для этого нужно обеспечить себе численное превосходство, которого мы, в благоприятном случае, можем достигнуть против германцев, но не против австрийцев»¹⁴⁴.

Далее Ключев переходил к детальной разработке плана наступления. В качестве рубежа, с которого 2-й армия могла вторгаться в Восточную Пруссию, генерал называл линию Ломжа — Пултуск. С целью обеспечения наступления в пределы Германии, он настаивал на усилении войск на южном фланге Варшавского округа, куда предлагал перевезти из района Барановичей V и XXV корпуса 5-й армии и развернуть их в районе Люблин — Холм — Ковель. В случае необходимости Ключев считал возможным усилить эти войска еще одним или двумя корпусами. Остальные силы второлнейных 4-й и 5-й армий предполагалось использовать против Германии, развернув их на линии Остроленка — Цеханов¹⁴⁵. Основной задачей в начале кампании генерал считал овладение Восточной Пруссией: «Полагаю, что первую целью должно быть поставлено: нанесение поражения германским корпусам, сосредоточенным в Восточной Пруссии и занятие ее. Если это удастся, выгода получится огромная: более j германских сил будет разбито; весьма необходимое для нас расширение района действий достигнуто; правый фланг обеспечивается; связь I-й и II-й армий полная; нравствен-

143. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1790. Л. 49–57 об., 59–59 об. Впервые на этот документ обратил внимание Брюс Меннинг, однако подробно его не проанализировал. См.: Меннинг Б. Указ. соч. С. 79.

144. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1790. Л. 49 об.–50.

145. Там же. Л. 52 об.

ное впечатление на весь мир огромное; успех отразится немедленно на французском театре войны и на действиях австрийцев и поднимет дух в нашей армии»¹⁴⁶. Перед корпусами 2-й армии могла быть поставлена задача выйти в тыл германских войск, действующих в Восточной Пруссии, и отрезать их от Вислы. Центральная группа 2-й армии в составе XIII и XV корпусов и 3-й гвардейской пехотной дивизии должна была наступать на линию Йоганнисбург — Ортельсбург. На левом фланге в направлении на Едвабно и Хохенштейн могли двигаться XVII и Гренадерский корпуса 5-й армии. XVI и XXIV корпуса 4-й армии следовали бы во второй линии наступающих войск. Для связи с 1-й армией Ключев предлагал использовать VI корпус, направляемый на Лык и Бяллу. Большая роль отводилась координации совместных действий 1-й и 2-й армий. Требования начальника штаба Варшавского округа вести обе армии в бой с таким расчетом, чтобы не дать противнику возможности разбить их по отдельности, уже в 1910 г. звучали пророчески: «Дабы не дать возможности противнику разбить по частям обе армии, казалось бы, следовало принять за основание общего плана их действий: уклонение от решительного боя с превосходными силами в ожидании результата наступления в это время другой армии в тыл противнику. Когда обе армии войдут в ближайшее соприкосновение, успех операции можно считать обеспеченным»¹⁴⁷.

В случае нанесения главного удара по Австро-Венгрии Ключев решил развернуть в Люблин-Холмском районе XIV корпус 2-й армии, а также шесть корпусов 4-й и 5-й армий. В этом случае достигалось равенство сил с австрийцами, которые, по мнению генерала, могли наступать 6–7 корпусами в междуречье Вислы и Буга. Не рассчитывая добиться численного превосходства над противником, Ключев считал нецелесообразным развивать наступательные действия из пределов Варшавского военного округа. Вместо наступления из Передового театра, он намеревался нанести по австро-венгерским войскам сильный удар 3-й армией из пределов Киевского военного округа¹⁴⁸.

Таким образом, в записке Ключева закладывались основы новой концепции наступательной операции против Германии, существенно отличавшейся от планов штаба Варшавского военного округа конца XIX — начала XX в. Генерал предложил концентрическую операцию вторжения в Восточную Пруссию двух армий, действующих по сходящимся направлениям в обход Мазурских озер. Наступление 2-й армии должно было осуществляться на широком фронте в 120–130 верст (130–140 км) от Лыка до Хохенштейна и Едвабно, тогда как по предположениям Пузыревского армия Варшав-

146. Там же. Л. 53.

147. Там же. Л. 55.

148. Там же. Л. 55 об.–56 об.

ского округа должна была наступать на фронт Торн — Грауденц протяженностью всего в 25 верст (примерно 25 км). Выбор столь широкого фронта наступления вызывался необходимостью глубокого охвата правого фланга обороняющихся в Восточной Пруссии германских войск. Обращает на себя внимание стремление Ключева использовать на левом крыле 2-й армии корпуса Московского и Казанского военных округов из состава 4-й и 5-й армий. Кроме того, в записке 1910 г. отразились взгляды генерала на проблему подготовки вооруженного столкновения с коалицией Германии и Австро-Венгрии на всей западной границе. Идеям Ключева суждено было лечь в основу введенного двумя годами позже плана развертывания, известного как вариант «Г» мобилизационного расписания № 19 измененного.

* * *

В 1911 г. штаб Варшавского военного округа добился согласия ГУГШ на изменение сосредоточения северной группы 2-й армии в соответствии с идеями Ключева. 9 марта военный министр Сухоминов санкционировал передачу из 5-й армии во 2-ю XVII армейского корпуса, который должен был высаживаться в Замброве, в тылу главных сил армии. Впоследствии в состав 2-й армии передали и Гренадерский корпус. С этой целью в ГУГШ разработали дополнительные планы перевозки двух корпусов к Остроленке и Малкину. По новому плану действий армии, получившей наступательные задачи, на ее правом фланге должна была наступать на фронт Лык — Иоганнбург группа из VI и XV корпусов и 3-й гвардейской пехотной дивизии. На левом фланге XIII, XVII и Гренадерский корпуса двигались бы на фронт Ортельсбург — Сольдау¹⁴⁹.

Предложения Ключева учитывались при подготовке стратегической военной игры командующих военными округами в Петербурге, запланированной на декабрь 1910 г. и сорванной по вине великого князя Николая Николаевича-младшего. Ее материалы наглядно показывают влияние идей Ключева на русское военное планирование.¹⁵⁰ В течение игры 2-я армия усиливалась Гренадерским и XVII корпусами, а V и XXV корпуса перевозились в Ковель и Холм, где вместе с XIV и XIX корпусами Варшавского округа образовывали новую 5-ю армию. Такое развертывание войск Московского военного округа вполне соответствовало идеям Ключева. XVI и XXIV корпуса Казанского округа по-прежнему предназначались для усиления правого фланга 1-й армии¹⁵¹.

149. Там же. Д. 1803. Л. 5–5 об.

150. Там же. Д. 1982. Л. 79 об.

151. Там же. Л. 50 об.–51. Фактически развертывание русских армий приобрело форму, совпадавшую с вариантом «Г» мобилизационного расписания 1912 г.

Предложения, изложенные в записке Ключева в 1910 г., сыграли важную роль в поступательном движении русской стратегии к концепции одновременного наступления на обоих фронтах, реализованной в начале первой мировой войны. Период времени с середины 1910 и до начала 1912 г. проходил под знаком согласия между руководством ГУГШ и Ключевым, влияние которого в Генеральном штабе в это время достигло наивысшей точки. Единственным серьезным расхождением во взглядах Петербурга и Варшавы на задачи русской стратегии было то, что в ГУГШ продолжали рассматривать план 1910 г. как сугубо оборонительный, тогда как Ключев настаивал на более активных действиях. Благодаря проекту генерала русская стратегическая мысль выводилась из области «расплывчатых мечтаний о будущем наступлении — „смотря по обстоятельствам“, в русло конкретных стратегических мыслей»¹⁵².

Стратегические военные игры при штабе Варшавского округа 1910 и 1911 гг.

Пользуясь поддержкой со стороны руководства Генерального штаба, Ключев получил возможность проводить в округе планомерную подготовку к вторжению в Восточную Пруссию. Так, при окружном штабе в 1910 и 1911 гг. проходили две большие стратегические военные игры со старшими войсковыми начальниками¹⁵³.

Первая игра проводилась с 21 по 26 февраля 1910 г.¹⁵⁴ В задании, разработанном Ключевым, предполагалось, что Германия, обозначенная как «синяя сторона», выставит в Восточной Пруссии две армии. 1-я армия, развернутая в районе Ангербурга и Инстербурга в составе двух корпусов, выделялась для действий против русской Неманской армии, тогда как против Наревской армии Варшавского военного округа выставлялась 2-я армия в составе V и XVII армейских корпусов¹⁵⁵. Русская («красная») сторона выставляла против Германии две армии: Виленскую, развернутую на линии Немана и Бобра, и Варшавскую, выдвинутую на фронт Ломжа — Остроленка — Рожан — Маков. На Варшавскую армию, состоящую из V, XIV и XV армейских корпусов, возлагалась задача действовать операциям Виленской армии, действия которой не ра-

152. Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. С. 243.

153. Подробные описания этих игр см.: Разбор военной игры старших пехотных начальников, введённой в феврале 1910 года при штабе Варшавского военного округа // РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 2821. Л. 197–204; Отчет о военной игре старших войсковых начальников Варшавского военного округа в 1911 г. // Там же. Д. 172. 22 л.

154. Там же. Д. 1715. Л. 23–23 об.

155. Там же. Д. 2821. Л. 86.

зыгрывались¹⁵⁶. Руководителем игры был помощник командующего войсками Ф. К. Гершельман. Клюев и Постовский вошли в штаб руководства. Русскую армию возглавил командир XIV армейского корпуса генерал-лейтенант А. А. Брусилов, а германскую — командир VI армейского корпуса генерал-лейтенант К. М. Алексеев¹⁵⁷.

Командование германской стороны решило выдвинуть армию поближе к границе и сосредоточить ее в районе Хохенштейн — Нейденбург — Вилленберг — Ортельсбург, а затем ударом V корпуса смять левый фланг Варшавской русской армии¹⁵⁸.

Командующий русской стороной принял рискованный план — наступать широким фронтом с линии Нарева, намереваясь охватить правый фланг неприятельской армии, но уже в ходе игры Брусилов изменил основную идею своего замысла¹⁵⁹. Он подвел свои войска к фронту Нейденбург — Вилленберг — Ортельсбург, где заняла оборону германская армия, и, направив две дивизии в обход левого фланга противника, поставил его в критическое положение. Оппонент Брусилова к этому моменту был вынужден ввести в бой у Вилленберга весь свой резерв — парировать обход своего левого фланга было уже нечем. Разбирая игру, руководство во главе с Гершельманом и Клюевым пришло к выводу, что причиной неудачи германской стороны был не отвечающий обстановке план действий. Командующему германской армией следовало, опираясь левым флангом на систему укреплений Мазурских озер, обороняться малыми силами, а большую часть войск использовать для контратак¹⁶⁰.

В ходе следующей большой военной игры, проводившейся с 20 по 29 января 1911 г., наиболее четко проявились взгляды Клюева на наступательную операцию в Восточной Пруссии к западу от Мазурских озер. На игру пригласили высших начальствующих лиц Варшавского округа¹⁶¹. Клюев и Постовский снова вошли в штаб руководителя игры — им, как и прежде, стал Ф. К. Гершельман. Командующим германской («красной») стороной был назначен командир XXIII армейского корпуса генерал-лейтенант Е. А. Рауш фон Траубенберг, а командующим русской («синей») стороной — новый командир VI армейского корпуса генерал-лейтенант Л. А. Шванк. На игре присутствовал генерал-майор К. К. Байов, окружной генерал-квартирмейстер соседнего Виленского военного округа¹⁶².

156. Там же. Л. 98.

157. Там же. Л. 83–84.

158. Там же. Л. 198–198 об.

159. Там же. Л. 199.

160. Там же. Л. 198 об.

161. Там же. Д. 172. Л. 1; Д. 2808. Л. 10–11 об.

162. Там же. Д. 2808. Л. 167.

По заданию Германия направила основные силы против Франции, оставив в Восточной Пруссии армию в составе трех армейских корпусов. Против войск Виленского военного округа выделялся I армейский корпус, его действия не разыгрывались. Против Варшавского округа оборонялись XVII и XX корпуса со 2-й и 8-й кавалерийскими дивизиями, отошедшие в глубь провинции. На помощь войскам, действующим в Восточной Пруссии, из Познани и Силезии по железной дороге перевозились V и VI армейские корпуса. VI корпус направлялся из Иноврацлава на усиление XVII и XX корпусов. Им ставилась задача «нанести решительное поражение наступающей Наревской армии»¹⁶³.

Русская Наревская армия в составе V, XV, XVI и XXIII армейских корпусов, 5-й и 15-й кавалерийских дивизий развернулась на Нареве, по линии Остроленка — Пултуск — Новогеоргиевск. На Немане сосредоточилась мнимая (ее действия не разыгрывались) армия Виленского округа. Наревской армии было приказано наступать на линию Руджаны — Остероде с целью помочь операциям Неманской армии против войск, действующих к северу от Ангербурга¹⁶⁴. Для связи между армиями в район Лыка отправлялся VI армейский корпус.

Командующий Наревской армией решил нанести удар в левый фланг армии противника — это давало возможность отрезать друг от друга обе группы германских войск¹⁶⁵. Его противник решил обороняться на фронте силами XVII и XX корпусов, нанося главный удар в тыл и фланг русской армии прибывающим VI армейским корпусом¹⁶⁶.

Операция обеих армий продлилась три маневренных дня. Командующий германской армией решил выдвинуть XVII и XX корпуса с линии Алленштейн — Хохенштейн — Остероде — Дейч-Эйлау, что привело к раннему втягиванию главных сил в решающее сражение. Уже на второй день XVI русский корпус, шедший от Рожана, вступил в районе Едвабно в бой с частями германского XX корпуса. XV русский корпус, наступавший со стороны Остроленки, уничтожил у Ортельсбурга мнимую ландверную бригаду и стал угрожать обходом левому флангу германских войск. V русский корпус, выступив из Пултуска, беспрепятственно занял Нейденбург, а вышедший из Новогеоргиевска XXIII корпус достиг Млавы. На 3-й день германский XX корпус под натиском превосходящих русских сил начал отход со своих позиций. В этот же день произошло столкновение между V русским корпусом, занимавшим позиции западнее Нейденбурга, и германским XVII корпусом.

163. Там же. Л. 16.

164. Там же. Л. 13 об.

165. Там же. Д. 172. Л. 3 об.–4.

166. Там же. Л. 3 об.

В боях на левом фланге русской армии успех сопутствовал противнику. Высаженный в Страсбурге VI германский корпус на третий день подошел к позициям, занимаемым русским XXIII корпусом между Млавой и Сольдау. В тот же день германская 8-я кавалерийская дивизия, отбросив русскую 5-ю кавалерийскую дивизию, вышла в тыл XXIII корпусу, захватив все его артиллерийские парки¹⁶⁷. После этого игра была прекращена.

Подводя итоги, Клюев отмечал, что командующий германской стороной принял правильный план действий — удар в левый фланг Наревской армии VI корпусом отбрасывал ее тыл на Мазурские озера. Но исполнение плана оказалось не на высоте — поспешное выдвижение XVII и XX корпусов навстречу противнику привело к тому, что решительное столкновение с русской армией началось задолго до прибытия войск из Силезии. Что касается русской стороны, то Клюев подверг резкой критике план ее командующего. По мнению генерала, тот выбрал неверный способ действий, атакуя левый фланг противника — это не могло привести к разгрому германской армии. Предположения командующего Наревской армией не отвечали плану концентрической операции наступления в Восточную Пруссию, разработанному штабом Варшавского военного округа. Клюев рассчитывал ударом в правый фланг армии противника отрезать ее от Вислы и выйти в тыл германским войскам, действовавшим к северу от Мазурских озер. Такой образ действий мог привести к окружению германских корпусов западнее линии озер. Обращает на себя внимание то, что в составе Наревской армии числились V и XVI корпуса Московского и Казанского военных округов. Их использование в ходе игры свидетельствует в пользу того, что Клюев придавал большое значение участию в наступлении 2-й армии войск Московского военного округа, которые должны были развить активные действия на левом фланге¹⁶⁸.

В результате ошибочных решений командующего действия Наревской армии приобрели поразительное сходство с движением 2-й армии в глубь Восточной Пруссии в августе 1914. Командующий русской стороной направил армию в северо-западном направлении, а не в северном, на чем настаивал Клюев. Начальник штаба Варшавского военного округа признал это решение неверным, справедливо полагая, что оно не позволяет достичь главной цели — отсечь противника от переправ на Висле и, в конечном итоге, уничтожить его армию.

Следующим важным выводом, полученным в ходе игры, стало

167. Там же. Л. 12 об.

168. Присутствие в боевом расписании Наревской армии V и XVI корпусов вместо XVII и Гренадерского объясняется желанием сохранить в секрете детали действительного плана развертывания. Подобная практика была общепринятой при проведении военных игр и полевых поездок.

провидческое заключение об уязвимости левого фланга наступающих войск. Обратив внимание на ахиллесову пяту в плане развертывания армии Варшавского округа заставили действия VI германского корпуса, которому удалось создать угрозу левофланговому корпусу синей стороны. Двигавшийся уступом позади главных сил XXIII корпус попадал в положение, в каком оказался I корпус 2-й армии в августе 1914 г. Неизвестно, как в дальнейшем сложилась бы игра, если бы розыгрыш действий продолжался. К сожалению, при проведении военных игр в русской армии не практиковалось их доведение до полного разгрома одной из сторон. Считалось, что игры созданы для того, чтобы «развить умение целесообразно управлять войсками, а не определять, кто одержал успех или выиграл игру»¹⁶⁹. Остановка игры в тот момент, когда VI германский корпус атаковал XXIII русский, возможно, помешала более серьезно взглянуть на проблему уязвимости левого фланга Наревской армии.

В отличие от штаба Варшавского военного округа в ГУГШ и соседнем Виленском округе продолжали готовиться исключительно к оборонительным действиям. С 23 июня по 1 июля 1911 г. под руководством начальника Генерального штаба генерала от кавалерии Я. Г. Жилинского провели большую полевую поездку офицеров Генштаба, в ходе которой разыгрывались действия на Северо-Западном фронте¹⁷⁰. К участию в этой поездке были привлечены 16 генералов и 41 офицер Генерального штаба Варшавского, Виленского, Московского военных округов, а также ГУГШ¹⁷¹. Русской («синей») стороной командовал Клюев, а германской («красной») — начальник штаба Виленского военного округа генерал-лейтенант А. Б. Преженцов. Поездка посвящалась отработке оборонительных действий русских войск против наступающих в направлении на Гродно и Белосток германских корпусов. В основу сценария военной игры офицеров Генштаба Виленского военного округа, проводившейся зимой 1910/1911 г., также были положены оборонительные действия русских войск на линии Немана¹⁷².

«Опасные компромиссы» русского военного планирования 1912 г.

В начале 1912 г. произошел очередной радикальный пересмотр военных планов империи. Руководство ГУГШ намеревалось разра-

169. Наставление для офицерских занятий. СПб., 1909. С. 36.

170. К сожалению, никаких отчетных документов, относящихся к этой поездке, обнаружить не удалось. Разрозненные материалы см.: РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 2835. Л. 1–2, 64–67; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1984, 1985, 2432.

171. Там же. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 2835. Л. 1 об.–2.

172. Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2433. Л. 4–14.

ботать новый проект развертывания, основываясь на идеях Ключева, но в последний момент направление стратегической мысли русского Генерального штаба резко изменилось в сторону наступления против Австро-Венгрии. Главным вдохновителем восстановления приоритета галицийского направления стал начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М. В. Алексеев.

11 марта 1910 г., за два года до новой ревизии плана войны сотрудник мобилизационного отдела ГУГШ полковник Н. Н. Стогов представил 1-му обер-квартирмейстеру генерал-майору Н. А. Обручеву записку «О сосредоточении войск на случай войны на западе», где он использовал многие идеи январского проекта Ключева¹⁷³. Стогов предложил разработать три варианта плана войны: «красный» (Германия направляет большую часть своих сил против России; Австро-Венгрия в союзе с Германией), «синий» (Германия выставляет против России до 25 пехотных и до трех кавалерийских дивизий; Австро-Венгрия в союзе с Германией) и «зеленый» (единоборство России с Австро-Венгрией). Наиболее вероятным представлялся «синий» случай.

В основу «синего» варианта Стогов положил одновременное наступление в Восточной Пруссии и в Восточной Галиции. На Германском фронте он предлагал развернуть четыре армии, на которые возлагалось проведение концентрического наступления в Восточную Пруссию. Из Риго-Шавельского района на Тильзит, Кенигсберг и Инстербург должна была наступать Балтийская армия в составе XVIII и XX корпусов. С линии Немана на Гумбиннен, Лык, далее на Инстербург и Летцен предписывалось двигаться Виленской армии, составленной из I, II, III, IV и Гвардейского корпусов. На Бобре и Нареве до Остроленки включительно должна была обороняться Белостокская армия в составе VI, XIII и XV корпусов и 3-й гвардейской пехотной дивизии. На левом фланге фронта, в районе Рожан — Новогеоргиевск — Варшава, предполагалось развернуть Варшавскую армию из V, XVII, XXIII и Гренадерского корпусов. Эта армия предназначалась для наступления на линию Ортельсбург — Сольдау — Торн — Калиш. Из приведенного распределения войск по армиям видно, что Стогов, следуя предложениям Ключева, также планировал использовать корпуса Московского военного округа на левом фланге Германского фронта для вторжения в Восточную Пруссию¹⁷⁴.

Против Австро-Венгрии полковник Стогов решил развернуть три армии и Дубно-Ровненский отдельный корпус. Вторжение в пределы Австро-Венгрии Стогов считал необходимым осуществ-

вить силами армии, наступающей из пределов Киевского военного округа. По проекту Стогова, она должна была двигаться в направлении на Тарнополь — Чертков и далее на Львов. Предположения для действий на Австрийском фронте перекликались с убеждениями Ключева в необходимости активных действий именно со стороны Киевского военного округа. Существенным отличием от проекта начальника штаба Варшавского округа стало решение Стогова увеличить количество корпусов в Люблин-Холмском районе с четырех до шести. Кроме армий, включенных в состав фронтов, предполагалось развертывание Петербургской и Бессарабской армий на второстепенных театрах¹⁷⁵.

Генерал-майор Обручев согласился с предложениями Стогова и оставил на документе следующую резолюцию: «Посчитал вопрос, затронутый в докладе, чрезвычайно важным, а мысли, приведенные в докладе, заслуживающими большего внимания — предоставление на усмотрение генерал-квартирмейстера»¹⁷⁶. Однако их реализация была отсрочена на два года.

В начале 1912 г. Данилов вновь обратился к записке Стогова. Судя по делопроизводственным пометам на документе, генерал-квартирмейстер забрал ее у автора 4 января 1912 г.¹⁷⁷ К намеченному на февраль совещанию с начальниками окружных штабов Данилов подготовил доклад «Об основаниях для разработки новых подготовительных соображений к войне на западном фронте» и 30 января представил его Жилинскому¹⁷⁸. Изучивший документ Брюс Меннинг справедливо указывал на его явную антигерманскую направленность. В дополнение к выводам, сделанным американским историком, необходимо отметить, что в этом докладе были аккумулированы основные идеи записок Ключева и Стогова 1910 г.

Исследование предложений Данилова, изложенных им в докладе, осложняется из-за большого количества исправлений, внесенных Жилинским в текст документа. В целом, распределение войск на западной границе по проекту Данилова не отличалось от предположений Ключева и Стогова. Данилов предлагал сосредоточить на Северо-Западном фронте 1-ю, 2-ю и 3-ю армии. 1-я армия в составе I, III, IV и XX корпусов развертывалась к 20-му дню мобилизации на Немане с целью наступать в обход Мазурских озер с севера. 2-я армия, составленная из II и VI корпусов, собиралась на Бобре на 10–11-й день, готовясь перейти в наступление на фронт Ангербург — Инстребург. На Нареве к 20-му дню должна была сосредоточиться 3-я армия в составе XIII, XV, XVII, XX-III и Гренадерского корпусов. На нее возлагалась задача обходить

173. Там же. Д. 1821. Л. 313–325, 330–333. В июле 1910 г. Стогов был переведен на должность делопроизводителя (т. е. руководителя) оперативного делопроизводства части 1-го обер-квартирмейстера ГУГШ.

174. Там же. Л. 319, 324.

175. Там же. Л. 318, 325.

176. Там же. Л. 330.

177. Там же.

178. Там же. Д. 1813. Л. 5а-16.

Мазурские озера с запада. На южном фронте Варшавского военного округа Данилов предполагал развернуть одну 4-ю армию в составе V, XIV, XIX, XXV армейских корпусов, оттянутых в районе Брест — Кобрин¹⁷⁹. 5-я и 6-я армии Киевского военного округа развертывались на широком фронте между Дубно и Проскуровым. XVI и XXIV корпуса Казанского военного округа, появление которых на театре военных действий ожидалось к 42-му дню, Данилов предполагал включить в состав 9-й армии. Эти корпуса предлагалось отправить не на правый фланг 1-й армии, как планировалось по мобилизационному расписанию 1910 г., а высадить в районе Малкин-Седлец, на левом фланге 3-й армии¹⁸⁰. В случае избрания главным объектом для наступления Австро-Венгрии, Данилов считал целесообразным оставить против Германии 6–7 корпусов, отправив большую часть войск из состава армий Северо-Западного фронта в Люблин-Холмский район¹⁸¹.

При анализе проекта Данилова и записок Ключева и Стогова 1910 г. обнаруживается влияние идей Ключева на русское военное планирование в период, предшествовавший началу работ по составлению мобилизационного расписания 1912 г. Лучше всего это проиллюстрирует сопоставление числа корпусов, предназначенных к развертыванию на различных направлениях (табл. 1).

* * *

Состоявшееся во второй половине февраля 1912 г. совещание начальников окружных штабов ознаменовалось торжеством антиавстрийских тенденций в Генеральном штабе. 17 февраля Алексеев предложил радикальную ревизию плана развертывания, изложенную в записке «Общий план действий»¹⁸². Он предлагал отказаться от наступательных действий против Германии и обратить большую часть всех сил империи против Австро-Венгрии. В ходе совещания начальников штабов и последующей работы комиссии окружных генерал-квартирмейстеров под председательством П. И. Постовского родился, по образному выражению Брюса Меннинга, «опасный стратегический компромисс» между предложениями Данилова и Алексеева. Основным планом развертывания был признан план «А», предполагавший одновременное наступление против Германии и Австро-Венгрии. План «Г» представлял собой искаженный проект Ключева, настойчиво продвигавшийся им с 1910 г. В связи с этим правильнее говорить о том, что мобилизационное расписание 1912 г. явилось компромиссом между идеями Ключева и Алексеева. В ходе

179. Там же. Л. 10 об.—11 об.

180. Там же. Л. 12.

181. Там же. Л. 14.

182. Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. С. 236–237.

ТАБЛИЦА 1. Распределение корпусов по проектам развертывания 1910–1912 гг.*

	1910 г.			1912 г.		
	Моб. расписание	Проект Ключева	Проект Стогова «Синий случай»	Проект Данилова	Моб. расписание План «А»** План «Г»**	
Риго-Шавельский район и линия Немана	5	5	7	5	4	6
Северный фронт Варшавского военного округа	4	8	7	9	5	7
Люблин-Холмский район	2	4	6	4	8	4
Фронт Киевского военного округа	8	8	6,5***	8	8	8
Район Свенцяны–Вильна–Лида–Волковыск	6	—	—	—	—	—
Побережье Финского залива и Бессарабия	3	3	1,5***	2	3	3

* Составлено по: РГВИА. Ф. 2000. Д. 1790. Л. 49–57 об., 59–59 об; Д. 1813. Л. 5а–16; Д. 1821. Л. 313–325, 330–333; Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. С. 213–222, 258–265.

** Измененный вариант плана развертывания от 20 декабря 1912 г.

*** 14-я и 15-я дивизии VIII корпуса были поделены между Бессарабской армией и Дубно-Ровненским отдельным корпусом.

возникшей дискуссии по вопросу развертывания на западной границе Данилову, изначально склонявшемуся к точке зрения Ключева, пришлось лавировать между двумя полюсами стратегической мысли русского Генерального штаба — Варшавой и Киевом.

Возвращение к планированию активных наступательных действий в 1912 г. объясняется положительными результатами реформ в русской армии, значительно повысивших ее боеспособность. Кроме того, продолжалось совершенствование железнодорожной сети, позволявшее надеяться на сокращение сроков мобилизации и сосредоточения. С 1900 по 1912 г. общая протяженность железных дорог империи увеличилась с 49 740 верст 456 саженьей (53 064 км) до 61 276 верст 421 сажени (65 370 км)¹⁸³. Важнейшим со-

183. Железные дороги Европейской и Азиатской России... С. 83, 89. В расчетах не учитывались железные дороги Финляндии.

бытием в развитии стратегических путей сообщения стало введение в строй в 1907 г. двухколейной магистрали Полоцк — Волковыск (линии Бологое — Волковыск Николаевской железной дороги), пропускная способность которой достигала 33 пар воинских поездов в сутки¹⁸⁴. Эта линия предназначалась для перевозки войск к западной границе из Московского военного округа. Армии Северо-Западного фронта теперь обслуживались двумя мощными магистралями Двинск — Белосток (линия С.-Петербург — Варшава Северо-Западных железных дорог, провозоспособность 30 поездов в сутки) и Полоцк — Волковыск. Для нужд Северо-Западного и Юго-Западного фронтов могли служить магистрали Смоленск — Брест (Московско-Брестская железная дорога, провозоспособность 33 поезда в сутки) и Брянск — Брест (линия Брест — Жабинка — Брянск Полесских железных дорог, 16 поездов в сутки). Они соединяли Московский военный округ с Передовым театром. Остальные четыре магистрали, имевшиеся в Европейской России (Киев — Сарны, Киев — Казатин, Жмеринка — Волочиск и Раздельная — Бендеры), проходили южнее Полесья и предназначались для сосредоточения войск на Юго-Западном фронте и в Бессарабии¹⁸⁵.

Сильное влияние на перемены в русском военном планировании оказывало давление со стороны Франции. В ходе возобновившихся с 1906 г. ежегодных совещаний начальников Генеральных штабов двух стран французская сторона неуклонно настаивала на активных действиях русской армии против Германии. На совещании в августе 1911 г. начальник русского Генерального штаба Я. Г. Жилинский обязался сосредоточить на германской границе обещанные по русско-французской конвенции 800 тыс. человек к 15-му дню мобилизации и немедленно начать наступление во вражеские пределы¹⁸⁶.

В 1910—1911 г. русская разведка смогла добыть ряд секретных германских документов, позволявших пересмотреть явно завышенные оценки численности армии противника и взглянуть с большим оптимизмом на исход возможного столкновения на западной границе. Наиболее ценным приобретением явился сверхсекретный сборник данных по организации германской армии — «Карманный справочник офицера Генерального штаба» («Taschenbuch des Generalstabs-Offiziers»). «Красный осел» («der rote Esel»), как называли его германские генштабисты из-за цвета обложки, был приобретен в июле 1910 г. агентурой разведывательного отделения штаба

184. Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог... С. 74.

185. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1796. Л. 203.

186. Зайончковский А. М. Подготовка России к мировой войне в международном отношении. С. 117—123, 234—236.

Варшавского военного округа за 10 тыс. марок¹⁸⁷. Кроме того, разведка Варшавского округа смогла заполучить отчет о военной игре Прусского Большого Генерального штаба, проведенной в 1905 г.¹⁸⁸ Этот отчет давал представление о германских планах по отражению русского вторжения в Восточную Пруссию, в основу которых были положены активные действия против флангов наступающих армий. Кроме того, в отчете содержалось точное указание числа резервных формирований рейхсхеера. На игре 1905 г. в составе германской армии значилось 29 резервных дивизий¹⁸⁹. Используя данные этого отчета, «Карманного справочника офицера Генерального штаба», а также сведения из двух других приобретенных разведкой документов — «Отчета о Кенигсбергской крепостной поездке офицеров Генерального штаба, проходившей в 1908 г.» и «Ведомости формирования XVII армейского корпуса», руководитель германского делопроизводства ГУГШ полковник В. Е. Скалон подготовил записку под названием «Некоторые данные о развертывании германской армии на основании негласных данных»¹⁹⁰. В этом документе число резервных формирований сухопутных вооруженных сил Германии считалось равным 30 дивизиям¹⁹¹.

Переоценка численности германской армии военного времени позволила пересмотреть вероятные планы действий противника. Если в конце XIX — начале XX в. предположения о возможных планах Германии сводились только к двум случаям, то в ходе подготовки мобилизационного расписания 1912 г. стал рассматриваться третий вариант вероятных действий противника. В ГУГШ пришли к заключению, что необходимость выделить против Франции достаточное количество войск вынудит Германию оставить в Восточной Пруссии только три полевых корпуса при десяти резервных дивизиях. Эти выводы русского Генштаба подтверждались данными записки Генерального штаба Франции 1911 г. о мобилизации и стратегическом развертывании австро-германских армий¹⁹².

* * *

Комиссия генерал-квартирмейстеров под председательством Постовского выработала проект сосредоточения, основные положения которого зафиксированы в протоколе совещания от 22 февраля 1912 г. По новому плану предполагалось иметь два варианта

187. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 659. Л. 6.

188. Отчет о веденной в ноябре и декабре 1905 г. Начальником Прусского Генерального Штаба военной игре. Варшава, 1910 г. 21 с.

189. Там же. С. [IV.]

190. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2523. Л. 1—7. Записка датирована 23 февраля 1911 г.

191. Там же. Л. 6.

192. Там же. Д. 2524. Л. 2 об.

развертывания — «А» и «Г». По первому варианту на Северо-Западном фронте намечалось развернуть 1-ю и 2-ю армию, а на Юго-Западном — 3-ю, 4-ю и 5-ю. В 1-ю армию, развертываемую на Немане, назначались Гвардейский, I, III и IV корпуса. Во 2-ю армию, собираемую на Нареве, входили II, VI, XV и XVII корпуса, а также 3-я гвардейская пехотная дивизия. 2-я пехотная дивизия и 1-я стрелковая бригада из XXIII корпуса поступали в гарнизон Новогеоргиевска¹⁹³. На армии фронта возлагалась задача произвести концентрическое вторжение в Восточную Пруссию. Армии Юго-Западного фронта развертывались в двух группах: 4-я и 5-я армии занимали Люблин-Холмский район, а 3-я выдвигалась к западным рубежам Киевского военного округа. По варианту «Г» 4-я армия перебрасывалась на Северо-Западный фронт, в Риго-Шавельский район, а 2-я армия усиливалась Гренадерским и XIII корпусами.

В марте начальники штабов западных военных округов вновь были вызваны в Петербург для обсуждения проекта «Высочайших указаний командующим войсками на случай войны с державами Тройственного союза»¹⁹⁴. По итогам ознакомления с этим документом 15 и 16 марта Ключев представил в ГУГШ два доклада, где изложил свое отношение к новому плану сосредоточения. Доклад от 15 марта был посвящен общим вопросам развертывания русских армий на западной границе, тогда как доклад «О взаимодействии 1-й и 2-й армий» от 16 марта касался только действий на Северо-Западном фронте¹⁹⁵.

В докладе от 15 марта Ключев высказал мысль о необходимости сосредоточения 4-й армии на левом фланге 2-й армии при варианте «Г», что могло быть выполнено простым отсечением маршрутов основного плана перевозок и высадкой корпусов в районе Черемха — Седлец — Брест — Луков. Необходимость перенаправления 4-й армии он объяснял тем, что ее сосредоточение в Варшавском военном округе лучше отвечало главной задаче, поставленной перед Северо-Западным фронтом — наступлению в Восточную Пруссию в обход Мазурских озер с запада. Такое развертывание 4-й армии позволяло, кроме всего прочего, безболезненно осуществить переход в случае необходимости от одного плана сосредоточения к другому. Проанализировав эти предложения, Н. Н. Головин ошибочно приписал Ключеву желание подготовить третий проект разверты-

вания¹⁹⁶. На мой взгляд, речь в докладе Ключева шла не о третьем плане сосредоточения, а о редакции варианта «Г», предложенной начальником штаба Варшавского военного округа в качестве альтернативы мартовскому проекту «Высочайших указаний».

Впервые в этом докладе Ключев поднимает вопрос о возможности передачи одного-двух корпусов 1-й армии на Юго-Западный фронт. Принципиальное значение имело предложение генерала изменить сосредоточение 2-й армии по варианту «А» и указать в качестве линии развертывания район между Гродно и Ломжей вместо участка Нарева между Остроленкой и Пултуском, что скорее отвечало интересам обороны. Стремление придать сосредоточению 2-й армии более оборонительный характер указывает на начинающееся расхождение между штабом Варшавского военного округа и ГУГШ по вопросу планирования операций на Северо-Западном фронте¹⁹⁷.

Как будущий начальник штаба Северо-Западного фронта, Ключев был обязан представить свои соображения о совместных действиях армий фронта. В докладе «О взаимодействии 1-й и 2-й армий» генерал подверг анализу возможные оперативные комбинации на восточно-прусской границе. В случае оставления противником сильной армии в 5–7 корпусов, Ключев намеревался ограничиться в начале кампании обороной против наступающих германских войск. После успеха оборонительной операции предполагался переход в наступление. В случае выделения противником для обороны трех корпусов, начальник штаба Варшавского округа рассчитывал перейти в наступление сразу же по окончании сосредоточения.

С особенной настойчивостью Ключев обращал внимание в докладе от 16 марта на необходимость синхронного движения армий фронта. По его мнению, 1-я армия должна была перейти в наступление на 19-й день мобилизации, а 2-я — на 21-й, после прибытия XVII корпуса в Остроленку и замены полевых частей в гарнизонах крепостей вторичными. Ключев рассчитывал добиться выхода 1-й армии к Мазурским озерам и к линии Ангербург — Инстербург на 26–27-й день. Целью действий 2-й армии генерал считал подход ее корпусов к линии Иоганнисбург — Ортльсбург — Сольдау к 24–25-му дню¹⁹⁸.

Документы, подготовленные Ключевым в период разработки мобилизационного расписания 1912 г., показывают, что начальник штаба Варшавского округа поддержал идею перенести центр тяжести всей подготовки к войне на Юго-Западный фронт. Серьезные возражения со стороны генерала вызвало решение ГУГШ развернуть по варианту «Г» 4-ю армию в Риго-Шавельском районе.

193. См.: Там же. Ф. 1859. 1. Д. 1354. Л. 8 об.; Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. С. 239–240.

194. Этот проект см.: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1803. Л. 174–181 об.

195. Доклад от 15 марта 1912 г. см.: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1803. Л. 140–143 об. Доклад от 16 марта см.: Там же. Л. 315–317. Опубликованный вариант последнего доклада см.: Восточно-Прусская операция. Сборник документов... С. 37–39.

196. Головин Н. Н. Указ. соч. С. 57.

197. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1803. Л. 142.

198. Восточно-Прусская операция. Сборник документов... С. 39.

Подготовка отчетных работ по мобилизационному расписанию 1912 г. в штабе Варшавского военного округа.

После окончания мартовского совещания начальников штабов в ГУГШ подготовили окончательный вариант «Высочайших указаний командующим войсками на случай войны с державами Тройственного союза», утверждение которых состоялось 1 мая 1912 г.¹⁹⁹ Основным изменением, внесенным в мартовский проект развертывания, стало включение в составе 2-й армии при варианте «А» XIII армейского корпуса вместо запаздывавшего XVII корпуса²⁰⁰. Развертывание 2-й армии переносилось с линии Нарева в район Гродно — Белосток — Ломжа. По варианту «А» в 1-ю армию Северо-Западного фронта назначались Гвардейский, I, III и IV армейские корпуса, 53-я, 54-я, 56-я, 57-я, 68-я, 72-я, 73-я второочередные пехотные дивизии, 1-я и 2-я гвардейские, 1-я, 2-я, 3-я армейские кавалерийские дивизии, 5-я стрелковая бригада. Главные силы армии развертывались на среднем Немане, между Ковной и Друскениками к 20-му дню, а второочередные части — к 36-му. 2-я армия должна была состоять из II, VI, XIII, XV и XXIII корпусов, 59-й, 76-й, 77-й, 79-й второочередных пехотных дивизий, 4-й, 5-й, 6-й и 15-й кавалерийских дивизий, 1-й стрелковой бригады. Районом сосредоточения армии назначался треугольник Гродно — Белосток — Ломжа. Готовность полевых войск ожидалась на 19-й день. Второочередные дивизии могли прибывать вплоть до 40-го дня. На армии фронта возлагалась задача разбить германские войска, оставленные в Восточной Пруссии, и овладеть этой провинцией с целью занятия выгодного положения для дальнейшего наступления в глубь Германии²⁰¹. Сосредоточение армий на Юго-Западном фронте полностью совпадало с мартовским проектом²⁰². По варианту «Г» Северо-Западный фронт усиливался 4-й армией, развертываемой в районе Рига — Либава — Вильно — Ковно. В состав 2-й армии дополнительно включались XVII и Гренадерский корпуса, 4-я Донская казачья дивизия, с 12-го по 27-й день прибывающие в Остроленку и Малкин²⁰³.

После официального утверждения нового плана войны в штабах военных округов началась детальная разработка предположений о действиях фронтов и армий. В июне 1912 г. в ГУГШ определили график подготовки отчетных работ окружными штабами. К 15 ав-

густа штабы Варшавского и Киевского военных округов должны были подготовить общие предположения о действиях фронтов и разработать вопросы об устройстве тыла. Для согласования вопросов как оперативного, так и тылового характера, предполагалось организовать в Варшаве и Киеве два совещания, их проведение намечалось на осень или зиму. К середине февраля 1913 г. намечалось проведение в Петербурге итогового съезда начальников штабов всех европейских военных округов по подготовке к войне. Окончание всех работ по мобилизационному расписанию № 19 измененному ожидалось к 1 марта 1913 года²⁰⁴.

Выполняя указания ГУГШ по разработке планов действия против Германии, 21 августа 1912 г. Ключев представил в ГУГШ «Оперативные соображения о действиях группы армий Северо-Западного фронта»²⁰⁵. На первый взгляд, в них не содержалось ничего нового по сравнению с докладами Ключева от 15 и 16 марта. Однако за полгода стратегическая мысль начальника штаба Варшавского округа претерпела значительные изменения. Взгляды Ключева на задачи русской армии в случае войны на западном фронте начинают расходиться с позицией руководства ГУГШ. Сомнения в целесообразности проведения наступательной операции в Восточной Пруссии отныне становятся определяющими в деятельности генерала по подготовке к войне.

В докладе от 21 августа Ключев вновь настоятельно рекомендовал внести изменение в план «Г» и подготовить развертывание корпусов 4-й армии вблизи от района сосредоточения 2-й армии. В том случае, если бы действия противника заставили привести в исполнение вариант «Г», вторжение в Восточную Пруссию могло быть осуществлено только после успешной оборонительной операции, что делало заблаговременную подготовку планов наступления нецелесообразной. «Наступление армий Северо-Западного фронта в пределы Восточной Пруссии, при плане Г., будет следствием столкновения их с германскими армиями в пределах России. Поэтому направление наступления каждой из армий и разграничение районов их действий будет зависеть от исхода этого столкновения», — считал Ключев²⁰⁶.

Соображения Ключева на случай «А» представляли собой дальнейшее развитие идей генерала, изложенных им в докладе от 16 марта. Начальник штаба Варшавского военного округа уделил основное внимание вопросу координации действий армий Северо-Западного фронта против германской восточной армии, которая

199. Подлинник этого документа с резолюцией Николая II см.: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2236. Л. 2–7 Об.

200. Там же. Д. 1803. Л. 77, 88.

201. Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. С. 257–259.

202. Там же. С. 259–261.

203. Там же. С. 262–264.

204. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1965. Л. 170–172.

205. Там же. Д. 1803. Л. 193–200. Этот документ был частично опубликован 10-м (военно-историческим) отделом Генштаба РККА, см.: Восточно-Прусская операция. Сборник документов... С. 29–33.

206. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1803. Л. 199 об. — 200.

могла состоять из трех корпусов с небольшим числом резервных дивизий. Если в докладе от 16 марта Клюев высказывался неопределенно относительно цели согласования действий 1-й и 2-й армий, то в августе он убеждал руководство ГУГШ в том, что «наступление должно быть рассчитано таким образом, чтобы обе армии вошли в столкновение с противником одновременно»²⁰⁷. Предположения Клюева о совместных действиях армий фронта строились на том, что германские войска будут встречать русских к северу от Мазурских озер на линии Ангербург — Инстербург, а к югу от озерной группы — на самой границе. Исходя из того, что от Немана до линии Ангербург — Инстербург было примерно 120–150 верст (130–160 км), а от Остроленки до Ортельсбурга — всего 50 верст (примерно 50 км), генерал считал, что 2-я армия должна выступать от линии Остроленка — Цеханов на 3–4 дня позже, нежели 1-я армия. Для связи между армиями и действий против фронта Мазурских озер планировалось выделить II корпус.

Кроме осторожного подхода к проблеме вторжения в Восточную Пруссию, Клюев продемонстрировал в этом докладе сдержанное отношение к русской наступательной стратегии на всем восточно-европейском театре, предложив отказаться от активных действий на германской границе и перебросить три корпуса из состава 2-й армии на Юго-Западный фронт. Справедливо считая галицийский театр главным, он хотел отправить на Юго-Западный фронт как можно больше сил и «бить австрийцев решительно, широким фронтом, не нагромождая массы в глубину»²⁰⁸. Клюев не видел смысла вторгаться в Восточную Пруссию, не рассчитывая добиться там решительной победы над противником: «Нормально девять корпусов 1-й и 2-й армий, очевидно, должны отбросить три германских корпуса в Восточной Пруссии за Вислу, но сколько времени потребуется на это — сказать трудно; во всяком случае, немало. Затем 1-я и 2-я армии упрутся в Вислу, сплошь сильно укрепленную крепостями, опорными пунктами и батареями тяжелой артиллерии. Таким образом, три корпуса германских надолго прикуют к себе девять корпусов русских, причем они еще могут уклониться от поражения, — комбинация для нас чрезвычайно невыгодная»²⁰⁹. Генерал даже допускал мысль о том, чтобы вообще отказаться от развертывания на территории Варшавского военного округа.

Представив в ГУГШ доклад, основные положения которого расходились с утвержденным планом войны, Клюев зарекомендовал себя как противник рискованной идеи проведения одновременных наступательных операций против Германии и Австро-Венгрии. Новые идеи начальника штаба Варшавского военного окру-

207. Восточно-Прусская операция. Сборник документов... С. 30.

208. Там же.

209. Там же.

га от 21 августа 1912 г. были встречены в Петербурге более чем прохладно²¹⁰.

Противоречия во взглядах на возможность проведения наступательной операции на Северо-Западном фронте, возникшие между Клюевым и руководством ГУГШ, не могли не привести к катастрофическим результатам на полях сражений в Восточной Пруссии в августе 1914 г. Причина конфликта между Варшавой и Петербургом заключалась в различной интерпретации двух вариантов плана войны. «Высочайшие указания командующим войсками на случай войны с державами Тройственного союза» не давали четких инструкций, в каком случае следовало применять один или другой вариант развертывания. В них только указывалось, что вариант «А» предназначался для направления большей части русских сил против Австро-Венгрии, а вариант «Г» был рассчитан для выделения основной массы войск против Германии. Генерал Клюев считал, что развертывание по варианту «А» было возможно в случае оставления Германией на востоке только трех корпусов. Вариант «Г» предназначался для действий против германской армии силой от 5 до 7 корпусов. Сценарий, по которому России пришлось бы иметь дело с главными силами рейхсхеера, не рассматривался ни штабом Варшавского военного округа, ни ГУГШ. В случае осуществления варианта «А», Клюев не видел смысла в наступлении против трех германских корпусов. Он справедливо считал, что даже успешные действия против незначительного заслона не смогут повлиять на стратегическую обстановку на всем фронте. Оставление противником более значительных сил могло оправдать наступление в Восточной Пруссии. Ключом к пониманию замыслов Клюева служит процитированный выше фрагмент его записки 1910 г., где речь заходит о возможных последствиях разгрома 5–7 германских корпусов в Восточной Пруссии. По мнению генерала, уничтожение такого значительного количества войск (5–7 корпусов составляли примерно 1/3 всех сухопутных сил Германии, состоявших в 1899–1912 гг. из 23 армейских корпусов) имело бы далеко идущие последствия не только на восточноевропейском театре — оно могло значительно облегчить положение Франции. Вторжение в Восточную Пруссию было, по мнению Клюева, возможно только при варианте «Г», обеспечивающем численное превосходство русских армий. Клюев считал силы Северо-Западного фронта по варианту «А» явно недостаточными для наступления против сильной по составу германской армии. Не следует забывать, что упразднение крепостной пехоты заставляло начальника штаба Варшавского военного округа назначить в гарнизон Новогеоргиевска 2-ю пехотную дивизию и 1-ю стрелковую бригаду, что еще больше ослабляло 2-ю армию.

210. См.: Там же. С. 34–37.

Важную роль в планах генерала отводилась корпусам Московского военного округа — они должны были использоваться на левом фланге 2-й армии. Необходимость усилить левый фланг наступающих войск также объясняет настойчивое стремление Клюева добиться перенесения района сосредоточения 4-й армии.

В ГУГШ более оптимистично смотрели на способность русской армии к наступлению, поэтому вариант «А» рассматривался как универсальный план действий, годящийся для удара по германской армии любого состава. На мой взгляд, разработку варианта «Г» следует расценивать как фальшивое проявление вежливости со стороны ГУГШ по отношению к Клюеву, или, пользуясь терминологией Головина, как «оперативную отписку» в его адрес.

Несмотря на то, что разработка варианта «Г» была начата по инициативе Клюева еще в 1910 г., два года спустя генерал смог признать приоритетность австрийского направления. Но, в отличие от ГУГШ, он не считал возможным проведение одновременных наступательных операций на двух стратегических направлениях. Клюев взвешенно оценивал боевую готовность русской армии, что привело его к заключению о необходимости перейти к обороне на Северо-Западном фронте, если в действие будет введен вариант «А».

Военная игра со старшими офицерами Генерального штаба округа, проведенная в феврале 1912 г., подтверждает разочарование Клюева в идее наступления в Восточную Пруссию. Эта игра посвящалась отработке действий русской Наревской армии по отражению наступления войск противника из Восточной Пруссии²¹¹.

Еще одним серьезным расхождением во взглядах Клюева и ГУГШ на планирование операций на Северо-Западном фронте была различная оценка предполагаемого сосредоточения германских войск. В ГУГШ склонялись к мысли, что три корпуса противника соберутся за линией Мазурских озер в одной компактной группе, действуя по внутренним операционным линиям против наступающих русских армий. В штабе же Варшавского военного округа думали, что германские войска развернутся в двух группах. Ожидалось, что меньшая часть войск будет сосредоточена между Мазурскими озерами и Кенигсбергом, тогда как большая группа, обращенная против наиболее опасной 2-й армии, развернется к западу от линии озер²¹². Это заставило Клюева готовиться к наступлению в Восточную Пруссию с таким расчетом, чтобы 1-я и 2-я армии одновременно вступили в соприкосновение с вражескими войсками. Поэтому начальник штаба Варшавского округа настаивал на координации совместных действий армий фрон-

211. РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 173. Л. 20–22.

212. В августе 1914 г. германская 8-я армия была развернута в двух группах, как и предполагал Клюев. Но три корпуса из четырех были сосредоточены не на наревском, а на неманском направлении.

ТАБЛИЦА 2. Накопление войск и парков 2-й армии по мобилизационному расписанию 1912 г. по дням мобилизации*

	Баталь- оны	Эска- дроны и сотни	Легкие артилле- рийские орудия	Гаубицы и тяжелые артиллерий- ские орудия	Легкие артилле- рийские парки	Мортирные и тяжелые артиллерий- ские парки
К 15-му дню	128	112	505	84	24	12
» 20 » »	140	131	552	84	30	13
» 41 » »	192**	155***	696	96	42	13

* Составлено по: Ведомость постепенного накопления полевых войск II-ой армии // РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 762. Л. 92–106. В расчет не принимались войска 2-й пехотной дивизии, 1-й стрелковой бригады, а также четырех пехотных полков VI и XV корпусов, предназначавшиеся для гарнизонной службы — всего 40 батальонов, 1 эскадрон и 48 орудий.

** Составители документа вследствие арифметической ошибки считали число батальонов на 41-й день мобилизации равным 196.

*** У А. М. Зайончковского приводится другая итоговая численность кавалерии — 145 S эскадрона. См.: Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. С. 258.

та — его главной целью было сокрушение корпусов противника, а не «схоластическое» продвижение от одного географического объекта к другому²¹³.

Сильно различались представления ГУГШ и штаба Варшавского военного округа о сроках перехода в наступление на Северо-Западном фронте. Руководство ГУГШ, над которым довели союзнические обязательства пред Францией, считало необходимым готовиться к вторжению в Восточную Пруссию уже на 15-й день мобилизации. Клюев предполагал бросить 1-ю и 2-ю армии в наступление только после сосредоточения всех их полевых войск — на 18-й и 20-й дни соответственно. В действительности, армии фронта могли выступить раньше сбора всех первоочередных частей. Так, основная масса полевой пехоты 2-й армии прибывала в район сосредоточения с 7-й по 13-й день, а с 18-го дня начинали высаживаться первые эшелоны второочередных дивизий, использование которых в поле не планировалось. Большая часть кавалерии могла быть готова в течение двух суток. Единственным первоочередным соединением, использование которого в операциях с 15-го дня было под вопросом, являлся XIII корпус, парковые бригады которого прибывали только на 16-й и 19-й дни. На 14-й день выгружалась полевая хлебопекарня корпуса, а на 16-й день ожидалось прибытие корпусного транспорта. Лучше всего степень боевой готовности 2-й армии проиллюстрирует табл. 2.

213. Керсновский А. А. История русской армии: В 4 т. М., 1994. Т. 3. С. 200.

Война на Балканах, начавшаяся в сентябре 1912 г., заставила военное руководство империи отказаться от проведения двух отдельных совещаний по Северо-Западному и Юго-Западному фронтам. Вместо этого было решено созвать один общий съезд в Петербурге. Совещание начальников окружных штабов, где обсуждались вопросы почти исключительно тылового характера, состоялось 6 и 7 ноября 1912 г.²¹⁴. После его окончания состоялись два особых совещания по каждому фронту в отдельности. В ходе обсуждения вопросов по Северо-Западному фронту, в котором принимали участие Ключев и начальник штаба Виленского военного округа генерал-лейтенант А. Б. Преженцов, затрагивались некоторые проблемы оперативного характера²¹⁵.

После завершения всех необходимых консультаций в штабе Варшавского военного округа были подготовлены отчетные работы по оперативной части 2-й армии по вариантам «А» и «Г», представленные Ключевым в ГУГШ 27 марта 1913 г.²¹⁶ Несмотря на разочарование Ключева в идее проведения наступательной операции в Восточной Пруссии, штаб округа разработал детальный план вторжения на неприятельскую территорию. Повторяя выводы, изложенные в докладе от 21 августа 1912 г., Ключев ставил основной задачей перед армиями фронта одновременную атаку вражеских группировок в Восточной Пруссии к северу и к западу от Мазурских озер. Начало выдвижения с линии Немана 1-й армии, уступавшей в готовности 2-й, могло произойти на 16-й день. Выступление 2-й армии должно было последовать на второй день после начала движения 1-й армии. 1-я армия могла подойти к границе, к линии Сувалки — Вильковишки — на 18–19-й день, а 2-я армия должна подойти к Бобру и Нареву, на участок Августов — Осовец — Ломжа — Остроленка, к 20-му дню²¹⁷. По расчетам генерала, вследствие согласованного движения должен достигался одновременный выход обеих армий к позициям германских войск на 23–24-й день²¹⁸.

По плану, разработанному Ключевым, II корпус двигался от Августова на линию Арис-Иоганнисбург. VI корпус получал задачу наступать из района Едвабно — Визна — Ломжа к Руджанам. XV корпус следовал от Остроленки на Ортельсбург. Подвизившийся из-под Смоленска XIII корпус Московского военного округа перед началом активных действий перебрасывался по железной до-

роге из Белостока в Пасеку и далее в Рожан, где включался в первую линию армии. От Рожана корпусу предписывалось наступать по направлению к Виленбергу. Так как Ключев вынужденно обошелся без двух корпусов Московского округа, которые по планам штаба округа 1910–1911 гг. играли ключевую роль в наступательных действиях на левом фланге армии, в отчетной работе 1913 г. на этот важнейший участок отряжалась одна-единственная 2-я пехотная дивизия XXIII корпуса. После поступления в состав гарнизона Новогоргиевска 1-й стрелковой бригады, 2-я дивизия должна была перейти в наступление, сохраняя уступное расположение по отношению к главным силам армии. Наступая позади и левее XIII корпуса, дивизия могла к 25–26-му дню подойти к Нейденбургу²¹⁹.

Различное понимание задач русской стратегии привело к расколу в Генеральном штабе в вопросе о планировании наступательной операции на Северо-Западном фронте. В 1910 и 1911 гг. штаб Варшавского военного округа с оптимизмом смотрел на возможность осуществления вторжения в Германию, тогда как планы ГУГШ носили исключительно оборонительный характер. Во второй половине 1912 г. ситуация поменялась с точностью до наоборот: в Петербурге восторжествовали наступательные тенденции, а в Варшаве пришли к выводу о нецелесообразности вторжения в Восточную Пруссию. Надеясь на благоразумие руководства Генерального штаба, Ключев стал готовиться к осуществлению оборонительной операции на Северо-Западном фронте, не прекращая при этом работу по планированию вторжения в пределы Германии. Начавшаяся осенью 1912 г. война на Балканах вызвала новый пересмотр планов штаба Варшавского военного округа.

Мобилизационный кризис 1912/13 г. и отказ штаба Варшавского военного округа от подготовки к наступлению в Восточную Пруссию.

Война стран Балканского союза против Османской империи привела к острейшему международному кризису, куда оказались вовлечены Россия и Австро-Венгрия. Причиной обострения ситуации на Балканах стал конфликт между Австро-Венгрией и Сербией, стремившейся получить выход к Адриатическому морю²²⁰.

214. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2236. Л. 51–58 об.

215. Там же. Л. 60–65.

216. Там же. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 762. Л. 18–217. Отдельные фрагменты этой работы были опубликованы. См.: Восточно-Прусская операция. Сборник документов... С. 48–59, 516–518, 525–527, 540–546.

217. РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 762. Л. 31.

218. Там же. Л. 31 об-32.

219. Там же. Л. 32.

220. О дипломатической истории мобилизационного кризиса см. подробнее: Жогов П. В. Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и первая балканская война. 1912–1913 гг. М., 1969. С. 161–237; История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции) / А. С. Аветян, В. С. Васюков, А. В. Георгиев и др.; отв. ред. А. В. Игнатъев. М., 1997. С. 327–340; Писарев Ю. А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С. 102–160.

В декабре 1912 г. две империи оказались на грани войны, к которой их подталкивал панический ужас перед воображаемыми военными приготовлениями соседа²²¹.

Боевые действия на Балканах были открыты Черногорией 26 сентября (9 октября). 5 (18) октября к ней присоединились Сербия, Болгария и Греция. Уже 8 октября в России стало известно о подготовке Австро-Венгрии к переброске дополнительных войск в Галицию. 10 октября военный агент в Сербии полковник В. А. Артамонов докладывал о начавшейся мобилизации южных австрийских корпусов — XV (Сараевского) и XVI (Рагузского)²²². В конце октября военный агент в Австро-Венгрии полковник М. И. Занкевич сообщал о начавшейся перевозке на границу с Сербией 18 батальонов из состава IV (Будапештского) и VIII (Пражского) корпусов²²³. С 23 октября начали поступать сведения о призыве резервистов в трех галицийских корпусах — I (Краковском), X (Перемышльском) и XI (Львовском)²²⁴. В конце месяца русская разведка обнаружила выдвижение войск из состава X и XI корпусов к границе²²⁵ и перевозку частей I корпуса из районов квартирования в Восточную Галицию, в окрестности Перемышля²²⁶.

В ноябре стало известно о призыве запасных не только в галицийских и южных корпусах, но и во всех остальных корпусах Дунайской монархии и на флоте. В ГУГШ получили первые донесения о перевозках войск из состава внутренних австрийских корпусов в Галицию. К 6 ноября, по данным ГУГШ, в Галицию было перевезено от 25 до 31 батальона пехоты, 12 эскадронов и 11 батарей²²⁷. Военное руководство Дунайской монархии встало на опасный путь импровизации, приступив к перевозкам в Галицию и Боснию отдельных частей, однако именно бессистемность военных приготовлений в итоге сыграла на руку Австро-Венгрии. Поток сведений, подчас противоречивых, о перемещениях отдельных австро-венгерских батальонов, эскадронов и батарей не позволил русскому Генеральному штабу составить близкое к реаль-

ности представление о намерениях империи Габсбургов. 16 ноября 1912 г. в донесении полковника Занкевича, отправленного в отдел генерал-квартирмейстера (огенквар) ГУГШ, впервые прозвучало предположение о том, что Австро-Венгрия начала скрытую мобилизацию и сосредоточение всей своей армии: «Получаю сведения о призыве резервистов во всех корпусах, отправке отдельных батальонов в Галицию из различных корпусов, реквизиции лошадей и повозок в некоторых областях империи, запряжке обозов в некоторых частях. Предполагаю, что австрийская армия приступила к постепенной мобилизации и к постепенному же сосредоточению в Галиции»²²⁸. Даже несмотря на то, что в ГУГШ имелись добытые разведкой подлинные боевые расписания австро-венгерской армии на случай войны с Россией («Kriegsfall R») 1908, 1910, 1911 и 1912 гг., русский Генштаб не смог сделать правильных выводов из многочисленных донесений о хаотических перевозках войск Дунайской монархии²²⁹. Проводившееся в ГУГШ сопоставление донесений разведки с планами развертывания австро-венгерской армии неизбежно вело к еще более неверной оценке обстановки. Так, сотрудники огенквара были немало озадачены донесениями разведки о перевозках во Львов, Броды и Подволочиск батальонов 70-го, 78-го и 79-го пехотных полков XIII (Аграмского) корпуса, который по всем расчетам должен быть направлен против Сербии²³⁰. В ГУГШ сперва предположили, что в австрийском Генштабе решили убрать с сербской границы хорватские части, поэтому XIII корпус целиком перевозится в Галицию. Но новых перевозок частей корпуса на границу с Россией больше не происходило, и в январе 1913 г. в огенкваре пришли к выводу, что в случае войны это соединение все-таки будет действовать на Балканах²³¹.

Сильную обеспокоенность в ГУГШ вызывали недостоверные, являвшиеся плодом воображения зарубежных газетчиков сведения о перевозках в Галицию германских войск²³². Получаемые в ГУГШ донесения о начавшихся консультациях начальника австро-венгерского Генерального штаба Б. фон Шемуа с его германским коллегой, Х. фон Мольтке-младшим служили подтверждением агрессивных намерений Дунайской монархии²³³. В декабре на пост начальника Генштаба Австро-Венгрии возвратился сторонник «партии войны» Ф. Конрад фон Хетцендорф, что также было воспринято в России как дурное предзнаменование.

221. Автор наиболее авторитетной работы об австро-венгерском военном планировании Г. Тунстолл-младший считал, что в эскалации конфликта была повинна Россия, проведшая опытную мобилизацию в Варшавском военном округе. См.: Graydon A. Tunstall, Jr. Planning for War against Russia and Serbia. *Austro-Hungarian and German Military Strategies, 1871–1914*. New York, 1993. P. 114–116.

222. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2857. Л. 287.

223. Там же. Д. 2849. Л. 7. Всего в австро-венгерской армии имелось 16 трехдивизионных корпусов.

224. Там же. Л. 14.

225. Там же. Л. 22.

226. Там же. Л. 19.

227. Там же. Д. 2856. Л. 78 об.

228. Там же. Д. 2851. Л. 7.

229. Там же. Д. 2857. Л. 402–402 об., 408. В январе огенквар располагал уже новыми боевыми расписаниями на 1913 г.

230. Там же. Д. 2851. Л. 157.

231. Там же. Д. 2852. Л. 86.

232. Там же. Д. 2851. Л. 133.

233. Там же. Д. 2850. Л. 100.

К началу декабря напряженность в австро-русских отношениях приблизилась к критической отметке. 25 ноября военный агент в Швейцарии полковник Д. И. Гурко докладывал в огенквар, что по сведениям французской разведки Австро-Венгрия намеревалась к 2 декабря окончить мобилизацию и объявить ультиматум Сербии²³⁴. По оценкам ГУГШ, к 6 декабря Дунайская монархия сумела полностью отмобилизовать все три галицийских корпуса, расквартированный в непосредственной близости от них VI (Кашауский) корпус, а также оба корпуса на границе с Сербией. 7 корпусов — II, III, IV, VII, VIII, IX и XIII корпуса — были доведены почти до штатов военного времени. Роты V, XII и XIV корпусов, по расчетам ГУГШ, значительно усиливались. По данным русской разведки, к этому времени в Галицию были перевезены 51 батальон пехоты, 57 эскадронов конницы и 18 батарей из состава II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, XII, XIII и XIV корпусов. Всего австро-венгерские войска в Галиции насчитывали 173 батальона, 165 эскадронов и 85 батарей²³⁵.

* * *

Предположение о том, что Австро-Венгрии удалось скрытно мобилизовать свою армию, вызвало сильнейшую панику у военного руководства Российской империи. Среди тех, кто поддался всеобщему алармистскому психозу, оказался и Ключев. Начальник штаба Варшавского военного округа одним из первых поднял вопрос о необходимости внесения изменений в план развертывания в связи с ситуацией на Балканах. В конце ноября по инициативе Ключева командующий войсками Варшавского округа Г. А. Скалон выступил с целым рядом предложений на случай войны с Австро-Венгрией²³⁶. Опасаясь, что полностью боеготовые австрийские войска смогут помешать провести мобилизацию и сосредоточение русских армий, штаб округа считал необходимым отнести линию развертывания на южном фронте Передового театра с линии Люблин — Холм — Ковель к северу, на фронт Межиречье — Бела — Брест — Кобрин. В Варшаве предлагали развернуть XV корпус в районе Межиречье — Бела, а 38-ю полевую и 75-ю второочередную дивизии сосредоточить у Брест-Литовска. 4-я и 17-я дивизии должны были занять окрестности Кобрин. Сводный корпус из 3-й гвардейской и 18-й дивизий назначался в район Янов — Высоколитовск. Чтобы беспрепятственно выполнить намеченное развертывание, Скалон настаивал на немедленном объявлении мобилизация войск округа.

234. Там же. Д. 2851. Л. 152.

235. Там же. Д. 2856. Л. 80–80 об.

236. Там же. Д. 7140. Л. 95. Сам документ с предложениями штаба Варшавского военного округа в архиве обнаружен не был. О его содержании приходится судить по докладу В. А. Сухомлинова Николаю II от 23 ноября 1912 г.

Взяв за основу предложения штаба Варшавского военного округа, сотрудники ГУГШ подготовили доклад, который 23 ноября Сухомлинов представил Николаю II²³⁷. В дополнение к предложенным Скалоном мерам в Петербурге рекомендовали передвинуть к границе дополнительные кавалерийские части в Варшавском и Киевском округах. Чтобы довести пехоту Варшавского округа до штатов военного времени, руководство ГУГШ собиралось призвать запасных нижних чинов на шестинедельные учебные сборы. Меры, предложенные в докладе, получили одобрение Николая II, однако на особом совещании Совета министров 29 ноября они встретили сопротивление со стороны председателя Совета министров В. Н. Коковцова и министра иностранных дел С. Д. Сазонова. В итоге было решено ограничиться удержанием в строю нижних чинов срочной службы, подлежащих увольнению в запас²³⁸.

3 декабря Данилов представил Жилинскому доклад «О развертывании наших армий против Австрии при нейтралитете Германии и Румынии». В нем детально излагался план сосредоточения на случай столкновения с полностью мобилизованной австро-венгерской армией²³⁹. В основе плана лежали предложения штаба Варшавского военного округа. Но Данилов не намеревался переносить развертывание корпусов из района сосредоточения 4-й и 5-й армий к Брест-Литовску. Генерал-квартирмейстер планировал развернуть XIV, XV, XIX армейские корпуса и 3-ю гвардейскую пехотную дивизию в районе Люблин — Холм — Ковель, где к ним присоединились бы войска Московского и Казанского военных округов. Этот проект Данилов намеревался вынести на совещание с командующими войсками Варшавского и Киевского округов, запланированное на декабрь.

Несмотря на то, что большая часть предложенных Варшавским округом экстренных мер получила одобрение, Ключев остался недоволен нежеланием руководства Генерального штаба пойти на коренное изменение плана развертывания. Вскоре начальник штаба Варшавского военного округа решил представить в ГУГШ новый проект плана войны с Австро-Венгрией. Предложения генерала, изложенные им в рапорте от 29 ноября, еще более радикально порывали с концепцией мобилизационного расписания 1912 г.²⁴⁰ Основываясь на разведывательных данных об австрийских воинских перевозках, начальник штаба Варшавского военного округа делал неутешительные выводы относительно австрийской угрозы: «Надо придти к заключению, что к моменту развязки Балканского вопроса мы будем иметь на границе готовыми к наступлению

237. Там же. Л. 95–97. Документ подписан Сухомлиновым и Жилинским.

238. Жогов В. П. Указ. соч. С. 221.

239. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7140. Л. 44–46 об.

240. Там же. Д. 1819. Л. 8–10.

десять (Подчеркнуто Жилинским. — *О. А.*) трехдивизионных австро-венгерских корпусов против наших пока расположенных по мирному войскам; необходимо изыскать средства к скорейшему парированию столь невыгодного для нас положения. Действительно, при таком обоюдном положении, Австрия может предъявить прямо невозможные требования на Балканах и, если мы на них не согласимся и объявим мобилизацию, то немедленно вступить в наши пределы, обрушившись на немобилизованные и не сосредоточенные наши войска»²⁴¹. По расчетам Ключева, австрийцы могли выйти к линии Люблин — Холм — Ковель уже на 6-й день, а к линии Седлец — Брест — на 11-й день. При таких условиях рассчитывать на сосредоточение 4-й и 5-й армий в Варшавском округе больше не приходилось.

Вместо сосредоточения главных сил в районе Люблин — Холм — Ковель Ключев предложил сконцентрировать большую часть русской армии в пределах Киевского военного округа. Угроза наступления со стороны Киевского округа, по замыслу генерала, становилась для австрийцев сдерживающим фактором: «Угрожающее направление подобного наступления несомненно ослабит действия австрийцев на севере против 2-й армии, а также и на Балканском полуострове. Оно вне всяких ударов и угрозы германцев. Оно возвращает нам свободу предпринимать наши решения, не считаясь с угрожающим положением сосредоточенной ныне в Галиции австрийской армии»²⁴². Ключев оптимистично оценивал возможность развертывания больших масс войск в Киевском округе: «Подготовив возможно (Подчеркнуто Жилинским. — *О. А.*) скорее главное сосредоточение в Киевском округе, можно смело в ответ на сделанное Австрией (Подразумевается скрытая мобилизация. — *О. А.*), принять все меры включительно до общей мобилизации, не взирая ни на какие требования и угрозы»²⁴³. Это предложение вызвало серьезные возражения ГУГШ. По распоряжению Жилинского, отдел железнодорожных сообщений ГУГШ провел приблизительный расчет времени, необходимого для сосредоточения шести корпусов Московского и Казанского округов на границе с Восточной Галицией. Выяснилось, что перевозка этих войск в западную часть Киевского военного округа займет больше времени, нежели их транспортировка в районы сосредоточения по мобилизационному расписанию 1912 г. Только в случае перевозки XIII армейского корпуса на Юго-Западный фронт вместо Северо-Западного ожидался незначительный выигрыш времени. По действующим планам перевозок эшелоны корпуса прибывали в Белосток с 9-й по 19-й день,

241. Там же. Л. 8 об.

242. Там же. Л. 10.

243. Там же.

в Ровно корпус мог быть подвезен с 9-й по 17-й день²⁴⁴. Необходимо отметить, что с аналогичными предложениями о развертывании основной массы войск Юго-Западного фронта в пределах Киевского военного округа практически одновременно с Ключевым выступил начальник штаба этого округа генерал-майор *В. М. Драгомиров*²⁴⁵.

Столкнувшись с сопротивлением руководства ГУГШ по вопросу об изменении плана развертывания, штабы Варшавского и Киевского военных округов решились действовать самостоятельно. В начале декабря в Киеве состоялось совещание командующих войсками Варшавского и Киевского военных округов *Г. А. Склона* и генерал-адъютанта, генерала от артиллерии *Н. И. Иванова*, проводившееся без участия представителей ГУГШ. В работе совещания принимали участие начальники штабов этих округов — Ключев и Драгомиров, а также Алексеев, назначенный в 1912 г. командиром XIII армейского корпуса. Они признали невозможным сосредоточить войска на фронте Люблин — Холм — Ковель — Луцк — Дубно — Ямполь, что предусматривалось по мобилизационному расписанию 1912 г.²⁴⁶ Принимая во внимание высокую степень готовности австро-венгерской армии, руководство Киевского и Варшавского военных округов попыталось разработать новый план развертывания, который полностью отвечал бы неблагоприятной обстановке на галицийской границе. Предложение Ключева осуществить сосредоточение большей части войск, предназначенных против Австро-Венгрии, в пределах Киевского округа получило высокую оценку. Однако в сложившейся ситуации участники совещания были вынуждены признать его неосуществимым из-за недостаточного развития железнодорожной сети. Совещанию не оставалось ничего другого, как санкционировать перенесение линии сосредоточения 4-й и 5-й армий в район Брест-Литовска, чтобы выиграть время для подготовки удара по наступающим австрийцам. Тем не менее, оказалось возможным перебросить XIII корпус из 2-й армии в 5-ю, а XXIV корпус передать из состава 4-й армии в 3-ю. Развертывание 3-й армии участники совещания считали необходимым также несколько отодвинуть от границы. Кроме того, решили усилить 3-ю армию VIII корпусом Одесского военного округа, по мобилизационному расписанию № 19 назначавшимся в состав 7-й армии в Бессарабии²⁴⁷. Чтобы обеспечить выполнение намеченных предположений, совещание признало необходимым немедленно мобилизовать XI и XIX корпуса и объявить на военном положении всю приграничную полосу. Результаты ра-

244. Там же. Л. 11–11 об.

245. Там же. Д. 179б. Л. 8–9 об.

246. Там же. Д. 714с. Л. 53.

247. Там же. Л. 53 об.—54 об.

боты совещания были изложены в записке, подписанной участниками 6 декабря²⁴⁸.

Факт проведения совещания командующих войсками Варшавского и Киевского округов без санкции свыше вызвал недовольство руководства ГУГШ. Тем не менее, авторитет участников этого съезда вынуждал Жилинского и его сотрудников считаться с мнением оппозиции. 8 декабря 1912 г. Сухомлинов и Жилинский представили на рассмотрение Николаю II доклад под названием «Соображения о нашем военном положении на западных границах», в котором предостерегали о негативных последствиях внесения импровизационных изменений в план развертывания, пусть и продиктованных сложной международной обстановкой²⁴⁹. С неохотой признавая вероятность сценария, по которому линию развертывания волей-неволей пришлось бы отодвигать от границы, авторы доклада настаивали на том, чтобы отнесение армий в глубь страны выполнялось уже в период перевозки войск путем простого отсечения маршрутов движения эшелонов. Также руководство ГУГШ высказало свои сомнения по поводу изменения сосредоточения VIII, XIII и XXIV армейских корпусов²⁵⁰.

11 декабря 1912 г. в Петербурге под личным председательством Николая II состоялось совещание по вопросам изменения плана развертывания. Несмотря на сопротивление ГУГШ, была одобрена предложенная киевским съездом передача XXIV армейского корпуса в состав 3-й армии. Хотя XIII корпус оставался во 2-й армии, совещание приняло компромиссное решение — составить для частей этого корпуса дополнительные планы перевозки в Ковель, где он мог быть включен в состав 5-й армии. Было достигнуто согласие и по вопросу о районе развертывания армий. Признавалось, что при неблагоприятной обстановке фронт сосредоточения отодвигался в глубь страны посредством отсечения существующих планов перевозок. Эти изменения в план развертывания вступили в силу 20 декабря²⁵¹.

Ко времени проведения совещания обстановка на Балканах заметно разрядилась. 1 (14) декабря сербское правительство пошло на уступки требованиям Австро-Венгрии и объявило, что вопрос

о порте на Адриатике передается на рассмотрение Великих держав. Преодоление критического момента мобилизационного кризиса совпало с открытием международной конференции в Лондоне, состоявшейся 3 (16) и 4 (17) декабря. В начале 1913 г., благодаря поступлению новых разведывательных данных, в ГУГШ смогли нарисовать близкую к действительности картину военных приготовлений Австро-Венгрии. В огенкваре пришли к выводу, что количество австрийских войск в Галиции в январе 1913 г. оставалось примерно на том же уровне, что и в декабре. По данным на 3 января на границу с Россией были перевезены 59 батальонов пехоты, 63 эскадрона кавалерии и 24 артиллерийские батареи²⁵². 11 батальонов, 24 эскадрона и 15 батарей из состава I корпуса передислоцировались из западной части Галиции в восточную²⁵³. Не оправдались опасения русского Генерального штаба относительно уровня укомплектованности австрийских войск. Несмотря на то, что в восьми корпусах под ружьем находились все десять классов солдат срочной службы и резервистов, ни один возраст не призвали полностью²⁵⁴. I, VI, X и XI корпуса были почти доведены до штатов военного времени, имея в ротах примерно по 200 человек. Сведения, имевшиеся в распоряжении ГУГШ, указывали на то, что роты XV и XVI корпусов располагали большим количеством сверхштатных нижних чинов и насчитывали по 300–400 человек. В остальных же корпусах австро-венгерской армии численность рот, состоявших в среднем из 150 человек, сильно уступала штатам военного времени²⁵⁵. Всего по данным на 16 декабря 1912 г. численность армии Дунайской монархии оценивалась в 850 тыс. человек, из которых 250 тыс. находились на границе с Сербией²⁵⁶. Переоценка военных приготовлений Дунайской империи позволила помощнику 1-го обер-квартирмейстера генерал-майору Н. А. Монкевицу, руководившему разведкой ГУГШ, уже 12 декабря говорить о нормализации обстановки на Балканах и на галицийской границе: «Очевидно, кризис миновал; опасность непосредственного столкновения прошла; облегчение населению и войскам в смысле отпусков делается, но демобилизации еще нет. Приостановку перевозок, если таковая наступила, можно рассматривать (в связи с прежними донесениями нашего военного агента в Австро-Вен-

248. Там же. Л. 55 об.

249. Там же. Л. 61–67 об.

250. Там же. Л. 67.

251. Там же. Д. 1819. Л. 38–39, 44 об. В связи с этим необходимо указать на ошибку, допущенную А. М. Зайончковским. Приводя подробные данные о развертывании русской армии по мобилизационному расписанию № 19 измененному, историк относил их к первоначальному проекту, утвержденному 1 мая 1912 г. В действительности на страницах труда Зайончковского рассматривается модифицированный вариант плана сосредоточения от 20 декабря 1912 г. См.: Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. С. 256–265.

252. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2856. Л. 24 об.

253. Там же. Л. 20.

254. Там же. Д. 2852. Л. 55–56.

255. Там же. Л. 91. В пехотной роте австро-венгерской армии по штатам военного времени состояло 5 офицеров и прапорщиков и 258 нижних чинов. См.: Вооруженные силы Австро-Венгрии. Часть 1. Организация, мобилизация и состав вооруженных сил (По данным к 1 января 1912 года). СПб., 1912. С. 72.

256. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2852. Л. 38.

грии) как влияние генерала Конрада, считающего вообще сосредоточение в Галицию мерой преждевременной»²⁵⁷.

В конце декабря вернувшийся на пост начальника Генерального штаба Конрад фон Хетцендорф начал постепенный роспуск призванных из запаса чинов, заменяя их в полках эрзац-резервистами. 28 февраля (13 марта) 1913 г. австро-венгерское правительство объявило о демобилизации всех корпусов, кроме XV и XVI²⁵⁸. Большая европейская война на этот раз была предотвращена.

* * *

Победа окружных штабов, отстаивших большинство своих предложений на совещании 11 декабря, оказалась пирровой. Руководство ГУГШ, памятуя о том, что алармизм окружных штабов являлся следствием неверной оценки ситуации на Балканах, решило использовать этот аргумент для сосредоточения всей работы по военному планированию в своих руках. 19 января 1913 г. Жилинский представил Сухомлинову доклад «По вопросу о порядке разработки подготовительных к войне соображений», в котором потребовал отстранить штабы округов от участия в разработке военных планов²⁵⁹. Примером негативного влияния коллективного творчества на составление планов развертывания Жилинский называл принятое под давлением окружных штабов решение об изменении сосредоточения XIII и XXIV корпусов. Начальник Генерального штаба указывал, что этот шаг был сделан «под влиянием спорного положения о коренном изменении обстановки (Подчеркнуто Сухомлиновым. — О. А.)»²⁶⁰. По мнению ГУГШ, эти поправки не отвечали целям стратегического развертывания как по варианту «А», так и по варианту «Г». Сухомлинов полностью поддержал начальника Генштаба и 22 января утвердил его предложения. С этого момента вся полнота власти в области военного планирования сосредотачивалась исключительно в руках ГУГШ. На этот шаг руководство Генерального штаба подтолкнуло проведенное без его ведома совещание командующих военными округами в декабре 1912 г., а не февральский съезд начальников окружных штабов, как ошибочно считал А. М. Зайончковский²⁶¹.

Последствия мобилизационного кризиса не могли не сказаться на дальнейшей карьере генерала Ключева — главного возмутителя спокойствия в Генеральном штабе и инициатора декабрьских изменений в плане развертывания. Руководство ГУГШ приложило все

257. Там же. Л. 28–28 об.

258. Там же. Л. 199–199 об.

259. Там же. Д. 1819. Л. 49–53.

260. Там же. Л. 49 об.

261. См.: Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. С. 201–202.

усилия, чтобы избавиться от генерала, чьи взгляды на задачи русской стратегии расходились с официальной позицией Петербурга.

Ситуация на Балканах привела к новой переоценке штабом Варшавского военного округа плана войны с Германией. Ключев еще больше разочаровался в перспективах наступления в Восточной Пруссии. Представляя на рассмотрение ГУГШ в марте 1913 г. отчетную работу по оперативной части 2-й армии, подробно проанализированную выше, он сопроводил ее запиской, в которой в очередной раз призвал к пересмотру плана войны²⁶². Главной мыслью, содержащейся в записке, было требование признать вариант развертывания «Г» основным. Начальник штаба Варшавского военного округа мотивировал свое предложение тем, что в результате усиления Сербии Австро-Венгрии в случае войны вероятнее всего придется выделить на южный фронт значительно большие силы, чем планировалось до начала конфликта на Балканах. Ключев предположил, что в такой ситуации Германия будет вынуждена поддержать своего союзника и выделить против России армию, способную вести наступательные действия. В связи с этим генерал вновь предлагал развернуть 4-ю армию не на правом фланге 1-й армии, а на левом фланге 2-й, в районе Белосток — Седлец — Брест. В этом случае 4-я армия могла действовать в непосредственной связи со 2-й армией против германцев, а в случае необходимости направлялась на правый фланг 5-й армии, в Люблинский район. Развивая свои идеи, родившиеся во время мобилизационного кризиса, Ключев рекомендовал наносить главный удар по Австро-Венгрии силами армий Киевского военного округа. Он настаивал на сосредоточении на Киевском фронте более значительных сил, нежели предполагалось по мобилизационному расписанию № 19.

Записка Ключева от 27 марта 1913 г. стала его последней значительной работой по военному планированию на посту начальника штаба Варшавского округа. Нежелание генерала идти на компромиссы с руководством ГУГШ предрешило его скорое удаление с должности. Еще в феврале месяце, в рамках подготовки к летним занятиям с офицерами Генерального штаба, Ключев запланировал с 16 по 25 мая провести двухстороннюю учебную полевую поездку в Келецкой губернии, что объяснялось возросшим вниманием генерала к Юго-Западному фронту²⁶³. Однако в ГУГШ потребовали изменить место ее проведения таким образом, чтобы она проходила

262. Записка, прилагаемая к отчетной работе по оперативной части, об изменениях в плане сосредоточения в зависимости от происходящего ныне усиления германских военных сил // РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 762. Л. 19–21.

263. Военная игра старших офицеров Генерального штаба Варшавского округа, проведенная с 24 по 31 марта 1913 г., посвящалась обороне на линии Бобра. См.: Там же. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 180, 1729; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1981. Л. 113–120.

ла в районе действий 2-й армии. Повинуясь требованиям ГУГШ, Ключев распорядился перенести район поездки в Гродненскую губернию, в окрестности Соколки, что указывало на имманентное стремление генерала готовиться прежде всего к оборонительным действиям на границе с Германией. Руководство ГУГШ, понимая, что Ключев откровенно саботирует подготовку к наступательной операции в Восточной Пруссии, приказало ему вновь изменить место проведения поездки. Однако начальник штаба Варшавского округа смог отстоять свою точку зрения, и поездку было разрешено проводить в окрестностях Соколки. Спротивление Ключева по вопросам подготовки к войне на Северо-Западном фронте окончательно переполнило чашу терпения Сухомлинова и Жилинского. 12 июня начальник штаба Варшавского округа был вынужден уйти в двухмесячный отпуск по болезни. По возвращении из отпуска, Ключев узнал о том, что с 15 августа он назначается командиром I Кавказского армейского корпуса. Генералу было велено сдать все дела в течение суток, тогда как назначенный вместо него начальник 14-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенант В. А. Орановский получил возможность не торопиться с вступлением в новую должность и приступить к исполнению своих обязанностей только в октябре²⁶⁴.

Таким образом, в 1913 г. окружной штаб оказался фактически обезглавленным. Еще 9 апреля был назначен начальником Кавказской стрелковой бригады Постовский, которого сменил начальник штаба XIV армейского корпуса генерал-майор В. Г. Леонтьев. Что касается заменившего Ключева Орановского, то он был хорошим офицером Генерального штаба и отличным строевым командиром. Однако у этого назначения существовал серьезнейший недостаток: Орановский по своей последней должности начальника 14-й кавалерийской дивизии хорошо изучил южный фронт Варшавского военного округа и австро-венгерскую армию, тогда как восточно-пруссский театр знал плохо. В начале 1914 г. произошла смена высшего руководства округа. Умершего Г. А. Скалона, последние месяцы жизни жестоко страдавшего от рака, заменил бывший начальник Генерального штаба генерал от кавалерии Я. Г. Жилинский. Заслуживший обидное прозвище «живой труп», этот генерал проявил себя как большой сторонник наступления в Восточную Пруссию и как противник инициатив, исходивших от Ключева. После смены руководства округа об осторожном подходе Ключева к планированию боевых действий на восточно-пруссской границе было окончательно забыто. С этого момента русский Генеральный штаб ступал по Аппиевой дороге, неизбежно ведущей его к Каннам первой мировой войны.

264. Там же. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 2848. Л. 38–38 об.

Судьба плана «похода в Восточную Пруссию» при новом руководстве округа, 1913–1914 гг.

Справившись с окружной фрондой, руководство ГУГШ развязало себе руки в области военного планирования. Уже в середине 1912 г. начались работы по подготовке к введению мобилизационного расписания № 20. Первый вариант плана развертывания, созданный полковником Стоговым, еще носил следы влияния идей Ключева²⁶⁵. По этому проекту 4-ю армию, состоящую из Гренадерского, XVI и XXIV корпусов, предполагалось развернуть в районе Малкин — Седлец — Луков, т. е. на левом фланге 2-й армии, как на том настаивал Ключев. 5-я армия также отодвигалась от границы и сосредотачивалась в районе Брест-Литовска. Следующий проект, предложенный ГУГШ 29 октября, был практически идентичен плану «А» мобилизационного расписания 1912 г.²⁶⁶ Окончательный вариант проекта, который должен был положен в основу плана развертывания по мобилизационному расписанию № 20, был изложен в докладе от 22 сентября 1913 г. «О развертывании наших вооруженных сил при войне на Западном фронте, ко вводу в действие мобилизационного расписания № 20». 25 сентября этот доклад был одобрен Николаем II²⁶⁷.

Анализ основных положений документа показывает, что руководство ГУГШ окончательно отказывалось от идей Ключева о наступлении в пределы Восточной Пруссии объединенными силами войск Варшавского, Московского и Казанского военных округов. По новому плану войны вариант «Г» не предусматривался. Сотрудники огенквара не отказывались от наступления против Германии, однако предполагали использовать для этой цели еще меньше сил, чем по плану 1912 г. Новый проект развертывания стал логичным развитием компромиссной концепции наступления на обоих стратегических направлениях, против которой активно выступал Ключев. Кроме того, руководство ГУГШ посчитало возможным позаимствовать у начальника штаба Варшавского военного округа его предложение усилить армии Юго-Западного фронта, особенно его левого крыла. По проекту сосредоточения 1913 г. из состава 2-й армии изымался XIII корпус, передававшийся в 5-ю армию. Усиливался фронт Киевского военного округа путем передачи V корпуса из состава 5-й армии в 8-ю; 1-я и 4-я армии обменивались I и XX корпусами.

Торжество наступательных настроений в ГУГШ можно объяснить тем, что в Петербурге окончательно уверовали в возможность быстрого сосредоточения войск Северо-Западного фронта. В 1913 г.

265. Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1813. Л. 17–20.

266. Там же. Л. 46–55 об.

267. Подлинник доклада см.: Там же. Д. 7140. Л. 107–122.

по инициативе Жилинского началась разработка обширной программы по усилению стратегических железных дорог. Основным требованием руководства ГУГШ было уменьшение сроков сосредоточения армий Северо-Западного фронта до 13-ти дней, а Юго-Западного — до 15-ти, что позволяло сравняться по этим показателям с Германией и Австро-Венгрией. Свои предложения по этому вопросу Жилинскому представили огенквар и отдел военных сообщений²⁶⁸. Проект огенквара отклонили, и в основу программы железнодорожного строительства была положена докладная записка начальника отдела военных сообщений генерал-лейтенанта Ф. Н. Добрышина от 26 ноября 1913 г. Из этой записки следовало, что сосредоточение армий Северо-Западного фронта не только полностью обеспечивалось магистралями Двинск — Белосток и Полоцк — Волковыск, но и могло быть существенно ускорено. Совокупная суточная провозоспособность этих магистралей равнялась 63 поездам, тогда как для перевозки в течение четырех дней 100 эшелонов Гвардейского корпуса требовалось всего 25 поездов в сутки²⁶⁹. Оптимистические выводы отдела военных сообщений вселили в руководство ГУГШ уверенность в успех наступательной операции в Восточной Пруссии.

Для проверки основных положений мобилизационного расписания № 20 по инициативе ГУГШ с 20 по 24 апреля 1914 г. в Киеве проводилась большая стратегическая военная игра с участием командующих войсками военных округов. Руководство игрой осуществлял военный министр В. А. Сухомлинов при помощи нового начальника Генштаба генерал-лейтенанта Н. Н. Янушкевича и генерал-квартирмейстера Ю. Н. Данилова. Фактическая сторона этой игры достаточно подробно изложена А. Н. Суворовым, однако исследователь не ставил задачей рассмотреть ее в контексте текущего военного планирования²⁷⁰. Суворов не использовал также ряд важных материалов этой игры. Например, анализ процитированных им фрагментов позволяет утверждать, что в основу его исследования лег краткий отчет об игре, хотя в архивных документах

268. Проект огенквара см.: Там же. Д. 1796. Л. 160–171; проект отдела военных сообщений см.: Там же. Л. 201–206. См. также: Ушаков К. Подготовка военных сообщений России к мировой войне. М.-Л., 1928. С. 107–120.

269. II, III VI, XV, XX и XXIII корпуса в расчет не принимались, т. к. развертывались практически в районе квартирования. IV корпус в вычисления не включался, т. к. перевозился по меридиональным линиям. Отдел военных сообщений ставил целью добиться сокращения сроков сосредоточения до 15–16-ти дней, а не до 13–15-ти, как того требовало руководство ГУГШ.

270. См. подробнее: Суворов А. Н. Военная игра старших войсковых начальников в апреле 1914 года // Военно-исторический сборник. М., 1919. Вып. 1. С. 9–28. Выводы, полученные Суворовым, впоследствии были целиком воспроизведены В. А. Меликовым, см. подробнее: Меликов В. А. Указ. соч. С. 247–261.

сохранился составленный в ГУГШ гораздо более информативный пространственный отчет²⁷¹. Все это привело Суворова к спорным выводам. По моему мнению, факт проведения игры следует рассматривать через призму противостояния ГУГШ со штабом Варшавского военного округа, завершившегося к началу 1914 г. не в пользу последнего.

О целях проведения игры дает полное представление доклад по ГУГШ от 7 марта 1914 г. «Об основаниях для стратегической военной игры»²⁷². Если на Юго-Западном фронте предполагалось разыграть сражение в духе концепции «галицийских Канн», разработанной Алексеевым, то на Северо-Западном фронте руководство ГУГШ стремилось всеми силами продемонстрировать несостоятельность опасений Ключева по поводу исхода столкновения в Восточной Пруссии. По заданию для игры, германская армия на востоке насчитывала пять полевых корпусов (I, II, V, XVI и XX) и 11 резервных дивизий. При таком составе неприятельской армии Ключев настаивал на введении в действие варианта «Г», тогда как в ГУГШ более оптимистично смотрели на перспективы отражения германского вторжения. Не следует забывать, что 2-я армия по разрабатываемому мобилизационному расписанию № 20 ослаблялась на один корпус.

Командующим армиями фронта назначался новый командующий войсками Варшавского военного округа Я. Г. Жилинский, его начальником штаба стал В. А. Орановский. 1-ю армию возглавил командующий войсками Виленского военного округа генерал-адъютант, генерал от кавалерии П. К. фон Ренненкампф. Его штаб принял начальник штаба этого же округа генерал-лейтенант Г. Г. Милеант. Во главе 2-й армии встал помощник командующего войсками Варшавского округа барон Е. А. Рауш фон Траубенберг, штаб армии принял окружной генерал-квартирмейстер В. Г. Леонтьев. Так как штаб Юго-Западного фронта возглавил командир XIII корпуса М. В. Алексеев, то логично было ожидать приглашения на Северо-Западный фронт Ключева, однако вследствие серьезных разногласий между генералом и руководством ГУГШ, этого не произошло²⁷³.

271. См.: Краткий отчет о стратегической военной игре в гор. Киеве // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1989. Л. 3–6 об.; Отчет о стратегической военной игре, состоявшейся в г. Киеве с 20-го по 24-е апреля 1914-го года // Там же. Д. 1990. Л. 3–14 об.

272. Там же. Д. 1987. Л. 1–7.

273. В одном из вариантов списка участников игры сохранились карандашные приписки с именами лиц, входивших, вероятно, в первоначальный круг кандидатов. Среди них значились Скалон и Ключев. Планировалось приглашение в Киев и А. В. Самсонова — ему предполагалось доверить командование 3-й армией. В итоге 3-й армией руководил командир XXI корпуса А. Е. Чурин. См.: Там же. Д. 1986. Л. 22–23.

Автор статьи о киевской игре А. Н. Суворов на основе поверхностного изучения документов сделал вывод, что Жилинский, перейдя в наступление неготовыми армиями фронта, допустил грубую ошибку, повторенную им же в августе 1914 г.²⁷⁴ Но это утверждение не соответствует действительности. На самом деле, командование Северо-Западного фронта было вынуждено разыгрывать оборонительную операцию против вторгнувшихся на 9-й день в неманском направлении германских корпусов. Это и вызвало необходимость выдвинуть обе армии навстречу противнику раньше срока их готовности. В результате принятого решения столкновение с германской армией приобрело характер встречного боя, проходившего в основном на русской территории и не имевшего ничего общего с действиями сторон в Восточно-Прусской операции. К вторжению в пределы Германии командование фронта смогло перейти только на третьем ходу игры.

В течение первого хода, приуроченного для Северо-Западного фронта к 10-му дню мобилизации, Жилинский приказал немедленно перейти в решительное наступление обеими армиями одновременно, нанося главный удар 2-й армией в направлении на Лык с охватом правого фланга наступающих немецких войск. III, IV и XX корпуса 1-й армии выдвигались навстречу неприятелю, на линию Вильковишки — Мацько — Будзе — Кальвария — Шиплишки. Главные силы 2-й армии — VI и XV корпуса — посылались в Лыкский район²⁷⁵ для нанесения удара в правый фланг наступающего противника. II корпус этой армии должен был обороняться в районе Августова²⁷⁶.

К началу второго хода, приуроченного к 12-му дню мобилизации, командование Северо-Западного фронта обнаружило, что 2-я армия не успевает к началу столкновения германцев с 1-й армией прийти ей на помощь, и попыталось придержать движение последней. Несмотря на то, что 1-я армия оказалась в тяжелом положении, маневр 2-й армии в направлении на Лык несколько приостановил наступательные действия немцев²⁷⁷.

Третий ход назначался на 21-й день мобилизации. К этому времени руководство дало участникам вводную, в корне менявшую всю обстановку. Сообщалось, что английский экспедиционный корпус высадился на материке, что вынудило германцев начать переброску трех корпусов на западный фронт. К 21-му дню армии Се-

274. Суворов А. Н. Указ соч. С. 25–27.

275. т. е. в район Мазурских озер, куда по предвоенным планам предполагалось направить не более одного корпуса для поддержания связи между армиями.

276. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1988. Л. 3, 26–26 об., 157–159; Д. 1990. Л. 4 об.–6 об.

277. Там же. Д. 1988. Л. 10–10 об., 14, 34, 169–170; Д. 1990. Л. 7–8 об.

веро-Западного фронта смогли отразить наступление противника и вступили на территорию Восточной Пруссии. 1-я армия подошла к линии Сталлюпенен — Гольдап — Гловкен, а 2-я армия, в составе которой после перевозки из Новогоргиевска 2-й пехотной дивизии восстанавливался XXIII корпус, заняла фронт Видминнен — Иоганнисбург. Противостоящие русским армиям германские части отошли за линию Мазурских озер²⁷⁸.

С этого момента Северо-Западный фронт мог начинать операцию по захвату Восточной Пруссии. 1-й армии Жилинский поставил задачу наступать на фронт Инстербург — Ангербург, атаковать противника на реке Ангерапп и отбросить его к юго-западу, в направлении на Коршен. 2-й армии, занявшей исходные позиции на фронте Рачки — Лык — Дригаллен, приказывалось атаковать силами 3-й гвардейской пехотной дивизии и одной дивизии VI корпуса дефиле между озерами Левентин и Спирдинг, а остальными силами наступать в обход Мазурских озер с запада, через Руджаны и далее в направлении на Коршен²⁷⁹. Таким образом, 1-я и 2-я армии должны были двигаться вокруг Мазурских озер в непосредственной близости от них, и ничего общего с операцией Северо-Западного фронта в августе 1914 г. эти действия не имели. Переход в наступление намечался на 23-й день мобилизации, однако провести вторжение в Восточную Пруссию Северо-Западному фронту не дали. На третьем ходу игра была остановлена, хотя изначально планировалось разыграть еще и четвертый ход, приуроченный к 25-й дню мобилизации²⁸⁰.

Очевидно, что руководители ГУГШ получили нужные им результаты, с легкостью справившись с наступлением противника и начав победоносное шествие по его территории. Итоги действий армий Северо-Западного фронта укрепили веру Жилинского в то, что намечаемых им по плану войны сил фронта вполне достаточно как для оборонительных, так и для наступательных действий. Более того, штаб руководителя игры счел возможным перебросить с Северо-Западного фронта на Юго-Западный Гвардейский и II корпуса²⁸¹. Но успешное отражение германского вторжения было достигнуто лишь при помощи искусственной вводной об английском десанте, о чем руководство ГУГШ предпочло быстро забыть. Таким образом, в результате Киевской игры военное руководство империи сильно переоценило возможности русской армии. Что касается преждевременного выдвижения 1-й армии навстречу германцам, то это решение Жилинского объяснялось требованиями обстановки и было вынужденным, однако здесь он допустил дру-

278. Там же. Д. 1988. Л. 16–16 об., 41–41 об.; Д. 1990. Л. 10 об.–11.

279. Там же. Д. 1988. Л. 18–19 об., 42–44, 173–175; Д. 1990. Л. 11–12 об.

280. Там же. Д. 1987. Л. 6.

281. Там же. Д. 1990. Л. 13 об.–14.

гую грубую ошибку, не позаботившись о синхронизации действий двух армий. Повторение главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта этой ошибки в августе 1914 г. станет фатальным.

В 1914 г. штабом Варшавского округа были проведены стратегическая военная игра со старшими войсковыми начальниками округа и полевая поездка офицеров Генерального штаба, в ходе которых новое окружное руководство заявило о своих наступательных амбициях. На проведенной в феврале стратегической игре разыгрывалось наступление русской («синей») 2-й армии с линии Нарева на фронт Руджаны — Ортельсбург с дальнейшим выходом в тыл германских войск, действовавших на неманском направлении²⁸². В качестве задания для полевой поездки, состоявшейся в конце июня, была взята обстановка, сходная с операцией Северо-Западного фронта на апрельской игре в Киеве²⁸³. Основой задания для полевой поездки стали действия двух 1-й и 2-й русских («синих») армий, сосредоточенных на фронтах Ковно — Гродно и Гродно — Соколка, против германской армии, наступающей к Неману. Участникам поездки предложили разыграть встречное столкновение 3-й русской армии, выдвинувшейся с линии среднего Нарева, и наступающего со стороны Иоганнисбурга XX германского корпуса²⁸⁴. Как оказалось, эта полевая поездка стала последним значительным мероприятием штаба Варшавского военного округа по подготовке к войне.

Заключение

К 19 июля (1 августа) 1914 г. штаб Варшавского военного округа подошел с планом вторжения в Восточную Пруссию, разработанным Ключевым, но реализовывать его пришлось уже другим исполнителям. Назначенный вместо Алексеева командиром XIII армейского корпуса, Ключев оказался на направлении главного удара в глубь неприятельской территории. Ему же было суждено поставить точку в трагедии 2-й армии, капитулировав с остатками XIII и XV корпусов²⁸⁵. Не имея возможности руководить выполнением собственных планов, Ключев смог воочию убедиться, как новое

282. Материалы этой игры см.: Ф. 1859. Оп. 1. Д. 184. Л. 1–2; Д. 185. Л. 2, 9; Д. 187. Л. 59–61 об., 65–66 об.; Д. 190. Л. 1–12.

283. См.: Там же. Д. 184. Л. 3–7; Д. 185. Л. 45–50, 53–56 об., 66–67, 186–189 об.; Д. 188. Л. 54; Д. 191. Л. 3–4 об., 9–10; Д. 2854. Л. 3–4, 95–96, 173–174, 177–178.

284. Обращает на себя внимание то, что в основу задания военной игры штаба Виленского округа в 1914 г. были положены совместные действия Неманской и Бобрекой армий по отражению наступления германцев со стороны Иоганнисбурга. Материалы этой игры см.: Там же. Ф. 1956. Оп. 1. Д. 1443, 1857.

285. Капитуляцию войск 2-й армии красочно описал старший адъютант штаба 8-й пехотной дивизии капитан П. Н. Богданович. Подробнее см.: Богданович П. Н. Вторжение в Восточную Пруссию в августе 1914 года: Воспоми-

руководство округа, забыв о проповедуемой им осторожности и не последовав многим рекомендациям генерала, погубило результаты многолетней его работы по подготовке к войне.

Возглавивший Северо-Западный фронт генерал Жилинский смотрел на поход в Восточную Пруссию как на легкую прогулку, в отличие от осторожного Ключева. Это роковое противоречие в конечном итоге и привело к гибели армии Самсонова. Первым нарушением планов Ключева стало изменение направления наступления 2-й армии. Самсонов самовольно отклонил направление главного удара примерно на 60 верст (примерно 60 км) к западу и решил наступать на фронт Остероде — Алленштейн. Против движения армии на северо-запад Ключев категорически возражал еще в ходе военной игры штаба округа в 1911 г.

Второй фатальной ошибкой фронтового командования стала неудовлетворительная координация действий армий, чем воспользовался противник и обратил войска, отступавшие под натиском 1-й армии Ренненкампа, против армии Самсонова, что привело к окружению и гибели русских XIII и XV корпусов. В этой операции I германский корпус, опрокинув русский левофланговый I корпус, сыграл ту же роль, что и VI корпус во время игры штаба Варшавского округа в 1911 г. Представления Ключева о возможном развертывании германской армии в Восточной Пруссии были более близкими к действительности, нежели предположения ГУГШ, поэтому он особенно сильно настаивал на согласованных действиях обеих армий фронта. Их взаимодействие должно было привести к одновременной атаке германских войск, сосредоточенных к северу и к югу от Мазурских озер, что исключало использование всех сил противника против одной из армий. Кроме того, Ставка Верховного главнокомандующего и командование фронта не уделили достаточного внимания обеспечению левого фланга 2-й армии. Прикованный распоряжением Ставки к району Сольдау, I корпус никак не мог заменить войска Московского военного округа, участие которых в наступлении предусматривалось планами Варшавского военного округа еще в 1910 и 1911 гг.

Необходимо отметить, что значительная доля вины в плохой готовности войск и штаба Варшавского военного округа к проведению наступления в Восточную Пруссию лежит на самом Ключеве. Усомнившись в целесообразности вторжения в пределы Германии, он с 1912 г. прекратил отработку наступательной операции в ходе специальных занятий с офицерами Генерального штаба и старшими войсковыми начальниками округа.

Сам Ключев, оказавшись в германском плену, в 1916 г. изложил свою точку зрения на причины провала Восточно-Прусской

нения офицера Генерального штаба армии генерала Самсонова. Буэнос-Айрес, 1964. С. 244.

операции в записке, которую переправил в Ставку вместе с одним из полковников, зашившим ее в своей одежде²⁸⁶. Переложение этого документа впоследствии было опубликовано А. Н. Розеншильдом-Паулином²⁸⁷. В записке Ключев указывал на то, что еще до войны он обращал внимание руководства ГУГШ на необходимость уделять большее внимание координации действий армий Северо-Западного фронта, чтобы не допустить их разгрома поодиночке, «почему рекомендовалось вести наступление очень методично, поджидая подхода 1-й армии после того, как она одолеет линию Мазурских озер»²⁸⁸. Однако, писал Ключев, наступление 2-й армии было произведено при целом ряде отклонений его предположений, что и привело к ее гибели.

* * *

Называвший русский план наступления в Восточную Пруссию «новорожденным ребенком», Иссерсон был недалек от истины: концепция концентрической операции в обход Мазурских озер появилась только в 1910 г., тогда как в конце XIX и начале XX в. штаб Варшавского военного округа готовился к фронтальному наступлению к Нижней Висле²⁸⁹. Однако относительная «молодость» мобилизационного расписания № 19 никак не может считаться главной причиной провала Восточно-Прусской операции в августе 1914 г. Первоисточником всех бед, преследовавших русские войска во время трагического «похода в Восточную Пруссию», следует считать отсутствие единого взгляда в русском Генеральном штабе на планирование наступления в пределы Германии. Конфликт между схоластикой и авантюризмом ГУГШ с одной стороны и осторожным прагматизмом Ключева с другой привели к тому, что целенаправленная подготовка Варшавского военного округа к вторжению в Восточную Пруссию оказалась парализована. Негативными последствиями обернулась и смена руководства окружного штаба, в результате которой нарушалась преемственность в подготовке к войне. Кульминацией всех предвоенных противоречий стала полная утрата взаимопонимания между командованием 2-й армии, штабом фронта и Ставкой в 1914 г., вылившаяся в целый ряд смертельных для армии Самсонова ошибок. История планирования «похода в Восточную Пруссию» является наглядной иллюстрацией неудовлетворительной работы Генерального штаба императорской России — конгломерата разрозненных нервных клеток, не ставших настоящим «мозгом армии».

286. Лемке М. К. 250 дней в царской ставке: 1916. Минск, 2003. С. 224.

287. А. [Н.] Р [озеншильд] -П [аулин]. Указ. соч. С. 154–162.

288. Там же. С. 157.

289. Иссерсон Г. [С.] Указ. соч. С. 26.

Е. Е. ЮДИН

ГОРОДСКИЕ ВЛАДЕНИЯ КНЯЗЕЙ ЮСУПОВЫХ В 1890–1914 гг.:

ТРАДИЦИИ ДВОРЦОВЫХ РЕЗИДЕНЦИЙ И СТРАТЕГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРАГМАТИЗМА

Место традиционной элиты в условиях структурного кризиса и социальной трансформации позднеимперской России принято рассматривать в тесной связи с характером землевладения и развития помещичьего хозяйства. Однако право собственности русской аристократии в конце XIX — начале XX вв. распространялось не только на имения, распложенные в сельской местности, но и на значительные территории в городах. Во владении отдельных дворянских семей находились как великолепные дворцовые комплексы, возведенные по большей части еще в XVIII — 1 трети XIX в. в обеих столицах и визуальным образом символизировавшие близость аристократии к центрам государственной власти, придворной жизни, так и обычные городские строения, доходные дома, торговые лавки, территории городских усадеб и даже пустыри. В период индустриальной модернизации 1890–1914 гг., придавшей городам новые стимулы развития, городская собственность приобретала для аристократии важнейшее экономическое значение. Хотя большая часть населения Российской империи продолжала проживать в сельской местности, не стоит также забывать, как отмечает современный американский исследователь, что уже «несколько миллионов русских обитали в Москве и Санкт-Петербурге, входивших в число крупнейших городов мира»¹.

В настоящее время в историографии отсутствуют специальные исследования, посвященные проблеме «дворянство и город» в по-

1. Блэр А. Рубл. Стратегия большого города. Прагматический плюрализм в Чикаго «позолоченного века», Москве серебряного века и Осаке эпохи Мэйдзи. М., 2004. С. 14.

следние десятилетия существования имперской России. Учитывая состояние изученности этого вопроса, невозможно однозначно судить о размерах городской собственности русской аристократии, ее значения как источника благосостояния и хозяйственной практики. По замечанию английского историка Д. Ливена, в отношении городской собственности место русской аристократии находилось где-то между английской и германской. В России, преимущественно аграрной стране, города были меньше, а городская собственность имела меньшую собственность, чем в Англии, с другой стороны, в отличие от лоскутной Германии, русская аристократия всегда тянулась ко двору и владела землей в имперских столицах, крупнейших городах мира в начале XX в. Можно также согласиться с его заключением, что существуют лишь отрывочные сведения о принадлежавшей аристократам собственности в Москве и С.-Петербурге, но «все остальное остается для нас белым пятном»².

Многие представители аристократии владели собственностью в столицах империи, в том числе не только семейными особняками, но и крупными многоквартирными домами — характерным символом индустриального прогресса последней трети XIX — начала XX в. Наиболее известным многоквартирным конгломератом, находившимся в собственности дворянской фамилии, был дом князя Щербатова в Москве, владелец которого разрушил свой городской особняк, а на его месте выстроил импозантное многоквартирное здание. Подобные дома были очень рентабельны. Один из графов Шуваловых в конце XIX в. вложил значительную часть своих свободных средств в шесть крупных жилых домов, стоимость которых составляла более 2,5 млн руб. Граф П. Зубов в начале XX в. имел только один дом, но в С.-Петербурге и на Невском проспекте. Здание оценивалось почти в 0,5 млн руб. Одним из самых прибыльных городских владений, принадлежавших представителю знатной дворянской фамилии, был дом графа С. Д. Шереметева на углу Никольской улицы и Черкасского переулка в деловом квартале Москвы. Он сдавался в аренду под магазины и конторы. В 1900 г. данный дом приносил прибыли 126,8 тыс. руб., а в 1910 г. — уже 250,4 тыс. руб. Вообще Шереметевы в Москве были крупнейшими землевладельцами. Им принадлежали на тогдашней окраине и пригородах второй столицы земли в Марьиной Роще, Останкине и Кускове. Из коммерческих соображений Шереметевы сдавали в аренду эти весьма обширные территории. Кроме того, граф С. Д. Шереметев не только сдавал внаем землю, примыкавшую к знаменитой больнице, основанной его семьей в Москве, но и мостовую перед входом в здание. В С.-Петербурге крупнейшими землевладельцами были князья Белосельские-Белозерские. Они владели огромным особняком на Фонтанке. В 1890-х гг. дом был продан императорской се-

2. Ливен Д. Аристократия в Европе 1815–1914. СПб., 2000. С. 141.

ме, а князь К. Э. Белосельский-Белозерский переселился в свой летний дворец на Крестовском острове. Сам остров также являлся владением этой княжеской фамилии. На рубеже XIX — XX вв. Крестовский остров был главным центром спортивных и развлекательных мероприятий Петербурга и приносил своим владельцам огромную прибыль. Между 1903 и 1908 гг. земельные участки, составлявшие менее одной десятой части площади острова, были проданы за 1,3–1,5 млн руб., а расширение границ С.-Петербурга предсказывало неуклонный и быстрый рост стоимости принадлежавшей князьям Белосельским-Белозерским собственности. Графам Апраксиным в центре Петербурга принадлежал участок в 8,3 дес., где располагался крупнейший городской рынок (Апраксин Двор). Его торговый оборот к 1914 г. достигал нескольких миллионов рублей³. Обращение к комплексу документов юсуповской семьи призвано в определенной степени верифицировать имеющиеся в литературе представления о характере использования и роли городской собственности русской аристократии в период индустриальной модернизации России.

В начале XX в. комплекс городских владений князей Юсуповых включал в себя помимо дворцовых резиденций несколько доходных домов в С.-Петербурге, а также доходные дома по Тверскому бульвару и у Красных ворот в Москве и деревянный дом с флигелями на берегу реки Кутума в Астрахани. Согласно отчетам Главного управления по делам и имениям Юсуповых за 1900 г., стоимость городской собственности княжеской семьи составляла 3 761 176 руб. Для сравнения недвижимое имущество, земля, леса и строения в имениях оценивались в 10 915 343 руб. В более детализированном отчете по личным владениям княгини Э. Н. Юсуповой, относящихся к собственно родовому юсуповскому состоянию, стоимость «дворцов жилых и прочих строений» оценивалась в 5 341 016 руб., из которых на долю городской собственности приходилось 3 381 953 руб. Дома в С.-Петербурге оценивались в 2 903 854 руб., московские дома — в 413 292 руб. В то же время полевая и прочая земля в имениях княгини Э. Н. Юсуповой стоила 4 228 559 руб., лесные угодья — 3 497 836 руб., фабрики и заводы — 1 762 207 руб. Оборотный же капитал в имениях составлял 1 919 657 руб.⁴ В 1912 г. стоимость только доходных домов Юсуповых в Петербурге и «движимости в них» (без учета дворцовых комплексов) составляла 1 982 280 руб. Московские дома оценива-

3. Гиндин И. Ф. Правительственная поддержка уральских магнатов во второй половине XIX — начале XX века // Исторические записки. Т. 82. С. 138; Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (кон. XIX — нач. XX в.). М., 1969. С. 277; Ливен Д. Указ. соч. С. 142–144; Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004. С. 66–67.

4. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 347. Л. 10, 71.

лись на 1 января 1914 г. в 429 487 руб.⁵ Таким образом, по крайней мере в денежном эквиваленте городская собственность Юсуповых не намного уступала земельным владениям, была практически равна лесным угодьям и почти в два раза превосходила промышленные фонды.

Основой городской собственности Юсуповых являлись петербургский и московский дворцовые комплексы, располагавшиеся в исторических частях двух столиц. В Петербурге начала XX в. было немало аристократических семейств, чьи особняки и дворцы не уступали по своей представительности дворцу Юсуповых. Располагались они как правило в самых фешенебельных районах города: на Английской и Адмиралтейской набережных, на Мойке и Фонтанке, на Большой Морской, Невском проспекте, Сергиевской улице и Литейном проспекте⁶. Территория, где находился Большой дом Юсуповых на Мойке, практически с момента основания Петербурга стала местом строительства дворцов русской аристократии. Еще в первой половине XVIII в. обширные участки по реке Мье (Мойке) принадлежали Разумовским, Мусиным-Пушкиным, Урусовым, Шуваловым, Голицыным и др. Собственно дворцовый комплекс на Мойке стал юсуповским владением только в 1830 г., а в XVIII в. являлся собственностью семьи Шуваловых⁷. Московский дом Юсуповых в Б. Харитоньевском переулке находился не в самом центре города, но также в исторической части, недалеко от прежних стен Белого города с внешней стороны. Согласно семейному преданию, упоминаемому, например, в мемуарах князя Феликса Юсупова, изначально, еще в XVI в., сама территория дворцового комплекса являлась царским владением, а само здание было охотничьим домом Ивана Грозного⁸. В действительности сохранившееся к началу XX в. здание было построено позже, предположительно в конце XVII в., и стало юсуповским владением в 1727 г. в результате пожалования императора Петра II. Тем не менее, московская резиденция Юсуповых представляла собой одно из немногих светских строений допетровской эпохи.

Главной городской резиденцией Юсуповых в конце XIX — начале XX вв. был знаменитый дворец на Мойке в Петербурге. Интересно, что известный общественный деятель и историк С. Д. Ше-

реметев (1844–1918) называл его «сумрачным, как тюрьма»⁹. Здание дворца было построено в 1770-е гг. в классицистическом стиле Ж. Б. М. Вален-Деламотом для графа А. П. Шувалова. После смерти последнего участок дворцового владения был продан наследниками в казну, а в 1795 г. подарен Екатериной II статс-даме графине А. В. Браницкой. В 1830 г. дворец на Мойке был приобретен князем Н. Б. Юсуповым. При новых владельцах дворцовый комплекс достраивался и перестраивался в течение всех последующих десятилетий XIX в. В 1830–1840-е гг. архитектором А. А. Михайловым создаются интерьеры дворца, прежде всего его парадной части, в стиле позднего классицизма. Эта реконструкция проходила под строгим контролем Юсуповых, а сам стиль определялся личными пристрастиями владельцев. Именно в этот период была создана, в частности, парадная анфилада дворца, ампирный стиль которой с его парадностью и торжественностью должен был отвечать главному функциональному назначению интерьеров — официальным приемам и балам¹⁰. По мнению Т. А. Соловьевой, главную роль в столь притягательной, загадочной атмосфере помещений дворца, в гармонии интерьеров сыграл совершенный вкус последних его владельцев — князей Юсуповых¹¹. В 1850-е гг. при князе Н. Б. Юсупове-младшем (1827–1891) работы во дворце осуществлялись известным архитектором И. А. Монигетти. По словам князя Феликса Юсупова, «к несчастью, дед затеял перестройку и многое, увы, испортил», и всего лишь «две-три залы, гостиные да галереи с картинами сохранили дух XVIII века»¹².

К началу 1890-х гг. в юсуповском дворце на Мойке насчитывалось свыше 100 помещений, где большую по числу часть представляли хозяйственные службы, комнаты для прислуги и т. п. Более 40 помещений представляли парадную часть здания, являясь настоящими произведениями искусства. Во дворце находился собственный театр и домовая церковь. По традиции русских аристократических резиденций жилые покои располагались в бельэтаже под парадными анфиладами. Феликс Юсупов записывал в своих мемуарах: «В Петербурге мы жили на Мойке. Дом наш был особенно замечателен своими пропорциями. Прекрасный внутренний полукруглый двор с колоннадой переходил в сад... Произведения искусства наполняли его во множестве. Дом был похож на музей... Подвал в доме на Мойке был настоящим лабиринтом. Эти

5. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 958. Л. 3; Д. 960. Л. 39, 54.

6. Муравьева И. А. Век модерна: Панорама столичной жизни. Т. 1. СПб., 2004. С. 54.

7. Соловьева Т. А. Особняки Юсуповых в Петербурге. СПб., 1995. С. 9; Кищук А. А., Васильева Е. Н. Исследование территории комплекса Юсуповского дворца на набережной Мойки в Петербурге (археологические раскопки и историко-архитектурный анализ) // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник. 1989 / Сост. Т. Б. Князевская. М., 1990. С. 469–471.

8. Юсупов Ф. Перед изгнанием. 1887–1919. М., 1993. С. 32–33.

9. Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 106.

10. Зайцева Н. В. История интерьеров Юсуповского дворца в контексте развития русского дворцового интерьера (30-е гг. XIX — начало XX вв.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. СПб., 2003. С. 8–11.

11. Соловьева Т. А. Указ. соч. С. 6.

12. Князь Феликс Юсупов. Мемуары в двух книгах. До изгнания. 1887–1919. В изгнании. М., 2004. С. 57.

толстостенные с глухими дверьми помещения не боялись ни пожара, ни наводнения. Находились там и винные погреба с винами лучших марок, и кладовые с коробами столового серебра и драгоценных сервизов для званых вечеров, и хранилища скульптур и полотен, не нашедших место в картинных галереях и залах. Это „подвальное“ искусство могло бы составить музей»¹³. Сложившийся к концу XIX в. комплекс юсуповского дворца в полной мере выполнял свои представительные функции, подчеркивал традиционный социальный статус его владельцев и отражал их эстетические запросы. Следует также отметить, что в начале XX в. дворцовые резиденции Юсуповых являлись крупнейшими хранилищами культурных ценностей, накопленными несколькими поколениями этой семьи. Большая часть юсуповской художественной коллекции размещалась в Восточном корпусе петербургского дворца. В его галереях были представлены коллекции итальянских и французских живописцев XVII–XVIII вв., голландских и фламандских мастеров XVII в, английских и немецких живописцев XVIII в., представителей западноевропейской живописи середины XIX в., скульптуры Кановы и римские антики. По сведениям известного искусствоведа, академика А. Прахова, одного из первых, кто получил разрешение владельцев ознакомиться с юсуповским собранием, в коллекции этой княжеской семьи находилось, например, 18 картин Греза, 4 — Фрагонара, 3 — Маргерит Жерар, 5 — Виже-Лебрэн, 8 — Ф. Буше, 7 — Л. Л. Буальи и одна картина Рембрандта («Савояр»)¹⁴. Помимо живописи в петербургском дворце Юсуповых находились собрания различных уникальных предметов: образцы стариной мебели, фарфора, серебряные кубки и чаши, драгоценное кружево, старинное оружие, медали, монеты, коллекция музыкальных инструментов, в том числе скрипки работы Амати, Страдивари и Гварнери. Княгиня З. Н. Юсупова обладала крупнейшей в империи коллекцией драгоценностей. После 1917 г. в результате национализации юсуповской собственности из петербургского дворца на Мойке было изъято 1182 картины, 519 скульптур, 152 гобелена, 8 тыс. томов библиотеки. Собрание книг включало в себя более 400 инкунабул, в том числе уникальную Библию 1462 г.¹⁵ Значительная часть художественного собрания Юсуповых находилась в их московских резиденциях: 88 картин известных авторов (Юбер Робер, Натуар, Рейсдал, Гроот, Доу, Прево, Верне, Ротари, Дуайен, Коло, порт-

13. Там же. С. 57–59.

14. Прахов А. Происхождение художественных сокровищ князей Юсуповых // Художественные сокровища России. 1906. № 8–12. С. 193–215.

15. Масленникова Е. В. Судьба художественного собрания князей Юсуповых // Юсуповский дворец. Дворянские особняки. История рода, усадьбы и коллекции. СПб., 1999. С. 382–387; Соловьева Т. А. Указ. соч. С. 180–189; РГА-ДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 1258–1260.

рет Екатерины II работы И. Аргунова) и 67 неизвестных в Архангельском, 3 и 2 картины соответственно в Московском дворце. Также здесь располагались коллекции гравюр и акварелей, 22 скульптурных работы¹⁶.

В 1891 г., после смерти князя Н. Б. Юсупова, весь комплекс юсуповской фамильной собственности перешел к его единственной наследнице, княгине Зинаиде Николаевне Юсуповой (1861–1939), ее мужу, графу Феликсу Феликсовичу Сумарокову-Эльстон (получившему титул князя Юсупова) и их сыновьям — Николаю и Феликсу. Новые владельцы предпринимают значительные усилия и идут на значительные финансовые затраты по реконструкции своих дворцовых резиденций как в Петербурге, так и в Москве. Реконструкция петербургского дворца на Мойке была поручена известному архитектору Алексею Александровичу Степанову (1856–1913). Объем работ, начатых в 1892 г., был настолько велик, что они растянулись на 7 лет. Архитектором полностью переделывается в семейную столовую зимний сад, последовательно в помещениях на двух этажах изменяется декор гостиных и личных покоев, ремонтируются анфилады парадных залов и комнаты картинной галереи. В турецком кабинете и секретарской появляются витражи (витражи покупались Юсуповыми во Франции). В ряде залов проводятся очень сложные в инженерном и архитектурном смысле работы: в Николаевском зале устанавливается портик и помещается фонарь дневного света, а в Римском зале — мраморная лестница, ведущая в театр. Фонари дневного света также устанавливаются в зале Прециоза. С 1895 по 1899 гг. А. А. Степанов реконструирует знаменитый юсуповский домашний театр, рассчитанный на 192 места. Театр, представлявший собой сочетание элементов барокко и рококо, украшается лепниной, живописью и позолотой, а также четырьмя вензелями княгини З. Н. Юсуповой. К созданию росписей плафона в театре был привлечен крупнейший знаток итальянского искусства, главный хранитель императорского Эрмитажа, Эрнест Карлович Лингардт¹⁷. По мнению историков искусства, интерьеры, созданные А. А. Степановым, стали наиболее зрелищной частью юсуповского дворца, а романтическим фантазиям архитектора способствовали практически неограниченные финансовые возможности владельцев¹⁸. Одновременно с реконструкцией внутри здания Степановым были осуществлены работы по благоустройству дворцового участка. В 1892 г. со стороны двора были переложены две наружные стены и возведена каменная двухэтажная пристройка к надворному флигелю у театра. В 1893 г. ремонтируется оранжерея, а в 1894 г. перестраивается флигель.

16. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 2974. Л. 2–7.

17. Соловьева Т. А. Указ. соч. С. 108–117.

18. Зайцева Н. В. Указ. соч. С. 17.

А. А. Степанов не только изменил интерьеры дворца, но и осуществил капитальный ремонт здания. Были заменены межэтажные перекрытия, проведено паровое отопление и электричество. Эти инженерные работы проводились Степановым совместно с известным в Петербурге специалистом Н. В. Смирновым. В качестве подрядчиков архитектором были привлечены знаменитые фирмы Петербурга — «Ансерио», «Сан-Галли», купца Ж. Миллера и др. К вопросам технического ремонта здания дворца Юсуповы обращались и в последующие годы. В частности, в 1908 г. они прибегли к услугам архитектора Н. В. Султанова, занимавшегося реконструкцией их московского дома. В данном случае речь шла о консультациях по реконструкции вентиляционной и отопительной системы¹⁹. В 1910–1912 гг. весь нижний этаж петербургского дворца в той части, где до этого были служебные помещения и канцелярия, перестраивается по проекту архитектора А. П. Вайтенса, который руководил одновременно и ремонтом дома Юсуповых в Царском селе²⁰.

В 1914–1916 гг. в связи с бракосочетанием князя Ф. Ф. Юсупова-младшего и княжны императорской крови Ирины Александровны вновь подверглась реконструкции часть петербургского дворца, предназначенная для проживания молодой четы. Создание интерьеров было поручено молодому архитектору А. Я. Белобородову. Для апартаментов молодых Юсуповых был предназначен нижний этаж всего левого крыла дворца с отдельным входом и четырнадцатью окнами. Помещение было роскошно отделано в классическом стиле и стало, по мнению современных искусствоведов, воплощением лучших образцов декоративного искусства 1910-х гг.²¹ Обращение А. Я. Белобородова к неоклассическому стилю, очевидно, определялось личными вкусами и предпочтениями молодого Юсупова. В 1909–1913 гг. Ф. Ф. Юсупов учился в Оксфорде и был горячим поклонником образа жизни английской аристократии, ее культурных ценностей²². В Англии же начала XX в. так называемый «эдвардианский неоклассицизм» превратился в официальный стиль

19. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 3331. Л. 1–206.

20. Царскосельский дом Юсуповых, располагавшийся по соседству с комплексом императорских дворцов, был построен в 1840-е гг. в стиле Людовика XV. Значительные ремонтные работы проводились в нем в 1910–1912 гг. под руководством архитектора А. П. Вайтенса. Судя по письмам княгини Зинаиды Николаевны (февраль 1912 г.) сыну Феликсу, Юсуповы были вполне удовлетворены работой архитектора. (Из семейной переписки Юсуповых // Река времен. Книга истории и культуры. Кн. 2. М., 1995. С. 115, 117; Письма из архива Юсуповых // Юсупов Ф. Перед изгнанием. 1887–1919. М., 1993. С. 231.)

21. Уточкина О. В. Юсуповы в России и для России // Юсуповский дворец. Дворянские особняки. История рода, усадьбы и коллекции. СПб., 1999. С. 100–101.

22. Князь Феликс Юсупов. Мемуары... С. 137.

и нашел отражение в работах Ричарда Спирера и Нормана Шоу. Англия именно в этот период заняла первенствующее место в формировании нового архитектурного стиля, принимавшегося за образец европейской элитой²³.

Работы в петербургском дворце Юсуповых А. Я. Белобородов осуществлял совместно с художником В. М. Конашевичем. Примечательно, что проектные чертежи Белобородова большой и малой гостиной были опубликованы в 1916 г. в «Ежегоднике общества архитекторов-художников» как лучшие проекты года²⁴. Сам архитектор считал переустройство апартаментов задачей исключительной, прежде всего из-за того, что Феликс Юсупов «давал полную волю полету своей фантазии, совершенно не считаясь ни с трудностями, ни с осуществимостью своих идей...»²⁵. Примеры подобных неординарных идей молодого Юсупова можно найти в воспоминаниях А. Я. Белобородова: «Для Ирины Александровны, при ее личных апартаментах, нужно было сделать хрустальную ванну и „фонтан слез“ — и вскоре на посеребренных стенах и сводах алькова Малой гостиной, расписанных фантастическими цветами и птицами, вода стала переливаться каплями из одной полукруглой чаши в другую; чаши были выточены из разноцветных уральских камней — хрустальная же ванная осталась в проекте, который серьезно изучался. Для князя был построен бассейн, пол, стенки и ступени которого были сделаны из огромных цельных кафельных плит... При будуаре Ирины Александровны, по желанию Юсупова, был спроектирован тайник для драгоценностей, при чем задача заключалась в том, чтобы княгиня могла их видеть все одновременно и сделать свой выбор на данный вечер... Маленькая потайная дверь открывалась в узенькую галерейку, проделанную в толщине стены и приводившую в низкое восьмиугольное помещение, стенки которого состояли из металлических дверей. Достаточно было нажать потайную кнопку, чтобы верхние части дверей опустились и открыли ярко освещенные витрины со всеми сверкающими драгоценностями <...> Между прочим, Юсупов захотел, чтобы воздух во все помещения приходил из сада, и эта затея была осуществлена при помощи сложной системы шлангов и особой фильтрованной комнаты. Много было причуд во всех апартаментах, но больше всего в той части, которая предназначалась для возможных приездов князя в периоды, когда княгиня отсутствовала, и парадные апартаменты были закрыты. Здесь был целый лабиринт небольших помещений с винтовой лесенкой, спускавшейся

23. Зайцева Н. В. Указ. соч. С. 18–19.

24. Соловьева Т. А. Указ. соч. С. 134.

25. Белобородов А. Я. Работа во дворце кн. Феликса Юсупова // Новый журнал. Нью-Йорк. 1962. № 70. С. 184.

в подземелье, которое должно было служить столовой...»²⁶. Одним из первых, кому Феликс Юсупов показал свои апартаменты, был А. Н. Бенуа, оценивший работу Белобородова весьма критично²⁷. Сам же князь высоко оценивал воплощение своих идей архитектором и уделил большое место описанию результатов реконструкции в своих мемуарах²⁸.

В результате реконструкции петербургского дворца Юсуповых в 1892–1916 гг. классические парадные залы дворца, созданные в 1830–1850-е гг., не утратили своего первоначального вида. Преемственность традиции аристократической резиденции и визуальная связь с эпохой расцвета империи были сохранены. Функциональная значимость этой части дворцового комплекса оставалась актуальной и в начале XX в. Тем не менее, из 27 важнейших парадных и личных покоев петербургского дворца Юсуповых 13 подверглись серьезным переделкам. Особое внимание уделялось именно личным, приватным покоям, что свидетельствовало о новых тенденциях в образе жизни русской аристократии на рубеже XIX — XX вв., когда окончательно утвердились ценности комфорта и выделения особого личного пространства.

Практически одновременно с работами в петербургском дворце Юсуповы обращают внимание на свою в полном смысле родовую резиденцию, которой являлся дворец этой княжеской семьи в Москве. С середины XVIII в. представители семьи в нем постоянно не жили и свой облик московский дом сохранил в неизменном виде: «Дом был выкрашен в яркие цвета, в старом московском стиле. Он выходил одной стороной на парадный двор, а другой в сад. Все залы были сводчатые и украшены живописью, в самой большой была коллекция прекрасных золотых монет, портреты царей в скульптурных рамах украшали стены. Остальное состояло из множества маленьких комнаток, темных переходов, крошечных лестниц, ведущих в подземные тюрьмы... Мы не любили этот

26. Там же. С. 185–187.

27. «В 2 ч. с Аргутоном у молодого Юсупова — смотреть новые личные его апартаменты в Юсуповском дворце, отделанные Белобородовым. Они в нижнем, надподвальном этаже по левую сторону от главного подъезда на Мойку. Кое-что довольно затейливо, а иное даже просто красиво. Но, каюсь, мне, в общем, начинает надоедать эта, превратившаяся теперь в моду, подделка под классику. К тому же чехонинская орнаментальная живопись (прямо по стенам и пилястрам) *laisse a desirer*. Далеко ему до какого-нибудь Скотти или Бернаскони... Зато интимные покои (спальни, „маленькая“ столовая и т. п.) поразили меня своей теснотой (сущие клетки), путаностью плана и чем-то, я бы сказал, просто нелепым. Под большим кабинетом помещается в подвале еще одна, еще не законченная отделкой, большая сводчатая комната с окном-*scourraïl* в уровень с мостовой улицы. *Tres romantique!*.» (Бенуа А. Н. Мой дневник. 1916–1917–1918. М., 2003. С. 49. Запись от 24 ноября / 7 декабря 1916 г.).

28. Князь Феликс Юсупов Мемуары... С. 149–150.

дом, где трагическое прошлое было столь живо, и никогда долго не жили в Москве. Когда отца назначили генерал-губернатором, мы поселились в пристройке, соединенной с главным домом зимним садом. Сам дом был предназначен для праздников и приемов»²⁹. Очевидно, исходя из последних соображений, Юсуповы предприняли в 1890-е гг. в своей московской резиденции значительные реставрационные работы. В 1891 г. владельцы поручили известному архитектору Н. В. Султанову, выполнявшему многочисленные заказы для императорской фамилии и представителей придворной аристократии, реконструкцию внешнего облика дворцовых палат и создание интерьеров парадных помещений второго этажа, которые располагались в восточной части городской усадьбы. Западная половина была перестроена архитектором В. Д. Померанцевым в старорусском стиле и уже была завершена к 1891 г. В задачу архитектора входила не только реставрация фасадов и внешнего облика дома, но и создание заново в стиле XVII — начала XVIII в. интерьеров большой парадной залы, кабинета, столовой и приемной. В других помещениях должна была сохраняться прежняя отделка, но с приданием ей стилистики, соответствовавшей новым интерьерам. Основные работы в московском дворце Юсуповых осуществлялись Н. В. Султановым в 1892–1893 гг., а их размах и содержание произвели большое впечатление на современников³⁰. Архитектором были создан новый парадный фасад дворца и двухмаршевая лестница, украшенная фигурами раскрывших пасти львов, заимствованных из герба князей Юсуповых. Все интерьеры были украшены орнаментальной живописью, индивидуальной для каждого помещения. Султанов исполнил и некоторые неординарные пожелания владельцев, как, например, приемную залу в «китайской» стилистике, изображения древнерусских мифологических персонажей («сирина», «индрика» (единорога), «полкана» (кентавра), «неясыть» (пеликана) и др.), роспись свода княжеского кабинета в виде астрономической карты неба. Украшением интерьеров служила старинная мебель, в обивке которой был использован бархат, дорогие шелковые материи и позолоченная кожа. В каждом из помещений московского дома Юсуповых были установлены высокие печи, покрытые настоящими древнерусскими изразцами и которые должны были придавать интерьерам облик XVII в. Мебель создавалась как по рисункам архитектора, ориентированного на подлинные образцы XVII в., так и доставлялись из Европы, преимущественно из Венеции. Интересно, что при всем следовании стилистике XVII в., как показывает переписка Н. В. Султано-

29. Юсупов Ф. Перед изгнанием... С. 59.

30. Савельев Ю. Р. Н. В. Султанов (1850–1908). Заказчики и зодчий // Архитектурное наследство. Вып. 45. М., 2003. С. 203; Он же. Николай Султанов. СПб., 2003. С. 147–161.

ва с владельцами, в ходе реконструкции юсуповский дворец был оснащен современной системой отопления и вентиляции, было проведено электрическое освещение и городской водопровод³¹.

В результате реконструкции 1892–1895 гг. московская резиденция Юсуповых превратилась в настоящее произведение искусства, яркое воплощение «русского стиля» в архитектуре Москвы рубежа XIX — XX вв. По заказу Юсуповых Н. В. Султанов осуществил также благоустройство внутреннего двора московского дома и строительство новых технических служб. План реализовывался в 1893–1899 гг. Он предусматривал проведение канализации и мощение двора, ликвидацию старых деревянных и ветхих надворных строений, постройку на их месте новых хозяйственных помещений (конюшни, сарай, прачечная, ледник и помещение для электрической машины). В центре двора создавался круглый газон, вокруг которого могли циркулировать автомобили и экипажи. К 1899 г. со стороны Трехсвятительского переулкa были сооружены также новые ворота, с внешней стороны был разбит сад, а по Б. Харитоньевскому переулку была установлена металлическая ограда в стилистике XVII в.³²

Внутреннее устройство городских дворцов Юсуповых, подвергшееся столь значительным переделкам, сохранило, тем не менее, в своей основе функциональные качества публичной резиденции, присущие социальному статусу и образу жизни этой аристократической семьи. В то же время важнейшей причиной этих реконструкций в дворцовых комплексах, построенных в основном в XVIII — первой половине XIX в., являлись не только эстетические запросы нового поколения владельцев, стремившихся к тому же выделить частное пространство каждого из членов семьи, но и вполне утилитарный интерес к созданию максимального бытового и технического комфорта.

В отчете Главного управления по делам и имениям «их сиятельств» (1901 г.) отмечалось, что за предшествующее пятилетие группа расходов на «содержание дворцов и резиденций» поглотила наибольшую сумму среди прочих статей, составив в среднем 35 % всех затрат³³. Эта тенденция сохранялась в течение всего последующего времени. Так, в 1913 г. из общих расходов по личному бюджету (831 566 руб.) расходы по резиденциям составили 234 061 руб.³⁴ Вплоть до 1917 г. на содержание своих городских дворцов Юсуповы тратили сотни тысяч рублей ежегодно. Речь шла не только о доро-

гостоящих реконструкциях, текущих ремонтных работах. Дворцовые резиденции Юсуповых обслуживал огромный штат служащих, а «слуги всех мастей: арабы, татары, калмыки, негры», как вспоминал князь Феликс Юсупов, «щеголяли в своих пестрых платьях»³⁵. В 1910 г. на содержание резиденций (Большой дом в Петербурге, Архангельское, Московский дом, Царскосельский дом, Кореиз, Коккоз, Красносельская дача, дача в Балаклаве) было потрачено 167 302 руб., в 1911 г. — 319 922 руб., в 1912 г. — 266 833 руб., в 1913 г. — 234 061 руб., в 1914 г. — 320 018 руб.³⁶ Затраты на содержание собственно городских резиденций значительно выросли. Расходы по петербургскому дворцу в 1910 г. составляли 41 142 руб., в 1911 г. — 54 691 руб., в 1912 г. — 67 123 руб., в 1913 г. — 56 230 руб., в 1914 г. — 62 260 руб. Средства, выделяемые на содержание московского дворца, возросли с 1969 руб. в 1910 г. до 28 906 руб. в 1914 г.³⁷ Поддержание своего статусного положения требовало от Юсуповых огромных затрат, которые в общем-то расходовались абсолютно непроизводительно. В период роста общей задолженности юсуповского хозяйства на украшение интерьеров и дорогостоящие переделки в дворцовых комплексах денежные суммы продолжали выделяться практически неограниченно.

В то же время определенный экономический прагматизм Юсуповых сказывался в их отношении к другой части своей городской собственности. Большая часть городских владений этой княжеской семьи была сосредоточена в С.-Петербурге. В 1895 г. Юсуповым принадлежали доходные дома и прочие здания по следующим адресам: Мойка, 92; Мойка, 94; Литейный проспект, 42; Фонтанка, 85; Большой проспект Васильевского острова, 6–10; на Стрелке Васильевского острова у Биржи, 6; угол Офицерской улицы и Минского переулкa³⁸. Спустя почти 20 лет (в 1917 г.) общее количество домовладений Юсуповых оставалось прежним: Большой дом на Мойке, 94; Невский дом (Невский проспект, 84, 86); Семеновский дом (Фонтанка, 85); Почтамтский дом (Мойка, 92); Литовский дом (Офицерская улица, 36); Литейный дом (Литейный проспект, 42); Бассейный дом (Бассейная улица, 3/5). Судя по сохранившимся документам, счетам, письмам, Юсуповы тщательно следили за содержанием домов. В частности, счета от архитекторов говорят о замене лестниц, капитальных ремонтах, строительстве оранжерей, закупке мебели и т. п.³⁹ В год капитальные затраты по содержанию доходных домов достигали десятков тысяч рублей. Так, например, по сметам на 1901–1902 гг. на ремонтные

31. Переписка Н. В. Султанова с князем Ф. Ф. Юсуповым и княгиней З. Н. Юсуповой / Публикация Ю. Р. Савельева и Л. И. Шохина // Русская усадьба. Вып. 9 (25). М., 2003. С. 366.

32. Там же. С. 369–370.

33. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 368. Л. 200б.

34. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 1003. Л. 7.

35. Князь Феликс Юсупов. Мемуары... С. 59.

36. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 940. Л. 6. Д. 1003. Л. 7. Д. 1007. Л. 4.

37. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 1007. Л. 4.

38. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 1234. Л. 28–29.

39. Соловьева Т. А. Указ. соч. С. 170–171.

работы (прокладка новых подземных чугунных и свинцовых труб, замена оконных рам, балок, полов и пр.) в петербургских доходных домах, принадлежавших Юсуповым, было выделено 20 тыс. руб.⁴⁰ В следующем отчетном году (1902–1903) на капитальный ремонт доходных домов было потрачено 15 тыс. руб.⁴¹ В юсуповском архиве сохранились счета магазинов, мебельных мастерских, иностранных фирм об оплате работ по обустройству внутренних помещений. Так, на обустройство доходного дома на Фонтанке, находившегося в собственности князя Ф. Ф. Юсупова-младшего, в июне и декабре 1908 г. было потрачено соответственно 6923 и 10 148 руб.⁴² В 1912 г. расходы по петербургским доходным домам Юсуповых составили уже 95 570 руб.⁴³

Главной целью этих значительных инвестиций в городскую недвижимость, безусловно, являлось стремление владельцев превратить эту часть своей собственности в значительный источник своих доходов, компенсировать в определенной мере огромные затраты на содержание дворцовых резиденций. При этом Юсуповы использовали свои дома достаточно своеобразно. Так, например, здание на Невском проспекте (д. 86) княгиня З. Н. Юсупова приобрела у некоего богатого купца и откупщика. Его помещения предназначались для проведения выставок. Здесь же устраивались дворянские собрания. В первые годы XX в. в этом юсуповском владении разместился музей восковых фигур. Здание на Литейном проспекте (д. 42) сдавалось в аренду театру «Кривое зеркало», Польскому клубу, а с 1908 г. театральному антрепренеру. А. Н. Бенуа вспоминал, что этот дом «был отделан по изысканнейшей моде Второй империи... с вызывающей роскошью» и, «если для организаторов все помещение было целиком открыто, то большую публику с улицы... пускали лишь по роскошной беломраморной лестнице, ведущей от вестибюля в большой квадратный танцевальный зал». При этом А. Н. Бенуа недоумевал, что побудило молодого князя Феликса Юсупова, «баснословного богача», «отдать в наем этот особняк»⁴⁴. Аренда особняка продолжалась до начала первой мировой войны. В августе 1914 г. Юсуповы отдали все помещения здания под госпиталь. Другие здания использовались как обычные доходные дома.

В период 1890–1914 гг. доходы, получаемые Юсуповыми от городской собственности, постоянно росли достаточно быстрыми темпами. По отчетам за 1900 г. по семи петербургским доходным

домам чистой прибыли было получено 64 700 руб.⁴⁵ Спустя всего несколько лет, в 1908–1909 гг., доходы по петербургским домам составили 208 355 руб. За вычетом капитальных затрат по городской недвижимости (122 822 руб.) чистая прибыль составила 91 736 руб. В 1912 г. чистая прибыль по доходным домам в С.-Петербурге уже определялась суммой в 126 382 руб.⁴⁶ Таким образом, за десятилетие поступления от городской недвижимости Юсуповых выросли почти в два раза. В общих статьях доходов они занимали в том же 1912 г. третье место после прибылей по имениям и промышленности (326 656 и 281 821 руб. соответственно), опережая денежные поступления по процентным бумагам (75 316 руб.)⁴⁷. В целом же сводные данные по юсуповской городской собственности в предвоенные годы представляли следующую картину. Чистая прибыль по петербургским доходным домам в 1910–1914 гг. определялась такими суммами: 93149 руб. (1910), 120 249 руб. (1911), 126 382 руб. (1912), 123 000 руб. (1913), 120 279 руб. (1914). Поступления от московских домов были более скромными: 5080 руб. (1910), 5181 руб. (1911), 6333 руб. (1912), 6176 руб. (1913), 5898 руб. (1914)⁴⁸. Как это хорошо видно, доходность городской собственности Юсуповых вплоть до начала войны оставалась достаточно высокой, не опускаясь ниже определенного уровня.

Итак, в 1890–1914 гг. Юсуповы почти в два раза смогли увеличить поступления от своей городской собственности. Значительно выросли в условиях экономической конъюнктуры этого периода стоимость самих городских капиталов. Инвестиции в городскую недвижимость оказались весьма прибыльным делом, не требующими к тому же увеличения ее размеров. Безусловно, Юсуповыми осознавалась необходимость эффективного использования своей городской собственности, чье экономическое значение в индустриальную эпоху должно было все более возрастать. В этом вопросы их интересы мало чем отличались от других представителей русской аристократии, стремившихся превратить свои городские владения в надежный источник доходов, а, следовательно, и своего экономического благосостояния. В то же время возросшие поступления от доходных домов так и не смогли покрыть тех огромных сумм, которые Юсуповы продолжали тратить на содержание своих роскошных дворцовых резиденций. По сути, эти расходы покрывались за счет других доходных статей огромного юсуповского хозяйства. Наличие огромного экономического потенциала (земельные владения, фабрики и заводы, банковские капиталы, практически неограниченный кредит) позволяло Юсуповым предпринять

40. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 368. Л. 3.

41. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 417. Л. 190б.

42. ОПИ ГИМ. Ф. 411. Д. 1. Л. 1–9. 04

43. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 958. Л. 3.

44. Бенуа А. Н. Мои воспоминания. Т. 2. Кн. 4–5. М., 1990. С. 476.

45. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 347. Л. 71.

46. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 411. Л. 6; Д. 944. Л. 29–30.

47. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 944. Л. 29–30.

48. Анфимов А. М. Указ. соч. С. 276.

масштабные реконструкции в своих городских дворцах. Эти меры диктовались не только стремлением подчеркнуть в данном случае в визуальной форме свое социальное положение и социальный престиж аристократии, поставленный под сомнение новыми вызовами индустриальной эпохи, но и культурными, эстетическими предпочтениями членов семьи в сочетании с интересом к новому уровню бытового комфорта. В определенной степени обновленное величие классической петербургской резиденции или старинной роскоши московского дворца было визуальным ответом Юсуповым в такой же степени показным градостроительным инновациям новой буржуазной элиты, активно формировавшей городскую среду двух столиц своими особняками и зданиями банков⁴⁹. В том, как Юсуповы использовали свою городскую собственность, можно увидеть и очевидные черты переходной эпохи, которую переживала Россия. Сочетание традиционного взгляда на дворцовые комплексы как на роскошные резиденции, объединявшие публичные представительские функции и частное пространство, соответствовавшее новым требованиям комфорта, с очевидным экономическим прагматизмом в отношении городской недвижимости в полной мере было характерно для нового поколения юсуповской семьи, открытого вызовам российской модернизации начала XX в.

49. См., например: Брумфилд У. К. Эстетика и коммерция: архитектура купеческой Москвы в 1890–1917 гг. // Купеческая Москва: Образы ушедшей российской буржуазии. М., 2007. С. 177–192.

ТАТЬЯНА РЕЗВЫХ

«СЛУХ УЗНАЁТ ЗНАКОМОГО ПЕВЦА»:

ПЕРЕПИСКА С. Н. ДУРЫЛИНА И Е. П. КАЗАНОВИЧ
(1928–1939)

Мы предлагаем читателю первые двадцать пять писем из переписки Евлалии Павловны Казанович (1885–1942) и Сергея Николаевича Дурылина (1886–1954). С 1928 по 1939 годы они написали друг другу более ста писем. Судьба в лице Георгия Ивановича Чулкова свела их во время подготовки юбилейного тютчевского сборника «Урания», который должен был выйти к 125-летию со дня рождения поэта. Е. П. Казанович была редактором сборника, С. Н. Дурылин — одним из авторов, давним любителем и знатоком творчества Ф. И. Тютчева, другом второго поколения его потомков — Софьи Ивановны, Николая Ивановича и Федора Ивановича Тютчевых, учителем третьего поколения — Кирилла Васильевича и Ольги Васильевны Пигаревых; и был тесно связан с Мураново с начала 1920-х гг.¹ Для планируемого сборника С. Н. Дурылин подготовил статью «Тютчев в музыке», посвященную проблеме соотношения поэзии и музыки как одного из проявлений бодлеровского «correspondans». Воплощением идеального их соответствия для С. Н. Дурылина были песни Н. К. Метнера на слова русских поэтов, в том числе и на стихи Ф. И. Тютчева, и потому на третья статья была посвящена именно Н. К. Метнеру, «чья гениальная музыка, к счастью, „не обеспечивает ровное и желательное для черни течение событий внешнего мира“, т. е. вполне соответствует столь же „не обеспечивающей“ музе Тютчева»².

1. См.: Т. П. Гончарова. С. Н. Дурылин в Муранове // С. Н. Дурылин и его время: Книга первая. Исследования / Составление Анны Резниченко. М.: Модест Колеров, 2010. (Серия: «Исследования по истории русской мысли». Т. 14).

2. С. Н. Дурылин. В своем углу. XII. 9 // МА ДМД. Фонд С. Н. Дурылина. КП-265/24. Л. 24.

Музыка Н. К. Метнера обнажает смысл тютчевской поэзии, видящей подлинное бытие вещей, скрывающееся за скорлупой «бывания» — так считал С. Н. Дурьлин с того самого времени, как только он познакомился с творчеством Н. К. Метнера. Он восторженно писал композитору 21 апреля 1929 года из Томска: «в это время слепой глухоты, — Вы даете вновь, Вы воскрешаете Пушкина и Тютчева в их подлинном бессмертном звучании, Вы обретаете в музыке „лирическое волнение“, ответное, их „лирическому волнению“ в поэзии, — и, помутневшая, но все еще живая, наша

Душа стесняется лирическим волнением
И жаждет, наконец

сбросить с себя муть бывания и прорваться к высокому и подлинному бытию»³. А 5 февраля 1931 года из Киржача писал: «От Вас, от одного Вас можно и должно ждать воплощений таких созданий великого поэта, „Солнца русской поэзии“, какие перечислены выше: будьте же планетой, отражающей верно и благородно-прекрасно огонь и свет этого солнца!»⁴

Евлалия Казанович была дочерью потомственного дворянина, могилевского помещика Павла Иларьевича Казановича и его супруги Анны Ивановны. Она окончила в 1902 году Могилевскую женскую гимназию и поступила на Высшие Бестужевские курсы. В 1905 году Е. П. Казанович, по ее словам, «по недоразумению» поступила на математическое отделение, и уже в сентябре 1906 года перешла на историко-филологическое (окончила в 1913 году). Между гимназией и курсами она 4 месяца служила в редакции «Губернских ведомостей», да и во время самой учебы ей приходилось зарабатывать «письменной работой».

Е. П. Казанович стала ученицей известного филолога Н. А. Котляревского, от которого восприняла любовь к 60-м годам XIX века. В 1923 году она писала о себе: «Я принадлежала к тому поколению „воинствующих“ девственниц, по удачному выражению Р. Ролана, из которых многие хотя и не выходят замуж, „окажутся более плодоносными для будущего, чем поколения матрон, родивших до них живых детей: эти женщины, жертвовав собою, произведут на свет женскую расу нового классического века“. Так характеризовал Р. Ролан передовых женщин недавнего прошлого, которые, осознав свое человеческое достоинство и свои права в обществе и государстве, направили все свои духовные силы на борьбу за это достоинство и за эти права»⁵. Не будь на дворе Серебряный век, Е. Казанович, наверняка стала бы земской учительницей и посвятила бы свою жизнь крестьянским детям, но в это время обще-

ственные инстинкты ушли в прошлое, зато предельно обострилась и вышла на первый план «эстетическая чувствительность». Девушка серьезно увлеклась философией и стала бывать на заседаниях Петербургского Религиозно-Философского общества. Вскоре, впрочем, она смирилась с невозможностью серьезных философских занятий и впоследствии написала: «женщины еще не доросли до философии, а может быть и не дорастем никогда (...) Внешним поводом послужило увлечение лекциями тонкого аналитика — психолога в истории литературы (Овсяннико-Куликовского), и я, после нелегкой внутренней борьбы, перешла к занятиям русской литературой»⁶. Евлалия Казанович и сама писала прозу, в ее архиве сохранился целый ряд дневников и мемуаров, две драмы («Накоонец курсистка!», драма в 7 действиях (февраль 1906, Петербург) и «Трагедия любви», драмо-романтический этюд в 4 действиях с прологом (1913)) и повесть «Обновленные» (1910, Петербург), рассказы и две огромных тетради стихотворений (1895–1940)⁷. С 1911 года по приглашению Н. А. Котляревского и Б. Л. Модзалевского Казанович стала работать в Пушкинском Доме — библиотекарем, архивистом, секретарем Н. А. Котляревского — отныне ее судьба была прочно связана с этим домом. Она же написала и первую его историю⁸.

В 1920-е годы Е. П. Казанович получила известность в литературоведческих кругах своими работами о Д. И. Писареве и Ф. И. Тютчеве: долгие годы она работала над летописью жизни Ф. И. Тютчева, подготовила библиографию о Д. И. Писареве и опубликовала целый ряд его писем, многое из сделанного ею так и осталось ненапечатанным⁹. Кроме этого, она была автором публикаций

6. Там же. Л. 6.

7. Рукописи хранятся в ОР РНБ. Ф. 326.

8. Е. П. Казанович. Пушкинский Дом. История его возникновения // Временник Пушкинского Дома. 1913. СПб., [1914]; Из дневников Е. П. Казанович / Публ. В. Н. Сажина // Пушкинский Дом. Статьи. Документы. Библиография. Л.: «Наука», 1982. С. 160–180. См. о ней: Н. В. Измайлов. Воспоминания о Пушкинском доме. 1918–1928 гг. / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 г. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003.

9. Соч.: Д. И. Писарев (1840–1856). Пг.: «Наука и школа», 1922; Писарев и Некрасов // Печать и революция. 1925. Кн. 1; Д. И. Писарев. Дидро и его время. Вступительная статья и примечания Е. Казанович // Звенья. № 6. 1937; Федор Иванович Тютчев в своих письмах. Л.: Отделение русского языка и словесности АН СССР, 1926; Ф. И. Тютчев в письмах к Е. К. Богдановой и С. П. Фролову (1866–1871) / С предисл. и примеч. Е. П. Казанович. Л.: Издание Отделения русского языка и словесности АН СССР, 1926; Из мюнхенских встреч Ф. И. Тютчева (1840-е годы) // Уралия. Л.: «Прибой», 1928. К источникам «Египетских ночей» // Звенья. Т. III–IV. 1934; Библиография о Писареве. 1921–1940. Автограф. 876 лл. // ОР РНБ. Ф. 326. Ед. хр. 48; Ф. И. Тютчев. Материалы к работе о нем. Хронологическая канва. Выписки из писем разных лиц. 1930-е гг. 159 лл. // ОР РНБ. Ф. 326. Ед. хр. 57; Мо-

3. ГЦММК им. М. И. Глинки. Ф. 132. Ед. хр. 5350. Инв. № 1943.

4. ГЦММК им. М. И. Глинки. Ф. 132. Ед. хр. 5350. Инв. № 1942.

5. ОР РНБ. Ф. 326. Ед. хр. 88. Л. 1

о П. Л. Лаврове, Н. В. и Л. П. Шелгуновых, Д. Н. Овсянко-Куликовском, Н. А. Котляревском. Академик С. Г. Струмилин, помогая ей добиться академической пенсии, писал в 1934 году: «еще с 1911 г., т. е. с первых шагов акад<емика> Н. Котляревского по созданию этого учреждения, она стала первой и долго единственной его сотрудницей по этому делу. Она отдавала этому делу совершенно бескорыстно — при нищенских условиях существования и возможности найти гораздо лучшие на другой работе — все свое время, всю свою энергию, все свои душевные силы и симпатии»¹⁰. Через семь лет С. Г. Струмилин вновь помогал Е. П. Казанович «обивать пороги» бюрократических инстанций, писал в «Комиссию по назначению персональных, академических и писательских пенсий»: «она была инициатором и проводником в жизнь многих начинаний и мероприятий молодого учреждения, своими статьями она знакомила с ним широкую публику и пропагандировала его в повседневной прессе, привлекая этим многочисленные поступления в его музейные, рукописные и книжные фонды, без ее участия не принималось ни одно сколько-нибудь принципиальное решение, и если при проведении в 1919 г. в Пушкинском Доме штатов Е. П. Казанович не получила в нем принадлежавшее ей по праву и заслуженное ею место, — причину надо искать не в ней, а в личном недоброжелательстве к ней одного из составителей штатов, недоброжелательстве, кстати сказать, сопровождавшем все ее как предшествовавшую, так и последующую работу в Пушкинском Доме. И, несмотря на это, Е. П. Казанович не бросила работы в любимом ею учреждении и продолжала служить ему после утверждения штатов — уже в скромной роли рядового сотрудника до тех пор, пока внешние обстоятельства не вынудили ее уйти из Пушкинского Дома, одним из создателей которого она была»¹¹. В 1929 году во время чистки в Пушкинском Доме («дело академиков» Н. П. Лихачева, М. К. Любавского, Е. В. Тарле, С. Ф. Платонова) она вместе с рядом других сотрудников была арестована, о чем свидетельствует документ, хранящийся в фонде Е. П. Казанович в Отделе Рукописей Российской Национальной Библиотеки: «Удостоверение. Дано сие гр. Казанович Евлалии Павловне, в том, что она содержалась в Доме Предварительного Заключения с 3 октября 1929 года и согласно ордера П<олномочного>П<редставительства> О. Г. П. У. в Л<енинградском> В<оенном> О<круге> от 25 ноября 1929 г. за № 1302 из под ареста освобождена сего числа»¹². О том, что ей пришлось пережить после ареста, говорит другой документ: «Удостоверение.

лодая Германия и Макс Штирнер. Материалы к работе. Автограф. 94 лл. // ОР РНБ. Ф. 326. Ед. хр. 61.

10. ОР РНБ. Ф. 326. Ед. хр. 13. Л. 13.

11. Там же. Л. 25.

12. ОР РНБ. Ф. 326. Ед. хр. 2. Л. 64.

Предъявитель сего гр. Казанович Евлалия Павловна, проживающая в доме № 21 по улице Мойка кв. 13, находящемся в ведении 6-го хоз<яйст>ва Ленинградского треста коммунальных домов, действительно безработная, одинокая, торговлей и спекуляцией не занимается. Выдано для представления в страх<овую> кассу. 16 марта 1930 года»¹³. Из Пушкинского Дома ей пришлось увольняться, да и прежнего Пушкинского Дома больше не существовало. В дальнейшем Е. Казанович работала библиографом в Главном геолого-разведочном управлении, Государственном гидрологическом институте, Научно-исследовательском институте гидротехники¹⁴, но все же сумела продолжить свое литературоведческое дело, в 1939 году подготовив к печати том Каролины Павловой.

Летом 1939 года корреспонденты встретились: Е. П. Казанович побывала в Болшево. В дальнейшем переписка по каким-то причинам прекратилась, хотя нота теснейшей дружеской связи и душевного взаимопонимания чувствуется и в самых последних письмах.

Осенью 1941 г. Е. П. Казанович находилась в эвакуации в Пензе¹⁵. По словам публикатора ее дневника, В. Н. Сажина, «суровой блокадной зимой, в конце декабря 1941 или в начале 1942 г. (более точные данные отсутствуют), Евлалия Павловна Казанович скончалась...»¹⁶.

Творчество С. Н. Дурылина — священника, писателя, поэта, литературоведа, искусствоведа, — уверенно находит дорогу к читателю, но эпистолярное его наследие знакомо пока большей частью по тем письмам, что вкраплены автором в океан дурылинской памяти — книгу «В своем углу»¹⁷. Однако для него именно письмо было самой адекватной формой мысли и жизни, а память — единственным способом бытия во эпоху «конца времен». «Если нет сил прощать, не надо и вспоминать. Всех надо простить в воспоминании: и это „простить“ здесь будут значить — „понять“, всех надо „простить“, кроме себя самого», писал С. Н. Дурылин, приступая к написанию «В своем углу»¹⁸. Это умение и желание понять и услышать другого, ответить на все тонкие извивы его мысли и души, стала причиной того, как быстро, естественно и незаметно появились у корреспондентов взаимопонимание, дружеские

13. Там же. Л. 65.

14. Пушкинский Дом. Материалы к истории. 1905–2005 / Под ред. Н. Н. Скотова. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2005. С. 451.

15. ОР РНБ. Ф. 326. Ед. хр. 13. Л. 32.

16. Из дневников Е. П. Казанович. Публикация В. Н. Сажина // Пушкинский Дом. Статьи. Документы. Библиография. Л.: «Наука», 1982. С. 160.

17. Переписки С. Н. Дурылина с Эллисом (Л. Л. Кобылинским) и о. П. Флоренским опубликованы в: С. Н. Дурылин и его время: Книга первая. Исследования / Сост. Анны Резниченко. М.: «Модест Колеров», 2010 (Серия: «Исследования по истории русской мысли». Т. 14).

18. С. Н. Дурылин. В своем углу. [Вступление] // МА ДМД. Фонд С. Н. Дурылина. КР-265/1. Л. 3.

чувства, а неверная «память рассудка» и общих литературных дел уступила место «памяти сердца». «Глухонемота» тех дней обострила эту врожденную у обоих необходимость преодолеть одиночество, высказаться и быть услышанным, или как сказал С. Н. Дурылин в письме к другу своей юности: делить «тесноту вдвоем».

С. Н. Дурылин дважды описал это знакомство. В XI тетради «В своем углу» он заметил: «открытка от Чулкова: „25 июня 1928 г. Дорогой Сергей Николаевич. Я написал сейчас энергичное письмо Казанович, рекомендуя для Тютчевского сборника Ваши статьи. Советую Вам, однако, поскорее выслать ей рукописи и написать письмо. Ее адрес: Ленинград: Мойка, 21, кв. 13. Евлалии Павловне Казанович. Обнимаю Вас. Привет Ирине. Любящий Вас Г<еоргий>Ч<улков>“. Через день письмо от Казанович»¹⁹. В XIII тетради Дурылин вновь вернулся к этой теме: «Заочное знакомство. Казанович из Пушкинского Дома. Автор работ по Тютчеву. Я получил ее письмо с предложением прислать статью „Тютчев в музыке“. Предложение было внушено Чулковым. Предложено, но не обещано поместить статью в „Урания“, т. к. все места уже заняты и издательство не может превысить размера сборника. У меня были наготове все материалы и мысли для статьи, но самой статьи еще не было. Мне и писать не хотелось почти наверное в воздух. Но Ирина меня усадила. В 2 дня я написал и отослал. Статья была напечатана. Завязалась переписка с Казанович, хотя „дел“ литературных между нами уже не было. Общение ведет к нахождению: один находит другого, хотя между ними было 4000 верст. Надо отучить людей от прямо, лицом к лицу, письмо в письмо, общения, чтобы научить их нигде и ни в чем не находить человека, а только социально-экономическую категорию»²⁰. Эта переписка была попыткой победить неумолимую «реку времен», своей могучей, но слепой силой топящую все в «памяти забвенья».

Все тексты писем Е. П. Казанович публикуются по машинописным копиям, хранящимся в Мемориальном Архиве Мемориального Дома-музея С. Н. Дурылина в Болшево (далее — *МА ДМД*) — Фонд С. Н. Дурылина. КП-525/23, кроме № 8, публикуемого по: РГАЛИ. Ф. 298с. Оп. 1. Ед. хр. 542 и № 22, публикуемого по: *МА ДМД*. Фонд С. Н. Дурылина. КП-265/27. Автографы хранятся в Российском Государственном Архиве Литературы и Искусства (Ф. 298с. Оп. 1. Ед. хр. 584, Оп. 2. Ед. хр. 542–543). Тексты писем С. Н. Дурылина публикуются по автографам, хранящимся в Отделе Рукописей Российской Национальной Библиотеки (Ф. 326. Ед. хр. 209), кроме письма № 23, публикуемого по: *МА ДМД*. Фонд С. Н. Дурылина. КП-265/27.

19. С. Н. Дурылин. В своем углу. XI. 47 // *МА ДМД*. Фонд С. Н. Дурылина. КП-265/21. Л. 161

20. С. Н. Дурылин. В своем углу. XIII. 21 // *МА ДМД*. Фонд С. Н. Дурылина. КП-265/26. Л. 71.

Мы сохраняем особенности авторского правописания и орфографии, подчеркивания и сокращения. Угловыми скобками обозначены конъектуры, квадратными скобками — вписанное автором над строкой.

г. Е. П. Казанович — С. Н. Дурылину

Москва. 26 июня. <1928>²¹

Многоуважаемый Сергей Николаевич!

Как-то, месяца полтора назад Н<иколай>И<ванович>²² писал мне, что у Вас имеется статья о Тютчеве и Толстом, которую он предлагал мне для Тютчевского сборника²³. Я ответила тогда, что статья на эту же тему уже обещана мне раньше Д. Д. Благим²⁴ и поэтому мне приходится, к сожалению, отказаться от Вашей работы.

Вчера я виделась с Г. И. Чулковым²⁵, который мне сказал, что у Вас есть еще одна работа: <>Тютчев в музыке<> и усиленно просил ее взять для сборника, предлагая для этого даже отказаться от своей статьи.

21. МА ДМД. Фонд С. Н. Дурылина. КП-525/23. Л. 2–3.

22. Тютчев Николай Иванович (1876–1949) — внук поэта, первый директор музея Мураново.

23. Речь идет о готовившемся под редакцией Е. П. Казанович сборнике к 125-летию со дня рождения Ф. И. Тютчева: Урания. Тютчевский альманах. 1803–1928. Л.: «Прибой», 1928.

24. Благой Дмитрий Дмитриевич (1893–1984) — российский литературовед, член-корреспондент АН СССР (1953). Речь идет о статье: Д. Д. Благой. Читатель Тютчева — Лев Толстой // Урания. Тютчевский альманах / Под ред. Е. П. Казанович. Л.: «Прибой», 1928.

25. Чулков Георгий Иванович (1879–1939) — поэт, прозаик, литературный критик, в советское время занимался творчеством Достоевского, Тютчева, Пушкина, заведовал секцией Ф. М. Достоевского в ГАХН. Близкое знакомство состоялось в марте 1922 года. С. Н. Дурылин, служивший в приходе свт. Николая на Маросейке, записал в дневнике: «Среда. <22 марта>. Служил преждеосв<ященную> Литургию с батюшкой. Спросил его: „м<ожет> б<ыть>, бросить писанье, и стать на правило“. Нет: «Пишите». Сегодня у него исповедовался и причащался Г. И. Чулков. Причащать его пришлось мне! Вот где мы встретились! «Мистический анархизм», травля его «Весами», потом долгое и упорное писательство в углу, встречи (без знакомства) в рел<игиозно>-фил<ософском> общ<естве>, зов меня посетить его больного (не было), — и вот теперь, встреча у Чаши Христовой! Он православный. Принял в журнал статью Карсавина о гностиках, чтобы вскрыть истоки совр<временных> лжеучений (антропософии). Советует писать о Леонтьеве и Шпенглере» — РГАЛИ. Ф. 298с. Оп. 1. Ед. хр. 297. Л. 2 об. Соч.: Последняя любовь Тютчева (Е. А. Денисьева). [М.:] М. и С. Сабашниковы, 1928; Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева. М.-Л.: «АКАДЕМИА», 1933; Жизнь Пушкина. М.: «ГИХЛ», 1938; Как работал Достоевский. М.: «Советский писатель», 1939; Ф. И. Тютчев. Полное собрание стихотворений: В 2 т. / Ред. и коммент. Г. И. Чулкова; вступ. статья Д. Д. Благого. М.-Л.: «АКАДЕМИА», 1933–1934.

Позвольте мне не убеждать Вас в том, что если бы была малейшая возможность, я с полной готовностью взяла бы Вашу последнюю статью для сборника. Но дело находится вот в каком положении. Сборник издает Государственное издательство, и взяло оно его с той программой, которая была мною представлена при первоначальных переговорах. Программа была рассчитана на 11 листов; при окончательных же переговорах Издательство сократило ее на два листа, предоставив мне, таким образом, сократить материал до 9 листов. Уже по этой одной причине я не могу принять новой работы.

Вторая причина вот какого рода. Сборник принят Издательством при наличии определенной программы и определенных участников, и согласится ли оно на изменения в составе сборника — я не знаю: для отстаивания нового лица у меня не будет законного основания, так как формальное право будет на стороне издательства, а только на такой почве и можно с ним вести деловые переговоры.

Все это я пишу Вам для того, чтобы Вы знали, что Ваши друзья сделали все от них зависящее, чтобы дать возможность Вашей работе появиться в печати. Со своей стороны я могу Вам предложить только одно, ничего при этом, к сожалению, не обещая: пришлите мне, только как можно скорее, Вашу статью «Тютчев в музыке» (объемом ни в каком случае не больше полулиста, т. е. 20 000 знаков), если возможно, переписанную на пишущей машинке (это требование Госиздата) и, если будет какая-нибудь возможность устроить ее в сборник, — я это постараюсь сделать. Но, повторяю при этом, обещать ничего не могу и прошу Вас не быть на меня в обиде, если мне придется Вам статью вернуть.

Жаль, что мне не было известно раньше о Ваших статьях. Впрочем, дело все стояло так неопределенно, что ни я, ни участники сборника не думали, что может что-нибудь выйти.

Прошу Вас верить моему искреннему желанию служить Вам и искреннему моему уважению.

Е. Казанович.

Москва, 26 июня. Мой адрес: Ленинград, Мойка, 21, кв. 13. Если решите послать рукопись, — сделайте это немедленно, заказной бандеролью.

2. С. Н. Дурылин — Е. П. Казанович

<Томск>. 3. VII. <1928>²⁶

Многоуважаемая Евлалия Павловна!

Вчера я получил Ваше любезное письмо и сегодня же посылаю Вам статью. К сожалению, я не имею никакой возможности переписать ее на машинке.

26. ОР РГБ. Ф. 326. Ед. хр. 209. Л. 1–2.

Я очень признателен Вам за Ваше письмо, за готовность сделать все, что возможно, для помещения в Сборнике моей статьи. У нее есть одно достоинство — совершенно новая тема, бросающая, как мне кажется, некоторый свет на судьбы Тютчевской поэзии.

Буду рад, если удастся ее поместить, не удастся — буду благодарен Вам за хлопоты и попрошу выслать мне статью обратно.

Я совершенно верю, что и друзья мои, и Вы сделаете все возможное, чтобы привести статью в печать. И каков бы ни был результат, заранее горячо благодарю и Вас, и их.

Искренне уважающий Вас С. Дурылин.

Томск, Никитинская ул. Д. 62. кв. 1.

Р. С. По моему счету, в статье ок<оло> 20000 знаков. Список музыкальных произведений на слова Тютчева можно печатать петитом.

3. Е. П. Казанович — С. Н. Дурылину

<Ленинград>. 10 июля. <1928>²⁷

Многоуважаемый Сергей Николаевич.

Вчера получила Вашу статью и спешу поблагодарить Вас за быстрое исполнение моей просьбы. Теперь буду стараться устроить ее.

С интересом читала Вашу статью, и опять, как и всегда, пожалела, что мой любимый композитор так мало отозвался на моего любимого поэта; я говорю о Танееве. Мне всегда казалось, что Танеев в русской музыке тоже, что Тютчев в русской поэзии, и когда я слушала его камерную музыку или его романсы, я всегда невольно думала: вот кому бы передать Тютчева в звуках!

Мне очень досадно, что с романсами Метнера на слова Тютчева я совсем не знакома: после того, как он испортил мне Пушкина (это чисто субъективное отношение, конечно), мне уже не хотелось слушать его Тютчева; вероятно, я ошибалась и при случае постараюсь исправить свое невежество²⁸.

Поспорила бы я с Вами относительно гетеанства (если можно так выразиться) Тютчева, но переписка — слишком неудобный для этого аппарат, может быть, когда-нибудь свидимся и тогда вспомним это.

27. МА ДМД. Фонд С. Н. Дурылина. КП-525/23. Л. 4–5.

28. Песни Н. К. Метнера на слова А. С. Пушкина входят в состав 8 опусов (ор. 3, ор. 13, ор. 29, ор. 32, ор. 36, ор. 45, ор. 52 и ор. 61), на слова Ф. И. Тютчева — в состав четырех (ор. 24, ор. 28, ор. 37, ор. 61) — Е. Долинская. *Николай Метнер. Монографический очерк. М.: «Музыка», 1966. С. 185.* С. Н. Дурылин писал: «А Пушкинист, — истинный, действительный, правомощный, — на всю Россию один: Николай Метнер» — С. Н. Дурылин. В своем углу. III. 25 // МА ДМД. Фонд С. Н. Дурылина. КП-265/5. Л. 21.

Вас не удивило, что самое певучее, самое лирическое в общепринятом понимании слова, стихотворение: «Вот бреду я вдоль большой дороги»²⁹ не нашло себе отклика в музыке? Может быть потому, что оно наименее характерно для Тютчева и стоит особняком в его поэзии? Но сколько в нем внутренней мелодии, сколько тихого молитвенного настроения! Последним оно напоминает мне стихотворение Жуковского: «Ты предо мною стояла тихо, Твой взор унылый был полон чувств...»³⁰ и т. д. Только Тютчевское — мелодичнее. Однако я заболталась. Позвольте пожелать Вам всего хорошего.

Искренне уважающая Вас
Е. Казанович.

4. С. Н. Дурылин — Е. П. Казанович

<Июль. 1928>³¹

Многоуважаемая Евлалия Павловна!

Сердечно благодарю Вас за второе Ваше письмо. Авось, с Вашей легкой руки, статья моя найдет себе приют под устроенной Вами хорошей Тютчевской кровлей. Очень был бы этому рад. Во всяком случае, благодарю Вас еще раз за участие и доброе расположение.

Метнера³² на слова Тютчева Вы послушайте. Жаль, что Вам не пришлось слушать эти Lieder в исполнении самого автора. Метнер дал подлинного Тютчева. Он пронес его на Запад и в Америку.

29. «Вот бреду я вдоль большой дороги» — начало стихотворения «Накануне годовщины 4 августа 1864 г.», входящего в денисьевский цикл и написанного накануне первой годовщины со дня смерти Е. А. Денисьевой (3 августа 1865 г.).

30. «Ты предо мною стояла тихо, твой взор унылый был полон чувств...» — стихотворение В. А. Жуковского «19 марта 1823».

31. ОР РГБ. Ф. 326. Ед. хр. 209. Л. 3–5 об. Конверт. Ленинград. Мойка, д. 21, кв. 13. Евлалии Павловне Казанович. Штемпели: Москва. 31.7.28. Ленинград. 1. VIII. 28. Надпись на конверте рукою Г. И. Чулкова.

32. С. Н. Дурылин и Н. К. Метнер (1880–1951) были знакомы, по крайней мере, с 1910 года, оба были дружны с М. К. Морозовой, у которой одновременно гостили летом 1915 года в ее калужском имении Михайловское. С. Н. Дурылин через множество лет вспоминал: «Я читывал ему в Михайловском главы из своего „Лескова“ в обмен на его «Сказки», сыгранные им самим на рояле» — С. Н. Дурылин. В своем углу. I. 22 // МА ДМД. Фонд С. Н. Дурылина. КП-265/1. Л. 36. Они встречались во время приезда Н. К. Метнера в Россию в 1927 году. Среди общих друзей С. Н. Дурылина и Н. К. Метнера были композиторы А. Ф. Гедике (1877–1957), П. И. Васильев (1891–1977), художница и певица А. И. Трояновская (1885–1977). С. Н. Дурылин был учителем и другом племянника Н. К. Метнера, А. А. Сабурова (1902–1959), посвятил Н. К. Метнеру несколько стихотворений. Переписка между С. Н. Дурылиным и Н. К. Метнером (1913–1930) опубликована в: Н. К. Метнер. Письма / Сост. и ред. З. А. Апетян. М.: «Советский композитор», 1973.

В 1923–1926 гг. его Lieder на слова Тютчева исполнялись им с огромным успехом в Париже, Берлине, городах Германии, в Нью-Йорке, Бостоне и т. д.

Всячески сжимая свою статью, я выбросил из нее, между прочим, и то место, где сетовал, что всеми композиторами обойдено ст<ихотворение>ие: «Вот бреду я вдоль большой дороги». Одна из причин, почему оно обойдено, это — сравнительная малоизвестность его: в собр<ании> сочинений оно попало впервые в 1913 г., — то, что оно помещено было в «Ист<орическом> Вест<нике>» и в «Новом Пути», осталось почти неизвестным. Я замечал, что много знают Тютчева по Бартеневским маленьким сборникам и его изданиям 1886 и 1940 гг. Вторая причина, мне кажется, Вами верно указана: оно — особняк, — не все заходят в особняки; есть и 3-ья причина: как ни странно, не всегда самое мелодическое у поэта вызывает мелодию у композитора. Иногда слишком близкая к музыке мелодия поэта в музыке-то именно и не находит отклика. И, наоборот, на мало (сравнительно!) мелодичное «Не плоть, а дух растлился в наши дни» Метнер дал вещь подлинно трагическую по мелосу.

Отмеченное же Вами стихотворение и мое любимое.

Впрочем, в отношении музыки к лирике все иррационально. Вот примеры: на «Весенние воды» на писано множество композиций, а на столь близкую к ним «Весеннюю грозу», не менее известную к тому же, — написана всего одна вокальная вещь безвестным композитором. Почему обойдено молчанием «Любовь, любовь, гласит преданье»? Почему никого не остановил такой шедевр, как «Песок сыпучий по колени»?

Ответов нет. Да и возможен ли ответ?! Так не с одним Тютчевым. Знаете ли Вы, что никто не написал музыки на «К няне» и «Пора, мой друг...» Пушкина? Оперные композиторы всего Пушкина, кажется, взяли на сцену, — даже столь мало дающий сценического пушкинского материала «Домик в Коломне», — а между тем никто не воспользовался до сих пор столь сценичным сюжетом, как «Барышня-крестьянка»! Почему? Неизвестно. Я написал либретто «Барышни-крест<ьянки>» для одного молодого композитора³³. Мы очень много пишем теперь все о поэтах — о Пушкине, Тютчеве и др., — но отношения между музыкой и поэзией нас не занимают. Это большая ошибка. Мне кажется, следствия этого отсутствия интереса к взаимоотношениям лирики и музыки сказываются в дурную сторону во всех наших работах по лирике. Композитор — ведь наиболее отзывчивый, наиболее совершенный и полный переживатель лирики, — у того, кто пишет, как Метнер, на слова Тютчева,

33. Речь идет о друге С. Н. Дурылина, композиторе Пантелеймоне Ивановиче Васильеве, которого С. Н. Дурылин убеждал написать музыку, однако проект не осуществился, и музыку к опере впоследствии написал Ю. С. Бирюков. Постановка оперы прошла 6 марта 1947 года в ВТО.

напр., — «душа — вторично! — стесняется лирическим волнением». Тем ли самым, что у поэта, или иным? Вот вопрос. С этим связана глубокая проблема поэтической гносеологии: вот³⁴ перед нами еще звучащее лирическое волнение композитора. Лирическая тема — та же, что у поэта. Но то же у композитора звучанье? и почему у 14 композиторов, написавших «Слезы» — 14 разных звучаний на одно «лирическое волнение» Тютчева? Не так ли и у каждого читателя? Возможна ли прямая и тождественная передача «лирического волнения»? Все это вопросы большого значения и еще большей трудности. Мы над ними вовсе не работаем. Даже нет никаких материалов к работе. А между тем, на примере Тютчева видно, что для всей истории восприятия творчества поэта восприятие этого творчества музыкой — имеет существеннейшее значение.

Простите за многословие.

Еще раз благодарю за Ваше внимание.

Искренне уважающий Вас
С. Дурылин.

Томск. Никитинская, 62, 1.

5. С. Н. Дурылин — Е. П. Казанович

<Томск>. 28.VIII.1928³⁵.

Многоуважаемая Евлалия Павловна!

Спешу поблагодарить Вас за присылку аванса за статью, — а, главное, за то, что, благодаря Вашим хлопотам (Н. И. Тютчев писал мне о них), — статья будет помещена в Сборнике, а, главнейше главного, за то, что в Вас я нашел столько искренней приязни и сочувствия³⁶. Верю, что Вы «от души рады» устройению моей статьи. Встретить эту радость так трудно!

Перевод Ваш получен 28. VIII — стало быть, на 6-ые сутки. Если Вы будете иметь возможность высылать авторам корректуры их статей для просмотра, то путешествие корректуры сюда и обратно заняло бы не более 2 недель: 6 дней туда, 1 день на прочтение и 6 — назад. Впрочем, это только мечтания: верно, Вы,

34. Зачеркнуто: «может ли».

35. ОР РГБ. Ф. 326. Ед. хр. 209. Л. 7–8. Конверт. Евлалии Павловне Казанович. Мойка, 21, кв. 13. Штемпели: Томск. 29.8.28. Ленинград. з. IX. 28.

36. С. Н. Дурылин писал К. Н. Зиминой 31 августа 1928 г.: «Я написал статью „Тютчев в музыке“ — с почти безнадежной возможностью напечатать ее в Тютчевском сборнике Гос<ударственного> Изд<ательства>. И представьте, вдруг вчера получаю за нее первый аванс — 28 р. Я чуть не подпрыгнул до потолка! При нашем малом и неопределенном (это самое в нем печальное) бюджете, это был дар свыше. В статье пишу о Метнере и 5 строк о Пантелеймоне Ивановиче» — МА ДМД. Фонд С. Н. Дурылина. КП-324/6. Л. 35.

за спешностью выпуска издания, не будете иметь возможности посылать корректуры авторам.

Очень надеюсь, что будут оттиски статьи. Для меня это имело бы большое значение. Сверх того, просил бы выслать 1 экземпляр самого сборника: если не полагается бесплатно экземпляра, то с удержанием за него из остающегося гонорара.

Простите за эти поучения. Глубоко благодарен Вам за все.

Зимой или осенью, когда у Вас кончатся хлопоты со сборником, я напишу Вам большое письмо вот по какому делу. У меня есть небольшое собрание автографов русских писателей. Много из него я желал бы передать Пушкинскому дому, — особенно из рукописей тех наших писателей, которые плохо или недостаточно представлены в Пушкинском доме. В их числе назову Конст<антина> Н<иколаевича> Леонтьева³⁷.

Искренне преданный
С. Дурылин.

Никитинская, 62, 1.

37. С. Н. Дурылин занимался изучением творчества К. Н. Леонтьева много лет, еще в 1916 г. прот. И. И. Фудель завещал ему продолжить работу над изданием незавершенного им собрания сочинений К. Н. Леонтьева (С. И. Фудель. Собр. соч.: В 3-х тт. Т. 1. М.: «Русский путь», 2001. С. 51), а в 1917 г. С. Н. Дурылин за 100 000 р. приобрел у племянницы К. Н. Леонтьева, М. В. Леонтьевой, права на издание и переиздание всех его сочинений (см.: РГАЛИ. Ф. 298с. Оп. 1. Ед. хр. 953). По настоятельной просьбе С. Н. Дурылина прот. И. И. Фудель написал мемуары о К. Н. Леонтьеве (Знакомство с Леонтьевым (письмо к С. Н. Дурылину) // РГАЛИ. Ф. 298с. Оп. 1. Ед. хр. 1050), фрагменты которых вошли в книгу «В своем углу» (частично опубликована: С. Н. Дурылин. В своем углу. М.: «Молодая гвардия», 2006; полный корпус: МА ДМД. Фонд С. Н. Дурылина. КП-265/1–33) а сам С. Н. Дурылин записал воспоминания М. В. Леонтьевой о дяде (Записи бесед с М. В. Леонтьевой о К. Н. Леонтьеве. Автограф и рукопись Б. В. Холчева // РГАЛИ. Оп. 1. Ед. хр. 23). С. Н. Дурылин — автор целого ряда исследований о К. Н. Леонтьеве: «Церковь, монастырь и старчество в личности и жизни К. Леонтьева» (доклад на заседании Братства Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа в Чудовом монастыре, 1916; фрагменты отложились в РГАЛИ (Ф. 298с. Оп. 1. Ед. хр. 239) среди многих листов с выписками о К. Н. Леонтьеве), «Писатель-послушник» (доклад в Московском Религиозно-философском обществе, 1916; черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 298с. Оп. 1. Ед. хр. 20), «Религиозный путь Константина Леонтьева» (доклад в Вольной Академии духовной культуры», 1922; черновой автограф и копия рукой Е. В. Гензиевой: РГАЛИ. Ф. 298с. Оп. 1. Ед. хр. 160–161), «Леонтьев-художник. Заметки. „Подлипки“» (1924; черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 298с. Оп. 1. Ед. хр. 21), «Леонтьев и Лесков о Достоевском» (доклад в ГАХН, 1925; автограф: РГАЛИ. Ф. 298с. Оп. 1. Ед. хр. 163.), «К. Леонтьев как романист и критик Льва Толстого (к постановке проблемы)» (доклад в ГАХН, 1926; автограф: РГАЛИ. Ф. 298с. Оп. 1. Ед. хр. 164), «Эстетические взгляды К. Леонтьева» (доклад в ГАХН, 1927; черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 298с. Оп. 1. Ед. хр. 167). Все доклады остались неопубликованными.

6. Е. П. Казанович — С. Н. Дурылину

<Ленинград>. 6.XII.1928 г.³⁸

Многоуважаемый Сергей Николаевич!

Только сейчас я имею возможность ответить Вам на Ваше августовское письмо, и очень ценю и благодарю Вас за внимание, с которым Вы мне предоставили свободу ответить на него, когда окончатся все хлопоты и тревоги с «Уранией». Теперь Вы уже получили, наверное, Ваш экземпляр, а что касается оттисков Вашей статьи, то я, кажется, писала Вам, что Госиздат их не дает; я хотела, было, заказать на свой счет оттиск Вашей статьи, но за спешкой и всякими, сопряженными с нею неприятностями, об этом забыла, а теперь уже поздно, так как набор разобран.

Отнеситесь со всей строгостью к этому моему первому редакторскому опыту и напишите обо всех его недостатках, какие заметите; за критику буду только благодарна.

О своей статье уже не пишу, так как сама ею очень недовольна и знаю все ее погрешности; может быть, вы заметите еще, и то, что ускользнуло от моего авторского глаза и сознания³⁹.

Кроме «Урании» все последнее время я была еще погружена в хлопоты по устройству торжественного заседания в честь Тютчева в Пушкинском доме, повестку которого, кажется, я просила послать Вам в нашей канцелярии. Хотелось мне еще устроить Тютчевский концерт, на что вдохновила меня Ваша статья и возникшее из нее желание познакомиться с музыкой Метнера на тексты Тютчева; но, к сожалению, от этого желаний пришлось по разным причинам отказаться.

Очень обрадовал меня приезд к нашему заседанию Н<иколая> И<вановича>, который провел у меня 2 ½ суток; об этом он, вероятно, сам напишет Вам, так же как и о впечатлении, произведенном на него Пушкинским Домом и нашим заседанием, я же могу быть здесь только пристрастным судьей. Одно мне кажется, можно сказать вполне объективно: что вечер вышел парадный и красивый, т. е. именно такой, каким должен быть вечер Тютчева...

По поводу Вашей статьи я могу сделать Вам одно маленькое добавление: у Глинки есть один романс на слова Тютчева, — именно — «Что ты клонишь над водами...» — и его предполагала исполнить на нашем несостоявшемся музыкальном вечере артистка Павловская⁴⁰; есть ли что-нибудь еще — не знаю; а затем в поис-

38. МА ДМД. Фонд С. Н. Дурылина. КП-525/23. Л. 6–8.

39. Е. П. Казанович. Из мюнхенских встреч Ф. И. Тютчева (1840-е гг.) // Урания. Тютчевский альманах (1803–1928). Л.: «Прибой», 1928.

40. Павловская — Боровик Вера Ильинична (1886–1875) — певица (лирико-дра-

ках нот для исполнения, я наткнулась еще на много старинных романсов на слова Тютчева, но все композиторов никому не известных и вероятно мало интересных; со скрипичной сонатой Метнера я была поставлена в затруднение: мне удалось найти только одну скрипичную сонату его, и в ней никакого motto⁴¹ из Тютчева нет, а скрипачи и музыканты говорили мне, что они даже и не знают другой сонаты его, что есть у Метнера только одна для скрипки с фортепиано⁴².

Теперь позвольте обратиться к Вашему предложению автографов Пушкинскому Дому. Я тогда же писала Вам, что Пушкинский дом будет за них только благодарен, но надо знать, на каких условиях Вы их предлагаете. Если Вы не передумали, может быть, Вы будете добры написать мне об этом подробнее.

Тютчевский день 3 декабря (наше заседание было 3-го, а не 5-го декабря) принес нам очень ценный и совсем неожиданный подарок: три автографа Пушкина, из коих один нами приобретен, а два других переданы бесплатно; текст их известен в печати, но это ничуть не меняет ценность их для Пушк<инского> Дома. И еще мы получили обещание портретов Денисьевой и может быть кой-каких автографов Тютчева, об этом последнем я пока воздержусь писать Н<иколая> И<вановичу>, чтобы поставить его перед лицом уже свершившегося факта, во исполнение русской пословицы: дружба дружбой, а табачок врозь... Прошу Вас не выдавать меня до времени.

Вместо этого я обещала Н<иколая> И<вановичу> для 2-го выпуска Мурановского сборника⁴³ два неизданных четверостишья Тютчева, которые я обнаружила уже после составления «Урании» в наших собраниях.

Позвольте на этом проститься с Вами и дружески пожать Вам руку. Оставшийся за статью гонорар я получу, вероятно, в конце декабря и, конечно, не замедлю его высылкой.

6/XII. 1928 г.

Душевно уважающая Вас Е. К.

матическое сопрано), исполняла камерный репертуар в концертах Клуба друзей камерной музыки.

41. Motto — эпитафия (ит.).

42. Н. К. Метнер — автор трех скрипичных сонат: op. 21 № 1 h-moll, op. 44 № 2 G-dur, op. 57. № 3 e-moll. Последняя написана в 1938–1939 гг.

43. Второй Мурановский сборник так и не вышел.

Томск. Никитинская, 62, 1.
25. XII. <1928.>⁴⁴

Многоуважаемая Евлалия Павловна!

Я был очень обрадован и присылкой «Урании», и Вашим письмом. Замедлил ответом из-за ангины.

«Урания» очень удачна: светла, благородна по тону, по стилю и по внешности. Очень умно предисловие выделено от сборника: я разумею статью «Поэзия Тютчева». Оно — как бы вне «Урании»: «от редактора» о нем не говорит, а титул «Урания» поставляет после этой статьи. Итак, это не более, как порог, который надо переступить, чтобы войти в стильное и благородное здание «Урании». Судить о нем мне трудно: $\frac{3}{4}$ участников мои давние друзья, а один так даже ученик⁴⁵. Меня очень тронула статья «Ф. Т». — смиренно и просто предъявившая драгоценную черту в характере и личности Тютчева — смирение глубокое, искреннее, не знающее себе цены (как всякое искреннее чувство и состояние). Я считаю эту смиренную статью лучшим украшением сборника. Хотелось бы мне знать Ваше мнение о статье моего ученика — правнука великого поэта. Судить беспристрастно сколько-нибудь я могу об одних петербуржцах. Вы очень строго судите свою статью. У нее есть бесспорная и большая, в моих глазах, заслуга: это то, что статья, наконец, прерывает вот уже 12 летний заговор молчания об идеях, мировоззрении и историософии Тютчева, будто все это не заслуживает никакого внимания. Нет нужды говорить, как это неверно и как это мешает изучению Тютчева — цельного, живого, не-препарированного. За с<тать>и, посвященные выяснению отношений Тютчева с немцем⁴⁶ Вам будут благодарны все, интересующиеся биографией Тютчева, а за напоминание об его идеях, сделанное в конце статьи, — интересующиеся его мировоззрением. Что до композиции статьи и до распределения материала, то, кажется, суд Ваш может быть направлен в только эту область: статья могла бы быть сжатей: она выиграла бы от этого. Хотелось бы более тютчевского Мюнхена, более тютчевской политики восточ-

44. ОР РГБ. Ф. 326. Ед. хр. 209. Л. 10–13 об. Конверт. Мойка, 21, кв. 13. Евлалии Павловне Казанович. Ленинград. Штемпели: Томск. 27.12.28. — Ленинград. 2. I. 29.

45. Пигарев Кирилл Васильевич (1911–1984) — правнук Ф. И. Тютчева, литературовед, с 1949 г., после смерти Н. И. Тютчева, сменивший его на посту директора музея-усадьбы «Мураново».

46. С. Н. Дурьлин обсуждает статью: Е. Казанович. Из мюнхенских встреч Ф. И. Тютчева (1840-е годы) // Урания. Тютчевский альманах (1803–1928). Л.: «Прибой», 1928. В статье речь шла о Якобе Филиппе Фальмерайере (1790–1861) — публицисте, политике, историке-востоковеде и путешественнике.

ной; характеристики того и той слишком общи, мало соотнесены к Тютчеву⁴⁷.

Теперь позвольте мне покритиковать себя самого.

Я очень жалею, что нигде не оговорил, что не считаю моего списка композиций на слова Тютчева полным и исчерпывающим. Я так жал слова и фразы, памятуя о 20000 знаках, что пожалел места на это (и на многое другое), предполагая, что первую попытку собрать материалы музыкальные о Т<ютчеве> все непременно и должны будут счесть не окончательной, не исчерпывающей и т. п.

Как я прозевал Глинку — простить себе не могу. К сожалению, я писал статью в условиях мало-библиотечно-музыкальных, но я посылал свой список композиций в Москву, одному композитору, он проверял его по каталогам Муз<ыкального> сектора Гос<ударственного> Изд<ательства> — и Глинки не нашел, — тем самым подведя меня⁴⁸.

Впрочем, как ни грустен пропуск Глинки, он не меняет дела: Глинка написал, а все другие при жизни Тютчева не написали ни звука на его стихи. Что касается 2 скрипичной сонаты Метнера, то скрипачи ввели Вас в заблуждение. Эта соната существует. В марте 27 г. я ее слышал в Москве в исполнении самого автора, и с его слов знаю о motto и о том, что целая часть ее внушена «Весной» Тютчева. Издана соната за границей, — помнится, Ю. Г. Циммерманом. Метнера величают поклонником Тютчева. Его ученики и почитатели самые близкие весной 21 г. поднесли ему 1-ое издание Тютчева, а он дал свои романсы на слова Тютчева в Муран<овский> музей с самой смиренно-признательной надписью. Очень бы желательно знать, какие еще романсы Вы встретили на слова Тютчева? Нельзя ли списать названия? Здесь, в Томске, все это сделать невозможно. А было бы очень уместно дополнить мой список.

Очень сетую на себя на промашку с Глинкой.

Я еще раз должен поблагодарить Вас за все заботы о моей статье и за присылку сборника. Хочется отплатить Вам хоть отча-

47. Недосмотр приметил я только один: Вы переводите заглавие статьи Фальмерайера: «Ein Besuch auf dem Berge Athos» — «Посещение горы Атос» (также и далее — Атос), но это не «Атос», а просто «Афон» («гора Афон, гора святая...»), который особенно должен быть интересовать Фальмерайера, как исследователя славянизма в греческом мире: нигде так греческий мир не скрещивается со славянским (и турецким), как в этом своеобразном уголке Европы — на Афонской горе. Повергло меня в изумление Ваше указание, что Вы не могли досмотреть Аугсбург<ской> газеты «по случаю закрытия для публики Иностр<анного> Отдела Публ<ичной> Библиотеки» «Что сей сон значит? Закрытие — навсегда? Или по случаю ремонта и т. п. и разве Вы — «публика» и что закрыто для нее, закрыто и для Вас? Ахнул и вздохнул.

48. Речь идет о П. И. Васильеве.

сти — маленьким Рождественским подарком. Одновременно с письмом посылаю Вам заказную бандеролью мою только что вышедшую книгу: «Из семейной хроники Гоголя»⁴⁹. Очень был бы признателен, если бы Вы написали мне о ней два слова.

Теперь относительно Пушкинского Дома и бумаг К. Н. Леонтьева. В 1931 г. исполняется столетие со дня его смерти⁵⁰ и 40 летие со дня его смерти († 1891 г.).

Не посоветуете ли Вы, какими путями можно было бы отметить эти даты — хотя бы изданием сборника, посвященного Леонтьеву-художнику? У меня есть из неизданных его вещей 2 романа, автобиография, письма, воспоминания о нем и мно<ого> др<угое>. Совесть требует издать хоть 1/10 этого. Как это сделать? После юбилея (1931 г.) намеренье мое передать леонтьевские материалы (перечисленные и с прибавкой некоторых книг с автографами из его библиотеки, портретов и пр.) в Пушкинский Дом — желание мое; бесплатно, если не буду совсем голодать к тому времени. Но мне хотелось бы передать все это (тут много интересного) на таких условиях, чтобы К. Леонтьеву была отведена стена или уголок в Пуш<кинском> Доме, где можно было бы выставить его рукописи, книги, портреты, автографы и пр. — так. Чтобы все это не было под спудом. Его жребий — под спудом быть всегда, но, я понимаю еще, быть под спудом в жизни, но в музее быть под спудом, — согласитесь, — это ужасно и непереносно! Вот чего бы мне хотелось! Возможно ли это? Сделать я все это могу не раньше 31 года, т. к. надежда моя выбраться в Москву отсюда связана лишь с летом 1930 г. — стало быть, после юбилея 1931, я мог бы, разобрав все, отдать все в П<ушкинский> Д<ом>, но на указанном главном условии: чтобы подспудное существование этого большого писателя кончилось хотя бы в музее русской литературы, где он должен занять место по праву. — Еще раз благодарю Вас, Евлалия Павловна, сердечно за Ваше заочное и ничем мною не заслуженное дружество. Спасибо Вам — желаю Вам радостно встретить наступающий праздник, а в новом году найти силы и энергии еще что-нибудь написать и издать так же удачно, как <>Уранию<>.

Уважающий Вас С. Д.

Буду ждать Вашего письма!

49. С. Н. Дурьлин. Из семейной хроники Гоголя. Переписка В. А. и М. И. Гоголь — Яновских. Письма М. И. Гоголь к Аксаковым / Государственная Академия Художественных наук. Тексты и материалы. Вып. 4. М., 1928.

50. В тексте очевидная описка: рождения.

8. Е. П. Казанович — С. Н. Дурьлину

< Ленинград. 13 января 1929. >⁵¹

Сердечноуважаемый Сергей Николаевич!

Еще раз благодарю Вас и за письмо, и за Гоголя. Откладывала ответ Вам до первого спокойного и свободного дня, когда буду иметь возможность прочесть Вашу книгу, такую свежую и такую ароматную. Гоголь — моя первая литературная любовь, время моей молодости и моих научных и художественных увлечений, из которых ничего путного не вышло, но воспоминание о которых, оставляя в сердце большую грусть, как о всяких неосуществленных мечтах, не может не быть приятным душе, еще не совсем охлажденной равнодушием и тупостью к жизни. Да, имя Гоголя стоит на одном из поворотных этапов моей жизни, о котором мне напомнила Ваша книга. Душевная трагедия этого глубоко-несчастливого писателя и человека, чуждая мне в ее патологически-религиозной стороне, была мне близка и понятна в ее высоких мистических устремлениях, в самой болезненности их, во всех сложных, [часто темных], извилинах этой необычайной, неизбежно трагической организации. Этот «смех сквозь слезы», эти приливы и отливы вдохновения, а с ними и жизни, эта гордыня, сменяющаяся искренними покаяниями и самоуничтожением, — влекли меня к тайникам человеческой психики и казались мне самой интересной и заманчивой задачей и для художника, и для исследователя. Я задумала, разработала в голове и даже начала писать трагедию из жизни Гоголя (тогда ни драматурги, ни романисты к таким сюжетам еще не обращались, а я в те времена, т. е. на Курсах, не только с головой уходила в свои научные увлечения, но и постоянно перебывала их своими увлечениями «писательством», дававшими мне едва-ли еще не большее наслаждение), но до конца ее не довела по разным причинам. От увлечений Гоголем у меня осталось в виде реального (хотя и только для меня одной) приобретения — необычайные впечатления от поездки [курсисткой] в 1909 г. в Москву на открытие ему памятника на Никитском бульваре, да позднейшая краткая статейка о его отношениях с Погодиным в связи с напечатанием их записочек друг к другу в 1840–1842 гг..⁵² И вот теперь, читая Вашу статью, я все это вспомнила и невольно навязалась Вам с этими своими воспоминаниями. — Статья Ваша мне очень понравилась и своей чистотой и точностью, и теми разъяснениями, которые Вы — не выходя из стилия и рамок эпохи — даете на счет экономического быта помещичьих хозяйств начала XIX в., такая постановка и трактовка вопроса не была еще извест-

51. РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 2. Ед. хр. 542. Л. 30–32 об. Письмо без даты.

52. Е. Казанович. К истории сношений Гоголя с Погодиным // Временник Пушкинского дома» Пг., 1914.

на ни Белозерской, ни Кулишу, ни Шенроку, а между тем она несомненно законна и важна, как одна из точек зрения, и в некоторых случаях даже главнейшая. С Вашей характеристикой Марии Ивановны я тоже согласна, а письма ее дают даже больше, чем от них можно было бы ожидать и требовать.

Теперь обращусь к Вашему письму. Вижу, что Вы действительно оказались не беспристрастным судьей Урании и даже и очень ей «лицеприятным»; сама я относилась и отношусь к ней куда строже и нахожу ее немного бедной в одном отношении, а именно — отсутствием в ней статьи о творчестве поэта; винить себя за это не могу, т. к. три статьи такого рода («Прозопопея»⁵³ Т<ютче>ва», Чулкова, «Семантика Т<ютче>ва», Тынянова и «Литературный быт Т<ютче>ва» Эйхенбаума⁵⁴) — были мне обещаны но в последнюю минуту оказались ненаписанными, а потому и весь сборник оказался скорее биографическим, чем историко-литературным. Недостаток почти не восполнен статей Вашего милого ученика, т. к. она еще совсем детская и читателю, который захочет в ней чему-нибудь поучиться, — ничего не дает; в другое время и при других обстоятельствах я вряд-ли приняла бы ее для такого сборника, каким мне хотелось сделать Уранию. Этим я конечно не хочу сказать что-нибудь дурное о статье или еще меньше — об ее авторе; такие статьи сколько угодно печатались и м<ожет> б<ыть> будут печататься, а от 18-летнего юноши, во многом еще мальчика, правда очень знающего, трудолюбивого, способного, хотя и не гениального, — нельзя и ждать иного, тем более, что тема, им взятая, сама по себе очень трудна и неблагодарна; ему еще много надо учиться и думать самому; но он был так счастлив мыслью, что может чем-нибудь помочь своему дяде, — что у меня не хватило духу отправить ему статью обратно, хотя я и высказала как-то Н<иколаю> И<вановичу> свое мнение о том, что К<ириллу> В<асильевичу> рано еще писать для печати и надо пока как можно больше учиться и набирать знаний, не столько фактических — этих у него, пожалуй, большой запас, — сколько будящих и двигающих мысль, пока еще детскую у него. Недостаток в сборнике историко-литературных статей отчасти восполняется статьей Пумп<янско>го⁵⁵, с вывода-

53. Прозопопея (греч. *prosonopon* — лицо и *poieo* — делаю) — особый вид метафоры, перенесение человеческих черт на неодушевленные предметы и явления — И. Б. Роднянская. *Олицетворение // Литературная энциклопедия терминов и понятий /* Сост. и ред. А. Н. Николюкина. М.: «Интелвак», 2001. С. 692–693.

54. Эйхенбаум Борис Михайлович (1886–1959) — историк литературы. С 1918 г. участник ОПОЯЗ. Занимался изучением творчества А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя. Л. Н. Толстого В середине 1920-х гг. ввел в литературу понятие «литературного быта».

55. Л. В. Пумпянский. *Поэзия Ф. И. Тютчева Урания. Тютчевский альманах (1803–1928)*. Под ред. Е. П. Казанович // Л.: «Прибой», 1928.

ми которой я не согласна в корне, но которую не могу не признать интересной и талантливо-написанной. Вполне согласна с Вашей оценкой статьи Ф<едора> И<вановича>. В общем — сборник конечно много дает для знакомства с Тютчевым и даже его изучения, но только в плане биографическом, чего [одного] не достаточно.

Относительно Глинки Вы в конце концов правы: тот романс «Что ты клонишь над водами», который напечатана с фамилией Глинки и кот<орый> даже вошел в первое издание его романсов, — по позднейшим разысканиям оказался не его, а Кашперова, а аккомпанемент к нему приписан Балакиревым, выдавался-же за глинкинский только потому, что был найден среди бумаг Глинки переписанным его рукой.

Публ<ичная> Библ<иотека> закрывалась только на летние месяцы, но не для всех, и я плохо выразилась об этом.

Пока — прощусь с Вами, от души пожелав Вам духовной бодрости, здоровья и продолжения Ваших работ.

Искренно уважающая Вас Е. К.

Воскресенье. 13 янв<аря>.

Прошу Вас не передавать К<ириллу> В<асильевичу> моего отзыва о его статье: я вовсе не хочу огорчать его, т. к. он этого совсем не заслуживает; это прекрасный юноша, как впрочем, и вся семья.

9. С. Н. Дурылин — Е. П. Казанович

<Томск. 15 февраля 1929.>⁵⁶

Многоуважаемая и дорогая Евлалия Павловна!

Очень Вы обрадовали меня Вашим письмом: оно такое дружеское и сердечное. Не потеряли Вы редчайшего ныне искусства писать письма; а тайна этого искусства, конечно, в сердечности общения, в том уме сердца, который так редок в людях.

Я очень счастлив, что Вы одобрили моего «Гоголя». А в любви к Гоголю, в сердечном замирании перед судьбой Гоголя — мы с Вами одинаковы, близки. Когда-то и я изображал Гоголя, только не в прозе, а в стихах, к<отор>ые любил в оны дни Вяч. Иванов. Там, в конце, обращаясь к московскому памятнику (я не считал и не считаю его неудачным), я говорил:

И мало ль нас, идущих, много-ль, —
Равно нас поджидает всех
На пьедестале мертвый Гоголь
И мертвый в сердце мертвом смех.

56. ОР РГБ. Ф. 326. Ед. хр. 209. Л. 15–16. Датировка по штемпелю. Конверт. Мойка, 21, кв. 13. Евлалии Павловне Казанович. Ленинград. Штемпели: Томск. 15.2.29. — Ленинград. 20. II. 29.

Ныне я собираюсь засесть вплотную за книгу «Гоголь в воспоминаниях и письмах его сестер», 1/3 которой будет построена на неизданном материале. Пишу на авось, не имея в виду издателя. Об «Урании» слышу добрые отзывы (напр., от проф. Н. К. Гудзия⁵⁷), но не знаю, кто соберется написать о ней добрый отзыв. Боюсь, что доброго отзыва не будет, т. к. все «тютчевисты» — Чулков, Благой — участвуют в сборнике, — а иным легче ругнуть, чем похвалить. Похвалу я ценю в таких случаях только с точки зрения рекомендации для издателей и читателей. А сама по себе кому она нужна?

Я уже хотел писать Вам про Глинку, как получил Ваше письмо о том же. Павловская ввела Вас в заблуждение. Историю песни выяснили мне в Москве специалисты⁵⁸. Любитель (и опять из большого света!) Кашперов⁵⁹, композитор бесталаннейший, написал романс на «Что ты клонишь», Глинка, по доброте и предсмертному равнодушию, похвалил и переписал своей рукой для ф<орте>п<иано> (любитель был так беспомощен, что сам не мог этого сделать), — и получился «романс Глинки», совершенно так же, как создавалась Гершензонова «Скрижаль Пушкина»⁶⁰ (помните?). Легенда была рассеяна к 50-летию смерти Глинки (1907), даже раньше, ибо Кашперов издал свои романсы под своей фамилией — актерам же свойственно не знать подобных вещей. Мне же укорительно все-таки, что я пропустил хоть не Глинку, но Кашперова (изд<ания> Гутхейля). Певицам простительно, а вот скрипачам Вашим стыдно, что они не знают произведений современного композитора, имеющего мировое имя и успех. 2 соната Метнера издана под назв<анием>: op. 44. 2-te Sonate für Violine und Klavier. G-dur. Посвящ. А. Ф. Гедике. Изд. Zimmerman. Berlin. III часть — с motto «Весна идет...». Н<иколаю> И<ванови>чу я, разумеется, ничего не сказал о Ваших приобретениях по Тютчеву. А что Вы получили для Пушк<инского> дома? И что Пушкинское новое поступило к вам? Ваш отзыв о работе моего ученика совершенно справедлив. Конечно, все это доброе, славное, знающее даже, — но все juvenilia⁶¹ — и лежать надобно в портфеле еще долго его писаниям. Однако, Вы доброе дело сделали, поме-

57. Гудзий Николай Калининлович (1887–1965) — историк литературы, специалист в области древнерусской литературы, друг и корреспондент С. Н. Дурылина.

58. Это выяснил композитор П. И. Васильев.

59. Кашперов Владимир Никитич (1826–1894) — русский композитор, в 1866–1872 гг. профессор Московской консерватории, автор ряда опер, романсов, друг М. И. Глинки.

60. Примечание В. А. Жуковского к его стихотворению «Лалла Рук», опубликованное М. О. Гершензоном в его книге «Мудрость Пушкина» (1919) как принадлежавшее А. С. Пушкину.

61. Juvenilia — юношеское (лат.).

стив его «Гете и Тютчев» и ювенильностью он не бросается особо в глаза в сборнике, — особенно там, где идут у него не общие соображения (начало), а факты. Но все-таки я всегда пою ему: пиши, но не печатай!

Еще более я был рад, что не устроилось печатанье статьи его сестры Оли⁶² об Э. Ф. Тютчевой (первой жене)⁶³. Это уже решительно не нужно было печатать, да Оля — милая девочка, она и сама это знает и понимает: рано-ранехонько ей печататься.

Очень порадовался, что Вы будете участвовать в 2-ом Мурановском сборнике.

Желаю Вам всего лучшего и еще раз благодарю за участие и приязнь. Забыл сказать: что остаток гонорара получил исправно.

Спасибо.

Уваж<ающий> Вас

С. Дурылин.

Никитинская, д. 64, кв. 1.

10. С. Н. Дурылин — Е. П. Казанович

<1 марта 1929.>⁶⁴

Глубокоуважаемая Евлалия Павловна!

Не откажите в ответе, — и, если возможно, скором, — на один вопрос, всецело находящийся в Вашей компетенции: существует ли в Пушк<инском> Доме или в каком-либо ином хранилище Северной Пальмиры автограф стихотворения Ф. И. Тютчева «На новый 1855 год». В Муранове и у Тютчевых его нет. М<ожет> б<ыть>, Вам известен автограф; если «да» и если он у Вас под руками, не откажите выслать мне копию (точную), за что буду Вам крайне обязан. Получили ли Вы мое письмо в ответ на Ваше? Заранее благодарю Вас за хлопоты.

Искренне преданный

С. Дурылин.

Томск, Никитинская, 64, 1.

62. Пигарева Ольга Васильевна (в замужестве Муратова; 1913–1991) — учитель литературы.

63. Дёрнберг Эрнестина Федоровна (1810–1894) — вторая жена Ф. И. Тютчева.

64. ОР РГБ. Ф. 326. Ед. хр. 209. Л. 18. Датировка по штемпелю. Почтовая карточка. Ленинград, Мойка, 21. 13. Евлалии Павловне Казанович. Штемпели: Томск. 1.3.29. — Ленинград. 6. III.

11. С. Н. Дурьлин — Е. П. Казанович

Никитинская. 64, 1.
29. III. <1929.>⁶⁵

Многоуважаемая Евлалия Павловна!

Простите за поздний ответ на оба Ваши письма — присланное вместе с Вашей книгой и открытое. Сердечно Вас благодарю и за книгу, которой у меня не было, хотя я ее и знал, и за оба письма, и за справки. Меня очень трогает ваше внимание к моему ученику. Я совершенно разделяю Ваш взгляд на то, что ему следовало бы делать и в каком направлении работать. К счастью, он человек скромный, не падкий на похвалы и внимает моим пеняньям и критикам. Недавно, без сговору, мы с Ю. Н. Верховским⁶⁶, один в Москве, другой на краю света, подвергли единогласной критике его очерк о Вяземском. Я ужасно боюсь крохоборства: мне кажется, что и «пушкиноведение» современное растеклось по мелким руслам биографического крохоборства и нескончаемого фетишизма. Стоило бы на 10 лет запретить писать о Пушкине, чтобы наглотаться чистого воздуха пушкинской поэзии. Не нужно, чтобы это было с Тютчевым.

Неужели не будет других рецензий на «Уранию», кроме той, о коей вы пишете? Беда в том, что Чулков и Благой, к<отор>ые могли бы написать о таком сборнике, в нем участвуют и потому безмолвствуют. Не напишет ли кто из «севернопальмирцев»?

Я очень признателен Вам за справку о стих<отво-рен>ии Тютчева и хочу потревожить Вас другой справкой. М<ожет> б<ыть>, Вы укажете мне или попросите указать кого-нибудь из специалистов по Вяземскому (буде таковые имеются) или по пушкинским поэтам, — не было ли напечатано где-нибудь послание Вяземского (П. А.) к А. О. Смирновой, имеющее заглавие: «Орфографическое замечание» и начинающееся словами:

Нет, не Розети, не Росети, —
Росетти по-просту она...?

И второй вопрос: и установлено ли точно (кем? когда? где?), что изданные стихи на нее: «Вы — донна Соль, подчас и донна Перец» принадлежат Вяземскому? Они напечатаны в его «Старой записной книжке» (т. VIII, 235 стр.) с замечанием его: «Вот шуточные

65. ОР РГБ. Ф. 326. Ед. хр. 209. Л. 19–21. Конверт. Ленинград. Евлалия Павловне Казанович. Мойка, 21, кв. 13. Штемпели: Томск. 28.3.29. — Ленинград. 3.IV.29.

66. Верховский Юрий Никандрович (1878–1956) — поэт — символист, переводчик, историк литературы, участвовал в подготовке академического собрания сочинений Е. А. Баратынского, переводил поэтов Возрождения, А. Мицкевича, грузинских поэтов.

стихи, которые были ей поднесены». Указания на авторство нет. В собрании стихотворений Вяземского их нет (т. е., иначе говоря, в собрании сочинений его они напечатаны только в тексте «Старой записной книжки», т. к. другие 3 его стихотворения, посвященные Смирновой, напечатаны в числе его стихотворений). Буду Вам очень признателен за ответ, очень мне нужный⁶⁷. — Недавно отослал в Москву свою книгу «Художники живого слова». Есть 1/10 надежды, что ее напечатают⁶⁸.

Искренне благодарю за всяческую литературную помощь и за книгу.

Не забывайте. Ваши письма — большая моя радость. Чулков ставит в Москве пьесу свою «Гордиев узел» — и весь в волнении.

С искренним приветом и приверженностью
С. Дурьлин.

12. Е. П. Казанович — С. Н. Дурьлину

Многоуважаемый Сергей Николаевич!⁶⁹

Очень хотела хотя бы второе Ваше поручение исполнить, но опять неудача мне, как и с автографом Тютчева. Дело в том, что никто из наших пушкинистов не интересуется Вяземским⁷⁰, и никто, поэтому, не мог ответить на Ваши вопросы. Есть у нас даже человек, специально заинтересовавшийся Смирновой⁷¹ (это

67. В 1928 г. С. Н. Дурьлин написал статью «Стихи кн. П. А. Вяземского к А. О. Россет (Смирновой). Орфографическое замечание» (РГАЛИ. Ф. 298с. Оп. 1. Ед. хр. 50), редактировал ее еще и в 1936 г., но она осталась неопубликованной.

68. Из большого трехчастного исследования (РГАЛИ. Ф. 298с. Оп. 1. Ед. хр. 109–117) был опубликован лишь фрагмент (С. Дурьлин. Художники живого слова // Советское искусство. 1934. 29 апр.) РГАЛИ. Ф. 298с. Оп. 1. Ед. хр. 109–117).

69. МА ДМД. Фонд С. Н. Дурьлина. КП-525/23. Л. 9–12. Конверт. Сергею Николаевичу Дурьлину. Томск. Никитинская. 64. кв. 1. Штемпели: Ленинград. 11.IV.1929. — Томск. 17.4.29.

70. В это время С. Н. Дурьлин писал «комментарий к прелестному посланию Вяземского к О. А. Смирновой и дал уже статью „Загадочное ст<ихотворен>ие Тютчева“ — о ст<ихотворен>ии «На новый 1855 г.» — С. Н. Дурьлин. В своем углу. XIII. 8 // МА ДМД. Фонд С. Н. Дурьлина. КП-265/26. Л. 42. Статья была для второго «Мурановского сборника». См.: С. Н. Дурьлин. Загадочное стихотворение Тютчева // Научный Архив Музея-усадьбы «Мураново». КП-П/44.

71. Смирнова Александра Осиповна (урожд. Россет; 1819–1882) — русская меценатка, была фрейлиной при дворе, дружила с Н. В. Гоголем, А. С. Пушкиным, В. А. Жуковским, М. Ю. Лермонтовым, П. А. Вяземским, А. С. Хомяковым, Иваном и Константином Аксаковыми. Напечатала в «Русском архиве» «Воспоминания» о Жуковском и Пушкине (Русский Архив. 1871. № 11), «Из записок знатной дамы» (Русский Архив. 1882. № 11); «Из записной книжки А. О. Смирновой» (Русский Архив. 1890. № 6); «Из запи-

пушкинист П. Е. Рейнбот⁷²), но и он оказался немым на этот раз; единственное, что все пушкинисты утверждают, что это стихотворение «Вы донна Соль...»⁷³, несомненно, Вяземского, что в этом им даже в голову не приходило сомневаться, но чем подтвердить это, кроме известной Вам статьи Вяземского «Донна Соль» в его Старой зап<исной> кн<ижке> (VIII т. Соч.), где оно и приведено, — не знают.

На мой профанский взгляд опереться на эту статью Вяземского можно, потому что написана она в такой форме и в таком тоне, что название приводимых им стихов своими — было бы здесь неуместно и нарушило бы весь стиль его полудушливого тона чело-века, несомненно когда-то (не знаю, к какому году относится за-метка) довольно сильно затронутого чарами «Донны Соль», как он же, по-видимому, и прозвал ее; вот на это последнее есть неко-торые указания в Зап<исках> Смирновой (собственно в пред-исловии дочери, О<льги> Н<иколаевны>) и в Остафьевском Ар-хиве. Т. 3., примеч<ания>, стр. 590⁷⁴.

Очень мне досадно, что не могу лучше исполнить Вашей просьбы, так как Вам там, конечно, невозможно произвести са-мому эти библиографические раскопки за отсутствием книг. На-деюсь еще на Лернера⁷⁵, который давно что-то к нам не показы-вается; как только увижу его, непременно спрошу и Вам напишу;

сок А. О. Смирновой» (Русский Архив 1895. № 5–9). Воспоминания, напе-чатанные в «Северном вестнике» (1893–1895) — «Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1820–1845 гг.)» — являются литературной мистифика-цией, они составлены ее дочерью О. Н. Смирновой.

72. Рейнбот Павел Евгеньевич (1855–1934) — библиофил, пушкинист, секретарь Пушкинского лицейского общества, член Комиссии по изданию сочинений Пушкина, один из инициаторов создания Пушкинского Дома и его со-трудник. В 1925 году был арестован по делу лицейстов и выслан в Тюмень, в 1927 году ему было разрешено проживать в Ленинграде, он стал заведовать библиотекой Пушкинского Дома, но 16 ноября 1930 г. вновь уволен на пен-сию, в связи с «делом академиков» — Пушкинский Дом. Материалы к исто-рии. 1905–2005 / Под ред. Н. Н. Скатова. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2005. С. 84. С. Н. Дурьлин писал: «Известный пушкинист, П. Е. Рейнбот. Он меня спрашивал о моей „Смирновой и Вяземском“. Я ему отвечал, а он в свою очередь, спрашивал, т. к. он — обожатель и знаток Россетти» — С. Н. Ду-рьлин. В своем углу. XIII. 21 // МА ДМД. Фонд С. Н. Дурьлина. КП-265/26. Л. 74–75.

73. Стихотворение «Вы — донна Соль» (между 1830 и 1832) было впервые опу-бликовано в «Русском архиве», 1874. Кн. 1. Донна Соль — героиня романти-ческой драмы В. Гюго «Эрнани».

74. Архив князей Вяземских в их имении Остафьево.

75. Лернер Николай Осипович (1877–1934) — историк литературы, биограф А. С. Пушкина, публикатор неизданных произведений, комментатор. Соч.: Труды и дни Пушкина. Хронологические данные, собранные Николаем Лер-нером. М.: «Скорпион». 1903; 1910; Проза Пушкина. П.-М.: «Книга», 1923; Рассказы о Пушкине. Л.: «Прибой», 1929.

он как раз может знать и указать иногда такие полезные вещи. А до тех пор попробуйте сделать вот что: в Москве прожива-ет некая Крестова Людмила Васильевна, которая недавно вы-пустила книгу (биографию, по-видимому) о Смирновой⁷⁶; книги самой я еще не видела, так как ее пока нет в Петербурге (толь-ко у П. Е. Рейнбота ею присланный экз<емпляр>, с которым он не растается ни днем, ни ночью); может быть, в ней и не най-дется ничего об интересующих Вас стихотворениях Вяземского, но знать-то об них автор должен, пожалуй, больше всех пуш-кинистов; напишите ей, — это можно сделать, говорят, написав на Исторический Музей — или кому-нибудь из москвичей, чтобы навели Вам у нее эту справку.

Простите за такое небрежное начало этого письма: я начала его в П<ушкинском> Д<оме> среди всяких дел, так как дома сей-час мне пишется еще хуже.

Имеете ли Вы возможность видеть новые книги и журналы? В последних бывают интересные вещи и художественные, и исто-рико-литературные. Так, интересен здешний журнал «Звезда» за этот год, например, в первой книжке посмотрите, если удастся, статью Каверина о литературном триумvirате (Сенковский, Греч, Булгарин); в VIII–X прошлого года повесть Лавренева «Гравю-ра на дереве», хорошо начатая и плохо оконченная, как, впрочем, и большинство современных беллетристов, не умеющих или не мо-гущих окончить так, как требует замысел и начальный ход пове-ствования. Но много любопытных попыток и в отношении чисто художественной методологии и в исследовательской.

А что же ученик Ваш не мог дать Вам нужной справки о Вязем-ском? Я все возвращаюсь невольно к нему, так как мне очень со-вестно, что и второго Вашего поручения я не смогла исполнить. Авось буду счастливее в третьем, потому — придерживаюсь извест-ной пословицы, сделайте новую попытку, если понадобится.

От души желаю Вам успеха с вашей новой книгой, а также здо-ровья и бодрости.

Среда 10 апреля.

Уважающая Вас. Е. К.

76. Л. В. Крестова подготовила к печати все известные воспоминания о Смир-новой (А. О. Смирнова. Записки, дневник, воспоминания, письма. Со стать-ями и примеч. Л. В. Крестовой / Под ред. М. А. Цявловского. М.: «Феде-рация», 1929) и доказала, что публикации «Русского вестника» — сочине-ние О. Н. Смирновой. Впоследствии Л. В. Крестова стала корреспондентом С. Н. Дурьлина.

13. С. Н. Дурьлин — Е. П. Казанович

<Томск. 5 мая 1929.>⁷⁷

Глубокоуважаемая Евлалия Павловна!

Как всегда, Вы порадовали меня Вашим письмом.

Спасибо за справки и указания о Вяземском и Смирновой. В «Записках» ее (только что вышедших) сведений о нем мало. Справки в Москве приводят к тому же результату — что ст<ихо-творен>ие к ней Вяземского, о коем я Вас спрашивал, нигде не напечатано. Оно прелестно — лучшее из всех, обращенных Вяземским к Донне Соль. Биографией ее в этих «Записках» я глубоко неудовлетворен. Ныне каждый биограф — в тоне, в оттенках — кажет свое превосходство над «имеющим несчастье быть объектом биографического исследования». Сшивание сырого материала выдержек наскоро накрученными социологическими (элементарнейшими!) нитками — вот метод этих биографов. Читая такую, с позволения сказать, биографию — и не знаешь: что же находили в Россет Пушкин, Жуковский, Гоголь, Лермонтов? Ужели они были слепей и туже на ухо, чем биограф? Не лучше-ли, вместо таких биографий было бы включить в книгу все письма Смирновой и к Смирновой? все стихи, ей посвященные? статью Вяземского Donna Sol? Получилась бы прекрасная антология о прекрасной женщине.

Я прочел в газетах, что Сакулин предложил присоединить Толстовский музей к пушкинскому Дому⁷⁸. Не пойму, к чему это? к добру или к худу? Думалось бы: к добру.

Неужели и у Вас, как в Москве, весна не пришла, и Гольфстрем, вильнув хвостом в сторону Европы, отнес ее в Америку, где зима была необычайно тепла? Мы — вне власти сего господина, и у нас весна пришла рано и теперь (второй день Пасхи) совсем тепло. Гудит звон. Жаворонков здесь не положено по орнитологическому штату, а то можно бы повторить с поэтом:

Под солнцем вьются жаворонки —

Поют: Христос воскрес!⁷⁹

Повторяю вместе с родными жаворонками этот привет — и желаю Вам хорошо провести праздники. Первый музыкант, отклик-

77. ОР РГБ. Ф. 326. Ед. хр. 209. Л. 22–24 об. Датировка по штемпелю. Конверт. Ленинград, Мойка, 21, 13. Евлалии Павловне Казанович. Штемпели: Томск. 5.5.29. — Ленинград. 11. V. 29.

78. Сакулин Павел Никитич (1868–1930) — историк литературы, профессор, директор Пушкинского Дома (1928–1930), в своих работах стремился сблизить литературоведение с марксизмом. Толстовский музей в Санкт-Петербурге был открыт в 1911 г., ликвидирован в 1931 г., а его материалы присоединены к Рукописному Отделу Института Русской Литературы.

79. Стихотворение А. Н. Майкова.

нувшийся на мою статью в «Урании» был Н. К. Метнер. Я получил от него письмо из Франции, где он концертирует. Мой отзыв о нем он считает преувеличенным в оценке его дарования, но верным по существу: я пишу: он сделал то-то, а он хочет сказать: хотел сделать, а сделал ли Бог весть. Я очень рад: дело не в оценках, а в точности определений и суждений. Остальную же часть статьи он принимает целиком — и очень удовлетворен сборником. Это тем приятнее, что Тютчева он знает лучше многих «тютчевянцев» — литературщиков.

Сердечно благодарен Вам за теплое и дружеское письмо.

Н. И. Тютчев в ужасе от весенней зимы. «Взбесилась ведьма злая»: 26-го апреля в Мураново был еще «приличный санный путь».

А знаете ли вы мое стихотворение о Н<иколае> И<ванови>че? У меня есть «Старая Москва»⁸⁰, и он среди них.

Н. И. Тютчев

И эта острая улыбка
Так тонко вычерченных губ,
И уст мгновенная ошибка —
Французской речи с русской сшибка,
И в вечный Рим, в Английский клуб
Неизбежная дорога,
И умных, и грустящих глаз
Всегда пленительный разсказ,
Всегда живущая тревога —

Все в нем напоминает деда,
И, ведая, что он — лишь внук,
Все ждешь, что Тютчевского плéда
На нем рукой коснешься вдруг.

Я его очень люблю.

Будьте здоровы и бодры!

С праздником!

С. Д.

14. Е. П. Казанович — С. Н. Дурьлину

<Ленинград>. 11–12 мая 1929 г.⁸¹

Сердечноуважаемый Сергей Николаевич!

Ваше дружеское, искреннее письмо мне тем отраднее было получить, что оно пришло в очень пакостную для меня минуту; впрочем, эта минута длится уже полтора месяца, и я не предвижу, когда она кончится; потому и праздник не был тем, чем он должен быть,

80. Стихотворный цикл С. Н. Дурьлина.

81. МА ДМД. Фонд С. Н. Дурьлина. КП-525/23. Л. 13–14.

и я его не только не почувствовала, но тяготилась им больше, чем буднями. К нам весна пришла только 7 мая и простояла всего дня три, а сегодня опять заглодало, дождь, ветер, но все же с зимой, вероятно, на этот раз покончено, и даже Ладожский лед, пожалуй, растаял по дороге. Но что и весна в природе, когда в душе ее нет!

Впрочем, грешу: природа, хорошая книга и хороший человек еще не совсем утратили свое действие на меня, а многим, даже и из близких мне, живется еще похуже моего.

Душевно порадовалась за Вас, узнав, что Метнер отозвался на Вашу статью; Вам, верно, очень приятно было получить его письмо, так же как и ему, конечно, приятно было увидеть такое понимание и оценку своего творчества⁸².

Спасибо и за стихи; я читала их в Мурановском альбоме, но очень довольна, что Вы мне их прислали, так как Ник<олай> Ив<анович> и мне очень симпатичен не только своим внешним сходством с дедом, из-за которого действительно невольно «все ждешь, что Тютчевского плада в нем рукой коснешься вдруг», но за собственные его большие достоинства.

Нового издания «Записок» Смирновой с ее биографией я еще не видала; все Московские издания доходят к нам на 3-й, 4-й месяц, и мы видим их раньше только случайно. Биографии у нас вообще редко пишутся хорошо; для них мало быть хорошим, честным исследователем, а надо, кроме того, быть поэтом (в душе, по крайней мере — для поэтов) и, во всяком случае, художником, а такое соединение редко.

А Вы знаете, как печально кончила Смирнова? Она ведь под конец жизни была душевнобольной; это всегда ужасный конец для человека, а для такого умного, изящного существа в особенности; у меня перед глазами несколько таких живых примеров женщин одаренных, умных, своеобразных... и как долго тянулось в них это тонкое колебание между здоровьем и болезнью, пока последняя не победила.

Вопрос о присоединении Толстовского музея к Пушкинскому Дому поднят был уже давно, задолго до Сакулина, и даже решен был принципиально еще в 1925 г., теперь присоединение это будет

82. 31 января 1929 года С. Н. Дурылин написал письмо Н. К. Метнеру во Францию, отправив его через П. И. Васильева вместе со статьей «Тютчев в музыке». В XII тетради «В своем углу» С. Н. Дурылин воспроизвел полученное в Великую Субботу ответное письмо Н. К. Метнера, и свой ответ, написанный в тот же день — С. Н. Дурылин. В своем углу. XII. 83 // МА ДМД. Фонд С. Н. Дурылина. КП-265/24. Л. 166–172. В следующей тетради С. Н. Дурылин вновь вернулся к этой теме: «Весна. С холодком — голубое небо, с холодком — зеленоватые дымки на деревьях. Тютчев, Пушкин и Лермонтов на столе. Работа над статьей о кн. Вяземском и Смирновой. Портрет Метнера. Письмо от него — чудесное! Чудеснейшее! — по поводу „Тютчев в музыке“» — С. Н. Дурылин. В своем углу. XIII. 2 // МА ДМД. Фонд С. Н. Дурылина. КП-265/26. Л. 15.

долго вероятно только административным, но, конечно, ни за что ручаться нельзя.

Н<иколай>И<ванович> писал мне, что Вы уже отправили ему статью для Мурановского сборника, а я вот никак не могу довести свою до конца — и хочется, и совсем не идет дело; материал благодарный, по поводу трех неизданных стихотворений Тютчева, и надо лишить Денисьеву ее ореола, потому что при всей ее печальной доле, она была не на высоте положения, а рядом с Эрнестиной Фед<оровной> и совсем, на мой взгляд, проигрывала.

Будьте здоровы, Сергей Николаевич, дружески жму Вам руку; может быть, в лучшую минуту напишу Вам что-нибудь более интересное. Всего Вам хорошего!

Е. К.

В каком положении Ваша книга?

11–12 мая.

15. С. Н. Дурылин — Е. П. Казанович

<Томск>. 2.VI.1929⁸³.

Сердечноуважаемая Евлалия Павловна!

Ваше письмо меня и огорчило, и обрадовало.

Как не огорчиться, когда от его страниц веет таким подлинным горем, такую печалью, — и не знаешь, в чем они, и как им помочь? Думаю, что Ваше горе и печаль смежны со многими горями и печальями многих, — и оттого особенно живо на него откликаюсь, — и рад уже тому, что Вы нашли возможность поделиться им со мною, — а я, скажу неложно, сразу, с первого Вашего письма, с первого Вашего отношения ко мне, почувствовал, что списания наши, через такую дальищу, пойдут по той линии, о которой отлично сказал Ф. И. Тютчев в ст<ихотворен>ии А. В. Плетневой.

Чему бы жизнь нас не учила,
Но сердце верит в чудеса,
Есть нескудеющая сила,
Есть и нетленная краса.

Будем в нее верить, — и будем стараться во всем уподобиться Плетневой, — по крайней мере, такой, какой она изображена Тютчевым.

Вы и порадовали меня: сердечностью, какою-то прямою и крепкою дружественностью Вашего письма, — и множеством совпадений в нем с тем, что я люблю и чем дорожу.

83. ОР РГБ. Ф. 326. Ед. хр. 209. Л. 26–28 об. Конверт. Ленинград. Мойка, д. 21, кв. 19. Евлалии Павловне Казанович. Штемпели: Томск. 3.6.29. Ленинград. 8.6.29.

То, что вы пишете о биографиях, — это мои заветные мысли: да «для них мало быть хорошим, честным исследователем, а надо, кроме того, быть поэтом и во всяком случае художником». Удивительна смелость, с коею некто, мня себя «литературоведом» и, действительно, умея «издавать тексты» и «находить источники», — пытается изобретать чужие великие или прекрасные жизни! Жизнь — единство некоего таинственного организма, — а биография — это сшивание кусков, набранных там и сям: нитки, коими сшивают их, бывают разные: культурно-исторические, психологические, социологические, — но приемы портных, и дело, которое они делают, одно и то же: это сшивание из лоскутков одежды, рубища, которую они принимают за самый этот живой организм. Биография Смирновой, считая Крестовой, точь в точь такова. Еще юношей я начал собирать материалы для биографии Гаршина. У меня их пропасть. Но биографии не могу написать. Ощущаю постоянно, что превращаюсь в портного. Наоборот, хотя и много у меня материалов для биографии К. Леонтьева, но собрать надо еще кучи, — а уже знаю, что мог бы, пожалуй, и на основании того, что у меня есть, написать его биографию: какой-то живой комочек его бытия живет во мне. Конечно, эта тема должна быть теперь на дальней полке. Ужасно обрадовали Вы меня и тем, что пишете в конце этого письма: «надо лишить Денисьеву ее ореола, п<отому> ч<то> она была не на высоте положения; а рядом с Эрн<естиной> Ф<едоровной> и совсем, на мой взгляд, проигрывала». Точно вы подслушали мои слова. В полное расхождение с Чулковым, Благим, Мудрым, и прочими «тютчевянцами», я говорил всегда это самое. «Она была не на высоте» — этого я, разумеется, не знаю, т. к. не изучал нужных материалов, — но что Эрн<естина> Ф<едоровна> была «на высоте» — это для меня несомненно было с давних пор. — И Тютчевы издавна знают это мое мнение. В образе Э<рнестины> Ф<едоровны> есть подлинное величие. Только склонностью наших милых Благих всюду отдавать предпочтение Сусловым и Денисьевым, пред Аннами Григорьевнами (Достоевский), Аннами Федоровнами (И. Аксаков), «свободнолюбимым» пред «законными супругами», только этой слабостью русского интеллигента можно объяснить, что Благие не обратили внимания на то, что это, по их мнению, ничтожной или малозначительной законной Эрнестине Федоровне, Тютчев написал несколько томов удивительных своих писем, где весь он — мысль, вдохновение, пафос! Ума не приложу, как было этого не заметить! Ведь письма к жене у Тютчева — самые глубокомысленные, самые тютчевские из тютчевских, — исчезли они [а она все их сохранила!] — мы бы лишились половины нашего знания о мыслительных высотах Тютчева. Насколько беднее содержанием письма к таким умникам, как Вяземский, Чаадаев, уж не говорю — И. Ак-

саков. Тут можно бы сказать: ex epistolis — leonem⁸⁴, — но вот, подите ж, как легко это было сказать, но никто это не сказал (хотя И. Аксаков, несомненно, это думал), а сказали совершенно противоположное.

Ужасно рад, повторяю, что Вы — так или иначе — это скажете, хорошо научить людей видеть leonem там, где действительно есть leo, а не существо иного, низшего ранга.

Сам я еще не послал комментариев к посланию Вяземского в Мураново. Все еще коплю то, другое скарбишко для них. Но, — надеюсь на этой неделе отослать. С мнением Вашим о Ник<олае> Ив<ановиче> совершенно согласен. В том и недостаток моего стихотворения, что я слишком занялся сходством с дедом — и упустил собственное достояние Н<иколая> И<вановича>, которое ярко, благородно и ценно само по себе. Я его очень люблю и уважаю (многих русских людей можно любить, но немногих, увы, уважать).

Книга моя печатается, вернее, набирается. Пришлют ли корректуры сюда — не знаю, к счастью, прислали аванс. О Гоголе советовали благосклонно отозваться Переверзев в «Печати и революции» (№ 4)⁸⁵. — Из Муранова получил в письме цветочки персика и абрикоса — это от тех деревьев, которые цвели еще при Баратынском! Удивительны эти цветочные приветы, приносящие аромат за тысячи верст. Кроме Муранова, получил еще фиалки из Феодосии (от художн<ика> Богаевского) и получаю цветы маслины из Коктебеля, от Макса Волошина. — Будьте бодры. «Чему бы жизнь нас не учила...».

Сердечный шлю привет! — и дружески жму руку.

16. Е. П. Казанович — С. Н. Дурьлину

<Ленинград>. 8 июня 1929 г. суббота⁸⁶.

Многоуважаемый Сергей Николаевич!

Только сегодня получили мы книгу «Печати и Рев<олюции>» с рецензией Переверзева, и я собиралась послать Вам об этом открытку, как, вернувшись домой, застала Ваше письмо и теперь уже

84. ex epistolis — leonem — парафраз латинской поговорки ex ungue leonem — льва узнаем по когтям.

85. «Печать и революция» — журнал критики и библиографии (1921–1930), выходил под редакцией А. В. Луначарского, И. Л. Мещерякова, М. П. Покровского, В. П. Полонского и И. И. Скворцова-Степанова, был одним из первых «толстых журналов» в СССР. Переверзев Валериан Федорович (1882–1968) — литературовед, историк литературы, профессор, обвинен в меньшевизме, изгнан из МГУ, находился в заключении с 1938 по 1956 гг., его книги были изъяты из библиотек. Автор книг о творчестве Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя, И. А. Гончарова.

86. МА ДМД. Фонд С. Н. Дурьлина. КП-525/23. Л. 15–18.

не хочу ограничиваться простой открыткой с сообщением, а хочу задержаться на более продолжительной беседе с Вами.

И как странно: вот мы уже беседуем с Вами, как добрые друзья, как будто немного знаем, или, по крайней мере, чувствуем друг друга, а вот придется нам сейчас как-нибудь случайно встретиться, и мы прошли бы мимо один другого, и не заподозрив даже, что это мы и есть, знакомые по письмам, но никогда друг друга не видевшие. Может случиться и так, что даже внешность наша нам когда-нибудь попадалась на глаза, и мы вспомним, что когда-то где-то я видел или я видела уже это лицо, и все таки не узнаем, что это мы и есть... Иногда после такого общения на расстоянии бывает даже лучше не встречаться вблизи, потому что действительность чаще всего не оправдывает, если не мечты, что в данном случае было бы, может быть уже слишком сильно, то ожидания; а так, по крайней мере, остается что-то, правда нереальное, не осязаемое, но что пребывает в вас и с вами.

Впрочем, есть мысль гораздо более тяжелая и безнадежная, это мысль лермонтовского стихотворения: «час пришел, наступило за гробом свиданье, но в жизни новой друг друга они не узнали...»⁸⁷

Это, между прочим.

А теперь к тому, что меня сейчас остановило в Вашем письме. Именно — Леонтьев. Только недавно я думала о нем. Я не удивляюсь тому, что Вы, будучи во всеоружии, не смогли бы написать биографии Гаршина; я думаю, что только гимназист, да притом старой школы, может отдать свое исследовательское сердце этому милому, симпатичному, но все же маленькому герою нашей словесности и жизни; ну, чем может вдохновить этот типичный — честный, прекраснодушный, но, как и большинство их, незрелый и ни до чего настоящего своего не додумавшийся российский интеллигент людей нашего возраста и наших событий, т. е. переживших, пожалуй, единственную в истории по своим трагическим для государства и народа последствиям войну и революцию! Милый ребенок, на которого можно с удовольствием посмотреть несколько минут, но не делиться мыслями с которым, ни спрашивать совета и ответа на свои вопросы-желания и потребности явиться не может; даже и среди детей найдутся позначительнее его.

А Леонтьев — это целая планета на небе нашей словесности и русской мысли, одинокий, но яркий, крупный, полный жизни и драматизма ум, личность, способная дать ответный трепет на все движения вашего собственного сердца. Леонтьев — это то завоевание национальной культуры, которому Людвиг на видном месте поставил бы памятник в Валгалле, но которого (и ему подобных) мы, русские ценить никогда не умели и не умеем. Если взять

87. Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Они любили друг друга так долго и нежно» (1841).

его только как художника, то и то это явление первого разряда по тонкости, изяществу и своеобразию художественной кисти и, конечно, его личность может вдохновить человека с живой восприимчивой душой, его биографии — можно и стоит посвятить полжизни труда; но, как прежде, так и теперь ему нет места в нашей действительности. С каким удовольствием я взялась бы помогать Вам, если бы Вы предприняли издать то, что после него осталось, и о чем Вы когда-то писали мне. Если бы мне знать, что именно есть, может быть, я бы попыталась бы поговорить об этом в нашем Госиздате ввиду предстоящего юбилея Леонтьева; что Вы на это скажете?

И еще одно симпатичное мне имя, но уже из другой области, Вы упомянули, это — Богаевского. Очень давно когда-то, лет 20 тому назад, его картины, вероятно, это были его первые выступления на выставках, запали мне на ум и в сердце, и из всей массы, которую я тогда видела, только она и запомнилась. Может быть, даже вернее всего, — я напутую, если стану передавать сюжет их, вернее, пейзаж, так как те картины, которые я видела, были исключительно, кажется, пейзажные; но что мне ярко и резко запомнилось (может быть, теперь уже только в преображенном моей памятью виде) — это колорит какого-то издревнего от начала времен, сожженного солнцем пейзажа, который как бы снится сам себе (как у Тютчева: «Ни звуков здесь, ни красок, ни движенья; жизнь отошла и, покоряясь судьбе, В каком-то забытии изнеможенья, Здесь человек лишь снится сам себе»⁸⁸) и такая же издревняя, изначальная мысль-созерцание, которая как бы растворилась в самом воздухе этого пейзажа и всего его собою пронизывает и наполняет.

Когда я года четыре назад побывала на несколько часов в Феодосии, я восприняла ее самое и весь окружающий ее пейзаж через Богаевского (хотя после того первого раза, о котором говорила мне, картин его на выставках больше не встречала) и может быть потому Феодосия, которая обыкновенно всем приезжим в Крым кажется самым некрасивым и скучным местом, произвела на меня очень сильное, ни с чем не сравнимое впечатление, и я поняла тут, как могли явиться картины Богаевского.

Но Вы, оказывается, знали многих интересных людей! Собственно и я не должна была бы жаловаться в этом отношении на судьбу: она мне давала много возможностей и случаев, но я никогда не умела ими во время и как следует пользоваться, и потому часто пропускала то, что само, казалось, шло в руки; теперь очень досадно вспоминать это, но таков уже был всегда мой дикий нрав.

Если когда-нибудь еще соберетесь писать мне, расскажите, пожалуйста, что-нибудь о Богаевском; его картины чем-то напоминают мне некоторые стихотворения Тютчева, во всяком случае, в ум-

88. Стихотворение Ф. И. Тютчева «На возвратном пути...» (1859).

ственной или, может быть, правильнее сказать — в художественной основе этих двух художников лежит, мне кажется, что-то общее.

На днях получила от Н<иколая>И<вановича> письмо о том, что моя статья о Денисьевой, посланная еще 23 мая ему, не получена! Пожалуй, пропала на почте, и тогда это перст судьбы, что ее не следует печатать; я и то долго колебалась, прежде чем отсылать ее Н<иколаю>Ив<ановичу>

Душевный привет Вам, и до следующего письма. А обо мне Вы думаете лучше, чем я есть на самом деле: я уже многих собою обманула; и тем хуже, что без намерения.

17. С. Н. Дурылин — Е. П. Казанович

<Томск>. 24.VI.<1929.>⁸⁹

Многоуважаемая Евлалия Павловна!

Какое чудесное письмо Вы мне прислали! — входящее в «тайная тайных» моих, — в мою давнюю любовь к Леонтьеву и менее давнюю, но не менее крепкую, к Богаевскому. Отношение к Леонтьеву: мимо него — или с остановкой на нем (на год, десятилетие, на всю жизнь) — давно стало в моих глазах некоторою мерою для людей. С 1911 г. я непрерывно думал о нем, — и писал. Вы так о нем пишете, как я бы написал. Только я назвал бы его не «планетой» на небе русской литературы (как вы назвали), а кометой, — огромной, блестящей, золотой, — но столь же бесследной или временно, с огромными промежутками во времени, появляющейся в небе: планеты ведь видны постоянно на небе, — а комета — будь она в 1000 раз больше планеты — видна на миг и исчезает на столетия⁹⁰. Одна надежда, что она возвращается, все таки возвращается! Ваше «самогласное» (знаете этот уставно-певческий термин?) желание помочь мне, да еще и «удовольствие» в издании того, что осталось от него, — я принимаю, как лучший знак, что наша встреча через 5000 в<ерст> пространства — обладает корнями глубокими, какими-то онтологическими, если можно так выразиться. Я с грустью и тоской думаю о приближающемся 1931 г. — это дважды юбилей — 100 л<ет> от его рождения и 40 лет со дня его смерти. Что за участь! И к 100-летнему юбилею быть неизвестным, неизданным, неиздаваемым! Если бы вы помогли мне выпустить к его двойному юбилею книгу, я бы по гроб свой Вам этого не забыл и был бы Ваш должник неоплатный. Разумеется, возможен только Л<еон-

89. ОР РГБ. Ф. 326. Ед. хр. 209. Л. 30–33 об. Конверт. Ленинград, Мойка, 21, 13. Евлалии Павловне Казанович. Штемпели: Томск. 25.6.29. — Ленинград. 1.7.29.

90. Образ «кометы» навеян статьей В. В. Розанова — Из переписки К. Н. Леонтьева / Предисл. и примеч. В. В. Розанова // Русский вестник. 1903. № 6. С. 642.

тьев> — художник и критик. Сообщу Вам свой план, а Вы его раскритикуете или перепланируете, сообразуясь со всем, с чем сообразоваться должно. Неизданное вот что удобопечатаемо, кажется: 1) «От осени до осени» — маленький роман (листа на 3–3 ½, думается) — единственный остаток огромного цикла романов «Река времен», — вещь вполне пригодная к тиснению, 2) 2 части романа «Две избранницы». 3 — я утеряна. Одна из этих двух была напечатана в нераспространенном журнале «Россия» в 80-х гг.⁹¹ 3) автобиография (неполн<ая>) «Моя литературная судьба» — я думаю, в печати нужны сокращения⁹², 4) письма к Т. И. Филиппову, Н. Я. Соловьеву, И. И. Фуделю, А. А. Фету (хранятся эти послания у Вас в Пушк<инском> Доме; у меня давно в 25 г. сняты копии), кн. К. Д. Гагарину, к Д. Н. Цертелеву и др. (это все в моем распоряжении), 5) письма к матери — огромный том. Письма к Филиппову полны огромного интереса: их — на целый том. Есть около 12 ответных писем Филиппова [Вам ведомо, вероятно, что весь его архив погиб], но интерес этот — не литературный. Такой же интерес представляет «Исповедь» Л<еонтье>ва Амвросию Оптинскому и письма его в Оптину⁹³. Это, приблизительно, размеры неизданного Л<еонтье>ва, к которому я имел прикосновение. Но я утверждаю, что и изданный Л<еонтье>в в сущности — неиздан. Собр<ание> сочин<ений> не окончено, очень мало распространено — (его нет, напр<имер>, в здешней универс<итетской> библиотеке) — и — правду говоря — не прочтено (я говорю о художеств<енной> прозе его). Наконец, он как художник и критик никому не известен за исключением какого-нибудь десятка любителей. Я убедился в этом, когда в 1926 г. читал в Академии доклад «К. Л<еонтьев> как романист»⁹⁴. Мне мало возражали, но мне ахали от удивления: фак-

91. Оба романа опубликованы: К. Н. Леонтьев. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб.: «Владимир Даль», 2003. Т. 5.

92. Впоследствии С. Н. Дурылину удалось ее опубликовать: К. Леонтьев. Моя литературная судьба. Автобиография. Вступительная статья Н. Мещерякова. Комментарии С. Н. Дурылина // Литературное Наследство // Литературное Наследство / РАПП и Институт ЛИЯ Комкадемии; отв. ред. П. И. Лебедев — Полянский. М.: «Журнально-газетное объединение», 1935. № 22–24). См.: К. Н. Леонтьев. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб.: «Владимир Даль», 2003. Т. 6 (1).

93. Письма К. Н. Леонтьева в Оптину пустынь С. Н. Дурылин планировал издать еще в 1918 г. в намечавшемся им «Московском сборнике», в издательстве Г. А. Лемана. «Моя исповедь» опубликована в: Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб.: «Владимир Даль», 2003. Т. 6 (1).

94. Доклад «К. Леонтьев как романист и критик Льва Толстого (к постановке проблемы)» прочитан 17 декабря 1926 г. в ГАХН (литературная секция, под-секция русской литературы). В резюме говорится: «Художественной зада-

ты мои на 3/5 были новы даже для специалистов по ист<ории> рус<ской> литературы. Поэтому я считаю необходимым, чтобы книгу избранных вещей Л<еонтьев>ва предварял очерк, знакомивший с его биографией, как художника и критика подробно — и не-подробно, но точно с его мировоззрением в его основе — с его теорией 3 фазного всемирного развития. В Академии я и прочел 2 доклада о нем: 1) Л<еонтьев> художник и критик и 2) Эстетическое миросозерцание Л<еонтьев>ва. А так как эстетическое миросозерцание, по счастью, и есть всё его миросозерцание (в основе и в его, леонтьевском, понимании эстетики), то представляется возможным соединить обе работы в один очерк, в который будет включено, конечно, много отрывков из неизданных писем и материалов⁹⁵. Итак, я предлагал бы издать книгу на подобие изданного «Прибоем» Одоевского. В «Одоевском» 25 листов. Из них — 1 лист занимают примечания, 6 1/2 лл. — занимает вступительный очерк, остальное — 17 1/2 лл. — текст. Если бы держаться примерно такого же распределения, то — очерк бы мой (где было б 3/5 леонтьевского неизданного или забытого вообще) занял бы 6 1/2 л., лист или 1 1/2 — примечания, и 17 лл. — самого Л<еонтьев>ва. Я бы включил сюда: 1) неизданное: а) от осени до осени, б) автобиография, в) избранные письма (а, м<ожет> б<ыть>, и устранил бы их); 2) изданное: 1) «Пембе», 2) «Дитя души», 3) «Исповедь мужа». Это был бы экстракт Леон-

чей Леонтьева было продолжить ту линию русского романа, которая, начавшись „Капитанской дочкой“, идет через прозу Лермонтова, С. Аксакова, Кохановской, минуя сатиру Гоголя, психологизм Тургенева и натурализм Писемского. Основы эстетики и поэтики творчества Леонтьева выражены им полнее всего на разборе творчества Льва Толстого» — Бюллетени ГАХН. 6–7. Под ред. А. А. Сидорова. М., 1927. С. 41–42. Незначительное количество материалов к этому докладу см. в: РГАЛИ. Ф. 298с. Оп. 1. ед. хр. 239.

95. С. Н. Дурьлин еще надеялся осуществить это издание. В 1928 г. он просил К. Н. Зимину, собиравшуюся погостить у него в Томске, привезти ему 1, 2, 3, 4, 8, 9 тома Леонтьева и текст своего доклада в ГАХН «Леонтьев, как романист», хранившиеся у Е. В. Гениевой (МА ДМД. Фонд С. Н. Дурьлина. КП-324/6. Л. 31, 16), в письме к Е. А. Нерсесовой от 7 апреля 1929 г. из Томска он писал: «У меня есть просьба к Алекс<андру> Н<ерсесовичу>, о которой когда-то я ему говорил. Нельзя ли в Архиве Университета найти и списать точно бумаги, относящиеся к пребыванию в университете Константина Ник<олаевича> Леонтьева? Он поступил туда в 1849 г. на медицинский факультет, занимался у проф. Иноземцева. 18 мая 1854 г. получил степень лекаря и поступил на военно-медицинскую службу (на войну в Крыму). Нужно бы списать: 1) документы, с которыми он поступал в университет, 2) все документы (баллы, экзаменационные сведения и т. п.), относящиеся ко времени пребывания Леонтьева в университете, 3) выходные документы. Может быть, найдутся и отзывы начальства и т. п. Все это хорошо бы прислать с Капу. Списывать надо буква в букву. В Московский университет Леонтьев перевелся из Ярославского лицея. Нет ли его лицейских документов и свидетельств? За все был бы очень благодарен» — МА ДМД. Фонд С. Н. Дурьлина. КП-2058/51 Л. 12–13.

тьева-художника, — и не упущен был бы в издании Л<еонтьев>—мыслитель. Но возможно ли заполучить где-либо на Л<еонтьев>ва 25 листов? Из них оплаты авторской подлежали бы очерк и неизданное. Если невозможна книга такого типа, то, что возможно? Отзовитесь! Работа моя на 1/2 сделана; кроме названных работ, у меня есть еще большая работа «Путь К. Л<еонтьев>ва» и «Роман „Подлипки“». М<ожет> б<ыть>, Вы разработали бы другой какой-нибудь<удь> план, — напр., с привлечением (большим) писем и воспоминаний о К<онстантине> Н<иколаевиче>? Я жду Ваших возражений, дополнений, переименований и т. п. Только не давайте заглухнуть росту этого доброго дела, и помните, что только с Вами я и могу о нем думать и заботиться. А 1931 год не за горами. Нет-ли у Вас в Пуш<кинском> Доме еще чего-нибудь<удь> Леонтьевского, кроме писем к Фету и Замираеву? Нет-ли писем Фета к К<онстантину> Н<иколаевичу>? М<ожет> б<ыть>, есть кое-что в Публичн<ой> Библиотеке? Не поставьте в труд — справиться — и, верю, сообщая мы выработаем план хорошей книги, в коей, хотелось бы, Вы сами поместили бы свою работу о Л<еонтьев>ве.

Вы необыкновенно верно и сердечно-внимательно судите о Богаевском. У него и земля, и звезды — во многом и многом — напоминают Тютчева, ибо оба они зрят «Самой Её», а не «оболочку зримую», вернее, у них «оболочка зримая» так тесно и вплотную обьемлет тело «Самой Её», что мы, и не видя, видим Его. Богаевского и я полюбил, как вы, давно, в начале 900-х гг., но познакомился и сблизился с ним лишь в 1926 г. Он живет безвыездно в Феодосии. В ней он и родился. Вы пишете, что на его картинах — «колорит какого-то издревнего, от начала времен, сожженного солнцем пейзажа, который как бы снится сам себе». Нельзя сказать точнее. Вы точно подсмотрели творческую тайну Б<огаевско>го. Его пейзажи — сны. Ни один его пейзаж не может быть найден и указан среди гор, пустынь, бухт и развалин Тавроскифии. Он писал прежде множество этюдов с натуры, но сжигал их; это были лишь упражнения в зрении, наука видеть. Тó же, что не сжигалось, а оставалось в виде рисунков и картин, — тó всегда «сны»: работал он обычно после бессонной ночи, когда с закрытыми глазами, «снились» ему пустыни, горы, алтари на высотах, — и эти-то творческие видения он запечатлевал карандашом, углем, акварелью, маслом. У него нет вообще этюдов к картинам. Они просто невозможны для него. То, что он раскрыл в своем творчестве, это — Лето Земли Древней, Страдальной, Видевшей гибель и Той, Которой суждено еще увидеть гибель. Все это — найдено в таких формах, в такой внешней лепке, что геологи приходят в восторг: так это точно, соответственно прошлому Тавроскифии, — но все это нигде, ни на юту, не взято с действительно — маячащей горы, с рúшащего берег залива: все рождено вторичным, самопроизвольным рождением из страдальной (в точном смысле слова) груди художника.

Никогда ничего кроме пейзажа Конст<антин> Федор<ович> не писал. Гос<ударственное> Изд<ательство> издало великолепный альбом его автолитографий. Стоит он что-то рубля 3–5. Советую достать. Это — подлинный Богаевский.

Как человек, он — на той «высоте», которая «грозою грозит» всякой неправде. Это — подвижник своего вдохновения. Он живет бедно; ради хлеба насущного, делает археологически-точные зарисовки по археологическим заданиям экспедиций, работающих над воскрешением памятников татарского прошлого Крыма. Это — человек высокой культуры, тонкий знаток поэзии и областей мыслительных. К сожалению, он так беден, что не может покупать книг. В последнем письме ко мне он пишет, что едва пережил ужасную ледяную зиму этого года, вынес несколько болезней и гложет на оба уха, — «впрочем, говорит, не жалею особенно об этом: м<ожет> б<ыть>, это к лучшему: сколько глупостей и пошлостей, по крайней мере, я не услышу!» Я — счастливый человек, у меня здесь 10 его отличных рисунков углем, присланных сюда. Это — моя утеха и отрада. В связи с его юбилеем в Москве и Казани были выставки, посвященные его творчеству. В Феодосии отдел его картин есть в Галлерее Айвазовского. В «Искусстве» (изд<ание> Акад<емии> Худож<ественных> Наук) кн. 1–2. 1928 г. < > есть дельная статья о нем Тарабукина.

Написал это письмо — и подумал, что не ответил на начало Вашего письма, где вы пишете о нашей заочной встрече и гадаете, что бы было, если бы была встреча «бчная». Кто знает, что бы было? Но вот, что есть: мне легко писать Вам, мне радостно, что мы встречаемся на узкой, редко кем хоженной дороге (Леонтьев, Богаевский), мне дорого, что каждое Ваше письмо с дружеской заботой и вниманием (это сказалось и в эпизоде с переверзевской статьей). Дай Бог, чтобы это было и при бчной встрече, если та суждена; а при заочной — о, как это дорого и как я благодарен Вам! Будьте бодры. Дошла ли, наконец, Ваша статья до Ник<олая> И<ванови>ча? Жду ответа на «Леонтьева».

18. Е. П. Казанович — С. Н. Дурылину

<Ленинград>. 14 июля 1929 г.⁹⁶

Многоуважаемый Сергей Николаевич!

Очень боюсь, что если прошлое письмо мое доставило Вам некоторое удовольствие, это, вероятно, огорчит Вас и вот почему: я до сих пор не предприняла ничего для Леонтьева и вряд ли скоро смогу за него приняться; у меня очень много всяких не-

96. МА ДМД. Фонд С. Н. Дурылина. КП-525/23. Л. 19–22. Конверт. Сергею Николаевичу Дурылину. Томск. Никитинская ул. Д. 62. кв. 1. Штемпели: Ленинград 15.7.29. — Томск. 21.7.29.

приятных дел было в этом году; они продолжают еще и сейчас и чтобы немного отдохнуть от них и оправиться, я сбегаю на днях в глухой уголок Новгородской губ., где пробуду, если меня не вызовут раньше, — месяц, полтора; последние же недели я была в самом неживом и недейтельном состоянии, совершенно была не в силах приняться за что-нибудь новое и большое, каким должен быть Леонтьев, и потому отложила его не только до возвращения домой осенью, но, может быть и еще позже, так как по возвращении прежде этого придется заканчивать кое-что начатое и ликвидировать кое-какие домашние обстоятельства. Простите, что так необдуманно возбудила Ваши ожидания; если Вы согласны запастись терпением и подождать моей лучшей, чем настоящая, минуты, я при первой возможности начну толкаться в издательства и выяснять, какой, кроме Вашего, материал можно привлечь еще; сейчас же ничего не могу Вам ответить даже на предлагаемый Вами план книги, кроме разве того, что перепечатывать то, что напечатано в собрании его сочинений или в широко распространенных журналах, хотя бы оно было и высокого художественного достоинства, по-моему, не следует: на это не пойдет ни одно издательство; за «автобиографию» я сильно стою, если только она не представит цензурных затруднений, но разве она не была напечатана уже хотя бы в одной части? Мне помнится, что она где-то печаталась, хотя сама я ее не читала; художественные произведения, конечно, приветствую, если они не из слабых, потому что издавать в настоящее время Л<еонтье>ва можно только при том условии, если им можно козырнуть во всех отношениях; ну и затем, конечно, его письма, с большими, вероятно, выборками, так как особенно, верно, придется считаться с цензурой, и если найдутся письма интересные и от интересных людей — к нему.

Вот как мне представляется новый том Леонтьева по нашим временам; но я сильно сомневаюсь, чтобы какое бы то ни было издательство, даже самое сочувственное, дало 25 л.; за 15 и то придется ухватиться и благодарить. Вступительный очерк к книге должен быть непременно приложен, и Ваш, мне кажется, даст как раз то, что желательно.

По «Одоевскому» нам вряд ли придется равняться, потому что Одоевский был звездой созвездия, обошедшего в свое время на глазах у всех, а Л<еонтьев> — одиночка и скрывался за какими-то облаками или стоял на таком далеком от нас расстоянии, что свет его так и не дошел до глаз историков литературы; потому я и кометой его не могу назвать: он ни разу и ни на миг не сверкнул для всех, а только откуда-то светил немногим.

За сведения о Богаевском очень Вас благодарю. Это все очень интересно, очень характерно и очень грустно; симпатия и уважение мое к нему только возросли от Вашего рассказа.

Позвольте утрудить мне Вас вот какой просьбой. Из прилагаемой записки П. Е. Рейнбота Вы уже поймете, в чем дело. Если можно, ответьте ему (можно через меня), и я Вам ручаюсь, что он не злоупотребит тем, что Вы найдете возможным ему сообщить. Если можно, напишите Ваш ответ ему на отдельном листке, я уже сама переishю его старику, который весь поглощен своими изысканиями о Смирновой, и ни о чем другом сейчас думать не в состоянии.

Адрес мой будет такой: ст. Торбино Октябрьской жел. дор., село Заручевье, хутор «Улитина гора», Наталье Александровне Дмитриевой, для передачи мне. Думаю выехать в субботу 20-го, если ничто не помешает.

Дружески жму Вам руку и желаю всего самого хорошего.

Уважающая Вас, Е. К.

Простите за неопрятное письмо: совсем не пишется все это время.

14 июля 1929 г.

Если же Вы вздумаете ответить самому Рейнботу (Павлу Евгеньевичу), пишете ему на Пушкинский дом так: В<асильевский> О<стров>. Тучкова наб<ережная>, > д. 2, Пушкинский Дом Академии Наук СССР. П<авлу> Е<вгеньевичу> Р<ейнботу>. Кстати, он приложил и марку.

19. С. Н. Дурылин — Е. П. Казанович

<Томск>. 26.VII.<1929.>⁹⁷

Многоуважаемая Евлалия Павловна!

Одновременно с этим письмом отвечаю П. Е. Рейнботу, к<отор>го заочно давным давно знаю и уважаю, не имев личной встречи с ним. Так как ответ ему разросся до внушительных размеров, то я не мог его соединить с письмом к Вам, и послал на Пушкинский Дом. Вас же осведомляю, что выписал ему из ст<ихотворен>ия Вяземского нужные ему строфы, дал все требуемые разъяснения, привел редакции фамилии Россет у Гоголя и сообщил, где можно найти план и фасад дома Смирновой в Калуге. В свою очередь воспользовался драгоценным случаем запросить его о некоторых смирново-вяземских недоумениях моих. За доставление этого случая благодарю Вас.

«Если Вы согласны запастись терпением», — пишете Вы, говоря о Вашем проекте леонтьевском. Тот, кто имеет несчастье зани-

маться этим писателем, тот и eo ipso⁹⁸ запасся терпением. Вот почему мне «хоть бы што» — от тех умедлений и ограничений, которые Вы — и справедливо! — считаете неизбежными в этом деле.

Только не покидайте Вашего доброго намерения, не бросайте Вашей прекрасной и так меня порадовавшей мысли, — а терпения у меня воз! Я вполне бессилен хотя бы что-нибудь сделать для практического осуществления этого начинания, — и потому в этом весь — в чаянии Ваших «толканий» в двери издающих, и, конечно, Вы лучше увидите, когда благовременнее толконуться в эти двери и в какие именно. Одно только нельзя не помнить, что 1931 г. — его дважды юбилейный год, и совестно было бы его ничем не отметить. Что касается плана и состава издания, то вот еще мои соображения: не знаю, ответит ли он на все Ваши возражения и вопросы.

1) Вы против перепечатания хотя бы одной его художественной, уже изданной вещи. Это меня огорчает. Знаете ли Вы, что издание Саблина, замершее на 9-м томе, очень мало распространилось, хотя хорошо было встречено печатью? Его мало покупали (пример: в Томске, ни в одной библиотеке, включая университетскую с 300 000 тт., нет ни 1 экз. этого издания). А в 1914 г. и не могли много покупать, т. к. до 1918 г. издание лежало заарестованным на складе из<дательст>ва «Культура», к<отор>ое было конфисковано, как принадлежащее немцам. Далее — на складе случился пожар — и издание сильно пострадало. Нигде в СССР, кроме Ленинграда — на «развалах» и у «букинистов», Л<еонтье>ва купить нельзя. Можно сказать, непростительно, что совр<еменный> читатель повестей Л<еонтье>ва не читал и не имеет возможности прочесть. Это — одно соображение в пользу перепечатки. Другое — то, что неизданная беллетристика Л<еонтье>ва (русские сюжеты) хуже его восточной, а, Вы правы, нужно показать его ярко, сочно, блестяще, как художника. Вот почему — перепечатка «Пембе» (меньше 3 ½ листа) и «Исповеди мужа» (около 4 л.) — по-моему, обязательная в сборнике. Эти вещи сами за себя говорят. «Пембе» — турецкая повесть, вполне удобопечатаемая, как сочувственная туркам. «Исповедь» — лучшая из повестей: восточно-русская, и также, думается, удобопечатаемая.

2) «Автобиографию» К<онстантина> Н<иколаеви>ча, которую вы почитаете за изданную, Вы считаете, вероятно, книжечку: «К. Л<еонтье>в. Отрывки из автобиографии». Ред. П. К. Губера. Изд<ательство> «Парфенон». 1922 г.⁹⁹ Это — совсем не то, что предлагаю я. Губер просто перепечатал отрывки из 9-го тома и придумал заглавие. Я предлагаю неизданную «Мою литературную судьбу» (напис<анную> в 70-ых гг.), где очень ярки обли-

97. ОР РГБ. Ф. 326. Ед. хр. 209. Л. 35–38 об. Конверт. Ст. Торбино Октябрьской жел. дор. Село Заручевье. Хутор Улитина Гора. Натальи Александровне Дмитриевой. Для Е. П. Казанович. Ленинград. Мойка, 21, кв. 13. Штемпель: Томск. 26.7.29. — Торбино. Борович<ский> окр<уг>. 1.8.29.

98. eo ipso — тем самым (лат.).

99. Речь идет о книге: Страницы воспоминаний Константина Леонтьева / Редакция и предисловие П. К. Губера. СПб.: «Парфенон», 1922.

ки Погодина, Каткова (отрицательные!), Бодянского, И. Аксакова, славянофилов, — и, конечно, самого Л<еонтьев>ва. Разумеется, сокращения и пропуски неизбежны. Затем, б<ыть> м<ожет>, возможно напечатать «Моя исповедь» (это письмо — обращение к Амвросию Оптинскому, но я не уверен, не имея под руками, что следует это сделать. «Сие діло треба разжуваты».

3) Из неизд<анной> беллетристики я бы хотел издать полную новеллку — набросок маленького романа «От осени до осени», входившего в состав серии «Река времен», этих леонтьевских «Ругон-Маккаров». Отрывки из нее, читанные мною в Ак<адемии> Худ<ожественных> Наук, возбудили большой интерес. Автобиографическое значение вещи очень велико.

4) Что касается писем, то из переписки с Т. И. Филипповым (огромной, она вся у меня), с Фетом, с Н. Я. Соловьевым (автор «Женитьбы Белугина»), кн. Д. Н. Цертелевым, кн. К. Д. Гагариным, И. И. Фуделем, можно выбрать письма высокого интереса и не малого значения. Письма к Фету у Вас — просмотрите. Да не у вас ли в Пушк<инском> Доме письма Фета, к К<онстантину> Н<иколаевичу>? Вообще, поройтесь, чтó у вас, чтó в Публ<ичной> Библ<иотеке> есть леонтьевского. В письме к Филиппову описывается, напр<имер>, свидание Л<еонтьев>ва с Толстым в Опт<иной> пуст<ыни>, — эпизод почти неизвестный даже специалистам по Толстому¹⁰⁰. Я читал в Толстов<ском> Музее доклад «Толс<ой> и К. Л<еонтьев>»¹⁰¹. Гусев, Бирюков, Саводник, и др<угие> специалисты, занимающиеся Толстым, встретили его как совершенную новинку. Думается, отдел писем будет богат и нов!

5) Мог бы быть и отдел «воспоминаний», — но хотелось бы дать как можно более места самому Л<еонтьев>ву. Его судьба такова, что вспоминают его и пишут о нем больше, чем печатают его самого.

6) Наконец, для своей статьи я взял бы возможно меньше места, по тем же соображениям. Знаете-ли Вы, что в конце жизни Л<еонтьев> признавал неизбежность и нужность социализма, как средства скрутить и задержать разложение европейского человечества, — но от себя давал ему вождя на подобие Константина в первохристианстве, и утверждал, что без мистики не обойтись, но государственную систему социализма, принуждение, железное крепление общества и пр., он признавал горячо, так горячо,

100. Ср. о визите Л. Н. Толстого в письме К. Н. Леонтьева к К. А. Губастову (Письма К. Н. Леонтьева к К. А. Губастову // Русское обозрение. 1897. Июнь. С. 914).

101. Сохранилась открытка Н. Н. Гусева С. Н. Дурылину, содержащая упоминание об этом докладе: «Дорогой Сергей Николаевич, доклад твой мы устраиваем в среду 13-го. Уже рассылаются повестки. Пожалуйста, не сочти за труд черкнуть на прилагаемой открытке, что ты мое письмо получил. Захвати с собой портреты Леонтьева. 7 апр<еля> 1927» — МА МДМД. Фонд С. Н. Дурылина. КП-525/47. Л. 2.

что Лев Тихомиров даже возражал ему печатно? В конце жизни он изучал Лассалья и Маркса. Думается, мне удалось бы дать очерк Л<еонтьев>ва — художника, коснувшись слегка и сколько потребно (насколько нужно для неизбежного социально-экономического освещения беллетристики), и этой стороны его мировоззрения, как и теории трех периодов развития. Тут больше всего помогут цитаты из писем [прочтите полюбопытствуйте письмо к Губастову от 15/III. 1889. — в «Рус<ском> Обозр<ении>» 1897 г., № 5, стр. 400–402]. Знаете ли, что он писал в 89 г. тому же дипломату? «... Будет время, и Россия исполнит какое-то (теперь еще неясное и спорное), но, во всяком случае, великое назначение. Будет ли это та живая, пестрая и своеобразная культура, о которой мы с Данилевским мечтали (увы! едва ли!), или то социалистическое назначение, возможности которого на Западе с нашей стороны многие опасались и опасаются, все равно — в исполнении каком-то назначении нашем теперь уже и сомневаться нельзя» (там же, стр. 407). Обратите внимание, гдѣ Л<еонтьев> поставил свое «увы! едва ли!», и где не поставил. Все это делает его чрезвычайно интересным в наши дни. «Социалистическое назначение», которое он принимал для России без «едва-ли», стало ныне фактом. Ужели не любопытен ныне тот, кто 40 лет назад, вопреки своим мечтам и своему credo, признал и исповедал это «социалистическое назначение», которого действительно так «опасаются на Западе»? — «буржуазном», конечно [это слово Л<еонтьев> постоянно употреблял].

Все это пришлось к слову. М<ожет> б<ыть>, оно Вам пригодится при планировании книги.

7) 15 листов — тесно, но, конечно, можно уместиться и в них, только определив наперед, куда будет уклон сборника: будет ли это книга Леонтьева — или о Леонтьеве. Я бы стоял за первое: «Л<еонтьев>в — романист и критик». Поэтому и выбор писем я бы сделал соответственный. Ну, впрочем, гадать обо всем подробно еще рановато.

Но «прошу Вас и молю» — не оставлять хлопот, добиться хоть 15, хоть 10 листов (что уже полная скудость!), а я буду терпелив, благонадежен и работающ (поскольку это зависит от меня, а не от географии): что укажете, все буду делать и не буду мечтать «объять необъятное», зная, что сие и, по Кузьме Пруткову, невозможно.

Очень рад, что поделился с Вами моей любовью к Богаевскому, — и тем приумножил и в Вас «симпатию и уважение к нему».

Я не потаюсь, послал ему выписку из Вашего письма, где Вы говорите о впечатлении, произведенном на Вас его картинами и Феодосией сквозь призму его дарования. У него мало радостей, а это ему будет большая радость. Дай Бог Вам избавиться от «всяких неприятных дел», навалившихся на Вас в этом году. Хорошо отучают от их гнета сосны с их «протяжным шумом». От души же-

лаю, чтоб новгородская древняя лесная дремь и тишь облегчила Вашу усталость и скорбность.

У нас жаркое лето. Какой урожай — еще рано гадать, но дождей было мало в самое нужное время.

Искренне уважающий Вас

С. Д.

20. Е. П. Казанович — С. Н. Дурылину

<Ленинград>. 8 августа 1929 г.¹⁰²

Сердечноуважаемый Сергей Николаевич!

Сегодня получила Ваше письмо, но не под сенью древних новгородских сосен, шум которых мне слышится только во сне, а сидя на берегу Мойки, как «Прусский король в своей Швейцарии у самого синего моря» (так говорил когда-то совершенно серьезно один богатый белорусский помещик, уподоблявший себя прусскому королю, а свою Павловку на берегу одного из белорусских озер — Швейцарии на синем море, владельцем которых, по его разумению, и был «пруссский король»).

Моя фантазия не столь богата, как у счастливого помещика доисторических для нас уже теперь времен, и потому сравнение мое — только на бумаге; в действительности я так же далека как от Швейцарии, так и от новгородских сосен...

Сейчас у нас идет, — Вы, вероятно знаете это из газет, — проверка аппарата нашего маленького учреждения; поэтому целые дни проходят в волнении и посещениях частных и общих собраний¹⁰³. Это — одна из причин, по которым я сижу здесь, а письмо Ваше дошло до меня только сегодня, прогулявши, вместо меня, на хутор.

Сколько молодости, бодрости и доброты в этом Вашем, как, впрочем, и во всех остальных, письме; Вы невольно заражаете ими на минуту и меня, так как на более продолжительное время у меня

102. МА ДМД. Фонд С. Н. Дурылина. КП-525/23. Л. 23–25. Конверт. Сергею Николаевичу Дурылину. Томск. Никитинская ул. д. 62, кв. 1. Штемпели: Ленинград. 15.7.29 — Томск. 21.7.29.

103. Речь идет о деле «Платонова — Тарле» или «деле академиков». В 1928 году партийные органы предприняли попытку подчинить себе АН СССР, в июле 1929 года Ленинградский обком ВКП (б) по инициативе сверху принял постановление о проведении чистки в Академии Наук. В процессе чистки выяснилось, что в Пушкинском Доме хранятся акты отречения Николая II от престола, документы партий эсеров и кадетов. Академик С. Ф. Платонов (1860–1933) был вынужден уйти с поста руководителя Пушкинского дома, 25 января 1930 года он был арестован. Ряд сотрудников были вычищены, арестованы, вывезена часть архивов. См.: Пушкинский Дом. Материалы к истории. 1905–2005 / Под ред. Н. Н. Скатова. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2005.

не хватает уже пороху; слишком много его вышло, и запасы истощаются с каждым днем, почти без возмещения.

Спасибо Вам за ответ П<авлу> Е<вгеньевичу>; Вы им очень утешили старика, он говорил мне об этом и сам собирается писать Вам, но теперь ему не до того и Вы уж простите его, если ответ замедлится.

Я тоже не буду ничего писать Вам сейчас о Л<еонтье>ве, как ни интересно все это, что я от Вас услышала; когда все тревожные улягутся, когда я покончу с различными своими литературными и нелитературными долгами и обязательствами, тогда примусь за Л<еонтье>ва и может быть смогу сказать что-нибудь обстоятельнее общих мест, которыми сейчас и могу только отделяться; а это не может, конечно, удовлетворить ни Вас, ни меня.

Пока же может быть Вам безынтересно будет узнать о Вашем давнем любимце — Гаршине. Недавно какая-то, вовсе неизвестная мне немка из Лейпцига, написала мне, что им интересуется для своей научной работы (может быть, хочет писать о нем?) и просила сообщить ей кое-что о наследии Гаршина; его у нас немного¹⁰⁴, а потому я немногим и ее могла порадовать. Может быть, Вам известно, нет ли в Московских архивах и собраниях что-нибудь о Гаршине? Ее главным образом интересуют дневники (которых, насколько я знаю, не было вовсе) и переписка; Вы писали, кажется, что собрали много материалов о нем.

Чувствую, насколько слабым ответом является это письмо на Ваши хорошие, дружеские строки, но верю Вашей снисходительности и знаю, что вы извините меня. Даже рука и та не повинуется и пишет, Бог знает как.

Душевный привет Вам и наилучшие пожелания.

Е. К.

21. С. Н. Дурылин — Е. П. Казанович

<Томск. 13 сентября 1929>.

Глубокоуважаемая Евлалия Павловна!¹⁰⁵

Простите за долгое молчание. Письмо Ваше я давно получил. Живы ли Вы? Живо ли все вокруг Вас? Жив-ли любитель и чт-

104. В 1920-е гг. у Пушкинского Дома шла переписка с вдовой В. М. Гаршина, в результате которой его архив попал в Пушкинский Дом (Пушкинский Дом. Материалы к истории. 1905–2005 / Под ред. Н. Н. Скатова. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2005. С. 53, 334).

105. ОР РГБ. Ф. 326. Ед. хр. 209. Л. 40–42. Датировка по штемпелю. Конверт. Ленинград. Мойка, д. 21, кв. 13. Евлалии Павловне Казанович. Штемпели: Томск. 13.9.29. — Ленинград. 19.9.29.

тель «черноокой Россет»¹⁰⁶? Я все надеюсь, что он мне ответит, — и, признаться, даже корыстно надеюсь: статья моя о «черноокой» сдана в печать, вот-вот может прийти корректура, а я не стал бы выдавать статью, не получив от П. Е. Рейнбота авторитетных разъяснений по поводу некоторых моих «россето-чернооких» недоумений и противочувствий.

О Л<еонть>е Ваших утешительных слов жду; и ждать никогда не устану.

Наследие Гаршина, о коем Вы спрашиваете, вероятно, все целиком у вас: «Дневников» его, Вы правы, не было вовсе.

Куски романа о Петре не знаю где, — да думаю, их он просто истребил, да, верно, их и было-то с воробьиный нос. Рассказ фантастический «о науке», со старым Петербургом, чуть ли не со стенами Академии Наук, он истребил. Об этом я писал в «Русс<ких> Ведом<остях>» 1913 г., № от 25 марта¹⁰⁷ и в «Голосе минувшего» того же года.

Вообще, «архива Гаршина» быть не может ск<олько>-ниб<удь> большого, и то, что «Пуш<кинский> Д<ом>» получил от его брата и жены, верно — и есть все. Есть у меня 3–4 его записки к Г. Успенскому и я думаю где-ниб<удь> их напечатать¹⁰⁸.

В материалах о нем были воспоминания о нем разных людей, больших и малых. Это другое дело. О нем охотно и много вспоминали. Моя книжка «Репин и Гаршин»¹⁰⁹ основана на восп<оминан>иях Репина, написанных по моей просьбе. Но сейчас я не знаю даже, где все это у меня, и, увы, кажется, что кое-что потеряно. Вот все, что я могу сказать о Гаршине. Для его «детства» может послужить кое-чем мой популярный очерк «Детские годы Гаршина» (М., 1910 г.)

Я писал Вам, что Ваш отзыв о Богаевском сообщил самому художнику. И, представьте, Ваши добрые слова — оказались как нельзя кстати.

Вот что пишет мне сам художник в грустном-грустном письме на тему о том, что писать ему стало не для кого: «Приведенный Вами отрывок из письма К. о моих работах меня очень порадовал. Вы прибавляете к нему: „Вот как вы богаты!“ Да, я богат, может быть, прошлым, а сейчас иное время и иные песни, и моя песня, как художника, в достаточной степени устарела и не может доходить до ушей нового поколения. Если она еще что-то говорит, то только людям той, нашей с Вами культуры, к которой

106. П. А. Вяземский посвятил Смирновой стихотворение «Черные очи» (1828).

107. Речь идет о статье С. Н. Дурылина «Погибшие произведения Гаршина».

108. С. Н. Дурылин написал статью «Гаршин и Глеб Успенский» (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 43).

109. С. Н. Дурылин. Репин и Гаршин (Из истории русской живописи и литературы). М., 1926.

принадлежит, конечно, и К<азанович>». Все это очень грустные слова; на них многое можно бы возразить, что я и сделал в письме к Б<огаевскому> Я напомнил ему, между прочим, слова о нем современного критика (1928 г.): «Б<огаевский> как бы расширил изобразительные возможности живописи: показал невидимое. Этим диапазоном от глубочайшего пессимизма¹¹⁰ до смелого футуризма Б<огаевский>, в своем космополитизме так близок духу нашего времени, с его гигантской амплитудой». Я не совсем понимаю, что это значит, но это не важно, а важно, что высказал же Б<огаевский> и этому современному критику что-то большее, и важное, и современное, чего критик не сумел только толком высказать.

И новые его вещи (он прислал мне акварели и 3 рисунка сепией и углем) превосходны и молоды. Но все же то, что Ваши слова попали к нему в тяжелую минуту захожего неверия в себя и в свое дело и порадовали его, видно, сильно. Я вижу это из слов чудесной жены Б<огаевско>го, Жозефины Густавовны (она чуть ли не из рода генуэзцев, живших некогда в Кафе (=Феодосии)). Вот ее слова: «Как хорошо все, что писала Каз<анович> о К<онстантине> Фед<оровиче>. Спасибо, что сообщили. Она должна приехать в Феодосию и побывать у нас».

С особой радостью выписываю эти слова — приглашение Вам. И приходит мне в голову:

А что еслиб Вам, при случае, написать 2 слова Богаевскому? Доброе было бы дело. Вот его адрес: Феодосия, Дурантовская ул. д. 5, ему.

Буду ждать Вашего ответа. Нет ли еще отзывов на Уранию, кроме кисло-сладкого лернеровского (при чем, эта кисло — сладкость направлена и на самого Тютчева)?¹¹¹

А знаете, чем я утешал Богаевского, утешаю себя, — и хочу утешить и Вас? Стариком Гете. Я влюблен до безумия в его четверостишие:

Die Nachtigall, sie war entfernt,
Der Frühling lockt sie wieder,
Was neues hat sie nicht gelernt,
Singt alte liebe Lieder¹¹².

110. Пессимизм — пристрастие к прошлому (от фр. passe — прошлое).

111. Н. Лернер. [Рец.] Урания: Тютчевский альманах. 1803–1928. Л., 1928 // Звезда. 1929. № 3. С. 191–192.

112. Die Nachtigall, sie war entfernt, / Der Frühling lockt sie wieder, / Was Neues hat sie nicht gelernt, / Singt alte liebe Lieder — начало стихотворения Гете «Laendlich» («Деревенское») — Goethe. Gedichte (Ausgabe letzter Hand. 1827). Goethe. Werke, S. 1071. (vgl. Goethe — Berliner Ausgabe Bd. 1, S. 579). Соловей побывал далече, / Весна вновь манит его; / Ничему новому он не научился, / Поет старые добрые песни (пер. П. В. Резвых).

Вера в вечность искусства — вера в правду этого соловья. В искусстве Богаевского он поет.

Ну, расписался я. Простите. Я соскучился по Вашим письмам. Да и Рейнбот обрадовал бы меня письмом. Будьте бодрь.

С. Д.

Никитинская 64, 1.

22. Е. П. Казанович — С. Н. Дурьлину

<Ленинград>. 1929 г. Сентябрь ст. / ст.
Суббота¹¹³.

Сердечноуважаемый Сергей Николаевич!

Вернувшись сейчас из мирного Новгородского края, столь далекого действительности здешней, и получив Ваше письмо, я подумала: отчего не получила я его там, или отчего не написала Вам оттуда! Как мирны, спокойны и миролюбивы были там мои чувства, как легко и бездумно дышалось там порою, особенно под лаской осеннего солнца, среди добрых здоровых, не знающих наших невзгод и бед <? > людей, людей с крепкими нервами и крепкими, напитанными соками земли телом и душой. Там и Гетевский соловей мог быть утешителем, и правда искусства могла сливаться с правдой жизни, не внося смятения и разлада в ум и чувства; а здесь — здесь соловей должен превратиться в библейского пророка, чтобы получить свое оправдание и быть — правда, горьким — утешителем. Мне чаще приходят на ум не <лакуна в машинописи>, а сонет Шекспира (66): <лакуна в машинописи> сильный в русском переводе Червинского (см. Венгеров, т. V). И трудно быть бодрой, трудно писать бодрые письма столь слабому духом человеку, как я (это не рисовка, это грустная истина). Но попробую взять себя в руки, а для этого надо вернуться мыслью туда, откуда я приехала, и где так не хотелось о чем-нибудь думать!

Неподалеку от того, где я была, есть одно удивительное место. Теперь — это далеко распаханное, большое холмистое зеленое поле, на котором застыли в вековой дреме два высоких крутых кургана, покрытые вековыми соснами. Трудно передать словами тот величавый покой, которым они издали осеняют весь расположенный вокруг них пейзаж с небольшой деревенькой, тоже как бы застывшей у подножия их. Впечатление тем сильнее, что картина открывается — никак не заподозренная раньше — сразу по выходе из небольшого уже теперь соснового леса, по дру-

гую сторону протекающей внизу небольшой реки Волмы (и название-то какое хорошее!); совсем как Черное море по выходе из Байдарских ворот. Когда-то там были вероятно непроходимые леса, на что указывает лесистый горизонт далеко вокруг да жалкие остатки зарослей по всей этой холмистой местности (отроги Валдайской возвышенности), но теперь их можно только воображать себе по слабым намекам поверхности и почвы. К сожалению, моя плохая память не сохранила мне исторические события нашего отечества, приурочивающиеся к этой местности, и потому воображение могло рисовать только самые общие, отвлеченные картины несомненно героического прошлого; в конце концов и этого было достаточно; воображение часто довольствуется очень немногим для создания картины, от которой не требуется научной точности. Кроме этих двух красавцев курганов там есть еще три поменьше, стоящие на территории бывшего имения, поближе к реке Волме; очевидно местность эта была когда-то полем больших сражений и вот сюда бы напустить какого-нибудь Васнецова! Совершенно измененная ныне, она все-же и теперь даже носит на себе следы какой-то дикой древней мощи и величия. Я не ходила туда часто, чтобы не дать глазу привыкнуть и потерять чувствительность.

В другом роде красивые места поближе к усадьбе, в которой я жила, — два озера среди высоких берегов, покрытых со всех сторон лесом. Особенно хороши они бывали при закатных красках, когда свежий воздух был особенно прозрачен и переходы тонов особенно отчетливы и ясны. И опять тот-же пленительный покой и величавая дума, но уже не прошлого, а самой природы. Когда-то я не любила осени и вечера, испытывала шемящую тоску при их наступлении, инстинктом отталкивалась от края стоящей за ними смерти; я и теперь люблю жаркое солнце и летние краски, но уже верно больше по контрасту, т. к. сама за ними не поспеваю; и покой и примирительность осени, которые я прежде гнала от себя, теперь мне стали понятны, стали находить отзвук во мне самой. Особенно покой, которого так жаждет душа... И все-же —

Река времен бежит неумолимо,
Кружится вихрем дней поток,
Мелькают быстро годы мимо, мимо, —
И близок к западу восток.
Свинцом налиты ноги пилигрима,
В усталом сне он призывает рок;
Но вдруг прильнет струя воспоминаний —
И путник полон новых упований...
Как в отзвуке пропеты мелодии
Слух узнает знакомого певца,
Как в речи огненной надмирного витии
Звучат слова начала и конца, —

113. Публикуется по: С. Н. Дурьлин. *В своем углу*. XIII. 21 // МА ДМД. Фонд С. Н. Дурьлина. КП-265/27. Л. 71–76.

В загадочном сближении стихии
Сливаются две тайны бытия;
Одна другой проникнута всецело,
Одна другую отражает смело.

Все, что от прошлого нам память сохранила,
Восстало сном в закатной полосе
И дивным смыслом тайну озарило,
Явив ее в неведомой красе;
Восток в закате кроется стыдливо
Как солнца луч в предутренней росе;
С последним вздохом жизненного мига
Раскрылась вновь таинственная книга...

Это начало одной весьма слабой неосуществившейся поэмы, которое мне почему-то сейчас вспомнилось не совсем кстати, но уж не буду вычеркивать. Не кстати, потому что я сейчас никак не сведу концы с началом, ибо сегодня вторник, т. е. четвертый день моего пребывания здесь, и этим все сказано.

Из деревни я съездила на несколько дней в Москву порыться в архивах для одной работы, которая мне предложена сейчас. Там я попыталась повести речь об издании Л<еонтье>ва, и натолкнулась на полную неудачу: время самое неподходящее во всех отношениях, и о подобном издании нечего сейчас и мечтать. Я это предчувствовала и только надеялась на русское авось, но оно на этот раз не вывезло. Мне очень грустно писать Вам об этом, п<отому> ч<то> Вашему терпению предстоит слишком большое испытание. — Побывала в Москве, видела статьи для 2-го сборника, между прочим и Вашу о загадочном стихотворении; вторую, о Вяземском и Россет, прочесть к сожалению не успела; жалею об этом искренно, п<отому> ч<то> Н<иколай>И<ванович> ее особенно хвалил. Я напомнила, между прочим, вчера П. Е. Р<ейнбо>ту, что Вы ждете его ответа, он говорит, что чувствует всю свою вину перед Вами, каждый день собирается написать, носит Ваше письмо с собой... Уже не пеняйте на старика; он готовит, кажется свою первую печатную работу, должен ее на днях сдавать и весь поглощен ею; при всей своей любви поболтать, он сейчас ни с кем почти не разговаривает, сидит не отрываясь за своим столом и ничем вне своих книг и бумаг не интересуется. Наш новый директор, хотя еще не утвержден окончательно, кажется совсем уже вошел в дело. С ним-ли, или без него, — но мы встали перед совсем новой эрой в жизни нашего маленького учреждения...

Вот, все-таки вышло, что конец сошелся с началом, но лучше бы он не сходился!

Чувствую, как стыдно посылать такие письма человеку в Вашем положении; но они могут в иных случаях иметь обратное действие; кажется так именно происходит с Вами, п. ч. в слабости других Вы черпаете свою силу и их же еще подбадриваете. Буду надеяться,

что у меня это неизбежная реакция на перемену обстановки, и что следующее письмо мое будет поинтереснее и повеселее.

Как Ваше здоровье? Н<иколай> И<ванович> говорил мне, что Вы кажется плохо справляетесь с климатом. Искренне уважающая Вас
Е. К.

23. С. Н. Дурылин — Е. П. Казанович

<Томск>. 24 сент<ября. 1929.>¹¹⁴

Дорогая Евлалия Павловна!

Какое отличное прислали Вы мне письмо, и как раз к моим именинам.

Знаете ли Вы, что у меня печатается работа «Об одном символе у Достоевского»¹¹⁵, где я пишу о закате, о косых лучах, как об одном из величайших внутренних опытов Достоевского и как об неизменном, с «Бедных людей» до «Карамазовых», символе его мысли и искусства? Корректуры уже были; тешат меня надеждой, что и скоро и книга будет в сборнике, и вот в статье этой я говорю почти буквально так,

Как в речи огненной надмирного витии
Звучат слова начала и конца, —
В загадочном сближении стихии
Сливаются две тайны бытия.

* * *

Все, что от прошлого нам память сохранила,
Восстало сном в закатной полосе
И дивным смыслом тайну озарило,
Явив ее в неведомой красе;
Восток в закате кроется стыдливо
Как солнца луч в предутренней росе.

Это прекрасно изнутри, т. е. по закатному же прекрасно.

Я — закатник: люблю и тянусь с детства к закату. А теперь и географически — все мое устремление, тяга, воспоминание — все на закате, и я вижу в косых его лучах все дорогое и милое мне. Люблю я и закатные культуры, и закатных писателей: таков Лермонтов, таков Достоевский (насквозь), таков Жуковский (у него в дневнике — закат на закате); и Альпы, и Италия, и Рейн, и «сельское

114. Публикуется по: С. Н. Дурылин. В своем углу. XIII. 21 // МА ДМД. Фонд С. Н. Дурылина. КП-265/27. Л. 76–79.

115. С. Дурылин. Об одном символе у Достоевского. Опыт тематического обзора // Достоевский. Труды Государственной академии художественных наук. Литературная секция. Вып. 3. М., 1928. См.: С. Н. Дурылин и его время. Книга вторая. Тексты. Библиография / Составление Анны Резниченко. М.: «Модест Колеров», 2010.

кладбище», и Дерпт, и Белев — все в косых лучах; и счастье любви узнал он в косых лучах, а восток и восточные лучи — только изранили его¹¹⁶. И Ваше письмо — все закатное. У Вас есть даже одно место: «я и теперь люблю жаркое солнце, и летние краски, но уже верно больше по контрасту — а покой и примиренность — теперь мне стали понятны». Да ведь это почти перифраза слов ст<арца> Зосимы. Это — не «лит<ературное> видение», а одинаковый опыт, четко выраженный Достоевским. И ваш новгородский пейзаж, так глубоко Вами прочувствованный и так тонко переданный, весь закатный, насквозь: не только потому, что Вы описываете закат, но потому, что здесь Вы описываете закат — над закатной культурой (курганы древних рúсичей), над закатной природой (умершие леса, погибшие чащобы, жалкие оставшиеся перелески (хочется назвать их «недолески»), скуднеющие реки, высыхающие озера).

И еще одно.

Ваши стихи начинаются: «Река времен...» Это — начало любимого мною Державинского предсмертного стихотворения, — и это же заглавие цикла романов К. Леонтьева, уничтоженного им на Афоне (от него остался лишь вторичный черновой набросок романа «От осени до осени», который я мечтал издать). Я так люблю эту «Реку времен», что, кажется, образ этот помогает мне что-то распознавать: иной раз за полночь, или проснувшись глухою ночью, слышу, как она течет («неумолимо», утаенно и всеувлекающе. Мой приятель, композитор П. И. Васильев, по моей просьбе, написал музыку на этот текст Державина.

Вот сколько внутренних припоминаний, тревог, опытов пробудили Вы во мне Е<влалия> П<авловна>, Вашим письмом. И встреча наша с Вами — заочная — верно, произошла на закате, в косых лучах. Они сердечнее и тише восходных, грустнее и человечнее, и вместе... обетовательнее.

Ну, ничего, что с Леонтьевым не вышло ничего. Не привыкать стать. Художественная проза его может ждать. Какая ясность и строгость в ее укладе, походке, лице!

Я все-таки приготовлю книжку «Л<еонтьев>-художник», благо на ½ она уже написана (академ<ческие> доклады), а там... *Nabent sua fata libelli*¹¹⁷.

Утвердился ли Ваш новый директор? Все так же ли уютен, чист и гостеприимен «Дом Пушкина»?

Николай Иванович стонет от холода (он истинный внук своего деда в этом отношении) и в ужасе от надвигающейся зимы. Я утешаю его тем, что зима похожа на благовоспитанного камердине-

116. Пушкин 30-ых гг., Пушкин «малых драм», «Странника», «Пора, мой друг» — закатник.

117. Книги имеют свою судьбу (лат.).

ра, который, по крайней мере, уберет в доме весь беспорядок и наведет чистоту.

У нас этот беспорядок нестерпим: грязь поистине миргородская, Иван-никифоровичевская, и ежели бы не деревянные тротуары, — беда бы! Улица осталась и в XX в. — гоголевская. И со свиньями. Недавно Ирина проходила по улице — и видит: в канаве увязла задом свинья и жалобно вкоччет. Она так здорово провалилась в трясину, что не могла вылезть; зад себе отморозила. Ирина с милиционером вытащили свинью за передние ноги и подтащили к хозяйке, так как свинья не могла итти задними ногами: грязь подмерзает к вечеру.

Ну, чем не гоголевский эпизод? И гуси гогочут по-старосветски в грязи, в лужах и колеях, наполненных водой, и козы жуют афиши с представлениями «Любови Яровой», примазанные клейстером к столбам. А на дощечках, на угловых домах, надписи: «Улица Гоголя», «Улица Герцена», «Улица Белинского», история русской литературы — на дощечках.

Всю осень я хворал. Ангина за ангиной. Теперь лежу за Гоголем. . . .

Будьте бодры и здоровы.

Закат ведь учит и бодрости — только особой: не самонадеянной, тихой, умирной. С такою легче жить — и легче умирать.

Еще раз спасибо за прекрасное, глубокое письмо. А я отвечаю полуболтовней! Простите. Только что встал с постели после ангины.

24. С. Н. Дурылин — Е. П. Казанович

<Томск. 28 декабря 1929>.

Дорогая, сердечноуважаемая Евлалия Павловна!¹¹⁸

Спасибо Вам за «Писарева — Гейне»! Хотя не люблю ни того, ни другого, но это была добрая весть, что Вы живы, — предполагаю: и здоровы, — и смею надеяться: и благополучны внутренне и внешне. От души поэтому обрадовался Писареву. Подивился, прочтя, и тому, как он здраво судит о Гейне (хотя и плохо его переводит). Вы первая заметили, что Гейне — был также поэт 60-х гг., как и Некрасов, и только они двое были из поэтов «легализованы» нигилизмом. Остальные все находились на нелегальном положении. Я еще застал в живых 60-тников, кои плевали при имени Пушкина (в 90-х уже годах!), с удовольствием рассказывали, как Варфоломей Зайцев высек юнкеришку Лермонтова¹¹⁹, и бра-

118. ОР РГБ. Ф. 326. Ед. хр. 209. Л. 44–44 об. Датировка по штемпелю. Конверт. Ленинград. Мойка, д. 21, кв. 13. Евлалии Павловне Казанович. Штемпели: Томск. 28.12.29. — Ленинград. 5.1.30.

119. Зайцев Варфоломей Александрович (1842–1882) — критик журнала «Русское слово», пытавшийся развенчать поэзию М. Ю. Лермонтова. Послужил для Ф. М. Достоевского прототипом для Шигалева.

нились Фетом: вместо «ах, ты, с... сын!», покрикивали бранно: «ах, ты, Фет этакий». Разве вы занимаетесь 60-ми годами? Или это — случайная для Вас работа?

Не думайте, что я не думаю о Вас и что не знаю, как Вам нелегко живется: и думаю, и знаю.

От души желаю Вам здоровья и бодрости, и поздравляю с праздником, который давал нам столько радости в детстве, и дал столько счастливых вдохновений поэтам и художникам. Я все твержу удержанное памятью четверостишие Фофанова¹²⁰:

Еще те звезды не погасли,
Еще заря сияет та,
Что озарила миру ясли
Новорожденного Христа.

Не погасла и сияет. Довольно и того. «Мур<ановский> сборник» все еще не сдан в печать, — и потому у меня все еще теплится надежда воспользоваться замечанием и поправкой Павла Евгеньевича, касающимися Смирновой. Ох, не хотелось бы привратиться в статье, поправки к которой и поместить будет негде. Есть ли хоть малое упование получить указания Павла Евгеньевича?

Я Вам писал, кажется, что слова мои о Вашей любви к искусству Богаевского, принесли большое утешение ему и его жене (уроженки древнейшего гунуэзского рода, связанного с Феодосией еще с XV века). Они зовут Вас к себе, буде Вы посетите Крым.

Николай Иванович зябнет, Кирилл устраивается в «ВУЗ», я все надоедаю певице Бутомо-Названовой¹²¹ увещанием устроить lied-er-abend «Тютчев в музыке». «Пушкин в музыке» она пела и в Се-

120. Фофанов Константин Михайлович (1862–1911) — русский поэт.

121. Бутомо-Названова Ольга Николаевна (1888–1960) — советская певица (меццо-сопрано), участвовала в авторских концертах С. В. Рахманинова, А. Т. Гречанинова, С. С. Прокофьева, в ансамбле с Б. Л. Яворским. Многолетний корреспондент С. Н. Дурылина. В 1925 году Дурылин посвятил ей стихотворение:

О. Н. Бутомо-Названовой

Я слушал Вас в осенний день —
За окнами поля пустели,
Окунуты в седую тень,
А вы каличью песню пели,

И мнилось мне: она идет
Из-за лесного бурелома
И, нам родимая, несет
Печаль родного окаёма,
И степи в ней живут простором,
И горечью живет полынью,
Плакун — трава в ней ропщет хором
Простую песню: сердце стынь!

верной Пальмире, и в Москве. Не были ли Вы на этом вечере? Не слышали ли отзывов? Будьте здоровы и бодры. Главное, бодры. «Все образуется». Удивительно это речение. У нас лютые морозы. Пишу Вам, встав 1-ый день после очередной ангины. Еще раз спасибо за отклик.

25. Е. П. Казанович — С. Н. Дурылину

<Ленинград>. 6. I. 1930 г. 2 ч<аса> н<очи>¹²².

Сердечноуважаемый Сергей Николаевич!

Как всегда, обрадовалась Вашему письму, которое сегодня получила. Со времени Вашего последнего письма со мной произошла масса неожиданностей (варварский оборот!), довольно таки скверных, и они были причиной того, что я Вам до сих пор не отвечала, а также и того, что я почти разучилась писать. Спасибо Вам за добрые слова! Я о Вас много раз вспоминала за это время...¹²³

Посылая Вам свою статейку о П<исаре>ве, я и предполагала, что Вы не одобрите темы, так как не должны любить ни П<исарева>, ни Г<ейне>. Люблю ли я их сама? И да, и нет.

П<исаре>вым я начала заниматься довольно случайно, уже давно, не из внутреннего влечения, а скорее по внушению того, памяти которого посвящена и моя статейка. Выбором этой темы я удивила многих, в том числе и покойного Гершензона, который мне говорил по этому поводу: «Зачем вы взялись за П<исаре>ва? Ведь вы не можете в него влюбиться; писать надо только о том, в кого можно влюбиться, или положительно, как я влюбился в Печерина, или отрицательно, как у меня было с Чаадаевым; а у Вас ни того, ни другого быть не может». Гершензон был прав в одном только: в П<исаре>ва я действительно влюбиться не могла,

Но миг — и сердцу шлете вновь
Вы повелительно, чудесно
Иной устав иною песней
И сердцу «верует любовь»*
И повторяет наизусть,
Покинув злую безнадежность,
Бородина степную грусть
И Глинки утреннюю нежность.

Знаменское. 7/IX. с./с.

* («Уж я не верую в любовь». Слова Баратынского, музыка Глинки — Дурылин С. Н. Записная книжка // МА ДМД. Фонд С. Н. Дурылина. КП-1386/2. Л. 64–64 об.)

122. МА ДМД. Фонд С. Н. Дурылина. КП-525/23. Л. 26–31. Конверт. Сергею Николаевичу Дурылину. Томск. Никитинская ул. Д. 62. кв. 1. Штемпель: Ленинград 8. I. 30. — Штемпель. Томск. 14. I. 30.

123. С 3 октября 1929 по 25 ноября 1929 г. Е. П. Казанович содержалась в Доме Предварительного Заключения на ул. Воинова, д. 25.

но я влюбилась в свою задачу, как она мне тогда представлялась: показать на фоне той пробуждающейся бурливой и суматошной эпохи одного из Дон-Кихотов нигилизма, идеалиста-отрицателя, впоенного соками этой эпохи, перевернувшей вверх дном все его личное, родовое и бытовое наследие. Как личность, рассматриваемую в самой себе, вне «веяния времени», — я не могла питать симпатии к этому психически неуравновешенному в своих житейских поступках типу и литературному озорнику (чтобы не употребить современного более грубого выражения — хулигану, каким П<исаре>в часто являлся); но меня привлек его юношеский идеализм, его большое дарование и ум, его безусловная честность и искренность, его смелость и энтузиазм. Во всем этом я чувствовала несомненную красоту, как и во всей той эпохе своеобразных героев на всех фронтах жизни, начиная с возглавителя ее, кончая отрицателями этого последнего и его деяний. Начала я работать над 60-ми гг. еще до революции; в начале ее, благодаря счастливой случайности, мне удалось напечатать начало своей работы (у меня еще сохранилось 2–3 экземпляра ее и один — я Вам посылаю «не для прочтения, а в знак душевной приязни»¹²⁴), но последние годы, незадолго до того, когда написана имеющаяся у Вас статейка, меня что-то от всей этой работы отшибло и потянуло к иному. Знаю, что надо было бы окончить эту работу, на которую много потрачено времени, и для которой много собрано материала. Но боюсь, что так никогда ее и не кончу, как и вообще никакой уже настоящей «работы» больше не сделаю, так как, подобно многим, разменялась на мелочи, на примечания и комментарии...

Прав был покойный Н<естор> А<лександрович> К<отляревский>¹²⁵, который говорил мне когда-то: пишите, пока Вы молоды, пока есть энтузиазм и полет мысли (для этого у него был особый термин: «воздухоплаватели», и он очень любил всяких та-

ких воздухоплавателей); не напишите теперь, — никогда уж не напишете... Слова его сбылись. Тютчев — это уже покушение с неподными средствами, как и все, о чем еще изредка мечтается.

Кстати, о Lieder-Abend. Я слышала Б<утомо>Н<азванову> два раза (знаю ее давно, мы учились в одной гимназии, где она была классом или двумя моложе меня): первый раз, приблизительно в 1920–21 гг. она мне очень понравилась, но второй раз, года 2–3 назад, она меня буквально возмутила, так она испортилась, так пала в смысле художественности исполнения, так огрубела и извульгарничалась в своем пении, что у меня пропала всякая охота услышать ее еще раз, и для Тютчевского вечера я ее никогда бы не пригласила. Пушкина я в ее исполнении не слышала, но зато слышала и никогда не забуду небольшую по голосовым средствам и известную только в тесном кружке любителей певицы Карпову (сестру здешнего проф. Вульфуса — историка¹²⁶), исполнительницу очень тонкую, изящную, музыкальную и культурную; эти вечера «Пушкин в музыке» (начиная с Алябева и Верстовского и кончая Метнером) устраивались у нас когда-то в П<ушкинском>Д<оме> и оставили во мне, по крайней мере, самую лучшую память по себе.

Мне очень грустно, что придется Вас огорчить словами: оставьте всякую надежду на исправление статьи о Смирновой, так как П<авел> Е<вгеньевич> Вам, верно, так и не ответит. Я вижу его теперь очень редко, так как не работаю больше в П<ушкинском>Д<оме>, но, как раз вчера, после Вашего письма, я была там, опять ему напоминала, он опять обещал и, конечно, опять не напишет; да вряд ли и свою работу он сдаст когда-нибудь в печать: слаб стал старик и времена очень тяжелые.

К Богаевским тоже верно не попаду, так как вряд ли опять когда-нибудь попаду в Крым, так изменились сейчас мои житейские обстоятельства; но я Вам очень благодарна за то, что вы нас заочно познакомили.

Праздник я сегодня почувствовала так, как давно уже не чувствовала... От всей души Вас с ним поздравляю. Огорчили меня слова о Вашей «очередной» ангине; чего я еще, слава Богу, пока не знаю, — это настоящей болезни; остальное уже все теперь испытала.

Всего лучшего.

Е. К.

124. В Мемориальной Библиотеке ДМД сохранился этот оттиск из журнала «Известия Академии Наук СССР». 1929. С. 655–672: Е. П. Казанович. Писарев о Гейне. На 1-й странице сверху автограф: «Сердечноуважаемому Сергею Николаевичу Дурылину с приветом и на добрую память от автора 10. XII. 1929». К заголовку сделано примечание: «настоящая статья была написана в 1925–26 году для несостоявшегося сборника в память Нестора Александровича Котляревского».

125. Котляревский Нестор Александрович (1863–1925) — историк средневековой и русской литературы, академик по Отделению русского языка и словесности (1909). Преподавал на Высших женских курсах в Петербурге (с перерывами с 1892 по 1915 гг.) курс истории русской литературы 50–60-х гг. XIX в., истории западной литературы первой половины XIX в, с 1893 г. преподавал в Александровском лицее историю русской литературы, руководил изданием полных собраний сочинений Кольцова, Лермонтова, Грибоедова и Баратынского. В 1899 г. избран членом Комитета Пушкинского Лицейского Общества, создавшего Пушкинский музей, влившийся в 1917 г. в Пушкинский Дом. Один из создателей Пушкинского Дома (1910).

126. Вульфус Александр Германович (1880 — после 1931) — историк Западной Европы, профессор ЛГУ, в 1930 г. арестован по «делу Академии наук», выслан в Западную Сибирь на 3 года.

МИРОСЛАВ ЙОВАНОВИЧ

РУССКИЙ НАУЧНЫЙ ИНСТИТУТ

В БЕЛГРАДЕ (1928–1941):

ОБЗОР ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В настоящее время существует два очага русской науки. Один — там, далеко, на родине, где, несмотря на все усилия потушить святое пламя и заменить его яркий свет густым дымом, наши друзья и ученики честно продолжают дело русской науки, подтверждая тем самым одаренность и природные способности русского народа, который существовал до большевиков и будет существовать после них. Другой находится здесь. Он рассеян, как и мы... Один из таких очагов — Русский институт в Белграде, который создается сегодня.

(*Е. В. Спекторский, 1928*)

Представим себе: подходим к полке и берем в руки книгу (или садимся за компьютер и открываем папку, все равно) «Перечень русских беженских организаций, объединений и союзов в Европе (на Балканах и в Королевстве СХС / Югославия 1918–1941 гг.)», среди которых мы ищем научное учреждение, которое функционировало под названием «Русский научный институт» ...

Однако все это напрасные утопические мечтания. Просто такого *Перечня* не существует, нет и планов его составления. Жаль. Но даже если чисто гипотетически представить, что он есть, и его можно изучать, в густой и запутанной сети многих тысяч беженских организаций, разбросанных по всей Европе, Балканам или Югославии, можно без труда вычленивать учреждения, которые поддерживали и развивали традиции русской дореволюционной науки.

Как правило, эмигрантские организации в социальном отношении играли двойную роль: они предоставляли помощь тем, кто в ней нуждался, а также служили местом собраний, где царил русский дух, и можно было общаться на родном языке, где неизмен-

ным оставался старый привычный порядок вещей, и все дышало русской культурой, где, наконец, можно было открыто проявлять принадлежность собственному кругу — свою «русскость». Поэтому все эмигрантские организации, безотносительно масштаба деятельности, их реального или всего лишь символического значения, выполняли несколько ключевых общественных функций. Это относилось и к объединениям, охватывавшим всю эмигрантскую ойкумену, представленным на всех континентах и во всех государствах, где были русские беженцы (Русская армия / РОВС — Русский общевойсковой союз, Русская православная церковь за рубежом, Русский красный крест, Всероссийский земский союз, Всероссийский союз городов), и к совсем скромным, экзотическим организациям и союзам (Российское народно-монархическое (штабс-капитанское) движение в Белграде, Русский теннисный клуб в г. Велики Бечкерек, белградское Братство Святой Руси им. Св. Владимира или Российское объединение филателистов в Югославии со штаб-квартирой в г. Игало и т. п.). Их главной задачей было способствовать самоорганизации эмигрантского общества. Кроме того, они формировали невидимую бюрократическую сеть «Зарубежной России», служили налаживанию связей с новой средой и, в то же самое время, хранили идеалы «старого» государства, не давали угаснуть надеждам на скорое возвращение на родину, то есть сублимировали идеальные представления о прошлом в надежды на неизвестное, но желанное будущее.

Среди эмигрантских объединений особое место занимали культурные, просветительские и научные организации. Очень часто их деятельность — поддержание и развитие русской культуры, образования и науки — была наиболее заметной и прочной в числе незримых символических связей русских беженцев с покинутым отечеством. Одновременно они способствовали узнаваемости «русскости» в новой среде, обозначали ее присутствие. Стремление беженцев сохранить дух, традиционные ценности, а также научные и культурные достижения дореволюционной России нашло свое выражение в деятельности различных научных институций и обществ, школ, многочисленных русских театров и библиотек, литературных и художественных кружков, издательств, публикующих научные и художественные книги и журналы в Белграде и других городах Королевства СХС, на Балканах, по всему миру.

Для русского человека в изгнании сбережение достижений русской науки, образования и культуры, наряду с сохранением ядра и организационных основ Русской армии и церкви (а также свободного, убежденного исповедания православной веры), было одним из трех основных элементов символического подвигничества, именуемого, доволно идеалистически, «миссия русской эмиграции». Именно идея «миссии» предопределила характер исторического феномена, известного как русское беженство, русская эмиграция

или, как его чаще всего называют в литературе, «Зарубежная Россия». Возникновение этого феномена связано с исходом из России 2 миллионов человек в годы революций и Гражданской войны (1917–1920/1922). В то время (с весны 1919 г. до поздней осени 1920 г.) из России в Королевство СХС прибыли 41.000–44 000 русских беженцев, большая часть которых эвакуировалась с юга России после поражений сражавшихся с большевиками армий Деникина и Врангеля. Со временем большая часть прибывших осела в восточной части страны, особенно в Белграде, где в начале 1930-х гг. проживала треть всех находившихся в стране русских беженцев¹.

* * *

Научная деятельность русских эмигрантов развивалась по трем направлениям: формирование научных объединений, работа в университетах и школах (в Королевстве Югославия) и организация русской научной жизни (чтение лекций, организация народных университетов и т. д.). Одним из крупнейших научных учреждений был белградский «Русский научный институт», деятельность которого имела значение не только для русской колонии в Королевстве Югославия, но и для всей «Зарубежной России».

«Русский научный институт» был основан 23 июня 1928 г., когда состоялась первая встреча его учредителей. Институт был торжественно открыт 16 сентября 1928 г. — во время 4-го съезда русских академических организаций за границей, который проходил в Белграде под председательством профессора В. Г. Коренчевского — сотрудника Листеровского института превентивной медицины в Лондоне. По замыслу создателей, Институт должен был стать постоянно действующим научным центром, поддерживающим свободное развитие русской научной мысли. Отметим, что речь не шла о первом научном учреждении, действовавшем в Королевстве СХС. Сразу по прибытии первых крупных групп беженцев появилось «Общество русских ученых» (1920), а чуть позднее — «Русская академическая группа», созданная либерально настроенными членами Общества, покинувшими его в 1921 г. Впервые идея основания института в Белграде была высказана еще в 1922 г., — во время 2-го

1. Подробнее об истории русской эмиграции в Югославии см.: Йованович М. Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М., 2005; Јовановић М. До-селавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996; Козлитин В. Д. Русская и украинская эмиграция в Югославии. Киев, 1998; Ђурић О. Руска литерарна Србија 1920–1941. Писци, кружоци, издања. Горњи Милановац — Београд, 1990; Маевский В. А. Русские в Югославии 1920–1945 гг. Нью-Йорк, 1966; Арсеньев А. Б. У излуцины Дуная, Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999; Руска емиграција у ерској култури XX века. I–II. Београд, 1993; Русская эмиграция в Югославии. М., 1996; Тесемников В. А., Косик В. И. (Ред.) Русский Белград. М., 2008; Танин С. Русский Белград. М., 2009.

съезда русских академических организаций за границей, — однако нашла свое воплощение только 6 лет спустя². Русский научный институт, финансирование которого взяло на себя югославское правительство, вскоре стал ведущим научным центром «Зарубежной России», опередив аналогичные институты, функционировавшие в Праге и Берлине. Несмотря на это, работа белградского института не получила достойного освещения в историографии³.

За тринадцать лет работы (1928–1941) в институте было прочитано более 700 лекций, организовано более 50 семинаров и свыше 30 курсов, состоялись многочисленные публичные лекции выдающихся русских деятелей науки и искусства. Институт оказывал помощь и выплачивал стипендии молодым русским ученым, сформировавшимся в изгнании: Константину Дмитриевичу Воронцу, Владимиру Христиановичу Даватцу, Борису Сергеевичу Ижболдину, Владимиру Алексеевичу Мошину, Илье Николаевичу Голенищеву-Кутузову и др. «Записки Русского научного института» опубликовали 190 работ русских ученых.

1. Цели и задачи

Представления отцов-основателей института о его будущем определили тот уровень и масштаб деятельности, благодаря которым он вошел в число наиболее значительных научных учреждений эмиграции. Согласно программным документам, перед «Русским научным институтом» стояли две задачи: исследовательская и просветительская. Исследовательская деятельность служила продолжением прежней работы русских ученых, особенно в области изучения прошлого и настоящего России и Королевства СХС⁴. Или, как образно выразился на учредительном заседании первый председатель Института Евгений Васильевич Спекторский, «в на-

2. Спекторский Е. В. Десятилетие Русского научного института в Белграде (1928–1938) // Записки Русского научного института в Белграде. №. 14. Белград, 1939. С. 3–7.

3. О работе института писали нечасто и за исключением двух работ (Тесемников В. А. Деятельность Русского научного института в Белграде (1928–1941 гг.) // Развитие общественной мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1991. С. 172–182; Јовановић М. 'Руски научни институт'у Београду 1928–1941. година // Годишњак за друштвену историју. Год. XI. № 2–3 (2004). Београд, 2006. С. 29–46) его деятельность освещалась в основном в работах общего характера, посвященных русской эмиграции на Балканах: Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. С. 327–329; Арсеньев А. Б. Русская диаспора в Югославии // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 62–64; Ђурић О. Руска литерарна Србија. С. 207–215; Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж, 1971. С. 109.

4. Правила Русского научного института. Београд, 1939. С. 1.

стоящее время существует два очага русской науки. Один — там, далеко, на родине, где, несмотря на все усилия потушить святое пламя и заменить его яркий свет густым дымом, наши друзья и ученики честно продолжают дело русской науки, подтверждая тем самым одаренность и природные способности русского народа, который существовал до большевиков и будет существовать после них. Другой находится здесь. Он рассеян, как и мы... Один из таких очагов — Русский институт в Белграде, который создается сегодня. Его основывают Общество русских ученых и Русская академическая группа в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Перед ним стоит двойная задача — исследовательская и образовательная. Предусмотрено три направления его деятельности: разработка общих научных проблем с соблюдением традиций и методологии русской науки, исследование прошлого и настоящего России, то есть, *Rossica*, в самом широком смысле этого термина. Включая не только язык и литературу, но и изучение права, государства, экономики и природы. И, наконец, изучение страны, гостеприимством которой мы пользуемся — *Jugoslavica*, тоже в самом широком смысле слова. Помимо ученых, проживающих в Югославии, в работе Института примут участие и выдающиеся деятели русской науки и литературы, пребывающие в других странах. Перед Институтом также стоят задачи подготовки молодых ученых и публикации научных трудов»⁵.

Основание Института хронологически почти совпало с первым наступлением Сталина на науку (1928–1930), начало которому положили «Шахтинское дело» и открытый процесс над группой инженеров, а продолжением стало — давление на АН СССР и исключение из ее состава ряда видных ученых (например, историка Е. В. Тарле и др.⁶). Все-таки, не совсем ясно, имел ли в виду Е. В. Спекторский именно эту волну гонений, когда, говоря о двух

центрах русской науки, вспомнил тех «друзей и учеников», которые не дают угаснуть огню науки, несмотря на все «усилия потушить святое пламя и заменить его яркий свет густым дымом...». Однако, что не вызывает сомнения, так это то, что все ученые, работавшие в Русском научном институте, в изгнании оказались именно по причине неприятия большевистского режима и его идеологии. Об этом ярко свидетельствует тот факт, что часть выдающихся ученых, работавших в институте с момента его основания, — как, например, С. Л. Франк или Н. О. Лосский, — были пассажирами так называемого Парохода философов⁷, то есть жертвами первых ленинских репрессий или «чистки» науки в 1922 г.

Что касается других целей, определенных в выступлении Спекторского, — развития науки и образования в изгнании, исследования областей знания, названных *Rossica* и *Jugoslavica*, — то они были прописаны в уставе института как его приоритетные задачи. При этом особый упор делался на образовательной деятельности, нацеленной на сохранение и распространение русской культуры и науки без примеси политики⁸.

2. Структура (основатели, управление, членство)

Институт основал 21 выдающийся русский ученый: В. И. Баскаков, Ант. Д. Билимович, А. П. Доброклонский, Ю. Н. Вагнер, Е. И. Васильев, Д. Ф. Конев, А. И. Косицкий, С. М. Кульбакин, В. Д. Ласкарев, Т. В. Локоть, И. П. Марков, Г. Н. Пио-Ульский, А. Л. Погодин, Н. Н. Салтыков, И. С. Свищев, Е. В. Спекторский, Ф. В. Тарановский, Л. Я. Таубер, С. В. Троицкий, В. В. Фармаковский, А. И. Щербаков. Подписав проект устава института, они автома-

5. Спекторский Е. В. Десятилетие. С. 6.

6. Подробнее библиографию работ см.: Социальная история отечественной исторической науки (www.ihst.ru/projects/sohist/hist.htm); In memoriam: Ист. сб. памяти Ф. Ф. Перченка. М., 1995; Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995; Перченков Ф. Ф. Дело Академии наук // Природа. № 4. 1991. С. 96–104 (www.ihst.ru/projects/sohist/papers/priroda/1991/4/96-104.pdf); Он же. Академия наук на «великом переломе» // Звенья. Вып. 1. М., 1991. С. 163–234; Он же. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С. 201–235 (www.ihst.ru/projects/sohist/papers/perch95f.htm); Брачев В. С. «Дело историков» 1929–1931 гг. СПб., 1997; Он же. «Дело» академика С. Ф. Платонова // Вопросы истории. № 5. 1989; Он же. Опасная профессия — историк. Страницы жизни академика С. Ф. Платонова // Вестник РАН. № 9. 1991; Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ: Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993; Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следствен-

ного дела, сфабрикованного ОГПУ: Вып. 2. Дело по обвинению академика Е. В. Тарле. Ч. 1, 2. СПб., 1998.

7. Подробнее см.: Колчинский Э. И. «Философские пароходы» // Наука и кризисы: историко-критические очерки / Ред.-сост. Э. И. Колчинский. СПб., 2003. С. 465–473; Дмитриева Н. «Летучий голландец» российской интеллигенции (очерки истории «Философского парохода») // Скепсис. № 3/4. 2005. С. 79–102. (http://scepsis.ru/library/id_2593.html); Она же. «Ой ты, участь корабля...», или Снова о «Философском пароходе» // Пушкин. № 4. 2009. С. 58–63. (http://scepsis.ru/library/id_2690.html); см. также два сборника документов: «Очистим Россию надолго...»: Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 — начало 1923 г.: Документы / Под ред. А. Н. Артизова, В. С. Христофорова. М., 2008; Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК — ГПУ. 1921–1923 / Сост. В. Г. Макаров, В. С. Христофоров. М., 2005; Более подробный обзор библиографии: Как нас уехали: общие документы высылки 1922 г. (www.ihst.ru/projects/sohist/deport.htm).

8. ГАРФ. Ф. 6820. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–7. (Положение о Русском научном институте, 11 августа 1939); см. также: Правила Руского научного института. С. 2.

тически стали его членами⁹. В первые годы институт размещался в здании Сербской королевской академии на Якшичевой улице. Некоторые мероприятия проходили в аудиториях старого здания университета. С 1933 г. институт переехал в недавно открытый Русский дом им. Императора Николая II в Белграде. Деятельность прекратилась с началом войны 1941 г.

Финансирование института с самого начала взяло на себя правительство Королевства СХС, а конкретнее — Комиссия по вопросам культуры, которая была подразделением Государственной комиссии Королевства СХС по делам русских беженцев. Комиссия по вопросам культуры, осуществлявшая поддержку науки и искусства русских эмигрантов¹⁰, в первые годы выделяла институту относительно крупные средства. Однако в конце 1930-х гг. вследствие значительных материальных проблем, с которыми столкнулась страна накануне приближавшейся войны, финансовая поддержка института сократилась¹¹.

В основу организации института были положены традиции самоуправления русской науки. Органами института были: совет, правление, ревизионная комиссия, председатель и заместитель председателя института, а также председатели отделений.

Высшим органом был совет, выбиравший, согласно уставу, новых членов института (почетных, действительных и членов-корреспондентов), руководителей института и новых членов совета. В его компетенцию также входило утверждение плана работы института, распределение деятельности по отделениям, составление и расходование бюджета, разработка инструкций для редакционной комиссии, рассмотрение вопросов, которые ставило правление и, наконец, утверждение годового отчета института. Кроме того, совет имел право выделять из бюджета института средства для награждения лучших научных работ. Совет проводил регулярные заседания как минимум дважды в год. Внеочередные заседания проводились по требованию правления¹².

Непосредственное руководство институтом осуществляло правление в составе председателя института, его заместителя и трех других членов. С 1938 г. в правление помимо председателя и его заместителя входили четыре члена данного органа, а также председатели отделений и редактор научных изданий института¹³. Члены правле-

ния избирались на год советом института. Заседания вел председатель института или, в его отсутствие, заместитель председателя¹⁴.

В межвоенное время председателями Русского научного института были: Евгений Васильевич Спекторский¹⁵ (с сентября 1928 г. до 4 ноября 1930 г., когда он переехал в Люблян, где стал профессором тамошнего университета), Федор (Теодор) Васильевич Та-

14. Правила Русского научного института. С. 9–10.

15. *Евгений Васильевич Спекторский* (1875, Острог, Волянская губерния — 1951, Нью-Йорк). Историк права, социолог, философ, историк литературы, культуролог. Дипломную и магистерскую работы написал и защитил на Юридическом факультете Варшавского университета. Докторскую диссертацию защитил в Московском университете (1917). Профессор энциклопедии права и истории философии Варшавского университета (1903–1913). Профессор (1913–1920) и декан Юридического факультета, а потом и ректор (1918–1920) Университета Св. Владимира в Киеве. В то же время был председателем Киевского философского общества. В 1920 г. во время Гражданской войны уехал из России и прибыл в Королевство СХС (Югославия). Свое второе отечество оставил в конце Второй мировой войны и эмигрировал в США. В 1920–1930 гг. — профессор Белградского университета, с переездом на 1924–1927 гг., когда Спекторский состоял профессором и деканом Русского юридического факультета в Праге. В 1930–1945 гг. — профессор Люблянского университета. После Второй мировой войны два года скитался по Италии, переезжая из лагеря в лагерь. В 1947 г. продолжил университетскую карьеру в США, основав при Колумбийском университете русскую Духовную академию Св. Владимира. Преподавал этику, социологию и каноническое право. Был первым председателем Русского научного института, а затем долгие годы председателем Русской матицы в Любляне. Автор большого числа книг и исследований, проведенных в рамках различных общественных наук. Из исключительно богатой библиографии Спекторского можно выделить: К вопросу о систематизации в обществоведении. Варшава, 1903; Органическая теория общества. Варшава, 1904; Очерки по философии общественных наук. Варшава, 1907; Физичизм в общественной философии XVII в. Ярославль, 1909; Проблема социальной физики в XVII столетии I–II. Варшава-Киев, 1910–1917; Понятие общества в античном мире: Этюды по семантике обществоведения. Варшава, 1911; Белинский и западничество. Варшава, 1912; К вопросу о системе «Духа законов» Монтескье и ее философских источниках. Ярославль, 1912; Протестантство и рационализм в XVI и XVII столетиях. Варшава, 1914; Номинализм и реализм в общественных науках. М., 1915; Что такое конституция? М., 1917; Учредительное собрание и конституция. Киев, 1917; Государство. Прага, 1918; Христианство и культура. София, 1925; Чехов. Белград, 1930; Држава и њен живот. Београд, 1933; Zgodovina socijalne filozofije I–II. Ljubljana, 1932–1933; Принципы европейской политики России в XIX и XX в. Любляна, 1936; Принципы русской внешней политики XIX века. Нарва, 1937; Государственное право. Братислава, 1939–1940; Энциклопедия права. Братислава, 1939–1940; Хришћанска етика. Њујорк, 1953; После смерти обнаружены следующие рукописи, подготовленные к печати: «Церковное право», «Опыт христианской этики и социологии», «Религиозные мотивы в русской литературе», «Три типа реальности», «Проблема будущего и христианство».

9. Спекторский Е. В. Десятилетие. С. 9; также см.: Правила Русского научного института. С. 3.

10. Спекторский Е. В. Десятилетие. С. 4.

11. Архив Српске Академије Наука и Уметности (далее — АСАНУ). 14386. III. 2465 (Заметка относительно Русского научного института).

12. ГАРФ. Ф. 6820. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–7; Правила Русского научного института. С. 6–8.

13. ГАРФ. Ф. 6820. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–7; Правила Русского научного института. С. 9–10.

рановский¹⁶ (с 4 ноября 1930 г. до своей смерти 23 января 1936 г.), Александр Павлович Доброклонский¹⁷ (с июня 1936 г. до смерти

16. *Федор (Теодор) Васильевич Тарановский* (1875, Плонск — 1936, Белград), историк славянского права. Закончил юридический факультет Варшавского университета (защитил диплом в 1896 г.). Будучи доцентом Варшавского университета, преподавал предмет «Энциклопедия права и политических наук» (с 1899 г.). С целью повышения квалификации проходил обучение в Гейдельберге, Геттингене и во Франции. Магистерскую (1905) и докторскую (1911) диссертации защитил на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. В России научно-преподавательская карьера Тарановского, часто менявшего университеты, была весьма бурной. Преподавал историю русского права в Ярославле (1908–1912), Юрьеве / Тарту (1912–1917), Санкт-Петербурге (1917–1918), а смутные годы Гражданской войны работал в университетах в Харькове, Екатеринославе и Симферополе. В 1918 г. избран членом Киевской академии наук. Россию покинул в 1920 г. и осел в Королевстве СХС (Югославия). В эмиграции университетская карьера Тарановского стала стабильной: с 1920 г. и до смерти в 1936 г. он был регулярным профессором юридического факультета Белградского университета. Активно участвовал в научной жизни Зарубежной России, будучи членом Объединения русских ученых в Королевстве СХС, Союза русских писателей и журналистов в Королевстве СХС (с 1927 г.), а также председателем Русского научного института (1931–1936). Кроме того, Тарановский был членом Сербской королевской академии наук (с 1932 г.), членом-корреспондентом Болгарской академии наук, Славянского института в Праге, Научного общества во Львове. Автор большого числа исключительно значимых книг и исследований по истории славянского права: *Феодализм в России* Варшава, 1902; *Юридический метод в государственной науке. Очерк развития его в Германии*. Варшава, 1904; *Догматика положительного государственного права во Франции при старом порядке*. Киев, 1911; *Учебник энциклопедии права*. Юрьев, 1917; *Энциклопедия права*. Берлин, 1923; *Увод у историју словенских права*. Београд, 1923; *Енциклопедија права*. Београд, 1923; *Историја српског права у Немањинској држави*. I–IV. Београд, 1931–1935.
17. *Александр Павлович Доброклонский* (1856–1937, Белград), историк церкви. Закончил Московскую духовную академию (1880). Защитил докторскую диссертацию в 1911 г. Профессор Пензенской (1880–1881), Рязанской (1881–1892) и Московской (1892–1899) духовной семинарий, приват-доцент Московского университета (1892–1899). Позднее профессор (история церкви, 1899–1920) и ректор (1915–1919) Новороссийского университета в Одессе. Одновременно преподавал на Высших женских курсах, был депутатом Одесской городской думы (1913–1920). В 1919 г. был изгнан большевиками из университета как преподаватель «клерикального» предмета (был арестован ЧК). Из России бежал в 1920 г. и прибыл в Королевство СХС. С 1920 г. и до смерти в 1937 г. профессор истории церкви на Богословском факультете Белградского университета. Состоял активным членом нескольких научных организаций Зарубежной России: председатель Общества русских ученых, Русского педагогического общества и Русского научного института. Автор ряда исключительно важных работ по истории церкви: *Сочинение Факунда, епископа гермианского, в защиту трех глав*. М., 1880 (магистерская диссертация); *Солотчинский монастырь, его слуги и крестьяне в XVII в.* М., 1888; *Руководство по истории русской церкви*: вып. I–IV. Москва — Рязань, 1884–1893; *Преподобный Феодор, исповедник и игумен Студийский*. I–II. Одесса, 1913; *Општа историја Хришћанске цркве*. I–II. Београд, 1933; *Васељенски сабори Пра-*

в декабре 1937 г.) и Александр Иосифович Игнатовский¹⁸ (с 17 января 1938 г. до закрытия института в 1941 г.). В означенное время заместителями председателя института были: Г. Н. Пио-Ульский (1928–1934), А. П. Доброклонский (1934–1936), А. И. Игнатовский (1936–1938) и В. В. Фармаковский (1938–1941). Членами правления были: Н. Н. Салтыков (1928–1934), А. П. Доброклонский (1928–1934) и С. М. Кульбакин (1928–1934). Двух последних заменили Н. А. Пушин (1934–1941) и В. С. Жардецкий (1934–1941).

Помимо правления, важными структурами института были редакционная (издательская) комиссия, занимавшаяся изданиями института¹⁹, и ревизионная комиссия, функционировавшая в течение первых трех лет работы института²⁰ и позднее с 1938 г.²¹

* * *

Члены института делились на четыре группы: обычные, члены-сотрудники, работающие по приглашению и почетные члены²². Согласно уставу от 1928 г., в качестве обычных членов могли быть выбраны только те ученые, которые в России возглавляли кафедры

вославие цркве. Београд, 1936. Из неопубликованных работ, обнаруженных после смерти и готовых к печати: «Христианские гетеродоксальные церкви (к вопросу о соединении их с православной и о *intercommunio in sacris*)».

18. *Александр Иосифович Игнатовский* (1875, Смоленская губерния — 1955, Белград), доктор медицинских наук, хирург. Выпускник Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге (1899). Ассистент акад. Павлова. В 1902 г. защитил докторскую диссертацию. Повышал квалификацию в Берлине, Гейдельберге, Мюнхене и Париже. Доцент и профессор Медицинского факультета в Одессе (1905–1912), профессор клиники Медицинского факультета Варшавского университета (1912–1914). Во время Первой мировой войны — консультант Российского красного креста по инфекционным заболеваниям при армии генерала Гурко. В 1920 г. на заключительном этапе Гражданской войны эмигрировал из России в Королевство СХС. Профессор Белградского Медицинского факультета с момента его основания (1921–1941). Основатель и первый начальник 1-й клиники внутренних болезней Медицинского факультета (с 1921 г.). После окончания Второй мировой войны (1946–1955) профессор новосозданного Медицинского факультета университета в Скопье (внутренние болезни и инфекционные заболевания). Автор многочисленных значительных работ и учебников по внутренним болезням: *К вопросу о влиянии на тепловой обмен водяных ванн и душей различной температуры у здоровых и лихорадящих*. СПб. 1902 (диссертация); *Интерна патологија и терапија*. Београд s. a.; *Клиничка семиологија и симптоматска терапија*. I–III. Београд, 1929–1942; *Основи интерне пропедевтике*. I–III. Скопје, 1952–1963.
19. Во главе ее стоял В. Д. Ласкарев, одновременно являвшийся и редактором изданий института. Каждое отделение института делегировало в состав редакции по одному члену: Ю. Н. Вагнер, Н. В. Краинский, Г. Н. Пио-Ульский, Н. Н. Салтыков, А. В. Соловьев, П. Б. Струве, Л. Я. Таубер и В. В. Фармаковский.
20. Спекторский Е. В. Десятилетие. С. 14–15 (в состав комиссии входили А. Д. Билимович, А. И. Косицкий и П. Н. Рышков).
21. ГАРФ. Ф. 6820. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–7.
22. ГАРФ. Ф. 6820. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–7; Спекторский Е. В. Десятилетие. С. 9.

в высших учебных заведениях, а также те ординарные и экстраординарные профессора университетов в Югославии²³.

Однако в 1938 г. произошла либерализация правил. Кроме ведущих кафедр в российских университетах и вузах, ординарных и экстраординарных профессоров югославских университетов, ординарными членами института стали выбирать и внештатных профессоров, профессоров, работающих на контрактной основе, доцентов и приват-доцентов университетов и прочих югославских вузов, а также ученых, получивших диплом доктора или магистра наук. В исключительных случаях ординарными членами становились и те, кто, не соответствуя вышеперечисленным критериям, имел признанные научные достижения. Для их избрания требовалось поручительство не менее 12 ординарных членов²⁴. В межвоенное время число ординарных членов варьировалось: в 1929 г. — 49; в 1930 г. — 55; в 1932 г. — 52; в 1937 г. — 52, в 1938 г. — 58²⁵. А в 1939 г. для избрания в ординарные члены было предложено 55 ученых²⁶.

Помимо ординарных членов в институт принимали и членов-сотрудников — молодых ученых, принимавших участие в исследовательских проектах. (Число их постоянно увеличивалось: в 1929 г. — 19, в 1933 г. — 22, в 1936 г. — 38, в 1937 г. — 45, в 1938 г. — 48²⁷, а в 1939 г. было предложено принять 48 новых членов-сотрудников²⁸.)

Также имелись и приглашенные ученые (члены-корреспонденты) — русские ученые и литераторы, которые жили за пределами Югославии и приглашались для участия в различных проектах института. При этом формально они не считались сотрудниками института. Интересно, что после основания института в 1928 г. первым пригласили известного историка и социолога Петра Бернгардовича Струве, который, благодаря своей неисчерпаемой энергии, стал одним из наиболее активных членов института. До 1932 г. институт располагал возможностью регулярно привлекать ученых из «Зарубежной России» (были приглашены И. И. Лаппо, И. И. Лапшин, Н. О. Лосский, А. А. Кизеветтер, А. В. Флоровский из Праги, С. И. Метальников из Парижа, Д. П. Рябушинский из Лондона, С. Л. Франк из Берлина и Е. Ф. Шмурло из Рима. Видные художники и литераторы: Е. Чириков, З. Н. Гиппиус, Д. Мерешковски, К. Бальмонт и И. Северянин). Однако с 1932 г. из-за наступившего кризиса выдающиеся ученые, проживавшие в других центрах русской эмиграции, стали приезжать в Белград только по лич-

23. Спекторский Е. В. Десятилетие. С. 9.

24. ГАРФ. Ф. 6820. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–7; Правила Руског научног инетитута... С. 3.

25. Спекторский Е. В. Десятилетие. С. 10.

26. АСАНУ. 14386. III. 2464. (Русский научный инетитут, 16.11.1939. Годовое заседание Совета).

27. Спекторский Е. В. Десятилетие. С. 10.

28. АСАНУ. 14386. III. 2464.

ным делам и по собственной инициативе (например, Е. Я. Ляцкий, В. В. Зеньковский, Н. Н. Головин, М. А. Иностранцев, И. А. Ильин, Н. В. Ипатьев, И. И. Сикорский, чемпион мира по шахматам А. А. Алехин²⁹, выдающиеся сербские ученые и интеллектуалы Б. Петрониевич, Г. Тасич, Б. К. Трухелка, генералы Д. Милутинович, С. Бошкович и Р. Георгиевич³⁰).

Наконец, следует назвать почетных членов — ученых, оказавших существенную помощь институту, или тех, чей научный вклад был сочтен исключительно значимым (например, Александр Беллич³¹, избранный в 1938 г.; В. Н. Ипатьев, избранный в 1939 г.³²).

* * *

Отделения были основными организационными единицами института. Всего их было 5. При этом военные специалисты составляли отдельную секцию. Члены института были приписаны к различным отделениям, но могли принимать участие в работе любого другого отделения³³.

Отделения Русского научного института (1928–1939)³⁴

Отделение	Председатель
Философское	Николай Онуфриевич Лосский (1928–1929) Петр Бернгардович Струве (1928–1939)
Языка и литературы	Степан Михайлович Кульбакин (1928–1932) Александр Львович Погодин (1932–1939)
Естественных, агрономических и медицинских наук	Александр Иосифович Игнатовский (1928–1939)
Математических и технических наук	Георгий Николаевич Пио-Ульский (1928–1932) Николай Николаевич Салтыков (1933–1939)
Общественных и исторических наук	Александр Павлович Доброклонский (1928–1936) Евгений Васильевич Аничков (1936–1939)
Военная секция (при Отделении общественных и исторических наук)	В. И. Баскаков (1928–1933) И. С. Свищев (1933–1939)

Почетные и ординарные члены института выбирали председателей отделений на год³⁵.

29. Спекторский Е. В. Десятилетие. С. 10.

30. Там же. С. 10–11.

31. Там же. С. 10.

32. АСАНУ. 14386. III. 2464.

33. Правила Руског научног инетитута. С. 3.

34. Спекторский Е. В. Десятилетие. С. 15–16.

35. Правила Руског научног инетитута. С. 12.

3. Деятельность Института

Когда рассматриваешь деятельность Русского научного института, анализируешь его проекты и издания, не оставляет впечатление, будто перед тобой находится своеобразный биографический словарь выдающихся деятелей русской науки.

Многие из них — кто надолго, кто не очень — связали свою научную карьеру с межвоенным Белградом. Другие оказались в институте лишь проездом, случайно (прочитали одну лекцию или опубликовали статью). Но и они оставили важный след в его истории — подтвердили значение института для развития и сохранения науки в Зарубежной России.

Институт развивал различные формы научной деятельности. Проводились торжественные заседания, дискуссии с приезжими учеными, читались курсы лекций и отдельные доклады. Организовывались выездные семинары и публичные лекции. Прилагались усилия, чтобы обеспечить стипендиями молодых ученых. Кроме того, при институте имела научная библиотека. Наконец, институт публиковал не слишком многочисленные, но весьма значительные издания.

Торжественные заседания, которые некоторые исследователи, несколько преувеличивая их значение, называют конференциями, носили открытый характер³⁶. Как правило, заседания посвящались какому-нибудь выдающемуся деятелю или организации, сыгравшему важную роль в русской или общеславянской науке, культуре, истории. С 9 декабря 1928 г., когда состоялось первое торжественное заседание, посвященное столетию со дня рождения Б. Н. Чичерина, до 23 марта 1938 г., когда на собрании поминали покойного председателя института Александра Павловича Доброклонского, состоялось 23 торжественных заседания. В них участвовало по несколько докладчиков (от 2 до 4)³⁷.

Торжественные заседания Русского научного института (1928–1938)

	Памяти / по поводу	Участники
9.12.1928	100 лет со дня рождения Б. Н. Чичерина	Н. О. Лосский, Е. В. Спекторский, П. Б. Струве, Ф. В. Тарановский
20.01.1929	Кончина К. Я. Кадлеца	Е. В. Спекторский, Ф. В. Тарановский, А. В. Соловьев
14.04.1929	100 лет со дня рождения И. Добровского	Е. В. Спекторский, С. М. Кульбакин

36. Тесемников В. А. Деятельность Русского научного института в Белграде (1928–1941 гг.) // Развитие общественной мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1991. С. 179.

37. Спекторский Е. В. Десятилетие. С. 16–19.

	Памяти / по поводу	Участники
26.05.1929	Грибоедова	А. А. Кизеветтер, А. В. Соловьев
12.02.1930	С. М. Соловьева	И. И. Лаппо, П. Б. Струве, Ф. В. Тарановский, Е. Ф. Шмурло
15.02.1931	50 лет со дня смерти Ф. М. Достоевского	Ф. В. Тарановский, П. Б. Струве, Погодин
24.03.1931	50 лет со дня кончины императора Александра II	П. Б. Струве, Трегубов, Ф. В. Тарановский
16.01.1933	100 лет со дня основания Российской Академии Генштаба	Д. Милутинович, В. И. Баскаков, И. С. Свищев, С. Бошковиц
01.02.1933	100 лет Свода Законов Российской Империи	Ф. В. Тарановский, А. В. Соловьев, П. Б. Струве
22.11.1933	100 лет со дня рождения А. Н. Пыпина	Е. А. Ляцкий, А. Л. Погодин
11.12.1933	100 лет со дня рождения В. И. Ламанского	Ф. В. Тарановский, П. Б. Струве
20.03.1934	100 лет со дня рождения Д. И. Менделеева	Б. Петрониевич, Н. А. Пушкин, П. Б. Струве
26.12.1934	100 лет со дня основания Императорского Университета св. Владимира	Ф. В. Тарановский, П. Б. Струве, Е. В. Спекторский
17.12.1935	100 лет со дня основания Императорского Училища Правоведения	П. Б. Струве, С. Н. Трегубов
19.02.1936	Кончина Ф. В. Тарановского	А. П. Доброклонский, Е. В. Спекторский, П. Б. Струве, А. В. Соловьев
21.05.1936	Памяти И. П. Павлова	А. И. Игнатовский, М. Н. Лапинский, А. А. Солонский, П. Б. Струве
23.02.1937	Памяти М. К. Любавского	Л. М. Сухотин, А. В. Соловьев, А. Л. Погодин, П. Б. Струве
28.05.1937	300 лет Декартова «Разсуждения о методе»	П. Б. Струве, Е. В. Аничков, Н. Н. Салтыков
15.12.1937	Памяти Д. П. Рузского и Е. В. Аничкова	В. В. Фармаковский, П. Э. Зайончковский, И. Н. Голенищев-Кутузов, В. А. Мошин

	Памяти / по поводу	Участники
29.12.1937	125 лет со дня рождения Гончарова и 100 лет со дня рождения К. К. Арсеньева	А. Л. Погодин, П. Б. Струве
20.02.1938	Памяти В. Г. Васильевского и А. Н. Веселовского	П. Б. Струве, Г. А. Острогорский, А. Л. Погодин
03.03.1938	По поводу избрания А. И. Белича почетным членом	А. И. Игнатовский, А. Л. Погодин, Н. А. Пушкин
23.03.1938	Памяти А. П. Доброклонского	В. В. Фармаковский, П. Б. Струве, С. В. Троицкий

Дискуссии и обсуждения были закрытыми, хотя и представляли собой общие собрания всех членов института с гостящими в Белграде учеными и писателями. Всего состоялось пять обсуждений. В октябре 1928 г. — с Э. Н. Гишпиус и Д. С. Мережковским. В марте 1930 г. дискуссия была посвящена докладу Сергея Сергеевича Маслова о положении крестьян в России. Следующее обсуждение имело место в январе 1931 г., когда Игорь Северянин прочитал рукопись своего неопубликованного романа в стихах. В январе 1931 г. институт посетил тогдашний чемпион мира по шахматам Александр Алехин, находившийся в Югославии в декабре 1930 г. — январе 1931 г. За время визита Алехин провел сеансы одновременной игры в Нови-Саде, Великом Бечкереке, Белграде, Баня Луке, Сараево, Крагуевце и Загребе. Наконец в марте-апреле 1931 г. были организованы две встречи с И. И. Лапшиным. Кроме официальных дискуссий и обсуждений в институте состоялись две встречи с выдающимися русскими учеными Н. Н. Головиным и В. П. Ипатьевым, прибывшими в Белград³⁸.

Лекции и доклады, которые читались в ходе отдельных заседаний отделений или на совместных заседаниях всех членов института с последующими научными дискуссиями, представляли собой основной вид научной и педагогической деятельности института. Такие заседания были открытыми, но публике не разрешалось принимать участие в дискуссиях. За десять лет состоялось 668 лекций и докладов, то есть около 9–10 в месяц (в течение учебного года, с ноября по май). Лекции охватывали весь широкий спектр тематики изысканий института. Более трети было посвящено России (253) и Югославии (34). Гуманитарным наукам — 93, биологии

38. Спекторский Е. В. Десятилетие. С. 19–20.

и медицине — 65, математике, механике и физике — 53, военным наукам — 47, философии — 43, техническим наукам — 32.

Среди лекторов особенно выделялся Петр Бернгардович Струве, прочитавший за 10 лет 100 лекций. Активными лекторами были А. Л. Погодин (38), Е. В. Спекторский (35), Ф. В. Тарановский (30), А. В. Соловьев (23). Остальные прочитали по 1–2 лекции³⁹.

Курсы представляли собой специфический вид деятельности, ориентированный и на заинтересованную публику, и на самих членов института. Начинались они обычно в ноябре и продолжались до мая, то есть весь академический учебный год с зимним и летним семестрами. Проводились и сокращенные курсы, рассчитанные на один семестр, чаще всего летний (например, с января / февраля до мая). 12 членов института читали курсы, которые посвящались более или менее специализированным темам и проблемам. Больше всех курсов (10) прочитал П. Б. Струве, пользовавшийся наибольшим интересом публики. 6 курсов числилось за Владимиром Христиановичем Даватцем. Остальные прочитали по 1–3 курса.

Курсы, организованные Институтом (1928–1938)⁴⁰

Руководитель	Тема курса
Даватц В. Х.	Теория чисел (I–V 1933).
Даватц В. Х.	Число π и связанные с ним проблемы (II–V 1934).
Даватц В. Х.	Теория вероятности (XI–XII 1934; I–V 1935).
Даватц В. Х.	Теория поверхностей (I–VI 1936).
Даватц В. Х.	Геометрия Лобачевского (XI 1936 — VI 1937).
Даватц В. Х.	Аксиоматика геометрии (XI 1937 — VI 1938).
Кизеветтер А. А.	Московская Русь: государственное и общественное ее устройство (V–VI 1929).

39. Тарановский Ф. В. Русский научный институт в Белграде за первые шесть лет его деятельности (с 1928/9 по 1933/4 акад. год включ.) // Записки Русского научного института в Белграде. № 11. 1935. С. 209–226; Он же. Русский научный институт в Белграде в 1934/5 акад. году // Записки Русского научного института в Белграде. № 13. 1936. С. 161–165; Спекторский Е. В. Русский научный институт в Белграде с 1935/6 по 1937/8 акад. год включительно // Записки Русского научного института в Белграде. № 11. 1935. С. 29–35.

40. Тарановский Ф. В. Русский научный институт в Белграде за первые шесть лет его деятельности. С. 209–226; Он же. Русский научный институт в Белграде в 1934/5 акад. году. С. 161–165; Спекторский Е. В. Русский научный институт в Белграде с 1935/6 по 1937/8 акад. год включительно. С. 29–35.

Руководитель	Тема курса
Краинский Н. В.	Философия природы (I–V 1933).
Краинский Н. В.	Курс по психологии (XII 1934; I–V 1935).
Лаппо И. И.	Юго-Западная Русь, Литва и Польша в их историческом взаимоотношении (XI–XII 1929, I 1930).
Лосский Н. О.	Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция (XI–XII, 1928, I 1929).
Метальников С. И.	Проблема бессмертия и смерти в современной биологии (V–VI 1929).
Острогорский Г. А.	История византийского иконоборчества (XI 1930).
Рябушинский Д. П.	Основы аэродинамики (XII 1928, I 1929).
Струве П. Б.	Экономическая история России в связи с образованием государства и общим культурным развитием страны (1928–1929 акад. год.).
Струве П. Б.	Экономическая история России в связи с образованием государства и общим культурным развитием страны (1929–1930 акад. год.).
Струве П. Б.	Экономическая история России в связи с образованием государства и общим культурным развитием страны (1930–1931 акад. год.).
Струве П. Б.	Экономическая история России в связи с образованием государства и общим культурным развитием страны (1931–1932 акад. год.).
Струве П. Б.	Социальные и политические идеи и движения в России с 1825 г. по наше время (I–V, XI–XII 1933; I–V 1934).
Струве П. Б.	Социальные и политические идеи и движения в России с 1825 г. по наше время (I–V, XI–XII 1933; I–V 1934).
Струве П. Б.	Социальные и политические идеи и движения в истории России XIX века: эпоха Николая I и Александра II (XI–XII 1934; I–V 1935).
Струве П. Б.	История общественных и политических движений в России: царствование Александра II и Александра III (XI 1935 — VI 1936).
Струве П. Б.	Царствование Александра II после освобождения крестьян и царствование Александра III (XI 1936 — VI 1937).
Струве П. Б.	Конец царствования Александра II, царствование Александра III и Николая II (XI 1937 — VI 1938).
Флоровский А. В.	Киевская Русь в связи с проблемой национального единства русского народа (IV–V 1929).

Руководитель	Тема курса
Франк С. Л.	Социальная философия (III–IV 1930).
Шмурло Е. Ф.	Географические особенности русской территории и их влияние на исторический ход событий в жизни русского народа (I–III 1930).
Шмурло Е. Ф.	О поэзии Пушкина (III–IV 1930).

Семинары проводились, для того чтобы познакомить молодых ученых, приступающих к научной деятельности, и просто заинтересованных лиц с современным состоянием отдельных дисциплин, а также с некоторыми проблемами русской истории и природы. Руководителями семинаров были 17 членов института. В течение первого десятилетия его работы Н. Н. Салтыков вел 13 семинаров, исключительно активный П. Б. Струве — 11. 3 семинара провел А. Л. Погодин. Остальные — по 1–2.

Семинары, организованные институтом (1928–1938)⁴¹

Руководитель	Тема семинара
Баскаков В. И.	О военной доктрине (XII 1932). [Участник семинара Егоров А. Е. сделал доклад: Военная доктрина (26. XII 1932)].
Баскаков В. И.	О военной доктрине (V 1933). / [Участник семинара Егоров А. Е. сделал доклад: Командный состав армии и военная доктрина (29. V 1933)].
Баскаков В. И.	О военной доктрине (II 1934). [Участник семинара Егоров А. Е. сделал доклад: Военная доктрина и генеральный штаб (12. II 1934)].
Билимович Ант[он]. Д.	По абсолютной геометрии и механике (XI–XII 1928, I–V 1929).
Даватц В. Х.	При курсе теории вероятности (IV 1935). [Участник семинара Л. И. Баскаков сделал доклад: Опыт применения теории вероятности при разведках промышленных нефтяных залежей (17. IV 1935).]
Дрейлинг Р. К. и Пронин В. М.	Вооруженные силы России (III 1936).

41. Тарановский Ф. В. Русский научный институт в Белграде за первые шесть лет его деятельности. С. 209–226; Он же. Русский научный институт в Белграде в 1934/5 акад. году. С. 161–165; Спекторский Е. В. Русский научный институт в Белграде с 1935/6 по 1937/8 акад. год включительно. С. 29–35.

Руководитель	Тема семинара
Житкевич Н. А.	По военно-техническим знаниям (III–VI 1937). [Участник семинара Л. М. Михеев сделал доклад: Принципы современной полевой фортификации (5. IV 1937), Полевые убежища от боевых газов (12. IV 1937), Принципы противотанковых препятствий и их устройство (21. IV 1937), Легкие, средние и тяжелые убежища от снарядов (26. IV 1937), Инженерная разведка в современном бою и операции (9. V 1937).] [Участник семинара А. К. Шафранский сделал доклад: Фотографирование при помощи инфракрасных лучей (26. V 1937).]
Зайцев А. М.	По полезным ископаемым России (I–IV 1933). [Участник семинара Баскаков Л. И., сделал доклад: Нефть и дислокации земной коры (11. III и 8. IV 1933)]
Зайцев А. М.	По полезным ископаемым России (XI–XII 1933; I–V 1934). [Участники семинара сделали следующее доклады: Баскаков Л. И., Нефтяные залежи в Югославии (6. XII 1933), Промышленные нефтяные залежи. Признаки, условия и факторы, определяющие их открытие (13 и 20. XII 1833/1933/), Опыт применения теории вероятности к нефтяным разведкам (24. I 1934), Примеры применения теории вероятности для определения благонадежности нефтяной залежи (28. III 1934), Применение теории вероятности к определению нефтяных залежей в Королевстве Югославии (30. V 1934), и Гагарин Гр. Г. Свинцово-цинковое местонахождение Межица в Словении (18. III 1933).]
Зайцев А. М.	По полезным ископаемым России (XI 1934)
Зайцев А. М.	Югославия (XII 1934).
Краинский Н. В.	По психологии (V 1935). [Участник семинара М. В. Агапов сделал доклад: Психотехника и метод тестов (тестология), как отрасли современной психологии (8. V. 1935).]
Ласкарев В. Д.	По геологии России (I–V 1929).
Ласкарев В. Д.	По геологии России (XI–XII 1929; I–V 1930).
Михеев Л. М.	По военно-инженерным знаниям (XII 1937 — II 1938). [Участник семинара А. М. Вахрушев сделал доклад: Действия 22 армейского корпуса в августе 1914 г. в Восточной Пруссии (22. XII 1937). Участник семинара Б. С. Никитин сделал доклад: Пояс Мажино (24. II 1938).]

Руководитель	Тема семинара
Погодин А. Л.	По новейшей литературе (XII 1932, I–V 1933). [Участники семинара г-да: Смагин, Курганский, Ечменев и г-жи: Девель и Кожина сделали доклады о русских и иностранных писателях.]
Погодин А. Л.	По литературе (XI. 1934). [Участник семинара К. П. Стрижак сделал доклад: Россия и русское в сербской литературе (12. XI 1934).]
Погодин А. Л.	По истории русской литературы (I 1936).
Полянский В. Н.	По военно-инженерному делу (III–IV 1932). [Участник семинара Георгиевич Р. А. сделал два доклада (14. III и 11. IV 1932).]
Рябушинский Д. П.	По аэродинамике (XII 1928, I 1929).
Салтыков Н. Н.	По интегрированию дифференциальных уравнений с частными производными (XI–XII 1928; I 1929).
Салтыков Н. Н.	По интегрированию дифференциальных уравнений с частными производными (XI–XII 1929; I–V 1930).
Салтыков Н. Н.	По интегрированию уравнений с частными производными второго порядка (XI–XII 1931).
Салтыков Н. Н.	По интегрированию уравнений с частными производными второго порядка (XI–XII 1932).
Салтыков Н. Н.	По интегрированию уравнений с частными производными второго порядка (IV 1933).
Салтыков Н. Н.	По интегрированию уравнений с частными производными второго порядка (XI–XII 1933).
Салтыков Н. Н.	По интегрированию дифференциальных уравнений с частными производными второго порядка (XI–XII 1934).
Салтыков Н. Н.	Математические теории задачи трех тел (XII 1935).
Салтыков Н. Н.	Теория уравнений с частными производными (XI–XII 1936).
Салтыков Н. Н.	Теория уравнений с частными производными (IV 1937).
Салтыков Н. Н.	Теория уравнений с частными производными (XI 1937).
Салтыков Н. Н.	Теория уравнений с частными производными (XII 1937).
Салтыков Н. Н.	Задача трех тел (IV 1938).

Руководитель	Тема семинара
Спекторский Е. В.	По теории публичного права (XI 1928, I–V 1929).
Спекторский Е. В.	По введению в философию (XII 1929, I–V 1930)
Струве П. Б.	По вопросам обществоведения (XI 1928).
Струве П. Б.	По вопросам обществоведения (V 1929).
Струве П. Б.	По вопросам обществоведения (XI–XII 1929).
Струве П. Б.	По вопросам обществоведения (I–VI 1930).
Струве П. Б.	По вопросам обществоведения (XI–XII 1930; I 1931). [Семинар в XII 1930 был посвящен вопросу о современном мировом хозяйственном кризисе] [Участник семинара Ижболдин Б. С. сделал в нем три доклада (11. XI 1930, 25. XI 1930 и 28. I 1931)]
Струве П. Б.	По вопросам обществоведения (IV 1931). [Семинарий в IV 1931 был посвящен экономическому совещанию в Париже 1931 г. и его итогам.]
Струве П. Б.	По вопросам обществоведения (II 1932).
Струве П. Б.	По вопросам обществоведения (XII 1932; I–II 1933).
Струве П. Б.	По вопросам обществоведения (XI 1933).
Струве П. Б.	Современные экономические явления (XI 1935–1936).
Струве П. Б.	По политической экономии и социологии (XI 1937).

Отметим, что большая часть курсов была посвящена гуманитарной и общественной тематике, а на семинарах речь шла о естественных науках и прикладных знаниях.

Публичные лекции, которые члены института читали в различных городах Королевства Югославия, также представляли собой особый род научной и образовательной деятельности. В основном лекторы приезжали по приглашению русских, но и иногда и местных организаций. По причине большого числа приглашений, по инициативе В. В. Розенберга, институт в 1932 г. принял правила проведения лекций в провинции. Лекции проводились по всей Югославии. В Белграде — в Русской народном университете, а также в Народном университете Колараца. По приглашению Русской матицы лекторы посетили Нови Сад, Загреб, Люблян и Марибор. Иные русские организации приглашали членов института в Сараево, Целе, Шабац, Сомбор, Дубровник, Суботицу, Скопле и Херцег Нови⁴².

42. Спекторский Е. В. Десятилетие. С. 23–24.

Предоставление стипендий молодым ученым было важным аспектом и образовательной, и научной деятельности института, который, тем не менее, не всегда имел возможность помогать научной поросли. Только в первые четыре года своего существования (1928–1932 гг.) институт располагал средствами, составлявшими своеобразный фонд поддержки молодых научных работников, проживавших как в Югославии, так и в других странах, принявших русскую эмиграцию. За эти четыре года набралось 12 получателей стипендий: М. А. Андреева, Н. Н. Афанасьев, К. П. Воронец, В. Х. Даватц, Б. С. Ижболдин, О. О. Марков, В. Е. Мартино, В. А. Мошин, П. А. Остроухов, Л. В. Черношвитов, П. И. Чернявский и И. И. Рыковский. Весной 1938 г. во время приезда из США академика В. Н. Ипатьева институт основал фонд его имени. Фонд, из которого выплачивались премии молодым ученым за их труды, пополнялся за счет средств самих членов Института⁴³.

Параллельно с вышеописанной деятельностью происходило формирование *научной библиотеки*. Идея ее основания возникла не сразу, а по прошествии некоторого времени с момента основания института, когда стала очевидной потребность его членов в специализированной литературе (русской, прежде всего), не имевшейся в других библиотеках: Народной, Университетской, библиотеке Сербской королевской академии, библиотеках министерств и прочих учреждений. Пополнение фондов библиотеки чаще всего происходило в результате дарения, обмена изданий института, приобретения отдельных книг и подписки на журналы. Особую помощь оказывала библиотека Университета Хельсинки, посылавшая членам института необходимые для работы книги. К концу 1930-х гг. в фондах накопилось чуть менее 1000 книг. Поначалу организацию библиотечного дела, включая составление каталога, взял на себя один из председателей института академик В. В. Тарановский, а после него — библиотекарь и выдающийся ученый Александр Васильевич Соловьев⁴⁴.

Издательская деятельность института была весьма значительной, хотя и не слишком обширной. С формальной точки зрения было опубликовано всего три наименования: «Труды IV Съезда русских академических организаций за границей» (I–II, 1929 г., первый том был посвящен гуманитарным наукам, а второй — математике и естественным наукам), «Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом» (I–II, 1930 г., 1941 г.), и, наконец, журнал «Записки Русского научного института в Белграде» (1–16/17, 1930–1941), четные номера которого были посвяще-

43. Там же С. 11.

44. Там же. С. 16.

ны математической и естественнонаучной тематике, а нечетные — гуманитарной. Издательскую деятельность основатели института с самого начала считали одним из главных направлений его деятельности. Еще осенью 1928 г. администрация института составила Правила публикации его работ. Планировалось, что институт будет публиковать диссертации и монографии и по возможности вузовские научные курсы (если они являются оригинальными научными работами), а также «Записки». В журнале предполагалось отдавать предпочтение научным, затем критико-библиографическим работам, а также статьям, посвященным России и Югославии. Данный принцип последовательно соблюдался от первого до последнего (16–17) номера. Из 190 статей (107 в нечетных гуманитарных номерах и 83 — в четных математических) 70 было посвящено России (57 гуманитарных статей и 13 технических), а 9 — Югославии⁴⁵.

Анализ публикаций института ясно показывает, что они давали полное представление как о деятельности института, так и о научной работе русской эмиграции, в целом.

«Труды IV Съезда русских академических организаций за границей» (I–II)

Области / темы	Количество работ
Гуманитарные науки	
Русская история и литература	23
Славистика	10 (8 — Югославии)
Византистика	3
Философия и теория отдельных гуманитарных наук, а также истории и литературы других стран	9
Математика и естественные науки	
Математика	13
Биология, агрономия, медицина	17
Россия	2
Югославия	4

45. Анализ проведен на основе: Спекторский Е. В. Десятилетие. С. 25–27; Издания Русского Научного Института в Белграде // Записки Русского Научного Института в Белграде. № 15 (1938); Издания Русского Научного Института в Белграде // Записки Русского Научного Института в Белграде. № 16–17 (1941).

«Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом» (I–II)

Выпуск 1 (1930)	Выпуск 2 (1941)	Всего:
7038 публикаций	6333 публикации	13 371 публикация
472 автора	339 авторов	811 авторов

При этом в совокупной библиографии, составление которой стало первой попыткой обозреть и тем самым уберечь от забвения научную деятельность «Зарубежной России», работы ученых, проживавших в Югославии, составляли всего 25 % от всех трудов русских эмигрантов (3218 из 13.371).

* * *

9 апреля 1933 г. на торжественном открытии Русского дома им. Императора Николая II в Белграде Федор Васильевич Тарановский подчеркнул, что «Русский научный институт с Белграде в значительной степени является научным центром, общим для всей эмиграции»⁴⁶. Несмотря на то, что данное мнение было высказано тогдашним председателем — лицом заинтересованным — оно, во многом объективно отражало то реальное значение, которое институт и оставленное им научное наследие имели для современной «Зарубежной России» и позднейших поколений.

Деятельность института стала плодом колоссальной энергии и труда большого числа выдающихся русских ученых. При этом надо учитывать, что многие из них имели постоянную работу, были преподавателями Белградского университета. Однако тот факт, что институт стал для них дополнительной нагрузкой, не помешал им полностью посвящать себя его развитию. Это было особенно заметно в конце 1920-х — начала 1930-х гг., когда вся рабочая неделя была занята мероприятиями института. Примера ради, приведем расписание мероприятий в институте в январе 1929 г.: 2 января (среда) — 2 мероприятия; 3 января (четверг), 4 января (пятница), 9 января (среда) — по 2 мероприятия; 9 января (четверг), 10 января (пятница), 15 января (вторник), 16 января (среда) — по 2 мероприятия; 17 января (четверг), 18 января (пятница), 20 января (воскресенье), 22 января (вторник), 24 января (четверг), 25 января (пятница), 29 января (вторник), 30 января (среда), 31 января (четверг) — по 2 мероприятия⁴⁷. В ноябре 1934 г. было то же самое: 8 ноября (четверг), 9 ноября (пятница), 12 (понедельник), 13 ноября (вторник), 14 ноября (среда) — по 2 мероприятия; 16 ноября

46. Спекторский Е. В. Десятилетие. С. 7.

47. АСАНУ. 14386. III. 2553. (Русский научный институт в Белграде. Распределение занятий на январь 1929 года).

(пятница), 19 ноября (понедельник), 20 ноября (вторник), 21 ноября (среда) — по 2 мероприятия; 23 ноября (пятница), 26 ноября (понедельник), 27 ноября (вторник), 28 ноября (среда) — по 2 мероприятия⁴⁸. Так было и в марте 1939 г.⁴⁹. Объяснение подобному энтузиазму следует искать в особом психологическом настрое тех, кто жил в «Зарубежной России» и чувствовал свой долг сохранения культурных и научных традиций той России, которая, по мнению большинства беженцев, была уничтожена в результате октябрьского переворота 1917 г.

Изгнание, беженская участь получили символическое отражение в истории института, который в межвоенное время лишился двух своих председателей (Ф. В. Тарановского и А. П. Доброклонского), десяти штатных членов (Е. В. Аничкова, А. А. Брандта, Н. И. Васильева, А. А. Кизеветтера, А. А. Редлиха, К. Д. Серебрякова, Д. В. Фроста, Е. Ф. Шмурло и М. Н. Ясинского), а также трех членов-сотрудников (Н. Е. Акацатова, В. Ю. Любинского и П. И. Рудченко).

Однако вопреки всему институт по заслугам занял достойное место в истории «Зарубежной России». Прежде всего, благодаря результатам, достигнутым в том, что было провозглашено его важнейшей задачей, — в «поддержании и распространении русской культуры и русской научной деятельности, свободных от политики и партийной борьбы»⁵⁰. Но что еще важнее, его деятельность не давала угаснуть представлениям о русских научных традициях и, одновременно, способствовала обмену научными идеями в рамках «Зарубежной России». Наконец институт, насколько хватало сил, помогал молодым ученым, предоставляя им возможность самовыражения.

В результате, можно с уверенностью констатировать, что Русский научный институт входил в ряд самых значимых научных учреждений русского зарубежья, среди которых выделялись Русский университет, «*Seminarium Kondakovianum*» и Русский научный институт в Праге, Институт славистических исследований в Париже, Русский научный институт в Берлине и Русский юридический факультет в Харбине.

*Перевод с сербского
Александра Силкина*

48. Там же.

49. Ср.: АСАНУ. 14386. III. 2555 (Русский научный институт в Белграде. Распределение занятий на март 1939 года).

50. Правила Русского научного института... С. 2.

АЛЕКСАНДР ПУЧЕНКОВ

«ИСТОРИК» ПРОТИВ ВАСИЛИЯ ШУЛЬГИНА:

О ФИЛЬМЕ «ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИИ»

ФРИДРИХА ЭРМЛЕРА (1965)

Фильм Фридриха Марковича Эрмлера «Перед судом истории» вышел на экраны в 1965 году, и сразу же привлек большое внимание советских зрителей.

История создания этой картины всегда была окутана множеством противоречивых слухов, самым известным из которых было утверждение о том, что фильм создан по инициативе КГБ, снят режиссером-чекистом, а в роли оппонента главного героя — знаменитого политика и публициста Василия Витальевича Шульгина (1878–1976), игравшего в картине самого себя, выступал актер, находившийся на службе во всемогущей «конторе».

Действительно, в докладной записке председателя государственного комитета по кинематографии А. В. Романова в ЦК КПСС от 22 июля 1965 г. говорилось о том, что «В фильме показан крах белой эмиграции, в образе В. Шульгина вскрыта враждебная деятельность людей, вставших на путь предательства Родины. Работа над фильмом проводилась по инициативе и под наблюдением Комитета госбезопасности СССР, который оказывал съемочному коллективу постоянную помощь. Фильм предназначался для распространения в тех зарубежных странах, где сгруппирована русская белоэмиграция (США, Канада, Франция, Голландия, Аргентина и др. страны и для демонстрации в СССР»¹. Учитывая «специфический характер» картины, Романов предлагал «напечатать ее ограниченным тиражом и организовать ее показ советским зрителям преимущественно в закрытых аудиториях»². В итоге фильм,

1. Кинематограф оттепели. Документы и свидетельства. М., 1998. С. 154–155.

Также см.: Фомин В. От камеры до камеры // Родина. 2008. № 2. С. 89.

2. Кинематограф оттепели... С. 155–156.

снятый по инициативе КГБ, буквально промелькнул на экранах кинотеатров, и на десятилетия лег на полки хранилищ, не демонстрируясь для широкой аудитории. Объяснялось все это тем, что всякий, кто видел фильм, покидал зрительный зал с несомненной убежденностью, что прав как раз Шульгин, тот самый, который находился «Перед судом истории», а не его оппонент — Историк, доказывавший неизбежность победы коммунизма и нетленность ленинского наследия³. Какова же была предыстория этого фильма, ставшего в Советском Союзе полуполюгендарным?

Режиссером фильма был Фридрих Маркович Эрмлер (1898–1967), а автором сценария — Владимир Петрович Владимиров (Вайншток) (1908–1978), и тот, и другой сыграли заметную роль в истории советского кинематографа. Оба кинодеятели были связаны с деятельностью спецслужб: Владимиров в 1940-е гг. сотрудничал с НКВД, а Эрмлер вообще был профессиональным чекистом, искренне убежденным когда-то в идеалах сталинизма⁴.

Сам Эрмлер рассказывал о том, что идея фильма родилась во время его беседы с Владимировым. По словам режиссера, все началось с того, что «Однажды мы сидели с Владимировым, говорили о том, он должен написать для меня новый сценарий. Было ясно: фильм должен быть бесспорно документальным. Но о чем? Не помню точно, кто первый назвал имя Шульгина... После длительных разговоров и обсуждений, на которые ушло несколько месяцев, Шульгин согласился поведать с экрана о своей жизни. Я приехал в Москву. Вместе с Владимировым пришел в больницу, где лечился в то время Шульгин. Не скрою, я открывал дверь палаты с волнением. Много тому было причин. Невольно подумалось: „Что было бы, если бы я сотрудник ВЧК-ОГПУ встретился лицом к лицу с Шульгиным в двадцатые годы“. В маленькой палате встречу мне поднялся высокий старик с белой бородой. Мягкое пожатие руки, хриплый голос... Представьте себе: больничная обстановка, пижама, белый колпак на голове и восемьдесят шесть лет... Я подумал: „Вправе ли мы ввести этого старого и нездорового человека в кинематографический водоворот? Выдержит ли он?“ Но мой собеседник рассеял всякие сомнения: „Вы учтите, я зубр, со мной будет трудно“, — сказал Шульгин. „Ваше беспокойство о моем здоровье напрасно. Я выстою. А вот как у Вас со здоровьем?“» Тогда я не придавал этим словам большого значения... Я был действительно озабочен самочувствием Шульгина и высказал свои опасения директору студии «Ленфильм» И. Н. Киселеву, когда мы вновь пришли к Шульгину в больницу. Выйдя из палаты, Ки-

селев рассмеялся: «Вы знаете, что мне сейчас сказал Шульгин? „Что-то плохо Ваш режиссер выглядит. Бледный. А со мной ведь будет трудно. Берегите его“. Да, начиная работу, я не представлял себе, какие огромные трудности придется преодолеть. Начать хотя бы с того, что у нас не было не только „железного“, но и даже просто законченного сценария. Сценарий писался и дописывался без конца и в подготовительный период и во время съемок — до самого последнего дня работы. В процессе этой работы мы постоянно вели политическую и даже творческую (Шульгин — литератор!) полемику с нашим главным действующим лицом. Сталкивалось два мировоззрения, две философии. И когда, казалось нам, противоречия заходили в тупик, Василий Витальевич говорил: „Давайте искать то, что нас объединяет, а не настаивать на том, что нас разъединяет“. Все начиналось сначала, и мы в итоге находили общее решение. Конечно, и я это хочу особо подчеркнуть: Шульгин выступает в нашей картине таким, каков он сейчас — много пережившим и передумавшим под давлением неоспоримых доводов истории. Было бы неверным думать, что Василий Витальевич Шульгин перечеркнул все свое прошлое и принял все новое. Нет, конечно. Но ход истории, могучая сила нашей Родины, ее всемирный авторитет заставил Шульгина многое переосмыслить и переоценить»⁵.

Первоначально фильм не планировался как соло-партия одного Шульгина, в картине предполагалось задействовать еще несколько, менее знаменитых эмигрантов-возвращенцев — А. В. Говорова, А. Л. Казем-Бека, Л. Д. Любимова, П. А. Оболенского... В качестве названия фильма предлагалось «Дни», под этим названием картина и жила весь съемочный период, — так назывались знаменитые воспоминания Шульгина о Февральской революции, вышедшие еще в 1920-е гг., и с той поры не переиздававшиеся в СССР. Текст шульгинских «Дней» и должен был быть положен в основу сценария фильма. К сюжету «Дней» добавлялись размышления об Октябрьской революции, Ленине, Гражданской войне, поражении белых и эмиграции. Авторы исходили из того, что Шульгин продолжит свою линию на переоценку Советской власти, начатую им в опубликованных в 1961 году «Письмах к русским эмигрантам»⁶. Планировалось, что фильм покажет идейный крах Шульгина, и победу Советской власти. В свою очередь Шульгин предлагал другое название, с его точки зрения более емкое — «Эмигранты», объединявшее всех (за исключением Николая II, конечно), персонажей, о которых шла речь в этом фильме. В связи с тем, что выяснилось, что в фильме будет принимать участие только Василий Витальевич и его оппонент — советский Историк, от этого

3. Соколов Е. Вместо некролога // Русская мысль. Париж. 1976. № 3098. С. 3.
4. Головской В. Об одном киноэпизоде в жизни В. В. Шульгина // Грани. 1983. № 128. С. 265. Версия статьи: www.vestnik.com/issues/2003/1224/win/golovskoy.htm

5. Перед судом истории // Советский экран. 1965. № 21. С. 12.
6. Шульгин В. В. Письма к русским эмигрантам. М., 1961.

названия пришлось отказаться⁷. В итоге картина вышла на киноэкраны под названием «Перед судом истории» — подразумевалось, что перед ним, этим судом, и находится Шульгин, которому сердобольное Советское государство дает возможность высказаться и признать свои ошибки. К тому моменту Шульгин уже несколько лет находился на свободе (в 1956 году он был досрочно освобожден из тюрьмы — знаменитого «Владимирского централа», в котором он провел свыше 10 лет). Предполагалось, что «помилованный» Советской властью Шульгин уже успел понять гуманность коммунистического режима и видит реальные достижения социализма в нашей стране. То, что у Василия Витальевича может быть свое мнение по этому вопросу, создателей фильма поначалу совсем не занимало.

Делая заявку на художественно-документальный сценарий «Дни», В. П. Владимиров писал: «Каждое слово, каждый кадр фильма должен быть документально правдив, как оказался исторически правдив великий ленинский прогноз⁸». 27 мая 1963 г. состоялось заседание художественного совета третьего творческого объединения киностудии «Ленфильм», на котором обсуждался литературный сценарий В. Владимирова «Дни». На совете присутствовали известные не только в Ленинграде, но и во всем Советском Союзе деятели культуры и искусства — Д. А. Гранин, В. В. Конечкий и др. Даниил Гранин, в частности, говорил о том, что необходимо сделать Историка ярким персонажем, и призвал осуществить «индивидуализацию историка», а то получится «шаблонно, вроде „Краткого курса истории“». Гранин утверждал, что «очень важно показать в фильме жалкую, бесправную, политически убогую судьбу эмигрантов... В этом фильме нужно говорить только правдиво, а иначе все будет недостоверным». В свою очередь В. Конечкий возражал Гранину: «Что бы Историк ни говорил рядом с Шульгиным, он будет пустое место, меня все равно интересуют живые люди, а не этот актер»⁹. Все присутствующие согласились с мнением Владимирова о том, что Шульгин — «это основа картины, его сцены являются фундаментом для построения остального. А дни и годы идут, и я думаю, что мы никогда бы себе не простили, упустив возможность снять его для истории»¹⁰. Вторил Владимирову Эрмлер, писавший в худсовет «Ленфильма» о будущей картине: «Для меня эта работа — политическая акция художника, стремящегося средствами своего искусства показать... историческую обреченность ушедшего класса буржуазии в нашей стране...

7. ЦГАЛИ СПб. Ф. 166. Оп. 2. Д. 12. Л. 3. Письма Шульгина Эрмлеру.

8. Там же. Ф. 257. Оп. 18. Д. 1228. Л. 126. Письмо В. Владимирова от 30 октября 1962.

9. Там же. Ф. 166. Оп. 1. Д. 387. Л. 14–15, 17.

10. Там же. Л. 45.

вся ценность этого произведения (если оно удастся) заключается в том, что не мы, советские люди, будем рассказывать (в который раз) о первых годах революции, гражданской войны, пролитой крови, а расскажут об этом те, кто проливал нашу кровь, кто готовил петлю, намереваясь удушить молодую Советскую республику, будут говорить с экрана те, кто вел Русского человека против русского человека, кто в сговоре с Антантой, разрушали наши города и деревни, сеяли смерть, голод, разруху. Будут исповедоваться те, кто мечтал о фашистском образе правления, кто находился на службе у Муссолини, кто в дни войны служил Гитлеру, Власову. И наконец они пришли с повинной просить прощения у Родины, и Родина их помиловала». Завершая свою мысль, Эрмлер писал: «Если в принципе будет одобрена мысль о создании этого фильма, необходимо принять решение, выделить все сцены, связанные с Шульгиным и немедленно их отснять. Чем вызвана такая необходимость? А) Шульгину 86 лет, он физически слаб и нужно подготовиться, поторопиться. Б) Без Шульгина фильма нет... В) Шульгин — это история. Если Шульгин будет отснят, можно будет спокойно доделать все остальное и ничто не будет грозить будущему фильму... Шульгин стар, очень стар, а без него фильма не будет. Верю, лично верю, что мы можем создать нужное и интересное произведение»¹¹.

2 июля 1963 г. Государственный комитет Совета министров СССР по кинематографии включил фильм «Дни» в план студии «Ленфильм» на 1964 год. Первоначально съемки фильма рассчитывали закончить к середине апреля 1964, но закончили лишь к лету 1965 г.¹² Все это время Шульгин проживал в № 417 гостиницы «Европейская». Здесь, в номере «Европейской», проходили ожесточенные баталии между Шульгиным, Эрмлером и Владимировым. Дело в том, что «по рекомендации компетентных органов выявилась необходимость внести в сценарий картины „Дни“ некоторые уточнения и изменения»¹³. Все эти изменения согласовывались с Шульгиным — ведь именно ему предстояло произносить в кадре важнейшие реплики. Изменения носили принципиальный характер, Шульгин долго не соглашался, пока наконец стороны не договорились, и 31 октября 1963 г. между директором кинокартины Н. М. Елисеевым и В. В. Шульгиным не было заключено трудовое соглашение. Шульгину была назначена высокая заработная плата — за время участия в работе над картиной он получал по 450

11. ЦГАЛИ СПб. Ф. 166. Оп. 1. Д. 165. Л. 2–5. Письмо Ф. Эрмлера в художественный совет «Ленфильма». 26 мая 1963.

12. ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 18. Д. 1187. Л. 134.

13. ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 18. Д. 921. Л. 61. Письмо директора киностудии «Ленфильм» И. Н. Киселева заместителю председателя Ленгорисполкома Г. В. Троицкому.

рублей в месяц, плюс оплачивались все его транспортные расходы и проживание в «Европейской». Всего за время съемок в фильме Шульгин получил 4405 рублей. Партнер Шульгина, по картине, актер Ленинградского областного драматического театра Сергей Павлович Свистунов, игравший роль Историка, получил за свое участие в фильме меньшую сумму — 3840 рублей¹⁴.

Участие в принятии отречения двух императоров воспринимались В. В. Шульгиным как главное событие не только всей его политической карьеры, но и жизни. Шульгин, переживший русские революции 1917 года почти на 60 лет, с годами все более болезненно воспринимал свою вольную или невольную сопричастность к трагической судьбе семьи Романовых. На закате своих дней, в 1966 г., Шульгин писал: «С царем и с царицей моя жизнь будет связана до последних дней моих, хотя они где-то в ином мире, а я продолжаю жить — в этом. И эта связь не уменьшается с течением времени. Наоборот, она растет с каждым годом. И сейчас, в 1966 году, эта связанность как будто достигла своего предела. Каждый человек в бывшей России, если подумает о последнем русском царе Николае II, непременно, припомнит и меня, Шульгина. И обратно. Если кто знакомится со мной, то неизбежно в его уме появится тень монарха, который вручил мне отречение от престола 50 лет тому назад»¹⁵. По мнению Шульгина, «и государь, и верноподданный, дерзнувший просить об отречении, были жертвой обстоятельств, неумолимых и неотвратимых»¹⁶. Но даже осознание этого факта не избавляло Шульгина от постоянных мыслей о Романовых. В архиве сохранились пронзительные строки Василия Витальевича: «С царем и с царицей моя жизнь будет связана до последних дней моих, хотя они где-то в ином мире, а продолжаю жить в этом. И эта связь не уменьшается с течением времени. Наоборот, она растет с каждым годом. И сейчас, в 1966 году, эта связанность как будто бы достигла своего предела. Каждый человек в бывшей России, если подумает о последнем русском царе Николае II, непременно припомнит и меня, Шульгина. И обратно. Если кто знакомится со мной, то неизбежно в его уме появится тень монарха, который вручил мне отречение от престола 50 лет тому назад»¹⁷.

Именно поэтому уговорить Шульгина сниматься в фильме было делом далеко не простым. Владимиров предпринимал всевозможные усилия, чтобы сделать участие Шульгина в фильме практически неизбежным: так, с его подачи, остро нуждавшемуся Шульгину была назначена, еще до письменного согласия Василия Витальевича

14. ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 18. Д. 1402. Л. 52.

15. ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 304. Л. 40–42. Рукопись Шульгина. «Сон «Императрица».

16. Там же. Л. 10.

17. Там же. Л. 42–43.

ча на участие в съемках высокая зарплата. Последнее обстоятельство заставило Шульгина написать письмо руководителю идеологического отдела ЦК КПСС Л. Ф. Ильичеву,¹⁸ в котором Василий Витальевич изложил свою мотивированную позицию, отказываясь получать деньги до того момента, пока он не даст официальное согласие на съемки в фильме¹⁹.

Главное, в чем расходились Шульгин и Эрмлер с Владимировым, — был вопрос об основной идее фильма: если Шульгину она виделась в необходимости рассказать советским зрителям о трагедии расстрелянной в Екатеринбурге царской семьи, то режиссеры, конечно же, видели пафос картины совсем в другом, желая показать победу ленинских идей над идеологией старорежимной России, белого движения и эмиграцией. Таким образом, картина должна была быть выполнена в столь любимым Эрмлером-режиссером агитационном жанре — как раз такие картины Фридрих Маркович выпускал еще в 1930-е гг. Именно это заставило Шульгина написать Владимирову письмо с отказом от сотрудничества: «Я мог бы работать для задуманного Вами фильма, если бы чувствовал, что я принесу людям не развлечение или утешение, а выскажу некоторые мысли, которые способствовали смягчению сердец, ибо именно в этом мир больше всего нуждается. И так как центральным местом фильма должно быть центральное место моей жизни, то именно на событиях, связанных с отречением Императора Николая II, должен был быть упор в фильме, намеченном с моим участием. В моем представлении в этом вагоне, в который Ваш фильм меня и приводит, я должен говорить не о стенах, столиках и стульях, в нем бережно до сих пор сохраняющихся, а представить себе, что я вновь разговариваю с Царем, как 50 лет тому назад. И тут сказать ему или его портрету все, что я думаю, об истекшем полувековии и в особенности о трагедии, разыгравшейся в подвале Ипатьевского дома. Я не вижу возможности составить эту речь так, чтобы она была для Вас приемлема по своему содержанию и по своим размерам. Фильм не терпит диалогов в стиле Шекспира или Шиллера. Фильм по необходимости серьезные мысли комкает и искажает и убийственно сокращает. Между тем трагедия Екатеринбурга может быть трактована только в стиле древнегреческих трагедий или вышеупомянутых Шек-

18. Любопытную характеристику Л. Ф. Ильичеву дает в своей книге писатель Д. А. Гранин: «...Леонид Федорович Ильичев, секретарь по пропаганде, фигура, страшноватая по тем временам и любопытная. Это он науськивал Хрущева на художников, на писателей, поэтов, на всех тех, кто, по его разумению, не хотел укладываться в идеологию соцреализма, впрочем, при его цинизме, Ильичеву, конечно, было наплевать на соцреализм, ему важно было показать свою бдительность, рвение» (Гранин Д. А. Причуды моей памяти. М., 2010. С. 148).

19. ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 262. Л. 1. Письмо Шульгина Л. Ф. Ильичеву. 23 июля 1963.

спира и Шиллера, может быть, еще Пушкина и Алексея Константиновича Толстого. То, что сверлит мой мозг, может быть изложено в книге, которая тоже была бы непригодна для напечатания в настоящие дни. Я хотел бы ее продиктовать и оставить эту запись для историков будущих поколений. Мне кажется, я обязан оповестить Вас о моих взглядах и настроениях, т. к. мне стало известно, что фильм в 100 страниц, который, разумеется, стоил Вам немалых трудов, Вам придется заново переделывать, и это потребует, вероятно, трудов еще больших. Меня в высшей степени огорчает, что все это может оказаться совершенно ненужным, поскольку Вы имеете в виду мое участие в фильме»²⁰. После предварительных переговоров дело, казалось бы, зашло в тупик: Шульгин отказался участвовать в съемках фильма по сценарию Владимирову, считая, что главная задача фильма рассказать «некую правду о неких событиях», однако, прочтя сценарий, Шульгин заявил о том, что пришел к выводу, что «мы [т. е. Шульгин и В. П. Владимиров. — *Авт.*] совершенно расходимся в том, что такое „правда о некоторых событиях“». Уважая Вашу правду, я все же не могу принести в жертву мою собственную. Мы не можем понять друг друга. Быть может, время еще для этого не наступило»²¹. Шульгин настаивал на том, что его роль будет написана им самим. В письме Л. Ф. Ильичеву Шульгин так обосновывал свою позицию: «Предмет этого фильма, поскольку он касается меня, — отречение от престола Императора Николая II. Эта трагедия должна быть вставлена в соответствующие рамки и трактована в таком стиле, который мне приемлем, т. к. хотя я принял отречение из рук Императора, но сделал это в форме, которую решаюсь назвать джентльменской. Этот акт не только величайшего значения, как перемена формы правления, имеющего тысячелетнюю давность, но он является рубежом между двумя эпохами, и так и должен быть рассматриваем. Я могу согласиться выступить в этом фильме только после того, как добросовестно изучу сценарий. Тогда смогу ответить утвердительно или отрицательно на вопрос, буду ли я в этой постановке участвовать. Но и после утвердительного ответа совершенно нельзя еще судить, как развернется дальнейшая обработка сценария. Я очень прошу уделить несколько минут моим по этому поводу соображениям. Я — именно то, что называется глубокий старик, мне 85 лет, и я не отличаюсь бодростью Аденауэра. За свою долгую жизнь мне приходилось быть писателем и говорить публично, но я никогда не был актером. Между актером и оратором — большая разница: актер говорит речи, которые ему пишут, а оратор, если он говорит с экспромта, то он произносит речь, которую он составил сам. В мои годы не переучиваются. Поэтому я пре-

20. ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 492. Л. 2. Письмо Шульгина В. П. Владимирову. 17 июня 1963.

21. Там же. Л. 5. Письмо Шульгина Владимирову. 31 августа 1963.

тендую на то, что моя роль в фильме „Дни“ будет написана мною самим. Поэтому предстоит большая работа по согласованию мною для себя написанной роли со сценаристом, в данном случае Владимиром Петровичем Владимировым и Эрмлером, известным режиссером, который будет этот фильм ставить. Я предвижу большие затруднения, поскольку мы исходим из разных взглядов на монархию вообще и на императора Николая II, в частности. Но допустим мне удастся поладить с Владимировым и с Эрмлером. Из этого вовсе не следует, что мой текст будет приемлем для Идеологической комиссии, в частности, для ее председателя. Поэтому я думаю, что договоренность наступит фактически только тогда, когда весь сценарий пройдет все эти испытания. Тогда я смогу сказать утвердительно, что я готов участвовать в съемке...»²²

Пытаясь помочь Владимирову, Шульгин написал свои заметки к сценарию фильма «Дни», в которых изложил свое видение ключевых моментов фильма; речь в первую очередь пошла о трактовке Шульгиным Белого движения и русской революции — явлений, о которых Василий Витальевич думал всю свою жизнь: «Организованная Корниловым и Деникиным армия, являясь продолжением исторической русской армии, получала материальную помощь в виде предметов воинского снаряжения и оружия от англичан и французов, как от своих союзников. В этом смысле англичане и французы помогали, хотя и очень малокровно, военным действиям. Но ни Корнилов, ни Деникин, ни Ваш покорный слуга, никогда иностранцам не служили. Они твердо держали слово, данное Россией Англии и Франции, не пошли ни на какие сделки с немцами, чем я, их переживший, горжусь за них, если не за себя. А проклял я не Белую армию, а тех отступников от Белого дела, которые запятнали белые знамена „грабежами и насилиями“ ... После т. н. февральской революции последовала революция октябрьская, которую принято называть „Великим Октябрем“. Я же считаю „Великий Октябрь“ — началом русского погрома. Судите сами: уничтожена династия; истребили дворянство; духовенство; купечество; мещанское сословие; крестьянство, под видом раскулачивания. У остальных крестьян, не кулаков, отняли землю под видом национализации. К этому надо прибавить, что разрушена армия; частично истреблена или изгнана интеллигенция. Если принять в соображение, что в подавляющем большинстве все эти слои и классы были русскими, то приходится признать, что деятельность Советской власти, начавшейся в октябре 1917, нельзя называть иначе, как грандиозный русский погром...»²³

22. ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 262. Л. 2–4.

23. ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 313. Л. 36–37, 43. Заметки В. В. Шульгина к сценарию фильма «ДНИ». Август 1963.

Эрмлер и Владимиров проявили настойчивость, соглашаясь с большинством предложений Шульгина. В конце концов, Василий Витальевич дал согласие на съемки в фильме. В письме к жене, М. Д. Шульгиной, он писал: «Дело по разным причинам зашло так далеко, что отказаться совсем от фильма мне до крайности трудно, просто невозможно. Не только потому, что фильм „заведен“, все люди с ним связанные уже получают „зарплату“, словом, государственная машина заработала со всеми последствиями. В случае отказа от фильма мне придется, по-видимому, ехать в Москву, добиться приема „на самом высоком уровне“ и на четыре глаза объяснить, что мне приходится отступить от начатого дела, которому сочувствую, по „семейным обстоятельствам“. Все это адски трудно, как Ты сама понимаешь. Но все же это не главное. Главная причина вот в чем. Я не люблю громких слов. Поэтому я очень редко распространялся о том, что во мне долгие годы глубоко сидело. Судьба захотела, чтобы я как бы приложил руку к крушению Империи, которую я ценил и любил. И на мне остался долг объяснить, как все было. Это я сделал в книге „Дни“, которую Ты писала под мою диктовку. Но книга „Дни“ утонула в событиях и сейчас недоступна для миллионов людей, которые наверно ее проглотили бы. Вместо книги Судьба указывает мне фильм. Но, как Ты знаешь, я мог принять фильм только в том случае, если фильмовые „Дни“ присоединяют к составу книжных „Дней“ надгробное слово об Екатеринбурге. Против всякого ожидания это условие принято. До сего дня оно честно выполняется. Если не будет выполняться в дальнейшем, я отступлюсь от фильма. Никаких признаков этого я пока не вижу, но, если увижу, порву, чего бы мне этого не стоило...»²⁴ Ходили слухи, находящие некоторые подтверждения, что власти пообещали Шульгину помочь с отъездом за границу, где жил его сын Дмитрий — это желание буквально преследовало Василия Витальевича в последние годы его жизни. Однако, обещание это исполнено не было. Все это, впрочем, из области догадок. Шульгин согласился участвовать в картине, и съемки фильма начались.

Непримиримые прежде идеологические враги, Эрмлер и Шульгин, сошлись друг с другом во время работы над картиной. Они часами могли говорить обо всем: о литературе, кино, театре, политике, революции... Эрмлер считал «Перед судом истории» своей лучшей картиной и сожалел о ее дальнейшей печальной судьбе. До конца своих дней маститый режиссер находился в дружеской переписке с Шульгиным, причем Шульгин подписывал свои письма «Дед», а Эрмлер обращался к нему «Дедуля». Когда Эрм-

24. ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 493. Л. 26–32. Письмо В. В. Шульгина М. Д. Шульгиной. Ноябрь 1963.

лер умер, Шульгины прислали на имя вдовы Фридриха Марковича Веры Александровны, телеграмму со словами соболезнования.

Эрмлер говорил о фильме: «Мой политический враг примирил меня с кинематографом. Это — Шульгин... я абсолютно убежден, что поставив на экране Шульгина, я прославил Ленина, хотя он в этом и не нуждается, но таков мой замысел. Когда я впервые сказал, что должен Шульгина расстрелять, причем расстрелять морально, со мной не соглашались и, конечно, не соглашался он. И вот мы оказались каждый на своей стороне баррикад, но все же я его поставил на колени и мне тяжело, что эта мысль, с моей точки зрения достаточно обнаженная, видимо, все-таки, не получает той ответной реакции, которая мне была нужна, среди тех людей, которые должны дать „добро“». Фридрих Маркович писал: «Меня упрекают в том, что историк слабее Шульгина. Не мог бы ни один артист, кто бы они был, сыграть лучше Шульгина, он все равно переиграл бы любого. А если бы на месте Шульгина был бы тонкий актер, картина не должна была бы выйти»²⁵. Друг Эрмлера, знаменитый режиссер Г. М. Козинцев, писал: «То, что Эрмлер смог сделать в своем фильме „Перед судом истории“, опередило картины такого рода, их сейчас много ставится у нас и за рубежом. Но в этом его фильме была крупная ошибка. Разговор с Шульгиным должен был вести не актер в роли Историка, а сам Ф. М. Эрмлер. Он сам, с его биографией, судьбой, которая вместила в себя столько сложного, — вот духовный мир, который должен был столкнуться с духовным миром Шульгина»²⁶. Действительно, изначально в роли оппонента Шульгина планировал выступить сам Эрмлер. По словам Фридриха Марковича, ему казалось, что с Шульгиным «должен сниматься я, а не актер и не какой-нибудь другой посторонний человек. Я, режиссер Эрмлер, должен появиться на экране и сказать зрителю, что и как. Я пробовал сниматься. Это вышло интересно. Но все-таки я от этой мысли отказался. Я подумал, что, выигрывая художественно, я в этом варианте проигрываю политически. Другое дело, если бы спор с Шульгиным вел бы человек одного века с ним и тоже политический деятель. Представьте себе, как получилось бы интересно, если бы был жив Кржижановский и с ним шел бы диалог! Ошибка была, по-моему, та, что не нужно было брать актера. В те дни я был растерян и не мог рассуждать так спокойно, как это делаю сейчас. Сегодня я бы ни за что не пошел на это»²⁷. В биографии Эрмлера, опубликованной А. Самойло-

25. ЦГАЛИ СПб. Ф. 166. Оп. 1. Д. 129. Л. 6–7. Доклад Ф. М. Эрмлера о работе над фильмом «Перед судом истории». 1965.

26. Козинцев Г. М. Слово о друге // Фридрих Эрмлер, Документы. Статьи. Воспоминания. Л., 1974. С. 295.

27. Эрмлер Ф. Заметки о фильме «Перед судом истории» // Фридрих Эрмлер... С. 185–186.

вым в 1970 году, говорилось о том, что режиссер снимал «Перед судом истории» уже будучи тяжело больным, и «если бы не болезнь, то, может быть, он сам — Эрмлер, художник и гражданин, — вступил бы в спор на экране. И он вел бы его только так, как мог его вести коммунист Эрмлер, — страстно и убежденно. Без сомнения, непосредственное участие в фильме самого режиссера как главного действующего лица помогло бы сделать этот спор еще более острым и достоверным, а весь фильм только бы выиграл в своей убедительности»²⁸. В итоге, как уже говорилось, роль оппонента Шульгина — Историка, сыграл ленинградский артист Сергей Свистунов. Свистунову, как и Шульгину, суждено было прожить долгую жизнь, он умер в апреле 2010 г. на 91-м году жизни.

Картина Эрмлера нашла положительную оценку у официальных партийных цензоров. В письме уже упоминавшемуся директору киностудии «Ленфильм» И. Н. Киселеву,²⁹ главного управления художественной кинематографии от 8 января 1965 г., в частности, говорилось о том, что «Фильм получил единодушную оценку как незаурядное, талантливое произведение нашей кинематографии. Авторы и режиссер поставили перед собой интересную, но крайне сложную задачу, выходящую за пределы обычных кинематографических жанров. Творческое сочетание художественного решения темы с документальностью материалов и кинематографическое воплощение, личное участие в фильме В. В. Шульгина, в прошлом одного из активных лидеров контрреволюции, — придало новой работе киностудии „Ленфильм“ необычайную достоверность и убедительность. Талантливость постановки проявилась в том, что Шульгин предстает перед зрителем не только как обломок прошлого, переживший политическое и моральное крушение, но и как человек в какой-то степени осознавший, что жизнь его была посвящена идеям враждебным прогрессу человечества... В своем завершенном виде кинокартине „Перед судом истории“ стала произведением объективно утверждающим силу ленинских идей, неизбежность и неотвратимость победы коммунизма... Фильм „Перед судом истории“, режиссер Ф. Эрмлер, сценарист В. Владимиров (при участии М. Блеймана) рекомендуется принять для демонстрации на союзном экране»³⁰. В свою очередь, директор киностудии «Ленфильм», И. Н. Киселев, рассматривал участие

28. Самойлов А. Фридрих Эрмлер. Л., 1970. С. 59. О болезни Эрмлера как факторе, мешавшем его работе, пишет и принимавший участие в создании сценария М. Ю. Блейман (Блейман М. Ю. О кино — свидетельские показания. М., 1973. С. 444).

29. В Ленинграде в кругах художественной интеллигенции И. Н. Киселев был известен под прозвищем «Дуче» (См.: Радзинский Э. С. О себе. М., 2008. С. 79).

30. ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 18. Д. 1228. Л. 7.

Шульгина в картине «Перед судом истории» как большую удачу — как свою личную, так и «Ленфильма»³¹.

Картина, несомненно, удалась. Зрители видели на экранах живую легенду: красивого старика, смело, ничего не боясь,³² отвечавшего на вопросы безымянного Историка, причем ответы на эти вопросы были честными и откровенными. Шульгин начисто переигрывал Историка, не смевшего выйти за рамки коммунистической идеологии,³³ никакой убежденности в правоте ленинских идей после просмотра фильма у зрителя не возникало. Напротив, тогда в середине 1960-х гг., люди, смотревшие «Перед судом истории», понимали, что история не может осудить человека, столь уверенно отстаивавшего свою позицию. «Все видевшие были по-

31. Из архива автора. Интервью с историком и драматургом Д. Н. Альшицем, другом И. Н. Киселева. 5 мая 2009.

32. Жуков Д. А. «Перед судом истории» и черная шляпа // Таинственные встречи. М., 1992. С. 100.

33. В беседе с автором этих строк недавно скончавшийся 90-летний артист С. П. Свистунов (1919–2010), игравший роль Историка в фильме, сказал: «Мне не хотелось бы об этом говорить. Этот фильм — одна из самых печальных страниц моей жизни. Меня засунули в фильм без сценария, назвали Историком без имени, я в фильме был как кукла без слов. Мне не хочется вспоминать об этом фильме, это очень печально, я в фильме практически не играл, фильм был кошмарен. Не понимаю, зачем все это нужно было Эрмлеру... «На просьбу автора подробнее рассказать о своем участии в картине, С. П. Свистунов повторил: „Мне очень тяжело об этом вспоминать. Меня заставили сниматься в нем, ввели в фильм, когда он уже снимался. Это — одна из самых печальных страниц моей жизни“» (Из архива автора. Интервью с С. П. Свистуновым. 30 мая 2009). В свою очередь, известный режиссер и театровед А. А. Белинский, консультировавший Эрмлера при его работе над фильмом, заявил следующее: «Я очень хорошо знал Эрмлера, создателя одной из величайших картин советского кино „Великий гражданин“. Картина оказалась ложью, как и вся эпоха, в которую верил Эрмлер. Эрмлер — профессиональный чекист — не просто это понял, он это так переживал, что от этого раньше умер. Кажется, что он эту картину и задумал для того, чтобы сказать в назидание потомкам свое, честное слово. Свистунову не надо было соглашаться сниматься в ней, а то, что он выглядел рядом с Шульгиным просто статистом — так это часть замысла режиссера. Режиссер имеет право на замысел и его реализацию в картине. Я утверждаю, что Эрмлер абсолютно сознательно делал фильм таким, как он получился. Он всю жизнь все делал искренне, такой он был человек. В последние годы он не просто передумал всю свою жизнь, он стал идейным антисоветчиком. Люди этого поколения были способны искренне пересмотреть свои взгляды даже на закате жизни. Пример — Михаил Ульянов, кристально честный и глубоко искренний человек...» (Из архива автора. Интервью с А. А. Белинским. 10 сентября 2010). Думаю, что не во всем можно согласиться с умнейшим Александром Аркадьевичем. Даже если принять его гипотезу об «антисоветизме» Эрмлера, то нужно принимать ее с оговоркой, а именно: в процессе работы над фильмом Шульгин в какой-то мере «первербовал» маститого режиссера, заразив его силой своей убежденности и подавив своим обаянием.

трясены Шульгиным. Его спокойствие, благородная осанка, здравый ум, ясная, умиротворенная память напрочь не соответствовали репутации, которую пытались приклеить к нему (в духе официозной трактовки) авторы фильма, — человека со „свалки истории“. И подсудимым он отнюдь не гляделся. Напротив, в споре, который назойливо навязывал ему „как бы историк“ (эту роль исполнял актер) — апологет Советской власти, — Василий Витальевич выглядел куда мудрее и достойнее своего собеседника. И куда живее. Мертвечиной несло как раз от последнего», — вспоминал свое впечатление от картины «Перед судом истории» общавшийся с Шульгиным М. Кушникович³⁴. Известный драматург Э. Радзинский писал об увиденном им фильме Эрмлера: «В картине „Перед судом истории“ впервые в советском кинематографе главным героем стал контрреволюционер, великая историческая личность Василий Шульгин... От лица режиссера Фридриха Эрмлера в кадре с ним пофемизировал ленинградский актер с прелестной для историка фамилией Свистунов. *Это была настоящая контрреволюция: немолодой человек говорил, что, несмотря на поражения, белогвардейцы сохранили главное — веру в правоту борьбы с коммунизмом* [Курсив мой. — Авт.]»³⁵. В свою очередь, другой известный драматург, Л. Г. Зорин в мемуарах высказывал свое мнение о картине: «...Фридрих Эрмлер задумал поставить „Урок истории“, снять ленту об этом поверженном враге [В. В. Шульгине. — Авт.] — в поучение и назидание. Замысел был четок и прост: вот перед вами жалкий обломок сметенной романовской России. Его поражение символизирует несокрушимость нового строя, вплетающая свой лавр в венок победителей. Все получилось наоборот. Древний, едва живой Шульгин был на экране настолько значительней, насколько мудрей своих оппонентов [в фильме, кроме Историка — артиста С. Свистунова, — в эпизоде еще появлялся и реальный персонаж — один из старейших членов коммунистической партии — Ф. Петров. — Авт.] — тусклых, плоских и косноязычных, и было в нем столько внутренней силы, не говоря уже о достоинстве, что фильм положили на полку»³⁶.

Курировавший фильм от КГБ генерал Ф. Д. Бобков вспоминал: «Материал, который мне показали на „Ленфильме“, был очень интересен. Шульгин прекрасно выглядел на экране и, что важно, все время оставался самим собой. Он не подыгрывал своему собеседнику. Это был смирившийся с обстоятельствами, но не сломленный и не отказавшийся полностью от своих убеждений человек. Почтенный возраст Шульгина не сказался ни на работе мысли, ни на темпераменте, не убавил и его сарказма. К сожалению, его

34. Кушникович М. Тот самый Шульгин // Родина. 1995. № 6. С. 54

35. Радзинский Э. В стране липипутов // Панорама. 2009. № 33. С. 24.

36. Зорин Л. Г. Авансцена: Мемуарный роман. М., 1997. С. 177.

оппонент, ведущий, выглядел рядом с ним очень бледно. Я встретился с Шульгиным в Москве, в квартире Вайнштока на улице Черняховского. Хозяин тепло принял нас, угощал блюдами собственного приготовления. Он был незаурядный кулинар. Разговор, естественно, зашел о фильме. Мне не хотелось напоминать Шульгину о прошлом, позади была очень нелегкая жизнь в лагерях, куда он попал после войны, да и он сам, похоже, не имел желания касаться этой темы. Помню, как Василий Витальевич с юмором вспоминал съемки, похвалялся своим „актерским мастерством“.

— Неужели меня Дума этому научила? — задал он вопрос как бы самому себе и рассмеялся. Потом зло и едко высмеял артиста, исполняющего роль историка-собеседника: бедняга зря усердствовал, убежденного коммуниста из меня все равно не получится.

— Я дал согласие на съемку, чтобы восстановить истину, а вовсе не для пропаганды, — заключил Шульгин.

Улучив момент, я осмелился задать вопрос: как он по прошествии стольких лет оценивает приход большевиков к власти? Немного помолчав, потом медленно, но многозначительно он сказал, что, конечно, не такого пути желал бы для России, но другого у нее, по-видимому, не было.

— Всяко об этом можно судить, — добавил Шульгин, — но откровенно, что не распалась в то тяжкое время Россия»³⁷.

Свой взгляд на фильм предложил в недавнем интервью журналу «Посев» и один из литературных секретарей В. В. Шульгина, политзаключенный Н. Н. Браун: «Для тех из нас, кто интересовался историей России, которая преподносилась нам всем в извращенном виде, кто был неравнодушен к судьбе своей страны, фильм был, как теперь говорят, „знаковый“. Он всколыхнул интерес и к гражданской войне, и к русской монархии, и к личности самого Шульгина. Режиссер Фридрих Эрмлер нашел неожиданный ход. Он решил в одной картине свести два противостоящих мира, он дал роли двум актерам, которые находились на противоположных полюсах. С одной стороны, предстал лидер белого движения, монархист Шульгин, — а он оставался монархистом до конца жизни. С другой стороны — советский историк (...) Сталкивая этих людей, Эрмлер подталкивал зрителя к возможным умозаключениям, в зависимости от того, кто по какую сторону баррикад находился. Историк — фигура отвлеченная, в фильме он не имеет имени. Это символ коммунистической идеологии. Шульгин — реальное лицо, участник событий, о которых говорит...»³⁸

Шульгин говорил в фильме об эмиграции, белом движении, Гражданской войне, об отречении от престола последнего царя, говорил

37. Бобков Ф. Д. КГБ и власть. М., 2003. С. 282–283.

38. Браун Н. «Перед судом истории» — депутат императорской Думы Василий Шульгин // Посев. М. 2008. № 2. С. 33.

не торопясь, с достоинством, четко формулируя свою позицию. Зрителей не могло не поражать, что Николая II именуют вовсе не Николаем Кровавым, а Николаем Александровичем, человеком умным и болевшим за Россию, и многое-многое другое. Поразительное впечатление производила ясность ума Шульгина, сила его логики, осанка, старорежимная речь, словом, все то, что обличало в этом человеке породу и принадлежность к уже исчезнувшему классу. Сама идея такого фильма, та свобода дискуссии, которая наблюдалась на протяжении всей картины, была возможна только в период оттепели. Однако, главные слова, которые произносил Шульгин, не попали в окончательный вариант фильма. В беседе со старым большевиком Ф. Н. Петровым, появившимся в кадре в финале картины, Шульгин говорил: «Во всяком человеке живет Зверь. Он есть во мне, но и в Вас, Федор Николаевич. Этот вселенский Зверь есть причина, почему свирепствуют войны и все, что с ними связано. Я же думаю, что единственный род войны, который не только допустим, но и обязательен, это жестокая борьба с самим собою, т. е. с звериными страстями, в нас находящимися»³⁹. Не попало в картину и «надгробное слово», произнесенное Шульгиным в память о трагедии в Екатеринбурге. Шульгина обманули. Задумка же партийных идеологов, поставить Шульгина перед судом истории не удалась. По словам историка Г. З. Иоффе, Шульгина «поставили „перед судом истории“ — но суд не получился...»⁴⁰ По оценке же другого историка, академика Ю. А. Полякова, «Шульгин в этом фильме, хотя ему была отведена роль „осколка, разбитого вдребезги“, не каялся, а спокойно и разумно рассказывал о пережитом, говорил о том, как изменилось время и как оно изменило его самого»⁴¹.

Однако даже несмотря на то, что цензура не пропустила многое из того, что было в сценарном тексте, фильм стал событием, он заставлял задуматься. Спустя считанные недели, фильм в срочном порядке положили на полку, изменились времена: к тому времени «дорогой Никита Сергеевич» уже был заменен на своем посту «дорогим Леонидом Ильичом», приближалось 50-летие Октябрьской революции, и к этому моменту все точки над «i» в оценках революции должны были быть расставлены. «Перед судом истории» уже не могла соответствовать духу эпохи. Картина попала под запрет. Председатель Государственного комитета по кинематографии А. В. Романов в июле 1965 г. составил записку об идей-

39. «Первое, что исчезнет, будет Ложь». Письма публициста и общественного деятеля В. В. Шульгина / Публикация В. П. Ярошецкой // Люди и судьбы на рубеже веков. Воспоминания. Дневники. Письма. 1895–1925. СПб., 2000. С. 285.

40. Иоффе Г. Василий Витальевич Шульгин // Новый журнал. Нью-Йорк. 2006. № 243. С. 225.

41. Поляков Ю. А. Апрель шестьдесят седьмого: страсти по Шульгину // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 118–119.

ных ошибках, содержащихся в фильме, а секретарь Владимирского обкома КПСС М. А. Пономарев даже обратился в ЦК с решительным осуждением показа «врага революции» на экране⁴².

Несмотря на краткое время показа, фильм успели посмотреть многие люди, потом пересказывавшие содержание ленты друг другу. Шульгин стал знаменитостью. Его узнавали, подходили, здоровались и в очередной раз просили рассказать о том, как он принял отречение у расстрелянного императора. Шульгин писал об этом: «На пороге пятидесятилетия со времени 2 (15) марта 1917 года мне суждено было (фильм „Пред судом истории“) на экране воспроизвести сцену отречения. Я прикован к креслу, где сидел уходящий монарх, цепью не стальной, сталь можно порвать, а неистребимым, нерасторжимым воспоминанием миллионов. Слух обо мне, действительно, по всему Советскому Союзу. Люди на улицах и площадях, указывая друг другу на меня, говорят или шепчут:

Смотрите, ведь это Шульгин!

Да, да! Тот, что в фильме...

„Пред судом истории“ ...

Пред судом... Но только неизвестно кто кого судит.

Понимаю. Ведь это он принял отречение Николая II.

Он. А убили его?

Другие. Об этом лучше не говорить.

Понимаю.

Разговор замолкает.

Да, я принял отречение для того, чтобы царя не убили, как Павла I, Петра III, Александра II-го... Но Николая II все же убили! И потому, и потому я осужден: Мне не удалось спасти царя, царичу, их детей и родственников. Не удалось! Точка я завернут в свиток из колючей проволоки, которая ранит меня при каждом к ней прикосновении»⁴³.

Но еще более интересно другое его наблюдение: «Судьба всех бывших подданных этого несчастного царя была навсегда с ним связана. Многие из них разделили, рано или поздно, его злосчастную судьбу, т. е. погибли насильственной смертью. Их убивали сначала за то, что они не приняли революции. Потом, т. е. несколькими годами позже, стали убивать и тех, что пошли за триумфальной колесницей, т. е. за Революцией. И те и другие были подданными царя Николая II. Разница была в том, что первые были верно-подданные; а вторые, если можно так сказать, „скверноподданные“. Судьба тех и других была одинакова: смерть, как последствие „крушения Империи“»⁴⁴.

42. Волков Е. В. «Гидра контрреволюции». Белое движение в культурной памяти советского общества. Челябинск, 2008. С. 356.

43. ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 304. Л. 41–53.

44. Там же. Л. 7–9.

Фильм «Перед судом истории» стал событием в киноискусстве. Остается только сожалеть, что он по-прежнему практически незнаком подавляющему большинству телезрителей. Мало того, что этот фильм сам по себе интересен, но он и позволяет взглянуть по-другому не только на Василия Шульгина, крупного мыслителя и политика, но и на эпоху, о которой рассказывает картина, — эпоху великих потрясений, удивительных прозрений и бессмысленных мечтаний, — эпоху Великой Русской Революции, о которой замечательно сказал сам Шульгин в одном из частных писем в 1966: «Я не коммунист и вижу глубокие тени после 50-летнего опыта насильственного его насаждения. Но я пережил одну революцию, и мне хорошо знакомы предреволюционные настроения. Они состоят в том, что все кажется тенью, светлых пятен нет! Переживать вторую революцию я не хочу. Я потерял вследствие революций 1917 года так много, что об этом лучше не вспоминать. Надо думать о том, что будет, если вспыхнет новая революция. Она неизбежно будет сопровождаться термоядерной войной, и этим все сказано. Какое же спасение от новой революции. Оно в Эволюции. Только одной, но роковой, буквой „Р“ надо пожертвовать, т. е. надо избежать грубой, кровавой и беспощадной ломки всего — и того, что отошло, и того, что положительного достигнуто ценой неслыханных страданий»⁴⁵.

Хорошо бы и нам всем научиться видеть в своей стране побольше «светлых пятен» и поменьше «глубоких теней»!

45. РГАЛИ. Ф. 2564. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 18–23.

КРИТИКА

В. М. МУХАНОВ

О БЕДНОМ КАВКАЗЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО:
О ТВОРЧЕСТВЕ З. Х. ИБРАГИМОВОЙ

Barbam video, sed philosophum non video

Авл Геллий (Aulus Gellius)

Для исторической науки распад Советского Союза имел свои характерные плюсы и минусы. Отдельные плюсы были видны сразу, в частности, произошло серьезное расширение палитры исследовательских тем, началась разработка тех проблем и тематик, которые в советское время были под запретом.

Минусы стали проявляться со временем, главным из которых стала вседозволенность, охватившая в 1990-е годы российское общество. Она добралась и до научной сферы, где проявилась в самых негативных, контрпродуктивных формах. Эта печальная тенденция видна невооруженным глазом и в исследованиях по кавказской проблематике.

История Кавказа крайне актуальна для современной России, она привлекает многих исследователей, придерживающихся разных подходов и применяющих различные методы, что могло бы только обогатить отечественную историографию, если бы некоторые из них не выходили за рамки приемлемого и допустимого в научной практике. Между тем острота всего, что связано с Кавказом вообще и политикой России на Кавказе, в частности, требует от ученых предельной академической корректности не только в суждениях, но и в самих приемах работы.

Тема Кавказа быстро попала в разряд модных и привлекла повышенное внимание, вследствие чего появилось огромное количество людей, претендующих на роль исследователей Кавказа и экспертов по различным кавказоведческим проблемам. Это стало возможным и в свете того, что неизбалованная российская публика готова была потреблять работы весьма низкого качества, не имея даже возможности сравнить и объективно оценить их.

Одной из подобных «исследовательниц», попытавшихся обратиться на себя внимание, если не качеством, то хотя бы количеством «трудов» стала Зарема Хасановна Ибрагимова. Ее первые работы появились еще десятилетие назад. На основе кандидатской диссертации, защищенной в 1998 г., вышла монография «Чечня после Кавказской войны (1863–75 гг.)»¹, вслед за которой сразу была представлена широкой публике работа «Эмиграция чеченцев в Турцию (60–70 гг. XIX в.)»². В 2005 г. З. Х. Ибрагимова опубликовала интересную статью о крупном религиозном деятеле Кавказа Кунта-Хаджи³. Первые работы Ибрагимовой были, конечно, небесспорны и заслуживали определенной критики, но именно как самостоятельные исследования, проведенные автором на основе широкой источниковой базы.

Однако со временем все поменялось, причем не в сторону повышения качества представляемых изданий. Сразу хотелось бы подчеркнуть, что в данном случае мы выбрали Ибрагимову как наиболее характерный пример того, до чего может скатиться современная отечественная историческая наука.

На сегодняшний день З. Х. Ибрагимова, как указано на ее персональном сайте, — кандидат исторических наук, сотрудник отдела «История народов Северного Кавказа» АН Чеченской республики, Комплексного НИИ РАН и Института Востоковедения РАН, в последнем она является не просто докторантом, но еще и ученым секретарем Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урала-Поволжья. Имея такую солидную визитную карточку, г-жа Ибрагимова за последние два года выпустила аж шесть книг, обозначенных ею как научные издания.

В 2009 году она опубликовала три книги под общим названием «Царское прошлое чеченцев»⁴, где попыталась осветить все стороны жизни дореволюционного Кавказа и различных направлений российской политики в регионе, т. е. далеко не только чеченцев. Поражает уже охват заявленных Ибрагимовой тем, среди них — и формирование российского административного аппарата на Кавказе, и описание военно-народной системы управления в регионе, и решение аграрного вопроса, и судебная реформа, и народные волнения в регионе и методы их подавления, миграционные процессы в регионе, сельское хозяйство и промышленное производ-

1. Ибрагимова З. Х. Чечня после Кавказской войны (1863–75 гг.). М.: Макс-Пресс, 2000.
2. Ибрагимова З. Х. Эмиграция чеченцев в Турцию (60–70 гг. XIX в.). М.: Макс-Пресс, 2000.
3. Ибрагимова З. Х. Кунта-Хаджи // Вопросы истории. 2005. № 12.
4. Ибрагимова З. Х. Царское прошлое чеченцев. Власть и общество. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2009; Ибрагимова З. Х. Царское прошлое чеченцев. Политика и право. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2009; Ибрагимова З. Х. Царское прошлое чеченцев. Наука и культура. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2009 (далее — ЦПЧ).

ство, транспортная инфраструктура региона, система образования культуры, просвещение, искусство и многое другое.

Следует признать, что набор тем и их широта потрясает воображение даже подготовленного читателя, на ум сразу приходит характеристика — *энциклопедия всей кавказской жизни до 1917 года* или *общекавказская энциклопедия*.

В прошлом году г-жа Ибрагимова решила не отступать от графика и предъявила широкой публике еще три книги с лаконичными, но опять-таки интригующими названиями — «Горцы», «Кавказцы» и «Чеченцы»⁵. Отметим, что ничего нового за исключением разделов, посвященных родственникам автора, читатель не найдет, наткнувшись на аналогичные части, уже просмотренные в предыдущих трех изданиях.

Близкое же знакомство с текстами Ибрагимовой приводит, мягко говоря, в шоковое состояние. Помимо откровенных заимствований у коллег целыми абзацами и страницами, её «труды» весьма незначительно опираются на обширную источниковую базу (в первую очередь, на архивные материалы), гордо представленную в конце каждой из ее многочисленных работ. Подавляющее большинство ссылок — при обилии представленных фондов из разнообразных архивохранилищ — идет на современные работы, многие из которых являются диссертациями и даже авторефератами. Создается устойчивое впечатление, что автор в ходе работы с многочисленными источниками просто разочаровался в них, и перешел к проверенным энциклопедиям и диссертационным исследованиям, с которыми вероятно и работать-то проще и эффективнее, а главное быстрее. Получается, что кто-то другой взял на себя все трудности по кропотливой и нудной работе в архивах. К примеру, целый раздел о А. П. Ермолове, который переходит из книги в книгу, написан без единой архивной ссылки, нет и упоминания в нём крупнейшей работы о «проконсуле Кавказа» такого признанного авторитета в области военной истории, как А. Г. Кавтарадзе⁶.

Сотрудники Центра кавказских исследований МГИМО (доктор исторических наук В. В. Дегоев, кандидат исторических наук М. А. Волхонский, кандидат исторических наук В. М. Муханов, кандидат исторических наук Н. Ю. Силаев) с удивлением обнаружили многие знакомые куски своего авторского текста в якобы эксклюзивных творениях Ибрагимовой, причем, без необходимых при цитировании кавычек.

5. Ибрагимова З. Х. Горцы. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2010; Ибрагимова З. Х. Кавказцы. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2010; Ибрагимова З. Х. Чеченцы. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2010.
6. Кавтарадзе А. Г. Генерал А. П. Ермолов. Тула, 1977.

Чтобы не быть голословными и в то же время не сильно превышать традиционный для рецензии объем, приведем несколько характерных примеров в табличном формате.

В. В. Дегоев⁷

Не в обиду нам будет сказано: необходимость разработки принципиально новой, пластичной методологии изучения Кавказской войны, способной вобрать и переплавить все ее невероятное, в том числе контрастное, многообразие, впервые осознали западные ученые. Они предложили выйти из круга традиционных объектов интереса историков, связанных с описанием необъятной фактографической картины войны в терминах «завоевательный» — «свободный»; «справедливый» — «несправедливый»; «прогрессивный» — «реакционный»; «отсталый» — «просвещенный»; «верный» — «ложный» и т. д.

В отдельных американских исследованиях последних лет Кавказская война рассматривается не как поле классического вооруженного столкновения, а как процесс сложного и во многом плодотворного взаимодействия людей, представляющих разные культуры, идеи, традиции.... Данная парадигма отражает сравнительно новое веяние западной гуманитарной мысли, получившее очень условное, и, вероятно, поэтому охотно принятое многими название «ориентализм».

Ориентализм — опять-таки осмысленный соответствующим образом — воспитывает глубоко

З. Х. Ибрагимова⁸

Западные ученые в своих исследованиях пришли к необходимости разработки принципиально новой, пластичной методологии изучения Кавказской войны, способной вобрать и переплавить все ее на первый взгляд «невероятное», в том числе контрастное, многообразие. Они предложили выйти из круга традиционных объектов интереса историков, связанных с описанием необъятной фактографической картины войны в терминах «завоевательный» — «свободный»; «справедливый» — «несправедливый»; «прогрессивный» — «реакционный»; «отсталый» — «просвещенный»; «верный» — «ложный» и т. д. В отдельных американских исследованиях последних лет Кавказская война рассматривается не как поле классического вооруженного столкновения, а как процесс сложного и во многом плодотворного взаимодействия людей, представляющих разные культуры, идеи, традиции. Данная парадигма отражает сравнительно новое веяние западной гуманитарной мысли, получившее название «ориентализм».

Ориентализм воспитывает глубоко диалектический взгляд на межкультурные границы, не как на непроходимые барьеры,

диалектический взгляд на межкультурные границы, не как на непроходимые барьеры, а как на стыковые зоны непростого, но все более интенсивного и благотворного общения, которое постепенно изменяет изначальный тип взаимоотношений, закладывая предпосылки для взаимопроницаемости, взаимообогащения и компромиссного сосуществования в рамках сверхструктур. Диалектика внутренней жизни этих сверхструктур выражается в сложном взаимодействии центробежных и центростремительных сил, образующих парадоксальное единство: чем больше разноименных элементов, заряженных энергией взаимоотталкивания, тем выше потребность в смягчении и примирении их с помощью емкой государственной оболочки, выполняющей функции третейской инстанции и плавильного котла. Это открывает новые возможности постижения цивилизационной природы и особенностей эволюции Российской империи, включая ее высокую жизнеспособность.

Интересно сравнить и текст Ибрагимовой с совместной работой В. В. Дегоева и Р. Ю. Ибрагимова «Северный Кавказ: постсоветские итоги как руководство к действию»:

В. В. Дегоев, Р. Ю. Ибрагимов⁹

Уникальное географическое положение испокон веков являлось для Северного Кавказа и благословением и проклятьем. Находясь в зоне умеренно континентального климата, отличаясь

а как на стыковые зоны непростого, но все более интенсивного и благотворного общения, которое постепенно изменяет изначальный тип взаимоотношений, закладывая предпосылки для взаимопроницаемости, взаимообогащения и компромиссного сосуществования в рамках сверхструктур. Диалектика внутренней жизни этих сверхструктур выражается в сложном взаимодействии центробежных и центростремительных сил, образующих парадоксальное единство: чем больше разноименных элементов, заряженных энергией взаимоотталкивания, тем выше потребность в смягчении и примирении их с помощью емкой государственной оболочки, выполняющей функции третейской инстанции и плавильного котла. Этот подход открывает новые возможности постижения цивилизационной природы и особенностей эволюции Российской империи, включая ее высокую жизнеспособность.

З. Х. Ибрагимова¹⁰

Уникальное географическое положение испокон веков являлось для Северного Кавказа и благословением и проклятьем. Находясь в зоне умеренно континентального климата, отличаясь

7. Дегоев В. В. Социально-политические вызовы XXI века и пути развития российского кавказоведения // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, МГИМО (У) МИД России 16–17 мая 2006 г. М., 2007. С. 30, 32.

8. Ибрагимова З. Х. ЦПЧ. Власть и общество. С. 109.

9. Дегоев В. В., Ибрагимов Р. Ю. Северный Кавказ: постсоветские итоги как руководство к действию. М., 2006. С. 29, 30.

10. Ибрагимова З. Х. Чеченцы. С. 61–62.

сбалансированным сочетанием гористо-лесистой местности, плодородной низменности и степного ландшафта, регион был почти идеальным местом для всех видов традиционного хозяйствования....Кавказ, как лакомый кусок сам по себе и перекресток торговых, переселенческих и культурных дорог, в истории всегда был яблоком раздора.

сбалансированным сочетанием гористо-лесистой местности, плодородной низменности и степного ландшафта, регион был почти идеальным местом для всех видов традиционного хозяйствования. Кавказ, как лакомый кусок сам по себе и перекресток торговых, переселенческих и культурных дорог, в истории всегда был яблоком раздора.

Приведем и один пример характерного использования Ибрагимовой текста из работы автора данной рецензии.

В. М. Муханов¹¹

Проект по вопросам реформирования, размещения и подчинения войск Кавказского корпуса... представляет собой не что иное, как программу будущих действий, предпринятых Барятинским уже на посту наместника России на Кавказе... особое внимание начальников должно быть обращено «на устранение медленности в делопроизводстве, а также необходимо бдительно наблюдать, чтобы казенные деньги, следующие, за что либо туземцам, были выдаваемы в срок, что теперь по сложности управления часто не исполняется и вселяет в Азиатцах невольную недоверчивость к нашей добросовестности». Также важно привлекать местное население материальными выгодами, в первую очередь, деньгами, за выполнение казенных работ, например, перевозку войскового провианта. Следующим моментом умиротворения являлось определение прав собственности

З. Х. Ибрагимова¹²

Проект по вопросам реформирования, размещения и подчинения войск Кавказского корпуса кн. Барятинского, представлявший собой программу будущих действий, предпринятых Барятинским на посту наместника России на Кавказе, появился в середине 1850-х гг. По мнению Барятинского, высказанному в этом документе, особое внимание должно быть обращено «на устранение медленности в делопроизводстве, а также необходимо бдительно наблюдать, чтобы казенные деньги, следующие, за что либо туземцам, были выдаваемы в срок, что теперь по сложности управления часто не исполняется и вселяет в Азиатцах невольную недоверчивость к нашей добросовестности...». А. И. Барятинский считал, что важно привлекать местное население материальными выгодами, в первую очередь деньгами, за выполнение казенных работ, например, перевозку войскового

и правильное размежевание земель, которое должно утверждать участки за владельцами с помощью официальных правительственных актов.

провианта. Следующим моментом умиротворения населения, по мнению князя Барятинского, являлось определение прав собственности и правильное размежевание земель, при котором необходимо закреплять участки с помощью официальных правительственных актов.

Воспроизводя текст из диссертации Волхонского, Ибрагимова дает на нее ссылку, но так, что у читателя невольно складывается представление, будто оттуда взята лишь неточно приведенная цитата из воспоминаний Кони.

М. А. Волхонский¹³

Смена курса национальной политики была окончательно закреплена при Александре III, в виде политики «русификации». Подводя политические итоги его царствования, председатель Комитета министров Н. Х. Бунге писал: «Император Александр III резче прежнего поставил начало „Россия должна принадлежать русским“. В этом проявилось без сомнения одно из стремлений не только русского общества, но и нашего времени. Во второй половине XIX в. космополитические взгляды конца XVIII и первой половины XIX столетия постепенно уступали сперва идее национальности, а потом стремлению преобладания одних племен над другими или поглощению слабейших племен господствующими...». На первый план в государственной идеологии, потеснив «имперскую» политическую идею, которая требовала, прежде всего, лояльности всех подданных без различия нацио-

З. Х. Ибрагимова¹⁴

Смена курса национальной политики была окончательно закреплена при Александре III, в виде политики «русификации». Подводя политические итоги его царствования, председатель Комитета министров Н. Х. Бунге писал: «Император Александр III резче прежнего поставил начало „Россия должна принадлежать русским“. В этом проявилось без сомнения одно из стремлений не только русского общества, но и нашего времени. Во второй половине XIX в. космополитические взгляды конца XVIII и первой половины XIX столетия постепенно уступали сначала идее национальности, а потом стремлению преобладания одних племен над другими или поглощению слабейших племен господствующими...». На первый план в государственной идеологии, потеснив «имперскую» политическую идею, которая требовала, прежде всего, лояльности всех подданных без различия нацио-

11. Муханов В. М. Полемика о методах покорения Северного Кавказа в середине 1850-х гг. и участие в ней князя А. И. Барятинского // Первые открытые исторические чтения «Молодая наука». Сборник статей. М., 2003. С. 69, 74.

12. Ибрагимова З. Х. ЦПЧ. Власть и общество. С. 241; Чеченцы. С. 82.

13. Волхонский М. А. Национальная политика и правительственные круги накануне и в годы первой русской революции. Диссертация ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 4–5.

14. Ибрагимова З. Х. ЦПЧ. Власть и общество. С. 289.

нальности и веры своему императору, вышла идея «национальной монархии», где русский царь должен править русскими подданными. В правительственных кругах многие понимали значение произошедших изменений, но не все их одобряли. Спустя некоторое время после своей отставки М. Т. Лорис-Меликов в беседе с А. Ф. Кони вспоминал: «Я говорил новому государю: „Под знаменем Москвы вы не соберете всей России, всегда будут обиженные. Разверните штандарт империи, — и всем найдётся равное место“...Гораздо, однако, опаснее возможность разложения на составные части России. Прежние государи это понимали и щадили окраины...»

Правительственную политику на Кавказе в 1880-е гг. она характеризует словами Силаева, опять же не закавычивая чужих слов, не указывая их автора, а лишь давая глухую отсылку к его диссертации.

Н. Ю. Силаев¹⁵

Итоги периода 1881–1888 гг. для Кавказа были противоречивыми. Если для Закавказья в результате ликвидации наместничества и роспуска Кавказского комитета были установлены общероссийские формы взаимодействия между центральными государственными органами и региональной администрацией..., то на Северном Кавказе аналогичные преобразования практически зашли в тупик. К концу 1880-х годов весь этот регион вновь оказался под контролем

нальности и веры своему императору, вышла идея «национальной монархии», где русский царь должен править русскими подданными. В правительственных кругах многие понимали значение произошедших изменений, но не все их одобряли. Спустя некоторое время после своей отставки М. Т. Лорис-Меликов в беседе с А. Ф. Кони вспоминал: «Я говорил новому государю: „Под знаменем Москвы вы не соберёте всей России, всегда будут обиженные. Разверните штандарт империи, — и всем найдётся равное место“...Опасна возможность разложения на составные части России. Прежние государи это понимали и щадили окраины...».

З. Х. Ибрагимова¹⁶

Итоги периода 1881–1888 гг. для Кавказа были противоречивыми. Если для Закавказья в результате ликвидации наместничества и роспуска Кавказского комитета были установлены общероссийские формы взаимодействия между государственными органами и региональной администрацией, то на Северном Кавказе аналогичные преобразования практически зашли в тупик. К концу 1880-х годов весь этот регион вновь оказался под контролем военного ведомства.

военного ведомства. Таким образом с точки зрения поставленной Петербургом задачи унификации по общероссийскому образцу форм взаимодействия северокавказской администрации с центральными государственными органами произошёл даже определённый откат назад, поскольку было полностью восстановлено значительно ослабленное к началу преобразований влияние военной администрации на коренное население Терской и Кубанской областей.

Помимо сотрудников Центра кавказских исследований МГИМО, от такого пристального внимания Ибрагимовой пострадал и ректор МГИМО, академик РАН, доктор политических наук А. В. Торкунов. «Исследовательница» использовала его статью, фактически открывающую сборник «Кавказ в российской политике», изданный по итогам международной конференции, прошедшей в МГИМО в 2006 г.

А. В. Торкунов¹⁷

Известная формула «за капиталом следует флаг», характерная для западноевропейских колониальных империй, не работала в империи Российской. Расширение ее пределов диктовалось не экономическими интересами нации, а политическими интересами государства... Несмотря на такой подход, Российская империя не пыталась «закрыть» Кавказ. Наоборот, именно контроль империи над этим регионом, в конечном счете, обеспечил туда доступ западноевропейскому капиталу. Сейчас очевидно, что этот процесс означал не про-

Таким образом, с точки зрения послевоенной Петербургом установленной задачи унификации по общероссийскому образцу форм взаимодействия северокавказской администрации с центральными государственными органами, произошёл даже определённый откат назад, поскольку было полностью восстановлено значительно ослабленное к началу преобразований влияние военной администрации на коренное население Терской и Кубанской областей.

З. Х. Ибрагимова¹⁸

Российская империя не пыталась «закрыть» Кавказ. Наоборот, именно контроль империи над этим регионом, в конечном счете, обеспечил туда доступ западноевропейскому капиталу. Сейчас очевидно, что этот процесс означал не просто экономическую эксплуатацию, но и распространение новых знаний, технологий, нового образа жизни, новых ценностей. «Имперский проект» не препятствовал, а скорее поощрял модернизацию Кавказа. Известная формула «за капиталом следует флаг», характерная для западноевропейских колони-

15. Силаев Н. Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции. Диссертация ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 182.

16. См. Ибрагимова З. Х. ЦПЧ. Власть и общество. С. 296–297.

17. Торкунов А. В. Кавказ в истории, политике, сознании: преемственность и современные реалии // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, МГИМО (У) МИД России 16–17 мая 2006 г. М., 2007. С. 11, 12.

18. Ибрагимова З. Х. ЦПЧ. Политика и экономика. С. 499–500.

сто экономическую эксплуатацию, но и распространение новых знаний, технологий, нового образа жизни, новых ценностей. «Имперский проект» не препятствовал, а скорее поощрял модернизацию Кавказа.

Оказались переписанными статьи и материалы сотрудников Центра кавказских исследований, а также материалы коллег, размещенные на страницах такого авторитетного издания, как «Кавказский сборник». В качестве примера возьмем статью М. А. Волхонского, опубликованную в 3-м томе сборника. У Ибрагимовой на протяжении двух страниц мы видим авторский текст Волхонского, с переставленными местами предложениями.

М. А. Волхонский¹⁹

Характерно, что выдвигавшиеся в правительственных сферах в 1890-х и 1900-х гг. проекты жесткой и быстрой «русификации» национальных окраин обычно встречали сопротивление, как в Комитете министров, так и в различного рода Особых совещаниях. Но, несмотря на это, сторонники прагматичного подхода к решению проблемы укрепления единства Российской империи не смогли изменить жесткий, прямолинейный характер национальной политики правительства.... Став министром и получив от императора определенный «карт-бланш» на проведение реформ-уступок благонамеренному обществу, Святополк — Мирский естественно попытался в числе прочего пересмотреть принципы политики правительства в отношении нерусского населения национальных окраин. В изданном 12 декабря 1904 г. по его инициативе указе «О пред-

ельных империй, не работала в империи Российской. Здесь все происходило наоборот — сначала политическое господство, а затем уже экономическая интеграция.

З. Х. Ибрагимова²⁰

Характерно, что выдвигавшиеся в правительственных сферах в 1890-х и 1900-х гг. проекты жесткой и быстрой «русификации» национальных окраин обычно встречали сопротивление, как в Комитете министров, так и в различного рода Особых совещаниях. Но, несмотря на это, сторонники прагматичного подхода к решению проблемы укрепления единства Российской империи не смогли изменить жесткий, прямолинейный характер национальной политики правительства.

Став министром и получив от императора определенный «карт-бланш» на проведение реформ-уступок благонамеренному обществу, П. Д. Святополк — Мирский естественно попытался в числе прочего пересмотреть принципы политики правительства в отношении нерусского населения национальных окраин. В изданном 12 декабря 1904 г.

19. Волхонский М. А. Первая русская революция и восстановление местничества на Кавказе // Кавказский сборник. Т. 3 (35). М., 2006. С. 91–92, 93, 94, 95.

20. Ибрагимова З. Х. ЦПЧ. Власть и общество. С. 291–292.

начертаниях к усовершенствованию Государственного порядка» в пунктах 6 и 7, содержалось обещание в ближайшее время пересмотреть правовое положение «инородцев» и «иноверцев».... Довольно быстро петиционная кампания охватила весь Кавказ.... В петиции кавказских мусульман, представленной в Комитет министров в начале 1905 г., говорилось о необходимости уравнения в правах с остальным населением России, о свободе образования и печати на родном языке, введении земского самоуправления, ликвидации остатков крепостной зависимости крестьянства, выборности духовенства и возвращения церковных имуществ (вакуфов) ...

Поставив в августе 1904 г. перед императором вопрос об изменении политики правительства в отношении населения национальных окраин, Святополк-Мирский не мог проигнорировать сложившуюся на Кавказе критическую ситуацию. В конце сентября 1904 г. докладывая «об ужасном положении Кавказа» министр, получил согласие Николая II о замещении Г. С. Голицына, который после покушения на него армянских революционеров фактически покинул свой пост и уехал в Петербург... «Насчет Кавказа был разговор, — записала в дневнике Е. Святополк-Мирская, — он (император) все не может решиться Голицыну сказать. Пепка (П. Д. Святополк-Мирский) посоветовал ему написать: „А то он вас перекричит“. Государь сказал: „И я умею кричать, а что же я ему напишу? Что я не хочу, чтобы его там убили? А он мне ответит, что он

по его инициативе указе «О предначертаниях и усовершенствовании Государственного порядка» содержалось обещание в ближайшее время пересмотреть правовое положение «инородцев» и «иноверцев». Довольно быстро петиционная кампания охватила весь Кавказ. В петиции кавказских мусульман, представленной в Комитет министров в начале 1905 г., говорилось о необходимости уравнения в правах с остальным населением России, о свободе образования и печати на родном языке, введении земского самоуправления, ликвидации остатков крепостной зависимости крестьянства, выборности духовенства и возвращения церковных имуществ (вакуфов) ...

Поставив в августе 1904 г. перед императором вопрос об изменении политики правительства в отношении населения национальных окраин, Святополк — Мирский не смог проигнорировать сложившуюся на Кавказе критическую ситуацию. «Насчет Кавказа был разговор, — записала в дневнике Е. Святополк-Мирская, — он (император) все не может решиться Голицыну сказать. Пепка (П. Д. Святополк-Мирский) посоветовал ему написать: „А то он вас перекричит“. Государь сказал: „И я умею кричать, а что же я ему напишу? Что я не хочу, чтобы его там убили? А он мне ответит, что он хочет пожертвовать жизнью“. В конце сентября 1904 г. докладывая «об ужасном положении Кавказа» министр, получил согласие Николая II о замещении Г. С. Голицына, который после покушения на него армянских революционеров фактически покинул свой пост и уехал в Пе-

хочет пожертвовать жизнью“». Наконец 19 ноября Николай II сообщил П. Д. Святополк-Мирскому, что «сказал Голицыну, чтобы он больше не ехал на Кавказ и... что Голицын ужасно обрадовался» ... Предложение Святополк-Мирского назначить на Кавказ Воронцова-Дашкова, вероятно, было обусловлено тем, что он принадлежал к тому же кругу петербургской «либерально настроенной» сановной бюрократии, куда входил и сам министр... Обострение ситуации на Кавказе... убедило Николая II, наконец, принять решение. 25 февраля 1905 г. император подписал Указ «О восстановлении должности Наместника Кавказского». На должность Наместника был назначен граф И. И. Воронцов-Дашков, который наделялся особыми полномочиями, как в гражданской, так и в военно-полицейской сферах управления.

Повторим, что Ибрагимова составила две страницы своей книги из опубликованной статьи Волхонского, лишь переставив местами несколько строк и разделив такой огромный массив чужого авторского текста тремя предложениями из кандидатской диссертации Е. Н. Крыловой, вставив их именно между двумя большими кусками текста Волхонского²¹.

Е. Н. Крылова²²

На следующий день после опубликования Указа Николай II согласился на отставку Святополк-Мирского с поста министра внутренних дел, предложив ему должность наместника на Кавказ... Несомненно, события

тербург. Наконец 19 ноября Николай II сообщил П. Д. Святополк-Мирскому, что «...сказал Голицыну, чтобы он больше не ехал на Кавказ и... что Голицын ужасно обрадовался». ... Обострение ситуации на Кавказе убедило Николая II, наконец, принять решение. 25 февраля 1905 г. император подписал Указ «О восстановлении должности наместника Кавказского». На должность Наместника был назначен граф И. И. Воронцов-Дашков, который наделялся особыми полномочиями, как в гражданской, так и в военно-полицейской сфере управления. Предложение Святополк-Мирского назначить на Кавказ Воронцова-Дашкова, вероятно, было обусловлено тем, что он принадлежал к тому же кругу петербургской «либерально настроенной» сановной бюрократии, куда входил и сам министр.

З. Х. Ибрагимова²³

В конце 1904 года Николай II согласился на отставку П. Д. Святополк-Мирского с поста министра внутренних дел, предложив ему должность наместника на Кавказе... Несомненно, события 9 января 1905 г.

9 января 1905 г. послужили поводом для отставки Святополк-Мирского, официально последовавшей 18 января 1905 г. Скорее всего, Николай II ждал подобного предлога, чтобы уничтожить политические перспективы Святополк-Мирского.

послужили поводом для отставки П. Д. Святополк-Мирского, официально последовавшей 18 января 1905 г. Скорее всего, Николай II ждал подобного предлога, чтобы уничтожить политические перспективы Святополк-Мирского.

Из многочисленных работ коллег, опубликованных в «Кавказском сборнике», и заимствованных Ибрагимовой, в качестве характерного примера выберем интересный очерк профессора КБГУ, доктора исторических наук П. А. Кузьмина из 2-го тома. В нем исследователь из Кабардино-Балкарии пишет о графе М. Т. Лорис-Меликове:

П. А. Кузьминов²⁴

...иногда он называл сам себя «хитрым армяшкой». Друзья также в шутку называли его «грузинским армянином» или «двойным армянином», намекая на то, что он органически впитал в себя лучшие качества грузинского и армянского народов....В 1602 году мелик Назар и мелик Дай Лорийские получили от персидского шаха Аббаса фирман, удостоверяющий их старые права владетелей Лори, но в обмен на эту милость братья обязались принять ислам. Впоследствии Лорис-Меликовы вернулись к христианству и продолжали состоять наследственными приставами Лорийской степи, входившей в состав Грузинского царства.

З. Х. Ибрагимова²⁵

Иногда он называл сам себя «хитрым армяшкой». Друзья также в шутку называли его «грузинским армянином» или «двойным армянином», намекая на то, что он органически впитал в себя лучшие качества грузинского и армянского народов....В 1602 году мелик Назар и мелик Дай Лорийские получили от персидского шаха Аббаса фирман, удостоверяющий их старые права владетелей Лори, но в обмен на эту милость братья обязались принять ислам. Впоследствии Лорис-Меликовы вернулись к христианству и продолжали состоять наследственными приставами Лорийской степи, входившей в состав Грузинского царства.

Раздел о генерале Н. И. Евдокимове²⁶, переходящий из одной книги в другую, составлен предприимчивой Ибрагимовой из различ-

21. См. Ибрагимова З. Х. ЦПЧ. Власть и общество. С. 291–292.

22. Крылова Е. Н. Петр Дмитриевич Святополк-Мирский и деятельность Министерства внутренних дел. Диссертация ... канд. истор. наук. СПб., 2006. С. 140, 176.

23. Ибрагимова З. Х. ЦПЧ. Власть и общество. С. 292.

24. Кузьминов П. А. М. Т. Лорис-Меликов на Кавказе // Кавказский сборник. Т. 2 (34). М., 2005. С. 109–110.

25. См. Ибрагимова З. Х. ЦПЧ. Власть и общество. С. 354, 355.

26. Ибрагимова не остановилась на достигнутом, т. е. на выпуске книг, и продолжала печатать свои «творения» даже в журналах из списка ВАК. См.

ных работ автора этих строк²⁷, а также из материала В. В. Русецкого, напечатанного в «Вестнике МГУ»²⁸. Приведем пару характерных примеров подобного составления:

В. М. Муханов²⁹

...главнокомандующий всегда отмечал и ценил заслуги Евдокимова. Даже когда поднимался вопрос о злоупотреблениях и казнокрадстве в соединениях, подчиненных последнему, князь Барятинский всегда брал под свою защиту исполнительно-го подчиненного. В конце концов, все обвинения, которые поднимались на самом высоком уровне, в частности в письмах императора и военного министра, снимались, так как Барятинский старался замять такого рода истории в армии. Также не стоит исключать вероятность того, что подобные слухи могли подогреваться завистью со стороны других представителей генералитета и офицерского корпуса к Евдокимову.

З. Х. Ибрагимова³⁰

Главнокомандующий всегда отличал и ценил заслуги Евдокимова. Даже когда поднимался вопрос о злоупотреблениях и казнокрадстве в соединениях, подчиненных последнему, князь Барятинский всегда брал под свою защиту исполнительно-го подчиненного. ... В конце концов, все обвинения, которые поднимались на самом высоком уровне, в частности в письмах императора и военного министра, снимались, так как Барятинский старался замять такого рода истории в армии. Также не стоит исключать вероятность того, что подобные слухи могли подогреваться завистью со стороны других представителей генералитета и офицерского корпуса к Евдокимову.

например: Ибрагимова З. Х. От нижнего чина до полного генерала // Военно-исторический журнал. № 11. 2010. С. 69–71.

27. См. Муханов В. М. Покоритель Кавказа князь А. И. Барятинский. М., 2007; Он же. Наброски к портрету генерала Н. И. Евдокимова // Кавказский сборник. Т. 5 (37). М., 2008. С. 137–165; Муханов В. М. Кавказская война через призму персональной истории генерала Н. И. Евдокимова // Российское общество: историческая память и социальные реалии: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. XIV Адлерские чтения-2008. Краснодар, 2008. С. 183–185; Муханов В. М. Генерал Н. И. Евдокимов как характерный представитель российской региональной элиты на Северном Кавказе // «Фелицынские чтения» (X): Материалы региональной научно-практической конференции. Краснодар, 2008. С. 95–100.

28. Русецкий В. В. Военно-административная деятельность Н. И. Евдокимова на Кавказе (1840–1860) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2009. № 2. С. 25–41.

29. Муханов В. М. Покоритель Кавказа князь А. И. Барятинский. М., 2007. С. 74.

30. Ибрагимова З. Х. ЦПЧ. Власть и общество. С. 283.

В. М. Муханов³¹

В 1850-е годы Евдокимов имел стойкую репутацию казнокрада, вызывая неудовольствие, как у непосредственного начальства, так и у императора (С. 147). ... именно с этого времени о нем стали говорить как о «нечистом на руку». Действительно, заведение горской милицией являлось одним из наиболее гарантированных «левых» источников дохода пристава или местного начальства. Небогатый Евдокимов, долгие годы вращавшийся в подобной среде, не мог отказаться от такого несложного обогащения... (С. 145).

Главными отличительными чертами Евдокимова в ходе продвижения по службе стало отменное здоровье, знание местных наречий и обычаев, сноровка и регулярно пополняемые практические знания в общении с горцами. Именно это спустя десятилетия привело Николая Ивановича на высшие посты кавказской администрации, превратив в главного специалиста по войне в горах (с. 139–140)... Продолжать военную службу в другой точке империи Евдокимов не мог и не хотел, поэтому и отказался от места командующего военным округом, предложенного ему императором Александром II. Оставшиеся 8 лет жизни генерал... провел в своем имении Новый Ведень... (с. 155–156).

Крайне вероятно, что многие российские кавказоведы, не знакомые еще с творчеством З. Х. Ибрагимовой, при чтении поразятся сходству различных частей ее необъятного текста с кусками своих

З. Х. Ибрагимова³²

В 1850-е годы Евдокимов имел стойкую репутацию казнокрада, вызывая неудовольствие, как у непосредственного начальства, так и у императора. О Евдокимове стали говорить как о «нечистом на руку» после назначения его на должность пристава. Действительно, заведение горской милицией являлось одним из наиболее гарантированных «левых» источников дохода пристава или местного начальства. Небогатый Евдокимов, долгие годы вращавшийся в подобной среде, не мог отказаться от такого несложного способа обогащения...

Главными отличительными чертами Евдокимова в ходе продвижения по службе стало отменное здоровье, знание местных языков и обычаев, сноровка и регулярно пополняемые практические знания в столкновениях с горцами. Именно это спустя десятилетия службы привело Николая Ивановича на высшие посты кавказской администрации, превратив в главного специалиста по войне в горах. ... продолжать военную службу в другом регионе империи Евдокимов не мог и не хотел, поэтому и отказался от места командующего военным округом, предложенного ему Александром II. Оставшиеся 8 лет жизни генерал провел в своем имении Новый Ведень.

31. Муханов В. М. Наброски к портрету генерала Н. И. Евдокимова // Кавказский сборник. Т. 5 (37). М., 2008. С. 139–140, 145, 147, 155–156.

32. Ибрагимова З. Х. ЦПЧ. Власть и общество. С. 283, 285.

статей, очерков и монографий, и с легкостью узнают свой авторский стиль, собственные характеристики и оценки в книгах, подписанных г-жой Ибрагимовой. Это касается доктора исторических наук Д. Ю. Арапова (МГУ), доктора исторических наук И. Л. Бабич и кандидата исторических наук Л. Т. Соловьеву (ИЭА РАН), доктора исторических наук З. М. Блиеву (СОГУ), кандидата исторических наук В. О. Бобровникова (ИВ РАН), кандидата исторических наук Л. С. Гатагову и доктора исторических наук Д. И. Исмаил-заде (ИРИ РАН), доктора исторических наук Ю. Ю. Карпова (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН), доктора исторических наук Ю. Ю. Клычникова и доктора исторических наук С. И. Линеца (ПГЛУ), доктора исторических наук В. В. Лапина (Санкт-Петербургский институт истории РАН), кандидата философских наук А. А. Цуциева (Владикавказский институт управления), доктора исторических наук И. И. Якубову (КБИГИ) и многих других авторитетных специалистов³³.

Остановимся на работах вышеуказанных экспертов, дабы привести хотя бы по одному характерному примеру нестандартного копирования Ибрагимовой.

Д. Ю. Арапов³⁴

ПСЗ представляет собой свод законодательных актов, расположенных в хронологическом порядке, по номерам и датам утверждения каждого акта царем или царицей. Составлением и изданием ПСЗ занималось II отделение Собственной Е. И. В. канцелярии (1826–1882)... Второе издание (собрание) ПСЗ выпускалось ежегодно с 1830 по 1884 гг. и охватывало более 60 тысяч законодательных актов с 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года.

З. Х. Ибрагимова³⁵

ПСЗ представляет собой свод законодательных актов, расположенных в хронологическом порядке, по номерам и датам утверждения каждого акта царём. Составлением и изданием ПСЗ занималось III отделение Собственной Е. И. В. канцелярии (1826–1882). Второе издание (собрание) ПСЗ выпускалось ежегодно с 1830 по 1884 гг. и охватывало более 60 тыс. законодательных актов с 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года.

Хотелось бы остановиться на этом примере поподробнее, так как в данном случае Ибрагимова довела свое списывание про-

33. В будущем мы планируем опубликовать более расширенные примеры нецитированных заимствований З. Х. Ибрагимовой из работ как вышеперечисленных, так и ряда других известных российских историков.

34. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Составитель и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д. Ю. Арапов. М., 2001. С. 33.

35. Ибрагимова З. Х. ЦПЧ. Власть и общество. С. 138.

сто до абсурда. Мало того, что она скопировала часть текста Д. Ю. Арапова, будучи не в состоянии самостоятельно охарактеризовать один из ключевых источников по отечественной истории, так она совершила еще и грубейшую фактическую ошибку. Ибрагимова при копировании перепутала номер отделения, которое занималось составлением ПСЗ. Естественно, что это второе или кодификационное отделение, занимавшееся составлением законов, а никак не печально известное третье отделение, которое занималось скорее контролем за исполнением и соблюдением законов в России и политическим сыском. Данные об отделениях Собственной Е. И. В. канцелярии даются еще студентам-историкам, грустно видеть такую научную беспомощность и безграмотность в исполнении докторанта.

Теперь открываем главу 8 книги «Северный Кавказ в составе Российской империи», написанную И. Л. Бабич, В. О. Бобровниковым и Л. Т. Соловьевой, и сравниваем:

И. Л. Бабич, В. О. Бобровников,
Л. Т. Соловьева³⁶

З. Х. Ибрагимова³⁷

Северный Кавказ нередко представляют отсталой и замкнутой окраиной дореволюционной России, этаким медвежьим углом, невосприимчивым к поздно дошедшим сюда нововведениям. Этот стереотип, созданный в русской литературе XIX в., рушится при внимательном изучении источников. В действительности регион чутко реагировал на все заметные перемены в общественном и политическом устройстве России. Сразу после окончания Кавказской войны на Северном Кавказе начался длинный ряд реформ... Эти преобразования определили ход развития местного общества и его положение в составе Российского государства более чем на полвека... Кавказ последней трети XIX в. послужил неплохим полигоном для теоретиков и практиков реформ. Впервые

Северный Кавказ нередко представляют отсталой и замкнутой окраиной дореволюционной России, этаким «медвежьим углом», невосприимчивым к поздно дошедшим сюда нововведениям. Этот стереотип, созданный в русской литературе XIX в., рушится при внимательном изучении источников. В действительности регион чутко реагировал на все заметные перемены в общественном и политическом устройстве России. Сразу после окончания Кавказской войны на Северном Кавказе начался длинный ряд реформ. Эти преобразования определили ход развития местного общества и его положение в составе Российского государства более чем на полвека. Кавказ последней трети XIX в. послужил неплохим полигоном для теоретиков и практиков реформ. Впервые

36. Бабич И. Л., Бобровников В. О., Соловьева Л. Т. Глава 8 // Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 185, 189.

37. Ибрагимова З. Х. ЦПЧ. Политика и экономика. С. 5–6.

примененная здесь система военно-народного управления впоследствии была перенесена в Западное Закавказье и Среднюю Азию, присоединенные позднее. ... До начала 1860-х гг. разные районы Северного Кавказа не имели единой администрации, налогообложения и судопроизводства. Наряду с общеимперским гражданским управлением существовало военное. Огромные территории, занятые горцами и казаками, управлялись Штабом при наместнике через офицеров Кавказской армии.

Ибрагимов целыми страницами копирует и неопубликованную докторскую диссертацию З. М. Блиевой, внося изредка лишь небольшие «поправки»:

З. М. Блиева³⁸

Во главе ее стоял главнокомандующий (он же — главноуправляющий, позже — наместник), ему подчинялся командующий Кавказской линией. При штабе командующего линией действовала особая Канцелярия для управления «мирными» горцами (г. Ставрополь), занимавшаяся текущими делами.... Среднее звено составляли приставы, низшее — владельцы и старшины... Однако приставская система была далеко не совершенной. На ее недостатки указывал еще А. П. Ермолов, предложивший в 1822 году в качестве альтернативы учредить в Большой Кабарде Временный кабардинский суд, наделенный судебными и административными полномочиями. ... Постепенный

примененная здесь система военно-народного управления впоследствии была перенесена в Среднюю Азию, присоединенную позднее. До начала 1860-х гг. разные районы Северного Кавказа не имели единой администрации, налогообложения и судопроизводства. Наряду с общероссийским гражданским управлением существовало военное. Огромные территории, занятые горцами и казаками, управлялись Штабом при наместнике через офицеров Кавказской армии, что было не очень эффективно.

З. Х. Ибрагимов³⁹

Во главе приставской пирамиды управления на Кавказе стоял главнокомандующий, ему подчинялся командующий Кавказской линией. При штабе командующего линией действовала особая Канцелярия для управления «мирными» горцами (в г. Ставрополь), занимавшаяся текущими делами. Среднее звено административной системы составляли приставы, низшее — старшины. Позитивную роль в динамике приживаемости нового аппарата управления играло стремление российской администрации к широкому привлечению, на первоначальном, послевоенном этапе, вайнахской знати к деятельности в административных и судебных учреждениях низшего, а иногда и среднего

38. Блиева З. М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII — 80-е годы XIX века. Дис. ... докт. ист. наук. Владикавказ, 2004. С. 399, 401, 403.

39. Ибрагимов З. Х. ЦПЧ. Власть и общество. С. 304–305.

отказ от приставского управления начинается в 50-е годы XIX века. Уже в 1852 году для Чечни, большая часть населения которой так и не приняла российских приставов, А. И. Бяратинский разработал проект нового устройства, позже получившего название «военно-народного управления». Во главе Чечни А. И. Бяратинский поставил российского офицера — «начальника чеченского народа», на нем лежали «заботы главного управления». Управление чеченцами российские власти осуществляли через окружных и сельских старшин, а также через Чеченский народный суд. После назначения А. И. Бяратинского на пост наместника на Кавказе, введенная им в Чечне административная система была объявлена образцовой. (с. 399)...

...В 60–70 — е гг. административное развитие *Центрального Кавказа* проходило в русле проводившихся на Кавказе реформ. *Их реализации на территории Терской области мешала, однако, существовавшая здесь военно-народная система управления*, в свое время установленная для горского населения. В связи с этим 1 января 1871 года был издан указ *об упразднении военно-народной управленческой структуры* в Терской области, все жители области...объединялись в единое управление. (с. 401).

...Наряду с этим позитивную роль в динамике приживаемости нового аппарата управления играло стремление российской администрации к широкому привлечению не только феодалской, но и тайповой знати к деятельности в административных и судебных учреждениях низшего, а иногда и среднего звена (с. 403) (выделено мной. — В. М.).

звена... Приставская система была далеко не совершенной. На ее недостатки указывал еще А. П. Ермолов, предложивший в 1822 году в качестве альтернативы для горцев учредить Временный народный суд, наделенный как судебными, так и административными полномочиями. Постепенный отказ от приставского управления начинается в 50-е годы XIX века. Уже в 1852 году для Чечни, большая часть населения которой так и не приняла российских приставов, А. И. Бяратинский разработал проект нового устройства, позже получившего название «военно — народного управления». Во главе Чечни А. И. Бяратинский поставил российского офицера — «начальника чеченского народа», на нем лежали «заботы главного управления». Управление чеченцами российские власти осуществляли через окружных и сельских старшин, а также через Чеченский народный суд. После назначения А. И. Бяратинского на пост наместника на Кавказе, введенная им в Чечне административная система была объявлена образцовой. В 60–70 — е гг. XIX века административное развитие *чеченского управления* проходило в русле проводившихся на Кавказе реформ. *Их реализации на территории Терской области мешала, по мнению руководства, существовавшая здесь военно-народная система управления*. В связи с этим 1 января 1871 года был издан указ *об упразднении военно-народного управления*, отныне все жители области объединялись в единое управление (выделено мной. — В. М.).

Использует Ибрагимова и докторскую диссертацию И. И. Якубовой:

И. И. Якубова⁴⁰

В начале 1822 г. один из чеченских кадиев Абдул-Кадыр пытался поднять восстание в Чечне, уверяя соплеменников, что через 4 месяца войска турецкого султана прогонят русских с Кавказа. Осенью 1822 г. Ахмед-хан Аварский сообщил чеченцам, что султан будто бы уже начал войну против России и что следующей весной он пришлет свои войска на помощь кавказским мусульманам, борющимся против «гяуров» — русских.

З. Х. Ибрагимова⁴¹

В начале 1822 г. один из чеченских кадиев Абдул-Кадыр пытался поднять восстание в Чечне, уверяя соплеменников, что через 4 месяца войска турецкого султана прогонят русских с Кавказа. Осенью 1822 г. Ахмед-хан Аварский сообщил чеченцам, что султан будто бы уже начал войну против России и что следующей весной он пришлет свои войска на помощь кавказским мусульманам, борющимся против «гяуров» — русских.

В коллективной работе ИРИ РАН «Национальные окраины Российской империи» Л. С. Гатагова и Д. И. Исмаил-заде написали главу о Кавказе, которую не обошла своим вниманием Ибрагимова:

Л. С. Гатагова,
Д. И. Исмаил-заде⁴²

6 января 1846 года высочайше утвержденные особые правила сформулировали права кавказского наместника. Во всех случаях, когда власть считалась превышенной, и требовалось разрешение или утверждение царя, наместник должен был обращаться к председателю Кавказского комитета. Последний, в зависимости от характера дел, докладывал их царю либо вносил на предварительное рассмотрение комитета. В данном случае известное совпадение прерогатив наместни-

З. Х. Ибрагимова⁴³

6 января 1846 года высочайше утверждённые особые правила сформулировали права кавказского наместника. Во всех случаях, когда власть считалась превышенной, и требовалось разрешение или утверждение царя, наместник должен был обращаться к председателю Кавказского комитета. Последний, в зависимости от характера дел, докладывал их царю либо вносил на предварительное рассмотрение комитета. В данном случае известное совпадение прерогатив наместни-

40. Якубова И. И. Политика России на Северном Кавказе в системе международных отношений в XVIII — первой половине XIX века. Диссертация ... докт. ист. наук. Нальчик, 2004. С. 393–394.

41. Ибрагимова З. Х. ЦПЧ. Политика и экономика. С. 186.

42. Гатагова Л. С., Исмаил-заде Д. И. Кавказ // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1998. С. 268.

43. Ибрагимова З. Х. ЦПЧ. Власть и общество. С. 277–278.

ка и функций Кавказского комитета нейтрализовалось тем, что циркуляры и распоряжения комитета должны были быть санкционированы наместником, без согласия которого не могло действовать на территории края ни одно из предписаний комитета. Тем не менее, на протяжении всего времени существования шло подспудное, а подчас и явное противодействие двух сил — централистской и региональной.

ка и функций Кавказского комитета нейтрализовалось тем, что циркуляры и распоряжения комитета должны были быть санкционированы наместником, без согласия которого не могло действовать на территории края ни одно из предписаний комитета. Тем не менее, на протяжении всего времени существования шло подспудное, а подчас и явное противодействие двух сил — централистской и региональной.

Порою Ибрагимова пытается вносить небольшие «уточнения» в заимствованный у других авторов текст.

В. В. Лапин⁴⁴

Начало деятельности Воронцова на Кавказе не внушало особого оптимизма: провал Даргинской экспедиции стал большим конфузом. Один из офицеров-участников войны отметил в своем дневнике, что на счету каждого кавказского генерала было около семи тысяч погубленных солдат, а разница в их полководческих талантах заключалась в том, что одни делали это в течение нескольких лет, «...а князь Воронцов сумел уходить семь тысяч своих же людей в один прием».

З. Х. Ибрагимова⁴⁵

Начало деятельности Воронцова *в качестве наместника* (выделено мной. — В. М.) на Кавказе не внушало особого оптимизма: провал Даргинской экспедиции стал большим конфузом. Один из офицеров-участников войны отметил в своем дневнике, что на счету каждого кавказского генерала было около 7 000 погубленных солдат, а разница в их полководческих талантах заключалась в том, что одни делали это в течение нескольких лет, «...а князь Воронцов сумел уходить семь тысяч своих же людей в один прием».

Но зачастую даже такие вмешательства в чужой текст оборачиваются более или менее существенным искажением его смысла, как в случае с последней монографией крупного петербургского этнографа Ю. Ю. Карпова «Взгляд на горцев. Взгляд с гор»:

44. Лапин В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008. С. 168.

45. Ибрагимова З. Х. ЦПЧ. Власть и общество. С. 268.

Ю. Ю. Карпов⁴⁶

Нередко, бравлируя тем, что является потомком Чингисхана, А. П. Ермолов в общении с «азиатами» представлял себя, как ему казалось, надлежащим образом. Из письма В. Д. Давыдову от 6 января 1820 г.: «Я приятное лицо мое омрачил густыми усами, ибо, не пленяя именем, небесполезно страшить наружностью. Здесь всякое безобразие у места... *Я многих, по необходимости, придерживался азиатских обычаев* и вижу, что проконсул Кавказа жестокость здешних нравов не может укротить мягкосердечием. И я ношу кинжал, без которого ни шагу. Тебе истолкует Раевский слово канлы, значащее взаимную нежность. Оно здесь освящено законом и утверждено временем, принято чистейшею нравственностью» (выделено мной. — В. М.).

Аналогичный пример — с очерками двух пятигорских историков Ю. Ю. Клычников и С. С. Линеца:

Ю. Ю. Клычников, С. С. Линец⁴⁸

Сам Батьянов был сторонником бескомпромиссной борьбы с мятежниками и без всяких эвфемизмов заявлял, что полагает «полезною мерою расстрелять из числа аманатов по пять человек каждого отложившегося аула». Он широко применял уничтожение запасов хлеба и сена,

З. Х. Ибрагимова⁴⁷

Нередко, бравлируя тем, что является потомком Чингисхана, А. П. Ермолов в общении с «азиатами» представлял себя, как ему казалось, надлежащим образом. Из письма В. Д. Давыдову от 6 января 1820 г. Ермолов писал: «Я приятное лицо мое омрачил густыми усами, ибо, не пленяя именем, небесполезно страшить наружностью. Здесь всякое безобразие у места... *Я в числе многих, по необходимости, придерживался азиатских обычаев* и вижу, что проконсул Кавказа жестокость здешних нравов не может укротить мягкосердечием. И я ношу кинжал, без которого ни шагу. Тебе истолкует Раевский слово „канлы“, значащее взаимную нежность. Оно здесь освящено законом и утверждено временем, принято чистейшею нравственностью» (выделено мной. — В. М.).

З. Х. Ибрагимова⁴⁹

Полковник Батьянов был сторонником бескомпромиссной борьбы с мятежниками и заявлял, что полагает «полезною мерою расстрелять из числа аманатов по пять человек каждого отложившегося аула». Он широко применял уничтожение запасов хлеба и сена, замечая, что это застав-

замечая, что это заставляет «одуматься многих» и *оказывает «одуряющее действие на население»* (выделено мной. — В. М.).

Берем в руки ценнейшую работу А. А. Цуциева «Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004)», и сравниваем:

А. А. Цуциев⁵⁰

Цель этой и всех последующих реформ на Кавказе — упрочнение «спаянности» Кавказа с империей. Однако две противоположные стратегии осуществления этой цели будут соперничать, иногда причудливо дополнять или циклически сменять друг друга, смещая общий курс имперской административной политики на Кавказе то к централизму и унификации управления, то к регионализму и децентрализации. ... Данные стратегии противоположны, но, безусловно, связаны одна с другой. Централизм и унификация, вызванные стремлением плотнее привязать Кавказ к империи, игнорируя его особенности, содержат явный дискриминационный мотив в отношении «туземных групп». Это ведет к росту отчуждения кавказцев от империи, развитию антирусских настроений / практик и, в итоге, к кризису управления многоэтничным регионом. Обращение к регионализму и децентрализации ослабляет напряженность, легитимирует культурное разнообразие и открывает Россию как страну для «коллективных возможностей» (а значит и как страну более свободную для «коллектив-

ляет «одуматься» многих и *препятствует оказанию «одуряющего действия на население»* (выделено мной. — В. М.).

З. Х. Ибрагимова⁵¹

Цель проведения реформ на Кавказе — упрочнение «спаянности» Кавказа с империей. Однако две противоположные стратегии осуществления этой цели будут соперничать, иногда причудливо дополнять или циклически сменять друг друга, смещая общий курс имперской административной политики на Кавказе то к централизму и унификации управления, то к регионализму и децентрализации. Данные стратегии противоположны, но, безусловно, связаны одна с другой. Централизм и унификация, вызванные стремлением плотнее привязать Кавказ к империи, игнорируя его особенности, содержат явный дискриминационный мотив в отношении «туземных групп». Это ведет к росту отчуждения кавказцев от империи, развитию антирусских настроений и, в итоге, к кризису управления многоэтничным регионом. Обращение к регионализму и децентрализации ослабляет напряженность, легитимирует культурное разнообразие и открывает Россию как страну для «коллективных возможностей» (а, значит и как страну более свободную для «коллективного соперничества»), что в итоге

46. Карпов Ю. Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб., 2007. С. 367–368.

47. Ибрагимова З. Х. ЦПЧ. Власть и общество. С. 246–247.

48. Клычников Ю. Ю., Линец С. И. Северокавказский узел: особенности конфликта потенциала. Пятигорск, 2006. С. 53.

49. Ибрагимова З. Х. ЦПЧ. Политика и экономика. С. 224.

50. Цуциев А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006. С. 18–19.

51. Ибрагимова З. Х. ЦПЧ. Политика и экономика. С. 5–6.

ного соперничества»), что в итоге ставит под сомнение общий смысл колонизации — русское политическое и культурное доминирование в периферийных национальных регионах. Как только единство империи оказывается под угрозой, ее стратеги вновь обращаются к централизму и унификации как спасительному укреплению самой несущей ее конструкции — самодержавию и русскости.

Ибрагимов не оставила без внимания и новейшие работы, посвященные внешней и внутренней политике Российской империи, в частности, исследования доктора исторических наук, профессора МГУ Л. Г. Захаровой и кандидата исторических наук Е. А. Правиловой. Игнорируя правила цитирования, она предоставляет себе полную свободу манипулировать чужими, не завыченными, текстами, переставляя фразы и складывая их по собственному разумению.

Л. Г. Захарова⁵²

Кавказ вообще в заботах Александра II о границах империи занимал большое (в первые годы царствования даже особое) место, о чем свидетельствует его интенсивная переписка с Бярятинским. В письме 2 января 1857 г. Александр II одобряет разработанный Бярятинским план энергичных военных действий на зиму — лето 1857 г. в Чечне и план казачьей колонизации на правом фланге. Он предоставляет полную самостоятельность Бярятинскому: «Решайте сами и на месте...» (с. 178). ...В целом между императором и наместником Кавказа было и взаимопонимание, и дружеское расположение. Бярятинскому почти всегда удавалось

ставит под сомнение общий смысл колонизации — русское поселенческое культурное доминирование в периферийных регионах. Как только единство империи оказывается под угрозой, ее стратеги вновь обращаются к централизму и унификации как спасительному укреплению самой несущей ее конструкции — самодержавию и русскости.

З. Х. Ибрагимов⁵³

...В целом между императором и наместником Кавказа было и взаимопонимание, и дружеское расположение. Бярятинскому почти всегда удавалось убедить императора в реальности и осуществимости своих планов, подкрепляя свои всеподданнейшие проекты, записки, письма сообщениями о победах «несравненных Кавказских войск» (здесь в книге Ибрагимовой стоит ссылка на статью Л. Г. Захаровой. — *В. М.*).

А. И. Бярятинский

Кавказ в заботах Александра II о границах империи занимал большое (в первые годы царствования даже особое) место,

убедить императора в реальности и осуществимости своих планов, подкрепляя свои всеподданнейшие проекты, записки, письма сообщениями о победах «несравненных Кавказских войск» (с. 187).

...Благоприятный для России исход Кавказской войны актуализировал среднеазиатскую проблему в политике Александра II. Продвижение в этом регионе, развитие экономических связей с другими странами Востока в представлении значительной части правящих кругов России и общества, давали возможность укрепить военно — политический престиж России и создать предпосылки для нажима на основного соперника — Великобританию... (с. 147)... Хотя окончательно границы империи определяются в Средней Азии к середине 1880-х годов, однако именно в царствование Александра II и уже к середине 70-х годов Россия укрепится в среднеазиатском регионе и решит многие проблемы освоения этого края (с. 149)

Е. А. Правилова⁵⁴

В 1856 году было решено вовсе освободить от ревизии Государственного контроля отпускаемые в распоряжение наместника средства на «чрезвычайные» и «полезные для края» мероприятия. В 1859 году в связи с реформой местной администрации и введением в действие Положения о Главном управлении наместника Кавказского Госкон-

о чем свидетельствует и интенсивная переписка с князем Бярятинским. Он предоставляет Бярятинскому: «Решайте сами и на месте...». ...И, действительно, благоприятный для России исход Кавказской войны актуализировал среднеазиатскую проблему в политике Александра II. Продвижение в этом регионе, развитие экономических связей с другими странами Востока в представлении значительной части правящих кругов России и общества, давали возможность укрепить военно — политический престиж России и создать предпосылки для нажима на основного соперника — Великобританию. Хотя окончательно границы империи определяются в Средней Азии к середине 1880-х годов, однако именно в царствование Александра II и уже к середине 70-х годов Россия укрепится в среднеазиатском регионе и решит многие проблемы освоения этого края (здесь также стоит соответствующая сноска. — *В. М.*)

З. Х. Ибрагимов⁵⁵

В 1856 году было решено вовсе освободить от ревизии Государственного контроля отпускаемые в распоряжение наместника на Кавказе средства на «чрезвычайные» и «полезные для края» мероприятия. В 1859 году в связи с реформой местной администрации и введением в действие Положения о Главном управлении наместника Кавказского

52. Захарова Л. Г. Александр II и место России в мире // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 178, 187; № 4. С. 147, 149.

53. Ибрагимов З. Х. ЦПЧ. Власть и общество. С. 237–238.

54. Правилова Е. А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917. М., 2006. С. 117.

55. Ибрагимов З. Х. ЦПЧ. Власть и общество. С. 236.

троль был лишен возможности следить за деятельностью местных властей. В составе Главного управления наместника был учрежден особый контрольный департамент, не подчиненный центральному ведомству, а подотчетный начальнику Главного управления. Контрольному департаменту следовало проверять деятельность той самой администрации, частью которой он являлся. *Этот аспект реформы управления краем вызвал больше всего недоумения у современников и исследователей...* (выделено мной. — В. М.).

Созданная Бярятинским система финансового управления практически освободила его от необходимости согласовывать действия с Министерством финансов: в своем распоряжении наместник имел всю совокупность доходов края, включая возможные остатки, а также гарантированные пособия на экстраординарные и «полезные» мероприятия. Контроль расходования средств бюджета практически отсутствовал...

Выше приведена лишь малая часть заимствований, встречающихся в книгах Ибрагимовой. Счет их идет на десятки, если не на сотни, и невозможно рассмотреть здесь каждый подобный случай. Складывается впечатление, что вся трилогия «Царское прошлое чеченцев» составлена Ибрагимовой из фрагментов чужих исследований (возможно, с вкраплениями из ее прежних работ). Размер этих фрагментов самый разнообразный: от одного — двух предложений до нескольких абзацев и даже страниц. Причем, обычно (но далеко не всегда) Ибрагимова, не ставя кавычек, фактически тут же указывает в сноске, откуда именно взят тот или иной текст. Однако трудно поверить, что докторант и ученый секретарь Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урала-Поволжья Института востоковедения РАН не знает элементарных правил цитирования. Впрочем, трудно поверить и в то, что подобного рода «научные издания» могут выходить под грифом Института востоковедения РАН, да еще в качестве «монографий». По жанру эти издания ско-

Госконтроль был лишен возможности следить за деятельностью местных властей. В составе Главного управления наместника был учрежден особый контрольный департамент, не подчиненный центральному ведомству, а подотчетный начальнику Главного управления. Контрольному департаменту следовало проверять деятельность той самой администрации, частью которой он являлся. Созданная князем Бярятинским система финансового управления практически освободила его от необходимости согласовывать действия с Министерством финансов: в своем распоряжении наместник имел всю совокупность доходов края, включая возможные остатки, а также гарантированные пособия на экстраординарные и «полезные» мероприятия. Контроль расходования средств бюджета практически отсутствовал. *Этот аспект реформы управления краем вызвал больше всего недоумения у современников и исследователей...* (выделено мной. — В. М.).

рее напоминают «хрестоматию» или эклектичный «свод» различных научных сочинений.

Любопытно также, что в своих историографических обзорах Ибрагимова ставит в кавычки, как правило, лишь те суждения своих коллег, с которыми она не согласна. Как ни странно, заимствуя целыми кусками тексты из трудов вышеперечисленных ученых, Ибрагимова яростно критикует их взгляды, а некоторым из них даже не стесняется предъявлять демагогические обвинения в разжигании межнациональной и межрелигиозной розни⁵⁶.

В конечно счете, дело даже не в З. Х. Ибрагимовой, а в том, что подобные «явления» стали в научном сообществе, если еще не нормальными, то уже привычными. Склеивание псевдоисследовательских работ из отрывков чужого текста популярно не только в современном кавказоведении. Изменить ситуацию может лишь возрождение полноценных дискуссий, как на научных конференциях, так и на страницах академических изданий. Необходимо и скорейшая реанимация практически забытого сегодня жанра критической рецензии.

Признаемся, что жанр рецензии сильно захирел и превратился в некий анахронизм. Речь идет не только о «плохой», но и «хорошей» рецензии. Оценочные категории почти исчезли из обихода многих рецензентов научных работ. По большому счету, большинство рецензий превратилось в краткие аннотации с дежурными указаниями на «беспорные достоинства» и «незначительные недостатки» или весьма схематичные обзоры, из которых можно узнать только содержание рассматриваемой работы. Вместо этого важно, чтобы там анализировалась бы авторская концепция, способы ее аргументации и новизна. Вполне вероятно, что пересмотр редакционной политики крупных академических изданий в сторону увеличения места и объема самих рецензий уже окажет благоприятное влияние на сложившуюся сейчас ситуацию.

Автору этих строк остается только надеяться, что представленная здесь на читательский суд рецензия будет оценена как приглашение к дискуссии, объективный запрос на которую уже давно существует. В случае же дальнейшего бездействия научного сообщества и пребывания в состоянии «премудрых пескарей» его авторитетных, но неинициативных представителей наиболее точно отражать сложившуюся ситуацию станет известная фраза Сенеки — *Quae fuerant vitia, mores sunt*.

56. Ибрагимова З. Х. ЦПЧ. Власть и общество. С. 89, 90.

Гравированные и литографированные портреты из коллекции Ф. Ф. Вигеля (Польша) из собрания Научной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова / Автор проекта И. Л. Великодная; авторы-сост. И. Н. Врубель, Е. В. Зименко. М., 2008.

Представленное издание открывается вступительной статьей, раскрывающей личность коллекционера Филиппа Филипповича Вигеля (автор Е. В. Зименко), а также даются пояснения к критериям отбора материала (автор И. Н. Врубель). Важнейшей и обширнейшей частью публикации является собственно каталог, охватывающий 110 позиций, из которых 61 снабжена иллюстрациями. Пользование каталогом облегчают указатели граверов и художников, к которым добавлены краткие биографические сведения. Издание каталога было представлено во время выставки «Многоликая Польша» в Московском Доме графики с 18 сентября по 3 октября 2008 года, показанной в рамках Сезона польской культуры в Москве — «Россия—Польша: диалог культур».

Создатель собрания Филипп Филиппович Вигель (1786–1856) был государственным чиновником, а также мемуаристом, описывавшим события художественной и интеллектуальной жизни тогдашней России. Особо увлекался генеалогией, чему прекрасным дополнением служил подбор графических портретов выдающихся лиц — как русских, так и европейских. Вигель собрал более трех тысяч гравюр и около восьмисот рисунков, которые под конец жизни в 1853 году передал Московскому университету. Эта сугубо портретная коллекция была систематизирована им по тематике и формату, начиная с портретов русских царей и сановников, европейских императоров, королей и князей; духовенства и богословов, заканчивая чиновниками, деятелями искусства и учеными (С. 105–106). Со временем в университете коллекция подверглась реорганизации и была разложена в алфавитном порядке портретируемых лиц. Русская часть собрания была включена в словарь Дмитрия Александровича Ровинского¹, который обнаружил ряд редких оттисков (С. 106). В 1970–1980-е годы собрание, в русской своей части, подверглось новой обработке Н. Г. Сапры-

1. Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. 1–4. СПб., 1886–1890.

киной, которая составила его научный каталог². В настоящее время предпринимается попытка восстановить исходную владельческую систематизацию — портреты систематизируются в алфавитном порядке изображенных лиц, но с учетом того, какую страну или правящий дом они представляют. Следует оценить по достоинству этот трудоемкий подход, позволяющий наилучшим образом отразить замысел коллекционера, а также оценить истинное содержание портретного собрания. Гравюры для Вигеля, видимо, играли, скорее, справочную, иллюстративную роль при чтении им мемуаров или занятиях генеалогией, нежели роль художественную и оригинальную, которая оказывалась чаще всего на втором плане. Таков был замысел Вигеля, создателя коллекции. К уже принятым попыткам систематизации присоединяется обработка остальной — иностранной — портретной части коллекции. Научная инициатива, относящаяся, прежде всего, к портретам, связанным с историей Польши, принадлежит безвременно ушедшей от нас исследовательнице Ирине Николаевне Врубель, которой и посвящено указанное издание.

Ирина Николаевна Врубель детально описала принципы отбора материала. Удачно оказались в каталоге личности, связанные с историей Гданьска или Королевской Пруссии. И хотя портрет великого князя Константина Павловича присутствует в книге, отсутствуют портреты царей Александра Первого и Николая Первого — коронованных польских королей. Несомненным остается тот факт, что эти портреты входили в состав коллекции, ибо невозможно себе представить, чтобы Вигель не имел портретов современных ему власть имущих лиц. В то же время необоснованным кажется присутствие в каталоге саксонских принцесс — жён французских или испанских Бурбонов.

Каталог, как уже упоминалось, предваряет обширное вступление, в котором объясняется принятый в нем порядок описания портретов, а также употребленных сокращений библиографических источников. Портреты расположены в алфавитном порядке портретируемых особ с датами жизни и краткой биографией. В описании гравюр присутствуют различные подписи, даты, а также состояние отпечатков. Авторы каталога заслуживают благодарности за полную цитацию различных подписей и снабжение их переводом.

Однако наблюдается недостаток последовательности в некоторых вышеуказанных принципах. Женщины, например, обозначаются в одном случае по имени: Кристина Эберхардина — кат. 26 (36)³, в другом по девичьей фамилии: Мария Клементина Собеская —

2. Сапрыкина Н. Г. Коллекция портретов Ф. Ф. Вигеля: Гравюра и литография XVIII — первой половины XIX века. М., 1980.

3. Ссылки на каталог даны согласно русской версии, в скобках номера позиции согласно нумерации в польской версии.

кат. 36 (43), в третьем по фамилии мужа: Элеонора Мария Жозефа Корибут-Вишневецкая кат. 66 (20), а также с указанием страны происхождения: Барбара Польская — кат. 7 (7) либо владения: Мария Жозефа Каролина Саксонская — кат. 34 (42). Иногда имеет место двойная идентификация, указывающая фамилию и страну происхождения: например Радзивилл Мария Волошская — кат. 46 (58). При указании имен владетельных особ мужского пола разнородность в описании встречается уже реже (принцы из саксонской династии). Иногда имя снабжается либо фамилией рода: Генрих III Валуа — кат. 11 (26), либо страной владения: Альбрехт Бранденбургский — кат. 4 (2). В ряд владетельных особ должна была быть включена Марина из Мнишкув, жена Дмитрия Самозванца, фигурирующая в каталоге под родовой фамилией — кат. 38 (45). Несомненным упущением является включение епископа Конинского под именем, принятым в монашестве — кат. 12 (24) и увязка герба Корвин с фамилией Коссаковский — кат. 24 (34).

К сожалению, избыток деталей часто понижает читабельность каталога. Ясности способствовало бы удаление неоднократно повторяемых инициалов авторов гравюр, либо сокращений этих инициалов: П. Шенк — кат. 26 (36).² — и так включенных позднее в воспроизведение подписей. Описывая оригиналы портретов, не лишним было бы подумать над употреблением (а часто и над чрезмерным употреблением) слова «оригинал». Согласно авторам, оригиналом может быть как рисунок и картина, написанная маслом, так и собственная графика автора, что ведет к определению типа «оригинал с натуры» — кат. 19 (10). При описании состояния оттисков можно было бы сократить запись, подавая только максимальные размеры с указанием: «обрезано вокруг гравюры», а также «наклеено на паспарту» (судя по иллюстрациям, это касается многих гравюр). Переводы подписей, размещенных под произведениями, в основном, размещаются в рамках каталожной статьи, хотя часто появляются и в ссылках — кат. 19 (10). Фамилии переводчиков могли бы быть размещены в одном месте, необязательно в каждой позиции каталога. В очень подробных описаниях портретов и самих гравюр временами появляются пробелы. Например, не достаёт перевода автографа Марины Мнишек — кат. 38 (45) или информации об автографе ее мужа — кат. 27 (17). Случается и неправильная интерпретация автографов. В случае с портретом Каловиуса — кат. 19 (10) пропущена фамилия соавтора Иоганна Каспара Хокнера (Johann Caspar Hockner), очевидная в свете прикрепленной подписи и принятая в графических лексиконах⁴.

4. Hollstein's German Engravings, Etchings and Woodcuts. Vol. VIII. (Dürer — Friedrich). № 60; Hollstein's German Engravings, Etchings and Woodcuts. Vol. XIII-A (Jacob van der Heyden — Nicolaus Hogenberg). № 6 с датой 1653 обозначает первое состояние гравюры.

Гравировщица Филиппен Иоганна Доротея, урожденная Сюзанг, хоть и была замужем за Филиппом, но в лексиконах чаще всего выступает под девичьей фамилией, а не под фамилией мужа (С. 61, 157). Приходится пожалеть, что нет описей филигранных, хотя, вероятно, это было сделать невозможно из-за того, что многие гравюры наклеены на паспарту.

Самые главные замечания по существу работы с графическими оттисками касаются авторства гравюр, числящихся до сих пор анонимными, а именно — группы портретов из издания *Theatrum Europaeum*. В этих случаях авторы чаще всего делают ссылки на записи из подробного каталога польских портретов из собраний Народной Библиотеки в Варшаве⁵, в которых не указаны авторы гравюр из этого издания. В то же время монография, посвященная творчеству Матиаса Мериана Старшего, определяет это выдающееся многотомное издание как продукт семьи Мериана, имеющий свое продолжение в деятельности его наследников, без идентификации авторства отдельных гравюр⁶. Согласно записям каталога, значительно бы увеличилось количество гравюр, связанных с творчеством Каспара Мериана Младшего либо Матиаса Мериана Младшего. В сведениях о граверах оба сына Мериана Старшего (в индексе: С. 60, 157) оказались объединены в одной особе швейцарского (?) гравера Каспара Матиаса Мериана Младшего.

Проблему временами составляют записи, описывающие оригиналы портретов, особенно указания о заимствованиях. Графические портреты, употребленные как книжная иллюстрация — а именно такие преобладают в собрании Вигеля, — являются чаще всего повторением существовавшей прежде графики, не носящей характер репродукции конкретной картины, выполненной на заказ. Авторы чаще всего правильно отсылают к графическому оригиналу, однако иногда, указывая живописные портреты, совершают чрезмерное упрощение. Подобным образом, как и в случае с гравюрами из издания *Theatrum Europaeum*, эти предположения сделаны в соответствии с утверждениями, имеющими место в портретных каталогах Народной Библиотеки. Однако варшавские авторы в этом случае обошли какую-либо аргументацию по поводу указанных живописных оригиналов.

Надо признать, что ряд очередных живописных и графических портретов бывает труден для определения. Обязательно, однако, должны быть предприняты попытки определения детальной зави-

5. Katalog portretów osobistości polskich i w Polsce działających (Katalogi Zakładu Zbiorów Ikonograficznych Biblioteki Narodowej. Grafika 1). 1–7, + suplement. Warszawa, 1990–1998.

6. Als Unsterblich Ehren-Gedachtnis Zum 400. Geburtstag Des Hochberühmten Delineatoris (Zeichners), Incisoris (Stechern) et Editoris (Verlegers) Matthaeus Merian des Aelteren. Worin eygentl. beschrieben u. abgebildet wird sein ganzes Leben... Frankfurt am Main — Basel, 1993. S. 272–275. № 210–216.

симости, ибо они имеют значительное влияние прежде всего на датировку. Примером характерной ошибки остается портрет Стефана Батория — кат. 55 (64). Анонимная гравюра, — в противовес описанию, данному в каталоге, датирующаяся XVIII веком, — возникла под рукою мастера гравюр на меди Мартина Бернигерота и была использована в работе: Franz C. Khevenhiller *Annales Ferdinande* (Leipzig, 1721–1726), в свою очередь, основанной на портрете издательства Томаша Третьера *Regum Poloniae Icones* (Romae, 1591)⁷. Влияние этого цикла, а также его связь с графическими портретами Батория с 1589 года, на которые ссылается каталог, является неизменным предметом многочисленных научных разработок⁸. В то же время трудно, по причине недостатка данных, идентифицировать королевский портрет из Кракова: работа Кобера в монастыре Ксендзов Миссионеров имеет дату 1583 года, а не 1586.

Хорошим примером сложных отношений между графикой и живописью является портрет Ежи Себастьяна Любомирского — кат. 30 (37). Вопрос о том, что было первичным: живописный портрет в Королевском замке в Варшаве воспроизводит гравюру, или гравюра возникла как копия живописного портрета, — остается практически открытым⁹. Примером, иллюстрирующим документальное значение графики XVII века, является зависимость между портретом Яна Радзивилла и картиной Даниэля Шульца — кат. 48 (55).1–2. Конечно, скорее всего, гравюры повторяют картину, и, конечно, с помощью графики Виллема Хондиуса с 1652 г., однако, здесь речь не о несвижском полотне, находящемся в Национальном художественном музее Республики Беларусь в Минске, на котором Радзивилл изображен в контуше. Невозможным представляется тот факт, чтобы график так решительно изменил не только наряд, но и прическу своего героя. Укажем в скобках, что автор монографии о Шульце недостаточно критично связала минскую картину с гравюрой на меди Хондиуса¹⁰, тем самым понижая *oeuvre* выдающегося художника на целую несохраненную картину.

Продолжая наше обозрение оригиналов, от иллюстративных графических портретов до живописных полотен, можем указать таковые и для нескольких портретов из *Theatrum Europaeum*. Скорее всего, медная гравюра Пауля Понтиуса, сделанная по портрету королевича Владислава кисти Питера Пауля Рубенса, сыграла свою роль в возникновении портрета короля Владисла-

7. Komornicki E. S. Essai d'une iconographie du roi Etienne Batory. Cracovie, 1935. P. 58. № 74.

8. Литература собрана в: Chrzanowski T. Działalność artystyczna Tomasza Tretera. Warszawa, 1984. S. 159–172.

9. Juszcak D., Małachowicz H. Zamek Królewski w Warszawie. Katalog zbiorów. Warszawa, 2007. S. 256–257. № 152.

10. Steinborn B. Malarz Daniel Schultz. Gdańszczanin w służbie królów polskich, Warszawa 2004. S. 35. № 218–219.

ва IV — кат. 10 (65).2 — см. картину из Музея искусств Метрополитен в Нью-Йорке, являющуюся авторской копией этого произведения, ныне находящейся в качестве депозита в Королевском замке Вавель. Не исключено, однако, что некий неизвестный гравер воспользовался авторской графической репродукцией Якоба ван дер Хейдена¹¹. Также можно высказать предположения, касающиеся возможных живописных оригиналов. Портрет Михаила Корибута Вишневецкого — кат. 37 (48).1 не возник на основе картины Даниэля Шульца, но лишь опирался на гравюру Иоганнеса Бенсгаймера (Johannes Bensheimer), датируемую 1671 годом и лишенную информации об авторе рисунка¹². Портрет Сигизмунда III Вазы, представляющий его как короля-воина — кат. 51 (68).1, воспроизводит гравюру Эгидиуса Саделера 1604 года, а не портрет Йозефа Хайнца Старшего, на котором король изображен в черном испанском костюме дворянской знати¹³.

Одновременно можно указать несколько графических оригиналов, не учтенных в каталоге. Среди них портрет Яна Казимира — кат. 68 (29).3 опирался на медную гравюру Виллема Хондиуса, сделанную по Даниэлю Шульцу¹⁴, а портрет королевича Владислава Вазы в облике московского князя — кат. 10 (65).1 обнаруживает зависимость от гравюры Лукаса Килиана¹⁵.

К сожалению, в каталоге случаются ошибки или неточности. Особенности удивления вызывают недочеты в знании польской истории, несмотря на подчеркнутый факт сотрудничества с польской стороной и предпринятые консультации. Например, Аннибал Альбани — кат. 3 (1) не был папским нунцием в Речи Посполитой; сомнительна также идентификация Генриха Гольца — кат. 13 (25). Сын Людовика XV носил титул дофина Вьенского — кат. 34 (42), а электор Саксонский, Фридрих Август — кат. 57 (22) — великого князя Варшавского. Орден, размещенный на правом бедре принца Фридриха Августа — кат. 2 (6) не является орденом Золотого Руна, а является датским орденом Белого Слона вместе с орденом Звезды. В связи с портретом Анджея Батория — кат. 8 (8) стоило бы вспомнить, что это посмертный портрет убитого секеями кардинала.

Польская версия каталога в своей лексике, а также в плане специальной терминологии и осведомленности в истории — оставляет желать лучшего. По причине недостатка последней, видимо, и появляются определения особ, которые хоть и употребляются

11. Katalog portretów. № 5930.

12. Katalog portretów. № 3381.

13. Ruszczyćówna J., Portrety Zygmunta III i jego rodziny // Rocznik Muzeum Narodowego w Warszawie. XIII. 1. 1969. S. 201–204.

14. Steinborn. S. 219. № 11.

15. Katalog portretów. № 5937.

русскими историками, однако не используются в польской историографии. Например, появляется Барбара Польская, а подразумевается Барбара Ягеллонка, которая была замужем за герцогом Саксонским, Георгом Бородатым — кат. 7 (7); Лович Жанетта (Иоанна) Антоновна вместо Иоанны из Грудзинских, княгини Ловицкой — кат. 28 (39); Лжедмитрий вместо Димитрия Самозванца — кат. 27 (17), названный правильно под портретом жены Марины из Мнишкув. Непоследовательность переводчиков проявляется в именах и отчествах особ. В то время, когда одни имеют такое расширение, в роду Хмельницких находим определение сын Михаила — кат. 59 (12) и сын Богдана — кат. 60 (13), то, если речь идет о короле Михаиле Корибуте Вишневецком, чаще всего употребляются только одно имя — кат. 37 (48).

В современной терминологии графических техник не употребляется понятие *ripsa* — *пунсон* (на перевод могло повлиять употребляемое у Чапского понятие *rylec* — *стиль*). Если речь идет об этой технике, то правильнее было бы перевести *пунктирная техника* (пунктир), в которой точки, создающие рисунок, достигались путем выжигания плиты (кислотой), а не физической гравировкой. Употребление понятия *оттиск* с римским номером впереди — кат. 5 (3).2 и кат. 27 (17).2 касается, скорее всего, состояния этих гравюр, а не нумерации листов, выходящих из-под печатного пресса. Непоследовательность проявляется в переменном употреблении термина *гравюра* с определениями: гравюры резцом на меди, офорта (аквафорте) и др. Неудивительно, что среди таких неточных определений мог появиться и совсем непонятный термин *гравюра резцом и офорт*. К часто употребляемым, но неудачным выражениям, относится: «Hutten-Czapski не описан». Очевидно, что большинство перечисленных замечаний касаются редактора польской версии, который не справился также с алфавитным порядком и нумерацией (дважды использована позиция каталога № 42).

Многочисленные ошибки можно простить переводчикам в связи с использованием упрощенной системы транслитерации кириллицы на знаки латинского алфавита. При записи имен и фамилий уместно было воспользоваться одной из существующих (и обязующих) норм транслитерации. Тогда мы бы имели дело с особами такими, как: Khmelnyuski или Vladislav Vaza. Мерой степени различия является уже транслитерация фамилии самого коллекционера, отличающаяся от фамилии, появляющейся в центральном каталоге Народной Библиотеки в Варшаве. В дополнение скажем еще, что разнится она и с той, которую сам коллекционер употребляет, подписываясь оригинальной немецкой версией своей фамилии: Wiegell — см. автограф на странице каталога, предварающей титульную. Максимально оправданной является подача подписей на кириллице (к этому, однако, не привязываются каталоги порт-

ретов Народной Библиотеки в Варшаве). Дело же с четкой библиографической записью в обеих версиях каталога обстоит сложнее всего. Фамилии авторов представлены на языке оригинала (польском и русском), что, несомненно, затрудняет пользование записями всем читателям. Когда читатель наконец привыкнет к столь различным записям, а также к двойной нумерации и фамилиям, написанным кириллицей, — перед ним откроется интересный набор портретов, до сих пор не известных нам, например, Барбары Ягеллонки¹⁶, Луизы-Марии Гонзаги, Димитрия I Самозванца, украинских гетманов и русских сановников времен разделов Польши. Те, кто познакомится с текстом, откроют новое содержание известных гравюр или варианты портретов, например, Фридриха Августа II (Августа III), который можно обозначить как «с орденом Слона на поясе» кат. 2 (6).1 вместо «портрет победенный или в длинном парике»¹⁷. Подлежит обсуждению и присвоение авторства портрета Богдана Хмельницкого Абрахаму Вестерфельду — кат. 59 (12).1. Это предположение появилось в начале XX века, и Станислав Батовский считал его весьма вероятным¹⁸.

Без сомнения, часть пользователей каталога остановится на изучении иллюстраций, что является сильной стороной издания. Хорошие репродукции занимают (с небольшими исключениями) целый лист, не ограничиваясь маленькими «марками», как это часто бывает. Иллюстрации старательно упорядочены: портреты супругов помещены рядом и составляют *pendant*, что приближает нас к первичной систематизации коллекции самим владельцем. Показывают они также тогдашний способ хранения собраний, то есть наклеивание гравюр на паспарту.

Собрание хорошо иллюстрирует образ действий Ф. Ф. Вигеля — коллекционера, который не искал самых ценных портретов прошедших эпох. Он располагал лишь небольшими финансовыми средствами и приобретал гравюры на слабо специализированном антикварном рынке своего времени. Однако это собрание расширяет наше знакомство с общественной жизнью XVI–XIX веков (хотя бы и благодаря дифирамбам, прославляющим деятельность большинства портретируемых), а также позволяет отследить восприятие исторических событий следующими поколениями историков и любителей графических искусств.

Магдалена Адамска
Перевод с польского Кристины Мамайко

16. Известный по рисунку, помещенному в: Materiały do ikonografii królów, zbroi i wojska polskiego... / W. Bartynowski. Kraków, 1908. Pl. 53.

17. Łomnicka-Żakowska E. Graficzne portrety Augusta II i Augusta III Wettynów w zbiorach Muzeum Narodowego w Warszawie. Warszawa 1997. S. 281.

18. Batowski S. Abraham van Westervelt, malarz holenderski XVII wieku // Przegląd Historii Sztuki. II. 1932. Z. 3–4. S. 116.

Post scriptum

Хотелось бы поблагодарить наших польских коллег за подробную, вдумчивую и неформальную рецензию. Как всегда, свои сильные стороны мы видим и сами, а недостатки бросаются в глаза другим. Следует признать, что большая часть замечаний рецензента относится к самим критериям отбора персон, вошедших в польскую часть каталога коллекции Ф. Ф. Вигеля. Вкратце скажем, что любой отбор в какой-то мере условен. Следует согласиться, что включение саксонских принцесс (Марии Амалии, Марии Жозефы) не совсем оправдано, хотя на листах и есть подписи типа «*princesse de Pologne*», но оно произошло потому, что так поступил Э. К. Гуттен-Чапский, издавая каталог своего собрания польских портретов. Коронованные польские короли Александр I и Николай I отсутствуют, так как каждый представлен у Вигеля большим количеством изображений (Александр, к примеру, восемью), и составителям каталога не хотелось перегружать издание этими портретами в ущерб изображением того же Константина Павловича, который был тесно связан с Польшей на протяжении многих лет жизни, как бы мы ни оценивали его личность и ее влияние на польские дела.

Вторая проблема связана с передачей имен собственных. У польской и русской сторон сложились свои традиции в этом отношении. Для русского глаза привычно сочетание имен Марина Мнишек, а не царица Марина из Мнишкув. В отношении ее супруга одинаково приняты имена Лжедмитрий I и Дмитрий Самозванец, поэтому нельзя согласиться с тем, что одно из этих имен правильное, а другое — нет. Морганатическая супруга великого князя Константина Павловича в русских источниках зовется Жанеттой Лович, она именно так известна русскому читателю, а не как княгиня Ловицкая. Рецензент справедливо отмечает некий разнобой в передаче женских имен. Действительно, такое упущение есть. Наверное, в случае с Марией Радзивилл не следовало указывать и страну происхождения — Волошская. Хотя можно объяснить, чем руководствовались составители: дело в том, что в разветвленном роде Радзивиллов были и другие Марии. Желая избежать возможной путаницы, авторы и пошли на это нарушение стройной структуры. Имена владетельных особ обычно по-русски пишутся с указанием страны их происхождения или девичьего имени, например, Мария Амалия Саксонская (имя первого типа) или Мария Лещинская (второго типа). Тут разнобой возник задолго до создания каталога гравированных портретов из коллекции Вигеля. По этой причине для польской стороны привычно имя Барбары Ягеллонки, а немцы называют ее Барбарой Польской.

Что касается атрибуции некоторых гравюр из *Theatrum Europaeum*, так сказать «скопом» Каспару Матиасу Мериану Младше-

му, то сейчас это видится как преждевременная поспешность и неточность, и мы ценим то, что в рецензии этому уделено достаточное внимание. Аргументы рецензента кажутся нам убедительными.

Особо хочется поблагодарить рецензента за подробные сведения о некоторых оригиналах гравюр, которые встречаются в польской научной литературе, недоступной для авторов отрецензированного каталога. Но справедливости ради хотелось бы отметить, что в русской традиции слово «оригинал» понимается достаточно широко: это и живописное полотно, и рисунок, и гравюра, предшествовавшая данному изображению. В свое время Д. А. Ровинский, автор ставших классическими трудов по истории русской гравюры, именно так обозначал эти оригиналы, иногда сводя их к нескольким различающимся типам. Этот подход позволяет установить временные соотношения между гравюрой и оригиналом, не всегда вдаваясь в вопрос, что послужило промежуточным звеном: был ли сам живописный портрет оригиналом или сделанный с него эстамп стал прототипом другой гравюры. И все равно очень приятно, что, благодаря рецензии, можно внести уточнения в историю ряда портретов: Яна Казимира (кат. 68 (29).3), Владислава IV Вазы (кат. 10 (65).1), Михаила Корибута Вишневецкого (кат. 37 (48).1), Сигизмунда III Вазы (кат. 51 (68).1).

Что касается техник, то, конечно, авторам каталога ясна разница между офортом, гравюрой резцом или пунктиром. Однако сложилась традиция указывать элементы не только преобладающей, но и сопутствующей техники, поэтому возможны различные комбинации резца и пунктира, резца и офорта. Так, например, поступила Г. А. Принцева в своем образцовом труде «Н. И. Уткин» (Л., 1983), указывая технику (офорт, резец). Авторы каталога в данном случае лишь следовали этой тенденции.

В целом представляется ценным весь полученный в этой работе опыт и то внимание, с которым встретила результаты этой работы польская сторона.

Е. В. Зименко

~

Ираклий Церетели. Впечатления детства. По записям Элико Церетели-Демолон, Бориса Николаевского и черновикам И. Г. Церетели/Сост., комментарий и послесловие А. П. Ненарокова. М., 2006.

Составитель начинает статью об Ираклии Церетели и его книге с замечания: «Политики не любят вспоминать о своем детстве» (С. 85). И в самом деле, не существует детских воспоминаний Ленина, Сталина, Троцкого, вообще, кажется, никого из видных деятелей социал-демократии. Об этом психологическом феномене, может быть, когда-то задумаются другие специалисты, судить не нам. Но тем более важны и уникальны автобиографические записи Ираклия Георгиевича Церетели, меньшевика, члена социал-демократической фракции II Государственной думы, министра Временного правительства. Живя в эмиграции, Церетели несколько раз приступал к записи воспоминаний детства, то вместе с сестрой, то один, то позволив обрабатывать свои черновики близкому другу Борису Николаевскому. Текст завершен не был и то, что представлено в книге, является плодом кропотливой публикаторской работы с черновиками и разрозненными фрагментами. Тем не менее, текст читается легко и производит цельное впечатление.

В книге действительно — сугубо воспоминания о детстве, проникнутые эмигрантской ностальгией рассказы о теплой, солнечной, неспешной жизни в Кутаисе и Тифлисе, загородных дедовских домах. Родители Ираклия Церетели принадлежали к сливкам грузинской интеллигенции, родители учились за границей, там и познакомились. Отец был видным тифлисским литератором и издателем. Матери Ираклий Георгиевич лишился еще в младенчестве, заботу о детях (были старшие брат и сестра) взяли на себя обожавшие их две незамужние тетки. Он вспоминает кутаисский дом и сад, фрукты, праздничную варку домашнего козинаки, детские игры, собак и осликов. И другие дом и сад, принадлежавшие деду по отцовской линии — бывшая помещичья усадьба, куда по старой памяти неукоснительно приходили бывшие крепостные и делали прежнюю работу — пекли хлеб, работали в саду. Многолюдные церковные праздники, пиршества в саду. Переезды из одного дома в другой, характеры и уклад жизни родни, товарищи детских игр.

Приятным достоинством этой книги, дополнительным подарком читателю служат иллюстрации. Согласитесь, книжка с картинка-

ми — это совсем другое дело, чем книжка без картинок. Есть солидный блок архивных фотографий. И собственно иллюстрации. Здесь следует сказать, что издана книга при помощи дальнего родственника Ираклия Георгиевича, известного всем Зураба Церетели, и снабжена его рисунками. Рисунки оказались очаровательны — серия картинок, сделанных в стиле иллюстраций к детским сказочным книгам и изображающих легендарную, сказочную, ушедшую Грузию. Люди на картинках пируют под чинарами, едят шашлык и пьют из рога; пляшут лезгинку; экспрессивно жестикулируют, дерутся; устраивают петушинные бои; дивятся волшебному фонарю; ездят на осликах, торгуют на рынке; мостовые на картинках вымощены булыжником, в домах уютные разноцветные балконы-террасы, там висят ковры и лежат подушки-валики; на рынке бараны, куры в клетке и груды арбузов. Книга и издана в большом, детском формате и внешне как бы стилизована под детскую — небанальное и неожиданно удачное решение, под стать теме записок. Но при отнюдь не детской сопроводительной статье, уровне археографии и, в сущности, содержании самих воспоминаний.

Потому что И. Г. Церетели, хоть и говорит о круге детских впечатлений, но многое видит уже взрослым пронизательным взглядом. И мимоходом отмечает вещи поразительные, причем оперирует не общими суждениями, а точными деталями. Например, рассказывает о тетушках — образованных и, как тогда вся интеллигенция, радикально настроенных, с бесконечными папиросками и типичным кругом убеждений шестидесятников, очень идейных, но при этом ухитрившихся «сохранять в быту старые грузинские взгляды и традиции», «преклонение перед духовным обликом людей, посвятивших себя проповеди материалистической и позитивистской философии, не мешало им оставаться религиозными» (С. 72). Объясняет суть различных направлений мысли грузинской интеллигенции — в различных пропорциях тяготение к русской культуре, увлечение русской литературой, грузинский национализм, дебаты о том, стоит ли дружить с ближайшими соседями (например, армянами), забота о развитии родного языка, мечта о независимой Грузии: «Если в нашем доме, в нашем кругу русское чиновничество презирали, а русскую интеллигенцию любили, то над так называемыми „русскими обывателями“ все всегда весело подтрунивали» (С. 76).

Наконец, главное в книге Ираклия Церетели. Несколько фраз, менее страницы. Общим местом стало суждение, что у русских интеллигентов революция заняла место утраченной религии, революционаризм заполнил опустелые формы религиозного подвижничества и проч. Всегда это было исследовательским суждением. Я не припомню, чтобы кто-нибудь из мемуаристов описал такое замещение как факт собственной внутренней жизни. Может, тут дело в раннем сиротстве среди любящих родных, но именно это сделал Церетели в тонком и пронзительном признании: «Я считал себя

сердцеведом, а старших, в их отношении к нам, детям, — наивными и безнадежно непонятливыми. (...) Я не мог делать того, чему учил нас Христос. Не мог любить других, как самого себя, или посторонних бедных больше, чем моих богатых товарищей. Себя считал поэтому большим грешником и очень боялся ада. Бывало, не спал по ночам, думая о вечном огне и языках пламени, которые лижут преступников. Я никому никогда в этом не сознавался, но часто незаметным образом наводил на это разговор и с трепетом ждал ответов. Няня говорила, что все преступники, конечно, пойдут в ад, и что это справедливо. Это утешить меня не могло. Брат, со своим обычным оптимизмом, утверждал, что все мы, безусловно, будем в раю. Это меня убеждало мало. Сестра с важностью объясняла, что вечного огня нет, что страдания в аду будут моральные, а не физические — угрызения совести, а не пламенные языки. Это несколько уменьшало мои страхи. Однако меня мучили мысли не только о несовершенствах загробного, но и земного существования. Особенно сильно мучили меня они в самом раннем детстве, приблизительно до 10 лет. Помню моменты прямо щемящей боли, которую испытывал, предаваясь своим, скрытым от всех, размышлениям. Конечно, бывали и другие моменты, моменты счастья и веселья, и я помню о них, но самым памятным чувством моей детской жизни была тоска (...) Я тосковал не только за себя, но и за всех близких и даже незнакомых, таких же несовершенных смертных, как я, с которыми чувствовал объединенным общим несчастьем. (...) С тех пор как был в состоянии мыслить, меня мучило сознание бессмысленности и жестокости жизни. Почему люди умирают? Как могут они наслаждаться жизнью, зная, что она так коротка? В 7–8 лет остающаяся мне жизнь казалась мне неизмеримо короче, чем теперь, когда мне 65 лет. (...) Почему мир так устроен, и какова цель этого краткого существования? (...) Подрастая, стал сомневаться в существовании высшей силы. Бедность, болезни, незаслуженные страдания людей рождали и укрепляли во мне мысль, что не может быть высшей силы, всеведущей и всемогущей, которая допускала бы все это. Критическое отношение к религии все больше укреплялось во мне вне всякого постороннего влияния». Довершила дело лет в 15–16 дружба со студентом-медиком, атеистом и дарвинистом. «После этого вопрос о несовершенствах жизни освободился для меня от своей мистической оболочки и стремление к их исправлению, к которому толкало меня все внутреннее развитие, не встречало уже помехи в мыслях о ничтожестве земного существования» (С. 25–26).

Кажется, это один из самых глубоких и важных исповедальных текстов, прикасающихся к самой сути мировоззренческого кризиса кануна русской революции. Личное признание в том, что описывали и подозревали историки, филологи, литераторы.

Ольга Эдельман

Я. А. Шулатов. На пути к сотрудничеству: российско-японские отношения в 1905–1914 гг. Хабаровск; М., 2008

Отношения между Россией (Советским Союзом) и Японией (Великой японской империей) — тема важная, но одновременно и «скользящая». Историки — это люди, они подвержены давлению и эмоциям, которые умело раздувают как политики, так и иные поборники «справедливости», которую они понимают исключительно в одностороннем порядке. Про российско-японские отношения написано много, но, к сожалению, слишком часто эмоции и сиюминутные соображения брали верх над научным и непредвзятым подходом. Это касается как России, так и Японии, хотя отечественная (советская) ситуация была, несомненно, хуже. При всех видных невооруженным глазом недостатках японской исторической мысли, в ней в послевоенное время все-таки постоянно присутствовала определенная полифония — необходимое условие для выяснения истины. Что до советских историков, то, к великому сожалению, их работы были зачастую настолько ангажированы, что многие из них требуют почти полного переписывания (автор рецензируемой монографии выражается более политкорректно: требуют «определенной корректировки» — С. 12). Отдельные исключения, к такому же сожалению, не могут исправить картины. Тем более, когда речь заходит о позднесоветском периоде, когда ангажированность нередко стала перерастать в откровенную некомпетентность.

Казалось, что с распадом СССР и его репрессивной системы (которая, разумеется, включала в себя и историческое знание) откроется больше возможностей для взвешенных оценок. И это было действительно так: отмена цензуры и менее рестриктивный режим работы архивов, безусловно, объективно способствовали этому. Однако здесь нашу науку ожидала новая ловушка: обвальное падение финансирования в области науки и образования привело к потере престижности профессии ученого, оттоку кадров и т. д. Зелёная молодежь, мечтавшая превратиться в золотую, спрашивала профессоров: если ты такой умный, то почему ты такой бедный? Задав этот вопрос, катилась по наклонной плоскости туда, где были не такие умные, но зато более сытые люди. И тогда стало казаться, что ситуация безнадежна.

Но жизнь, как всегда, оказалась богаче, и в самое последнее время всё-таки стали появляться работы нового поколения япо-

новедев, в том числе и посвященные отношениям между нашими странами. Так, в последнее время вышло несколько серьезных работ В. Э. Молодякова и Ю. С. Пестушко¹. Были и другие работы. Рецензируемая монография также вписывается в этот ряд. Пользуясь случаем, отмечу, что основу этого ряда составляют работы дальневосточных ученых.

Десять лет российско-японских отношений между двумя войнами (от русско-японской до Первой мировой), которые рассматриваются в книге Я. А. Шулатова, являются составной частью того короткого и уникального периода, который можно, согласно определению автора, квалифицировать (с определенными оговорками), как «путь к сотрудничеству». Этот период кончается в 1917 г., когда революция в России резко изменила весь мировой геополитический расклад, и все предыдущие наработки оказались попросту не нужны.

Автором хорошо показано, что после русско-японской войны сложилась ситуация, при которой элиты двух стран сочли за благо придти к замирению, которое стало перерастать в сотрудничество. Россия была слишком слаба на Дальнем Востоке, её внешняя политика была слишком сосредоточена на Европе, чтобы реваншистские настроения взяли верх. Что до Японии, то её финансы оказались истощены, и её политиков гораздо больше волновала колонизация Кореи и Китая. Элиты обеих стран подавали друг другу знаки: ты не тронь, и я не трону. Такой подход в особенности характерен для России, которая почти всё время занимает выжидательную позицию — отсутствие инициатив и вынужденная реакция на временами весьма настырные предложения японской стороны. К своему Дальнему Востоку петербургская Россия относится не как к бесценному капиталу, а как к застрявшему в грязи обозу, с которым она не знает, что делать. И тащить невозможно, и отдать жалко.

Этот общеполитический и военный расклад вполне, казалось бы, понятен. Гораздо меньше известна конкретика — кто и как принимал те или иные решения, какие группы интересов существовали среди элиты (особенно интересно, что местная приамурская власть кардинально расходилась в оценке событий с властью петербургской), как стороны приходили к компромиссам, как они успокаивали и, одновременно, пытались провести друг друга и т. д. И в этом отношении данная монография существенно восполняет пробелы в наших знаниях или же умело вписывает уже более-менее известную конкретику (отношения в сфере железных дорог, рыбной ловли, размежевание границ на Сахалине, условия возврата во-

1. Применительно к интересующему нас периоду см., в особенности, монографию: Ю. С. Пестушко. Российско-японские отношения в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.). Хабаровск, 2008.

еннопленных, раздел сфер влияния) в более широкий двусторонний и международный контекст. Книга написана с использованием множества архивных данных, что придает изложению столь милую сердцу историка детальность и основательность. Правда, российские архивные материалы использованы более широко, чем японские. Что, впрочем, свидетельствует в пользу обоснованности подзаголовка книги: «российско-японские», а не «японско-русские» отношения.

Среди архивных разысканий Я. А. Шулатова лично у меня наибольший интерес вызвали его находки, касающиеся планов по освоению Северного морского пути и использования в разведывательных целях двух наших выдающихся японоведов — Н. И. Конрада и Е. Д. Поливанова.

Чудесный рассказ о том, что в случае начала военных действий со стороны Японии возможно использовать для срочной переброски на Дальний Восток российского флота Северный Ледовитый океан (С. 142–144), кажется верхом военно-административного идиотизма (в то время еще ни одно судно не прошло этот путь за одну навигацию) или же полной растерянности и бессилия. Именно так: не строить дальневосточный флот (и дорого, и боязно дразнить дальневосточного соседа), а перебрасывать в случае нападения Японии (о том, чтобы начать войну первой, Россия не помышляла) на дальневосточный театр военных действий флот из европейской части России. И это при том, что оперативные данные свидетельствовали о бурно растущем военном потенциале Японии, а также об активной и непрекращающейся деятельности японской разведки.

Что до «разведчиков» Н. И. Конрада и Е. Д. Поливанова, то эта тема только затронута в основном тексте книги, но в приложении к ней приводятся чрезвычайно интересные документы, в которых «предлагается использовать в 1914 г. командированных на Дальний Восток гг. Поливанова и Конрада». В «Сопроводительных записках» слышны поистине горестные интонации. Их автор сетует на то, что «силы востоковедов остаются государством неиспользованными» и без обиняков утверждает, что «существенным препятствием для ознакомления со странами Востока, между прочим, являются и слишком большие размеры тех немногих научных трудов, которые появляются в этой области». А посему Поливанову, который будет официально изучать японские диалекты, надлежит заняться и изучением политических обществ, а Конраду («будет мерять черепа туземцев и рыться в корейских развалинах»), а также покупать «битую посуду» — знакомиться («по возможности с большим числом корейцев, в Японии живущих») и выяснять особенности японской колониальной политики в Корее. Отчеты ученых обнаруживают пока что не удалось, но пренебрежительное отношение военных к «академической» науке видно и без них. Точно так же,

как и отсутствие финансирования военной разведки, откровенная слабость которой послужила одной из причин поражения в русско-японской войне.

Рецензируемую книгу положено не только хвалить, но и ругать. И здесь я попадаю в трудное положение. Автор знает частности гораздо лучше меня, некоторые оговорки не портят мессы. Тем не менее, привычная, но очень сомнительная трактовка Ито Хиробуми как «либерального» деятеля (С. 72) как-то не вяжется с тщательным описанием его переговорной деятельности (в частности, я имею в виду хорошо показанную автором решительную и предельно циничную роль Ито Хиробуми в деле присоединения Кореи к Японской империи).

Утверждение о том, что «Корея исторически являлась важнейшим объектом японской экспансии» (С. 134), требует оговорки, ибо экспансия в Корею началась совсем недавно. Данные российской разведки относительно вооруженных сил Японии имело бы смысл сравнить с данными других источников (в том числе и открытых) — тогда мы имели бы лучшую возможность судить о компетентности российских разведслужб и об их источниках информации. А иначе таблицу увеличения расходов государственного бюджета Японии (составлена по данным российского Морского генерального штаба, С. 223) можно воспринять в том смысле, что эти данные были получены военными не из открытой печати, а каким-то экстраординарным способом.

Архивная работа чрезвычайно важна, и имена закулисных «акторов» должны быть известны, но это не отменяет необходимости эффективности работы и с открытыми источниками (газеты, журналы, публицистика, мемуары и т. д.), которые дают более широкий срез мнений. Автор монографии осознает и декларирует эту необходимость (С. 24–25), но связь между государственной политикой и общественным сознанием далеко не всегда остается проясненной. На мой же взгляд, анализ этой связи является важнейшим условием понимания того, что происходило «за кулисами». Скоропортящиеся правительства Японии имели оппонентов и во внутренней, и во внешней политике. Во внешней политике они чересчур легко соглашались на роль «ведомых» со стороны общественного мнения, которое — если оценивать ситуацию в целом — было настроено еще более решительно, чем правящая элита. В России же, наоборот, элита приучила себя к тому, что мнение «общества» не стоит никакого внимания. К сожалению, нам хорошо известно, что произошло потом, и это «потом» в значительной степени было обусловлено как общим настроением японского общества, так и игнорированием самоопределения (не будем забывать про это изумительное самоопределение) настроений общества российского, что и привело к революции. Иными словами, я призываю к более широкому историческому взгляду.

Автору удается «сохранять дистанцию» по отношению к объекту своего изучения. Он учитывает как российскую, так и японскую точку зрения, в его анализе отсутствует и намёк на какой бы то ни было односторонний «обвинительный уклон». Из книги хорошо видно, что российско-японское содружество не покоилось на прочных основаниях. В слишком большой степени оно было обусловлено размежеванием интересов (о качестве этих интересов говорит хотя бы тот факт, что многие из договоренностей были секретными, т. е. высокие договаривающиеся стороны их вообще-то в глубине души стыдились) и почти не опиралось на осуществление совместных проектов. Это содружество имело сильнейшую военно-политическую доминанту («против кого дружим?»), экономическая же составляющая, которая и обеспечивает настоящую прочность конструкции, находилась на заднем плане. Отсюда и принципиальная возможность для резких перемен в отношениях (настроениях), которые определялись кучкой не слишком дальновидных и абсолютно не доверявших друг другу людей. Русско-японская война сменяется почти немедленным потеплением в отношениях, перерастает в сотрудничество, в военный союз, но потом эта конструкция с грохотом рушится, Япония ведет на советском Дальнем Востоке необъявленную войну, стыдливо называемую в Японии «сибирской военной экспедицией» («сибэриа сьуппэй»). Стремительность, с которой происходила смена политического курса, характерна не только для японско-российских отношений. До Первой мировой войны в качестве основных потенциальных противников рассматривались США и Россия, но в 1914 году Япония объявила войну Германии...

Думается, что понимание причин таких головокружительных кульбитов способно (хотя бы в теории) задать урок и нынешнему поколению политиков обеих стран, что, видимо, и подпитывает надежду автора, который полагает, что его беспристрастное исследование способно «внести определенный вклад в укрепление дружеских взаимоотношений между Россией и Японией в наше время» (С. 7). Что ж, надежда умирает последней. А пока что мы вновь находимся «на пути к сотрудничеству», пути, который временами кажется чересчур долгим.

А. Н. Мещеряков

И. В. Алексеева. Последнее десятилетие Российской империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте. 1907–1917 годы. М.: СПб., 2009.

Настоящая монография является переизданием двух прежних работ И. В. Алексеевой «Агония сердечного согласия: царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914–1917 гг.» (Л., 1990) и «Оппозиция Его Величества. Дума, царизм и союзники России по Антанте в эпоху П. А. Столыпина. 1907–1911 гг.» (СПб., 2004), объединенных ныне под одной обложкой. Как и явствует из подзаголовка, автор разбирает взаимоотношения в треугольнике, углами которого стали «царизм» (самодержавие и официальная российская дипломатия), Дума, а также британская и французская политическая элита. Впрочем, рассматриваются и российско-германские отношения, что, разумеется, нельзя было бы обойти вниманием. Как и положено взаимоотношениям в треугольнике, сюжет рассматривается в драматическом ключе, подчас излишнем, поскольку роль одной из палат российского парламента в определении внешнеполитического курса России даже из этой работы не предстает слишком значительной. Иными словами, треугольник — вовсе не равнобедренный, что сильно вредит положенной в основу монографии схеме.

Из монографии И. В. Алексеевой 2004 г. практически полностью заимствована аннотация к рецензируемому изданию, в которой сообщается, что тема рассматривается «впервые в российской и западной историографии». Между тем историография у темы все-таки есть — как западная, так и российская¹.

Исследование основано на фундаментальной источниковой базе: наряду с опубликованными в СССР, Британии, Германии и Франции сборниками документов, И. В. Алексеева активно использовала материалы российских архивов (ГАРФ, РГИА, АВПРИ, ОР РНБ), отечественную и зарубежную периодику и мемуариистику; привлекались также отчеты российских законодательных палат, стенограммы дебатов британской Палаты общин периода мировой

1. Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту (Заговоры перед революцией 1917 г.). Париж, 1931 (2-е изд.: М., 2003); Катков Г. М. Февральская революция. Париж, 1984 (2-е изд.: М., 1997); Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию (1907–1917). М., 2003.

войны. Тем обиднее не увидеть раздела, посвященного источникам исследования и историографической традиции темы.

Учет современной историографии был бы своевременен, поскольку содержащиеся в монографии оценки ряда сюжетов, например, относящихся к главе II второй части («1915: Год разочарований»), в значительной степени устарели. В то же время пространственные биографические характеристики слишком известных фигур, содержащие хрестоматийные сведения, в наше время уже не имеют прежней актуальности. Стилистика повествования иногда озадачивает. В книге повествуется о том, как большевики готовили Февральскую революцию (С. 477), а деятельность «Обществ сближения с Англией» постепенно создавала основу для «империалистического союза европейских государств и русской контрреволюции против молодой Советской России» (С. 402). Кадеты называются «русской либеральной буржуазией», либеральная оппозиция — «русской империалистической буржуазией» (С. 312). О русско-английском соглашении 1907 г. сообщается так: «Объективно интересы русских „капиталистических“ помещиков и набирающей силу буржуазии оказались сильнее политических симпатий русских консерваторов к Германии» (С. 71). В посвященной кадетской партии историографии, как зарубежной, так и современной российской, нередко ставится под сомнение однозначная принадлежность кадетов либеральной идеологии. Тем более сомнительна буржуазность кадетов². Если у них действительно были значимые экономические отношения с британскими или французскими кругами, то эта тема требовала бы обстоятельного освещения в монографии.

В целом, значение либеральной оппозиции в определении русской внешней политики 1907–1911 гг. после изучения монографии остается не вполне понятным. И. В. Алексеева отождествляет «антантофилов» и «русскую либеральную оппозицию», которая, по ее мнению, формировалась уже в 1907–1908 гг. и состояла из думского большинства от кадетов до части националистов и умеренно-правых. Вместе с тем она — эта «оппозиция» — поддерживала Извольского по ключевому вопросу внешней политики — балканскому (С. 75, 93–94, 127–129). Записывать националистов и даже октябристов в ряды оппозиции в это время было бы натяжкой, да и самостоятельную позицию по внешней политике эти политические силы в тот период еще не дебатировали и не формулировали.

Однако более пристально разобраться с внешнеполитическими взглядами реальной оппозиции действительно стоит. Партийная документация, если к ней обратиться, проясняет многое. Так, например, на заседании кадетского ЦК 2 марта 1908 г. А. М. Ко-

2. Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995. С. 480–485; Селезнев Ф. А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). Нижний Новгород, 2006. С. 163–168.

любакин указывал на «беспомощное состояние фракции в вопросе иностранной политики». В. Д. Набоков 9 марта отмечал: «Вопросы внешней политики у нас в программе не разработаны; нам еще предстоит поставить эти вопросы — равно как вопрос военный — на первую очередь в дальнейших наших работах». В результате С. А. Котляревский по поводу проекта Амурской железной дороги столь наивно, но прямо-таки пророчески вопрошал: «Чем же вызывается такая спешность с постройкой? Почему нам нужно быть „готовыми“ к [1] 914 году?»³. Через год один из наиболее авторитетных членов ЦК Ф. И. Родичев заявил: «Прежде всего не мешает помнить, что никакой политики мы не ведем и не делаем — ее делают и ведут без нас»⁴. «Позиция фракции в вопросах внешней политики остается неопределенной», — отмечал П. Н. Милоков в ноябре 1909 г.⁵ «Где же мы будем высказываться? вне Думы? или в Думе? Если вне Думы, то, конечно, не как партия. Что же касается до выступлений наших депутатов в Думе, то надо прежде всего помнить, что оппозиция никакого влияния на внешнюю политику иметь не может», — признавал в октябре 1912 г. член ЦК Н. В. Тесленко⁶.

Статьи «Речи» и даже выступления лидера кадетов в Думе, часто цитируемые Алексеевой, дают представление не о взглядах партии, а скорее о представлениях Милокова. Собственно во всей кадетской партии лишь он и П. Б. Струве, в целом поддерживавший курс Столыпина-Извольского, имели четкий взгляд на внешнюю политику. Доклад П. Н. Милокова на заседании ЦК, состоявшийся 1 марта 1909 г., стал первой попыткой серьезно поставить внешнеполитические вопросы на кадетском форуме. Критикуя политику Извольского, кадетский лидер, тем не менее, особо отметил, что близость Франции и Англии политическим идеалам партии отнюдь не должна была влиять на общую оценку российской внешней политики. По мнению докладчика, национальные интересы в данном вопросе должны были превалировать над партийными. Кроме того, Милоков призывал не слишком надеяться на союзников по Антанте. Особое внимание было уделено недавней думской речи Гучкова, обвинившего военное министерство в неготовности к войне (признание правоты Гучкова стоило военному министру А. Ф. Редигеру его поста). Милоков выступил против поддержки гучковского пафоса: «Заявления о собственном бессилии уменьша-

ют наши шансы за границей». Колюбакин и председательствовавший на заседании М. М. Винавер резко отвергли последнее предложение. Милоков и поддержавший его Набоков потребовали продолжения дискуссии, но к вопросам внешней политики ЦК более не возвращался вплоть до осени 1912 г.⁷

В целом партия расписывалась в своем бессилии хоть как-то повлиять на российскую внешнюю политику. На заседании кадетского ЦК П. Б. Струве прямо заявлял, что война с Германией для России была неизбежна — и партия не могла изменить этой перспективы. Даже такой спорщик как Родичев признавал его правоту⁸. В таком понимании ничего партийного не было. Представляется все-таки, что отношения России с Британией и Германией все-таки выстраивались не исходя из общих идеологических предпочтений, а в силу самой логики развития международных отношений: резкого роста германских внешнеполитических амбиций, франко-британского соглашения 1904 г., смены российской политики на Дальнем Востоке после поражения в войне с Японией, начавшегося русско-японского сближения, персидского кризиса.

Свидетельством роста влияния либеральной оппозиции, по мнению И. В. Алексеевой, стал парламентский визит в Англию и Францию в 1909 г. (С. 188–189). Вместе с тем значение визита было связано не с оппозиционным пафосом, а, скорее, с попытками российского парламента укрепить собственный авторитет (С. 195–197). Успех в этом деле был настолько сильным, что ввавшийся в эйфорию Милоков серьезно «прокололся», произнес знаменитую и в дальнейшем дорого ему стоившую фразу: «До тех пор, пока в России существует Законодательная Палата представителей с правом контролировать бюджет, русская оппозиция останется Оппозицией Его Величества, а не Его Величеству». Алексеева объясняет это разочарованием Милокова в революции и эволюционистскими иллюзиями (С. 177–178). Впрочем, оправдываясь перед участниками партийной конференции в ноябре 1909 г., Милоков отмечал, что никакой директивы фракции в отношении поездки он не имел, а следствием речи стало обращение симпатий английской политической элиты от октябристов к кадетам. Партийный лидер указывал и на еще одно обстоятельство: «В Англии я говорил почти со всеми членами кабинета и многими выдающимися общественными деятелями (...) и должен сказать, что все согласны были в том, что такая демонстрация была необходима, что она связывает нашу высшую власть известными обязательствами». Сказывалась уже к тому времени традиционная и отнюдь не потерявшая своей актуальности особенность российского политического дискурса: речи, рассчитанные на внутреннюю аудиторию и предназначенные

3. Протоколы ЦК и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 1. М., 1994. С. 288, 306–308.

4. Там же. С. 366–367.

5. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 2. М., 2000. С. 145.

6. Протоколы ЦК и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 2. М., 1997. С. 107.

7. Там же. Т. 1. М., 1994. С. 332–336, 339, 344.

8. Там же. С. 366–367.

«на экспорт» могут различаться вплоть до полного взаимного отрицания. После весьма бурного обсуждения (окончательное решение даже было отложено на следующий день) конференция большинством голосов все же поддержала Милюкова⁹. Возвращаясь к монографии, нужно сказать, что, в конечном счете, значение парламентского визита остается неясным, тем более что итоги аналогичной поездки в 1916 г. трактуется автором практически одинаково (С. 425). Где же тогда успех?

Первая глава монографии имеет название «1907: Начало новой эпохи». Многообещающее начало перетекает в обыденное «1908–1909 гг.: Визиты и свидания», а далее неожиданно пугает трагическим пафосом. Почему именно третья глава, в которой рассматриваются достаточно «проходные» для внешней политики сюжеты 1910 — марта 1911 гг., именуется «У края пропасти», остается неясным. Вероятно потому, что «весной-летом 1910 года была начата широкомасштабная кампания, инспирированная прогермански настроенной частью правящих кругов России, за тотальное изменение внешнеполитической ориентации страны» (С. 255), но вместе с тем, как вскоре пишет автор, «летом 1910 года наступило некоторое „затишье“ во внутри- и внешнеполитической жизни страны» (С. 263). Таким образом, первый тезис не подтверждается. Возможно, та самая «пропасть» приходится на период 1911–1914 гг., который в монографии оказался полностью выпущен. К сожалению, столь серьезный разрыв в повествовании книги с названием «Последнее десятилетие Российской империи» никак не поясняется. Пропущены важнейшие сюжеты, связанные с внешней политикой России периода Балканских войн 1912–1913 гг. и реакцией на нее общественности, поездкой на Балканы А. И. Гучкова летом 1912 г., политикой Думы в отношении военной и военно-морской программ и целый ряд других.

Развитие сюжета возобновляется с периода «священного единения», точнее времени его кризиса. По мнению И. В. Алексеевой, серьезные трения между союзниками, властью и оппозицией начались весной 1915 г. по вопросу о Константинополе: якобы именно либералы отстаивали русские национальные интересы в этом вопросе и надавили на власть; это доказывается цитатами из «Утра России» и «Речи», но нередко сами они — более поздние, чем мемуары Сазонова по этому поводу (С. 316–319, 479). Между тем Сазонов лишь использовал общественное настроение как аргумент, а не был его агентом. Его действия в это время полностью укладывались в достаточно ясную логику отстаивания государственных интересов России в зоне Проливов.

9. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 2. М., 2000. С. 145–146, 175–197.

И. В. Алексеева разбирает обстоятельства отставки Сазонова и приходит к логичному (но насколько значимому с учетом современного уровня развития историографии?) выводу, что она была связана не с подготовкой «царизмом» сепаратного мира, а состоялась в силу усилившейся зависимости Сазонова от Британии и думских кругов (С. 438–443). Таким образом, как считает автор, «к концу войны (к моменту Февральской революции) взаимоотношения царизма, русской либеральной оппозиции и союзников завязались в один тугой и роковой узел неразрешенных проблем» (С. 478). Чем этот вывод можно было бы подтвердить?

«Английский колорит», присутствовавший, как отмечает Алексеева, в милюковской речи 1 ноября и убийстве Распутина не был доминирующим: сами события не были инспирированы англичанами, а лишь одобрительно ими встречены (С. 456–460, 462–463). Отдельное внимание уделяется в книге миссии Милнера в начале 1917 г. Автор указывает, что ее значение было не в провоцировании и не в предупреждении русской революции, а лишь в сборе информации, в чем Милнер, кстати, не преуспел, поскольку пользовался в основном официальной информацией, а полученную от оппозиции недооценил (С. 481). В чем же тогда заключался «тугой и роковой узел»? Тем более, что революция для власти, либеральной оппозиции и союзников, как оказалось, стала «весьма неприятной» неожиданностью: ни союзники, ни оппозиция не были заинтересованы в «широкомасштабном заговоре» (С. 483). Все же более предпочтительной предполагается та оценка миссии Милнера, которая содержится в работе О. Р. Айрапетова: русские либералы пытались прояснить отношение союзников к возможным политическим изменениям в России, а Милнер оказался под сильным впечатлением как от общей российской политической ситуации, так и от безответственного поведения оппозиции. Между тем к этому времени союзники пришли к выводу, что самодержавие, потеряв поддержку даже среди генералитета, было обречено, и уже не собирались его поддерживать¹⁰.

В монографии встречаются и иные утверждения, требующие обоснования. Например, П. А. Столыпину приписывается значительная победа в борьбе за внешнюю политику в 1909 г.: министром иностранных дел якобы не был назначен бывший и будущий премьер И. Л. Горемыкин — «ультраконсерватор» и сторонник германской ориентации (С. 143). Слух — один среди множества тогда циркулировавших и подхватывавшихся прессой — просто принимается на веру. Оснований именовать Ивана Логгиновича «ультраконсерватором» тоже мало: за роспуск I Думы? В таком случае и сам Столыпин — соратник Горемыкина в этом деле — должен получить подобный эпитет.

10. Айрапетов О. Р. Ук. соч. С. 222–224.

Можно было бы отметить еще ряд моментов. Автор обращает постоянное внимание на официальную хронику и сюжеты, достаточно далекие от основной темы. Биографические отступления, посвященные, в частности, В. А. Сухомлинову, И. Л. Горемыкину, императрице Александре Федоровне (С. 135–138, 346–347), грешат односторонностью и не учитывают современных исследований. Почему автор «дипломатической Цусимы» А. П. Извольский называется «профессионалом высочайшего класса» (С. 27), а проводивший относительно успешную финансовую политику в тяжелейший период мировой войны П. Л. Барк получает унижительную характеристику (С. 308–309), сказать сложно. Апофеозом «разгула терроризма», волна которого сошла на нет уже в 1908 г., почему-то считается убийство Столыпина (С. 290). Достаточно странно звучит утверждение, что в 1914 г. Россия спасала Запад «буквально голыми руками» (С. 290).

Вместе с тем монография И. В. Алексеевой содержит богатый фактический материал, в первую очередь по таким темам, как официальные европейские визиты на высшем уровне и внешнеполитические дискуссии в Государственной думе в 1907–1911 и 1914–1917 гг.

Ф. А. Гайда

В. В. Янцен. Неизвестный Чижевский. Обзор неопубликованных трудов. СПб., 2008

Владимир Янцен совершенно прав, когда в самом начале своей книги говорит о широкой популярности имени Д. И. Чижевского среди специалистов по русской культуре. Сам я получил свою докторскую степень от Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе и хорошо помню, каким авторитетом пользовалось это имя среди моих профессоров. Будучи выходцем из Советского Союза, я это имя если и слышал, то не так часто и не в таком контексте, в каком оно звучало в культурной атмосфере Запада. Постепенно и для меня это имя стало «классическим», стало привычным...

Приступая к чтению книги Владимира Янцена, я, честно говоря, испытывал некоторое сомнение в том, что в ней будут сделаны открытия, способные взволновать меня до самой глубины моей, если можно так выразиться, «научной души».

Но очень скоро автор убедил меня в том, что *подлинного* Чижевского я просто не знаю, потому что это имя я всегда связывал исключительно с литературоведением, хотя, конечно же, с литературоведением высокого класса, высота которого, прежде всего, заключалась в тонком анализе, философский аспект которого был всегда очевиден, хотя, впрочем, и не до такой степени, чтобы именно этот аспект выступал в роли некоего определяющего тона, тона, «задающего музыку». Как аналитик литературы Чижевский и привлекал меня своей любовью именно к философии, своим пристрастием к анализу, который откровенно томится в рамках собственно литературоведения, ибо я и сам сторонник того убеждения, что литературная критика без философии подобна физике без математики. И, тем не менее, собственно литературоведческие работы Чижевского именно в этом отношении казались мне недостаточно «философичными», недостаточно отвечающими моему внутреннему требованию.

Каково же было мое изумление, когда с первых же страниц книги на меня повеяло духом *собственно философии*, которым была одержима душа Чижевского! Это было первое, что буквально приковало меня к книге Владимира Янцена, что заставило меня провести над нею всю ночь, несмотря на предстоящие лекции и прочую профессорскую рутину. Не постепенно, а как-то сразу передо

мною вырос образ замечательно глубокого и оригинального мыслителя, которого автор книги совершенно справедливо сравнивает со Сковородой, с Коменским. Мне всегда казалось, что советское литературоведение, несмотря на прокламируемый им интернационализм, носило слишком центростремительный характер, было сосредоточено на русской литературе, на идее *русскости*, оставляя по ту сторону литературного процесса колоссальные заслуги братьев-славян. И вдруг я нашел себя читателем книги, в которой без громких слов, на очень конкретном материале раскрывается кипучая жизнь сознания, погруженного в идею глубочайшего родства и взаимозависимости славянских культур, их *коллективной* устремленности к сокровищам культуры западной.

Владимир Янцен как бы показывает нам, по какому пути двигалась бы русско- украинская культура, если бы не печальные события, так разрушительно сказавшиеся на культурной судьбе наших недалеких предков и нас самих. Чижевский показан как истинный титан, взваливший на свои плечи непомерно огромный груз по спасению *подлинного* лика культуры, причем спасение заключалось в создании оригинальных трудов, в проделывании работы, которая по своим масштабам годилась для работы нескольких поколений культурных тружеников...

Не останавливаясь подробно на деталях трудной жизни ученого, Янцен, тем не менее, создает выразительную картину подлинно трагической судьбы, когда, влекомый мощным инстинктом созидания, человек приносит в жертву великой и сложной задаче свое личное счастье, находя спасение в осознании необыкновенной нужности того, что он делает. Один этот аспект книги — великая заслуга Янца в наше странное и трудное время, когда возможность и читать и писать все, что угодно, так велика, но общая устремленность жизни влечет современного человека в сторону весьма далекую и от чтения и от писания трудно читаемой литературы.

Владимир Янцен предупреждает нас, что мы имеем дело с «кратким обзором», но это, быть может, и хорошо, потому что книга стремительна, легка в чтении, нигде не застревает на деталях, способных задержать на себе наш интерес.

Автор говорит о том, что Чижевскому было трудно по причине тяжелого времени, работавшего против тихих кабинетных трудов, о том, что писатель всегда был в пути, теряя на этом пути и рукописи, и библиотеки; Чижевскому было трудно из-за того, что сами его интересы слишком «вылезали» из пределов знания, узкоочерченного узкими специалистами. Такого рода замечания всегда необыкновенно уместны в книге, придавая живость, динамичность повествованию. Когда перечисляются темы, проблемы, названия книг, имена писателей, все это звучит как музыка, совсем не скучно по той простой причине, что дается на фоне жизни, протекающей параллельно с жизнью огромной страны, культурные запросы

которой лежат в таком убогом и жалком русле, на фоне которого искания Чижевского — мощный и свободный поток широкой реки.

Книга Янца должна быть интересна и философу, и лингвисту, и слависту. Я, например, любя и бесконечно почитая Сковороду, как-то не связывал его с Бёме, с немецкими мистиками, а благодаря книге Янца (его «краткому обзору») вернулся не только к Бёме, которым так увлекался, кстати, Бердяев, но и к Гегелю. Мне стал понятнее энтузиазм русских интеллигентов, буквально поклонявшихся Шеллингу и Гегелю в 20-е, 30-е годы девятнадцатого века. Чижевский отлично знал философию не только прошлых веков, но и современную ему, западную. Я помню, как в свои молодые годы, читал «самиздатские» переводы с немецких и французских философов, сколько споров мы вели вокруг Гуссерля, Хайдеггера, Барта и т. д. Насколько легче было бы нам всем расти, если бы знали труды Чижевского, если бы его имя не было для нас за семью печатями. Еще более я поразился тому, что термин «структурализм» восходит к трудам Чижевского. Это подлинное открытие в моей научной биографии, открытие, которому я придаю огромное значение.

Читатель, наверное, заметил, что в этих размышлениях о книге «Неизвестный Чижевский» я много говорю о себе, но мне просто хочется, чтобы на книгу Владимира Янца посмотрели глазами человека, который родился и вырос в СССР. Моя признательность автору книги продиктована тем, что благодаря ей я могу увидеть свою *возможную*, свою *несостоявшуюся* биографию и пережить чувство глубокой благодарности за то, что автор дал мне возможность вынести приговор своей собственной научной жизни, приговор, в общем-то благоприятный, ибо то, что Чижевский спасал для потомков, было его наследственным знанием. Мы открывали и Гегеля, и Шеллинга, и Сковороду и Коменского без помощи Чижевского, но теперь я вижу, что мы были на *единственно правильном* пути.

После книги Владимира Янца я буквально набросился на книгу Чижевского «Гегель в России» и считаю это сочинение самым настоящим шедевром, без которого нельзя и помыслить сегодня историю русско-украинской интеллигентской мысли.

Мне кажется, что нет никакого смысла останавливаться здесь на каждой отдельной главе этой книги. О чем бы у Владимира Янца ни шла речь, о книгах ли, посвященных Сковороде, о редакциях книг о Гоголе, о книге «Шеллинг в России» или о книге «О формализме в этике», все это написано с глубоким знанием дела. С профессионально-глубоким проникновением в проблематику книг, с умелым нескудным повествованием о судьбе рукописей, о библиографических поисках автора, с умелой передачей *симфонически* богатой полифонии тем (чего стоят одни эти строки: «2. Критический анализ этики Канта. 3. Кант и Платон о ге-

донизме»...). В одном перечислении этих тем, в этом цитировании Чижевского — открывается великая глубина его интересов, диапазон его мышления, откровения которого так нужны сегодняшнему человеку, сегодняшнему читателю.

В книге много сносок, но сколько в них важной информации, имен, дат, названий. После ее чтения до меня дошла одна очень печальная истина: нельзя считать себя культурным человеком, а особенно *славистом*, не зная книги «Неизвестный Чижевский».

В заключение замечу следующее: помимо всего прочего, книга блестяще написана. Стил, изысканность словесных оборотов, глубоко сознательные, тщательно продуманные, но как бы случайно найденные, продиктованные вдохновением, психологически точные и необыкновенно тонкие детали. Музыкальное построение фраз, столь необычное для научного (и, казалось бы, *заведомо* скучного) труда, любовное отношение к теме культурной памяти человечества, все это делает книгу Владимира Янцена трудом необыкновенной важности, очень высокого культурного значения. Я искренно поздравляю издательство Русской христианской гуманитарной академии в Санкт-Петербурге с прекрасно осуществленной идеей опубликовать эту книгу на русском языке.

В. А. Дмитриев

~

М. А. КОЛЕРОВ

К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ
СТАТИСТИКИ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ
И «НОВОМ КУРСЕ» Л. П. БЕРИЯ
В ПРИБАЛТИКЕ

«**А**рхивная революция» (понятие В. А. Козлова¹), свершившаяся в России в начале 1990-х гг. после известного указа президента России Б. Н. Ельцина, призванного обеспечить свободный доступ к архивным материалам о политических репрессиях², фактически затронула, в первую очередь, историю СССР

-
1. В. Козлов, О. Локтева. «Архивная революция» в России (1991–1996) // Свободная мысль. М., 1997. №№ 1, 3, 4.
 2. Указ президента РСФСР № 658 от 23 июня 1992 года «О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека»: «1. Рассекретить законодательные акты, решения правительственных, партийных органов и ведомственные акты, служившие основанием для применения массовых репрессий и посягательств на права человека, по вопросам: организации и деятельности общих и специальных судов, внесудебных органов, а также органов внутренних дел и государственной безопасности в области применения мер государственного принуждения; организации и деятельности исправительно-трудовых учреждений, администрации мест поселения, режима отбывания различных видов наказания; установления уголовной и других видов юридической ответственности, применения репрессий в административном порядке (насильственного выселения из мест проживания, направления в ссылку, на спецпоселение и др.); применения принудительного труда, в частности мобилизации в военизированные трудовые формирования с ограничением свободы; применения различных мер принуждения и ограничения прав в отношении бывших военнопленных и интернированных из числа советских и иностранных граждан, лиц без гражданства; помещения лиц на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения. 2. Перечисленные в пункте 1 настоящего Указа нормативные и иные акты подлежат рассекретиванию независимо от времени их издания. Снять с этих актов ограничения на ознакомление с ними и их публикацию. Рассе-

сталинского времени, в наибольшей степени наполненного репрессиями. И «архивная революция» стала научной, источниковедческой революцией в изучении истории СССР, введя в научный оборот сотни томов новых документов, породив сотни томов новых исследований. В первое время, вспоминают исследователи сталинской статистики, против политических и публицистических оценок о масштабах репрессий архивная статистика выглядела заниженной.

В этом контексте в последние годы СССР первооткрывателю статистики репрессий В. Н. Земскову, начиная с 1989–1990 гг. публиковавшему данные о «населении ГУЛАГа», «пришлось выслушать немало упреков в фальшивом происхождении используемых документов и, следовательно, недостоверном характере публикуемых цифр, в подлоге и т. д. От работы к работе нужно было доказывать, что целый архивный фонд с тысячами единиц хранения, с солидным массивом первичных материалов лагерей не мог быть сфальсифицирован. Все документы подвергались источниковедческому анализу, сопоставлялись со сводной статистической отчетностью ГУЛАГа и с о сведениями, содержащимися в докладных записках руководства лагерного главка на имя Ягоды, Ежова, Берия, а также в информационных донесениях последних И. В. Сталину... „Предположение о том, что в этой документации могли сохраняться заниженные сведения, несостоятельно по той причине, что органам НКВД было невыгодно и даже опасно преуменьшать масштабы своей деятельности“ ...»³.

Председатель правления Краснодарского краевого отделения общества «Мемориал», активно работающего в российских архивах всех уровней и ключевых ведомств, много сделавшего и делающего для исследования сталинизма, историк С. А. Кропачев вспоминает о коллизии между политическими ожиданиями данных о подлинном числе жертв сталинизма и архивными фактами:

«Характерной в этом отношении была полемика, развернувшаяся на страницах „Аргументов и фактов“, выходявших в конце 1980-х — начале 1990-х миллионными тиражами. В 1989–1990 годах „Аргументы и факты“ опубликовали серию статей В. Н. Земскова, в которых, в частности, была обнародована подлинная статистика заключённых ГУЛАГа. Он входила в противоречие со сведениями, распространявшимися в масс-медиа, включая и „Аргументы

кречиванию подлежат также сведения о числе лиц, необоснованно подвергшихся наказанию в уголовном и административном порядке и иным мерам государственного принуждения за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и другим признакам, протоколы заседаний внесудебных органов, служебная переписка и другие материалы, непосредственно связанные с политическими репрессиями...»

3. С. И. Голотик, В. В. Минаев. Население и власть: Очерки демографической истории СССР 1930-х годов. М., 2004. С. 141.

и факты“, Р. Медведевым, А. Солженицыным, А. Антоновым-Овсеенко, О. Шатуновской и другими авторами. Такими же полярированными были и отклики читателей на данные публикации. Их характер варьировался в широком диапазоне от безусловно одобрительных до резко негативных. Негативная реакция части читателей вызывалась главным образом тем, что они ожидали прочесть о десятках миллионов людей, якобы находившихся на спецпоселении, в ссылке и высылке, а их в действительности там было в начале 1953 г. менее 3 млн человек, о миллионах расстрелянных, замученных, о десятках миллионов пострадавших. На этой почве высказывались сомнения в подлинности информации, приводимой, в частности, В. Н. Земсковым, Делались беспелепелляющие заявления, что эта статистика будто бы фальшивая, сфальсифицированная и т. п. Причем подобного рода заявления звучали не только из уст журналистов, публицистов, но и историков. Что говорит об очень высокой степени внедрения в массовое сознание недостоверных, многократно преувеличенных „статистических изысканий“ тех, кто на волне перестройки зарабатывал себе очки. Острая полемика на страницах печати в эти годы между профессиональным историком В. Земсковым и публицистом А. Антоновым-Овсеенко. В 1991 году в „Литературной газете“ была опубликована статья А. Антонова-Овсеенко „Противостояние“. В ней он обвинил В. Земскова в научной недобросовестности, высказал мнение о фальшивом происхождении используемых оппонентом документов и, следовательно, недостоверном характере публикуемых В. Земсковым цифр. Ему вторил известный писатель, бывший узник сталинских лагерей Л. Э. Разгон. Ответ В. Земскова был дан в статье, опубликованной в этом же году в журнале „История СССР“. Автор справедливо писал о том, что вопрос о подлоге можно было рассматривать, если бы его исследования опирались на один или несколько разрозненных документов. „Однако нельзя подделывать находящийся в государственном хранении целый архивный фонд с тысячами единиц хранения, куда входит и огромный массив первичных материалов (предположить, что первичные материалы — фальшивые, можно только при допущении нелепой мысли, что каждый лагерь имел две канцелярии: одну, ведущую подлинное делопроизводство, а вторую — неподлинное)“, — писал В. Земсков. Тем не менее, весь массив архивных документов был им подвергнут тщательному источниковедческому анализу, и их подлинность была установлена со 100-процентной гарантией. Данные первичных материалов о количестве заключённых и спецпоселенцев в 1930–1950-е годы в итоге совпали со сводной статистической отчетностью ГУЛАГа и со сведениями, содержащимися в докладных записках руководства ГУЛАГа на имя Н. И. Ежова, Л. П. Берии, С. Н. Круглова, а также в докладных записках последних на имя И. В. Сталина. Следовательно, документация всех уровней, которой пользовался В. Земсков, являлась подлинной».⁴

4. С. А. Кропачев. От лжи к покаянию: Отечественная историография о масштабах репрессий и потерях СССР в 1937–1945 годах. СПб., 2011. С. 107–109.

Итак, первую, демагогическую проверку «Литературной газетой» историки и архивные документы с честью прошли, продемонстрировав многоуровневую систему государственной статистики репрессий, указав на источник итоговых данных о репрессиях в первичной документации.

На Западе новые и предельно адекватные данные о численности жертв репрессий, опубликованные в последние годы существования СССР в советской литературе, немедленно вызвали заинтересованное научное обсуждение, которое начал Алек Ноув в статье «How Many Victims?»⁵ Западной науке потребовалось лишь несколько лет, чтобы, совместно с действующими русскими исследователями, инкорпорировать новые данные в актуальный историографический багаж, маргинализовав пропагандистские усилия западных «популяризаторов».

Но в русской научной литературе (не говоря уже о публицистике) последних двадцати лет «архивной революции» будто бы не было. Даже такие официальные историки, за истекшие годы поработавшие в архивах по поручению советских и российских властей, как руководитель Центра публикации документов по истории XX века Института всеобщей истории РАН Н. С. Лебедева, трудившаяся при последнем советском лидере М. С. Горбачёве над определением вины СССР в «Катынском расстреле», а при российских президентах В. В. Путине и Д. А. Медведеве — над «трудными вопросами» российско-польских исторических отношений, до сих пор, до самого последнего дня, видимо, следует тому предположению, что в идейной борьбе против сталинизма полезней всего не фундированные источниками факты, а произвольные, зато

5. Alec Nove. How many Victims in the 1930s? // Soviet Studies. Vol. 42. No. 2. 1990; Alec Nove. How many Victims in the 1930s? II // Soviet Studies. Vol. 42. No. 4. 1990. Alec Nove. How many Victims in the 1930s? // Soviet Studies. Vol. 42. No. 2. 1990; Alec Nove. How many Victims in the 1930s? — II // Soviet Studies. Vol. 42. No. 4. 1990; S. G. Wheatcroft. More light on the Scale of Repression and Excess Mortality in the Soviet Union in the 1930s // Soviet Studies. Vol. 42. No. 2. 1990; Michael Ellman. A Note on the Number of Famine Victims // Soviet Studies. Vol. 43. No. 2. 1991; Stephen G. Wheatcroft. A Further Note of Clarification on the Famine, the Camps and Excess Mortality // Europe-Asia Studies. Vol. 49. No. 3. 1997; и так далее). Первый обзор экспертных оценок общего числа заключенных и статистической структуры принудительного труда в СССР в период до публикаций архивных данных, предпринятых в 1989–1991 гг. А. Н. Дугиным и В. Н. Земсковым и анализ их с точки зрения этих публикаций, а также попытку оценить долю принудительного труда в общем балансе военно-трудовых ресурсов (однако без учета фактора военнопленных) см.: Edwin Bacon. Glasnost' and the Gulag: New Information on Soviet Forced Labour around World War II // Soviet Studies. Vol. 44. No. 6. 1992. А затем его квалифицированное развитие: J. Arch Getty, Gabor T. Rittersporn, Viktor N. Zemskov. Victims of the Soviet Penal System in the Pre-War Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence // American Historical Review. Vol. 98. No. 4. October 1998.

максимальные, поражающие воображение цифры. Так, например, «исследовательница» продолжает отстаивать «абсолютно абсурдное утверждение о том, что в период с 1937 по 1941 год в Советском Союзе было репрессировано 11 миллионов человек. Несмотря на прозвучавшую критику, это утверждение так и не было дезавуировано». Подвергающий анализу и разрушительной критике этот и другие примеры столь упорного вольного обращения Н. С. Лебедевой с фактами и архивными данными, А. Р. Дюков апеллирует, в том числе, и к исследованиям общества «Мемориал», известного не только своими радикально-либеральными предпочтениями в актуальной российской политике и последовательным антикоммунизмом, но и качественной архивной работой. А. Р. Дюков справедливо отмечает: «Появление в историографии заведомо завышенных, находящихся в прямом противоречии с введенным в научный оборот комплексом архивных документов, статистических „данных“ о советских репрессиях происходит по-разному. Порою эти „данные“ восходят к цифрам, изобретенным нацистской пропагандой; порою — базируются на неправильных оценках американских советологов времен „холодной войны“. Однако самый интересный (в том числе с методологической точки зрения) случай появления подобных „данных“ — неправильное истолкование подлинных архивных документов. На наш взгляд, речь идет о намеренном пренебрежении Н. С. Лебедевой научной этикой и методами научного исследования с целью формирования неадекватных представлений о масштабах советских репрессий. Это само по себе плохо; однако еще хуже — то, что не имеющая отношения к науке деятельность Н. С. Лебедевой публикуется под видом официальной российской позиции»⁶.

6. Александр Дюков: Умножение репрессированных: об одном случае научной непорядочности // REGNUM. 28 августа 2011: www.regnum.ru/news/144030.html (при существующем в современной науке консенсусе о том, что общее число репрессированных в 1939–1941 гг. во вновь присоединённых землях Западной Белоруссии и Западной Украины составляет не более 110 000 человек, «Н. С. Лебедева опубликовала... статью, в которой утверждала, что только в период с сентября 1939 по 1 декабря 1940 г. в Западной Украине и Западной Белоруссии советскими властями было репрессировано около 700 тысяч человек. ... в 2009–2010 гг. Н. С. Лебедева трижды с небольшими изменениями издала статью „Сентябрь 1939 г.: Польша между Германией и СССР“... Все три сборника, в которых была опубликована данная статья Н. С. Лебедевой, были изданы в рамках официальной российской «исторической политики» — под грифами Комиссии при Президенте РФ по борьбе с фальсификацией истории в ущерб интересам России и Российско-польской группы по сложным вопросам. Таким образом, утверждения Лебедевой о 700 тысячах репрессированных советскими властями на территории Западной Украины и Западной Белоруссии получили не только научный, но и официальный политический статус — несмотря на их прямое противоречие всей современной историографии вопроса».

Описанной недобросовестности, к счастью, противостоит реальность архивных данных, доступный объём которых служит вполне достаточным основанием не только для разоблачения недобросовестности, но и полноценным материалом для выяснения степени достоверности репрессивной статистики, уже признанной безусловно достоверной. То есть, окончательно отвергнув как ничем не обоснованные литературно-публицистические и пропагандистские оценки в десятки миллионов, а в ряде случаев — и в миллионы жертв, наука встала перед необходимостью заняться уже собственным инструментарием («считая с точностью до единицы»), ещё более сужая простор для недобросовестности и демагогии.

Но при огромном объёме новых источников дальнейшей, адекватной ему источниковедческой — исследующей специфику документообразования и объективную зависимость качества данных от уровня обобщения и связанных с ним исторических факторов — критики сталинских документов о масштабах репрессий — так и не прозвучало. Несмотря на то, что, помимо внутрисоветского, немедленно после появления первых данных из архивов СССР, многодесятилетний спор западных советологов о количестве жертв сталинских репрессий иссяк, новая дискуссия о мере достоверности (бюрократически крайне высокой) советских архивных документов о репрессивной практике и коэффициентах искажения первичных и итоговых данных так и не началась.

Возникла некоторая зачарованность бездонными глубинами всегда ранее секретных данных о советской макроэкономике, советской микроэкономике и миллионах персональных данных её строителей и жертв. Демагогические споры отечественных и западных критиков СССР о количестве жертв, словно соревновавшихся в том, кто выкрикнет большую цифру, исходя из самых умозрительных схем, оставляли мало места для профессиональной науки и как-то сошли на нет (за редким исключением в лице исторических публицистов вроде Бориса Соколова⁷ или авторов французской «Чёрной книги коммунизма» (1997), всё ещё ведущих свою личную войну против Сталина в духе «абличительных» 1980-х годов), но и профессиональная наука, признаться, оставалась в долгу перед историческим сознанием, не торопясь подвергнуть новой источниковедческой критике новые источники.

Только в последнее время, когда работа в архивах уравнила в правах злонамеренных и профессиональных, у некоторых исто-

риков возникло естественное желание подвергнуть анализу качество официальных советских данных по статистике жертв, чтобы в условной борьбе современных «ревизионистов» и традиционных «обвинителей» Сталина (особенно из старых и новых государств бывшего советского блока и бывших советских республик, особенно прибалтийских) уличить противоположную сторону в политизации (занижении или завышении) итоговых цифр. К счастью для науки, пределы научно допустимых манипуляций с цифрами резко сократились, оставив законный простор для их истолкования. Но вот именно новые интерпретации уже общепринятых данных и требуют особого анализа сталинских данных, обнаруживающего логику естественных искажений официальной статистики на пути от первичных данных к итоговым.

В сфере изучения истории сталинизма подобному анализу серьёзно подвергались до сих пор, пожалуй, только две группы массовых данных, кроме упомянутых подсчётов потерь в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: цифры реального экономического роста в СССР и выполнения политических плановых показателей — и цифры сравнительной эффективности (производительности) принудительного труда заключённых в ГУЛАГе и труда формально «вольнонаёмных» рабочих.

Первой работой, непосредственно сфокусированной на проверке, как правило, пропагандистских и политических данных эстонских историков во главе с политиком-русофобом Мартом Лааром⁸ о количестве жертв сталинских репрессий против жителей Эстонской ССР в довоенный, военный и послевоенный период, стала книга А. Р. Дюкова «Миф о геноциде»⁹. В ней историк подверг успешной источниковедческой критике промежуточные и итоговые цифры жертв и обстоятельства их возникновения (казни, смертность при транспортировке и в местах заключения).

Однако уже при изучении этой работы читателю приходится сталкиваться с проблемой «второго уровня»: адекватно проверяя литературно-пропагандистские *human stories*, политические формулировки оппонентов о тотальной смертности репрессированных, мифологически массовых казнях, ничем не обоснованных штампах об этнической избирательности репрессий (геноциде), А. Р. Дюков апеллировал, как правило, к нормативным документам НКВД о стандартах при сборе репрессированных, их транспортировке, работе, нормах их медицинского и продовольственного обеспечения¹⁰.

7. Б. В. Соколов. Потери Советского Союза и Германии во Второй мировой войне: методы подсчетов и наиболее вероятные результаты. М., 2011. Квалифицированный ответ на подобные сочинения см. в работах: В. Г. Первышин. Людские потери в Великой Отечественной войне // Вопросы истории. М., 2000. № 7; Л. Л. Рыбаковский. Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне / Изд. 2, испр. и доп.. М., 2010.

8. О «классическом» труде Лаара в этом жанре см.: И. А. Павловский: Март Лаар. История Эстонии с высоты птичьего полета. Таллин, 2005 // Русский Сборник: Исследования по истории России. Том IV. М., 2007.

9. Александр Дюков. Миф о геноциде: Репрессии советских властей в Эстонии (1940–1953). М., 2007.

10. См., например: А. Дюков. Миф о геноциде. С. 38–43, 47.

Одним словом, исследователь успешно противопоставлял пропагандистской литературе силу архивного документа, но не оговаривал естественных пределов точности этого документа, не проводил грани между нормативами и практикой. Не подвергал, к сожалению, встречной верификации качество документов, априори и необоснованно исходя из того, что (действительно в условиях того времени в целом гуманные) нормативные документы НКВД якобы находили на стадии их реализации стопроцентное исполнение.

Проблема исполнения планов, распоряжений советских ведомств и властей всех уровней чрезвычайно обширна. И в применении к социальной практике репрессий и принудительного труда требует многочисленных уточнений. Но в любом случае ясно одно: как и любые социально-экономические нормативы, как и любые планы в СССР, нормативы НКВД в части реализации репрессий никогда не исполнялись полностью. Соответственно, и экстраполяция нормативных данных на оценку статистики репрессий, особенно в области, наименее подверженной централизованному («нормативному») контролю (труд, физическое состояние, снабжение при транспортировке и в лагере), далеко не всегда может быть корректной. Итак, итоговые документы высшего бюрократического происхождения, несомненно, должны быть оцениваемы со здоровой долей критичности, даже тогда, когда они суммируют данные, поступившие с более низких уровней отчётности, вплоть до первичных.

Тем временем в исторической литературе об эпохе сталинизма становится легитимной и тема проверки первичных данных, которая позволяет избавиться от излишнего поклонения качеству и максимальной «подлинности» первичных документов. И если, понимая, что полностью нормативы материального обеспечения никогда не исполняются на 100 %, при планировании, освоении, распределении ресурсов (в том числе ресурсов для материального обеспечения репрессий и дальнейшего трудового использования репрессированных) естественным мотивом для ведомственного искажения данных было заведомое завышение требуемых ресурсов и следовательно, формальное или фактическое завышение численности снабжаемого контингента, в том числе за счёт реального снижения смертности. То есть в условиях боевых действий данные об успешности своей боевой работы носили, в первую очередь, карьерный характер. Например, говоря об известной проблеме подсчёта военных потерь (своих собственных и противника), военный историк отмечает тотальное несоответствие взаимной статистики авиационных потерь в Красной Армии и гитлеровских Люфтваффе: итогом становится взаимное завышение нанесённых потерь в два и в три раза¹¹. При сведении этих данных разрыв становится совершенно неприемлемым, с трудом поддающим-

11. Алексей Исаев. 10 мифов о Второй мировой. М., 2010. С. 303–325.

ся толкованию без его кратной «усушки». Так, например, по советским источникам, «немецкий воздушный флот понёс 22 июня 1941 г. самые тяжёлые потери как за всё время Великой Отечественной, так и Второй мировой войны... Всего немцы не досчитались за этот день 822 самолётов» (в Польше за 40 дней в 1939 — 67, во Франции за 3 месяца в 1940 — 547, в Англии за 17 августа 1940 — 71). Но с другой стороны, по гитлеровским источникам, с 22 июня по 5 июля — Люфтваффе потеряли 807 самолётов, а с 6 по 19 июля — 477: то есть не за день, а почти за месяц — всего 1284¹².

К этому категорическому несоответствию следует добавить и обнаруженные историками уровни, на которых происходили ключевые искажения информации. Специалист фиксирует несоответствие данных о военных потерях в разных отчётных инстанциях и приходит к выводу: исходные данные о потерях, суммированные на уровне полка, больше, чем на следующем уровне отчётности — в дивизии¹³. Из этого можно сделать вывод, что у производителей первичных данных существовали обстоятельства, мотивы к максимальному подсчёту или завышению данных о потерях, а у вышестоящих инстанций, кроме естественного запаздывания с обработкой данных, присутствовало понимание того, что эти первичные данные чаще всего завышаются, и была воля к тому, чтобы корректировать эти данные в каких-либо интересах.

Но одно дело — завышать данные об уничтоженных противниках в открытом бою, и совсем другое — завышать данные об уничтоженных (подлинных или «потенциальных») врагах на «внутреннем фронте». Репрессивная доблесть карательных органов, прямо в духе Большого Террора 1937–1938 гг. соревновавшихся друг с другом в численности обнаруженных и наказанных врагов, неизбежно входила в противоречие с политической судьбой местных органов власти, особенно в послевоенное время и особенно на новых советских территориях в Прибалтике, Белорусской ССР и Украинской ССР, для которых главным интересом в отчётах о своей деятельности было, как минимум, непреувеличение параметров собственной неэффективности и нестабильности, выражавшихся, в том числе, в цифрах репрессированных врагов советской власти.

В своей недавней статье¹⁴ А. Р. Дюков продолжил полемическую линию по верификации статистики репрессий, которую приводят исследователи сталинской политики в советских республиках При-

12. Ф. П. Ходеев. О господстве в воздухе немецкой авиации в начале Великой Отечественной войны // Вопросы истории. М., 2011. № 6. С. 146–147.

13. Александр Ржавин. В ОБД не значится! Как полковые донесения дополняют дивизионные // Военная археология. М., 2010. № 3 (6).

14. А. Дюков. «Докладные Берия» и проблема достоверности статистики советских репрессий // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. М., 2010. № 1.

балтики. Но на этот раз объектом полемики выступают признанные исследователи, а не Март Лаар. И тем ответственнее задача, которую возлагает на себя А. Р. Дюков.

Исследователь подвергает критике сводные данные (в разные годы главы НКВД, члена / заместителя председателя ГКО, заместителя председателя СНК / Совета министров СССР) представителя высшего советского руководства Л. П. Берия о репрессиях в Прибалтике и на Украине (арестованных, убитых и депортированных), которые используют авторитетные исследователи Тыну Таннберг¹⁵ и Е. Ю. Зубкова,¹⁶ — как «недостоверные»¹⁷. Сразу отметим, что и эстонский автор Тыну Таннберг и российский историк Е. Ю. Зубкова профессионально опираются в своих работах на полноту архивных данных и к ним не могут быть предъявлены претензии в чрезмерной политической ангажированности, хотя Тыну Таннберг и действует в парадигме принудительно господствующей в Эстонии теории «советской оккупации» (которую он, однако, готов компромиссно толковать и как практику некоего «контроля» и «влияния» СССР в Прибалтике), а Е. Ю. Зубкова, отнюдь не являясь сторонницей сталинистского «ревизионизма», корректность формулы «советской оккупации» отрицает.

А. Р. Дюков приводит подготовленные весной 1953 года сводные данные Л. П. Берия об итогах борьбы с вооружённым антисоветским подпольем в Прибалтике и на Западной Украине в 1944–1953 гг. (когда по докладам МВД были приняты решения Президиума ЦК КПСС от 26 мая 1953 года об Украинской и Литовской ССР с критикой местных органов власти за наличие масштабного вооружённого антисоветского подполья). Эти данные использовали Т. Таннберг и Е. Ю. Зубкова при анализе того, как Берия, ссылаясь на большое число жертв и участников подполья, формулировал необходимость новой национальной политики Кремля в республиках советской Прибалтики. А. Р. Дюков утверждает, что приведённые Берия цифры (см. таблицу ниже¹⁸) носят политически препарированный характер, то есть завышены.

Наибольшая цифра здесь — число арестованных. При этом нет никаких разъяснений: насколько пересекаются цифры арестованных и депортированных (сначала арестованных, а затем высланных), сколько из числа арестованных отпущено, а сколько отправлено в места заключения и т. п. Однако наиболее существенной цифрой, впечатляюще отражающей степень ожесточения борьбы, является, конечно, цифра убитых — она и должна находиться в фо-

15. Тыну Таннберг. Политика Москвы в республиках Балтии в послевоенные годы (1944–1956): Исследования и документы. М., 2010. С. 110.

16. Е. Ю. Зубкова. Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М., 2008. С. 321, 327.

17. А. Дюков. «Доклады Берия». С. 61–62.

18. Там же. С. 61.

	Эстонская ССР	Латвийская ССР	Литовская ССР	Украинская ССР	Всего
Арестовано	45 056	72 975	130 337	134 467	382 835
Убито	1495	2321	20 005	153 259	177 080
Депортировано	20 919	43 702	126 037	203 737	394 395
Всего	67 470	118 998	276 379	491 463	954 310

кусе нашего внимания, как тот военный показатель, вокруг которого, собственно и должны строиться оценки масштабов противоборства. Их мы и должны проверять в первую очередь.

Но, не входя в детали, А. Р. Дюков убеждён: Берия потому «завышал» число (статистику, а не политические оценки) репрессированных, что придавал «несомненную политическую значимость» своим докладным в Президиум ЦК из-за развернувшейся в нём внутренней борьбы, «статистика советских репрессий в „докладных Берия“ была серьёзно завышена по политическим соображениям. В качестве достоверного источника по истории советской репрессивной политики данные документы рассматриваться не могут»¹⁹. Во-первых, та или иная мера достоверности массовых источников является характеристикой всего их комплекса в целом, а не одного из входящих в него документов. Во-вторых, дезавуируя «данные Берия», А. Р. Дюков ничего не говорит о конкретных направлениях и сути упомянутой им внутренней борьбы в высшем эшелоне послесталинской власти в СССР, которая могла бы заставить Берия именно в 1953 году прямо препарировать данные о репрессиях, которые он исправно, начиная с 1939 года, докладывал Сталину. Не объясняет он и то, почему именно в 1953 году Берия решил препарировать данные, которые в 1944–1952 гг., при Сталине, уже были доложены им от своего имени, давая тем самым основания для обвинений в фальсификациях, официально совершённых им не только после смерти Сталина, но и при нём. Эти презумпции я проанализирую ниже, а здесь сосредоточусь на сути критических выводов А. Р. Дюкова.

«Данные Берия», действительно, ярко демонстрируют масштабы борьбы и прямо заставляют заключать и о мощности репрессивной машины, и об упорстве сопротивления ей. И, похоже, А. Р. Дюков испытывает желание не только подвергнуть критике данные Берии, но и вновь оценить столь политически значимый ныне для прибалтийских государственных критиков Стали-

19. Там же. С. 63, 67.

на, СССР и современной России масштаб подлинного «сопротивления оккупации».

Решив подвергнуть сомнению «завышенные» данные Берии, А. Р. Дюков с самого начала допускает рискованные умозаключения. Игнорируя уже отмеченную источниковедческую специфику первичных данных, так же, как и любой источник, имеющих свои закономерности искажения и, в том числе, искажения в сторону завышения, историк противопоставляет первичные и обобщающие данные местных и союзных органов «НКВД-МГБ» (вернее было бы сказать: НКВД-МВД и НКГБ-МГБ): «первичные данные, разумеется, являются наиболее достоверными источниками. Сфальсифицировать огромный массив первичных данных невозможно, да и не нужно — ведь каждая из этих многочисленных докладных записок и информационных сообщений сама по себе мало что значит; она является лишь крошечным фрагментом общей картины»²⁰.

Позволю себе здесь категорически не согласиться: и массив, и каждый первичный документ в отдельности — это личная судьба подписавшего его должностного лица, основа для оценки его деятельности, карьеры, наград, инструмент прямого формирования и перераспределения ответственности должностного лица, инструмент обоснования им запросов на плановые и сверхплановые ресурсы, описания той реальности, о которой — в конечном счёте — он предпочитает сообщать в вышестоящие инстанции. Очевидно, что, сообщая, например, о потерях в личном составе своего подразделения, командир более всего ограничен в изложении и толковании фактов, но столь же очевидно, что одновременно мера его свободы в описании реальности возрастает многократно, когда он сообщает руководству о количестве потерь противника и тем более — о численности противостоящих ему сил. Из тех же легко, вольно или невольно, завышаемых оценок сил противника исходят и легко завышаемые данные о параметрах оказываемой ему поддержки среди местного населения, числе пособников и сочувствующих, подлежащих репрессиям в качестве враждебного элемента.

Далее А. Р. Дюков бездоказательно утверждает: «Итоговые справки должны подвергаться более тщательной источниковедческой критике, чем первичные материалы. Как минимум, некоторые из них готовились не столько в информационных, сколько в политических целях; следовательно, в содержащихся в этих документах данных могут быть заложены серьёзные искажения». С точки зрения архивной техники такое противопоставление первых и итоговых данных попросту не имеет методологического смысла. Тем более — не имеет никакого методологического смысла априорное утверждение о том, что конкретные итоговые данные подверглись политической фальсификации. Чтобы обнаружить такую

20. Там же. С. 61.

фальсификацию, достаточно всего лишь арифметически сличить данные по уровням их сведения в итоговые согласно административно-территориальной структуре ведомства. И, напомню, убедительно уличая в фальсификации Н. С. Лебедеву, А. Р. Дюков, именно арифметически и проверяет её данные, находя в одном из документов арифметический сбой.

Борясь с «завышенными данными» Берии, А. Р. Дюков обращается к данным, послужившим источниками для его итогового доклада. И оказывается, что «данные Берия», например, по Эстонской ССР (1953), — вовсе не данные высшего уровня обобщения (где предполагается «свобода рук» Берии), а повторённые им данные главы МВД ЭССР М. Крассмана. Вот эти данные Берии–Крассмана А. Р. Дюков и сравнивает с данными подчинённых М. Крассмана — 4-го отдела МВД ЭССР (за 1944–1953 гг.), извлекаемая из них цифры по 1953 году²¹:

	Данные Берия–Крассмана	Данные 4-го отдела МВД ЭССР
Убито	1 495	1 495
Арестовано	45 056	
«Легализовано», бандитов и нелегалов		16 671

Из этого сравнения получается, что подчинённые М. Крассмана сделали акцент на число определённо выявленных, признанных в качестве членов подполья лиц, а сам М. Красман и, опираясь на его данные, Берия (который не стал бы сличать его докладную записку с исходными данными его подчинённых, а центральный аппарат МВД не мог этого делать без указания о специальном расследовании) — на общем числе арестованных (задержанных), то есть подозреваемых и в большинстве своё затем отпущенных. Таким образом, для постороннего и неопытного читателя документа трёхкратное превышение числа подозреваемых над числом осуждённых — и могло бы выглядеть чем-то новым, но в Президиуме ЦК весной 1953 года, полностью укомплектованном из самых опытных деятелей сталинской карательной системы и её хозяйственных руководителей, таких наивных новичков просто не было. И акцент на общем числе арестованных, который был сделан Берией, вряд ли кому-то в руководстве, особенно после опыта 1930-х гг., мог показаться крайним преувеличением. Он скорее раскрывал потенциал сопротивления. Но не более того. Именно об этом говорит приводимая самим А. Р. Дюковым реплика главы МГБ Литовской

21. Там же. С. 64–66.

ССР П. П. Кондакова на допросе по делу уже свергнутого Берии летом 1953 года. От П. П. Кондакова, очевидно, требовались только обвинительные показания. Вот что он говорит о цитируемой справке Берии и что использует А. Р. Дюков в качестве доказательства того, что Берия сфальсифицировал данные: «В этой записке данные о репрессированных были увеличены, сюда включили даже задерживаемых»²². Странное обвинение: если в число репрессированных надо было бы включить «легализованных» антисоветских подпольщиков, то почему бы не считать таковыми тех, кто отпущен был из-под ареста, в том числе в рамках известной советской политики фактического «умиротворения», избирательного освобождения от полноты ответственности прибалтийских коллаборационистов Гитлера, столь основательно, на базе архивных данных, исследованной самим А. Р. Дюковым²³.

Несомненно, ещё более и уже персонально задетый справкой Берии 1-й секретарь ЦК КП Литвы А. Ю. Снечук на антибериевском июльском (1953) пленуме ЦК КПСС также говорил совершенно обвинительно, понимая, что именно обвинений от него и ждут свергнувшие Берию Н. С. Хрущёв и Г. М. Маленков. А. Ю. Снечук говорил, что цифра в 270 000 репрессированных в Литовской ССР в справке Берия «нечестна»: «то, что там, в записке, указано с 1944 года, а между тем входят и репрессированные до войны 1941 года... потом там, видимо, по несколько раз тот же самый человек проходит. В эту цифру входят и немцы, репатриированные в Германию»²⁴. Не предрешая итогов исследования, которое элементарно может быть сведено к выявлению терминологических соответствий по репрессированным и арифметическому сложению данных по годам, отмечу, что, по крайней мере, часть реплики А. Ю. Снечука вызывает сомнения: а именно то его утверждение, что в число, видимо, депортированных (высланных) входят «немцы, репатриированные в Германию». Дело в том, что с терминологической точки зрения «репатриации из СССР» подлежали только военнопленные и интернированные иностранные граждане, но текущий учёт их был привязан к территории союзных республик исключительно в контексте производственной деятельности, централизованной в совершенно отдельном главке внутри НКВД-МВД, не имеющем никакого отношения к обеспечению государственной безопасности на территории СССР, — Главном управлении по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ), действовав-

22. Там же. С. 65.

23. А. Дюков. Советские репрессии против прибалтийских коллаборационистов Гитлера: новые документы (1943–1946) // Русский Сборник: Исследования по истории России. Том V. М., 2008; А. Дюков. Милость к падшим: Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике. М., 2009.

24. А. Дюков. «Докладные Берия». С. 64.

шем даже в производственном отношении отдельно от другого пенитенциарно-производственного главка — ГУЛАГа, — в котором сосредоточивались репрессированные (осуждённые) антисоветские элементы. Учёт репатрируемых немцев-военнопленных носил исключительно общесоюзный характер и не мог быть известен А. Ю. Снечкусу. Может быть, А. Ю. Снечук имел в виду не репатриированных, а просто по этническому признаку депортированных в Германию литовских немцев? Но и здесь его жалоба на то, что Берия исказил статистику, представляется более чем преувеличенной. Дело в том, что число депортированных (в общем потоке с немцами из советской Восточной Пруссии) из Литовской ССР (депортация проводилась в 1947–1948 гг.) немцев было всего около 2000 человек²⁵, что в сравнении с общим числом депортированных из Литовской ССР в 1944–1953 гг. в 126 000 человек (см. таблицу выше) — просто ничтожная величина. Если и иные обвинения А. Ю. Снечука против статистики Берии столь же на поверку несерьёзны, то их следует игнорировать.

Тем временем даже поверхностное обращение к текущим данным о числе убитых и арестованных участников антисоветского подполья в Литовской ССР обнаруживает гораздо более сложные источниковедческие задачи. Имея в виду, что, по «данным Берии», за 1944–1953 гг. в Литовской ССР было убито более 20 000 противников советской власти и арестовано свыше 130 000 (то есть налицо республиканская пропорция 1 к 6), интересно проследить, как с ними соотносятся фрагментарные текущие данные столь же высокого, союзного, уровня отчётности. Так главы НКВД и НКГБ Литовской ССР докладывали 26 января 1945 года союзному наркому Берии, что с июля 1944 по 20 января 1945 — обоими ведомствами в республике было арестовано в целом — 22 327 человек²⁶. Но ещё 5 января 1945 они же докладывали Берии, что общее число арестованных ими с июля 1944 по 1 января 1945 составляло 12 449 (в том числе в последнюю декаду декабря 1944–3857), что даёт основания полагать, что при указанном темпе репрессий арест дополнительных около 10 000 за 20 дней января 1945 был вполне реальным, а не «завышенным». При этом число убитых с июля 1944 по 1 января 1945 составило 2574 человек²⁷ (что в указанном периоде даёт пропорцию убитых и арестованных 1 к 4). Пропорция этих данных, доложенных подчиненными Берии, совершенно не противоречит тому, что в тот период сам Берия докладывал И. В. Стали-

25. Ю. В. Костяшов. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. Калининград, 2009. С. 173.

26. Прибалтийский национализм в документах НКВД, МВД и МГБ СССР: Сборник документов / Гл. ред. Н. Ф. Самохвалов, ред. Ю. Н. Морук. М., 2011. С. 183.

27. Там же. С. 177.

ну 22 ноября 1945: с 1 июня до 1 ноября 1945 в Литовской ССР было убито 3925 участников подполья, арестовано и «захвачено живыми» (и очевидно при этом также арестовано) — 13 830²⁸. Интересно, что за тот же период «явилось с повинной бандитов, находившихся на нелегальном положении дезертиров и уклоняющихся от призыва в Красную Армию» — 33 759 (!) человек²⁹, каковые, несомненно, по существовавшему порядку должны были автоматически поступить на проверочно-фильтрационные пункты, в которых содержались на положении задержанных, иногда на довольно значительный срок, часть которых после фильтрации подлежала аресту. В общем массиве эта часть нелегального сообщества, с которым боролся в Литовской ССР НКВД оказывает существенное влияние на итоговые цифры деятельности НКВД.

Кроме того, учитывая условия всё ещё военного и первых месяцев послевоенного времени, в которых составлялись названные отчёты, с его большей ожесточённостью борьбы, готовности вооружённого противника к сопротивлению и ещё не полностью сформированной советской властной инфраструктурой, позволявшей выявлять и арестовывать сети сочувствующих и поддерживающих противника, а так же членов семей, по практике того времени падающих под репрессии, можно с уверенностью заключить, что названная итоговая пропорция убитых и арестованных в Литовской ССР (1 к 6) не является вымышленной, то есть число арестованных в итоговых «данных Берии» за 1944–1953 гг. заметно завышенным.

И неужели против этой реальной, многослойной и терминологически сложной статистической работы все помянутые «показания» П. П. Кондакова и А. Ю. Снечкуса — могут считаться аргументами в пользу фальсификации Берией данных репрессий? Обвинения, высказанные против Берии тогда, когда требовались именно обвинения, не нашли ничего более существенного, чем избирательность данных, поданных Берии с уровня глав МВД союзных республик, в которых эти министры сделали акцент на общем числе антисоветских элементов и просто подозреваемых, прошедших

28. Корректность приведённых цифр в целом подтверждается и параллельными союзными подсчётами. По сводным данным ГУББ НКВД СССР, за 1944–1946 годы в Литовской ССР было убито — 13 560, всего арестовано — 24 004, «легализовано» — 7055 (посчитано по: Там же. С. 121). Однако для данных ГУББ естественна ведомственная неполнота: за 1944 год ГУББ числит убитыми 1826 человек (С. 121), в то время как приведённые сводные данные НКВД и НКГБ Литовской ССР за этот же период дают, разумеется, больше: 2574. См. также доклад главы МВД СССР С. Н. Круглову И. В. Сталину, Л. П. Берия, А. А. Жданову по итогам репрессий в Литовской ССР с января по 20 октября 1946: убито 1779, арестовано 6045 (Там же. С. 300).

29. Там же. С. 238. Те же цифры Берия сообщил 15 ноября 1945 В. М. Молотову, Г. М. Маленкову и А. И. Микояну: С. 233.

через карательную машину МВД, а не на тех, кто в итоге был признан антисоветским элементом и был за это наказан.

Здесь требовалось бы доказать, что (1) данные об арестованных / задержанных не имеют отношения к репрессивной политике советской власти и (2) такое вполне условное «раздувание» цифр было предпринято министрами союзных республик по указанию Берии, то есть стало актом хотя бы условного препарирования.

А. Р. Дюков даёт понять, что причиной «завышенных» данных о числе репрессированных стало именно указание Берии министрам внутренних дел союзных республик Прибалтики и Украинской ССР включить в общее число репрессированных... да, именно действительно всех репрессированных, то есть арестованных, но отпущенных. Считать ли это действительным завышением — вопрос терминологический, то есть вопрос о том, являются ли «репрессией» любые задержания и аресты, или таковыми следует считать только расстрелы, каторгу и «легализацию». Что же касается прямых указаний Берии министрам союзных республик, то и здесь всё выглядит не так очевидно, как следует из изложения А. Р. Дюкова. Он пишет: «Следует отметить, что П. Мешик был „человеком Берия“; его назначили на должность министра внутренних дел УССР в середине марта 1953 г. Поэтому не исключено, что данные о репрессиях, приведённые в его докладной, также не адекватны»³⁰. Сравнение данных главы МВД УССР П. Мешика и Берии даёт нам полное совпадение чисел убитых и депортированных, а разница обнаруживается лишь в числе арестованных: у П. Мешика их — 103 003³¹, у Берии — 134 467 (см. таблицу выше).

Судя по тому, что в служебной переписке Берии в подавляющем большинстве случаев присутствует инициативный документ для комплекса соответствующих документов³², следы выискиваемой «фальсификации» должны быть легко обнаружимы. Вот только вся «злость» такой «фальсификации», похоже, проявляется лишь в большем числе арестованных: неужели Берия, ведя внутреннюю борьбу в Президиуме ЦК КПСС, так и сказал своим республиканским министрам: «принципиальней, внимательней (больше) пиши про число арестованных бандитов, их — я знаю — у тебя (должно быть) много»?

Но и в этом есть сомнения. Ибо — если уж «завышать» данные о мощности антисоветского подполья в союзных республиках Прибалтики и на Западной Украине, — то было бы странно, если бы это «завышение» не коснулось базового показателя опасности это-

30. А. Дюков. «Докладные Берия». С. 67, прим. 14.

31. Там же. С. 66.

32. Архив новейшей истории России. Том IV: «Особая папка» Л. П. Берии: Из материалов Секретариата НКВД-МВД СССР 1946–1949 гг. Каталог документов / Отв. ред. М. А. Колеров. М., 1996.

го подполья — числа убитых антисоветчиков в боях с силами НКВД-МВД. Выборочная проверка «данных Берии» обнаруживает, однако, не только отсутствие «завышения», но и напротив — занижение данных, причём данных о числе убитых. Как указано в «данных Берия», в 1944–1953 гг. в Латвийской ССР был убит 2321 противник советской власти. Но данные того же МВД заставляют думать, что убито их в Латвийской ССР было в эти годы гораздо больше. Только 1944–1947 гг. (фактически в 1944–1946) было учтено 2402 убитых!³³

Так вся пирамида аргументации в пользу того, что Берия фальсифицировал данные о широте антисоветского подполья в Прибалтике в сторону их «завышения», рушится.

В заключение — несколько слов о политическом смысле такого якобы «завышения», наличие которого постулировал А. Р. Дюков, но и так и не стал раскрывать его фактическую природу, без чего вся логика его аргументации теряет исследовательский смысл.

Т. Таннберг в своём очерке о послесталинском «новом курсе» Берии в отношении Прибалтики заключает: «Общая схема реализации „нового курса“ Л. П. Берии была такова: по линии МВД собиралась информация о внутренней обстановке в союзной республике; с учётом этих данных составлялись докладные, которые обсуждались на высшем уровне — в Президиуме ЦК КПСС. На основании составленных Берией докладов в Кремле принимались конкретные решения и затем передавались в союзные республики для непосредственного исполнения. Согласно решениям Президиума ЦК КПСС от мая-июня 1953 г. в республиках следовало прекратить необоснованную и массовую политику насилия...»³⁴ Прекращение массовых карательных операций и замена их более изощрённой системой агентурной работы сопровождалась «национализацией» и очередной чисткой карательных и партийно-советских органов.

Именно эта новая чистка и вызывала наибольшие протесты тех лиц в республиках, кто лично участвовал в проведении прежней карательной политики и чья замена символизировала «новый курс». Поэтому, отмечу, легко понять, почему именно, например, А. Ю. Снечук пытался (неубедительно) доказать, что «новый курс» Берии был основан на «неправильной» статистике и, следовательно, нет никаких мотивов к тому, чтобы прекращать ставшее в итоге рекордно длительным (1940–1974) его, А. Ю. Снечука, пребывание во главе Литовской ССР.

33. «Сведения о результатах борьбы с антисоветским националистическим подпольем и бандитизмом на территории западных областей Украинской и Белорусской ССР, Литовской, Латвийской и Эстонской ССР с 1944 года по январь 1947 г.» [15 февраля 1947]: Сводные таблицы и статистика / Публ. А. Гогуна // Русское прошлое. Кн. 11. СПб, 2010. С. 145.

34. Тьну Таннберг. Политика Москвы в республиках Балтии в послевоенные годы. С. 83.

Е. Ю. Зубкова в своём очерке «нового курса» Берии в Прибалтике так резюмирует исследование политического контекста в высших эшелонах власти СССР весной-летом 1953 года: «Судя по оперативности, с которой предложения Берия прошли обычный в таких случаях порядок обсуждения и согласования, а также оформление их в виде постановлений Президиума ЦК КПСС, инициативы министра не встретили серьёзных возражений со стороны его кремлёвских соратников. Некоторые из них, в первую очередь Н. С. Хрущёв, не только энергично поддержали начинания шефа Лубянки, но даже попытались перехватить у него инициативу. Подобное рвение можно объяснить, помимо расчётов на политические дивиденды в борьбе за власть внутри Кремля, как свидетельство, что обеспокоенность ситуацией в Прибалтике среди советских руководителей была общей, точно так же, как и готовность принять меры по её изменению»³⁵.

Историк обращает внимание, кстати, что тот самый глава МГБ Литовской ССР П. П. Кондаков, который потщился дезавуировать «данные Берии» на обвинительном следствии, также имел все основания беспокоиться о своей личной судьбе при реализации «нового курса», ибо получил от Берии крайне негативную служебную характеристику, во исполнение которой Берия поставил вопрос о его отставке³⁶.

Почему А. Р. Дюков, зная приведённые признанными исследователями сведения об ангажированности А. Ю. Снечука и П. П. Кондакова в отношении конкретных усилий Берии в Прибалтике, считает возможным ссылаться на их «свидетельства» при оценке статистического качества «данных Берии», я не могу себе и представить. Почему А. Р. Дюков полагает, что в исторических условиях апреля-мая 1953 года полномочный, наряду с Маленковым и Хрущёвым, Берия должен был кого-то в Президиуме ЦК КПСС запугивать фальшивыми цифрами о положении в Прибалтике, тем более — опираясь на зафиксированный консенсус руководства в оценке ситуации в регионе, — я тоже недоумеваю.

В любом случае: предпринятую А. Р. Дюковым попытку на конкретном примере подвергнуть ревизии сложные по истории их формализации, но глубоко эшелонированные в массиве ведомственной статистики, данные НКВД-МВД о масштабах репрессий в Прибалтике следует признать неудачной. И это — важный результат усилий последних 20 лет «архивной революции» в России и в том числе самого А. Р. Дюкова, когда на смену сочинениям западных, отечественных, а теперь и прибалтийских демагогов от истории приходит критическое коллективное знание западных, отечественных, а теперь — и прибалтийских специалистов.

35. Е. Ю. Зубкова. Прибалтика и Кремль. С. 320.

36. Там же. С. 322.

К ПРЕДЫСТОРИИ «РУССКОГО СБОРНИКА»:
«РОССИЯ И РЕФОРМЫ» (МОСКВА, 1991–2002)
УКАЗАТЕЛЬ СОДЕРЖАНИЯ

Исторический исследовательский альманах «Русский Сборник», начавший свою биографию в 2004 году (в 2011 году вышел его десятый том), на своём месте в современной исторической науке в России увенчивает длительную традицию изданий, инициированных кругом выпускников исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. В его контексте, в ряду его предшественников и издательских precedентов — внесерийные монографии и коллективные труды¹, монографическая серия гуманитарных исследований SELECTA (с 2003 года)², серия «Исследования по истории русской мысли» (с 1996 года), включающая монографии, отдельные переиздания до-

1. О. Р. Айрапетов. Забытая карьера «Русского Мольтке»: Н. Н. Обручев (1830–1904). СПб, 1998; Последняя война императорской России / Под ред. О. Р. Айрапетова. М., 2002; Русско-японская война 1904–1905 гг.: Взгляд через столетие / Сб. под ред. О. Р. Айрапетова. М., 2004.
2. О. Р. Айрапетов «Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и на революцию. 1907–1917» (2003), В. А. Козлов. ««Где Гитлер? „Повторное расследование НКВД-МВД СССР обстоятельств исчезновения Адольфа Гитлера. 1945–1949“» (2003), В. И. Молчанов «Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания» (2004), К. Шевченко «Луицкий вопрос и Чехословакия: 1945–1948» (2004), К. Шевченко «Русины и Чехословакия: 1919–1939. К истории этнической инженерии» (2006), И. Глинка «Дальше — молчание...: Автобиографическая проза о жизни долгой и счастливой. 1933–2003» (2006), И. В. Дубровский «Институт и высказывание в конце Римской империи» (2009), В. Н. Сеидов «Архивы Бакинских нефтяных фирм (XIX — начало XX века)» (2009), Ю. А. Наумова «Русская медицинская служба в Крымскую войну (1853–1856)» (2010), О. Эдельман «Следствие по делу декабристов» (2010), Г. Милорадович «Карантин идей: Лагерь для изоляции „подозрительных лиц“ в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в 1919–1922 гг.» (2010), И. В. Дубровский «Очерки социальной истории средних веков» (2010), Л. Ф. Кацис, М. П. Одесский «„Славянская взаимность“: Модель и топика. Очерки» (2011), К. В. Шевченко «Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины (XIX — 1 пол. XX вв.)» (2011).

кументов и «Ежегодники»³, серия исторических и актуальных книг издательства «Европа» (2005–2007)⁴ и информационного агентства REGNUM (с 2006)⁵, ряд других книжных серий⁶, журналов⁷ и внесерийных изданий.

3. Серия «Исследования по истории русской мысли» издаётся М. А. Колеровым в сотрудничестве рядом издательств в Санкт-Петербурге и Москве. В ней вышли книги: М. А. Колеров «Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от „Проблем идеализма“ до „Вех“. 1902–1909» (1996), В. Проскурина «Течение Гольфстрема: Михаил Гершензон, его жизнь и миф», Д. Мережковский, З. Гиппиус, Д. Философов «Царь и революция [1907]» (1999), Е. Голлербах «К незримому граду: Религиозно-философская группа „Путь“ (1910–1919) в поисках новой русской идентичности», Л. Кацис «Русская эсхатология и русская литература», С. Н. Булгаков «Труды о тричности» (2000), Р. Хестанов «Александр Герцен: импровизация против доктрины» (2000), «Проблемы идеализма [1902]» (2002), М. А. Колеров «Сборник „Проблемы идеализма“ (1902): история и контекст» (2002), А. Койре «Философия и национальная проблема в России начала XIX века» (2004), А. С. Глинка (Волжский). «Собрание сочинений. Т. 1» (2005), В. Белоус. ВОЛЬФИЛА [Петроградская Вольная Философская Ассоциация]: 1919–1924» (2005), Ф. Нэтеркотт «Философская встреча: Бергсон в России (1907–1917)» (2008), С. Н. Дурылин и его время. Кн. 1» (2010). А также к настоящему времени — восемь ежегодников — продолжающихся сборников статей, сообщений, публикации и библиографии «Исследования по истории русской мысли» (1997, 1998, 1999, 2000, 2002, 2004, 2007, 2009).
4. «Россия и „санитарный кордон“. Сборник» (2005), И. Кочиева, А. Маргиев «Грузия. Этнические чистки в отношении осетин» (2005), «Сербия о себе: Сборник под редакцией М. Йовановича» (2005), А. Петренко «Прибалтика против фашизма: Советские прибалтийские дивизии в Великой Отечественной войне» (2005), В. Поleshук «Неграждане в Эстонии» (2005), И. Заславский «Дело труба: Баку — Тбилиси — Джейхан и казахстанский выбор на Каспии» (2005), Ю. В. Алексеев, А. Г. Манаков «Народ сету: между Россией и Эстонией» (2005), Л. Григорьев «Экономические перспективы Восточной Балтики: конкуренция и сотрудничество» (2005), М. Алексеев, К. Казенин, М. Сулейманов «Дагестанские народы Азербайджана» (2006), «Восстание меньшинств. Сборник» (2006), «Карабахский конфликт: азербайджанский взгляд. Сборник» (2006), И. Михутина «Украинский Брестский мир» (2006), А. Пушкаш «Цивилизация или варварство: Закарпатье 1918–1945» (2006), «Эстония: кровавый след нацизма 1941–1944: Сборник архивных документов» (2006), «Трагедия Литвы: 1941–1944 годы: Сборник архивных документов» (2006), Е. Борисёнок «Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы» (2006), «Федерализация Украины: единство нации или распад государства? Сборник» (2006), «Латвия под игом нацизма: Сборник архивных документов» (2006), О. Айрапетов «Внешняя политика Российской империи (1801–1914)» (2006), Х. Ибрагимли «Азербайджанцы Грузии» (2006), «Мечта о русском единстве: Киевский синопсис (1674)» (2006), М. Блиев «Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений» (2006), А. Щуцнев «Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004)» (2006), М. Волхонский, В. Муханов «По следам Азербайджанской Демократической Республики» (2007).
5. «Белая книга Приднестровской Молдавской Республики» (2006), «Западная Сахара: преданная независимость» (2007), Л. М. Григорьев, М. Р. Салихов «ГУАМ — пятнадцать лет спустя: Сдвиги в экономике Грузии, Украины, Азербайджана и Молдавии, 1991–2006» (2007), А. Егназарян «Турция и Россия во внешнеэкономических отношениях Азербайджана (1995–2006)»

Прямым предшественником «Русского Сборника» и его редакционного коллектива является редакция и научный исторический сборник «Россия и реформы», созданный в кругу молодых исследователей кафедры истории СССР периода капитализма (1801–1917 гг.) (ныне — отечественной истории XIX — начала XX века) исторического факультета МГУ, пришедших в университет студентами в 1984 году. Этот сборник с издательской точки зрения вырос из опыта неформального курсового машинописного («самиздатского») журнала «Штудии» (1987–1988)⁸, научно — из мате-

-
- (2007), А. Егиазарян «Грузия: структурные проблемы экономики и турецкая внешнеэкономическая экспансия (1994–2007)» (2007), С. Кордонский «Ресурсное государство» (2007), «Испания — Каталония: империя и реальность. Сборник» (2007), А. Р. Дюков «Миф о геноциде: Репрессии советских властей в Эстонии (1940–1953)» (2007), Фуад Гаджиев «Независимость де-факто: Турецкая Республика Северного Кипра» (2008), А. С. Геворкян «Три страны — три мифа: Социально-экономические и политические трансформации Казахстана, Грузии, Украины (опыт социологического анализа)» (2008), А. Дюков «Второстепенный враг. ОУН, УПА и решение „еврейского вопроса“» (2008), А. Дюков «The Soviet Story: Механизм лжи» (2008), К. Казенин «„Тихие“ конфликты на Северном Кавказе: Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия» (2009), М. А. Колеров «Война: Внешняя политика России и политическая борьба. 1999–2009» (2009).
6. Серия «Труды и дни» (2002–2004): в частности, С. Павленко «Наука ошибок. Статьи и проекты, 1994–2000», С. Кордонский «Кристалл и кисель. Е-мейлы и статьи 1989–2000», «Термидор. Сборник статей», «Апология Украины. Сборник статей», К. Казенин «Вокруг Чечни: крепок ли тыл России на Северном Кавказе? Август 2004». Серия «Тетради по философской эссеистике» (2000–2001): Н. Плотников «Deutschland? Aber wo liegt es?», К. Кобрин «Описания и рассуждения», М. А. Колеров «О необратимости настоящего», В. Малахов «Скромное обаяние расизма».
7. Философско-теоретический журнал «Синий Диван» (2002–2003, №№ 1–3).
8. Под редакцией А. Ю. Полунова, М. А. Колерова, М. Э. Курилова. № 1 вышел в свет в конце 1987 года, № 2 — в мае 1988, № 3 — в ноябре 1988. Первый номер, по-видимому, утрачен, но его содержание отчасти можно восстановить по критическому обзору публикаций первых двух номеров журнала, опубликованном в № 3 Е. Капрановой: О. Р. Айрапетов «Ленинский план строительства социализма зимой-весной 1918 года», В. Зуйков «Взгляды К. С. Аксакова на русскую государственность», М. Соломатин «„Пёстрые рассказы“ Элиана как источник по императорской оппозиции III в. н. э.», А. Ю. Полунов «Политические взгляды М. Н. Каткова в 80-е гг. XIX в.»... Примечательно, что Е. Капранова начинает свой обзор с обнаружения единой логики в подходе к редакционной политике журнала: «Редакционный манифест, предваряющий первый номер „Штудий“, провозглашает «сквозной» подход к историко-культурному процессу...» (№ 3. С. 76). Содержание № 2: М. Колеров «Теория абсолютизма: классическое наследие и современная историография истории СССР», Е. Бергер «Религиозная политика яко-бинцев и культ Верховного Существа», Г. Чудаков «Проблемные аспекты внешней политики якобинцев (1793–1794)», Ксенофонт «Государство лакедемонян» (перевод и комментарий М. Курилова). Из содержания № 3: два текста преподавателей — А. П. Швырёв «Интеллигенция и государство в XIX в. «и А. А. Левандовский «О праве на нить»; М. Колеров «Русская художественная интеллигенция»,

риала студенческо-аспирантской научной конференции о Великих реформах Александра II 1860–1870-х гг., прошедшей на историческом факультете МГУ в мае 1989 года и организованной группой студентов упомянутой кафедры.

Ослабление цензурного контроля и появившаяся возможность частного, неподцензурного издательского заказа в типографиях, особенно провинциальных, в СССР 1990–1991 года вдохновили организаторов конференции на сбор материалов для уже не машинописного, существовавшего в считанном количестве экземпляров (не более 10), а печатного и значительным тиражом изданного сборника. Составленный сборник «Россия и реформы: 1861–1881» весной 1991 года был сдан в печать в типографии г. Венёва Тульской области и оплачен выпускником факультета М. В. Стениным. Из типографии 1000 (!) экземпляров полиграфически довольно неказистого сборника вышли в начале июля 1991 года — за полтора месяца до переворота 19–22 августа 1991 года.

Нарастающий после переворота и краха СССР экономический, издательский хаос, массовое экономически мотивированное бегство практикующих исследователей из науки подтолкнули к идее продолжения сборника. Летом 1993 года он был составлен и издан в Москве тиражом порядка 500 экземпляров благодаря финансовой помощи П. Ю. Колотилина. В 1995 году последовал третий выпуск. В 1997 — четвёртый, составленный и оплаченный Н. В. Самовер. В 2002 — пятый, составленный О. Р. Айрапетовым и изданный, как и третий, попечением М. А. Колерова. Уже этот, завершающий выпуск сборника «Россия и реформы» по названию своему более не соответствовал расширившейся тематике издания и именем отдавал лишь дань традиции. В остальном — в стандартах статей и особом акценте на рецензионной части — сборник был уже готовой моделью для перехода к новому уровню издания, расширения и интернационализации его авторского состава. Как в первом, так и во всех последующих изданиях, составление, редактирование и выпуск этих научных трудов было делом частной, общественной инициативы, никак не связанной с академическими и университетскими институтами, что позволяло составителям, следуя общепризнанным научным стандартам, не ограничивать себя корпоративными рамками, требованиями объёма и пределами свободы высказывания.

В 2004 году О. Р. Айрапетов и М. А. Колеров инициировали издание полновесного научного «Русского Сборника», лишь в первом номере которого, по традиции «России и реформы», сохранялось хронологическое ограничение — «Исследования по истории

А. К. «Сюжет-идея-цвет романа Андрея Белого „Петербург“», «Е. А. Победносцева и её воспоминания» (публикация А. Ю. Полунова), М. К. «Алфавитный список студентов как исторический источник» (Московский университет, 1870/1871 гг.) А. Тырсенко «Ипполит Тэн и позитивизм», др.

России XIX–XX вв» — уже со второго выпуска уточнённое: «Исследования по истории России». В манифесте редакционного совета, к которому присоединился коллега из Великобритании Пол Чейсти, в неожиданную переключку с концом 1980-х гг. и с полным основанием к тому, звучало:

Настоящий сборник ни в чем не отступает от традиций академической науки и, напротив, определенно располагает в пространстве давних, заслуженных и плодотворных традиций исследования России. Однако составители и издатель скромно надеются, что их усилиями на суд профессиональной аудитории представляется нечто, заслуживающее отдельного внимания. Первая особенность предлагаемого „Русского Сборника“ — в том, что он, как это нечасто бывает даже сегодня, является плодом совершенно независимой, внеинституциональной инициативы, его издание не субсидируется ни одним из государственных и общественных институтов, его составление не выступает в качестве плановой работы по какой-либо грантовой или академической программе. В надеждах составителей и издателя — создание „Русского Сборника“ как самостоятельной исследовательской институции наравне с обремененными статусами и регалиями журналами, ежегодниками и т. д. Вторая особенность „Русского Сборника“ — в том, что он изначально создавался как коллективное дело исследователей России из разных стран: в этом выпуске — исследователей из России, Украины, Великобритании, Сербии, Чехии и США. Он принципиально и практически интернационален, хотя в своем языке, в том, что даже написанные на иных языках работы непременно переводятся на русский, осознанно следует предмету исследования — России. Третья и самая важная особенность „Русского Сборника“ — в отказе от преобладающей периодизации русской истории, в том, что он не разделяет единую историю России на изолированные друг от друга периоды. Очевидно, что Российская Империя, СССР и новая Россия — самостоятельные объекты для изучения. Но в фокусе текущих, предметных, неизбежно частных, не претендующих на энциклопедичность исследований (из которых, собственно и состоит актуальная наука) *преемственность, взаимосвязь и взаимообусловленность* историй имперской, советской и новой России, постимперского и постсоветского пространств — не вызывает сомнений. Они едины в прошлом, едины и в настоящем сборнике. У каждого из нас есть близкие, учителя, единомышленники и друзья, которым мы очень многим обязаны в работе и жизни. Наша святая обязанность — посвятить им наш новый труд.

С тех пор к редакционному совету, который после дебюта нового издания удостоился критической квалификации из-под пера ныне покойного авторитетного исследователя О. Н. Кена как «капитуляции» отечественной науки перед её западными образцами⁹, присо-

9. Соседство и различие в «Русском Сборнике» статей зарубежных и русских авторов, по мнению рецензента, «отражает различие между двумя школами

единились авторитетные исследователи Мирослав Йованович (Сербия) и Брюс Меннинг (США), а авторский коллектив ныне представлен историками из России, США, Турции, Армении, Сербии, Чехии, Словакии, Украины, Великобритании, Швейцарии, Белоруссии, Болгарии, Германии, Японии, Киргизии, Эстонии, Норвегии, Финляндии, Молдавии, Латвии, Польши. Ныне «Русский Сборник» выходит в Москве тиражом 500 экземпляров и одновременно публикуется для свободного доступа в интернете: www.iarex.ru/books/, до половины печатного тиража сборников неизменно распространяется на Западе, а статьи зарубежных авторов сборника включаются в их университетские библиографии задолго до физического выхода книг в свет. Понятно, в что таких условиях о «капитуляции» даже и спорить уже нет смысла. Издание стало признанной институцией и само недолгое превращение дебюта в действующую систему заставляет предполагать, что именно столь долгое, с 1987 года, созревание издания сделало возможным его столь уверенный старт.

Ниже дана роспись содержания, вероятно, наиболее яркого предшественника «Русского Сборника» — серии сборников «Россия и реформы» (1991–2002)

г. Россия и реформы: 1861–1881. [Вып. г.]

Сб. / Сост. М. А. Колеров и А. Ю. Полунов. М., 1991

[А. Ю. Полунов] Введение.

Н. В. Самовер. Воспитание Александра II (Николай I и В. А. Жуковский)

М. А. Чепёлкин. Б. Н. Чичерин и проблемы внешнеполитического курса России второй половины 1850-х гг.

С. В. Селиверстов. Собственность на землю как историко-юридическая проблема и крестьянская реформа 1866 г.

В. Р. Нахманович. Еврейский вопрос во внутренней политике Александра II.

О. Р. Айрапетов. Проблема русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и позиция Военного министерства.

мысли, между западной традицией и современным отечественным творчеством, которое освободилось от внешнего дисциплинирующего воздействия и тем, зачастую, уже вполне счастливо. Два типа исследования прекрасно сосуществуют или даже образуют симбиоз, взаимно дополняя друг друга. По существу же, это молчаливая капитуляция — не перед западной социальной наукой, а перед собственной слабостью, перед коллективной неспособностью усвоить исследовательские стратегии, адекватные поставленной задаче — объяснить „преемственность, взаимосвязь и взаимообусловленность“ российской исторической жизни и тем самым определить наше место в ней» (Олег Кен. Пределы русскости // Русский Журнал. 11 марта 2005: www.russ.ru/publishers/examination/20050310_ok.html).

А. Ю. Полунов. К. П. Победоносцев в начале 1880-х гг.: программа нравственного перевоспитания общества

М. А. Колеров. «Отщепенство» интеллигенции: от великих реформ к «Вехам»

2. Россия и реформы. Вып. 2.

Сб. / Сост. М. А. Колеров. М., 1993

Н. В. Самовер. Пушкин, Вяземский и Жуковский: три взгляда на крепостничество (1819)

М. М. Шевченко. Правительство, народное образование и государственная служба накануне Великих реформ (1849–1856)

О. Р. Айрапетов. Польское восстание 1863 года и Н. Н. Обручев.

Т. А. Тарабанова. Судебно-правовая культура крестьян пореформенной России (по материалам волостных судов)

А. Ю. Полунов. Православие в Остзейском крае и политика правительства Александра III.

О. К. Локтева. Неизвестная статья С. Н. Булгакова (1904).

А. Ю. Морозова. «Устранённые» большевики (1908–1910).

К. Н. Морозов. Б. В. Савинков и Боевая организация партии эсеров (1909–1911)

3. Россия и реформы. Вып. 3.

Сб. / Сост. М. А. Колеров. М., 1995

К. Г. Боленко, Е. Э. Лямина. А. С. Шишков и «Комитет для издания собраний, касающихся до кораблестроения и прочего» (на пути к «Беседе любителей русского слова» и Российской академии).

А. В. Кухарук. Реформирование рекрутской повинности в правление Николая I.

М. Д. Долбилов. Крестьянская поземельная собственность в политических замыслах реформаторов 1861 года.

О. Р. Айрапетов. О планировании Освободительной войны 1877–1878 гг.

А. В. Мамонов. П. А. Валуев и М. Т. Лорис-Меликов: Два взгляда на реформирование России.

П. А. Валуев. Письма к М. Т. Лорис-Меликову (1878–1880) / Публ. А. В. Мамонова.

А. Ю. Полунов. Государство и религиозное инакомыслие в России (1880 — начало 1890-х годов).

Д. А. Андреев. Кадеты в поисках союзников на выборах в IV Государственную Думу.

К истории национал-большевизма: письмо Н. В. Устрялова к П. Б. Струве (1920) / Публ. М. А. Колерова

М. А. Колеров. Новые материалы к истории полемики С. Л. Франка и П. Б. Струве (1921–1922)

4. Россия и реформы. Вып. 4.

Сб. / Сост. Н. В. Самовер. М., 1997

К. Г. Боленко. К вопросу о вкладе русской миссии в Лондоне в развитие русского флота на рубеже XVIII и XIX веков.

О. В. Эдельман. Роль личных конфликтов в складывании кризиса Южного общества декабристов (1825).

Е. В. Долгих. Проблема негативной информации в контексте менталитета административной элиты второй четверти XIX века (М. А. Корф, Д. Н. Блудов).

М. Д. Долбилов. Записка «О предметах занятий Финансовой комиссии» — первоначальная программа выкупной операции реформы 1861 года.

А. Ю. Минаков, С. Г. Нечаев и П. Н. Ткачев: К вопросу об идентификации «нечаевщины».

О. Р. Айрапетов. Англо-русское противостояние в Восточном Средиземноморье и проблема захвата Босфора в 90-х гг. XIX века.

В. В. Зверев. Марксизм и генезис неонародничества по материалам переписки В. М. Чернова с Н. Ф. Даниельсоном в конце 90-х гг. XIX века.

5. Россия и реформы. Вып. 5.

Сб. / Сост. О. Р. Айрапетов. М., 2002

О. Р. Айрапетов. Вступление.

А. А. Комзолова. Западный Комитет (1862–1864) и виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев.

А. В. Стрельников. Подготовка и принятие в 1878 году устава о воинской повинности для Великого Княжества Финляндского.

А. В. Ганин. Проблемы казачества начала XX века в освещении журнала «Военный сборник» (1900–1914).

В. Б. Каширин. Болгария и стратегическая обстановка на Балканах накануне первой мировой войны (по донесениям русской военной разведки).

М. Ю. Морук. Подготовка партизанского движения в СССР и советские спецслужбы (1921–1945).

- А. Ю. Ермолов.* Эвакуация в 1941 году на примере предприятий Наркомата танковой промышленности.
- А. В. Ганин.* [Рец.:] Казачьи войска Азиатской России в XVIII — начале XIX века (Астраханское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Уральское). Сб. / Сост. Н. Е. Бекмаханов. М., 2000.
- П. В. Ильин.* [Рец.:] Восстание декабристов. Документы: Дела Верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. XIX / Сост. К. Г. Ляшенко, О. В. Эдельман. М., 2001.
- В. Б. Каширин.* [Рец.:] Е. Ю. Сергеев, Ар. А. Улунян. Не подлежить оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914 гг. (информация — анализ — прогноз). М., 1999.
- А. А. Кононов.* [Рец.:] Каннибализм в блокированном Ленинграде: новые данные: А. Р. Дзенискевич. Бандитизм (особая категория) в блокированном Ленинграде // История Петербурга. 2001. № 1.
- «Россия и реформы»: содержание предыдущих выпусков.

М. А. Колеров

Сведения об авторах

- Адамска Магдалена** (Magdalena Adamska) — хранитель Кабинета гравюр Научной библиотеки Польской академии наук и Польской академии художеств (Краков, Польша).
- Алпеев Олег Евгеньевич** — аспирант Российского Государственного Гуманитарного Университета (Москва)
- Бендин Александр Юрьевич** — кандидат исторических наук, доцент Института теологии Белорусского государственного университета (Минск)
- Гайда Федор Александрович** — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета (Москва)
- Гарабедян Агоп** — доктор исторических наук, директор Института балканистики Болгарской Академии Наук (София)
- Дмитриев Виктор Афанасьевич** — профессор русского языка и литературы, Университет штата Оклахома (США)
- Зименко Елена Владиславовна** — заведующая сектором графики Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва).
- Йованович Мирослав** (Miroslav Jovanović) — профессор исторического факультета Белградского университета (Сербия)
- Кацис Леонид Фридович** — доктор филологических наук, профессор Российского Государственного Гуманитарного Университета (Москва)
- Колеров Модест Алексеевич** — кандидат исторических наук (Москва)
- Куяла Антти** (Antti Kujala) — доктор, преподаватель исторического отделения Университета Хельсинки (Финляндия)
- Мещеряков Александр Николаевич** — доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва)
- Муханов Вадим Михайлович** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра кавказских исследований МГИМО(У)МИД России (Москва)

Пученков Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории культуры, государства и права гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета (Санкт-Петербург)

Резвых Татьяна Николаевна — кандидат философских наук. научный сотрудник и ответственный хранитель коллекции «Мемориальная библиотека» Мемориального Дома-музея С. Н. Дурылина (Болшево, Московская область)

Стейнберг Джон У. (John W. Steinberg) — профессор истории (Georgia Southern University, США)

Эдельман Ольга Валериановна — кандидат исторических наук, сотрудник Государственного Архива Российской Федерации (Москва)

Юдин Евгений Евгеньевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Московского педагогического государственного университета

**Свод содержания «Русских Сборников»
(2004–2011, I–X)**

- I** — Русский Сборник: Исследования по истории России XIX–XX вв. Том I / Ред. –сост. М. А. Колеров, О. Р. Айрапетов, Пол Чейсти. М., 2004.
- II** — Русский Сборник: Исследования по истории России. Том II / Ред. –сост. О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. М., 2006.
- III** — Русский Сборник: Исследования по истории России. Том III / Ред. –сост. О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. М., 2006.
- IV** — Русский Сборник: Исследования по истории России. Том IV. / Ред. –сост. О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. М., 2007.
- V** — Русский Сборник: Исследования по истории России. Том V / Ред. –сост. О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. М., 2008.
- VI** — Русский Сборник: Исследования по истории России. Том VI / Ред. –сост. О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. М., 2009.
- VII** — Русский Сборник: Исследования по истории России. Том VII: Военная политика императора Николая I / Ред. –сост. О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. М., 2009.
- VIII** — Русский Сборник: Исследования по истории России. Том VIII / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. М., 2010
- IX** — Русский Сборник: Исследования по истории России. Том IX / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. М., 2010
- X** — Русский Сборник: Исследования по истории России. Том X / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. М., 2011

- Ваагн Аглян.* О формировании Армянского корпуса (1917–1918). VI
- Магдалена Адамска:* Гравированные и литографированные портреты из коллекции Ф. Ф. Вигеля (Польша) из собрания Научной библиотеки МГУ. М., 2008. Е. В. Зименко: Post scriptum. X
- О. Р. Айрапетов.* Контекст одной пропагандистской акции 1914 года. I
- О. Айрапетов:* М. М. Блиев. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М., 2004. II
- О. Р. Айрапетов:* К. Б. Назаренко. «Мозг» флота России от Цусимы до Первой мировой войны. СПб., 2006. V
- О. Р. Айрапетов:* В. В. Поликарпов. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008. VI
- О. Р. Айрапетов.* Немецкий погром в Москве в июне 1915 г. в контексте боев на внешнем и внутреннем фронте. VIII
- О. Р. Айрапетов:* У. Фуллер. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009. IX
- Халил Дюндар Акарджа.* Трабзон становится Трапезундом: превращение османского города в русский во время Первой мировой войны. VIII
- А. И. Акманов.* Законодательные инициативы и нормативные акты о землевладении башкирских общин в XIX — начале XX вв. I
- В. Акопян:* М. А. Колеров. Без СССР: «Ближнее зарубежье» новой России и «задний двор» США. М., 2008. VI
- Виктор Аксютин.* Из воспоминаний. Беловежский переворот (1991). Расстрел парламента (1993). IX
- Ю. Г. Алексеев.* Кампания 1480 г. II
- Ю. Г. Алексеев.* Первая Свейская война 1495–1497 гг. V
- О. Е. Алтеев.* На пути к Каннам. Планирование «похода в Восточную Пруссию» в штабе Варшавского военного округа (1872–1914). X
- Рето Барметтлер.* Жомини и русско-турецкая война 1828–1829 гг.: фрагмент биографии. VII
- А. Ю. Бендин.* Религиозно-этнические противоречия и конфликты на территории Северо-Западного края Российской империи (вторая половина XIX — начало XX вв.). VIII
- А. Ю. Бендин.* Российская империя и Католическая церковь: борьба за этническую идентичность белорусов Северо-Западного края (1863–1914). X
- Г. Н. Бибииков:* Clive Emsley. Gendarmes and the State in Nineteenth-Century Europe. Oxford, 1999; Gendarmerie, État et société au XIXe siècle. Paris, 2002. VI
- Г. Н. Бибииков.* Инструкция жандармам 1827 года по контролю за набором рекрутов. VII
- Г. Н. Бибииков:* Д. И. Олейников. Бенкендорф. М., 2009. IX
- К. Г. Боленко.* Комитет для издания собраний, касающихся до кораблестроения и прочего (1799–1804). IV
- Ю. Борисёнок:* Antoni A. Kamiński. Apostoł prawdy i miłości. Filozoficzna młodość Michaiła Bakunina. Wrocław, 2004. II
- Ю. Борисёнок:* К. В. Никифоров. Самопровозглашенные государства на территории бывшей Югославии. М., 2005. III
- Д. С. Брыков.* Русско-шведские отношения в период первой мировой войны: военно-политический аспект (1914 — февраль 1917). V
- Джон Бушнелл.* Борьба за невесту: Крестьянские свадьбы в Рязанском уезде 1690-х гг. II
- Ю. Викторов:* Переяславська рада 1654 року: Історіографія та дослідження. К., 2003. II
- Михаил Волхонский:* В. М. Муханов. Покоритель Кавказа князь А. И. Барятинский. М., 2007. IX
- Ф. А. Гайда:* А. Б. Николаев. Государственная Дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002. IV
- Ф. А. Гайда:* А. С. Карцов. Русский консерватизм второй половины XIX — начала XX века (князь В. П. Мещерский). СПб., 2004. V
- Ф. А. Гайда:* А. И. Солженицын. Размышления над Февральской революцией. М., 2007. VI
- Ф. А. Гайда:* И. В. Алексеева. Последнее десятилетие Российской империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте. 1907–1917 годы. М.; СПб., 2009. X
- А. В. Ганин.* Вожди антибольшевистского движения оренбургского казачества в Николаевской Академии Генерального штаба, 1901–1914 гг.: опыт историко-психологического исследования. I
- А. В. Ганин.* Оренбургские казаки в борьбе с революционным движением в Поволжье и на Урале в 1905–1908 гг. III
- А. В. Ганин.* Последняя полуденная экспедиция Императорской России: Русская армия на подавлении туркестанского мятежа 1916–1917 гг. V
- А. В. Ганин.* В треугольнике Ленин — Троцкий — Сталин: Новые исследования о «деле» Полевого штаба. Приложение: Новые документы о «деле» Полевого штаба. IX
- Агон Гарабедян.* Формирование армянской общины и её роль в развитии Болгарского государства. IX
- Агон Гарабедян.* Сотрудничество и совместные действия армянского и болгарского освободительных движений в конце XIX и начале XX века. X

М. М. Гершзон. Министерство культуры СССР в 1953–1963 гг. VIII

А. А. Горчаков. Вступление России в ВТО: влияние на наукоемкий сектор экономики. III

Кристоф Гумб. Армия и общество: новые подходы к старой проблематике. IX

Мирослав Даниш. Словаки и Россия: политические концепции и планы в 1900–1917 гг. III

Д. М. Демурин. Русско-английское соглашение 1907 года и противостояние России и Великобритании в Персии накануне Первой мировой войны. V

В. А. Дмитриев. В. В. Янцен. Неизвестный Чижевский. Обзор неопубликованных трудов. СПб., 2008. X

Далибор Денда. Русские беженцы в югославской армии, 1919–1941: к вопросу о деятельности русской эмиграции в Югославии. VI

И. Добривоевич: Горан Милорадовић. Карантин за идеје. Логори за изолацију «сумњивих елемената» у Краљевини Срба, Хрватска и Словенаца 1919–1922. Београд, 2004. II

Пол Дьюкс. Родерик Мерчисон на Урале. VIII

Александр Дюков. Советские репрессии против прибалтийских коллаборационистов Гитлера: новые документы (1943–1946). V

Е. Евсеева: Симон Кордонский. Кристалл и кисель: e-мейлы и статьи 1989–2000. М., 2002. III

А. Ю. Ермолов. Состояние производственной базы наркомата танковой промышленности и проблема модернизации выпускаемой наркоматом продукции в 1942–1944 годах. I

Ёкотэ Синдзи. И. М. Майский в Японии в 1927–1929 гг. IX

С. Е. Заславский: Paul Chaisty. Legislative Politics and Economic Power in Russia. Oxford, 2006. V

В. Зотов: Ф. Ангели. Гагаузская автономия. Люди и факты (1989–2005 гг.). Кишинев, 2006. V

В. Зотов: Фундамент Великой Молдовы. Как рождается новая национальная идеология. Кишинёв; Одесса, 2008. VI

Д. Н. Иванов. Черноморский флот и турецко-египетский конфликт во второй половине 1830-х годов. VII

К. В. Иванов. Дальний Восток в русской военной печати конца XIX — начала XX века. VI

К. В. Иванов. Ликвидация Корпуса кондукторов флота на Черноморском флоте в 1917 году. VIII

Э. К. Илибегова. Проблемы трудовой миграции в Киргизии (данные 2006 года). V

Файзулхак Ислаев: Б. Р. Рахимзянов. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009. IX

Мирослав Йованович. Идея лихорадочная и дутая: манифест «Михаила Александровича» (Один несостоявшийся эпизод гражданской войны). I

Мирослав Йованович. Сербия (Югославия) между большевиками и белыми генералами, или о дипломатическом признании Колчака. II

Ю. В. Казанова. Русская военно-инструкторская миссия в Македонии: формирование и начало работы. (Из истории реализации Мюрцштегской программы). VI

К. Казенин: С. Х. Хотко. Очерки истории черкесов от эпохи киммерийцев до Кавказской войны. СПб., 2001. II

В. Н. Казимиров. Мир Карабаху (наброски к анатомии урегулирования). II, VI

Л. А. Карабешкин: Русско-литовский и литовско-русский словарь общественно-политической и дипломатической лексики / Сост. В. Ю. Михальченко. М., 2008. VIII

Александр Каревин: Т. Г. Таирова-Яковлева. Мазепа. М., 2007. IX

Леонид Кацис. О псевдонимах раннего Владимира Жаботинского в журнале «Освобождение» (1903–1905). X

В. Б. Каширин. Агентура полковника Б. А. Семенова (из истории деятельности русской военной разведки в Румынии в годы Первой мировой войны). I

В. Б. Каширин. Неотвращенная катастрофа союзника: Борьба на Балканском фронте в 1914–1915 гг. в суждениях русского военного агента при сербской Верховной Команде. III

В. Б. Каширин: Е. В. Клюкин. Юго-Западная Кавказская республика: Очерк политической истории. СПб., 2002. IV

Катриона Келли. Лаборатория по выработке рабочих писателей: стенгазета, «культурность» и политический язык в ранний советский период. I

Катриона Келли. «Спасибо за замечательную книгу»: советские дети-читатели и организация детского чтения в 1950–1975 гг. V

Ибрагим Кёремезли. Турецкая оборона на Дунайском театре военных действий (1853–1854). VII

Ким Ен-Су. Русские военные инструкторы в Корее и корейская армия. II

А. А. Колеватов. Организация и развертывание Слободско-Украинских военных поселений в 1817–1832 гг. I

М. А. Колеров. Политическое дежавю оппозиции: голод 1921-го как голод 1891 года. I

- М. Колеров:* П. Полански. Русская печать в Китае, Японии и Корее: Каталог собрания Библиотеки имени Гамильтона Гавайского университета. М., 2002. I
- М. А. Колеров.* Непризнанные государства бывш. СССР в контексте Балкан и Черноморского региона: Тезисы к постановке проблемы. II
- М. Колеров:* Стивен Коэн. Можно ли было реформировать советскую систему? М., 2005. III
- М. Колеров:* История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950: Собрание документов в 7-ми томах. М., 2004—2005. IV
- М. К.* Капитуляция перед Зюгановым: инициатива 13-ти предпринимателей в зеркале русских СМИ (1996). IV
- М. А. Колеров:* Артур Цуциев. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774—2004). М., 2006. V
- М. А. Колеров.* На пути к лояльности: «Декларация трудовой интеллигенции» (1920). VI
- М. Колеров.* Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921—1923 / Сост. В. Г. Макаров, В. С. Христофоров. М., 2005. IX
- М. К.* Н. Петров, М. Янсен. «Сталинский питомец» — Николай Ежов. М., 2008
- М. К.* И. В. Быстрова. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930—1980-е годы). М., 2006. IX
- М. А. Колеров.* К вопросу о достоверности статистики сталинских репрессий. X
- А. А. Комзолова.* Просвещение Юго-Западной Руси: письма П. А. Безсонова к князю В. А. Черкасскому (1864). IV
- Р. В. Кондратенко.* Военные порты России на Тихом океане в XVIII—XIX веках. VI
- Р. В. Кондратенко.* К вопросу о регулировании корабельного состава Балтийского флота во второй четверти XIX века. VII
- Юрий Коргунок.* Становление партийной системы в современной России. Эпизод первый: от однопартийной системы к флуктуационной (1989—1991). IV
- Ю. Г. Коргунок:* В. Л. Шейнис. Взлёт и падение парламента. Переломные годы в российской политике (1985—1993). М., 2005; А. В. Шубин. Преданная демократия. СССР и неформалы (1986—1989). М., 2006. IV

- Б. Косарев:* В. В. Дудихин, О. В. Дудихин. Конкурентная разведка в интернет. М., 2004. III
- В. Косик:* М. Йованович. Русская эмиграция на Балканах 1920—1940. М., 2005. IV
- В. В. Крестьянников.* Белая контрразведка в Крыму в гражданскую войну. I
- В. В. Крестьянников.* Демократизация Черноморского флота в 1917 г. и события 23 февраля 1918 г. в Севастополе. III
- А. А. Кривошолов:* Frederick W. Kagan. The military reforms of Nicholas I. The origins of the modern Russian army. N. Y., 1999. IV
- А. А. Кривошолов.* Фельдмаршал И. Ф. Паскевич и проблема стратегии России в Восточной войне 1853—1856 гг. VII
- Том Кристиансен.* «Русские губят нас; они лишают нас средств к пропитанию...»: Русско-норвежские отношения на Крайнем Севере до 1820 года. VIII
- А. С. Кручинин.* Белогвардейцы против оккупантов: из истории Добровольческой армии (1918). I
- А. С. Кручинин.* Генерал А. И. Деникин и атаман Г. М. Семенов — оппоненты или единомышленники? (К вопросу об условности понятий «оборончество» и «пораженчество»). III
- Роберт Крюс.* Империя и конфессиональное государство: Ислам и религиозная политика Российской империи в XIX веке. II
- А. В. Кухарук.* Реформирование армии правительством Николая I в 1830-е гг. VII
- Антти Куяла.* Финские «реформы» российского правительства и противоречия внутри правящей элиты, 1908—1914. II
- Антти Куяла.* Японский Генеральный штаб и вопрос о согласованных антиправительственных действиях в Российской империи, 1904—1905. X
- М. В. Лескинен:* Два лика России. Образ России как фундамент финской идентичности / Под ред. Тимо Вихавайнена. СПб., 2007. VI
- Доминик Ливен.* Россия и наполеоновские войны: первые мысли новичка. IV
- Н. В. Лукина.* От «книг для народа» к очеркам непосредственных наблюдателей: русские авторы о Сербии и сербах в конце XIX — начале XX в. IV
- П. М. Ляшук.* Загадка генерала Мак-Магона (Эпизод из истории обороны Севастополя, 1854—1855). II
- П. М. Ляшук.* Строевые офицеры Черноморского флота, погибшие при защите Севастополя в 1854—1855 гг. VII

Артак Магальян. Арцахские меликства и возникновение Карабахского ханства. VIII

Дэвид Мак-Ларен Мак-Дональд. Размышления о понятии «глушь»: провинция, государство и дворянство в России. V

С. Нейл Макфарлен. Россия, расширение НАТО и укрепление демократии на европейском пространстве. IX

О. В. Маринин. Николай I в Москве: По неопубликованным воспоминаниям А. Х. Бенкендорфа. VI

Стивен Дж. Маркс. «Браво, храбрый тигр Востока!» Русско-японская война и подъём национализма в британском Египте и Индии. IV

А. Г. Матвеева: R. B. Birn. Die Sicherheitspolizei in Estland 1941–1944. Paderborn, München, Wien, Zürich, 2006. V

З. У. Махмудова. Взаимодействие этноконфессиональных общин в городской среде: Дербент XIX века. II

З. У. Махмудова: Артур Цуциев. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006. IV

Икуко Мацумото. Ота Какумин (1866–1944), настоятель буддийского храма во Владивостоке: Взгляд на Россию, СССР и Японию. V

Николай Межевич. «Оккупация» и континуитет: к вопросу о происхождении государственности Прибалтийских стран. V

Брюс В. Меннинг. Скромные итоги десятилетия: Русская и советская военная история после Холодной войны. I

Брюс В. Меннинг. А. И. Чернышев: русский Ликург. VII

Брюс В. Меннинг. Тяжело в учении — легко в походе: наследие А. В. Суворова и его «Наука побеждать». IX

А. Н. Мецгеряков: Я. А. Шулатов. На пути к сотрудничеству: российско-японские отношения в 1905–1914 гг. Хабаровск; М., 2008. X

Горан Милорадович. Подарки Сталина (Тематика югославского художественного фильма, 1945–1955 гг.). I

Горан Милорадович. Роман Замятина «Мы»: между историей и утопией. V

Эндрю Монаган. Великобритания — Россия: в разные стороны? IX

В. М. Муханов. О бедном Кавказе замолвите слово: о творчестве З. Х. Ибрагимовой. X

Ю. А. Наумова. Ранение, болезнь и смерть в повседневности русских войск в Крымскую войну. VII

З. С. Ненашева. Начало эмиграции чехов в Россию в середине XIX века. III

Владимир Никольский: А. Р. Дюков. Милость к падшим: Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике. М., 2009. IX

Д. С. Новоселов. «Все моё несчастье в том, что я рано начал работать и печататься...» О судьбе художника К. П. Ротова. V

Г. Нозадзе: Илья Заславский. Дело труба: Баку-Тбилиси-Джейхан и казахстанский выбор на Каспии. М., 2005. III

Джулия Ньютон. Кратчайший путь в великие державы: Франция и Россия в поисках мультиполярности. IX

И. А. Павловский: Март Лаар. История Эстонии с высоты птичьего полета. Таллин, 2005. IV

Джудит Паллот. Конструирование рационального ландшафта в позднеимператорской России. I

Николас Папастратигакис. Британская стратегия: русский флот и черноморские Проливы, 1890–1904. IX

Уильям Партлетт. Культурная война в сельской школе: Калужский школьный комплекс С. Т. Шацкого в 1919–1927 гг. III

М. Ю. Планида: Терроризм и политический экстремизм: вызовы и поиски адекватных ответов. Сб. ст. М., 2002. IV

Йоханан Петровский-Штерн. Николай I и еврейская рекрутчина: новые контексты. VII

С. М. Половинкин: В. В. Розанов, П. А. Флоренский и «кровавый навет». VIII

А. С. Пученков. Национальная политика Деникина (лето 1918 — весна 1920). VIII

Александр Пученков. «Историк» против Василия Шульгина: о фильме «Перед судом истории» Фридриха Эрмлера (1965). X

Парадорн Рангсимапорн. Российские представления о китайской демографической экспансии. I

Дональд Райт. Русская армия и столетний юбилей войны 1812 года. IV

Р. Н. Рахимов. Башкиры в наполеоновской Европе. IV

Р. Н. Рахимов. Отдельный Оренбургский корпус: проекты и реалии воюющей окраины в николаевскую эпоху. VII

Татьяна Резвых. Два обновленчества: справа и слева (проблема формирования идеологии обновленческого раскола и Карловацкого движения). II

Татьяна Резвых. «Слух узнаёт знакомого певца»: Переписка С. Н. Дурьлина и Е. П. Казанович (1928–1939). X

Н. В. Самовер: О. Ю. Солодянкина. Иностранцы гувернантки в России. М., 2007. VI

И. Сапожникова: Елена Борисёнок. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М., 2006. IV

Р. А. Сетов: Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего / Отв. редактор С. А. Караганов. М., 2007. V

Р. А. Сетов. Место России в «геостратегических сценариях» XXI века: общая теория международных отношений против геополитического трагизма. VIII

Джералд Скиннер. Россия и её восприятие Западом в XX веке. IX

А. А. Смирнов. «Рассолдаченная» армия: к вопросу о сломе русской военной традиции после 1917 года. I

А. Смирнов: М. М. Шевченко. Конец одного Величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. II

А. А. Смирнов. О подлинном облике Г. И. Кулика как военного деятеля. IV

А. А. Смирнов. О влиянии чистки Красной Армии в 1937–1938 гг. на действия советских войск в боях у озера Хасан. VI

А. А. Смирнов: Мильбах В. С. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (Краснознаменный Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. СПб., 2007. VI

Н. Н. Смолин. Дружины Государственного Подвижного ополчения 1855–1856 гг. VII

Н. А. Соколова. Укоренение рода Пестелей в России: новые источники. VI

Дэвид Сондерс. Русская революция 1905 года на берегах Тайна. III

Джон У. Стейнберг. Влияние Д. А. Милютина на образование русских военных офицеров. X

Б. Степанов: Г. Гусейнов. Карта нашей Родины: идеологема между словом и телом. Helsinki, 2000. I

Е. А. Степанова. Ни мира, ни войны: МИД России и сербо-болгарский спор (1913). IV

Е. Б. Стрилюк. П. А. Столыпин и еврейский вопрос в России. I

С. Н. Тарасов: М. Волхонский, В. Муханов. По следам Азербайджанской Демократической Республики. М., 2007. VIII

С. Н. Тарасов: Ашот Егиазарян. Турция и Россия во внешнеэкономических отношениях Азербайджана (1995–2006). Ереван; М., 2007. VIII

А. Ю. Тимофеев. Русская эмиграция и Гражданская война в Югославии, 1941–1945. VI

О. М. Тупицын. К вопросу о «немецком засилье» и «невежестве» в МИД России второй четверти XIX в. VI

А. И. Филлюшкин: Ю. Г. Алексеев. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. IX

А. М. Фомин: М. Волхонский, В. Муханов. По следам Азербайджанской демократической республики. М., 2006. VI

Энтони Хейвуд. Зарубежная заготовительная деятельность Царского правительства в Первую мировую войну: Импорт железнодорожного оборудования. II

Энтони Дж. Хейвуд. «Самый катастрофический вопрос»: железнодорожное строительство и военная стратегия в поздней имперской России. VI

Николаос А. Хрисицидис. Аристотель Иезуитов в России XVII века: космология и планетная система в Славяно-Греко-Латинской Академии. V

Джеймс Хьюз. Отношения ЕС — Россия: партнерство или асимметричная взаимозависимость? IX

К. В. Шевченко. Русинский вопрос и политика Чехословакии в межвоенный период. I

К. В. Шевченко. «Война с Сербией не должна стать международной катастрофой»: канун Первой мировой войны в чешской прессе. III

К. Шевченко: Milan Sládek. Němci v Čechách. Německá menšina v Českých zemích a Československu 1848–1946. Praha, 2002. III

К. В. Шевченко. «Играть в Беларусь...» (Владимир Мацкевич. Вопреки очевидности. СПб., 2006). VI

К. В. Шевченко. Как у русинов-лемков ампутировали родину: Операция «Висла» (1947). VIII

Кирилл Шевченко: А. Бобраков-Тимошкин. Проект «Чехословакия». Конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике (1918–1938). М., 2008. IX

М. М. Шевченко. Славянский вопрос глазами русского правительства в 1842 году: С. С. Уваров и К. В. Нессельроде. I

М. М. Шевченко. Записка С. С. Уварова о крепостном праве в России (1830/1831). II

М. М. Шевченко: В. В. Дегоев. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004. V

М. М. Шевченко. Проблема николаевского военного наследия после Крымской войны. VI

А. Л. Шемякин. Генерал М. Г. Черняев и Сербская война. II

Гарольд Шукман. Русские евреи и призыв в Британии (1917). VIII

- Я. Шулатов:* Ито Юкио. Конституционное государство в Японии и русско-японская война (1898–1905). IV
- В. В. Чарский:* Прот. Димитрий Сидор. Грамматика Русиньског Языка. Ужгород, 1996–2005. IV
- А. Чаус:* Идея правовой держави: історія і сучасність. Київ — Луганськ, 2002; Идея правовой держави: історія і сучасність. Луганськ, 2004. III
- Пол Чейсти.* Причины институциональной стабильности Второй Государственной Думы (1996–1999). I
- Пол Чейсти:* George W. Breslauer. Gorbachev and Yeltsin as Leaders. Cambridge, 2002; Andrew Felkay. Yeltsin's Russia and the West. Westport, 2002. I
- П. Чейсти:* Herbert J. Ellison. Boris Yeltsin and Russia's Democratic Transformation. Seattle, 2006. V
- П. Чейсти:* Byron Moraski. Elections by Design: Parties and Patronage in Russia's Regions. 2006. V
- О. Эдельман:* В. М. Бокова. Эпоха тайных обществ: Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003. I
- О. Эдельман:* Гертрауде Бахманн. Герцогиня Мария Саксен-Кобургская и Готская, урожденная герцогиня Вюртембергская. 1799–1860: Жизнь между Россией и Германией. СПб., 2004. VI
- О. В. Эдельман.* На следующий день после 14 декабря: Николай I и его гвардия. VII
- О. Эдельман:* Ираклий Церетели. Впечатления детства / Сост. А. П. Ненарокова. М., 2006. X
- Д. В. Эйдук, Д. Г. Янченко:* А. В. Ремнев. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков. Омск, 2004. VIII
- Г. Энгельгардт:* R. F. Baumann, G. W. Gawrych, W. E. Kretchik. Armed Peacekeepers in Bosnia. Fort Leavenworth, 2004. V
- Е. Е. Юдин.* Городские владения князей Юсуповых в 1890–1914 гг.: традиции дворцовых резиденций и стратегия экономического прагматизма. X
- Д. А. Юрьев.* Неизвестные отцы: Как делали Конституцию для России (1990). Воспоминания. IV
- К. М. Ячменихин.* Военные поселения при императоре Николае I. VII

* * *

Исторические сборники «Россия и реформы» (Москва, 1991–2002).
Указатель содержания. X

~

Русский сборник. Том X

Редакторы-составители
*О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович,
М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти*

Издатель МОДЕСТ КОЛЕРОВ
Издательский дом «Регнум»
Москва 123001, Трехпрудный пер., д. 11–13, стр. 1
kolerov@regnum.ru

Наши книги в Интернете: www.easterum.com

Подписано в печать 22.03.2010. Формат 700×100/16.
Гарнитура Old Standard (© А. Крюков, 2006).
Объем 39,3 усл. печ. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ППП «Типография „Наука“». Заказ № 000

